

Исток бесчеловечности

Побеждённый непобедим.
К. Понедельник

И долго я стоял у речки,
И долго думал, сняв очки:
«Какие странные
Дощечки
И непонятные
Крючки!»
Д. Хармс

Глава 1. Зверь из ямы

1

Рен Штиллер, ключник, возвратившийся из обязательного для его цеха кругосветного путешествия, вежливо постучался в ворота столицы, города Лена Игел.

Широкие Тролльи Ворота сразу, без размышлений, отворились, и Рен облегчённо выдохнул. Лена оказалась не против, старая ведьма! Значит, там, внутри, в городе из плоти мёртвой колдуньи, неустанно следящей за своим последним великим творением, для молодого мастера имелось жильё. Хорошо бы не подвал. Пусть маленькая, но уютная комната с балконом или с видом на Запретные Воды... Ладно, не всё сразу. Со временем надо будет поколдовать в этом направлении. Ключник оставил Вокзал за спиной, шагнул внутрь, и ворота, не нуждающиеся в охране, захлопнулись.

Вряд ли кому-то ещё сегодня удастся повернуть подобный фокус. Торговый люд пользовался Зрячей Дверью, расположенной ближе к пристани. Там их видел Глаз Государя, можно было с порога уплатить пошлины, передать сообщение, оставить товар под присмотром. Родичей ленаигелские встречали у ворот, заботливо удерживая двери, чтоб те не поддали по копчику. Мастеровые прикладывали к стене, серой и шершавой, как кость, свои цеховые перстни. У Штиллера тоже был такой. Собственно, так ему и стоило поступить: приложить и войти. Но нельзя же было не испытать судьбу! Постучи, рассказывали люди, и ведьма слегка пробудится от своего смертного сна, и примет решение: позволить пришельцу распоряжаться частью её плоти или отказать.

Чем же ему, новоиспечённому ключнику, удалось заинтересовать Лену Игел? Хорошо, если его не приняли за кого-нибудь другого... Гость с нервно подёргивающимся ртом, предполагая у себя на лице доброжелательную улыбку, крепко сжал сумку с бесценными инструментами. Он пересёк пустующую в тот день базарную площадь, зашагал вверх по улице, названия которой не запомнил, на ходу превращаясь в жителя столицы. Куда идти прежде всего? На легендарную Треугольную Площадь с дворцами и особняками Островитян? Над косыми, похожими на сцепленные пальцы, крышами их было видно издалека в мягком закатном сиянии. Чудеса древности больше не напоминали пряничные домики: они подавляли, наводили на мысли об окаменевших чудовищах. Хотелось приблизиться к тёмным гигантам медленно,

благоговейно, рассмотреть внимательно и представить себе, как эти шедевры зародились и росли. В Подмостье, весёлый квартал над водой, стоило сходить, когда в карманах вновь заведётся плотва: путешествие совершенно истощило запасы наличности, оставалось немного на ужин и сон. «Именно о них стоит позаботиться», — ненавидя сам себя за унылую практичность, решил ключник. И немедленно оказался в трактире «Слепая рыба». Если не обманывали бродяги в Приводье и в Сухоземе, это местечко само по себе заслуживало статуса столичной достопримечательности. Тут назначали неформальные встречи мастера всевозможных гильдий — как признанных, так и незаконных. Еду подавали недорогую, вкусную и разнообразную. Порой даже редкие дары Вод. Владели таверной Ларс и его невидимая спутница Ребекка. Рассказывали: только засидишься в «Рыбе» — и туда заглянет вор, разоривший вашу фамильную сокровищницу, или незнакомка, навещающая во сне, сбежавший должник или сам Король со свитой. Штиллер, хоть и повидал мир, но в пути почти не поднимал глаз от инструментов, заковыристых замков и редких ключей. А в «Рыбу» зашёл — сам не понял, зачем. За чудом, что ли. Чтобы услышать: «Вот наконец-то и ты!»

Дверь в таверну он попытался распахнуть с самоуверенным видом повидавшего мир бродяги. Но, поборовшись с медной ручкой в виде щучьей головы, сообразил: тянуть, а не толкать — и возник на пороге, скорее, как одержавший нежданную победу.

Перед немногочисленными посетителями предстал молодой приезжий невысокого роста, темноволосый и по-провинциальному коротко стриженный. Его правильные, непримечательные черты лица располагали к доверию — или свидетельствовали о том, что их обладатель сам склонен беспричинно доверять людям. Тёплая потрёпанная куртка без капюшона, штаны без модной вышивки, старые рыбацьи сапоги убеждали, что приезжий вырос на Побережье и привык не к роскоши, а к непритязательному удобству. Впрочем, цеховая сумка на плече — дорогая, серая с зелёным тиснением — позволяла предположить, что плотва в карманах гостя всё-таки водится.

Выдающейся оказалась только улыбка новоприбывшего. Когда и без того широкий рот его безо всякой видимой причины разъехался в стороны, показывая здоровые зубы, весёлые глаза прищурились, на подбородке обозначилась детская ямка — всё круглое лицо гостя выразило замечательное удовольствие. Такие умиротворённые физиономии встречались, кажется, только у старомирских храмовых зверей. «Да и у тебя тоже всё в порядке! Правда-правда!» — убеждала такая улыбка.

Чужака охотно поприветствовали, но приглашать за свой стол не торопились. Такой до неприличия радостный тип мог оказаться и ночеградским мошенником, торговцем шушунами.

Получив ароматную дымящуюся тарелку легендарной ухи, избавляющей от усталости, душевных ран и некоторых проклятий, Штиллер выбрал угловой стол с самым лучшим обзором. И

предоставил желудку право знакомиться с чудесами столицы, пока ноги отдыхали под лавкой на брошенном кем-то мешке.

— Что, мастер-ключник, всё Приводье объехал? — Ребекка, невидимая хозяйка, положила рядом с тарелкой ломоть свежего, тёплого хлеба. Рен кивнул, выражая восхищение повару, с опасной для жизни скоростью прихлёбывая суп.

— Так уж не торопись, на вторую тарелку у тебя ни плотвы в кармане, ни места в животе не хватит, — и прохладная призрачная рука похлопала гостя по плечу. Он вздрогнул, как дурак, и решил, что обидел трактирщицу. Но Ребекка только хмыкнула покровительственно и отошла, сразу забыв о госте.

В «Рыбу», ослепляя золотыми жилетками и самоцветами на сапогах, ввалилась толпа гномов-ювелиров из Города Ночь. Те были, несомненно, старыми знакомыми хозяев и сразу отправились в погреб выбирать вино. На жаровню метнулась вырезка медвервольфа.

Ларс всё это время сидел напротив одной гостьи, как бы невзначай загораживая её от входящих. Рен заметил: на пороге время от времени появлялись посетители, вытягивали шеи, толкали друг друга в бока, мотали головами и даже стряхивали пыль с рукавов, что вроде бы должно усмирять мелких бесов. И удалялись, тихонько притворив дверь.

Штиллер ел и пялился на гостью, виновницу всеобщего смятения. Ему вначале подумалось, что они встречались. Но этого, конечно, никак быть не могло.

Судя по вычурному наряду, модной змеиной коже в светлых волосах, дорогим перстням и редкой старомирской внешности без примеси нелюдской крови, дама принадлежала семье Островитян. Да что там, могла быть даже королевой инкогнито, будь его величество женат. Рен, потомственный ключник, ни с кем подобным дел не имел — пока, во-всяком случае. Он ещё сменит замки на Треугольной Площади и в каждой столичной гильдии! Тем не менее что-то в высокомерном, напряжённом лице женщины казалось знакомым и даже родным. Её хотелось обнять, как двоюродную тётку Агниссу. Вдруг гостя выглянула из-за сгорбленной спины трактирщика и подмигнула ему.

— Хей! — позвал насмешливый голос. — Иди сюда, молодой мастер. Погадаю!

— Оставь, Фенна, — услышал Рен мрачный, почти угрожающий ответ хозяина «Рыбы». — Паренёк — явно не тот, кто тебе нужен.

- Ларс, Ла-а-арс!.. — в пронзительном голосе гостя зазвучали гнусные, непристойные интонации портовой гадалки, торгующейся с рыбаками о пророчестве на ночь. — Он может явиться кем угодно. Чем угодно. Он может дюжину дней спать у тебя под лавкой и таскать корки со стола, пока я не замечу.

«Мешок» резко шевельнулся под ногой ключника, так что тот чуть ложку не упустил. Рен аккуратно убрал ногу и ждал удобного момента, чтобы заглянуть под стол.

— Да, да, Фенна, мы, персонал, в неописуемом восторге от твоего дара ясно видеть остатки вчерашнего обеда в кишках! —

проворчала невидимая Ребекка, грохнув перед пророчицей пузатой бутылкой вина и блюдом с сыром. Дама и бровью не повела. — А вот гостям не слишком по душе такая пронизательность. Ты, считай, заведение на целую дневную выручку наказала: сегодня сюда никто носу не сунет. И завтра, если я что-нибудь понимаю в ленаигелских выпивохах. Народ надеялся, что тебя лет триста назад парализовало, оттого и новых пророчеств не слышать! А ты тут, здоровёхонька, такая радость.

Триста лет! Штиллер решил, что ослышался.

— Сочтёмся, — качнув змеиными головами в платиновой копне волос, отвечала Фенна. — А ты, вижу, в добром здравии. Извини, нет, не вижу. Но легко прозреваю: о, эти морщины, бородавки на носу, усы, пигментные пятна... Фу, Ребекка, тебе сказочно повезло с невидимостью!

— Спорим, не угадаешь, с какой стороны я тебе по уху? — деловито предложила трактирщица, а «мешок» под столом у Штиллера тихонечко хихикнул. Ключник отсел в сторону, стараясь не привлекать внимания. У того, внизу, были свои, несомненно, благородные мотивы оставаться незамеченным.

Ларс тем временем приподнялся, медленно выпрямился, опершись руками на столешницу. Этого оказалось достаточно, чтобы положить конец сваре. Шарканье туфель Ребекки удалилось за стойку. Послышался стук кастрюль и хруст яблок, нарезаемых для сидра. Фенна тоже замолчала, достала из кошелька некий свёрток, развернула и углубилась в свои таинственные пророческие дела, не

забывая крошить сыр и рассеянно отправлять в подведённый кармином рот изящные кусочки. Ларс некоторое время, нависнув над столом, наблюдал за течением перемирия. Не дождавшись драки, он пожал широкими, как у тролля, плечами и отошёл к жаровне, чтобы перевернуть мясо. Рен как раз расправился с ухой, поискал краюху, чтобы и её прикончить, но заметил, что его избавили от этой обязанности. Из-под стола высунулась грязная детская ручка с обгрызенными ногтями, пошуршала около тарелки и пропала. Вот так ясновидение! Штиллер быстро глянул под стол. Там обнаружилась человеческая девочка лет восьми: тощая, с неопрятной кудлатой косицей, босая и в страннейшем наряде.

2.

В Лена Игел нищих нет, знают все в Приводье. Относительно малоимущие люди встречались Штиллеру в деревнях Еремайе, в рыбацких сёлах, в Нижнем Михине, даже в Амао — городе богатым, драконьей вотчине. Но в столице он поверил бы скорее в лещей, торгующих сушёными гномами. Увязшим в долгах неожиданно доставалось небольшое наследство, сироты находили клады на чердаках, на разорившихся ремесленников сваливались дорогие заказы. Самый ленивый, переходя вброд Подмостье, вынимал из сапога костяную плотву, за которую на базаре давали не менее сотни монет. Домоседы давились золотом, невесть как оказавшимся на дне пивной кружки.

А между тем именно нищей, чудовищно обносившейся девчонка и

выглядела. Её вязаное пальтишко сплошь покрывали узелки, стягивающие разорванные нитки. Словно некто отчаялся залатать худую ткань и старался по возможности скрутить торчащую гнилую бахрому, чтоб прикрыть дыры. Мрачное это было зрелище: и жалкое одеяние ребёнка, и весь его потерянный, горестный вид. Казалось, даже если вымыть и переодеть девочку, то стоит отвести от неё на мгновение взгляд — и кожу сама собой покроет грязь, а новое платье зарастёт узелками.

— Эй, — выговорил с трудом Рен, единственный сын своих родителей, не представляющий, как говорят с малышами, — ты прячешься? Или потерялась?

Девчонка помотала косицей туда-сюда и стала копаться в узелках, медленно сплетая их в некую сложную конструкцию.

— А что домой не идёшь? Отец с матерью, наверное, ищут, волнуются?

Опять головёнкой покачала. Нет, значит, не ищут.

— Хм... Что это они так? — совсем расстроился Рен. — Есть хочешь? — он подвинул к себе плоску с остатками похлёбки, запустил в неё ложку и обернулся к хозяину «Рыбы». — Эм-м... Ларс! Мне бы ещё бы одну краюху, на доньшке поскрести.

Трактирщик подошёл поближе, вздыхая в ожидании неприятностей, и тоже заглянул под стол.

— А! — удивился он, явно обнаружив совсем не то, что опасался увидеть. — Ненка! Брысь отсюда! Сеструха заругается, что ты сюда одна ходишь. Знаешь, какой народ у меня бывает? А что я матери

твоей обещал, помнишь? Давай, хоп-хоп домой, пока я добрый, а то за шкварник вынесу.

Ненка уставилась вверх из-под стола, округлила рот и принялась тоненько всхлипывать, что обещало вскоре перерасти в драматический рёв. Ключник решил, что с него хватит.

— Так, — он ловко, как настоящие мастера достают застрявший в замке обломок ключа, выудил девчонку из укрытия. — Слушай, что будет. Я тебя провожу домой и с сестрой побеседую, чтоб не ругалась. Хлеба тоже прихватим, раз дядя Ларс добрый. — Рен, сам себе удивляясь, свирепо уставился на трактирщика. Тот кивнул, глядя на гостя с недоверием и тревогой.

— Нет! — вдруг заговорила Ненка высоким уверенным голосом. — Не пойду домой! Мерре пропала, как мама с папой. Страшно дома теперь. Там Родигер вонючий сидит! С зубами. А мне узелки уже некуда завязывать! — и малышка, оттолкнув руку Штиллера, опять хмуро полезла под стол.

— Ах, это Родигер. Прекрасно, — едко и обречённо высказался Ларс. — Малышни не пожалел, — и трактирщик отошёл, будто сидящая под столом девчонка его больше не интересовала.

— Ну и что, что Родигер? — сердито поинтересовался Штиллер, ни шушуна не понимавший в местной политике. Ясно, что названный тип — не торговец цветами и пряниками. Но по-настоящему серьёзные разбойники, кажется, не имеют дела с бедными маленькими девочками. Что возьмёшь с сиротки?

— Идём, по дороге расскажешь, заодно и покажешь, где живёшь.

Не сидеть же тебе в кабаке под столом. Есть у человека дом, значит, там ему и жить! Ты вот — человек или гоблин какой? Ненка обиженно фыркнула, а в пустоте над ней громко рассмеялась Ребекка. И невидимая трактирщица сунула девочке в руку небольшую единорожьё колбаску. Гоблинами в Лена Игел (да и везде) называли оживающие предметы. Случай редкий, но не совсем уж невероятный. По мнению знатоков, происходило это из-за оговорок в заклинаниях, а порой и само по себе, просто так, ни от чего. Если поношенные сапоги стали жаловаться на судьбу, они — гоблины. Назвать этим словом человека — предположить, что он глупая говорящая табуретка.

— Нет, ты умный ребёнок, — авторитетно убеждал Штиллер, снова выуживая Ненку из-под стола. — Давай посмотрим, что дядя Штиллер (это я!) сможет сделать с зубастым... Рудигером или как его. Может, убежит, если я ему свои зубы покажу, — и ключник оскалился грозно, как мог.

Трактирщик уставился на обоих, разинув рот в изумлении, а Фенна уже некоторое время беззвучно колотилась лбом о столешницу, рыдая от смеха. Похоже, дебют Рена в столице имел успех.

Чтобы открыть мастерскую, у Рена попросту не хватало плотвы. Тех самых монеток из черепов ночеградских рыб — платёжного средства по всему населённому Новомиру. В Михине у ключника имелись кое-какие сбережения, в основном, в «глазках». Но те после неурожаев в Невере и отмены еремайской ярмарки

катастрофически обесценились. Мастер Смо Риште, «Отворяющий Пути», как старик сам себя с чудовищным пафосом приказывал величать, предложил земляку решение этой типичной для молодого специалиста проблемы.

Глава Гильдии Ключников принял Штиллера у себя дома в Михине. «В столице, как стало известно, пропадают люди, — Смо послал неопытному коллеге многозначительный взгляд. — А значит, остаётся много пустых домов. Понимаешь, в чём опасность неправильно запертого жилья?» Рен сперва обиделся, как ребёнок: за идиота его держат, что ли? А потом осознал невысказанную часть Задания. «Эти дома надлежит запереть, как следует! — приказал Смо. — Причём ещё до холодов. Зимой из подвала лезет такое, с каким мне и самому встречаться желания нет». Риште носил накладную бороду и был напыщенным, толстым гномом. Но при всём этом — непревзойдённым Мастером. Вроде бы именно он в начальные времена запечатал Новомир, сотворённый Вёллем Маленьким, — да так, что ни трещины, ни шва. Как миры запечатываются, Рен ни малейшего понятия не имел. А потому учтиво поклонился и поклялся успеть до морозов. Вознаграждение обещало быть королевским.

И вот пожалуйста, прямо с порога Штиллеру подвернулся заброшенный дом. Потенциально заброшенный. В нём Рудигер сидит. С зубами. «Не нравятся мне они, — размышлял ключник, отсчитывая плотву в кармане, чтоб не позориться, выкладывая мелочь на стол. — Особенности такие зубы. С другой стороны: и

что? Не хвост, не рога». И Штиллер, будто бы спасти сироток было для него делом привычным, подхватил сумку с инструментом, махнул Ненке, мол, «за мной!» — и двинулся к выходу.

— Погоди, парень... Он же нездешний, что вы, как язык проглотили! — раздался у него над ухом напряжённый голос Ребекки. — Стой, как тебя...

— Рен Штиллер, — ответил ключник с наигранной беззаботностью. Девочка крутилась сбоку, мотая узелками. Ноги у неё мёрзнут, наверное. Первым делом, как войдём в дом, обувь какую-нибудь поискать.

— Тебе совсем не интересно, кто такой Родигер? — с расстановкой, пытаясь поймать взгляд гостя, уточнил Ларс. Рен чуть не задал вопрос, которого от него ожидали. Но запрет на сбор избыточной информации, один из основных законов ремесла, остановил его.

— Пока не слишком, — соврал Штиллер. — Отведу девочку домой, вернусь — и побеседуем о нём. Не найдётся ли у вас комнаты на первое время? Скажем, на месяц?

Ларс обернулся к пророчице. Фенна, подчёркнуто не обращая внимания, склонилась над расписным свёртком. Осторожные, неуверенные движения её пальцев напомнили Штиллеру древнюю бабку-вязальщицу, мамину тётку. Вдруг он поверил, что гадалке в самом деле триста лет. Трактирщик кивнул и пошёл прочь, подхватил и спас подгорающее мясо. Из погреба шумно повалили повеселевшие гномы, в воздухе замелькали кружки, ножи и дымящиеся блюда. Сквозь поднявшийся гам Рен услышал

обращённое к нему бормотание трактирщика:

— Заходи-заходи, парень! Если сегодня до полуночи явишься, будет тебе постель, горячая вода по утрам, завтрак — всё за три плотвы в сутки.

— Подойдёт, — степенно ответил Рен, мысленно переводя столичную плотву на привычные еремайские глазки. — Разрешите, я оставляю тут сумку с инструментами?

— Я за нею присмотрю, — руки вездесущей Ребекки забрали оттягивающую плечо дорожную торбу. Та воспарила над лестницей за стойкой и пропала. Ларс проводил сумку взглядом и буркнул загадочно:

— Может, и правда, он.

Ответа ясновидящей ключник ждать не стал. Он подтолкнул девочку к двери (гнусные узелки оцарапали ладонь), и оба торопливо выскочили из «Рыбы», словно копчёные леци за ними гнались. Штиллер, к сожалению, успел услышать Ребеккино: «До весны предлагаю приберечь вещички, а потом можно и на Мокрую Ярмарку отвезти».

3.

— Веди! — бодро приказал Рен малышке.

Та увлечённо схватила ключника за палец и потащила вверх по узкой улице. Штиллер вертел головой, пытаясь рассмотреть на бегу удивительную, ни на что не похожую архитектуру города мёртвой ведьмы. Древняя чародейка Лена Игел была, говорят, задолго до

своей метаморфозы больна или безумна. И теперь неустанно следила за порядком — на свой причудливый лад.

Дома не требовали ремонта, каналы очищались, народ послушных крыс контролировал рождаемость (хотелось бы надеяться, только свою). Вьюнки, оплетающие стены, благоухали и цвели с ранней весны до холодов буйно, роскошно, как больше нигде в Приводье. Кое-где, правда, попадались зыбучие травы, ядовитые фонтаны и дома-хищники, в сумерках прячущиеся под мостовую. Но внимательному, осторожному путешественнику легко было распознать подобные детские ловушки.

Штиллер причислял себя к осторожным и внимательным.

Нужно заметить, что покойная Лена о комфорте и безопасности имела особенное представление... а может, забыла о таких мелочах с тех пор, как умерла. Поэтому от воров и разбойников город охраняла гвардия, боевые маги. Конечно, королевское войско занималось в первую очередь серьёзными несчастьями вроде нападений запретноводных чудовищ на рыбацкий квартал. Или «сапфировой чумой» — проклятьем, разоряющим столичных ювелиров. О личной безопасности горожанам приходилось заботиться самостоятельно. Штиллер и Ненка взбирались по улицам и каменным ступеням выше и выше. Физиономии прохожих нравились ключнику всё меньше.

То и дело мимо, обдавая непереносимым духом чеснока и солярки, расхаживали железнодорожные тролли, аж по двое в ряд, так что приходилось вжиматься в стенку, чтобы не быть раздавленным и не

перемазаться. Вскоре Штиллеру стало казаться, что он из цемента, носит рога и работает машинистом. В Михине тролли получали редуцирующий амулет сразу на воротах, и Рен считал это правильным. Данью уважения к местным жителям. Если бы он, например, получил приглашение в Депо, тайное троллье поселение, то загодя обзавёлся бы увеличительными чарами. Не потому, что боялся бы остаться незамеченным, а из вежливости.

Ещё хуже были коты. Штиллер слышал о кошачьей интервенции в Лена Игел, но масштабов «котострофы» себе не представлял.

Купцы из столицы жаловались на хулиганских зверей-телепатов, плюющих на приличия со своего маленького роста. Но Рену нравились пушистые мохнолапы. Теперь же с ним то и дело сталкивались, почти сбивая с ног, вместо извинений вызывающе поблёскивая глазами, поджарые, гладкие (бритые?) котяры.

Некоторые — с медальонами, перехватывающими тощее пузо.

Выкрашенные оранжевым, а то и ядовито-зелёным. Складывалось впечатление, что коты нарочно кидались под ноги, стоило подумать об их дикой несуразности. Несколько раз Штиллера и Ненку разъединяли. Наконец малышка отпустила руку ключника и бежала впереди, подпрыгивая и почти не оглядываясь.

Обычные ленаигелские жители на глаза попадались тоже. Но из-за странной моды на плащи принцев-вампиров из Города Ночь не очень-то располагали к доверию. Порой мимо прошмыгивал целитель в аккуратной зелёной мантии и традиционной старомирской шапочке-коробочке. Взгляд отдыхал на нём: похоже,

езде, даже во Внешнем Пустоземе, доктора и их помощники выглядят именно так.

Но больше всего поражали не постройки или горожане, а яблони. Штиллер ни разу прежде не встречал этих редких растений и полагал, что им в Новомире выжить не удалось.

И вдруг увидел, проходя мимо, и не поверил глазам. Но отмечал их по пути, вспоминал описания, картинки, рассказы матери и постепенно убеждался: да, это старомирские яблони. На каждом углу. Рассказать в Михине — в нос харкнут и брехуном погонять до старости будут. Яркие спелые плоды назывались «яблонки». Надо обязательно рассмотреть поближе. Интересно, их разрешается рвать и есть?

Рен с трудом вспомнил о своей миссии, отвернулся от удивительного дерева и понял, что потерял свою спутницу. Он встревоженно перешёл на неловкий галоп и сразу заметил Ненку. Вокруг девчушки столпились какие-то безликие серые тени, но прикоснувшись к узелкам, отпрянули и сгнули в переулке.

— Далеко ещё? — спросил ключник, подходя и позорно отдуваясь.

Крутые улицы напоминали о невыполненном обещании отцу. А именно: не реже раза в двое суток тренироваться в фехтовании.

— Не-а, недалеко, — буркнула Ненка, вытянула шею в направлении переулка, но тот уже опустел. Девочка ухмыльнулась с гордостью победителя ночных кошмаров. — Тут, за углом.

— Ты... три поворота назад... говорила... «за углом», — Рен

остановился у статуи каменного вепря с топориком в боку, отдыхая на ступеньках чьей-то лавки. Ага, тут жил мясник. Ныне дом пустовал. Лавка была заперта «неправильно».

Ненка ждала, ковыряя мостовую голой пяткой, потом подошла поближе. Она не запыхалась и успела сплести из шести мелких узелков на подоле один, но массивный, напоминающий корабельный канат.

— Это кто были такие? — спросил Рен, мотнув подбородком в направлении переулка. Девочка пожала плечами и не ответила, только улыбнулась и высунула небольшой розовый язык лопаточкой в универсальном жесте презрения.

— Расскажи про сестру, про родителей. Куда все подевались? — попросил Штиллер, покопался по карманам и сообразил, что оставил фляжку с водой в сумке.

Ненка вздохнула, присела на ступеньку.

— Мерре недавно пропала, а мама с папой — давно. Они садовники были. У нас и сейчас очень красивый сад и самые вкусные яблочки. Мерре их продаёт... продавала, пока мы родителей ждали. А потом в саду из ямы полезло страшное, чёрное, — девочка вздрогнула и снова взялась за узелки. Рен, не раздумывая, накрыл её ладошку своей и остановил это бесконечное чудовищное рукоделие.

— Тут пришёл Родигер, — продолжила Ненка, вздыхая, как пожилая гномка над сыном, подавшимся в бродячие актёры, — порычал на эту страховину в яме, она и спряталась. Мерре его благодарила, благодарила! Яблочный пирог испекла. А куда ему

пирог? В ухо?! — и Ненка ткнула пальцем в крепко стиснутые губы.

Штиллер хихикнул от неожиданности, но малышка оставалась не по возрасту серьёзной.

— Мы его потом сами съели.

— Родигера?

— Нет, пирог. Ты смешной, — произнесла девочка строго. — Это Родигер показал, как узелки вязать.

— Зачем? — поморщился Штиллер, хрустя плечами поочерёдно.

— Чтоб ничего не случилось! — нетерпеливо объявила Ненка. — Ничегошеньки-чего. Ни проклятий, ни злых чудищ, ни чёрного рогатого из ямищи.

— Хм. И помогает? — скептически уточнил Рен, увлекаемый вверх по улице.

Та вскоре закончилась тупиком, красивым двухэтажным домом из винно-красного камня. Такой редко встретишь в бледно-серой столице, городе оттенка обескровленной плоти. Ключник лишь скользнул глазами по широкой окованной двери. Он убеждал упрямую Ненку:

— Уже столько всего случилось! Мерре пропала, в дом страшно заходить, из ямы, небось, снова что-то лезет, так? — Девочка кивнула. Штиллер вдруг заметил, что они больше никуда не идут.

— Это что тут такое? А? Никакого сада с яблонками и чудищами не видать. Ты меня куда привела, мелочь?

— К наёмникам, — Ненка показала цеховой знак на арке. Гильдия

выбрала простой и понятный символ: плотву в лучах солнечного света. — Может, Бретта дома. Возьмём её с собой. Она нам в саду помогала, пока её в учение не взяли. Теперь палочками острыми швыряется.

Поддержка наёмницы могла оказаться не лишней.

— В учение, говоришь? Сколько лет твоей Бретте? Двенадцать?

— Больше! — гордо заявила Ненка и тихонько стукнула кольцом в медную пластину. Звук толком и не получилось, но устройство снабдили, вероятно, дополнительным алармом. Дверь сразу распахнулась, как от тролльего пинка.

4.

— Приветствую вас, милостивые государи мои, на пороге прославленной Гильдии Наёмников!

Штиллер ошарашенно молчал, его спутница тоже. Из проёма глядел субъект пожилой, толстенький, невысокий, пёстро и многослойно одетый, похожий на безумную рыбу, а не на боевого мага. Кроме того, этот тип вещал! Не разговаривал, как люди, а именно декламировал. Оставалось изо всех сил надеяться, что всё это шутка.

— Вы пришли, несомненно, чтобы встретить удивительного мастера Ю! Нет, нет! — это была реплика Штиллера, но тот упустил возможность произнести её. — Увидеть мудреца не так просто! Сначала ответьте на вопрос. Вчера я купил на базаре хрюня: продавец клялся, что тот говорящий и способен повторить

всё, что услышит. Но когда я принёс животное домой, тот не вымолвил ни слова и только почёсывался, хоть ему кричи, хоть песни пой. Против обманщиков у нас закон суров, поэтому потащил я хрюня назад на базар. Только плотву мне за него не вернули, потому что обмана никакого не было. Как это возможно, друзья мои?

Штиллер и сам не верил, что тратит время на подобную ерунду. Он скептически встретил торжествующий взгляд привратника.

— Хрюнь был глухой?

— Bravo! — заорал толстяк. — Милости прошу! — и чуточку посторонился. Неуёмный восторг сиял на пухлой, розовой, скверно выбритой физиономии. Даже жаль было разочаровывать его.

— Нам бы Бретту. С Бреттой поговорить. Можно?

— Давайте попробуем, тогда и узнаем! — воодушевлённо предложил наёмник. — Бретта — это я, — привратник шагнул вперёд и обернулся юной светловолосой стриженной девушкой с агрессивным веснушчатым личиком. Дикий многослойный наряд остался неизменным. Штиллер сразу преисполнился уверенности, что, во-первых, завернись Бретта хоть в луковую шелуху, то и тогда смотрелась бы неотразимо. А во-вторых, появись она сразу без маскировки, ключник бы с ней определённо не заговорил.

Он припомнил, как нежности юных соседок чуть не испортили его репутацию отпрыска почтенного михинского семейства. Но для Рена и девчонок это представляло собой, скорее, восхитительную игру, и он охотно тратил личную магию, чтобы ни одну из них не

сделать несчастной. Потом, в путешествии, ночеградки требовали непонятных вещей: ему следовало походить на вампира и дарить им гномьи диковинки. Еремайки подходящего возраста были поголовно замужними. Иногда статус подмастерья в пути, голодного и благодарного чужака, дарил Рену несколько случайных, ярких встреч. Он даже примерно представлял себе свою будущую супругу: милую, хозяйственную, надёжную. Разумеется, Штиллер слышал и других, необычных дамах. О буролесских чародейках-охотницах, об одиноких демоницах Пустозема, поедающих память и молодость путешественников. О тех, кого компетентные люди не советовали подпускать ближе арбалетного выстрела.

Опасность Бретты была иного рода. Ключник с изумлением понял, что если наёмница потребует, чтобы он дал по уху Королю... придётся подчиниться.

— Бретта! — Ненка с восторгом обхватила наёмницу, почти полностью скрывшись в ворохе юбок и шалей. — Вот, он идёт маму-папу искать. И Мерре! Родигера из сада гнать. Пошли с нами!

— Я... — ключник лишился языка, услышав весь план Ненки целиком.

— Смело! — произнесла Бретта с уважением, и Рен решил разубедить её попозже. — Я-то, конечно, схожу посмотреть на эту великую битву. Может, даже поучаствовать, как пойдёт. Не могу

отказать, когда зовут порезвиться! И знаю, что мне простят, если кому из Островитян горшок злозязычных лилий у ворот переверну. Но больше никто мешаться не станет, у наших с некромантами нейтралитет.

— Ладно, — а что ещё тут скажешь? По всему Приводью к цеху могильщиков относились именно так: избегая любых контактов. — Родигер — он тоже некромант?

— Тоже? — наёмница округлила свои зелёные, как весенний лист, глаза. — Он не «тоже», а «Тот Самый Некромант». Понимаешь? Или из Михина приехал?

Это было чересчур.

— Именно. Оттуда. Пошли, Ненка. Закончим с этим делом поскорее, у меня были кое-какие планы на сегодняшний вечер, — объявил Рен и отвернулся от наёмницы. Мастеру-ключнику не подобает выслушивать оскорбления от подмастерьев-головорезов, будь они даже симпатичными девчонками. А если она продолжит в том же духе, он, возможно, успеет наложить на её ротик «Печать Тет», и Бретта заговорит в следующий раз аж в будущем году. А не успеет, то получит дротик в глаз. Но обязательно попробует...

— Извини, — Бретта вдруг качнулась вперёд, оказалась совсем близко, разноцветные лоскутки и крошечные платочки обнаружили даже в волосах девушки. Он застыл, пока не понимая смысла этого манёвра, а наёмница закинула тонкую мускулистую руку ему за шею и быстро чмокнула Штиллера куда-то между носом и правым глазом. Ключник сразу простил всё

сказанное — и то, что она наговорит в ближайшие пятьдесят лет.

— Идём! Тебя как звать? — наваждение закончилось. Бретта обернулась, затворяя за собой дверь и придирчиво разглядывая тучи над крышей гильдии, обещающие вскоре пролиться дождём.

— Меня? Ре... Рен Штиллер.

— Встречала я одного Штиллера, он в Амао переводчиком с драконьего работал при дворе. Не родня?

— Нет, наверное, нет. Мы все ключники михинские, потомственные, аж со времён Вёлля Маленького.

— Надо же, — удивилась Бретта неодобрительно. — Взломщики, что ли?

Штиллер хохотнул.

— Нет, не воры. Мы двери открываем, если ключи потеряны. И если двери нет, а войти обязательно нужно.

Девчонки заспешили вниз по улице. Штиллер последовал за ними.

— Как это — если двери нет? — любопытствовала Ненка.

— Ну... нарисуешь мне дверь на камне — я её открою. Сможешь войти. Тут, конечно, имеется много всяких «если».

— Конечно-конечно, — ехидно заметила Бретта, не сбавляя шагу,

— маленькие шустренькие «если», помогающие ключнику от работы увиливать?

— Вроде того, — не желая углубляться в тайны мастерства, уступил Штиллер. Специально провоцирует, что ли? Неужто он ей тоже понравился? — А ещё мы, конечно, запираем двери.

— От сквозняков?

Ах ты ж, лещ-косорот!

— Именно так. И от нечисти голодной, злой, что в пустых домах заводится.

— Узелки на замках завязываешь? — тоненьким испуганным голосом уточнила Ненка.

— Почему... а, узелки! — вспомнил Рен, бросив взгляд на изуродованную одежду. — Нет, мы, ключники, больше словом и железом работаем, иногда камешками, инструментами подходящими. В эти верёвки колючие я, если честно, не верю.

— А Мерре верит. Знаешь, они по правде немножечко помогают, эти узелочки, — Ненка солидно покивала. — Как мама с папой пропали, Мерре всего-всего боялась. Как ветер в окошко стукнет, как шушун под печкой загремит — аж под одеяло забивалась и днями не вылезала. И меня из дому не выпускала. А когда я заболела той весной — сильно болела, есть не могла, а соседи все посьехали, некому помочь, надо лекаря звать, так Мерре весь день у дверей простояла, так и не смогла меня оставить.

Всё это девочка выговорила на одном дыхании, ровно, словно рассказывая о повседневных вещах, вроде непогоды или котов.

Штиллер постепенно погружался в чужую страшную сказку, какие охотно слушаешь поздним вечером у камина, зная, что всё закончится хорошо.

— Боялась, — объяснила Ненка, — что вернётся, а меня нет. И не было никогда. А как Родигер научил узелки вязать, всё полегче

стало. Мерре снова стала яблоки продавать. Не «яблонки», а я-блоки, понял? Мы хоть хлеба поели.

Они свернули в переулок, потом в другой, пробираясь между пустыми, нехорошими домами со слепыми и тёмными окнами, мимо которых даже идти было неприятно. Ни следа не отпечаталось в пыли на пороге, и всё же внутри слышались шорохи и шаги больших существ. Оттуда, из темноты, выглядывали опасные, злые, голодные глаза. Поэтому Рен с малышкой и наёмницей незаметно для самих себя всё ускоряли шаг и уже почти бежали по извилистым переулкам. Совсем перестали встречаться люди, редкие коты проскальзывали мимо, как тени. То и дело приходилось нырять под арки, в полную темноту. Но на той стороне возникал то кусок вечернего неба в рваных тучах, то заботливо привязанная к забору деревянная лошадка, то бесшумный фонтан с чистой водой — маленькие чудеса, помогающие идти вперёд. Пройденный путь становился всё длинней, поворот назад — всё бессмысленней.

Потом Штиллер поймал себя на мысли, что приключение вполне может оказаться ловушкой. Этакой примитивной, сделанной своими руками, из начального курса обучения ключников.

Ловушкой, в которую лезешь сам, чтобы проверить, сможешь ли освободиться. Желудок михинца заблудился и мучительно искал выход наружу где-то между лопатками.

«С узелками как раз понятно, это довольно простой фокус, — думал он. — Рыбаки не ходят в море при полной луне, не то

Бледная Дева позовёт на дно. Повитухи расплетают женщинам косы, чтоб роды были несложными. Погонщики бугоев, болотных демонов, ни в коем случае не станут использовать в присутствии всего стада слов на букву «О». Все эти меры предосторожности побеждают страх, но не его причину. Если пренебречь ими, люди будут уверены, что сделали недостаточно, чтобы победить силы зла. Узелки — это местный некромантский фольклор».

— Кхм, рано темнеет здесь! — нарушил молчание Рен нарочито невозмутимо, хоть голос и подвёл его в начале фразы.

«Темнеет» Бретта услышала и обернулась укоризненно: что шумишь? Неподвижные дома и угрожающе замершие яблони, несмотря на раннюю осень уже лишённые листвы, казалось, прислушивались и готовились к расправе, ждали подходящего момента, чтобы... Рен понятия не имел, чего ждать от порождений мёртвой ведьмы.

— Пришли, — прошептала Ненка.

5.

Впереди чернел высокий редкий забор с аркой без ворот. В ней виднелся скупо освещённый огромный, дичающий, очень старый сад. Яблони одного сорта и роста, похожие, как сёстры, соседствовали с клёнами, дубами, вишнями и другими старомирскими деревьями. Ствол примерно каждого десятого, зачарованный, светился в сумерках. Прямо за входом стоял невысокий дом, сараюшка, слишком маленький для людской семьи

с детьми. Садовники бывали порой настоящими одержимыми, не нуждающимися вообще ни в каком людском жилье. Широкий старый пень вполне мог служить им постелью. Профессиональное чудачество! Ключникам не составляло труда в пути переночевать в собственной торбе, а рыбаки Запретных вод нередко отдыхали под водой. Ничего особенного.

Внутри обнаружилась крошечная комната с очагом, столом, стульями и постелью. Был виден проход в другую, ещё меньшую — кладовку, полную одеял и самодельных кукол. Где родители хранили свои запасы, утварь и одежду? Вероятно, на деревьях. «Жили непонятно как. А потом сбежали и детей бросили», — рассердился на незнакомых садовников Рен, осознавая, что, скорее всего, не прав.

— Где же этот тип с зубами? — спросил он, раздумывая, какой из мелких карманных инструментов мог бы в случае чего послужить оружием. Сама мысль о том, что придётся кого-либо протыкать, скажем, серебряной отмычкой Рей-Мо из Города Ночь, казалась нелепой, кощунственной.

— Не знаю. Ушёл, что ли? — пожала плечами Ненка.

Бретта прошла по комнате, прикасаясь к светильникам. Те уютно замерцали. На столе обнаружилась горка великолепных яблок — крупных, глянцевых, краснобоких, без единого пятнышка. Каждый схватил себе по паре и захрустел. Рен блаженно ухмыльнулся: старая дохлая колдунья Лена просто не смогла бы сотворить такое совершенство. Это было, наверное, личное волшебство Ненкиной

семьи.

— У папы с мамой тоже из ямы что-то лезло? —

полюбопытствовал ключник.

— Нет! — сердито фыркнула малышка. — И ничего не полезло бы, если бы они не пропали.

— Если б да кабы во рту выросли... — начала Бретта насмешливо.

— Гробы, — мрачно закончила Ненка. — Так Родигер говорит.

— Весёлый он дядька, я сразу заметил, — Штиллер присел за стол

и стал катать яблоко из ладони в ладонь. Ему казалось, что эти

волшебные кругляши способны на большее, чем просто быть

съеденными, нужно просто испытать их. — Знаешь, насколько я

могу судить, если это ваше пугало Родигер хоть что-то говорит,

значит, с ним можно беседовать, Спорить, вразумлять. Истинно

страшные вещи бьют без предупреждения, с ними перемирия не

заклужишь.

— Например? — уточнила Бретта.

— Скажем, шизофрения, — на Штиллера уставилось две пары

изумлённых глаз, — или оомекский наоборотец. Испугаться

наоборотца — нормально.

— Бояться глупо! — безапелляционно объявила наёмница. —

Действовать надо. Бить. Или убегать. И возвращаться в хорошей

компании.

— Да я не про такое. Возьмём шушунов...

— Буэ, шушуны, не надо мне, бери сам! — Бретта торопливо

смахнула воображаемую пыль с рукавов, как делали суеверные

прачки, отгоняющие призрачных рыб.

Ненка захихикала.

— Грязная мелочь, — наёмница вздрогнула и подобрала ноги в мягких сапожках, добротных, но знавших лучшие времена.

— Ага, — улыбнулся и Рен, — моя бабка никогда бы не заснула в доме, где завелись шушуну. Они, говорят, переносят чесотку.

Увидеть шушуна вечером — к неудаче в игре, а поутру — к зубной боли...

— Шушуну съедят твои сны, — вспомнила Ненка.

— Точно! Они, говорят, ещё пьют кровь новорожденных, высасывая её из пяток, — он заметил, что Ненка закивала: тоже слышала. — Поэтому детям пеленают ножки. Шушуну омерзительны, эти куколочки без глаз. А на самом деле эти малыши совершенно безвредны, «видят» всей кожей гораздо лучше нас. Мне, например, смешон и тот, кто при виде шушуна визжит да на стол лезет, и тот, кто за ними с метлой гоняется. А ты как, Бретта, бьёшь али за подмогой бежишь?

Бретта сумрачно повела носом, послала загадочный взгляд, означавший, видимо: «Стань шушуном — узнаешь».

— Тебе проще, ты превращаться умеешь, — вспомнил Рен толстяка и глухого хрюня. — Как ты это делаешь, кстати? Или от рождения полиморф?

— Сам полимор. Кто такой вообще? — девушка вгрызлась в яблоко.

Штиллер наблюдал, как она расправляется с глянцевым бочком и

был счастлив непонятно отчего.

— Меняющий внешность, перевёртыш, — пояснил он.

— Нет, — помотала головой наёмница, — это всё гостевые ворота Гильдии. Они заколдованы так, чтобы не узнать, с кем говоришь. А, ясно, ты думал, я превращусь в бугоя или в Морскую Змею и всех спасу? Хе-хе... Твоя очередь. Рассказывай, зачем ты-то ввязался в это пропащее дело? Я, например, сестрёнки её, Мерре, лучшая подруга, родители их меня подкармливали, когда... Когда голодная была. А ты тут какой выгоды ищешь? По-ключниковски тебе разумнее было бы оставить всё, как есть. Дом с жильцами не запрёшь, за него тебе не заплатят, правду говорю?

— Не заплатят, точно, — Рен потёр лоб. — Что же теперь делать? Придётся, видимо, обойтись без вознаграждения и ложиться спать голодным.

«Почему я здесь, в опасном соседстве с чудовищем из ямы? Как вообще люди принимают решения, что делать дальше?..

Разумный человек остался бы, вероятно, в трактире, разведал обстановку, выяснил, кто в столице профессионально спасает сироток... Храм Морской Змеи, наверное. Наградили бы ещё за духовные заслуги. Брось, ты же прекрасно понимаешь, что не смог бы оставить дитя сидеть под столом. Нельзя жить дальше после этого. Так что ты просто позаботился, чтобы не пришлось возвращаться к столу и доставать из-под него малышку. Позже её там, чего доброго, не оказалось бы. Ничего ужаснее и придумать

невозможно. Этот стол будет следовать за тобой неосяземо всю жизнь. В виде персонального призрака на четырёх дубовых ножках».

Объяснить эту мысль было непросто, и ключник промолчал. Бретта пожала плечами.

— Дело твоё. Держи при себе свои секреты. Обычно и мне чужие дела побоку, просто хочется примерно себе представить, насколько далеко ты планируешь пойти, чтобы вот этой девочке помочь.

— Понятия не имею, — признался Штиллер.

— Честный, — выдохнула Бретта. — Буду иметь в виду. Ненка, где у вас чайник? Чаю заварим, что-то у вас изо всех углов дует.

— Осень, — посетовала Ненка. Казалось, она сейчас пожалуется на ревматизм и ломоту в пояснице. — А чай мы в саду заваривали с мамой, на костре в яме. Мы там всё варили: суп грибной, картоху, мама такие корешки из земли вызывала — м-м, вкуснота! А теперь в этой яме уже ничего хорошего нету. Провалилась, и чайник туда, и кастрюли. Всякое страшное, чёрное, рогатое оттуда смотрит, даже днём. Мы с тех пор, как одни остались, ни разу даже горячего не варили.

— Как же родители пропали? — снова спросил Штиллер. История садовников казалась ему почему-то очень важной. Он больше не оглядывался на крошечное тёмное окошко и не думал, как ночь незаметно подползает к порогу. Тепло садовничьего дома, свет и ответственность за сидящих напротив девочек позволяли чувствовать себя необъяснимо сильным и спокойным.

— Могу и рассказать, — предложила Бретта. — Я сама тоже приезжая, из Еремае. Но здешние говорят, этот сад был вдвое меньше до того, как садовники тут поселились. А потом яблони пришли следом, аж из самого Буролесья. Констант давал мне почитать... Ты читать умеешь? Не обижайся, откуда мне знать-то? И хорошо, что умеешь! Обязательно зайти в лавку «Книга Судьбы», там демон сидит... Увидишь! Так вот: я читала, что яблони в наших краях не бывают, потому что здесь чёл нет.

— Каких чёл?

— Чёлы, Рен, это такое маленькое летающее шушуньё. Наши чародеи их истребили, а за Бурым Лесом чёл разводят, там и яблонь хватает. Чёлы с дерева на дерево летают, превращают весенние цветы в яблоки. А родители Ненки с деревьями договорились и без чёл. Как те заплодоносили, остались столичные лекари без работы. Тех, кто по дороге домой срывал себе яблочко на ужин, никакая хворь не брала. Царапины и даже укусы вурдалачьи заживали в считанные часы. Урожай стали продавать в Невер и дальше по Приводью. Речной народ выменивал яблоки на потерянные под водой драгоценности. У твоих папы с мамой, Ненка, был бы сейчас самый богатый дом в столице, единорожий выезд и бригада помощников-троллей, если бы им вдруг не приспичило на Остров. Рен вздохнул. Он уже догадался.

7.

Все серьёзные волшебники (и немало обычного любопытного

народа) рано или поздно предпринимали попытку пересечь Воды и попасть на Остров. Обычно это заканчивалось фатально.

Остров — кусок суши где-то посреди Запретных Вод. Бытовало мнение, что там находилась то ли Школа высшего волшебства, то ли дом великих учителей Древности, эффекты от заклинаний которых воспринимались как буйство стихий или естественный ход вещей. Смерть, смена времён года, эпидемии, пожары, заболачивание водоёмов, нашествие неведомых существ и тому подобное являлось результатом взаимодействия или противоборства этих невообразимо могущественных созданий, островитян. Ещё рассказывали, что за водяной преградой бьёт некий Источник Магии, питающий чудеса. И если лично напиться из него, то... произойдут драматические перемены. От исполнения желаний до превращения в чудовище.

Врали, наверняка.

Беда в том, что Запретные Воды не пересечь на обычной лодке. И даже на необычной. Всё, что держится на воде, будь то пловец, предмет, шальная мысль, идёт ко дну примерно на расстоянии шести-семи тысяч гномьих прыжков от берега. Граница невидима, но ощутима. Чтобы понять, как она действует, каждый житель Приводья хоть раз в жизни да заплывал в «опасный» предел. Кое-кто из рискованных пловцов так и не вернулся, чтобы собрать лавры восхищения от сверстников и предостеречь младших братьев. Оставшиеся на берегу вырастали, становились опытными, скажем, ключниками. И со временем привыкали избегать всяческой

сырости. Но и потом конструировали подзорные трубы, заглядывали в них всё дальше и дальше. Видели нечто похожее на таинственные башни в рассветном тумане. Вечерами наблюдатели рыдали в кабаке и клялись, что Остров — просто миф. Жрицы Храма Морской Змеи утверждали, что это — иносказание, воплощение людских несбыточных мечтаний о всемогуществе и бессмертии. «Островитянами» называли себя богатые и влиятельные семьи. Король назначал щедрые награды за постройку моста хотя бы на шаг за пределы Запрета.

Конечно, мосты возводили. Сотни нелепых конструкций украшали, точнее, уродовали гавани и дикие берега. Некоторые причудливые сооружения облюбовали парочки для романтических прогулок и признаний над бездной. Распадающиеся навесы пришлось сломать: они угрожали обрушиться и потопить рыбацкие лодки. То и дело с холмов стартовали дирижабли, планеры, а также самоуверенные летуны безо всякого снаряжения. Тех, кто благоразумно снижал скорость перед невидимой границей, успевали вытащить из воды. Маленького Штиллера больше интересовали попытки подкопов. Оказалось, все подземные тоннели, достигнув определённой длины, обрушивались и наполнялись водой.

Тем не менее, кое-кто побывал на Острове. Например, книготорговец по имени Констант Понедельник. Тому, правда, недоставало репутации человека честного. Главным образом, потому, что Понедельник человеком не был. Остров на его демоническом языке мог оказаться чем угодно.

Родители Ненки и Мерре решили попытаться счастья на свой садовнический лад.

— Они уговаривали деревья расти в Запретных Водах всё дальше и дальше от берега. С холма Лиода видно пару-тройку обломанных стволов, там пару лет назад ещё росла целая роща, — рассказывала Бретта. — Садовники поселились в древесных стволах на самой границе, заманивали растения всё дальше и дальше в глубину. Говорят, сам Король в лодке подплывал поближе, уговаривал обоих бросить эту безнадежную и опасную ерунду, рассказывал про неудачные попытки пересечь воды в чреве китов и левиафанов. О детях напоминал... Одним грустным утром был шторм.

Большинство деревьев вырвало с корнем и смыло, их вылавливали аж до Еремайе.

Супругов не нашли.

— Я люблю этот сад, — прозвучал незнакомый голос, пугающе-гулкий, нелюдской. — Деревья в нём обезумели, чёрные монстры лезут из-под земли. Великолепный рабочий кабинет для одинокого старого гробокопателя.

Рассказчица умолкла, будто ей заткнули рот.

На пороге стоял Родигер. Некромант не представился, но то, каким он был, как вёл себя, а главное, чудовищный, непереносимый запах гнилого мяса и разрытой земли, вонь, от которой слезились глаза, к горлу подкатывало и волосы на коже вставали дыбом, — всё это не

оставляло места для сомнений.

8.

Родигер оказался совсем не стариком, а мужчиной средних лет с телосложением бойца, с пронизательным взглядом и ровной, вроде как сросшейся полоской неподвижного рта. «Говорил» он, как вся высшая нежить, с помощью «отдельной акустики», облекая мысль в колебания желаемого тембра и направляя их непосредственно в уши собеседников. Так речь некромантов получалась натуральнее и «живее», чем, например, у котов-телепатов. Рен тоже так умел, выучился ради развлечения, но пользоваться не любил. Мышечный спазм при этом ощущался в висках и нижней челюсти.

Ключник поймал себя на том, что не никак не испугается по-настоящему. Страх отделился от него и свернулся ручным зверьком где-то кармане.

— Не слишком хороший план, господин Родигер, если позволите мне высказаться, — ответил Штиллер некроманту благодушно, с видом знатока, отдавая себе отчёт, как нелепо это выглядит.

— Прошу, прошу, прямо-таки настаиваю, — подыграл тот.

Бретта, уже вскочившая с места, стоящая на одной ноге и сжимающая невесть откуда возникший букет высохших цветов в кулаке, покачнулась и плюхнулась обратно на стул. Глаза — размером с суповые тарелки в «Слепой рыбе».

— Я слышал в путешествиях, что некроманты не злодеи, а, скорее, художники по мёртвой натуре, как Виллем Хе... то есть... — Рен

прикусил язык.

— Виллем Хеда, хотели сказать. Замечательное и необычное воспитание вы получили, юноша. Любопытно, кто были ваши учителя, — монотонно, без тени заинтересованности произнёс собеседник. — К этой занимательной теме мы вернёмся позже.

Итак, по-вашему, я художник. Что же мешает творить мой шедевр именно здесь?

— Де... — Рен прочистил горло, — дети тут живут. Зачем же сироток обижать?

Штиллеру показалось, что он выиграл пункт, хоть и сболтнул лишнего. Интерес к Старомиру проявляют только опасные чудаки, предупреждал отец. Можно без последствий быть чудаком безобидным, таких жалеют и берегут. Неплохо живётся и опасным хитрецам, их уважают. Но позволить себе и то, и другое способны только очень могущественные и бесстрашные люди. За головами таких посылают армии. Рен уже размышлял, как бы ловко продемонстрировать свою наивность, но оказалось, она проявляется спонтанно, без усилий, успевай только подсчитывать убытки.

Раздался пронзительный крик Ненки:

— Не сиротки! Мы не сиротки! До Острова далеко, немножко подождать надо, — теперь она по-настоящему плакала. — Ты Мерре обманул! Эти узелки ничегошеньки не помогают! — Ненка дёрнула один из уродливых сваявшихся «хвостов» на подоле. Узел оборвался.

Родигер слегка вздрогнул. Штиллер мог поклясться, что это так. Ненка стояла напротив, уперев кулачки в бока. Это выглядело и тревожно, и комично.

— Мерре боялась, что со мной беда случится, пока я дома одна, а она на базаре. А тут ещё эти ветки психованные в окна лезут, чудища по саду топают. Это твои лошадидохлые и собаки, сам наслал, наверное. Я говорила Мерре, что не боюсь: кинешь в них камнем, они с места стронутся и тихонечко в землю лезут. А сестра: вот папка вернётся — не простит, если мертвяки тебе ушки во сне обгрызут. И тут ты с узелками! Чем больше я их вязала, тем реже Мерре домой возвращалась.

Ненка топнула ножкой и обернулась к Бретте:

— Придёт, завяжет, другие проверит — и снова в сад, в яме сидеть. Раньше Мерре эту яму боялась. А тут сама прямо в грязюку страшную лезет и сидит, только голова наружу. И спит. Я зову, а она... прямо как мёртвая.

Холод пробрал Штиллера до костей. Он понял: в эту холодную осеннюю ночь там, в саду, в тёмной яме сидит живой человек по горло в грязи. Маленькая отчаявшаяся девочка. И непонятные чужие существа тянутся, тянутся к ней снизу, из глубины. Он невольно почувствовал прикосновение мёртвых пальцев сквозь слой липкой, смрадной разрытой почвы. И сердце замерло, и обессиливающий ужас не позволял ни двинуться, ни крикнуть.

— Вот вернутся мама с папой, они тебе покажут! Из-под земли

достанут! — Ненка всхлипывала, прижав ладошки к мокрым глазам.

— Всё, что под землёй, — моё, — ответил ей некромант странным мягким голосом. — Твоих родителей нет по эту сторону...

— Но и среди мертвецов вам их тоже не удалось отыскать, так? — внезапно догадался ключник, и Родигер быстро обернулся к нему. В лице у того шевельнулось нечто, чего видеть ни в коем случае не хотелось. От чего лучше бежать и поскорее забыть. Высокомерная маска показного участия треснула. Порвалась, как элегантный костюм, скрывающий под собой матёрого разбойника. Изнутри на мгновение выдвинулась узкая длинная безглазая пасть. Вроде лезвия спрятанного ножа, внезапно появляющегося в ладони. Ненка не видела метаморфозы, стоя прямо перед чудовищем и не глядя вверх. Рен метнулся, чтобы перехватить её.

— В сторону! — с ненавистью крикнула Бретта, и в тот же миг некромант получил по меньшей мере шесть тонких длинных игл в шею и в ужасную морду.

Бретта была невообразимо ловкой, она выбросила первую порцию и теперь ждала результатов, пригнувшись, изготовившись к прыжку. Похоже, иглы составляли не весь арсенал наёмницы.

Лезвия вошли в плоть на разную глубину, но ни капли крови не показалось из ран. Тогда Родигер что-то сделал: с комнатой, с самим собой или с нападающими. О том, чтобы остановить это, никто и подумать не успел. У Штиллера закружилась голова, и зрение расфокусировалось. «Вот так?» — подумал он о своей

смерти со злостью — и с облегчением, что не больно. Потом колдовство закончилось, но он не умер.

И даже не оказался в бутылке, в кармане мантии мастера, вытирающего окровавленные руки. С маленькой Ненкой и Бреттой Родигер тоже ничего специального делать не стал, а ведь мог, мог бы, очевидно.

Вместо этого некромант, восстановивший человеческий облик, цепко схватил Штиллера за плечо, а другой рукой Бретту и Ненку за воротники одним захватом длинных костлявых пальцев.

Малышка всхлипывала: «Отпусти! Уходи!», цепляясь за шали наёмницы. Та повисла в железной руке врага, как пескарь на крючке, и только ошалело глазами поводила, ещё не придя в себя от непонятого удара. Родигер без единого слова вынес их из садовничьего домика и толкнул в сад, лицом к обезумевшему сборищу диких деревьев.

— Смотрите! — гулко, как из погребца, прозвучал настоящий, собственный голос некроманта. Рот его приоткрылся, оттуда на затейливую вышивку воротника мантии упала белая, вздрагивающая мушиная личинка. Штиллер, наконец, увидел зубы Родигера: не волчьи, как он ожидал, а скорее, акульи, в несколько рядов, мелкие и острые, как бритвы.

— Смотрите, — повторил могущественный мертвец настойчиво, подтолкнув Рена поближе к хищным ветвям, — это, по-вашему, подходящее место для малышей?!

Детям тут, и правда, нечего было делать. Треск и невнятное бормотание раздавалось между стволов, ветки качались среди безветрия, вытягивались, подрагивая. Кроны вдруг резко вздымались кверху, одержимые яблони пытались вырвать собственные корни из земли и бежать из этого проклятого сада. А из огромной тёмной ямы, уже не прячась, лезло наружу, тянуло чёрные змееподобные лапы, выгибало толстое тулово, роняя комья земли, чудовище.

Бретта, неожиданно вывернувшись из-под руки Родигера, прыгнула вперёд изящно и невесомо, оттолкнулась ногой от кряхтящего ствола, оказалась на холме прямо над ямой. Блеснул топорик, наёмница сильно, с замаха рубанула вкось по замшелой чёрной длиннопалой лапе. Та треснула с таким звуком, словно бочке выбили дно, и из раны, из разреза выпала дрожащая тоненькая исцарапанная детская ручка.

— Мерре! — завизжала Ненка.

Штиллер, очнувшись, сбросил ладонь некроманта со плеча и тоже побежал к яме. Земля осыпалась и вздрагивала у него под ногами, как живая. Одна из мотающихся из стороны в сторону веток хлестнула Рена по бедру, рассекая плоть. Штанина сразу прилипла к ноге, боль рванула в пах, в глазах на миг потемнело. Он, чудом не растянувшись, выскочил прямо к вздыбившемуся над Бреттой толстеному брюху монстра — туда, где заметил глубокую продольную щель, поросшую бурой бахромой грязи. И, выхватив ломик (он же «ведьмин коготь», он же «последний помощник»,

«если ключник применяет его, сынок, то расписывается в полном неумении!»), Рен выпустил чудовищу потроха.

9.

Оглушительный треск и стон пронёсся над садом и стих. Плоть монстра разлетелась на куски, удивительно похожие на труху и щепки. Вместо кишок изнутри выпали три человеческих тела. Это выглядело, как безумная насмешка над родами. Две обнажённые, бледные, обескровленные фигуры были взрослыми, одна принадлежала подростку. Судя по невнятным воплям Ненки, это были её отец, мать и сестра. Рен наклонился к мёртвой женщине, и вдруг та распахнула глаза, содрогнулась всем телом и со стоном втянула воздух. Рядом пошевелилась Мерре, села и невидящими глазами обвела обступающих её людей. Мужчина, лежащий лицом в грязи, не двигался и не дышал.

— Эмиль... — прошептала садовница, приподнимаясь на дрожащих руках.

Штиллер подумал, что она зовёт мужа, но женщина смотрела сквозь него, вверх, туда, где стоял некромант. Тот, срывая плащ, шагнул мимо ключника, мимо Бретты, успевшей сбегать в дом за одеялом и закутывающей дрожащую Мерре. Родигер наклонился, чтобы поднять на руки садовницу, накрыв её своим серым плащом. Но женщина оттолкнула его руку и указала на тело мужа.

— Эмиль, прошу тебя, — произнесла она. Только это была совсем не просьба, а недвусмысленное «помоги или проваливай».

Родигер замер на мгновение, потом резким движением скомкал плащ и бросил его лежащей в грязи садовнице. А сам присел над трупом её мужа, перевернул его одной рукой на спину, а другой, не размахиваясь, вlepил пощёчину. Рен, Бретта и Ненка встрепенулись было с гневными возгласами, но мать остановила их повелительным жестом, кутаясь в плащ и подползая ближе.

Некромант зачем-то помял садовнику горло, запрокинул тому голову, словно собирался сломать шею. Пальцем очистил покойнику рот от слизи и бурых листьев. Потом наклонился и, видимо, поцеловал мертвеца. И ещё раз, зажимая бедняге нос и глубоко вдыхая перед каждым новым поцелуем.

Все потрясённо наблюдали. У Бретты было такое лицо, будто её сейчас стошнит. Рен преисполнился уверенности, что некромант сожрал садовничью душу. И только тогда заметил, что грудь мертвеца приподнялась самостоятельно. Родигер снова ударил лежащего, и тот жалобно, защищаясь, вскинул руки.

Тогда некромант поднялся, брезгливо сплюнул в грязь.

— Теперь я вас, пожалуй, оставлю. Пальтишко с узелками сожги, теперь за тобой родители присмотрят, — равнодушно обронил он, глядя на младшую дочь садовников. Та попятилась, с отвращением оглядела свой наряд, впервые заметив его уродство.

Но Родигер удалился не сразу. Он подошёл к Штиллеру и внимательно уставился ему в лицо. Смотрел гораздо дольше, чем позволяла вежливость.

— Нам предстоит ещё по меньшей мере одна беседа, господин ключник, — сообщил некромант без всякой враждебности, странно кренясь на бок и, похоже, собираясь прямо сейчас развалиться на части. — Я ведь, как и вы, «часть силы той, что без числа творит добро...»

И Родигер канул во тьму за воротами. Семья садовников, дети и взрослые, крепко обнимали друг друга, бормотали счастливые бессмысленные слова, плакали и возвращались к жизни. Мерре отнесли в дом и уложили спать. Её отцу удалось подняться на ноги и даже одеться самостоятельно. Мать горестно осматривала обломки древомонстра, чьи корни уходили в яму, а развороченное трухлявое нутро зияло бесконечной тёмной пустотой.

— На Остров нас доставила и назад отнесла, но выпустить не догадалась, бедняжка Эриноэ. Я позабочусь о твоих внуках, будь спокойна, — ласково приговаривала садовница, и умирающее дерево вздыхало болезненно и тяжело.

— ...всему желая зла, — растерянно продолжил ключник слова старомирского поэта, которого только что вспомнил некромант.

— Рен! — ласково позвала Бретта и похлопала Штиллера по плечу. Тот с усилием обернулся, заморожённый трогательным зрелищем прощания с деревом. — Дай-ка я тебе ногу перевяжу. Не то в обморок хлопнешься скоро. Кровищи сколько, видишь?

Штиллер глянул и позорнейше лишился чувств.

Вырванная страница

Четверть

— Это маяк? — спросил мертвец, лежащий на столе.

Лорд Родигер убрал руку с пирамиды, которую хотел уже опрокинуть, чтобы отпустить жизнь утопленника. Вместо этого он повернул колесо, блеснувшее в лунном свете, и тишина наполнилась звуком падающих капель.

— Да, это Светлый Дом, — ответил некромант. — Помните?

Спасённый покачал головой, попытался что-то сказать и закашлялся. Из рта у него выплеснулась серебристая струйка запретноводной жидкости. Всё тело, тощее, жилистое, содрогалось и корчилось в ознобе, так что пришлось придержать рыбака, чтобы не свалился, помочь ему сесть. Родигер накинул на спину гостя согревающую мантию.

— Я в-ваш слуга, — проговорил тот с трудом, — позвольте мне жить, я ничего не в-видел, — но тотчас же глянул на опутывающие его грудь пальцы и щупы неведомых созданий, прозрачные, наполненные светящимися и матовыми жидкостями, на жадные рты присосавшихся к его коже белоглазых тварей — и крепко зажмурился.

Когда рыбак отважился снова открыть глаза, комната показалась ему ещё страшней, чем раньше. Рядом обнаружился толстый железный шушун со стеклянным глазом, издающий мерный писк. Единственная лапа твари охватывала указательный палец рыбака. Тот осторожно вынул палец из мягкого холодного шушуньего

кулачка, и шушун пронзительно, ритмично зарыдал, а стеклянное лицо его осветилось синим изнутри. Рыбак торопливо вернул малышу палец, и тот, успокоившись, показал ему таинственное «95». Спаситель стоял у окна. Сопровождающая его гнусная, непереносимая вонь гниющего мяса, от которой рот наполнялся кислотой, немного отступала, смешиваясь с запахом моря и ночного осеннего ветра.

— Я был на Острове, — сказал рыбак.

— Невозможно, — прошептал некромант, отвернувшись. — Как?

— Сам не знаю, — после короткого молчания признался спасённый. — Бартоломео меня зовут. Барч.

— Барч, — повторил лорд Родигер медленно, будто бы услышав нечто неприятное.

— Но как?! В чреве Морской Змеи?.. — утопленник раскачивался, сидя на столе. Позабытое причиняло ему настоящую боль. — По лабиринту буролесских могильных червей? Момент... Я летел? На гриф...

— Животные не летают через Запретные воды. Никакие. И даже не начинай мне про драконов, метательных рыб и прыгучих медвежат!

Рыбак поднял на некроманта измученные глаза.

— Значит, меня забрали на Остров, — твёрдо произнёс он. — Прислали лодку.

— Ну, разумеется, — участливо отозвался Родигер, поворачиваясь к спасённому. И тот сразу понял.

— Нет! Нет, господин! Я ничего не помню! — рыбак вскочил, обрывая магическую мишуру, озираясь, как загнанный зверь. Вязкая тёмная жидкость, до сих пор вливающаяся под его кожу, растеклась по полу. Загремели неведомые ритуальные сосуды: стекло и металл. Рыбак заметил в плоской чашечке короткое лезвие, схватил его, сжал в кулаке и угрожающе взмахнул им перед лицом некроманта — умело, как это ему случалось делать на пристани Рипендам. Хозяин маяка не отшатнулся, только слегка искривил рот. Похоже, у него имелся некий туз в рукаве. Даже вероятно. Так что один удар — и бежать!

И пленник уже почти нанёс противнику длинную опасную рану от подбородка до ключицы, почти прогремел по всем лестницам и галереям, да так, что любое ходячее мясо, любые вонючие выползны прыскали в тёмные углы, как шушунуны от громкого смеха. Почти уже выскочил, слегка растянув в прыжке лодыжку, за дверь, да и вниз по улице, на подножку вечернего троллевого поезда — и на рассвете сети ставить в Рипендамской бухте... Но вместо этого почему-то оказался на липком полу, морда вся осколками исполосована, и не мог больше ни двинуться, ни даже выругаться от души.

Его рывком перевернули на спину. Ледяная маслянистая дрянь полилась в горло. Краем глаза удалось заметить ещё троих, одного даже узнать: Константин Понедельник, владелец книжной лавки, тот ему картинки срамные в лавке на Змеиный день предлагал.

— Что вы сделали? — спросил букинист убийцу.

— Вывел эту четверть из игры, — невнятно, жутко, как из глубокого колодца, донеслось от тёмного силуэта над самым лицом. — Ждать... — услышал рыбак, кругами-кругами блуждая по дому без света и без надежды, — покорный... свадьбой, ваше величество...

Потом они сыграли в шахматы. Барч выиграл.

Глава 2. Игра в прятки

1.

«Находясь в здравом уме и твёрдом рассудке, настоящим передаю дочь Алисию Нойн в полную собственность Хозяину Болот под Оомеком — в обмен на моё освобождение от всех долгов перед ним. Подпись: Марк Нойн по прозвищу Прово. Поручителем назначается Гильдия Наёмников города Лена Игел, а так же мастер Ю, мой старый учитель».

Бретта опустила пергамент и оглядела присутствующих сердитым взглядом. Рен на него не ответил. Ключник сидел, вытянув замотанную ногу на скамью, и всем своим видом показывал: я объездил весь мир, меня никакое людоедство не удивляет.

Остальные реагировали с подходящим ситуации возмущением.

Рыжий гигант, обладатель впечатляющих шрамов, свежих синяков и криво зашитых порезов, дёргал себя за бороду и бранился.

Штиллеру он напоминал плохо замаскированного тролля или хорошо замаскированную повозку, поставленную на попу.

Никакого оружия, во всяком случае, заметного, этот колоритный тип не носил. Для успешной атаки ему хватало, например, грозного взгляда. Или его чудовищный топор просто не помещался в гостиную.

Тощий высокий субъект в длинном плаще качал головой с такой брезгливостью, словно на его глазах съели живого, умоляющего о пощаде щушуна. Телосложением и повадками напоминал он ярмарочного акробата. Но вместо пёстрого трико и рогатого колпака носил дорогую ткань из Города Ночь, чёрную и светло-лиловую одновременно. В остальное время с вытянутого лица его не сходило выражение весёлого превосходства, от чего физиономия казалась ещё длиннее. Штиллер мог представить модника с двумя кривыми пустоземскими саблями — а ещё вероятнее, с одним аккуратным отравленным кинжалом. Или наёмник просто содержал финансовые книги гильдии в порядке.

Его приятели, два лучника, тоже хлопали себя по ляжкам, смачно плевались, отряхивали рукава от мелких бесов и сочувственно смотрели на черноволосую кокетливо одетую горожанку. Широкое лицо её с мелким остреньким носом, крошечным ртом и большими глазами навывкате напомнило ключнику обиженного совёнка с подрезанными крыльями. Таких предлагали порой в Городе Ночь в качестве опытных наблюдателей за темнейшими ритуалами. «Ты и понятия не имеешь, насколько мне нехорошо», — убеждал весь облик дочери беспринципного должника.

Бретта вернула ей пергамент, держа на расстоянии двумя пальцами,

как ядовитого «еремайского сновидца». Так делают, чтобы избавиться от смертельно опасной твари, не разбудив её.

— Я так понимаю, это незаконно, непристойно и невообразимо, — уточнил Рен. — Почему же просто не бросить расписку в воду? И забыть о недоразумении?

Все обернулись к нему. Но прежде, чем кто-то успел ответить, заговорила сама Алисия.

— Это папино письмо. Последний раз мы виделись, когда мне было шесть месяцев, говорит мать. Понятно, что я его совсем не помню. Но и выбросить документ не могу. Может, отец в беде, ему нужна помощь?

Чёрно-лиловый взял в руки пергамент и снова внимательно просмотрел его, хотя письмо только что раз пять читали вслух. Зачем-то понюхал и колупнул янтарный штемпель на уголке.

— Думаю, что помощь, скорее, понадобится вам, госпожа Нойн.

Долговое письмо заверено истинной печатью Буро, демона-нотариуса из Элмша. Обязательства по договору такого типа трудно оспорить. Король имеет право отменить его, оплатив долги Прово, а иначе вам придётся всё-таки навестить Хозяина Болот и выяснить, как он себе представляет... ваши отношения. Продавать людей в рабство запрещено, а вот передача ребёнка в пожизненную службу кредитору — вполне легальная практика.

— Не улавливаю разницы, — Бретта прижала кулаки к нахмуренному лбу.

— Неужели? — удивился её приятель. — Разница в том, что дети

признают такого рода обязательства. Элемент насилия отсутствует. Между прочим, я и не знал, что у тварей из оомекских трясин есть предводитель. В мои времена каждый клык был сам за себя. — Пожалел, Минц, что сам их не возглавил? — предположил пожилой боец с лёгким посохом, натяжением тетивы превращающимся в лук. Непримечательный, седеющий, с конопатой физиономией еремайца, наёмник выглядел, как бродяга, за жильё и провиант выполняющий простые поручения вроде закупок амуниции. Если Рен вообще что-нибудь понимал в людях, этот — убийцей не был. Да что там, остальные тоже на профессиональных бандитов не походили, даже рыжий великан. Того проще было представить участником душевного трактирного мордобоя.

И Штиллер всё меньше понимал, чем занимаются здешние «специалисты».

— В Оомеке до сих пор предлагают награду за поимку Минца Буролесского, — с насмешкой заметил лучник. — Немного, правда. Десять рыб.

Разыскиваемый самодовольно усмехнулся в ответ.

— Я теперь к колодцам и в Злую Чашу только по делу.

Задержишься там надолго — шерстью обрастёшь, потянет в берлогу. Последний раз звали по поводу крыс, а потом — из-за пропавших подростков. Слышали про них? — все закивали, кроме Штиллера. — Моя работа. В смысле, крысы ушли сами, как в воду канули, с ними я быстро договорился. А из малышей собрал

команду охотников, и мы немножко погуляли по окрестностям.

Ребятишки тосковали по приключениям в их скучном гоблинском городишке. Монстров в Буролесье достаточно: хочешь — режь, хочешь — братайся и совместно проезжих гоняй. Но в сторону болот мы не ходили. Нечего там делать! Топко и сыро, никакого героизма, глупость одна. Оомечи, кстати, рассказывают дикое количество сказок про болота, и всё врут.

Наёмник говорил пафосно, будто цитировал сам себя. Рена он бесил до икоты.

— Ох, времена... Простой оомеч трясины и дохляков боится больше, чем живого Минца, — елейным тоном посочувствовала Бретта.

— Награду за мою преступную задницу уменьшили вдесятеро, когда стали замечать, что их пропавшие оболтусы живут себе по соседству, просто показываются редко, — возразил охотник, недовольно размахивая руками и чуть не захав стоящей рядом молчаливой Алисии по носу. «Этого воспитывали безухие ящерицы Сухозема, — раздражённо подумал Штиллер, — иначе откуда бы привычка показывать каждое слово на пальцах?!»

А ведь именно буролесец Минц недавно заштопал и перевязал бедро Штиллера, когда того угораздило повредить артерию в бестолковой схватке с деревом-гоблином. Услуги целителя в столице оказались запредельно дорогими. Бретта моментально выяснила, что Штиллеру их не оплатить: сразу обшарила карманы

ключника, как только тот, истекая кровью, свалился к её ногам. Поэтому наёмница убедила приятелей в гильдии, что им позарез нужен собственный ключник. Похоже, Бретте здесь неохотно отказывали.

Эх, лещ-кривобок!

Когда Бретта с Реном на спине ввалилась в Дом, глава гильдии мастер Ю как раз собирался на Королевский Совет. Первым, что увидел Штиллер, мающийся головокружением и тошнотой, была стройная блондиночка в эльфской тунике, семенящая с медвервольфовым тулупом в нежных ручках. А седой коренастый мужик с кустистыми на манер морковной ботвы бровями отмахивался от неё и пытался самостоятельно завязать жёлтый шарф. Вскоре на шее деда красовалась растрепанная удавка цвета гильдии, а на лысине волшебным образом материализовалась широкополая шляпа — идеальная защита от дождя. Тулуп так и остался у расстроенной эльфки.

Могущественный старик на ходу принял решение. Да, гильдия может себе позволить ключника. А занесите-ка этого в список да и вылечите уже, наконец... Но жильё получит, как заработает. И толковое прозвище тоже потом. Нет, не «Рен Хромоножка»: парень, между прочим, важную информацию добыл о лорде Родигере. — Какую ещё информацию? — удивилась Бретта.

— Эмиль зовут его, я позабыл уже, — пояснил глава гильдии.

Так что ключника после ухода мастера Ю принимали доброжелательно. Называли свои имена (Штиллер не запомнил ни

одного). Расспрашивали о ремесле.

— Нет, не грабитель... Да, практически любые замки... И всё-таки не вор... Почему — «ну и дурак»?

Поили целебными настоями и яблочным сидром, но сначала, конечно, вылечили рану. Сказочно вылечили, надо признать.

Ключник должен был, по идее, преисполниться благодарностью и умиротворением.

Вместо того он куксился в углу, нянчил перевязанную ногу и пытался проанализировать собственную неприязнь к местным боевым магам. Письмо о продаже Алисии Нойн, объявляющее наёмников гарантами сделки, добавляло мрачных красок к общей картине. Чем эта странная банда привлекала замечательную, поражающую воображение Бретту?..

Тем временем её приятели, размахивая руками и наскакывая друг на друга, спорили, как следует поступить дочери должника. Только что бородачу явилась «блестящая идея» посвятить девушку Храму Морской Змеи. Жрицы ритуально освобождались от всех мирских обязательств, в том числе и родственников.

— У слуг Морской Змеи эм... омманитет от всего, даже от ночных кошмаров, — убеждал великан, — а болотное чудо пусть едят селёдки. Тем более, что родитель ваш давно выписался из гильдии. Народ уже и не помнит, что он был за тип, с каким оружием ходил, за какие дела брался. Лет десять назад Марка видели в охране у Погонщика Псов в Городе Ночь. Но последний раз, когда я туда заезжал, на Годовой Поворот, Прово в тех краях тоже успели

позабить. Я к тому, что в Храм — надёжно, там братство вроде нашего. Всё помнят, за всеми присматривают, никто не тронет. — Что вы... Слуги Морской Змеи по-настоящему забывают своих родных, а у меня мама... — прошептала Алисия Нойн. В голосе её слышались слёзы. — Вы же знаете нашу лавку амулетов на Узкой Улице, напротив «Книги Судьбы» господина Понедельника. Мама всегда у окошка сидит, старые неработающие амулеты разбирает. Иногда какой-нибудь пробудить удаётся. Если колдуем вместе.

Все смутились. Рен решил, что для большинства присутствующих тема родителей была не слишком приятной для обсуждения.

«Потомственный наёмник» казался ему настолько же невероятным, как гордый предками «вор-карманник в четвёртом поколении».

— Это ещё не всё, — дрожащим голосом произнесла «собственность Владыки Болот». — За мной уже который день кое-что ходит.

— В форме кота? — уточнила блондинка, оставшаяся без дела, когда мастер Ю удалился в Совет. Нежное создание выглядело на фоне brutальных приятелей совершенно нелепо: тоненькие, прозрачные ручки-ножки, копна невесомых волос цвета куриного пуха, туника, при внимательном рассмотрении больше напоминающая полотенце... Рен напрягся и перестал рассматривать внимательно. Так или иначе, смертоносность этой особы, вероятно, заключалась в паре-тройке преданных, постоянно её

сопровождающих защитников. Поистине разношерстное братство! — Почему кота? — удивился бородач. Штиллер тоже не понял. По столице чего только не бродило: от заблудившихся пьяных рыб до тролльих механических носорогов.

— Если бы! — Алисия махнула рукой. — Вон оно. Ходит.

Все, кроме Штиллера, прилипли к окну и замерли, рассматривая нечто из ряда вон выходящее, достойное Майских Театральных Игрищ. Не хватало только гномов с лотками, разносящих жареную мандрагору. Рен не выдержал, поднялся, опасливо перенёс вес на раненую ногу: невероятно! Даже хромать необязательно. Ключник, испытывая всё большее раздражение вместо благодарности, сорвал повязку, подкатал новые штаны, оскорбительно-длинные, подарок рыжего. Потом демонстративно, без спешки подошёл к остальным и увидел: ходило.

Прямо напротив ворот, слоняясь из стороны в сторону, находясь в непрерывном движении, ожидало существо. Оно было похоже на... выглядело, как... В первый момент разум отказался дать чёткое определение тому, что предстало взгляду. Штиллер хотел отвернуться, но не мог, хоть и был уверен: чем дальше он наблюдает, тем хуже становится то, что он видит. Как будто страх необъяснимым образом участвовал в сотворении этой креатуры. Нужно было заставить себя опустить взгляд. Ключник заметил, что остальные, с посеревшими лицами, пытаются сделать то же самое. Но, как только Рен моргнул, отвратительный образ замаячил под веками.

Тварь была вроде жирной капли одушевлённой грязи, поднимающейся от мостовой, колеблющейся в неуловимом ритме. Человека напоминала тоже — едва различимого в тумане. Но никакого тумана не было. Утро сияло прекрасным осенним солнышком, согревало крыши и желтеющие яблони... но не существо за окном. Оно не отбрасывало тени и казалось плоской паутиной в прозрачном воздухе.

Рен видел, как «голова» создания внезапно оторвалась от «тела». Перемычка отсутствовала, но струящееся марево всё ещё связывало две части твари. В том месте, где полагается иметь рот, в парящей капле надулся пузырь и открылось рваное отверстие. Штиллер ожидал, что сквозь дыру станет видно спускающуюся вниз кривую улицу. Но внутри была абсолютная темнота, как в глубине Запретных Вод. Кажется, креатура что-то сказала и двинулась поперёк мостовой под фонарь. Потом назад, как гвардеец на карауле, устремив внимательную морду в сторону окна, из которого за ней наблюдали. Чёрный лоснящийся котяра, со значительным видом выступивший из-за угла, почти носом к носу столкнулся с тварью — и сразу вздыбил шерсть, зашипел, поплющу на каменной кладке ушёл в небо, пропал между шпилями крыш. Тут-то у Штиллера достало сил отвернуться, отступить на шаг.

Ему положили руку на плечо, настойчиво уводя от окна. Это был Минц. Неприязнь к нему отступила, её вытеснило потрясение от невиданного до сих пор чистого воплощения чьей-то злой

неотступной воли.

Рядом оказалась Бретта — хмурая, как рыбац, возвращающийся в пустой лодке. Штиллер взял её за руку повыше кисти, и девушка уткнулась свирепо и жалобно ему в плечо. Рядом, прижав ладони к лицу, замерла Алисия Нойн.

— И давно оно ходит? — уточнил Минц. — Вы очень стойкий человек или могущественная ведьма, если вытерпели присутствие существа более суток.

— Не оно, она, — шепотом ответила Алисия. — Передала мне расписку отца сегодня на рассвете. Говорит, звать её «поганая мелочь». Создатель приказал привести меня в оомекское болото. Но можно не торопиться, сперва уладить дела. Чем я сейчас и занимаюсь.

Мастерица амулетов вынула из вышитой сумочки соблазнительно позвякивающий мешок.

— Две сотни плотвы, всё, что осталось. Мне пришлось нанять гномку для работы в лавке. Веська Виттемун понимает в нашем деле, но берёт недёшево, так что хотелось бы поскорее вернуться. Может, отец решился на крайнюю меру в большой беде. Или он подлец. Мы посмотрим.

— Обязательно, — согласился Минц. — Самому интересно. Прово был моим наставником и первым учителем фехтования. Мы за ним, малыши, таскались, как козлята за мамкой. Прямо отряд сопливых таких гвардейцев. Настоящие солдаты нас гоняли, конечно. Кое-кому от них серьёзно по ушам доставалось, особенно за

хулиганство в порту или на базаре. Прово подначивал: «Лучшие гребцы сразу бросают грести, как только получают в руки весло». Уж мы гребли и гребли — при любом урагане, истинная правда! Каких только сказок про Марка ни ходило... Только про то, как он глаз потерял, имелось по меньшей мере четыре совершенно разные истории. Словом, я — обязательно в Оомек.

— Проигрался, что ли? — уточнил лучник, косясь всепонимающим глазом.

— А хоть бы и так, — Минц развёл руками. — Зачем честному охотнику деньги? Естественно, играть. Времени у меня, кстати, тоже немного: неделя-две. Потом в Еремайе звали на змеины. Так что предлагаю отправиться прямо сегодня же, вечерним троллем. Бретта?

Бретта вынула нос из уха Штиллера и кивнула.

— Согласна. Чем скорее начнём... Рен?

— Кто? Ах, Рен! — ненатурально изумился Минц, и ключник снова возненавидел его.

— Да, вот этот самый, Штиллер, — ощетинилась наёмница, тыкая ключника пальцем в бок. — Он уже пару минут в списках, значит, имеет право.

— Пожалуйста-пожалуйста, я против, что ли? — охотник замахал руками, точно его с моста толкнули. — Дело такое, что неясно, кому и за какое место браться. Жаль, что Прово попался. Вот был мастер неожиданных решений! — Минц скосил глаза на пресловутый «договор». — Похоже, сей талант ещё при нём.

— «Прово» — от слова «проводник»? — предположил вполголоса Штиллер.

— Нет, «провокатор», — Бретта всё ещё находилась в области ключникова уха и немедленно воспользовалась этим. Минц с кислой улыбкой наблюдал, убеждённый, наверное, что его уши лучше.

— Кать, пряников нам в дорогу найдётся?

Штиллер был уверен, что ответит девчоночка в тунике, всё ещё разглядывающая креатуру под окном. Однако кивнул второй лучник. Средних лет, плотный, одетый как горожанин с достатком, он за всё время не проронил ни слова, лишь ковырялся в потрёпанной рукописной книге без переплёта, приводя в ещё более нечитаемый вид. Похоже, за пряники тут отвечал именно он.

Заметив, что ключник смотрит, «Кать» поднял правую ладонь без мизинца: поприветствовал.

— Катер моё имя, — представился он. — Я с вами не пойду. На мне и так дело невыносимое: картина Марион, помните?

— Начали забывать уже! Сколько ты с нею возишься, год? Два? — немного оживилась Бретта. — Сам виноват, жадина, в одиночку тебе её не найти. Возьми хотя бы Хигга.

И показала на хозяина штанов, который сразу закивал с насмешливой ухмылкой, поделившей рыжую бороду поперёк, как ручей — траву. Видимо, он уже не раз предлагал свою помощь. Катер помотал макушкой, выстриженной аккуратно, по-горски, кружком. И снова погрузился в чтение.

— Пряников от вас не убережёшь, проглоты, так хоть награду себе оставлю.

— Я тоже остаюсь, — нежным голоском высказалась эльфовидная блондинка. — Справитесь и без меня. На болоте только осторожненько.

— Постараемся ножки не промочить! — пискляво, с ненатуральным воодушевлением пообещала Бретта и, не удержавшись, хихикнула басом.

— Так в полдень, у Константа! — объявил Минц, неожиданно ставший компаньоном Штиллера, и вышел, уронив плащом стул. Хотелось бы надеяться, что мантию он сменит на дорожную, попроще, а то в глазах рябило. Ключник проводил его усталым взглядом и простился с мечтой о неторопливом, обстоятельном исследовании пустых домов Лена Игел. Он обнадёжил себя, что до зимы ещё два месяца, вспомнил, что осенью на болоте особенно гнусно, решил сменить на базаре запасной камень-искатель на толковые сапоги... и заметил, что молчание затянулось.

— Минц в порядке, зря ты василиском смотришь, — шепнула Бретта, и Штиллеру стало неловко. — Я у него в Буролесье охоте училась, правда, недолго. Нам повезло его встретить, разыскать ведь специально невозможно, котопередачей буролесцы почти не пользуются. Как нога?

Рен открыл рот, чтобы пожаловаться.

— Получше? — не дожидаясь ответа, обрадовалась наёмница, и пришлось согласиться: конечно! — Если у тебя в городе нет

срочных дел, тогда идём прямо к Понедельнику поискать что-нибудь поновее об Оомеке и болотах.

— А четвёртый? — удивилась молодая хозяйка амулетной лавки.

— Разве вы не берётесь за дела всегда вчетвером?

— Только если сумма гонорара нечётная.

Штиллер подумал, что ослышался.

— Обычно по пути приходится примерно четверть потратить на проводников, информаторов и сахарных петушков для троллей...

Что ты кудахчешь, Хиггище, ты попробуй подари петушка на палочке железнодорожному троллю и увидишь, что будет, — с трудом сохраняя серьёзность, посоветовала Бретта. И добавила: —

На самом деле, дурной знак, если награда делится поровну.

Товарища потеряешь. Знаете... давайте-ка через чёрный ход?

Неохота встречаться с этой штуковиной, с мелочью поганой! — предложила Бретта, и все закивали. — Рен, ты куда?

— Я в «Рыбу», инструмент прихватить, переодеться да и Ребекку успокоить. Она уверена, что из меня получился тихий, скромный труп, не нуждающийся в жилье и личных вещах.

— Фу, Штиллер, шушун тебе на язык. Давай, я тебя и госпожу Нойн дворами выведу.

— Вы идите, а мне бы на болотницу глянуть, — помедлив, признался ключник. — Я ей не нужен, так что опасности нет. Всё равно ведь увяжется.

— Увяжется, — подтвердила Бретта. — Вы, ключники, удивительный народ или ты сам по себе такой отважный? Я вот

думаю: мы ведь раньше где-то встречались. Будет время — посидим, подумаем?

— Подумаем, — согласился Рен, и поморщился, припомнив, что то же самое ему пообещал некромант. А может, и лучше — на время исчезнуть из столицы?

— Иди к Константу, как сможешь. Или уже сразу на поезд. Отправление на закате.

2.

Штиллер отворил дверь Дома Наёмников изнутри — и остановился на пороге. Оставалось только гадать, каким видела его тварь да и видела ли вообще. Зачарованный порог обманывал, скорее всего, исключительно человеческий глаз, а у болотца ничего, напоминающего зрительный орган, не было.

Тем не менее, существо почуяло его и обернулось. Сначала «голова» приблизилась по воздуху, потом подтянулось и «тело».

Непропорционально короткие ручки повисли на месте, затем дёрнулись вслед. То, что сотворило болотницу, совершенно не позаботилось придать ей хоть какое-то подобие людской моторики.

Даже некроманты не пренебрегали этим, с затратой сил и магии получая прямоходящие объекты, а не ползающее мясо. Их немёртвые летучие мыши представляли собой шедевры маневренности.

Тварь же перед ключником — ждала. И больше ничего.

— Злодей он, тот, кто тебя вылепил, — доверительно сообщил

чудовищу Штиллер. — Думаю, ты ещё и удачу ешь, не только личное могущество. Я прав?

Существо судорожно, неритмично кивнуло несколько раз. А может, ветер затеребил грязевую каплю, раскачивая её из стороны в сторону.

— Иди сюда, — приказал ключник. — Хочу посмотреть, что у тебя внутри. Больно не будет.

Оно не двинулось, и тогда Штиллер сам подошёл поближе.

Костяной нож Хоффхарда скользнул ему в ладонь, ключник уже взял хирургический инструмент наизготовку, но передумал и вместо этого применил пальцевый метод. На ощупь существо было, как он и ожидал, осклизлым, но не холодным. Вроде подогретой для младенца каши. Смущённо игнорируя всякое сходство процедуры с тайно подсмотренным в детстве акушерским исследованием, Рен расширил пальцами отверстие и заглянул в суть креатуры.

Ключ Хоффхарда позволял увидеть случайную, но важную часть личности любого существа. Авторитеты категорически не рекомендовали применять его к людям. Те слишком сложны, чтобы не ошибиться с выводами. Кроме того, треть подобных попыток вызывала нездоровое слияние с чужой личностью, чреватое острым психозом или необратимой кататонией. Ключник читал об одном усердном гвардейце: для облегчения допросов тот применял подобную магию и «заглядывал в сердца» своих подопечных,

надеясь если не понять их поступки, то отделить правду от лжи. В конце концов бедняга спятил, попытавшись тем же способом проникнуть теперь уже в собственное сердце. И оказался в пыльном мешке, набитом иглами, булавками и другим пыточным инструментом.

В существе напротив Штиллера не было ничего человеческого, так что ключник мог работать без опаски. Искусственные твари, кому бы они ни принадлежали, представляли собой простые вещи. Дьявольски умные, чрезвычайно хитрые, но сотворённые лишь с одной целью, для определённой миссии, за пределы которой выйти им не дано. «Он знал одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть...» Хм, а это откуда взялось? Ключник попытался вспомнить, но не смог.

Тьма, наполняющая поганую мелочь, расступилась, как плотный занавес. Штиллеру предстала картина безрадостная, но мирная. Дикая тёмная роща, редкий подлесок, буро-зелёная трава... идеальная иллюзия безопасности, в действительности — смертоносное болото. Если бы все покойники, жертвы оомекских топей, одновременно поднялись на поверхность, держась за руки, наблюдатель не увидел бы ни пятнышка зелени. Всё заполонил бы интенсивный чёрно-коричневый цвет костей нетленных болотный мумий: людей, животных, птиц. А также уродливых механизмов троллей, на которых эти смешные ребяташки пытались проложить через трясины свою вездесущую железную дорогу.

К счастью, мумии дремали на дне и не показывались. Пустые унылые ландшафты проносились мимо зачарованного взгляда Штиллера с неестественной быстротой. Вдали показался особенно густой лес, где стволы, живые и упавшие, оплётённые вьюнком, задыхающиеся под одеялами мха, походили на руины древней крепостной стены. Нет, там и вправду была какая-то старинная развалина, даже колокол под аркой ещё ржавел в напитанном дождём воздухе. Рен надеялся рассмотреть строение поближе, но тут существо нырнуло, и ключник от неожиданности чуть не выпустил своё наблюдательное окошко. Некоторое время перед глазами колыхались ил, грязь и сети из мёртвых ветвей. Затем вязкая среда перед ним стала прозрачной, хоть это, конечно, было абсолютно невозможно. Тактильные впечатления ключ переводил в видимую картинку. Штиллер оказался лицом к лицу с творцом поганой мелочи, Хозяином Болот.

Огромное, величиной с королевский фрегат насекомое. Рен с гадливостью, которая совсем не пристала профессионалу, рассматривал мощный экзоскелет, рога и гребни, тонкие волоски, несомненно, ядовитые, окружающие три пары челюстей монстра, а также длинные коленчатые усики, вяло покачивающиеся в мутной воде. Из-под плоских надкрыльев были заметны прилипшие к телу крылья. Полёт этого ужаса представлять себе не хотелось... Мысль о любом движении твари сопровождалась гусиной кожей и болями в животе. Возможно, гигантский таракан пребывал в анабиозе, во сне управляя своей армией чудовищ.

Монстр развернулся молниеносно, пара неподвижных фасеточных глаз уставилась прямо на наблюдателя. «Он меня видит, — подумал в панике Штиллер. — Нет, исключено!»

— Фин? — произнесло чудовище. — Финбицаро?

Нервы Штиллера сдали, он оборвал связь, отскочил в сторону, стиснул кулаки, сунул их в карманы. Финбицаро — незнакомое имя. Да, кажется, незнакомое. Монстр говорил с ним без применения телепатии. Всё это не имело никакого смысла.

Он медленно, осторожно, чтобы не спровоцировать нападение, стал отступать от Дома Гильдии вниз по мостовой. Тварь не преследовала. Отойдя на достаточное расстояние и завернув за угол, ключник быстро пошёл прочь, время от времени переходя на бег. Теперь он знал ответ на вопрос товарищей.

«Взаимоотношения» Хозяина Болот и бедняжки Алисии Нойн могут строиться исключительно по схеме «едок-еда».

Спуск по крутым столичным улицам, перерезанным мелкими косыми ступенями, казался проще, чем подъём, зато через некоторое время напоминали о себе колени. Мол, привет, хозяин! Ты о нас и не думаешь, а ведь мы всё время здесь. Вечером будем ныть перед сном.

«Слепую рыбу» Штиллер не узнал: в ней было так многолюдно, что пришлось отложить минуту торжества до следующей встречи. Он пошёл проведать свою комнату, забрать сумку с парой дорогих

безделушек на продажу и на лестнице чувствительно столкнулся с Ребеккой, чуть не уронив трактирщицу и погубив несколько кружек. Ребекка не обиделась — обрадовалась и потребовала подробностей схватки с некромантом. Штиллер еле вырвался: времени в обрез, вернусь из Оомека — расскажу обязательно! Хозяйка прокричала вслед, что в отъезде комната ему обойдётся в половину стоимости. М-да, а ключник-то понадеялся, что даром. Комната ему понравилась: чисто, ватерклозет, вышитая наволочка... Камень-искатель переместился в потайной карман куртки. Штиллер передел штаны. Затем не отказал себе в удовольствии и уничтожил этот подарок наёмника-великана с помощью редкого, дорогого «ручного пламени». Ключник посидел немного на кровати, глядя на пылающие штаны, посвистывая сквозь зубы и наслаждаясь тем, что всё идёт не так, как задумано... Пора! Он схватил сумку, выскочил на порог — и снова врезался в Ребекку: она собрала ему небольшой запас провианта на дорожку. — Только пусть у тебя не войдет в привычку, — проворчала невидимая хозяйка, полусерьёзно рассчитавшись с гостем лёгким подзатыльником. Кредит хорошего отношения Рен на том не исчерпал: в ответ на его просьбу Ребекка рассказала, как пройти от таверны на Узкую Улицу, к лавке букиниста. Голос хозяйки «Рыбы» показался ключнику недовольным и даже встревоженным, но, может быть, у Ребекки просто болел ушибленный бок. Выходя из таверны, Штиллер махнул рукой Ларсу, но трактирщик, изнемогая от наплыва гостей, так его и не заметил.

У «Книги Судьбы» ключника никто не ждал: ни на пороге, ни внутри. Превосходно! Значит, оставалось время подготовиться к походу.

Лавка букиниста представляла собой книжные трущобы, строй горбатых часовых из тяжёлых фолиантов и сталагмиты из древних инкунабул. Владелец знал, где лежит каждая из них, и какая страница заложена высохшей ромашкой. Константин Понедельник был демоном. Король сам выдал ему грамоту на право жить в столице и вести гешефты — в награду, кажется, за усмирение запретноводного народца. Говорят, демон дико хохотал, внимательно рассматривая бумагу, а потом ответил Королю: «Не беспокойтесь, ваше величество, я этот документ никому не покажу». И не показал. Но злые языки предположили, что будто бы разрешение составили неграмотно, позволяя всем демонам селиться в Лена Игел.

Сразу распространились слухи, что Король допустил оплошность намеренно.

Так или иначе, Понедельник служил бесценным источником информации обо всём. То, что демон был ещё жив, уже говорило о его фантастической компетентности.

— Здравствуй, Константин!

К демонам принято было обращаться, как к старым приятелям.

Штиллер ошибся однажды по незнанию в Городе Ночь, столкнувшись с Однорогим А. Названные на «вы», адские твари

становились убийственно серьёзными: интересовались частями тела на продажу, поработали, как могли, — словом, вели себя не по-людски.

— Взаимно! — после короткой паузы радостно проорал демон откуда-то изнутри. — Слышал, слышал уже, на болота намылились! Удушающая атмосфера, редкая флора, непредсказуемая фауна! Вот... — букинист перебрал ключнику книгу, а затем ещё одну, потолще, в тиснённом переплёте. Штиллер поймал и, присев на маленькую гостевую табуреточку, начал читать:

— Взмолился купец: «Не губи меня, чудище болотное, отпусти меня домой, к жене молодой, к дочерям-красавицам». И ответил царь тёмной трясины: «Отпущу тебя, если исполнишь волю мою трижды. Сперва приведи мне коня ночного, демоницу, что по диким топям, как посуху, ходит, — то прекрасной девой, то чёрной кобылицей безногою, то змеёю холодной, ядовитой. Потом достань из глубины тёмной, из самого места проклятого, топкого клад цены непомерной. И ещё спрячься от меня, от моего глаза волшебного, всевидящего, да так, чтобы не нашёл я тебя, не поймал и не съел. Справишься — останешься жив».

— Не то? — Понедельник, материализовавшийся за левым плечом, выхватил из рук Штиллера книжку и небрежно засунул в ближайшую стопку. Та закачалась, но не обрушилась. Зато Штиллер против воли обратил внимание, что за приоткрытой на другом конце лавки дверью сушится связка освежёванных

шушунов. «Когда они ели шушунов, я молчал: я не шушун...» — неприязненно припомнил Штиллер фразу из старой отцовской книги. Он сосредоточился и выкинул её из головы. А букинист тем временем совал ему в руки потемневший от времени свиток: — Не давайте имени болоту, что лежит за хребтом Амао в землях оомекских, — прочитал ключник, — Не ходите туда, не селитесь на берегах. Не то зловещая бездонная топь придёт ввечеру под окошко и постучится в дверь. Голос из трясины позовёт вас...

— Нет, не то! Всё не то! Погоди-ка... — демон жестом базарного чародея выхватил из раскачивающегося нагромождения книг криво сшитую тетрадь, такой рукописный дневник. На обложке из единорожьей кожи выжжено было: «Путешествия Эрика Цвикерата Михинского».

«Я бывал на оомекских болотах и ни разу не встретил ничего экстраординарного. Блуждающие огни не показывают, где лежат проклятые клады, это глупые суеверия местных жителей, а может, тролльи легенды. Так называемый «Хозяин болот» — я часто беседовал с ним — вполне разумный человек, хотя и выбрал непонятное нам, жителям городов, отшельничество. Он — образованнейший маг, знаток языков и древних старомирских традиций. Требует послушания от своих творений, но не заставляет их страдать. Всё, что нужно так называемому «подводному владыке», — чтобы его оставили в покое. К сожалению, пересечь трясины через руины времён Войны Городов вошло в обычай проверки мужества у местных и приезжих рыцарей. То и дело

открывается сезон охоты на так называемую мелочь поганую. Её загоняют большой группой, потом окуривают над костром и лепят из получившейся глины домашнюю утварь. Считается, что одушевлённые капли, если их не «исцелить огнём», насылают болезни и порчу, от них скисает молоко, а у девок высыпает простуда на губах. Вместо того, чтобы просто не приближаться к...»

На странице рядом с текстом Штиллер увидел рисунок, изображающий монстра. Прежде их делали гораздо более человекообразными.

— Старьё, дневникам триста лет в обед, а ведь у меня кое-что и поновее найдётся, — букинист уже держал обещанную находку в лапах.

Штиллер поднял голову от текста и с благодарностью посмотрел на Константа, впервые получив возможность разглядеть торговца литературой с небольшого расстояния. Ключник слышал о демонах и немало ерунды, и поистине ужасные вещи. Видел следы нападения одного из них на Опрокинутую башню Города Ночь. Тем не менее, оснований для беспокойства не было. Понедельник выглядел, несмотря на весь арсенал клыков, двухметровый рост, рога и когти по предплечьям, не страшно, а, скорее, значительно. Вызывал почтение и в какой-то мере сочувствие: габариты букиниста совершенно не соответствовали размерам лавки. Словом, он был совсем как книги. Таинственный, могущественный, но уютный и свой.

— Эрик Цвикерат! — хохотнул Констант, показав на затейливую виньетку-роспись на обложке дневника. — Знаменитый путешественник и создатель наименее достоверного бестиария Оомека! — демон подмигнул, отобрал у Штиллера записки прославленного бродяги и добавил:

— Цвикерата съел Амао, и мне в какой-то мере понятно, почему. Не понравилось, что его без разрешения рисуют. Вот ещё раритет, смотри!

«Чудовище, лежавшее перед нами, поистине могло кого угодно испугать своими размерами и мощью. Это была не чистокровная ищейка и не чистокровный мастиф, а, видимо, помесь: поджарый, страшный пес величиной с молодую львицу. Его огромная пасть все еще светилась голубоватым пламенем, глубоко сидящие дикие глаза...»

— А эт-то ещё откуда здесь взялось?! — демон с неопишваемым выражением морды отобрал у Штиллера очень старую, до дыр зачитанную книгу с изображением героя в забавной шляпе и с трубкой. Ключник был уверен, что Констант пошутил, а он шутки, к сожалению, не понял.

— Можно, я что-нибудь возьму с собой? — попросил ключник, ощущая в голове хорошо промешанный салат с капустой.

— Тридцать монет. За десять получишь займы, вернёшь в том же виде, что брал, за любой дефект заплатишь кровью... шутка! Как нервны современные люди! — Констант снова хихикнул своей непонятной остроте. — Вот, кажется, сгодится.

Книга называлась скромно «Общая теория болота».

«Болота эпохи Заселения возникли в результате попытки магов Приводья добраться до Острова посредством возведения дамбы. Образовавшаяся бухта, отрезанная от основного резервуара, радикально изменила свои свойства. В ней завелись уникальные существа — агрессивные, обладающие собственной злой волей, тогда как сама вода потеряла токсические свойства и теперь вполне годится для питья...»

— Токсищ-щ-щские свойства! — проорал демон с восторгом. Рен заглянул в конец страницы и нашёл там следующий пассаж:

«...любая стоячая вода привлекает стирающих баб: в таком водоёме можно полоскать бельё, не опасаясь быть унесённой течением. А где бабы, там злоязычие, наговоры, привороты, чёрная магия.

Против собственных подруг и сестёр без стыда плетутся «венки зависти» (Рен не представлял себе, что это такое, и знать не хотел), на ветви ив подвешивают кукол, заманивающих маленьких детей. К воде становится небезопасно ходить, по берегам вырастают недобрые травы, ядовитые цветы. Кто-то в уединённом месте находит невиданное мёртвое существо или непонятный, пугающий предмет. Водоём объявляется проклятым.

Нечисть, обитающая в окрестных лесах, переселяется в оставленный край под защиту проклятья. Пищевая потребность у монстров, как правило, значительно скромнее человеческой при аналогичной массе: чудовищу редко требуется кормить семью, ему

незнакома концепция лакомства при отсутствии голода, оно не практикует приятельское угощение. И всё же нападения время от времени случаются. Запрещённые Гильдии Некромантов и Охотников, которых следовало бы звать Браконьерами, проводят на холмах сезонные праздники и тайные ритуалы, складывают костяные алтари, ставят ловушки. Этот неразумный труд уничтожает дикую красоту местного ландшафта. Зарождается иной биотоп. Его твари уже не способны выжить больше нигде и жрут друг друга, не уважая никаких союзов, даже семейных и клановых. Наконец, на дне водоёма строит себе уединённое жилище какой-нибудь могущественный чернокнижник, берёт под контроль творящиеся в окрестностях бесчинства. Результат: полноценный некротический «организм», гигантский паразит сложного состава, питающийся мясом и духом своих жертв.

Хуже того, паразит, наделённый разумом и способный к чародейству».

Демон выхватил у гостя книгу и стал бешено листать её. Найдя нужное место, он вновь сунул фолиант под нос ключнику.

«Дом болотного волшебника расположен на дне. Найти его просто, следуя каменному лабиринту. Обычно жилище погружено в темноту, обитатели его пренебрегают зрением в пользу слуха и осязания. Но, когда владыка Чёрной Трясины принимает гостей, его дом наполняется приятным мерцанием гнилушек и странными звуками: далёкими криками, глухими вздохами, которые тут, в глубине, называют музыкой».

— Был полезен? — поинтересовался хозяин лавки «Книга Судьбы».

— Весьма, — степенно ответил ключник, со вздохом протягивая хозяину лавки последние свои десять монет. Книга устроилась в сумке между гостинцем Ребекки и «пустотой» из Города Ночь, редким инструментом для отпирания дверей под водой. Рен хотел бы сообщить господину Понедельнику, что знает, как выглядит «болотный маг», и потому с трудом представляет себе гостеприимство такого существа. Но права не имел: метод, которым была получена информация, являлся частью цеховой тайны.

3.

— Рен! Ты здесь? Пора! — Бретта ворвалась к букинисту. Взметнулся рой неприкаянных страниц, но сразу улёгся на свои места. — Нашёл что-нибудь?

— Да, в поезде почитать...

— Мы едем? — из-за плеча у Бретты выглянула глумливая физиономия Минца, выражающая саркастическое нетерпение. — Или бежим следом? Закат скоро.

И они действительно чуть не опоздали. Дольше даже, чем Рена, пришлось ждать Алисию Нойн. Явилась она совершенно без багажа. Минц сообщил, что многие заказчики пребывают в заблуждении: раз наняли команду, та обязана их кормить и заботиться о комфорте. А на самом деле — наоборот! Дочь Прово,

глядя в зеркальце и осторожно массируя опухшие покрасневшие веки, ответила: заблуждений на этот счёт у неё не имеется. Заход на базар за сапогами был поистине молниеносным делом. Минц повёл сразу к знакомому мастеру, командующему целой оравой шушунов. В считанные минуты у них получились простые и надёжные сапоги, достаточно уродливые, чтобы их не жаль было по завершении миссии немедленно в болото и выкинуть. Хозяин лавки, стыдясь топорной работой своих безглазых подмастерий, подарил Штиллеру две неплохие медные пряжки для ремня. «Здорово! — подумал ключник очень мрачно, переобуваясь и засовывая подарок в карман. — Так и вижу некролог в «Минихском листке»: остались от Штиллера пряжки, сапожки...

Покидая столицу через Тролльи Ворота, путешественники заметили и поприветствовали чету вернувшихся с Острова садовников, вчерашних знакомцев. Мать и отец, всё ещё бледные, но с решительными, сосредоточенными лицами, куда-то спешили в компании Фенны-ясновидящей. На пожелание здоровья они не ответили, лишь взглянули встревоженно, как на назойливых незнакомцев. Бретта приготовилась задать им не менее сотни вопросов. Но Минц простонал и с энтузиазмом голодного вурдалака повлёк спутников к Вокзалу.

Железнодорожных троллей можно упрекнуть в принципиальном отказе от мыла, в прожорливости (порой даже по отношению к пассажирам и рабочим частям механизмов), в неуклюжести на

поворотах — справедливо и громко упрекнуть. Но только если с утра маешься зубной болью и мечтаешь расстаться с её виновником незатейливым и brutальным способом.

Надо отдать им должное, тролли пунктуальны. И только они способны управляться с невообразимой конструкцией — железной дорогой, случайно попавшей в Новомир. Тролли, гениальные механики (к счастью, это никак не проявлялось наружно), происходили из тайного поселения «Депо». Там они ремонтировали поезда, раскрашивали их, расписывали охранными рунами — и кто знает, что ещё. Утверждалось, что ни один нетролле ещё не входил в Депо.

Да и зачем бы?

Когда команда наёмников с заказчицей явились на Вокзал, поезд уже стоял: стреноженный, накормленный, воняющий ядом, во всей своей безумной красе, готовый к отправке незадолго до исчезновения Солнца. Тролле по имени Машинист с виду напоминал мохнатый камень в халате. Он сидел, поджав лапы, на платформе и «продавал билеты».

Бессмысленный, но красивый ритуал очаровывал пассажиров. Они охотно делились с Машинистом сладостями, рыбой, яблоками и пивом. Всем было интересно, что сделает тролль с их подношением. Одно он засовывал в отверстия на теле: например, в ухо вместимости изрядной. Другое немедленно съедал. Третьему оказывал знаки трогательного уважения: сажал в своё кресло

внутри локомотива, благодарил за честь совместного путешествия. Взамен выдавались маленькие квадратные кусочки пергамента. Ловкие, гнущиеся в немыслимых направлениях пальцы Машиниста придерживали кучу подарков одновременно, справляясь и с раздачей «билетов». Монеты предлагать троллям было бесполезно и скучно. С ними Машинист поступал всегда одинаково: с размаху, со свистом зашвыривал вдаль.

Штиллер нетерпеливо ждал, когда очередь дойдёт до него. У ключника имелся свой, особый способ попасть на поезд. Когда тролля лапа выжидательно раскрылась перед ним, он продекламировал:

— Если деньги нашёл, утром двинувшись в путь,
Ты ленивых засонь не спеши упрекнуть.
Ведь бедняк, что кошель потерял на дороге,
Знать, ещё до рассвета отправился в путь!

Троль некоторое время молчал, выкатив глаза, улыбаясь всё шире и шире, а потом довольно забулькал и протянул Рену билет.

— Просрочено, — прокомментировал Машинист. — Рассветным ехать с таким билетом надо было, а теперь закат. Ничего, в одну сторону повезу. Сам придумал?

— У кого-то подслушал, — честно признался Штиллер. На Станции Нигде, на тролльих ежегодных бранных поединках, ключник слышал всякое, порой рифмованное. Такой стих, кажется,

назывался хайям.

— Отправляемся, — пробормотал тролль и, не вставая, отворил дверь в вагон. Все желающие ехать, с билетами и без, поспешили внутрь. Машинист полез в локомотив, стал тянуть за цепи и рычаги — словом, колдовал, как мог.

Поезд выпустил облако радужного дыма, затрубил и побежал, набирая скорость. Рен почувствовал резкое, как удар, ощущение неустойчивости и потери — нехарактерное для пассажира. Обычно ключник, наоборот, был беспричинно счастлив внутри надёжного, забавного тролльего механизма. Потом он вспомнил о возможной причине и заметил мелочь поганую, прилипшую к заднему окну вагона. Штиллер окинул сочувственным взглядом хмурые лица попутчиков и молча указал им на монстра.

— Так, я вынужден... — Минц не договорил, несколькими шагами одолел расстояние между их скамьёй и задним окном, рывком сдвинул стекло и, не колеблясь, спихнул тварь на рельсы. — Прошу прощения у женщин и детей, — присовокупил наёмник коротко, садясь на место. Плащ он, кстати, так и не сменил.

Штиллер надеялся, что наглец Минц не имел в виду его, упоминая о детях. Видимая разница в возрасте у них была некритической, в рамках одного поколения. Пора бы уже понять, что возраст — результат личного могущества и вкуса. Апеллировать к нему обожали только идиоты.

Но после исчезновения болотницы сердиться на попутчиков

расхотелось. Все выдохнули с облегчением, заулыбались и завертели головами, любуясь на живописную долину между Хребтом Амао и столицей. В сумерках широкое поле, расшитое затейливым узором тропинок, озарял глубокий сиреневый свет Вод. Время Луны должно было настать позже, в Оомекской области.

— Рен, что это было? — Бретта подскочила с воодушевлением. — Тролли берут плату за проезд стихами. Кто бы мог подумать, что они в таком разбираются!

— Не слишком уж разбираются, — скромно признал Штиллер. — А то сидеть бы мне на Вокзале. Сейчас будет красивое место, так называемая Яма, — ключник сменил тему, не дожидаясь, что Минц подтвердит его поэтическую несостоятельность.

Поезд загремел по мосту. Под ним на мгновение раскрылся бездонный провал, наполненный туманом. Сам мост, держался, видимо, на уверенности пассажиров, что катастрофа произойдёт не сейчас, а со следующим поездом.

— Красивое место? — Алисия отшатнулась, прикрыв глаза, подождала, пока туман остался позади, и поезд заскакал по извилистому пути у подножия гор. — Скорее бы Оомек!

— Ждёшь не дождёшься увидеть своего владыку и повелителя? — Минц мог быть ядовит не только для ключников. Штиллер тоже удивился: амулетное дело, понятно, требует присмотра, но торопиться на болота стоило, только имея хороший план. Общую стратегию. Пусть бы тень замысла. Если имелись таковые, от ключника их тщательно скрывали.

— Ха-ха, — произнесла нанимательница угрюмо. Глаза её снова припухли, но девушка проявляла беспримерное самообладание. Расстроенной её видели, в слезах — никогда. Штиллер решил, что Алисия в полной мере полагалась на компетентность спутников и мечтала поскорее вернуться к повседневным амулетным хлопотам. В Оомек и назад, чего уж проще...

— Минц, с чего начнём, как прибудем? — Бретте наскучил однообразный предгорный ландшафт, лужи и нагромождения камней, неустанно повторяющееся в низком вагонном окошке. — Ищем Прово? Попутно режем всё, что встанет у нас на пути, на удобные ломтики. Идём к чародею, воздействуем на него словом и оружием, он отказывается от претензий, мы отправляемся домой? — для Бретты задание было практически завершено.

Штиллер пожал плечами и закрыл глаза. Поезд плясал, читать оказалось невозможным. Поганая мелочь висела под вагоном. Ключник знал об этом, остальные тоже, но что оставалось делать?

Бесконечно тянулся хребет Амао с крепостью Элмш на недостижимой высоте. Штиллер там не был. Наверх возможно было попасть, только если за тобой послали грифона, слугу Островитян, построивших крепость вдали от чужаков. По-настоящему в Баронство Элмш и не хотелось. Рассказывали, что горцев настигло какое-то проклятье. Сами элмшцы почему-то связывали неприятности со скалой-основанием, на которой возведён был баронский замок. И всерьёз искали героя, способного убить скалу.

Минц рассказал, глядя на серебристые шпилы Элмша в облаках, что мастер Ю получил как-то письмо с предложением уничтожить камень за десять тысяч монет, то есть, за всю казну баронства.

Старик ответил вежливо, что не видит смысла в убийстве скалы: если её не станет, крепость сорвётся вниз, все элмшцы погибнут.

— Нужно будет взяться за это дело на обратном пути, — закончив историю, предложил буролесец без улыбки. Алисия посмотрела на него так, словно только что впервые задала себе вопрос, кто же они такие, её попутчики.

Пещеру дракона снизу увидеть не удалось. Ключник бывал в её нижнем наружном уровне, открытом для осмотра приезжими.

Хозяин, разумеется, не показался, никто и не ожидал. Пещеру украшали портреты, панно и мозаики, изображающие фантастическое создание в полёте, лежащим на груди золота и рыбы, под водой и в малой ящероподобной форме на троне города его имени. Дракон владел Амао уже лет пятьсот. Кому территория принадлежала прежде, никто не помнил. Жители освоили драконье наречие, кормили монарха рыбой из Запретных Вод. Когда гости из столицы позволяли себе нескромные вопросы о жертвах-девственницах и жёнах владыки, заключённых будто бы в легендарную Белую Башенку внутри пещеры, смотрительницы мечтательно заводили глазки и вздыхали томно.

Путешественники обсудили личную жизнь Амао.

— Он же хладнокровный, буэ, ящер! Как он с ними вообще? —

Бретта выглядела преувеличенно-рассерженной. Было похоже, что кто-то её возмутиться попросил — и даже плотвы подкинул соответственно.

— Ну, как... Медленно, вероятно, — усмехнулся Минц, — как крокодил какой-нибудь.

— Фу, нет, я не о том. Не могу поверить в любовь к ящерице, пусть и богатой до тошноты. Нацепила ты все цацки из сокровищницы, в золоте от пяток до кончиков волос, по три кольца на каждом пальце на ногах, — наёмница высунула из-под лавки сапожки и поболтала ими для убедительности. — И всё равно в Башне сидишь. Кому любоваться, завидовать, кроме, может, шушунья под лавками? Смысл? И дракон к тебе, чешуйчатый гад, под одеяло лезет.

Представь себе...

Собеседник, похоже, так сделал, потому что вытянул шею, высунул язык и приготовился для совершения известных телодвижений.

Алисия, не раздумывая, треснула его по шее. Физиономия Минца приобрела удивительное сходство с тунцом, заметившим, что по невнимательности забрёл на пристань. Буролесец с изумлением и интересом подождал, но младшая Нойн не извинилась.

— Хватит порсячаться, — попросила Бретта, одобрительно, подружески косясь на дочь Прово. Похоже, идея рукоприкладства по отношению к хамоватому наставнику казалась до сих пор заманчивой, но невоплотимой. — Представь себе: редуцирующий амулет отказывает в самый неподходящий момент...

— Да, это было бы страшно неудобно для обоих супругов, —

серьёзно подтвердил Минц, очарованно улыбаясь Алисии. — Причём господину Амао — дольше, чем его избраннице. Ему пришлось бы чиститься...

Нанимательница попробовала произвести ещё одно оскорбление действием, но на сей раз наёмник был начеку и перехватил её ручку. Все обратили внимание на поцарапанные, в тёмных пятнах пальцы младшей мастерицы-амулетницы. Поразительно: руки столичной моднице полагались по канону белые, нежные, может быть, с парой-тройкой лишних пальцев с учётом профессии.

Буролесец хотел задать какой-то бестактный вопрос, но передумал, ладонь нанимательницы отпустил и рассказал древний непристойнейший анекдот про оомечку и бугоя. Ему возразили, что драконы гораздо противнее любых болотных чуд, даже безногих бугоев. Пока народ пререкался и ехидничал, ключник помалкивал. Он был недоволен темой разговора. Амао внушал Рену уважение и ребячий восторг. Ещё в детстве Штиллер изо всех сил пытался превратиться в дракона, но не смог.

На станции «Амао» вагон почти опустел: три дня назад в городе завершился так называемый «Осенний танец», но горожане по традиции доплясывали на улицах аж до следующего полнолуния. Те, кто стоптал башмаки до дыр, отправлялись по домам. На платформе стояло немало народу. Гномы с сумками настолько огромными, что неясно было, кто кого везёт. Ночеградцы, время от времени вполголоса напоминающие друг другу, как только что

выглядели. Семья неверцев с ручной брюквой через плечо.

Но никто в вагон не вошёл. Такая тяжкая тоска исходила из распахнутых дверей и сидела под каждой скамьёй, что народ потолкался, поглядел — да и отошёл. Решил подождать следующего поезда.

Город окончился строем маленьких избушек, похожих на охранников границ Амао в Приводье. Оомек приближался невидимо в кромешной тьме, пока Луна, вспыхнув, не осветила совершенно переменившийся ландшафт. Горы остались позади, в окошках с обеих сторон замер неопрятный осенний лес. Попутчики перекусили хлебом с сыром и печеньем Ребекки. У Бретты в сумке нашёлся чудовищно кислый эль и Катеровы пряники, твёрдые, как тролльи рога. Разговоры постепенно стихли, команда задумчиво обозревала предстоящее «поле битвы». Машинист гнал, как безумный, словно стремясь обогнать ночь. Ясно, ему тоже не нравился этот рейс.

Рен задремал, и снова оказался в Михине. Мать, он знал, ушла на Рыбий базар, отец работал на чердаке. В доме было пусто, книги перешёптывались между собой, и нечто чудовищное, непохожее на привычных портовых монстров, тихо приближалось со стороны Вод. Штиллер уронил голову на плечо Бретты и рывком выскочил из тяжкого сна, изнемогая от усталости и боли в недолеченной ноге. Девушка смотрела на него с сочувствием, но не обидным, а ободряющим. Сама же выглядела на удивление свежей, ничуть не уставшей. Казалось, она превосходно выспалась прошлой ночью, а

не сражалась с одержимым деревом. За окном погасла Луна. Воздух медленно наполнялся серым и розовым светом утра. Постепенно поезд замедлил ход, точно болезненное оцепенение мало-помалу овладевало им, а уныние проникло в сердце механического чудовища и грызло там колесо за колесом, клапан за клапаном. Вагон тащился, спотыкаясь и кашляя. Наконец, всё затихло, пассажиры качнулись вперёд... назад...

— Оомек! — крикнул тролль.

4.

Четверо спрыгнули из вагона прямо в грязь. Здешние тролли, похоже, не слишком много внимания уделяли комфорту пассажиров и даже не положили платформу, не построили хоть какой-нибудь плохонький вокзал.

— Хей, господин Машинист, где тут болота, а где город? — крикнул Минц из-под капюшона. Снаружи моросил гнусный ледяной дождик, все четверо старались показать ему как можно меньше кожи.

— Город? Та-а-ам... — тролль вытянул палец вперёд, за холмы. «А ведь верно, — вспомнил Штиллер, — был в Оомеке вокзал, был! Паразит мохнатый нас попросту раньше высадил!»

— А болота-то? Они повсю-у-уду! — прогудел Машинист, протяжный гудок слился с его голосом, вагон тронулся. И сразу в грязь шмякнулось что-то ещё, растворилось в ней.

— Э, как тебя... пакость мелкая, что ли, — пробормотал Штиллер.

— К ноге! Дальше ты поведёшь.

Но существо вставать не торопилось. Оно соскучилось по родной грязи, и теперь с наслаждением отдыхало в большой холодной луже.

Минц громко прокашлялся. Ключник тоже заметил, что здешняя сырость хватает его за шею, как убийца в переулке. Не пройдёт и двух дней, как пропадёт голос, захлюпает нос, а главное — под воду лезть ещё. Он вспомнил таракана и вздрогнул — промозглый воздух был лишь отчасти повинен в этом. Минц покрутил головой, разбрызгивая воду с капюшона. И предложил:

— Поднимемся вон на тот пригорок, там обзор поинтереснее. Я к Оомеку с этой стороны не подъезжал. Осмотримся. Может быть, поймём, куда идти.

И они, конечно, полезли вверх. Взобравшись на холм, ключник согрелся и больше не ощущал неприязни к предстоящей миссии. Вдали посверкивал редкими огнями Оомек, небольшой городок, точнее, деревеньки, сбившиеся вокруг здешних легендарных источников. Вода — питьевая, целебная, приворотная, живительная, пьяная — составляла уникальное и единственное богатство оомечей. Её экспортировали повсюду, особенно вглубь, в Пустозем, до внешних пределов Новомира.

Ключник повернулся и увидел цель их путешествия. Бесконечные трясины везде, куда доставал взгляд. Вдали за редкими кривыми осинами возвышалась над топью бесформенная тень. Руины древней крепости.

— Думаю, нам туда, — сказал Штиллер. Остальные не возражали.

— А змеи тут водятся? — Бретта осматривала холмы и зеленоватые озера, темнеющие у её ног.

— Змей тут хватает, — задумчиво пробормотал Минц, всё ещё изучая ландшафт, измеряя пальцами расстояния. — А воды питьевой у нас маловато. Болотную мы, чтоб сразу стало ясно, пить не будем.

— Почему? — сварливо поинтересовалась Бретта.

— Не исключено превращение, например, в лягуху. Впрочем, ты пей, тебе пойдёт.

Наёмники вяло переругивались, прохаживаясь по холму. Штиллер обернулся на Алисию. Та стояла на краю травяной площадки и... улыбалась до ушей. Кажется, впервые на виду у спутников.

— Какие же они замечательные! — воскликнула она и отвернулась от распахнувшихся ртов и непонимающих взглядов. — Болота!

Зачарованная земля моего детства. Мы родом из здешних мест, понимаете? Я уж думала, что узнаю каждую травинку по рассказам, по маминым воспоминаниям, а нет. Ни цветов, ни ягод. Хотя — осень! Знаете, по дороге к топям мы встретим один источник, сможем напиться и переночевать. Тут издавна строили у воды, рядом с каждым родником — по несколько дворов. Где Оомек, там дома стоят кучно, потому что колодцев много. Если не путаю... меня последний раз к деду с бабкой в пятилетнем возрасте в гости возили... в той стороне, — Алисия показала немного в сторону от далёких руин, — должен быть их дом. За высокими ольхами.

Навестим?

— А почему тебя потом к старикам больше не возили?

Дочь мастерицы-амулетницы пожала плечами.

— Мама с родителями поссорилась. Дед меня потерял на болотах. Наверное, сама отошла цветочки рвать. Какая-то лошадь приبلудная меня домой привезла. Мама ужасно кричала, мы сразу уехали обратно в Лена Игел. И потом совсем редко разговаривали через котов. Я каждый раз на Годовой Поворот посылала весточку, что мы здоровы. Или к нам кот заходил в лавку, передавал привет взамен на обереги. Мама не возражала.

Алисия закончила шёпотом:

— Она в последнее время ни с кем не спорит. Сидит себе в углу и в окошко смотрит. Как будто ждёт чего-то.

Минц, вышагивающий впереди, остановился, ухватил кривоватую, но крепкую берёзку, забрал у Бретты топорик и срубил деревце.

— И вам тоже советую! — наставительно произнёс он. — Ищите крепкую длинную палку, примерно раза в полтора повыше вас, лучше с рогатиной на конце. Эта штука вам ещё жизнь спасёт!

Поганая мелочь, подёргиваясь на ветру, тащилась шагах в двадцати позади группы, не отставая, но и не приближаясь.

Расстояния в оомекском краю вводили в заблуждение даже бывалых бродяг. Минц надеялся уже к полудню добраться до родственников Алисии. Но пришлось тащиться целый день, прежде

чем приятели вышли к посёлку у родника. Древние, крепкие постройки окружали простой каменный колодец с журавлём. Ворота всех дворов выходили к нему. А к болотам повёрнута была глухая стена, ни окошка не смотрело в ту сторону. Алисия подвела наёмников к одному из домов. Красили и подновляли его очень давно. Три большие грязные собаки выбежали навстречу, коротко облаяли для порядка, но к дверям подпустили, присели, наблюдая за приезжими, готовые в любой момент попробовать их на вкус. Алисия стукнула в окно. Оттуда на четверых приятелей уставилась невообразимо древняя старуха.

Сам вид её способен был напугать или вызвать недоумение. Все женщины тратили немалую часть личной магии, чтобы выглядеть моложе. Для большинства такое поведение было чуть ли не инстинктивным — кроме лесных ведьм, убеждённых сторонниц «натуральной красоты», усатых леди с бородавками на носу. Таким образом, шутка о трёх возрастах женщины («девушка — молодая женщина — бабушка умерла») описывала почтенную многовековую традицию. Так сказал бы Штиллер, объясняя, почему ему стало неуютно при виде бабушки Алисии. Он сразу подумал: «На что растратила своё могущество ведьма, если у неё не осталось даже на прямую спину и ясный взгляд?»

— Бабушка! Это я, Алиска.

— Хорошо, — спокойно ответила старуха. — Ты — маленькая Алиска. С друзьями твоего отца. Погодите, открою дверь. А вы мне пока воды из колодца наберите, вёдра у крыльца стоят.

Окно захлопнулось. Из-под крыльца показали ушки четыре ведра.
— В колодец долго-то не смотрите... — донеслось едва слышно, — утянет...

— Спасибо! — крикнул Минц и буркнул угрюмо: — Думал: предупредит или нет?

Он осторожно, оценивая опасность, подошёл к колодцу и сдвинул крышку в сторону.

Вода плескалась на глубине трёх-четырёх локтей. Жердь-стрела журавля закрипела жалобно, протяжно. Наёмник быстро перелил воду в старухино ведро и снова потянул цепь вниз, не заглядывая в воду. Рен подставлял ведра, чтобы дело шло быстрее. Только на мгновение он не выдержал, заглянул внутрь — и его взгляд встретился с чужим. Казалось, сама вода смотрит на него из колодца, а солнышко плещется в ней маленьким ненавидящим зрачком. Но день был облачным и клонился к закату...

Минц ловко снял с края деревянного сруба последнее ведро, перелил, задвинул крышку и только тут перевёл дыхание. Бретта и Алисия подхватили по ведру. Они осторожно, стараясь не расплескать, внесли воду в дом. Старуха посторонилась, пропуская внутрь, зажгла светильники, махнула рукой: проходите, не заблудитесь. А сама сразу ушла.

— Где дедушка? Он здоров? — крикнула вслед Алисия, но ответа не получила. Компания молча прошагала по неосвещённому коридору в гостиную. Дом пришёл в полное запустение. Похоже,

даже шушуну оставили его. В гостиной оказалось светло, тепло, но странно. Повсюду свисала паутина, кое-какие ставни держались на одном гвозде. Широкий стол был завален кусками дерева, стружкой, опилками, среди них прятались столярные инструменты, обрывки верёвок, кусочки дублёной кожи, пятна олова, поблёскивающие камушки. Один конец стола был освобождён от хаоса. Там на прожжённом в нескольких местах полотенце стоял кувшин молока среди хлебных крошек.

За столом сидел старик — высокий, широкоплечий, бородатый, одетый по-оомекски в длинную рубаху по самое «больше некуда» — и вытачивал из деревяшки то ли небольшую тарелку на ножках, то ли маску без прорезей для глаз.

— Дедушка!

— Алиска приехала, — удивился старик. — Настоящая.

— Они все четверо настоящие, — доложила старуха с порога комнаты. В руках у неё был горшок с чем-то горячим. — Я проверила. Болотные твари хотят не хотят — сразу в колодец сигают, — объяснила она доверительным шёпотом, и вдруг объявила громко: — Ужин! — Бретта и Рен аж подпрыгнули. И не только они. Вся утварь, весь бедлам на столе подскочил под тёмный потолок — да так там и остался висеть. Минц присвистнул с уважением.

— Долго ведь не продержится? — осторожно спросила Бретта.

— А нам долго и не надо, — довольный произведённым

впечатлением, ответил дед. — Работы много, через неделю явятся гномы из Еремайе, а у меня половина амулетов не готова. — Так что за дело! — и он раздал каждому по ложке.

Ели по очереди из горшка какую-то сытную овощную мешанину. Рен этот оомекский обычай знал, а потому и не удивился. А вот Алисия такие нюансы предпочла не запоминать, выловила ложку-другую сбоку и объявила, что сыта. В заключение полагался сладкий травяной чай из гигантских кружек, их пришлось брать на колени: на стол со звоном и стуком уже опускались амулетные заготовки.

— Рассказывайте, чего притихли! — потребовал дед тоном королевского гвардейца, поймавшего на базаре торговца иллюзорной рыбой.

И ему выложили всю историю о сделке зятя. Старик долго читал договор через толстое прозрачное хрустальное яйцо. Затем, строго взглянув на Минца, сидящего напротив, спросил об их намерениях. Тот ответил: собрались с утра на болота. Поговорить. Откупиться. Пригрозить...

Дед хмыкнул:

— Ага-ага. И как вы на болото попадёте?

Этого вопроса никто не ожидал.

— Э-э-э, вы об опасностях, связанных с переходом через трясину?

— уточнил Штиллер.

— Нет, я о том, каким образом вы туда попасть-то задумали?

Выяснилось: уже некоторое время топи для путешественников недоступны. Самая гиблая, зловещая территория за Оомеком однажды спряталась, удалилась в легенды и страшные сказки. Знакомые тропинки незаметно сворачивали к чужим колодцам. Где прежде проезжали целые неверские телеги, вырос кустарник с ядовитыми цветами и такими же манерами. Болота никуда не делись: останки башни в их тёмном сердце хорошо видны были с любого холма. Просто подойти к ним поближе стало невозможно. Что, по сути, совсем неплохо, заметил дед. Меньше трупов и пропавших без вести. Подоомекская область с её родниками и ягодными оврагами становится привлекательной для гостей. Доставка воды упростилась. По окрестностям водят группы «охотников». Поймать им, правда, удаётся разве что лягушек-алмазниц. Да стадо бугоев разглядеть вдали, если повезёт. Но приезжие, особенно столичные и ночеградцы, всё равно остаются довольны.

Если гости не верят, могут поутру отправиться на болота. Внуку же старики задумали свозить к тётке, живущей по соседству.

— Нет, я с остальными пойду, — нерешительно возразила Алисия.

— А сходи, деточка! — ласково согласилась бабушка и подмигнула мужу. — Погуляйте кругом, цветочков соберите...

Минц фыркнул.

— А если выйду к болотам? — язвительно спросил он.

Старики помолчали, не поднимая глаз. Очевидно, тайный ход к

трясине был им известен. Однако делиться секретами дед с бабушкой и не думали.

— А если... Нет, Маруш, не говори, кто его знает? Вдруг? Тогда будь начеку! Легко ходи, будто чтоб спящих в трясине деток не разбудить, — страшно сказал дед. — Наступил — сразу вторую ногу вслед тяни, как зимой по льду. На топком месте не стой, не то увязнешь, устанешь. Деревьев, кустов, кочек держись, зелёнь-мох на воде обходи. Палкой тропинку перед собой пробуй. А идёшь — держи палку поперёк, — старик показал, сжав пальцы в кулаки перед грудью. — Провалишься — удержит, по ней и выберешься. Знай кати, вперёд перебрасывай, за кусты цепляй. Ноги увязли — не бейся, не ори, не топочи без толку, ещё вернее в трясину уйдёшь. А лучше упади на колени али даже плашмя в грязь — и змеёю назад ползи, туда, где ещё на крепком стоял. Что я забыл, Маруш? — Дорогу отмечай, чтоб назад воротиться, — пожала плечами бабка. Похоже, она совершенно не верила, что советы пригодятся. — Гурьбой не толпитесь, разойдитесь шагов на десять друг от друга, след в след за первым ступайте...

— Но не там, где под ногой трясина рвётся, дрожит, — поправил старик. — Есть верёвка у вас? Если нет, дам: первого обвяжете, чтобы вытащить. Если что.

— Под водой много старых гнилушек, ноги себе о них переломаете! — вспомнила старуха. — Сумки несите так, чтоб их легко сбросить было. Вот и всё. Спать пора. Я вам в большой гостевой спальне постелила. Выспитесь, а поутру и болото ваше,

небось, найдётся.

5.

Штиллер ещё успел подумать, что прошлой ночью чуток подремал в поезде, а до того не спал, обморок не считается, — и сразу задремал. Минц тоже дисциплинированно занялся просмотром сновидений, как и подобает буролесцу перед охотой. Бретта и Алисия проболтали далеко за полночь, выяснив, что по невероятному совпадению родились в один день. Алисия, зевая, объявила, что Рен — совсем как братишка, а Минц вполне ничего. Бретта — что наоборот. Обе сошлись на том, что в слухах о скорой свадьбе Короля с принцессой-вампижкой из Города Ночь правды ни на полшшуна. У ночеградки такой дикий, нелепый смех!

Пытаясь имитировать странное принцессино хихиканье, они тихонько хрипели, кудахтали, повизгивали почти до самого рассвета. Когда их разбудила бабушка, у обеих подружек от смеха побаливало горло. Сырость тоже была тому виной.

Напились молока. Неподалёку, рассказали старики, бил молочный источник. Дед попросил гнома, чтобы тот со следующего раза доставлял две дополнительные фляги. Внуки из столицы гостят.

Может, и до весны.

Услышав про «до весны», Минц озабоченно подскочил и предложил немедленно отправиться в путь. Они пошли по ориентирам, ещё вчера замеченным с холма. Бродили весь день, но к болотам так и не вышли. И завтра тоже.

На третий день Минц заставил команду влезть на крышу дома гостеприимных стариков. Буролесец всматривался в даль, монотонно ругаясь на трёх языках, включая троллий. Болото предстало вдали, как на ладони. Кривые сосенки, узкие озерца, яркие пятна мхов и древние полузатонувшие камни. Там, где начинались смертоносные топи, четверо заметили сломанное дерево, старую дуплистую ветлу.

Приятели бродили целый день, нашли три похожих дерева. За каждым почва некоторое время казалась топкой. Под ногой с чавканьем расступались небольшие лужицы, кузнечики прыскали в траву, мошкара донимала не по-осеннему. Вдруг из-за куста или камня показывался колодезный журавль и крыша дома стариков-амулетников.

За дни бессмысленных блужданий команды дед расправился с беспорядком на столе, собрал два внушительных сундука оберегов. Штиллер починил в доме все замки и двери, а также ставни на окнах. Минц сдружился с соседскими псами и сколотил новые перила на второй этаж. Ему постепенно удалось побороть свою смешную привычку «разговаривать руками»: в доме стариков всё было очень хрупким, и наёмник едва успевал чинить то, что сам уронил.

Алисия и Бретта победили паутину и плесень, разнообразили меню столичной кухни, дважды простудились и вылечились. Несколько раз они вчетвером прогулялись до города и притащили целый котёл

оомекского мороженого. И всё равно на душе у каждого становилось тоскливее с каждым днём. Может, из-за чудовища, скитающегося неподалёку. Присутствие твари ощущалось, будто вой запертого в подвале пса. Друзья старались не говорить о ней, не оглядывались, когда чувствовали, что тащится следом. Казалось, они никак не очнутся от странного кошмара.

Пытались, конечно, использовать мелочь поганую как проводницу. Но создание висело в воздухе на расстоянии шагов десяти от Алисии, отодвигаясь, если его пытались схватить, и сразу возвращаясь на место, как только о нём забывали. Бретта предполагала, что Хозяин приказал монстру явиться с дочкой Прово без спутников. Минц считал, что тварь забыла дорогу. Штиллер опасался, что чудовище ждёт момента, когда они по-настоящему отчаются.

По вечерам старики и их внучка охотно рассказывали гостям страшные сказки. Про мори, пняжей и кочников — беспощадную болотную нечисть, одинаково жадную до крепко просоленной собственными слезами человечины. Про злоглаза-наоборотца, то ли призрака, то ли оголодавшего оомеча, прячущегося в стоячей воде. Чего у людей два, убеждали оомекские предания, то у наоборотца одно. Тощий сгорбленный старик, скачущий по болотам на одной ноге, приводил заблудившихся к жилью... или в опаснейшую топь. Загляни ему в глаз — и, сам не зная как, попадёшь в его мокрый,

тёмный дом под упавшим деревом в самой трясине. Говорили и про огромных диких бугоев, населяющих оставленные деревни. Сколько у твари ног и какой они формы — неизвестно, у скользящего по топям бугоя доводилось увидеть только рогатую башку и широкие мохнатые плечи. Бретте больше всего понравилась сказка «Бугой, который хотел видеть Короля». Как грязное болотное чудище отправилось в столицу, не позволив себя остановить ни охотникам, ни Гвардии. Дошло до замка на Треугольной Площади, поглядело на Короля — и удалилось к себе в болото. Ноги монстра и на суше разглядеть не вышло, столько мха и тины налипло на его пузо! Некоторые гвардейцы клялись, что бугой носил юбочку.

Старики поведали и про ядовитый белый цветок — «Корону бледной девы». Под ним совсем близко проклятый клад лежит. Но не достать его ни багром, ни черпаком, клад всё глубже в чёрный ил уходит. Если знаешь, как заставить деву бледную одарить гостя, то можно добыть сокровище. А ночной порой явится к смельчаку болотная тень, и найдут поутру в его постели только чёрный ил и мёртвый мох. Со временем сказки стали казаться довольно однообразными, и Штиллер отыграл у Минца с Бреттой два десятка плотвичек, безошибочно предсказывая, чем закончится история, уже после первых слов рассказчика.

Дед изготовил для Штиллера дудку, изгоняющую незваных гостей из пустых домов. Играть на ней ключник не умел. Каждый обзавёлся оберегом от змей, хотя ещё ни одной не встречал. Бретта

бабушкиной метлой с удовольствием гоняла «ненастоящих» — пришельцев из трясины, имитирующих оомечей.

Алисия трижды навестила тётку. В последний раз та настолько беспокоилась моральным состоянием племянки, что дала ей редкой «весёлой водицы» на дорожку. Дегустировали вшестером: хватило ненадолго, да и голова поутру гудела, будто изнутри по черепу гонял троллий поезд в натуральную величину.

Штиллер во второй раз перечитывал «Общую теорию болота», разыскивая намёк на решение их странной проблемы. К сожалению, написано было задолго до того, как болота «спрятали». Книга содержала несколько поразительных фактов.

— Знаете, болото засасывает только живых существ! — объявил ключник за ужином. Ему не поверили. Пришлось объяснять.

— Болотная вода — особенная субстанция. Смесь. Или взвесь?.. — он перевернул пару страниц, но не нашёл. — Не суть! В воде всё тонет, в смысле, опускается вниз, пока не установится равновесие. И висит вещь, как шушун в янтаре. Или на дне лежит, смотря по тому, плотная ли, тяжёлая ли. А болотная жижа... во! Жижа — правильное слово!.. Засасывает то, что движется.

— А если совсем замереть?

— Не сможешь. Дышать будешь. На помощь звать. Высунешь руку — и так сам себя подтолкнешь в глубину. Оттого у палки или бревна больше шансов остаться на плаву. Болотная жижа под ней будет вести себя, как твёрдая поверхность. Не тонет же колбаса в

хлебе! Не то получился бы довольно подозрительный бутерброд.
— Сказки какие-то, — Алисия попыталась отобрать у Штиллера книгу.

— Погоди, дорасскажу. Становится ясно, почему не получается лежать на болоте, если устал, как рыбак, которому подводная нечисть утопила лодку. Кроме того, жижа — штука вязкая, липкая, все попытки вырваться, оттолкнуться запихивают жертву глубже в топь. Получается, утопающий сражается на стороне врага. Против самого себя.

— По-простому, по-людски: болото голодное до живой плоти, — подвёл итог дед.

— Für einen Leichnam bin ich nicht zuhaus... Котам нужна живая мышь, их мёртвою не соблазнишь, — пробормотал Штиллер.

— Ух ты, старомирский язык! Тебе бы в Университете Лиода лекции читать, Штиллер! — насмешливо, но не без уважения заметила Бретта. — Славное местечко было, этот Университет, говорят. Сожгли его, Рен, ещё до нашего рождения. Сейчас там довольно уныло, на пепелище, но Король обещал Лиод заново отстроить. Может, ещё увидим тебя за кафедрой.

— Разве что в кладовой, если там старый ключ заклинит, — смутился Штиллер.

Одним ничем не выдающимся утром снова пошёл дождь. Мелочь поганая моталась на крыльце, заглядывала в окна. У неё то и дело отрастали три-четыре небольшие ножки, но ветер налетал, и

существо снова висело над порогом. «Голова» его, отдельная от «тела», внимательно следила за происходящем в доме. Наконец бабушка, кутаясь в зимний плащ на медвервольфовом меху, вышла за порог и прогнала тварь лопатой в колодец.

Тут Штиллер вскочил, чуть не опрокинув чашку с молоком. Все обернулась к нему, кто с интересом, кто с укоризной.

— Всё! — заорал счастливо ключник. — Я понял! Как нам попасть на болота!

— Чтоб тебя! — буркнул дед. — Я думал, хоть до весны задержитесь.

— Нет! — улыбаясь, будто уже одержал победу, заявил Рен. — Мне до первого снега в столицу вернуться нужно.

— Говори, — попросила Бретта, в нетерпении перебирая лезвия своих ножей.

— Колодец! — произнёс Штиллер, подняв палец.

Минц хлопнул себя по лбу, плюнул, покивал и лишь затем отправился искать свою берёзовую палку-рогатину. Алисия не произнесла ни слова, только подошла к бабушке и обняла за плечи. Рен перестал ухмыляться и поглядел на стариков виновато: ясно, что развитие событий их не радовало. Однако... сгнил зуб — пора драть! Приятного мало, но выжидать и маяться гораздо глупее, думал Штиллер.

— Эй! — Бретта подёргала его за рукав. Он обернулся. Наёмница выглядела очень смущённой. — Что — «колодец»? Колодец-то при чём?

Ключник объяснил:

— Заглядывать подолгу нельзя, утянет. Все болотные твари в колодец уходят, хотят этого или нет. Куда же они деваются?

— Ага-а... — драматично шмыгая носом, согласилась девушка. И тут глаза её расширились: — Стой, стой, ты, никак, нырнуть собрался?

— Да и тебе придётся, — Штиллер похлопал Бретту по её курточке из пёстрых лоскутков. — Глаз наоборотца, про который Алисия нам рассказывала, — наша единственная надежда попасть на болота.

— В тёмный дом под гнилую корягу?

— Как получится.

— А обратно?

Штиллер не ответил. Судя по тому, что «болотцы» то и дело проникали во внешний мир, запрет был односторонним. В благородство мотивов чародея, наложившего такие чары, верилось с трудом.

Приятель обступил колодец, мечтая об одном: чтоб догадка Рена не подвела. Перед тем они получили недовольное благословение стариков и совет «вернуться с малышкой, а не то!..»

Крышку сдвинули, подождали в тишине.

— Вот он, — прошептала Бретта.

Они столкнулись в тесной грязной яме и, отплёвываясь, отряхиваясь, подпихивая друг друга, выбрались по корням и свисающим веткам наружу. Наоборотец на всех сразу напасть, видимо, не решался. Он сидел на коряге, бесформенный, облепленный многослойной грязью, зыркал мокрым глазом и скалил зубы. Штиллер вылез последним, огляделся и покачал головой, никаких слов не находя.

Кругом, куда ни глянь, простиралось болото, заросшее высокой бурой травой, журчащее ручьями. За спиной в сотне шагов чернела поломанная ветла. А вдали среди зелени, под скудным осенним солнышком лежали останки крепости, как пенёк выбитого тролльего зуба. То ли опустевшее святилище это было, то ли фундамент разрушенного с воздуха строения. С применением требушета, а может, драконьего огня. Посёлок отсюда, наоборот, был совершенно не виден. Замечательно!

— Предлагаю держать путь на развалину, как и планировали с самого начала, — хриплым, будто давно не использованным голосом произнёс Штиллер. Он снял со спины верёвку, молча обвязался ею вокруг живота на манер столичного кота-телепата, а другой конец верёвки протянул Бретте. Никто не возражал и с момента перемещения вообще не произнёс ни слова.

Ключник пошёл вперёд, проверяя путь жердью. За ним Бретта, Алисия. Замыкал шествие Минц. Наоборотец провожал их взглядом, рядом замерла мелочь поганая. Она стала намного

тоньше, прозрачнее и вскоре могла прекратить быть.

Прилива бодрости мысль не принесла. Наёмники и Алисия шагали всё дальше, вязли и вытаскивали друг друга. Вскоре выработали «лёгкий шаг», хватались за колючки, как за новообретённую родню, скакали по кочкам, обходили замшелые лужи. Несколько раз Штиллер уходил в трясину по колёно, валился плашмя или соскальзывал с коряги. И тут же снова вставал, перемазанный, но спокойный. Приятели шли следом, волей-неволей повторяя фигуры его танца. Даже Минц никак не комментировал. Буролесец быстро устал, хуже всех освоил «лёгкий шаг», часто отставал, «чтобы осмотреться», а на самом деле, чтобы повисеть на пне, перевести дух. Алисия и Бретта терпеливо ждали, стоя на кочке, держась друг за друга. Они самостоятельно выяснили, что мостик из двух параллельно лежащих палок позволяет лучше ползти дальше. Часто непроходимые зелёные озерца перекрывали им путь. Приходилось идти в обход, стараясь не упустить цель из виду.

Руины медленно приближались. Ближе к закату приятели остановились, ещё раз напились воды. У Бретты было ещё достаточно сил, чтобы шутить над чудовищно измазанными физиономиями спутников. Минц мог только швырять комками грязи в ленивых жаб. Алмазницы, окружая чужаков, пучились огромными хитрыми глазищами — прямо как таможенники на незнакомые лодки в столичном порту. Алисия выглядела бодрой и готовой идти всю ночь без передышки, но помалкивала, не

поддерживая беседы об отлетевших подмётках и червяках в карманах. Нанимательница напряжённо что-то обдумывала. Может быть, подбирала какие-то слова, чтобы сказать их отцу. Как его там? Марк Нойн. По прозвищу Прово.

«Моего отца называли Арвид-ключник. А потом — Арвид, безумный ключник. После того, как он попытался прямо у себя в мастерской открыть дверь на Остров». Штиллер тряхнул головой и выкинул оттуда посторонние мысли.

Последним, отнимающим силы маршем приятели выбрались на осклизлый ледяной камень развалины. Под полуобвалившейся аркой беззвучно раскачивался ржавый колокол.

И тут всё пошло очень быстро. Из воды выкинулись длинные упругие лапы. Схватили сразу троих. Бретта отскочила прочь, но верёвка, которой она обвязалась, остановила, повалила ничком. Тут и её схватило, повлекло в тёмную топь.

«Я жив! Под водой! — подумал Штиллер, когда к нему вернулась способность соображать и видеть. — Роскошно. Может, я ещё и сапоги тачать умею, просто не пробовал?»

— Еда в дом! — проскрипело гигантское насекомое напротив. — Мне бы хватило одной дочки Прово, но приятно заполучить троих, конечно.

«Троих?!»

Штиллер испуганно оглянулся: нет, их было всё ещё четверо. Минц

сидел прямо в тине и торфе, гадливо рассматривал нависающее над ним слизистое брюхо членистоногого. Бретта лежала на боку, её только что вырвало. Рен помог ей отвязать верёвку и сам аккуратно вылез из петли, стараясь не делать резких движений. Он помнил, как быстр Владыка Топей. Алисия самостоятельно поднялась на дрожащие ноги, опираясь на палку, которую ей каким-то образом удалось не выпустить из рук.

— Почему... троих? — прохрипела Бретта, сплюнув розовым. Даже в таком состоянии её не оставила потребность спорить.

— Трое из вас — Финн Биццаро. Один — нет, — любезно пояснил монстр. — Финна Биццаро я буду жрать, неважно, какую часть. А ты, — таракан скосил глаз на буролесца, — проваливай.

— Неправда! — дурным голосом заорала Бретта. — Никакого финнбиццаро не знаю, не слыхала о таких! — в руке у наёмницы возник ножик, которым в столице разделявают большую рыбу.

— Когда мне проваливать, я сам буду решать, — очень холодно объявил Минц и стал обходить ногу чудища, одновременно подавая приятелям загадочные знаки. Бретта его, впрочем, сразу поняла. Штиллер надеялся, что она возьмёт в расчёт вязкость, если соберётся метать ножи. К тому же насекомые такого типа обладали крепчайшим панцирем.

— Сколько шума... — невнятно произнёс таракан.

Он щёлкнул челюстями, и Минца схватили уже в прыжке, и Бретту, подкрадывающуюся снизу, со стороны мягкого брюшка, тоже.

Цепкие маленькие ручки вцепились в них, Бретта визжала и отбивалась, потому что не переносила шушунов. А ведь это были именно они, крошечные тварюшки с надутыми щеками, где хранился воздух. Некоторых удалось отправить в нокаут, и они медленно улеглись ей под ноги, колыхаясь и выпуская пузыри.

Другие обездвижили Бретту. Самый вредный шушун подплыл к её лицу, вывалил язык, словно его тщедушное тельце было мало для такого внушительного органа, и от души дёрнул наёмницу за нос. Та притихла с выражением отчаянья на перемазанном лице.

— Ваше... лордство, — раздался встревоженный голос Штиллера.
— Алисия признаёт договор, подписанный отцом, иначе бы её здесь не было.

Морда насекомого оказалась прямо напротив младшей Нойн и ключника: те не пытались атаковать гигантское насекомое, поэтому их не схватили. Ключник говорил медленно и чётко, неуверенный, что враг его понимает.

— Согласитесь, Прово должен был себя назначить вашим рабом на вечные времена. Но раз уж ему позволено откупиться дочкой, значит, и девочке полагается шанс на спасение. Еды в болоте хватает. Куском больше — куском меньше... Могу ли я предложить нечто сравнимое по пищевой ценности?

— П-пха... — вырвалось изо рта существа, звук лёгкого насмешливого сомнения. Таракан отодвинулся. Грязь заколыхалась, шушуны ещё крепче вцепились в Бретту с Минцем, оставляя царапины. Штиллер забеспокоился, что запах крови

приведёт монстра в бешенство. Алисия молчала. Рен глянул ей в лицо и понял: девушка совершенно парализована страхом и уже не слышит, о чём идёт речь.

— Я где-то читал, — предложил он, — что три загадки или сложных поручения могли бы...

— Одно, — прервал монстр и картинно, по-людски опустил нижнюю челюсть, позволяя полюбоваться его трёхстворчатой пастью. На обездвиженного наёмника оттуда закапал какой-то мерзкий белый секрет. Минц зажмурился. — Одно поручения вполне хватит, Финн. Если не справишься, я тебя съем. Думаю, за это мне вручат королевскую медаль или всю оомекскую область пожалуют.

— А как вы заметили, что я Финн, как его... Биццаро? — осторожно спросил ключник. Он наслаждался ни с чем не сравнимым ощущением стоящего под петлёй при известии, что казнь откладывается. — В смысле, разве бросается в глаза?

— Если присмотреться, заметно, — промямлил таракан, словно у него во рту была каша. — Ты же не дышишь. Не обращал внимания?

Нет, не обращал. Товарищи покосились с ужасом. Действительно, провалившись в трясину и не двигаясь, Рен сразу оказывался лежащим на поверхности. Ерунда, не может быть! Штиллер несколько раз вдохнул и выдохнул содержимое воздушного пузыря, наколдованного болотником. Видимо, не любителем жрать падаль. Таракан наблюдал, потирая усики.

— Испугался? Ха-а. Ты не покойник, дышать можешь. Но не должен, в отличие от нас. Так что бы поручить такого особенного? Не в Оомек же вас за мороженым посылать...

— А остальные? Тоже не дышат? — голос Штиллера дал петуха. Владыка Болот поглядел с упрёком, но беззлобно. Проблема гостя его забавляла.

— У остальных своё. Не отвлекайся. Ещё раз помешаешь — передумаю!

Вдруг морду чудовища перекосило от попытки выразить нелюдской мимикой чисто человеческое злорадство.

— Придумал, — объявил болотник. — Я ещё Прово поручал. Но жизнь в темноте сделала его глупым и печальным, стратег из него теперь никакой. Слушай загадку, Финн. Болото принадлежит мне. Я знаю в нём каждую кочку и поваленную корягу, каждую ведьму в домике из детских костей, каждую жабу и чёрную мумию на дне. Когда оомекская торговка, набирая по капле «молодильную водицу», роняет кружку или новорождённую дочь в ил, я решаю, взять или отпустить. Всякая тварь здесь такова, как я пожелаю. Болото — моя непобедимая армия, верный раб и преданный друг. Найди, Биццаро, в этой «крепости» уязвимое место. Нечто, моему чародейству неподвластное. Куда мне ход заказан. Понимаешь, о чём я?

— То есть, нам спрятаться? — осторожно уточнил Штиллер.

— Что такое? — удивился таракан. Потом проскрипел довольно:

— А, ну да. Вот именно. Спрячьтесь в моих владениях, чтобы я вас

не нашёл. Ухитритесь — отпущу. Найду... — Владыка Болот задумался как-то невесело, — придётся сожрать всех четверых, без исключений. Постепенно, конечно. Аппетит уже не тот. Стариков твоих тоже съем, — пригрозил он, наклоняя головогрудь к девушке. — Воду только мутят на границе.

— Т-три попытки! — дрожащими губами попросила Алисия. — Обойдётесь. Не в сказке! Времени дам до полуночи, то есть — немного. Зазвонит колокол — я иду искать. И прошу прощения заранее.

Существо помедлило, будто бы не вполне довольное условиями договора.

— Как бы мне за вами проследить, чтоб всерьёз за дело брались и не глумили. Например, сбежать не пытались. Подглядывать — невкусно. А отдам-ка я вам Прово! На что он мне теперь?

Водяной метнулся на поверхность и тотчас возвратился, в лапе — одноглазый наоборотец. Если приглядеться внимательно, монстр из колодца напоминал человека со слипшейся бородой, в невообразимо загаженной одежде. Похоже, он и был злосчастливым отцом Алисии. То, что Штиллер принял за вторую голову, оказалось присохшей дохлой жабой. Были, наверняка, и другие принципиальные отличия, которые следовало заметить прежде. Одноглазый Прово озирался совершенно безумным взглядом, но постепенно заметил дочь. А узнав, стал подкрадываться, как пугливый уж, готовый спрятаться при малейшей угрозе.

— Удачи, Финн! — весело пожелал водяной. — Увидимся в полночь.

И пропал, только воронка из грязи да ила завертелась. Шушуны сразу бросили пленников и с визгом поплыли в разные стороны, пуская гирлянды пузырей.

— Да-а-а, — протянул Минц и пытливо оглядел растерянные лица спутников. — Не верю, что вы сговорились, злодеи. Интрига, конечно, в стиле старого Прово — затащить буролесца в болото в компании трёх сущностей, позабывших себя. И полюбоваться, как охотник выкрутится. Но не верю. Несмешно.

Он прищурился на отца нанимательницы. Бывший наставник пялился в пустоту и молчал, явно не соображая, о чём речь.

— Как прятаться будем, друзья?

Бретта молча подошла и поднесла ладонь к носу Штиллера.

«Ничего мне с девочкой больше не светит», — подумал ключник очень грустно. Сестричкой Бретту представить не удавалось, даже если водяной не соврал. А уж частью самого себя — и подавно.

Слишком уж тянуло к ней. С самого начала.

Интересно, а с Бреттой что не так? Видимо, отличие должно бросаться в глаза... Ах ты, рыбий пуп, теперь кажется, он подозревает её в чём-то мерзком, неестественном! Девушка вздохнула и отошла, а Рен так и не нашёл слов, чтобы объяснить, насколько ему безразлично, чего ей не хватает до обычного человека.

— Алиска... — хрипло выговорил Прово, — большая выросла...

красавица, — и заметив, как исказилось её лицо, добавил быстро:
— Ударить меня хочешь? Бей, заслужил.
— Пап! Мне страшно! Что я тут делаю? — спросила дочь и зарыдала странно, без слёз. Прово хотел обнять её, но остановился. Бретта стала брезгливо обирать его от гнилого вьюнка, потом бросила это бессмысленное занятие.
— Эм-м... Когда появится желание подумать, куда прятаться, зовите, я тут, неподалёку, — искусственно-бодрым голосом объявил Штиллер и пошёл, куда глаза глядят, по илистому ковру. Остальные переглянулись — и поспешили за ключником.

Приятельки нашли его на ступеньках лестницы, уходящей вверх. Она вывела к гнилому проваливающемуся фундаменту разрушенной крепости с колоколом. Каменные глыбы, вросшие в землю, светились тусклым зачарованным сиянием, наводящим тоску. С них за чужаками внимательно наблюдали разнообразные шушуны: от совсем крошечных, бесформенных, до солидных пняжей-людоедов.

— Лучше вернуться, — неуверенно предложил Прово, ковыляя следом за дочерью. — Болото большое, за многие месяцы не обойдёшь. А тут его сердце.

— Вот как! — Минц глядел на своего старого товарища, будто бы ожидая, что тот крикнет: «Шутка!» — и одним махом осушит трясину, всем раздаст по бодрящему щелбану, а злодею-таракану целых два отвесит.

— Есть идеи? — спросила тихонько Бретта. — Не может же гад быть повсюду?

— Может, — поспешно возразил Прово. — Глупо недооценивать его могущество! Я все годы пытался укрыться от него...

— Что, если отворить новую дверь? — всё так же потерянно предложил Штиллер. И, видя непонимающие лица, достал «пустоту», устройство для открывания дверей под водой.

Вскоре приятели оказались перед забавной расписной аркой с воротами в половину человеческого роста в скале под лестницей. Когда Рен отворил её, прозвучал нежный мелодичный звон ярмарочной шарманки.

За игрушечной дверцей обнаружился аквамариновый сад с поющими цветами, летающими деревянными лошадками, белыми мышками в старомирских нарядах, под кружевными зонтиками.

Бретте встретился неравномерно исчезающий кот, отказавшийся передать сообщение мастеру Ю. Приятели, нервно посмеиваясь, прогулялись до водоёма, где им попался на глаза усатый морской зверь с золотым моноклем, в смокинге, но без штанов — и с вилкой в крепком трёхпалом плавнике. Затем гости сбежали назад, в трясину, под колокол.

— Найдут уже потому, что такого тут никогда не было, — безапелляционно заявил Прово. — Это как ткнуть медвервольфа рогатиной в пузо и ожидать, что тот, может, и не заметит.

— Понял, понял уже, — хмуро отозвался Штиллер. Он снова выдал

себя старомирскими сказками. Только глупые мечтатели интересуются далёким прошлым.

— Нет ли тут какой-нибудь бездонной ямы? Кого-нибудь большого, чтоб проглотил нас понарошку? — Бретта предлагала и более нелепые варианты. Прово качал головой, говорил коротко: «Найдёт!»

— Минц, ты же охотник! Нас какие-нибудь знакомые звери не спрячут?

— Скорее уж деревянные лошадки Штиллера, — невесело отвечал буролесец.

И, когда надежды уже не осталось, когда больше никакие идеи не приходили в голову, и отчаянье подступало к горлу, как слёзы...

7.

Они устроились в мягких креслах и допивали красное вино из лёгких бокалов. Бретта сидела за чёрным с позолотой древним роялем и нежно прикасалась пальцем к клавишам. Вдали гулко прозвенел колокол. Штиллер отложил в сторону пергамент с неизвестными старомирскими стихами.

За дверью по торфяному лабиринту слышались чавкающие шаги.

— Спокойно, — произнёс ключник, даже не понизив голос до шёпота. — Он сюда не войдёт. Понимаете, здесь начинался путь. В этом доме Владыка Топей был человеком. Тут он принял решение, превратившее его в чудовище. Подробности я даже знать не хочу. Ясно, что чародей не сможет столкнуться с воспоминаниями о

выборе снова.

— Расскажу вам, — продолжал Штиллер, — одну старомирскую историю. Не сказку, а быль. В королевстве моих предков коренное население методично уничтожило практически всех рыжих. Серьёзно! Отделили рыжих, бросили в котёл, сварили суп и сожрали. Потом главный людоед помер, и его сотрапезников призвали к ответу. Оправдывались те разнообразно. Например, страхом перед гневом тирана-брюнета. Опасениями за будущее детей, под влиянием рыжих способных пойти по неверной дорожке. Убеждением, что волосы такого непристойного оттенка служат опознавательным знаком зла и скрытого уродства. Многие просто говорили: «Я не знал, что рыжих едят. Сам не пробовал, только свежевал и толкал в мясорубку».

Но каждый понимал, когда, в какой момент превратился в чудовище. Никому не хотелось вспоминать о своём решении выдать перекрашенного соседа. О плевке в светловолосого ребёнка. Как побил окна лавочнику, дочь которого, говорят, в прошлом году встречалась с рыжим. Мысль о том, что был человеком, а после — бесповоротно превратился в монстра, непереносима. И мои предки заперли свои воспоминания в сундуки, снесли на чердак и сожгли дома вместе с чердаками, чтобы больше не знать о прошлом. Так что допивайте вино, друзья. Болотник сюда не войдёт. Бледные лица обернулись к двери, пламя свечей задрожало. Дверь не отворилась.

Вырванная страница

Пряники с корицей в декабре

Наступил этот самый вечер.

Хося намотала на голову пёстрый платок со звёздами, рыбами и ягодами, подкатала зелёные рукава, позвала мешки из-под лавки, склянки из подпола и коробочки с дальней полочки. Ни михинские гномы, ни мыши из Невера, ни мрачные горцы-элмшцы не подвели: доставили, что заказано. Даже соль Хося не позабыла купить, заглянув ещё с утра на Рыбий Базар. Она готовила в последнее время совсем без соли (из-за суставов, само собой, но и не желая провоцировать снеговиков в саду). Еремайка высыпала лучшую неверскую муку горкой на стол и принялась колдовать.

Когда стало темнеть, всепокоряющий ласковый аромат корицы и патоки наполнил холмы Приводья, пополз за опушку.

Вскоре под окном появился гость. Стукнул в стекло, старательно оттер свои грязнящие рыбачьи сапоги за порогом, согнувшись, тихонько повесил куртку-трёхрукавку на гвоздь, присел, будто человек, и сделал вид, что задремал. Хося недовольно глянула на пришельца: воды с него уже натекло немало, пару маленьких уклеек выплеснуло из сапога под лавку. Но ничего не сказала: занята была.

Второй гость вошёл не в дверь, не в окно — влез через заслонку из подпола. Тенью скользнул в угол, затаился в ожидании. Только

взгляд его чувствовался безошибочно, как острие кинжала у горла.

— Это же... Я с ним за стол не сяду! — заявил первый, привставая.

Хося погрозила ему скалкой:

— Сядешь. Сегодня ты и не с таким сядешь.

В горницу втиснулось нечто уж совершенно невозможное, чуть не разворотив косяк, выкатило кольчатое тело, аж шагнуть некуда. Из таких, как первый гость, да и таких, как второй, лесное диво охотно заказывало ожерелья, приносящие удачу в бою. Точнее, из их желчных камней, ежели таковые в зубах застрянут. В тот вечер пришлось и ему поджать сегмент-другой, чтобы поместиться за столом вместе с остальными.

Хося вынула из печи на лопатку и ссыпала на расписное блюдо свои легендарные пряники с корицей. Глубоко в чаше злой голодный охотник опустил лук, потянул носом, произнёс вполголоса: «Сегодня, значит, день рождения...» — и помчался домой, ломая подлесок. И добыча за ним.

Стемнело, хозяйка зажгла свечи, сняла вышитое полотенце с блюда и выставила пряники на стол.

— Ешьте, дети, — разрешила Хося.

Гости принялись запихивать угощение в пасти, глотки и полости. И счастливым одобрительным мычанием благодарить хозяйку. А та, покусывая последний, кособокенький пряник, глядела во все глаза и старалась на целый год вперёд нарадоваться. Удивительно разные выросли, не ожидала! Взять хотя бы младшего: помыться не загнать его было, а теперь сутками в воде сидит, дом себе на дне

оомекской трясины построил, говорят... Жаль, что не пришёл. Соседскую дочь, Леську-Хвостик, можно было позвать, девочка ему нравилась когда-то. А то ведь так и не женится, внуков не дождусь.

Лучше уж раз в году, чем совсем никогда, думала Хося, обнимая опоздавших за шеи и щупальца, вынимая припрятанные лакомства. Ясно, завтра одни помчатся рвать других на части, и, наверное, даже успешно. Сидишь потом под окошком и слышишь, как они друг друга грызут. Невесело, конечно. Вот и хочется вытащить детей за уши из повседневной свары — хоть на пряники.

Говорят, глупо отмечать день рождения старомирского дядьки. А ведь он был добрый, наивный и беззащитный, за что и пострадал. Хося считала его тоже родственником, очень жалела и старалась жить так, чтобы ему было приятно. Ну, если бы он вдруг посмотрел на неё... откуда-нибудь.

Дети дохрустели выпечкой и заботливо подобрали крошки. Тогда из тёмного угла, из глубокой тени кто-то робко заиграл на дудке. Хося заголосила тоненько грустную песню о юной рыбачке и её пропавшем женихе.

Под заунывную мелодию гости расходились по трясинам, логовам и окопам. Обсуждали ночеградские гонки механических носорогов и катуниц из Михина. Стемнело так, что ни шушуна не увидеть. Над Еремае взошла яркая звезда.

Констант Понедельник, демон-букинист из столицы, называл её Вифлеемской.

Глава 3. Уязвимое место

1.

Штиллер повернулся на спину, принял свою любимую сновидческую позицию «счастливый мертвец». То есть сложил руки на груди, улыбнулся и поджал пальцы ног. Он подозревал, что покойники тоже так поступают, но не мог объяснить почему. Это казалось таким естественным делом!

Жизнь была, пожалуй, даже чудесна.

Он заплатил хозяевам «Слепой Рыбы» за комнату на три месяца вперед. Съел целиком чёрную курицу на вертеле — ночеградский деликатес, только обеспеченный человек мог его себе позволить. А также послал старой тётке Агниссе пятьдесят плотвичек. Пусть не гундит, что ключник — не ремесло.

И ещё нашёл в «Михинском листке» объявление о сдаче внаём лавки подходящего размера. Над этим стоило подумать. Завтра. Завтра он мог спать хоть до полудня. А потом — подумать. В конце концов, от столицы до Михина шушуном докинуть.

Нечто загадочное внутри Штиллера назойливо упрашивало остаться в столице. Рен согласился принять во внимание сколько-нибудь логичные аргументы. Загадочное заткнулось.

Грызущую тревогу, что всё идёт подозрительно прекрасно, ключник постарался подавить в зародыше. Мамина школа, подумал он, и беспокойно перевернулся на бок. Мама научила маленького

Рена «закону сохранения удачи». Смысл его таков: если повезло в одном деле — обязательно проиграешь в другом. Получил прибыль — жди убытков. И наоборот. Мамуля по-детски радовалась неприятностям — вестникам грядущих побед.

Чем хуже шли их дела (семья катастрофически обеднела, затем последовал ряд профессиональных неудач, в результате которых отца пришлось держать взаперти), тем веселее и спокойнее выглядела эта удивительная женщина. Уверенность, что теперь-то сыну не угрожает ни ветрянка, ни понос, ни заикательное проклятье, делало её по-настоящему счастливой. И действительно, Рен оставался здоров. Послушен. Прилежен. Не это ли главное?.. Зато, когда они внезапно получили королевскую пенсию, мама от беспокойства потеряла сон.

Чтобы выбросить из головы то, что случилось дальше, Штиллер резко перевернулся на другой бок. И подумал: «Сейчас наш дивный мир проглотит пробегающий мимо мироглот. Мироглотус вульгарис. Нет, не так. Небольшой такой мироглотик. С ушками. Неудобно ему будет аж до лёгкого несварения желудка. И большие товарищи будут глядеть с укоризной, как он, обжора, мается... Хватит. Паранойя разрешена только при исполнении заказов... Пара-нойя! Слово-то какое. Откуда оно мне известно, хотелось бы знать?»

Сквозь раскрытое окно не доносилось ни звука, даже назойливый ветер умолк. Яблоня у дома напротив застыла, воздев ветви, словно

для приветствия. Штиллер с удовольствием погружался в тёплую волну молока меж кисельных берегов...

— Барч! — произнёс высокий требовательный женский голос у него в комнате. — Выходи! Пора!

Штиллер зажмурился и выговорил с невыразимой печалью:

— Вы, несомненно, ошиблись комнатой, уважаемая. Здесь есть только Рен Штиллер и ещё некий Финн... э-э, не так важно. Барча тут нет. И сегодня вечером уже не будет. Потому что я спать хочу, а кровать тут только одна. Доброй ночи!

Наступила тишина. Потом раздался короткий, знакомый смешок. Усталость пропала бесследно, точно став добычей опытного карманника. Штиллер открыл глаза, сел и обернулся к окну. Там стояла принцесса.

Не узнать её было невозможно. Девушка обладала странной красотой, которую старомирские предки называли «северной». Таких охотно брали в рабство, использовали в качестве дурного примера для подрастающих дочерей, кроме того, в давние времена чаще других при большом стечении народа жгли на кострах. Принцесса была невысокой медноволосой девчонкой с почти прозрачными глазами, бледной до синевы, как и полагалось ночеградцам. Рен уже не раз видел её издалека. Вся столица могла наблюдать выезд будущих супругов в маленькой лодочке с крыши Королевского Дома на Треугольной площади. Каждый день в новом ярком платье, с беспорядочной копной волос, не уложенных

в причёску, дикое дитя антистолицы улыбалось толпе горожан. Лодка из кожи Морской Змеи некоторое время висела над площадью. Иногда Король приказывал кормчему спуститься пониже и выполнял горожанам их заветные желания. Порой просто раздавал камешки с забавными свойствами, наделяющие владельца свечением или прекрасным голосом на неделю. Невеста сидела молча по левую руку его величества и переводила заинтересованный взгляд с одного лица на другое, не вступая в беседу, даже если обращались прямо к ней. Отвечал жених. Иногда какой-нибудь гном в надежде на неформальную аудиенцию подскакивал к лодке на петухе, в бочонке из-под пива или на летучей рыбе. Бывало, железнодорожный тролль, размахивая суповой костью на манер дирижёрской палочки, запевал снизу серенаду, сложенную им самим. Тогда принцесса хлопала в ладоши и разражалась хохотом.

Наверняка девушке не сообщили, что звуки её «милого, непринуждённого смеха» напоминают брачный крик морских буйволов по весне. Или монарху с невестой было наплевать на такие мелочи. Так или иначе, оглушительное визгливое хихиканье доносилось из лодки регулярно, в последнее время даже чаще обычного. Столичные хулиганы изобретали новые и новые способы рассмешить принцессу.

Штиллер смотрел и думал глуповато: «А говорить она вообще умеет?»

И ещё: «Правда, что одежда вампиров — их мимикрирующая

кожа?»

— Правда, — сказала принцесса, разглаживая складки на простом свободном платье цвета неверских бегучих настурций. — Показать, как я выгляжу на самом деле?

Штиллер улыбнулся, сел, спустив ноги на пол, и почесал висок, незаметно запретив чтение мыслей простым ключом Фёта.

— Сперва лампу бы погасить, — предложил он. — С улицы видно. Его величество разгневается.

— Только если представление будет бесплатным, — усмехнулась метаморфка. — Да не лезу я тебе в мысли, я же не кот! — она всё же заметила движение его пальцев, ведьма.

Гостья подошла к выходу, внимательно осматриваясь, зачем-то выглянула из комнаты, вновь притворила дверь, подошла к Рену, села сбоку на кровать, подвернув ногу. И объяснила:

— Все в первую очередь интересуются именно этим. Про одежду.

— А потом?

— Что — потом?

— Чем все интересуются потом?

— Обычно после этого, — будущая королева пожала плечами, изумляясь причудливому полёту человеческой мысли, — меня спрашивают, буду ли я пить их кровь. Твою — однозначно, нет.

— Ладно, — растерянно произнёс ключник. И спросил, как дурак:

— А почему?

Вампирка не ответила и быстро, гораздо быстрее, чем он умел двигаться или даже соображать, заглянула под кровать. Когда

принцесса снова уселась прямо, лицо её было по-настоящему расстроенным и, кажется, немного напуганным.

— Там его тоже нет, Барча? — догадался Штиллер. — Он что, жил тут до меня?

— «Жил» — неправильное слово, — нахмурилась она. — Знаешь, давай представимся друг другу по-хорошему. И тогда я попробую тебе помочь.

— А не наоборот? — Рен говорил с принцессей несколько минут, и уже испытывал лёгкое беспокойство за государство.

— Зови меня Хет, — сказала она, игнорируя его замечание. — Это домашнее имя. Коронуют меня, понятное дело, под другим каким-нибудь. Я из первого поколения Новомира. Теперь твоя очередь.

— Рен. В Городе Ночь назывался Ренольд. Мне в «сером квартале» объяснили, что «рен» на местном воровском коде означает приказ бежать («Надо же, не захохотала: может, не совсем безнадёжна?»)

Мне двадцать четыре. Твоя очередь. Кто такой Барч?

— Надо же, всего двадцать четыре, да и то, если не врёшь! — драматически прошептала Хет. — Я-то надеялась, тридцатник. А выглядишь моложе, потому что у вас там воздух, погодка, овечки для простых радостей, в деревне...

— Я из Михина!

— Вот именно... Барч — рыбак Бартоломео, он труп, — заявила принцесса после небольшой паузы, позволив собеседнику поверить, что так ничего и не услышит. И похвасталась:

— Я его украла для тебя.

— Для меня! Спасибо... — Штиллер оказался настолько за пределами своей способности изумляться, что лишь на робкий сарказм его и хватило. — Труп по имени Бартоломео — мечта всей моей жизни. Но, по-видимому, у покойника были другие планы, потому и сбежал. Я прав?

— Частично, — не моргнув глазом, подтвердила она. — Бартоломео, рыбак с пристани Рипендам, — твоя четвёртая часть, Финн Биццаро. К сожалению, я слишком поздно узнала об этом, практически уже во время самого «ритуала разделения». Убить Барча наши всемогущие маги Совета, надутые главы гильдий, психованные вояки и старичьё, не решились. Не могут договориться, что тогда произойдёт!

Лицо ведьмы выражало крайнюю степень презрения. Штиллер готов был уже посоветовать ей сплюнуть яд в тазик для умывания.

— Родигер, — продолжила Хет, — единственный уверенный в том, что делает, отделил Бартоломео дух от тела. Куда он девал личность — я не поняла, хотя смотрела прямо в руки.

Расспрашивать не решилась... Но теперь всё равно придётся, — размышляла гостя вслух. — От Барча осталось тело в низшей посмертной форме. На некромантском жаргоне — «шагающая плоть». Насколько понимаю, такой труп разлагается, но очень медленно. И способен выполнять несложные приказы типа «убей», «принеси», «укуси». Кстати, про «укуси»: нужно ли такому питаться — не знаю, надо выяснить. Я Барча потихоньку вывела из Маяка и оставила здесь, в «Рыбе».

— Из маяка?

Про него болтали в городе. Шёпотом, замолкая в присутствии чужаков. Рен был до сих пор убеждён, что речь об огненном шаре над пристанью. Его поддерживали змеиные жрицы, чтобы помочь рыбакам прикинуть расстояние до линии Запрета. Перестал видеть свет — поворачивай назад.

Хет показала вверх, где никакой пристани быть не могло.

— Некромантам принадлежит башенка рядом с кладбищем Белые Холмы. Ты не знал? Родигер её купил. Дрессированные покойники старинное портовое здание разобрали и снова собрали по камешку в Верхнем Городе. Там на первом этаже теперь уютная такая харчевня, напитки замечательные со всего Приводья. Мясо готовят вполне достойно...

Ключнику стало нехорошо, хотя он на Маяке никогда не обедал.

— Так вот, о мясе. Барч не разваливался, слушался меня, но не волочить же его на Треугольную площадь! Отведу-ка его к другой четверти, думаю. Все знают, что ты тут остановился. Ждут, когда ты Армию Тьмы набирать начнёшь или Ребекку во что-нибудь неприличное превратишь. Мимо «Рыбы» проезжали, вижу: в одной комнате темно, обнюхала — пустая, но твоя. Остальное ты знаешь.

— Куда же ты с ним собиралась теперь?

— Как куда? — удивилась Хет. — Под воду, конечно! Понадобится — вынешь.

Штиллер недоверчиво уставился в сумасшедшие светлые глаза принцессы. И представил себе очень неприятную картину.

Беспомощный, не умеющий толком умереть кусок плоти, способный осознавать своё нелепое положение, на дне Запретных Вод. «Тут не клад под платаном зарыть: место не отметишь, а вернёшься — не найдёшь. А если привязать поплавок?.. Ох, шестиногий карп, я начинаю думать, как эта ночеградская бестия!» — Не нравится? Странно, — вздохнула принцесса. — «Концы в воду» — традиция почтенная, древняя. Мертвецам такого типа вода не вредит, я немного понимаю в некромантии, так, в общих чертах, как все в Городе Ночь. Моя очередь спрашивать. Как ты готовишься к войне?

2.

К войне!

Она права, подумал он мрачно, я никак не начну относиться к проблеме всерьёз.

Про Финна Биццаро впервые упомянул чудовищный Хозяин оомекских болот. Штиллеру и его команде удалось уйти от него без потерь, никакой морок не встретился на обратном пути. Более того, ночное болото устроило им на прощанье удивительный спектакль с участием блуждающих огней, плавучих светящихся гнилушек, в сопровождении необъяснимых пугающих звуков. Но команда в тот момент была слишком измучена, чтобы по-настоящему оценить представление.

На обратном пути, засыпая в вагоне, ключник усомнился, что взаправду одержал победу над чудовищем. Владыка Болот

наверняка отпустил добычу по своим соображениям.

Алисия Нойн, их нанимательница, простилась с приятелями вежливо, но сухо. Рен несколько раз заходил в амулетную лавку на Узкой Улице — поговорить. То есть, он полагал, что им есть, о чём побеседовать. Но Алисия была явно другого мнения. Едва Штиллер появлялся на пороге, та с вежливыми оправданиями исчезала внутри. А за стойку выкатывалась колоритная пожилая гномка, известная Веська Виттемун, и раздражённо выкладывала перед ключником самые дорогие новинки. Госпожа Нойн, мать Алисии, уже не сидела у окна, да и отец где-то пропадал. Надежды наёмников, что спасённый Прово вернётся в Гильдию, не сбылись. Бретта, к счастью, общества ключника не избегала. Именно она на обратном пути без усилий освоила игру на стариковой дудке. Одно-единственную приятную и незатейливую мелодию можно было извлечь из выдолбленной деревянной палочки — Штиллер не совсем понимал, почему. После настойчивых просьб сыграть что-нибудь другое ключник получил дудку тычком в зубы с требованием «самому попробовать». Но сколько Рен ни маялся, ничего, кроме жалобного хрипения, не вышло. И потом целый час звенело в ушах.

Когда Бретта перестала дуться и снова согласилась играть, им удалось за считанные дни выгнать всех «незваных гостей» из опустевших домов Лена Игел. Бретта дудела, Штиллер работал ключами. Надо было видеть, как безобразная морская братия — двухголовые трескопауки, батальоны сельди на шушуньих ножках,

безумные полулюди с ножами из акульего зуба в каждой из многочисленных рук — мчится переулками, теряя всякий облик, мечтая только о том, чтобы залечь под воду. Бретта была совершенно в своей стихии, щедро раздавая пинки «по мокрым задницам». Штиллер наблюдал, улыбался — и мечтал, чтобы пустые дома Лена Игел не закончились никогда.

Разумеется, их оказалось гораздо меньше, чем потребовалось бы ему, чтобы найти повод сказать компаньонке что-нибудь нежное. Король заплатил баснословные пятьсот монет. Точнее, письмо Риште, цехового предводителя, содержало пятьсот плотвичек. А сколько Смо оставил с королевской премии себе, думать не хотелось... Пусть бы треть. Но не половину же!

К награде прилагалась грамота, наделяющая правом открыть собственную лавку с Золотым Ключиком на вывеске в любом городе Приводья или крепости Сухозема.

Лопаящийся от гордости Штиллер, признанный мастер-ключник, пригласил главу Гильдии Наёмников с подопечными на ужин. И в «Слепой рыбе» попытался обсудить с Бреттой их принадлежность к таинственной общности под названием «Финн Биццаро».

Наёмница заявила, что уже навела справки. Назвать кого-то финнбиццаро — как гоблином-клизмой обругать или троллем безрогим. Звучит таинственно, по-староземски: эй ты, ф-ф-финнбиццаро! Правда, сейчас уже так не говорят, а вот раньше!..

Где же она, Бретта, получила такую интересную информацию? А у господина Понедельника, где же ещё! Что, так прямо и выразился?

Хм, нет, он Бретту почти сразу из лавки выставил. Как-как, ласково! Но решительно. Не успела произнести: «Финнб...», и уже стояла снаружи, на мостовой. С синяком от тычка когтистой лапы в районе поясницы и запомнившейся фразой, что... момент... Вот: «Рукописи, вопреки авторитетному мнению, горят!»

— Ты понимаешь, Рен? — уточнила Бретта, и не дожидаясь ответа, призналась: — Я нет, но оно и необязательно. Пока мне хорошо не заплатят за то, чтобы в огонь соваться, пусть они горят себе где-нибудь подальше, рукописи всякие.

— Ешь свою чёрную курицу, Штиллер, пока она сама тебя не съела, — многозначительно посоветовал пьяный мастер Ю, сидящий напротив. — Твари Города Ночи умеют удивлять. Даже жареные.

Ю охотно принял приглашение в таверну. Он обжирался и не спускал эльфовидную блондинку с колен. Наёмники ухаживали за ним, как за любимой бабушкой: подносили, подливали, ржали над каждым его словом, как михинские единороги. Штиллер был и сам не прочь оказаться в центре внимания, особенно если платит за ужин. И вскоре увлёкся проверкой, сколько старомирских сортов выпивки способен наколдовать Ларс из дешёвого еремайского вина. Пить чудеса приходилось быстро. Вкус сохранялся считанные секунды.

В момент, когда Рен, выпучив глаза, под аплодисменты приятелей глотал трансформированный «вискер», мастер Ю пересел поближе и предложил:

— Смотри, парень, вот тебе «Михинский листок». Кажется, сдаётся
внаём в Пекарском Переулке...

Всё это Штиллер вдумчиво, в подробностях поведал её высочеству.
Включая информацию о чёрных курах.

— То есть, у тебя нет никакого плана, — задумчиво подвела итог
Хет. — Ничего, у твоих врагов тоже. Вот я и предлагаю — не
стратегию, а что-то вроде, для начала. Поищем то, что осталось от
Барча. Далеко он,дохлый, от нас уйти не мог. Да и слышно было
бы, если б такой по городу бродил. Встретитесь, поговорите.
«С покойником?..»

— Слушай, прошу прощения, но я просто обязан спросить. У тебя
какой в этом деле интерес, принцесса?

Хет усмехнулась и поднялась на ноги.

— Король владеет всей территорией, населённой людьми, и
большой частью нелюдской области. Только Город Ночь до сих пор
был свободным. После нашей свадьбы он статус чернокнижной
вольницы теряет, что меня, разумеется, радовать не должно. Как
тебе такое объяснение? По-моему, довольно-таки неплохое.

— Да, — недоверчиво протянул Штиллер. — Весьма
правдоподобное!

Но принцесса и не думала убеждать, просто наблюдала с
интересом: мол, проглотишь или подавишься?

— К браку тебя принуждает, вероятно, родич-тиран?

— Почему же? — красноволосая ведьма улыбнулась уголком рта.

— Я обожаю столичную жизнь! Тайны, плащ и кинжал.

Противоречит основной идее? Возможно, но если подумать, заметишь, насколько всё коварно.

— А если серьёзно и, по возможности, правду?

— Зачем? Откровенность ценится незаслуженно высоко, — принцесса перекинула ногу через подоконник. Лодка ждала её, покачиваясь на ветру, время от времени бодая замшелую стену просмолённым бортом. Кормчий, понятное дело, отсутствовал. Равно как его величество. Лодка без них казалась чрезмерно огромной.

«К чему словами укреплять взаимное доверие?» Рен задумался, пытаясь найти ответ в духе Города Ночь.

— Чтобы создать иллюзию собственной уязвимости в глазах другого?

Хет ухмыльнулась:

— Давай пока предположим, что мне просто нравится нарушать правила и портить игру семейным. Лезь в лодку, ты мне нужен для равновесия. Я раз пять чуть не перевернулась по дороге.

— Погодите, — раздался от двери голос Ребекки. — Не надо никого искать.

Тут — только на одно мгновение — Штиллер увидел настоящую Хет. Сидящая на узком подоконнике женщина совершенно утратила цвет, её кожа слилась с полуночным воздухом. Волосы приобрели интенсивный рубиновый оттенок и встали дыбом, словно от ураганного ветра или в грозу, когда молнии бьют над

Водами в далёкий Остров. В раскрытой пасти существа обнаружился великолепный арсенал хищника — волчьи клыки и даже двурядные преобразованные моляры, чтобы рвать мясо и размалывать кости. Это подтвердило бы предположение неизвестного обоим профессора Лиода о том, что основой рациона аристократии Города Ночь служит плоть, а не кровь... если бы профессор опубликовал результаты исследований до того, как стал добычей собственных лабораторных животных.

Но принцесса быстро взяла себя в руки.

На подоконнике, демонстрируя идеальную осанку и безукоризненные манеры, словно бы не она готова была сожрать трактирщицу, восседала королевская невеста.

— Ребекка, не провоцируй. Я ещё молодая, неопытная, ни разу в жизни не пила невидимой крови, а посему могу совершить что-нибудь необдуманное. О чём потом, конечно, пожалею. Объясни, пожалуйста, почему нам не надо искать Барча? Но только без шуток, ведь я тебя хоть и не вижу, но чую теперь очень хорошо.

— Знаю, — слышалось из угла. — Мне кучу личной магии отдать пришлось, чтобы до сих пор не дать себя унюхать.

Маскировка — дело затратное, но на такое не жалко. Я и мёртвому парню помогла спрятаться.

Хет вздохнула и завела глаза со стоном.

— Где он? Что ты сделала? Знают ли на Маяке? Нет, погоди, будь добра, начни с ответа на последний вопрос.

— Не знают.

— Отлично!

— Но я уже почти пожалела о том, — голос Ребекки был полон яда. Стул, до того мирно стоящий напротив кровати, подпрыгнул и повернулся к окну.

Рен удивился: Ребекка казалась ему неутомимой, как прибор.

Похоже, мерзкая некромантская история была на самом деле ещё хуже, чем ему сперва показалась, раз эту стремительную женщину уже плохо держали ноги.

— Барч, — сказала трактирщица тихим голосом, — идёт в Университет Лиода. Такому существу, как он, там проще затаиться. Я ему подарила вещь, которая его спрячет от некромантов. И... не только от них.

— Так это же неплохо! — обрадовалась принцесса.

— Я тоже так считаю, — подтвердила Ребекка очень осторожно. — Штука, которую я ему надела, шляпка-спрятка... У неё фокус такой: хочешь ты найти Барча — не найдёшь. И если ты не захочешь его найти — тоже не найдёшь.

— Хочу — не найду. И не хочу — тоже не найду? — переспросила с отвращением принцесса.

— Точно, — подтвердила трактирщица, судя по всему, чрезвычайно довольная собой. Стул скрипнул и отскочил, дверь отворилась. Ребекка сварливо добавила:

— Я бы на вашем месте оставила, как есть!

И дверь захлопнулась.

— Язык не распускай, — мрачно посоветовала Хет после некоторого молчания, косясь на ключника, — она всё ещё здесь, трактирщица.

Штиллер захохотал. Принцесса внимательно наблюдала за ним, даже не улыбнувшись.

— Мне нужно подумать, — объявила она. — И тебе советую. Сам не умеешь — спроси кого-нибудь поумнее. Не знаю, стоит ли обсуждать происшествие с мастером Ю. Трудно понять, на чьей он стороне. Старичок в последние сто лет редко высказывается по существу. Завтра к полуночи я снова угоню лодку. Сравним наши планы, в Лиод слетаем, осмотримся. Только не усни, существо с дневной активностью!

— Попробую, — Штиллер с трудом взял себя в руки, нервный смех царапал горло. К счастью, дышать было необязательно. — Я бы и не пошёл к мастеру Ю. Наставник всегда занят спасением мира, производством маленьких эльфов и другими убийственно-важными вещами. Куда уж нам, смертным...

Хет уставилась в изумлении, словно получила ответ на некую загадку, о которой собеседник не знал. Но ничего не сказала, просто покачала лохматой головкой и выпорхнула в окно. Ключник босиком, не чуя камня под ногами, подбежал к окну, чтобы увидеть, как она неловко, но лихо размахивает веслом среди туч, громко браня сложность управления. Несколько вороньих теней шныряли поблизости, то ли из принцессиной свиты, то ли сами по себе.

Штиллер затворил окно и запер на всякий случай. Потом направился к кровати, размышляя о том, что спать, вероятно, не будет. И наконец, быстро накинув плащ, тёплую куртку и сапоги, он выскользнул за дверь, оставив предполагаемую Ребекку в комнате. Не удержавшись от маленькой мести, запечатал вход ключом Тав, чтобы трактирщица на вынужденном досуге поразмыслила над правом постояльцев на личные тайны. Рен шёл к коту.

Коты зарабатывали передачей сообщений на расстоянии. Способность узнавать чужие мысли встречалась и среди других существ. Интервенты в разум создавались искусственно. Но только мохнатому народцу была присуща удивительная точность понимания вплоть до эмоциональных нюансов, сарказма и многослойных подтекстов.

Животные прославились также безупречной лояльностью, пока не выяснилось, что они физически не способны выдать тайну послания — даже под пыткой. Сообщение присутствует в памяти зверя исключительно в момент передачи, а затем бесследно исчезает. Для этого у котов имеется уникальная область памяти, называемая «одолженной». Словом, хоть некоторые маги-Островитяне и показывают неплохие результаты в телепатии, но до котов им далеко.

За времена кругосветного путешествия Штиллеру ни разу не приходилось воспользоваться услугами хвостатых специалистов.

Близкой родни у него не осталось, компаньонов в далёких краях не завёл, был законопослушен и старался никому не наступать на мозоль. Если надо было что-нибудь сообщить другому, он подходил, хлопал по плечу — и сообщал.

Коты и их таланты казались ключнику до сих пор забавной, но излишней штукой. Вроде нароговника или лака для когтей.

Башенка лорда Хайнриха, его котейшества, была похожа на тающий торт со сливками. Возможно, прицельность или точность сообщений усиливалась таким образом. Но, скорее всего, хозяину просто нравились подобные вещи.

Чтобы попасть внутрь, требовалось влезть по опасной лесенке, виляющей, как хвост сытого волколака. Или взлететь. Лорд Хайнрих мог себе позволить такие причуды. Он был лучшим из лучших, посетители у него не переводились никогда. Кстати, именно этот хулиган нечёсанный запретил связистам объединяться в гильдию. «Чтобы выживали талантливейшие, — говорил кот. — А бездарей пустить на воротники!»

Рен не без труда одолел подъём. Дверь отсутствовала, вместо неё был люк без крышки. Жилище мага-связиста ничем не отличалось от лавки ковров. Здесь имелись ковровые деревья, висячие ковры, широкие пушистые лежанки. На одной раскинулось что-то вроде серого дымчатого мехового дивана. Рен мог бы трижды уместиться на нём, если бы имел склонность к самоубийству. Маг-связист, гений коммуникации, охотно пускал в ход зубы.

— Защиту убери, — проворчала лохматая знаменитость. —

Возиться с ней ещё...

Рен торопливо снял с виска ключ Фёта, о котором уже успел позабыть.

Лорд Хайнрих спал всегда, когда не ел и не занимался важными делами. Под ними его котейшество подразумевал любовь. Хайнрих предпочитал демониц Сухозема и Города Ночь. Потому его котята ещё не вытеснили основное население столицы.

— Сообщение для Бретты из...

— Знаю, — барственно произнёс кот и зевнул. — Уже передал.

— Что передал? — изумился Штиллер.

— Всё, что ты сказать хотел. Да не спит она, не спит, не то с утра получила бы. Сообщение немаленькое, оставь на пороге тридцать монет или одну настоящую рыбу. Я заберу, как проснусь, — объявил телепат, плавно перетёк из формы «холм с ушами» в форму «смятый плащ» и перестал обращать внимание на посетителя.

Рен проглотил всё, что хотел сказать мохнатому надутому мешку. В том числе старомирские ругательства с применением анатомических терминов, обозначающих органы, доступные для вылизывания. И потащился в Дом Наёмников, оставив на пороге плотву.

— Штиллер! Ты тоже не спишь!

Бретта ждала снаружи, закутанная в огромную, не по росту,

накидку из меха водяного быка, вероятно, очень тёплую. Да и ключнику стоило обзавестись чем-нибудь посолиднее. Подходящее уважаемому мастеру, а не бедному подмастерью с отмороженным задом.

Тут Бретта повисла у него на шее, и ночной холод сразу отступил. К сожалению, она часто делала то же самое с другими знакомыми — и даже малознакомыми, не говоря уже о каждом мимо пробегающем кролике-оборотне. Её манера приветствовать поцелуями сбивала с толку. Рен уже вообразил, что Бретта влюбилась в него самым сказочным образом в тот самый момент, как он разгадал загадку про глухого хрюня. А потом с грустью понял: перед ним еремайский способ вести беседу. И горе тому, кто неверно поймёт!

Всё равно это было волшебно: ловкий захват в прыжке, приносящий очередную лёгкую победу. Рен еле устоял на ногах — накидка оказалась тяжелой, как целый водяной бык. Штиллер получил мокрый поцелуй в нос, ему царапнули ухо острым браслетом. Ключник тоже обнял Бретту, вдохнул неповторимый аромат, напоминающий о мёде, летнем зное и стрихнине.

— Как тебе Хайнрих? Правда, замечательный?

— Кот? — не сразу сообразил Штиллер. Руки девушки как раз перестали обнимать его и всё заметнее принялись отталкивать. Он позволил Бретте ускользнуть. — Кот, конечно, выдающийся. Вежливый такой! Разговорчивый! Подвижный...

— Обиделся! — Бретта пришла в восторг. — На кота! Он же

мягонький, кто же на мягоньких обижается? Брось, Рен. Вот я же не сержусь на то, что узнала не от тебя лично, а через телепата.

— О чём?! — Штиллер моментально сгорел дотла и поклялся самому себе запереть ушастую телепатическую бестию в очень маленькой табакерке.

— О принцессе, — наёмница шмыгнула носом и отступила на шаг, — о мёртвом Бартоломео...

Рен облегчённо выдохнул украдкой.

— О Королевском совете, что я тебе нравлюсь и про шапку-спрятку Ребекки, — прилежно перечислила девушка.

— Так что ты думаешь? — неловко спросил ключник.

— Я в деле, — улыбаясь до ушей, загадочно ответила ужасная Бретта.

И потащила его в дом, как умелый заклинатель — демона.

3.

Ночь клонилась к рассвету. В гостевом зале гильдии подогревались остатки вчерашнего ужина на маленькой жаровне, именуемой здешним народом «девка» («мамулей» звалась массивная печь на кухне). Хигг заботливо пошевелил угли, убедился, что бок горшка почти не нагрелся, тяжело вздохнул — так, что в оружейном зале загремели мечи и кольчуги на крюках, а с крыши посыпались нетопыри и коты.

— В Лиод! — выговорил великан после длинной паузы.

Штиллер кивнул. Стоящая рядом Бретта поблёскивала глазами в

полумраке, чуя лёгкий аромат жареного: реальный — и запах предполагаемого приключения. Её фигурка неосознанно приняла стойку, удобную как для нападения, так и для открытия Врат Ада. Штиллер мог показать ей, как это делается. А возможно, и учить бы не пришлось.

— Хоть бы выспаться дали, мелочь непочтительная, взрослых не уважающая, — Хигг тёр глаза так безжалостно, будто в кармане у него валялась пара запасных. — Зачем вам в Лиод-то? Туда Катер всё время ходит, картину Марион фан Бремерзе ищет с прошлого Годового Поворота. А толку никакого.

— Вот, — обрадовалась Бретта, — Катер тоже с нами пойдёт. Рен, поможешь мне его уговорить, да?

— Легко, — пообещал ключник. — Мы просто откажемся от своей доли вознаграждения за картину.

Бретта скривила недовольную рожицу, но не возразила.

— Кстати, давно хотел увидеть подлинную фан Бремерзе. У нас в Михине в ратуше висят три копии, в том числе и «Нарушение Запрета». Её полдня рассматриваешь — снова и снова на незамеченные детали натыкаешься. То вдруг видишь лицо тонущего рыбака из-под волны, то сундук скачет по воде, как бешеная единорожица... И ошибка в направлении ветров, раздувающих паруса! Она создаёт иллюзию, что все корабли плывут прямо к тебе в руки...

Штиллер понимал, что беспорядочный рассказ не передаёт глубокой печали, которую он ощутил, увидев три колдовские

картины: от осознания, что ему не сотворить ничего подобного.

Тоски бесталанного, способного понять, насколько обделён. Но всё равно размахивал руками, рисовал в воздухе волны и корабли. Так люди пытаются рассказать о том, почему полюбили.

— Говорят, копии не идут ни в какое сравнение с оригиналами! — завершил Рен свой рассказ. — Странно, что столичный Храм не выставляет их. Народ отовсюду приезжал бы поглядеть.

— Ведьма она была, Марион, — неожиданно заверил Хигг, и покивал мрачно, со знанием дела. — Злобная сумасшедшая ведьма. И картины у неё недобрые. По мне, так правильно, что Катер спалит эту дрянь.

И наёмник угрюмо наклонился к «девке», пытаюсь толком «разбудить» её: сырые угли тлели, но жара совсем не давали.

— Спалит?! — испугался Штиллер.

— Именно: пожжёт, порубит, скормит шушунам, как получится.

Заказ такой: картину Марион уничтожить. А ты думал, Катер ищет, чтоб королевне в подарок к свадьбе поднести? — Хигг захохотал, но сразу получил от Бретты кулаком в бок: народ перебудуишь!

— Варварство какое, — ключник беспомощно перевёл взгляд на Бретту, но ту вдруг чрезвычайно заинтересовали лезвия на запястье.

Хигг продолжил громовым шёпотом:

— Мы, ученики, все её боялись, госпожу Бремерзе. Правда! Седая, косматая ведьма, визгливая и скорая на расправу. Опрокинул случайно баночку краски — хоп! — и ты уже ёрш-пескоед. Где-

нибудь в ручье под Оомеком. Как-то я неделю придумывал, как дно у лодки расписать, чтоб рыбам снизу смотреть веселее. Дурак, говорит: у воды переломление другое, что ли. Чему у воды ломаться, чай, не ребру! Рыбы иначе видят... А по-моему, нормально. Глазами луп-луп. Как все разумные люди.

Бородач заметно расстроился.

— Задвигала ставни Марион и рисовала почти в темноте. По мне, так её последняя картина совсем дурацкая должна быть, хоть её никто и не видел. Что в темноте намалюешь? Я вам точно говорю: наследники Бремерзе — не дураки. Узнает народ, что великая художница ерунду накорябала — сразу славы-то поубудет. Так что лучше концы в воду.

Штиллер вспомнил о Бартоломео и поёжился.

— Заказчик — внук Марион, Ян Форо. Половина всех лодок в округе — его имущество. Катеру так и было сказано: не приносить домой картину ни под каким видом. Сразу в печку.

Рен понял, что уже давно не дышит от возмущения, и напомнил себе о том, чтобы оставаться человеком, несмотря ни на что.

— А ты чему учился в Лиоде? — спросил он. Не то, чтобы Рен склонен был судить о людях и их занятиях по росту (Хиггу досталось два средних), характерной мимике («А в морду?!» — такое выражение почти не покидало физиономию гиганта) или даже речи (в данном случае — затейливая, но путаная). Но — Великая Рыба! — представить его студентом было нелегко. Мучительно. Как вурдалака-вегетарианца.

— Я-то... — Хигг смутился, словно его поймали на стихосложении.

— От королевской службы скрывался, где никто не искал. У меня рост для гвардии очень подходящий. А я против. Мне приказы ни к чему, я люблю зо... со... су-ве-ренно подраться!

Рен улыбнулся, а Бретта серьёзно покивала, как ученик лекаря, подразумевающий: недуг нам знаком, но лекарство ещё хуже болезни.

— Чему я у неё научился, так это пескарей земляных рисовать, — неожиданно признался Хигг. — Во-во. Быстрых, весёлых, ни зубом, проклятьем не достанешь. Сгорели, конечно, со всем факультетом Преображения. Обидно, что и говорить... — он зевнул с деланным безразличием.

По окончании представления челюсти наёмника захлопнулись со звуком, с которым акула Голодная Тень перекусывает рыбачью лодку пополам.

— Сон на рассвете — лучший советчик! — доверительно сообщил Хигг, оставив попытки сотворить завтрак. — Проснусь — умнее стану. У-э-э-эмх... Поговорю с Катером, если он ещё здесь и не перехватил дельце попроще.

Великан уже поднялся на ноги — и снова сел. Штиллер и Бретта уставились на него в недоумении, раздосадовано: передумал он, что ли? Хигг выставил по пальцу в направлении друзей и заорал восторженно, игнорируя стоны разбуженных соседей:

— Х-ха! Ох у вас и рожи, когда мастер Ю не следит! — и не давая приятелям ощутить даже тень недовольства, продолжил: — Нет, не

передумал. Говорите: где, когда... Нужно ещё выспаться про запас.

В Лиоде нельзя.

— У меня в «Слепой рыбе», завтра... нет, уже сегодня перед полночью, — ответил Рен. Он хотел задать вопрос, почему в Университете запрещено спать, но передумал. Может, просто не принято. Подремать и под мостом можно, незачем для этого на пепелище тащиться.

— Обязательно зайди к нашему оружейнику, ты же его не видел ещё, Горрина. Он тебе тоже понравится, хотя и не кот, — Бретта стала ненавязчиво подталкивать ключника к выходу. — Нет, не сейчас, он по ночам кормится, не догонишь. Домой, домой! В своей кровати спать надо. А то она обидится и сбежит в Бурый Лес, к родне.

Само собой. Вдруг, глядя на бодрое, весёлое лицо любимой без малейшего признака усталости, он спросил, чувствуя, как нечто безжалостное и неотвратимое медленными шагами настигает их.

— Бретта... А ты? Не устала?

— Я не сплю никогда, — ответила она. — Ты не дышишь. Я не сплю. Так до вечера!

— Да, «оно у нас» говорящее! — сварливо проскрипел ящер и поменял цвет на серебристо-бирюзовый. — Если собеседник достойный появится. Но народ сюда не поболтать ходит, а оружие по руке подобрать.

Незнакомый наёмник отыскал Штиллера в каком-то закутке.

Ключник как раз осознал, что Дом — запутанное местечко. И успел не раз громко и настойчиво высказать пожелание, чтобы его нашли. Желательно, ещё до того, как сбесится. Иначе неспешный спаситель рискует быть загрызенным. Не с голодухи, а строго по требованию драматического сюжета.

Спас ключника молодой неприветливый гном. Не задавая вопросов и не представившись, сразу повёл к Горрину в оружейный зал. По-видимому, существо без видимых признаков обладания сталью длиной минимум с ладонь вызвало в нём потребность помочь. А может, в Доме терялись только те, кто искал встречи с Горрином. Пришлось одолеть несколько крутых винтовых лестниц и остановиться в незнакомом полутёмном зале без пола. Гном без лишних слов предостерёг, указав на шаткие балки через пустоту в нескольких метрах над нижним этажом. Штиллер отпрянул назад и чуть не отдал лапу дремлющей рептилии. Наверное, решил он, ручному зверю мастера Ю. Ящерица недовольно метнулась по стене, темнея, приобретая бурый крупнозернистый окрас, характерный для здешней внутренней отделки. Тогда Рен спросил, говорящее перед ним животное или нет. И заметил, что гном пропал, не ожидая проявлений благодарности. Вместо него ответил ящер.

— Горрин, — представился оружейник, высунув язык и ухмыльнувшись так широко, что уголки рта почти сомкнулись на темечке. Ключник тоже назвал себя и стал рассматривать собеседника. Тот был плоским, похожим на весло, юрким

существом с чрезвычайно низким голосом, вполне человеческим, несмотря на пасть в форме вафельницы. Не слезая со стены, ящер акробатически закинул лапу и почесал ею под лопаткой. Стало заметно, что оружейник был некогда крылат, но крылья ему неаккуратно обрезали. Или даже выломали.

Штиллер не мог себе представить существо, поступившее таким образом с врагом. Некоторые демоны, питающиеся страхом и страданиями, могли... Рен слышал, что в Буролесье живёт племя крылоедов, охотно поедающих именно крылышки в пикантном маринаде. Для этого специально разводят некоторые виды птиц, безумные варвары. Хотя даже они, кажется, свою трапезу предварительно умерщвляют.

Горрин, не смущаясь молчанием визитёра, смотрел на Штиллера прямо, изучающе-внимательно, будто собирался сшить ему рубаху или гроб сколотить. Вдруг ящер метнулся со стены по тёмным балкам, изящно маневрируя над провалами в полу, и вынул из ниши в стене короткий меч. Штиллер поразился скорости существа — и сразу вспомнил ту же молниеносную грацию принцессы. «Несомненно, в вампирах есть что-то от рептилий, — решил он. — Такой короткий и мощный бросок! Теплокровные на него попросту не способны».

А Горрин уже сидел на полу перед ключником и протягивал клинок. Рен почувствовал, как щёки заливаются краской. Он безобразно мало тренировался в фехтовании. И по-настоящему хорош не был никогда. Помедлив, Штиллер забрал у оружейника

меч, выглядящий умеренно смертоносно. Вероятно, в диких краях и старых университетах без оружия не обойтись. До сих пор ключник применял для создания того же эффекта ломик или гвоздодёр.

— Я уж думал, не возьмёшь, — прокомментировал ящер, глядя на Рена задумчиво, без насмешки. — Пригодится! Прежний хозяин называл его «Сепаратор». Глуповато звучит, на мой вкус.

Придумай имя получше. А почему «Сепаратор»? — спросил оружейник сам себя. — А вроде бы потому, что хорош в смысле отделения одного от другого. Головы от тела. Плоти от духа. Отличная вещь против сотворённой, неавтономной нежити и всяких паразитов. Часто одного удара достаточно. Добротная некромантская работа. Э, рожу зря кривишь, между прочим! У некромантов не обе руки левые. Если уж берутся, то делают основательно, грамотно и на совесть. Так что у тебя в руках раритет.

У ящера надулась шея: то ли от гордости, то ли от обиды за мастера.

— Клинок почти идеальный. В него бы ещё руны Отвращения всеребрить... Я советовал, есть ещё такие умельцы в Еремайе, а Кеннет — не-ет, говорит, испортят заточку.

— Заточку? — строго переспросил Штиллер.

— Да. Идиотство, — с величайшим презрением выкашлял Горрин.

— Злого Охотника, ночеградца, Кеннет им даже не поцарапал.

Позорная история.

— А от чего, если не секрет, пытался Кеннет отделить короля-

вампира? — удивился Штиллер.

Ящер подскочил метра на полтора вверх по стене, высунул язык и и выставил когти на передних конечностях, что, вероятно, должно было означать: «Вот это вопрос!»

— Не врут, значит, что ты Биццаро кусок, — с неожиданным пафосом провозгласил он. И продолжил доверительно:

— А ещё болтают, вы решили Катеру помочь. Не сходится!

«Почему?» — огрызнулся Рен, но про себя: имя, которым его в последнее время то и дело называли, принадлежало, похоже, редкостному мерзавцу.

— Прогуляюсь-ка с вами в Лиод, полвека там не был, — объявил вдруг оружейник. — Сдаётся мне, малютка Катер по незнанию влез в интригу семей Островитян, к которым принадлежала и Марион. Их свары никогда не кончаются! То и дело приходят талантливые новички с их уникальным способом попасть на Остров. И старичьё сразу кидается их душить...

— А ты сам никогда не хотел туда попасть? — стало интересно ключнику.

— Тот, кто утверждает, что его не тянет на Остров, — лицемер, — с абсолютной уверенностью изрёк Горрин. — Но я давно перестал искать пути. Пришлют за мной лодку на пристань Рипендам — не откажусь. А вот Катер отказался бы. Почему?

Штиллер находил манеру ящера задавать себе вопросы и самому на них отвечать забавной. Горрин явно предпочитал равного по уму собеседника!

— Катера сейчас интересуют только деньги. У него семья в Элмше. Понял? Жена, дочери. Нехорошо, если с ним что-нибудь случится на задании.

— Конечно.

Ящер снова послал ему загадочный взгляд.

Тут Штиллер, наконец, уловил смысл сказанного.

— погоди, я только что услышал «с вами в Лиод»?

— Вот именно, — подтвердил оружейник хладнокровно.

— Да тебе какая польза?! Удивительное дело. Все, кто слышат, что я иду в Лиод, сразу находят повод, чтобы присоединиться. Лежало себе пепелище, колючкой зарастало пятьдесят лет. Если там что-то ценное и было, мародёры всё уже повывезли. Знаю, — Рен повысил голос, видя, что оружейник готов возразить, — ходят слухи ещё про ведьму в саркофаге алмазном. То ли она пожар запалила у себя на кухне и до сих пор жжёт потихоньку. То ли наоборот, все годы против огненных тварей с метафизической лейкой воюет, отдыха не знает. Чрезвычайно занимательно для рассказчиков историй на базаре. И для архивариусов. В подвалах вполне можно попробовать обгорелые книжки поискать: я слышал, у Константа было несколько таких, демон хорошо платит за находки. Ещё целители шипы с кустов в августе собирают: сушат и колют ими народ в оздоровительных целях. Но у нас, вроде бы, зима на носу. Увы. И даже Катер, что найдёт, то сразу пожжёт и закопает. Я к тому, что, конечно, Горрин, присоединяйся! — Штиллер заметил, что почти орёт, и замолчал, сбитый с толку собственной патетикой.

Горрин отвернулся.

— Дело не в Лиоде, — признался он после паузы другим тоном.

— А в чём?

— В тебе, Биццаро. Ты сотворил вот это, — оружейник показал лапой за спину.

— Что? — не понял Штиллер.

— Крылья мне подрезал.

Штиллер как стоял, так и сел на деревянный брус, свесив ноги в темноту между этажами. Удар оказался силён.

— Ладно, не убивайся, — ледяная лапа ящера похлопала его по плечу. — Дело прошлое.

— Я не... Бред какой! — у ключника получился только жалобный хриплый шепот. Воспоминаний о собственных преступлениях не просто не было. Крепло подозрение, что ему придётся ответить за злодеяния незнакомого хитреца. Рен отказывался принимать вину на себя и никогда бы не сломал... не совершил бы ничего подобного! Точка.

Тогда почему «Финн Биццаро» сразу отозвалось в памяти?

Казалось, так прозвали Рена в далёком детстве.

Откуда он знал то, что знал?

Отец говорил: вспоминая, мы каждый раз заново придумываем своё прошлое. До сих пор его слова казались смешным парадоксом в духе Арвида Штиллера. Неужто ведьма и болотный жук заставили вспомнить, точнее, выдумать врага — и стать им? Штиллер решил разобраться в загадке, не поддаваясь на провокации, без истерик.

Горрин, судя по всему, лично знал Биццаро. Не провидел в чародейском трансе, не высчитал по таинственным знакам, а встречал и беседовал. Пострадал даже — но ненависти не сохранил. Bemerkenswert.

Рен с ужасом заметил, что последнее слово произнёс вслух, и сразу подобрал новомирский эквивалент:

— Поразительно!

— Вот и мне интересно, как из чернокнижника сделался порядочный ключник, — заверил оружейник, внимательно наблюдая, как Штиллер рассеянно суёт «Сепаратор» в сумку тут же забывает о нём. — В соучастие Рыжей, Бретты, я не поверил, и в твоё никак не получается. Не робей, я тебе в Лиоде на горло не прыгну. Имел бы такой план — здесь бы и привёл в исполнение. Несчастный случай на тренировке, — Рен глянул вниз и сразу согласился с оружейником. — Верь мне, Штиллер, в Лиоде тебе помощь пригодится. Любая.

4.

Перед полуночью в «Слепой рыбе», в комнате Штиллера шушуну негде было упасть. Ключник убедился, что его замечательное уютное жильё совершенно не приспособлено для тайных собраний. Сразу стало душно, как будто под кроватью лежал буролесский двубобёр и активно поглощал воздух многочисленными головами. Штиллер настезь отворил окно. Посвежело, но зверь, похоже, никуда не делся: гости то и дело обо что-то спотыкались. Может, о

двубобра.

Первой явилась Бретта в сопровождении тоненькой светловолосой возлюбленной мастера Ю. Та оказалась самостоятельной персоной, а не личным наваждением старика. Штиллеру захотелось осторожно поинтересоваться, как такому существу, как она, живётся среди непрозрачных разноцветных людей, которые пахнут и издают звуки. Но ключник расспрашивать не стал. В конце концов, и у неё могли быть срочные дела в Лиоде. Например, воздвигнуть статую мастеру Ю в натуральную величину. И возложить к сандалиям Учителя цветы и конфеты.

Оказавшись на пороге, девушка воздела ручки в узнаваемом жесте, среди всех цивилизованных народов и волшебных зверей означающем: «Ты победил, я проиграл, пощади меня!» И провозгласила:

— Треан!

Рен только на мгновение усомнился в ясности своего рассудка.

Потом понял, какой реакции требует такая ситуация. Он немедленно оказался на ногах, скопировал позу наёмницы и точно с той же интонацией выкрикнул:

— Треан!

Бретта хлопнула в ладоши и сложилась пополам в пароксизме смеха. Но похихикать ей не удалось: следом ввалились Катер с Хиггом и отвлекли. Блондинка же воодушевлённо подлетела к Штиллеру, обхватила пальчиками ключников бицепс. Ей удалось так ловко не сомкнуть их, что ключник поверил, что бицепс у него

имеется, и даже вполне достойный.

— Треан — моё имя, — проворковала эльфовидная девушка. — Но вы всё правильно сделали, уважаемый мастер ключей. Проявили старинную, почти позабытую формулу вежливости, когда используется только имя наиболее уважаемого собеседника, а о себе говорят опосредовано. Кстати, я всегда представляюсь побуролесски, и только один из моих знакомых сделал такую ошиб...

О, проявил вежливость подобным образом. Мастер Ю!

Штиллер покосился на Бретту. Но та самозабвенно обнимала Хигга, будто не видела великана двадцать лет. Тогда Рен кашлянул и предложил Треан общаться на «ты».

— О! — смешные звуки из её кукольного ротика не позволяли понять, довольна наёмница таким поворотом или не особенно. — Но ведь вас несколько!

Штиллер не нашёлся, что ответить, и снова обернулся к Бретте. Та явилась на удивление многослойно одетой. Костюм её напоминал походную гвардейскую времянку или раковину улитки, но был мягким и не стеснял движений. Рен подумал: сшито для защиты от ледяных ночей наступающей зимы. Но целью было, скорее, нападение. «Начинку» плащей разной длины, надетых один на другой и сложно скреплённых между собой, составляли лезвия. Те самые, заточенные до хирургической остроты тонкие дротики, почти иглы, обращение с которыми требовало не только ежедневных многочасовых тренировок, но и таланта, и удачи, и немалых затрат личной магии. Поставщиками клинков были

Виттемуны, семья гномов-ювелиров. Откуда те брали материал, как рассчитывали балансировку «летающей смерти», кто вообще предложил превратить лучника в лук, было, видимо, страшной тайной.

Роскошная амуниция наёмницы даже не звенела при ходьбе и прыжках на шею!

Бретта заметила заинтересованный взгляд Рена и вывернула уголок рукава. Допуск к осмотру был коротким, но ключник успел сообразить, что вся конструкция заряжается одновременно, длительно и кропотливо. Одна ошибка — и герой (в данном случае — героиня) остаётся безоружной.

— Надо же, показывает! А я который год выпросить не могу, — посетовали басом над ухом у Штиллера.

Горрин — это был он — медленно отодвинул лезвие, замершее напротив его плоского носа. Он отлип от стены, сменил окрас с серого на красно-коричневый, точно скопировав цвет хламиды Бретты.

— Если бы они были моими, — ящер с нежностью рассматривал клинки, — я бы попросил горца по имени Абам из Элмша (теперь его называют, кажется, Кишки) зачаровать лезвия, чтобы раны от них не заживали никогда.

Прятели переглянулись скептически.

— Дядя Горрин, надо так зачаровывать, чтоб били в цель, не промахивались, — убеждённо высказалась Треан. — Или я не понимаю в поединках. Ну, пусть возвращаются в руку. Собирать

тогда не надо, возиться. Что хорошего в незаживающей ране?

Ящер поднял коготь.

— Ошибка! Кусок гниющей плоти укрепляет волю, приучает к чистоте. Регулярные болезненные перевязки вырабатывают привычку к аккуратности и точность движений. Надежда на выздоровление и последующие разочарования воспитывают смирение. Лихорадка...

— Ты не увлекайся так, — посоветовал Катер, роясь в сумке, пересчитывая, вероятно, пряники. — Обойдёмся без лихорадки. «Надеюсь, я его по другой причине изуродовал», — сам себя испугавшись, подумал Штиллер. Незаживающие раны напомнили ему о печальных вещах, которые хотелось забыть.

— Слушайте, малютки, старика Горрина, — самодовольно закончил оружейник и показал ряд изрядно стёршихся зубов. — Какой урок может преподать врагу смертельная рана?

Бретта ласково похлопала оружейника по языку. Тот замотал плоской головой, внезапно выпустил коротенькие оранжевые уши, похожие на небольшие флажки, и пыхнул дымком.

— Хватит, хватит, я ещё не ужинал, — довольно прошипел он. — Рискуешь пальцем.

Хигг взгромоздился на стол (стула он просто не заметил) и стал сосредоточенно ждать, когда начнётся какой-нибудь мордобой. Его коллеге Катеру, наоборот, на месте не сиделось: тот заглянул во все углы, оценил обстановку за окном, даже заглянул наверх, точно

ожидая нападения с крыши. Лук в виде расписного посоха с ненатянутой тетивой прятался за плечами под плащом, как тайный союзник.

— Поговорить можно и за воротами, — наконец не выдержал Катер, — а ещё лучше — на лужайке.

Все удивлённо уставились на него.

— На пустыре перед сгоревшими воротами. Хорошее место, там никогда не случается нападений — ни с неба, ни из-под земли. Небольшой такой... Остров, — Катер подмигнул. — Перекусить там, подумать. Если выйдем прямо сейчас, успеем до рассвета. Или ещё не все в сборе?

Интересно: как только он задал вопрос, Рен сразу почувствовал, что сейчас произойдёт ужасное. Он не мог предсказать точно, какая за беда явится вместе с принцессой. Но знал: удар отразить будет непросто.

В окне, словно на сцене кукольного балаганчика, возникла знакомая медноволосая фигурка. Глаза Хет были полуприкрыты: она дремала, повиснув в воздухе. Её движениями, несомненно, управляли. Встретаться с магом, который так обошёлся с юной вампиркой, совершенно не хотелось. Но выбора им не оставили. Злой женский голос произнёс:

— Неважно, что решат в Королевском Совете, Биццаро. Я остановлю тебя. Прямо здесь и сейчас.

— Фенна! — воскликнул Хигг расстроенно, будто ему неожиданно

запретили драться.

Штиллер не сразу понял, о ком речь. А когда вспомнил — не испугался. Пророки казались ему безобидными шарлатанами, а то и безумцами, пожираемыми собственными видениями. Он оглянулся и заметил, что остальные иного мнения о могуществе ясновидящей. Народ был серьёзно напуган. Даже на лице неукротимой Бретты заметно проявлялась мысль о том, чтобы не торопиться и всё хорошенечко взвесить.

— Фенна! — повторил Хигг. — Что делать будем?

— Страдать и мечтать о смерти, — объявил жестокий голос, доносящийся отовсюду. Штиллер ещё успел недоверчиво ухмыльнуться — патетика казалась ему мелкой разменной монетой — и ощутил пугающее, как шторм, пробуждение могущественных чар. Упало тихое слово:

— Раскаянье.

5.

Рен сидел рядом с матерью, держал её окровавленную пятку в ладонях и ласково втирал в ступню жёлтую мазь, резко пахнущую морем, болезнью и безнадёжностью. Мать лежала, поджав вторую ногу и закрыв глаза, с выражением злого удовольствия на лице.

— Всё, чтобы вырастить из тебя достойного человека, душа моя.

«Душа моя» означало, что худшее ещё впереди.

— Мам, — попробовал он в который раз, — это и то никак не связаны. Мне кажется не слишком разумной магия жертв и обмена,

гниющие пятки взамен на моё благополучие. Я буду успешен, но несчастен. Всю мою жизнь.

А получилось:

— Мам... мам... можно, я целителя...

— Ерунда! — оборвала она. — Зачем мне целитель, когда есть ты?

— Мне плохо, когда тебе больно, — слёзы кололи его глаза изнутри.

— Не смей ныть! Умру — тогда можешь.

Он неловко надавил на пятку, и трещина в коже разошлась, выплеснув кровь ему на ладонь. Мать даже не вскрикнула. Она привыкла терпеть боль уже давно, с первыми язвами. «Добрые знаки» назывались они. И сын верил — можно ли не доверять матери? Но не мог уснуть, представляя, что она ходит, как по ножам. Раздумывал над тем, с чего бы свалиться, чтобы исправить положение. Вечерами, втирая мазь в ужасные раны, слушал зловещие пророчества.

Например, змея-лихорадница заползёт ему в горло во время сна. Или соседка-ведьма обведёт голову мёртвой рукой, и Рен забудет людскую речь. Нет, пусть уж лучше гниющие ноги. Можно рассказывать подругам, мол: дела идут помаленьку, как у людей: сама хвораю, зато сынок — умница!

— Обуйся, — попросил Рен.

Мать пожала плечами.

— Ничего больше не налезает.

— Давай-ка я принесу тебе что-нибудь мягкое с базара? — он резко

встал и отвернулся, чтобы она не видела его лица.

— Никуда ты не пойдёшь, уже поздно! Там сейчас кто только не шляется по базару! — чужим, противным голосом взвизгнула она.

— Мне понадобится ещё больше крови потратить, чтоб всё обошлось. Хочешь, пусть я бы уже сдохла и оставила тебя в покое?!

Приступ невыносимой боли захватил его, как холодные кольца Морской Змеи — одинокого пловца. На краю сознания Рен знал, что мать сама сделала свой странный выбор. Что его отчаянные попытки помочь ей преодолеть страх разбивались о твёрдую, негибкую волю к саморазрушению. Что не только он, но и отец боялся непонятной веры в равновесие удачи и несчастья на единицу человеческой судьбы. Едва Арвид Штиллер находил богатого покупателя для своих обожаемых гоблинов (гоблиноведение было его страстью), так сразу прятал от матери крысиный яд и острые кухонные ножи.

Не помогало.

Теперь же чувство вины, почти забытое за годы ученичества, странствий, побед и поражений, терзало, как адский огонь. Он погубил её тем, что принимал ежедневную аскезу, позволял жертвовать собой. Гнусность, какая гнусность!

Рен вспоминал. Чудовищное раскаяние пожирало его живьём.

Бретта держала на руках тёплый притихший комочек в одеяле. Он пах молоком и мерно дышал.

— Давай сюда, — сказала Веська Виттемун и грубо, бесцеремонно отобрала у неё дитя, передала свёрток помощнице.

— Можно через неделю прийти ещё раз?

— Через неделю это уже будет гном. Нечего тебе к нему ходить, — жена ювелира смотрела без враждебности, но непреклонно, уперев мозолистые кулачки в широкие бока. — Или забирай обратно, или проваливай.

Бретта принялась всхлипывать, яростно размазывая слёзы кулаком по лицу. Гномка не пошевелилась, не сказала ни слова, просто ждала. Тогда Бретта, развернувшись на пятках, бросилась по ступенькам вверх, будто все псы Злого Охотника гнались за ней из глубины ювелирной лавки. Она проскочила под низкой аркой ворот, не задев её макушкой. И только пробежав без памяти два квартала, внизу, глядя на лунный серп, мерцающий в глубине Запретных Вод, она завыла, как волколачка над щенками, забитыми осиновыми кольями.

Через два года Бретта вошла в лавку гномки, нагнувшись.

Немудрено: девушка выросла на пол-ладони, стала наёмницей, научилась охоте, слежке и магии маскировки. Она уже не носилась по Подмостью босиком. Поимка Белой Лодки в Еремайе, демона-распространителя эпидемии самоубийств рыбаков, а также усмирение духа Пустой Рыбы в Михине принесли известность среди боевых магов. Сам мастер Ю называл ученицу «изобретательной».

— Веська! — приказала Бретта. — Скажи Дуну, деду твоему, чтоб

мне лезвия изготовил, вот такие... — и показала рисунок в старом манускрипте. — Пусть все сам делает, каждое. Задаток! — и с размаху хлопнула на стол мешок с плотвой. Да не с простой, а с сотенными — монетами из кости Морской Змеи.

Гномка, подобострастно склонившись, понесла заказ деду, а Бретта вышла из лавки.

Даже не спросив о судьбе сына.

Раскаянье скрутило её в узел из боли, встать на ноги было невозможно, а воздух проникал в лёгкие, как иглы под ногти.

— Мне четырнадцать было! Куда бы я с ним!.. — орала она. — Ни ремеслу не обучена, ни семьи, ни родни. Разве что вместе в воду! Но горечь вины не отступала. Её руки снова чувствовали тяжесть тёплого, родного, пахнущего молоком младенца. Бретте хотелось прилечь, накрыться с головой и больше не открывать глаз.

Хигг вспоминал поганую историю его юности: убитую семью рыбаков.

В стоящем на отшибе доме между Еремайе и Городом Ночь должен был скрываться чернокнижник, редуцирующий шушунов до невообразимо миниатюрных размеров и использующий их массово для нападения на врагов изнутри. Наёмники получили задание уничтожить секретную лабораторию в доме — все устройства, весь персонал. Нелюдей. Хигг, только что завербовавшийся в Гильдию, с удовольствием демонстрировал свои таланты по части выноса стен плечом и принуждения маленьких креатур к бегству грозным

рыком. Воодушевлённо выполнял приказы мастера Ю. Именно Хиггу, огромному, как тролль, но ловкому и проворному, как ночеградский демон-танцор, поручили войти в проклятый дом первым.

Он не сразу заметил ошибку. Рассеивание иллюзий и обманных сетей никогда не было талантом великана. К тому же хозяин дома сражался умело, отчаянно, применял для защиты чары, которых от него никто не ожидал. Потому Хигг проигнорировал его клятвы и просьбы о пощаде. Поскорее бы закончить малоприятную миссию! Хигг двигался вперёд быстро, оставляя груды бесформенного мусора.

Потом выяснилось: злодей был предупреждён, дом продан.

Мастер Ю нашёл тогда правильные объяснения, трюки, чтобы заставить забыть. Но Хигг подозревал, что эта дрянь к нему ещё вернётся. Потому что приказ там или нет, именно ты поджигаешь дом, выбрасываешь живого человека.... давай уж честно, и его рыдающую жену из окна в море! Ты, а не учитель, не старинный фолиант, не пророчество. Жена рыбака проткнула убийце предплечье слабым «разрывающим словом», прежде чем погибла в воде. Её опухшее от слёз, ненавидящее лицо, едкий запах горящих волос заставили наёмника замедлить шаг. А как он увидел малышей, то, к счастью, отступил в сторону, позволил специалистам по наваждениям разобраться, кто тут чернокнижник, а кто нет.

«Лежишь ночью без сна, — думал Хигг, — смотришь на свои

большие руки и мечтаешь о том, чтобы какой-нибудь палач из Города Ночь их на плахе оттяпал».

Катер вспоминал свою семью из Элмша.

— Мы никуда не поедем, — сказала ему жена, — Я потомственная грифонозаводчица, никто в них столько не понимает. А внизу грифоны вообще не водятся. Кто я там? Дай близняшкам немножко подрасти, выучить, что нужно, чтобы выжить здесь, в горах. Тогда посмотрим.

— Да не нужно им этому учиться! — уговаривал он. — Сианна, неужели ты не видишь, что тут происходит, какие силы в игре? Во что превращаются соседи?

— Ну уж... Хорошие люди пока ещё ни во что не превратились! — заявляла она, но глаза прятала. — Кому мы внизу нужны? Что ты там будешь делать, стрелок, на кого охотиться? В столице стрелять нечего, а в Буролесье тебя самого дичь сожрёт, если хотя бы половина из того, что рассказывают, правда. Да и мне поздно учиться рыбу разводить! Никуда мы не поедем. Кто знает, может, и придумаем, как наши края от проклятья избавить. Но только если вместе пораскинем мозгами, а не побежим, задрав подол, прочь из родного гнезда.

Гнездо и вправду было замечательно-уютным, досталось им от звероптиц, прирученных женой. Странно и тяжело было покидать его. Милые рожицы близняшек маячили в уголке: одна, как обычно, сосредоточенно заплетала косички другой, и обе делали

вид, что не слушают.

— Сианна, что-то дети молчат в последнее время, — встревожился Катер. — А ведь раньше болтали, не умолкая! Вы здоровы? — он заглянул в изумрудные глазки обеим попеременно. Малышки загадочно ухмыльнулись в ответ.

— А что тут говорить? — ласково отозвалась мать. — И так ясно. Мы элмшцы. Тут родились, тут... как повезёт.

И Катер не убедил, как ни старался. Тогда он удрал, не дожидаясь, что перьями обрастёт или начнёт грифонят сырыми жрать. Барон Элмш считал единственным средством от беды «убийство» камня, на котором возвели замок. Но Катеру казался очевидным иной путь: бегство. Лучше уж остаться человеком среди чужих людей, чем превратиться в животное дома.

Его Сианна... Кто знает, на кого или на что она теперь похожа.

Несомненно, к лучшему, что он не был свидетелем метаморфозы. В памяти она, единственная любовь, осталась юной и прекрасной.

Катер жил теперь в уютном, заросшем плющом столичном переулочке, обедал и ужинал в «Рыбе», занимался гильдейскими заказами и бухгалтерией, мухлевал по мелочи в свою пользу.

Поначалу посылал наверх письма и деньги, но ни разу не получил ответа — и перестал. Зачастил к улыбчивой портнихе с Кошачьего фонтана.

До того момента жизнь казалась наёмнику приятной штукой. Для полной гармонии не хватало только найти картину Бремерзе, чтобы выйти из гильдии и купить дворик в Невере.

И вдруг Катер оказался в ловушке из зеркал. Отовсюду на него смотрела собственная жадная расчётливая харя. Проклятье настигло его тут, внизу... Или он сам и был проклятием? Ведь даже не взглянул на родные камни, оставляя крепость за спиной, не попытался отыскать тот, вредоносный, хоть немного раскачать его! Не просиживал бессонные ночи в архиве, разыскивая следы подобных несчастий в древних рукописях. Не прислушивался к бормотанию сплетников на базаре — да что там, даже мнения мастера Ю не спрашивал! Сделал ли он вообще что-нибудь, чтобы спасти семью и родной город от беды? А теперь даже посмотреть им в глаза не решился бы. Где бы купить другую жизнь?

Ящер Горрин, обладатель двух обручков на спине, самый известный коллекционер и продавец оружия, сертифицированный учитель фехтования, тоже взошёл на путь самообвинений и тоски. Он видел перед собой легионы Морской Змеи, бесчисленное войско, в тёмном гроте на невообразимой глубине поджидающее врага. На сей раз противником выступал Левиафан, талантливый маг, вернувшийся с Острова в виде чудовища. По сути дела, ничем не примечательный случай, избери волшебник иную область для демонстрации могущества. Не Запретные Воды. Здесь издавна царила иная сила, враждебная чужакам. И вот изумрудная вода над гротом потемнела, над ним стрелой проносились тени полулюдей,

армии Левиафана. Со скрежетом челюстей, с ужасным стоном, исторгнутым из тысяч воздушных пузырей, войско Морской Змеи, подняв адамантовые клинки, ринулось в бой.

Пронизанные золотом солнечных лучей Воды над гротом окрасились красным.

Горрин битву проспал, ему доложили о её исходе гномы-курьеры с мешками плотвы и камешков в руках. Это была, несомненно, лучшая сделка оружейника.

Он часто жалел, что не видел свои шедевры в действии. Теперь ему предоставилась возможность.

Тысячи тысяч маленьких безжизненных тел качались на волнах, покрывая водную гладь сплошным слоем. Лодки медленно прокладывали путь через смердящую гекатомбу. Рыбаки расталкивали трупы и бранились. Закат был красным, вода тоже. В глубине, на чёрном илистом песке поблёскивали бесформенные кучи сияющих мечей солдат Морской Змеи. Вперемежку с ними валялись чёрные копья воинства Левиафана.

Товары Горрина.

Он любил оружие, интересовался редкими старомирскими видами. Но не всяким описаниям доверял. Например, чудовищные летающие монстры по имени Ро Кеты настолько превосходили обычных крылатых бестий в скорости, что просто не могли исчезнуть без следа. Ящер готов был в любой момент бросить все дела и нестись в Пустозем, если слышал, что там раскопали какой-то металлический хлам. Ему нравилось подбирать красивые

смертоносные игрушки для бойцов, которым дано наилучшим образом ими воспользоваться. Гордился собственноручно составленным подробнейшим каталогом разумной стали. Никогда не раскаивался в том, что выбрал это ремесло. Но теперь, рассматривая кладбище оружия, скелеты мечей и копий (живую плоть сожрали вечно голодные Воды), оружейник заметил, что торговать смертью — не то, что леденцами на палочках.

Горькое сомнение скрутило ящера до самых потрохов. «Убивает не нож, а человек», — повторял он древнюю мудрость. Однако именно его изящные, холодные, быстрые помощники превращали бытовой мордобой в кровавую драму. Стальные шедевры рвали кишки, размалывали плоть, грызли кости, безвозвратно превращали мыслящие существа в неподвижные, смердящие груды мяса. Чтобы добиться подобного эффекта голыми руками, даже самому бешеному бойцу понадобилось бы потратить много сил, личной магии, ненавидеть достаточно сильно и долго, чтобы не остановиться вовремя.

Груз сомнений лёг на изуродованные плечи оружейника. Случись чудо, вернись к нему потерянные крылья — он бы отказался от них.

Фенна протянула костлявую руку в повелительном жесте и указала своим слугам на корчащиеся в кошмаре жертвы. Пять длинных теней приблизились к зачарованным, раскрыли пасти и приготовились жрать.

6.

Строгое, мёртвое лицо матери, которую рыбаки вытащили из Запретных Вод, заставило Штиллера задуматься, разорвало тяжкую цепь самоуничтожения.

Его рука нащупала клинок по имени... Сепаратор. Ключник раскрыл полные слёз глаза и увидел тёмный силуэт, склонившийся над ним. Длинные острые зубы в провале раззявленного рта, воняющего смертью. Нет, сразу решил Рен. Так сдохнуть было бы настоящим преступлением против маминой памяти. И ударил с силой всего своего отчаянья.

Терзающая тьма закричала у него в голове:

— Убийца! Ты не спас её! — и вдруг добавила непонятно, испортив весь эффект от упрёка:

— Ты бросила сына на произвол судьбы!

— Сына? — удивился Штиллер.

— Надеюсь, он здоров, — прошептала Бретта. — Своих-то у Вёски не будет никогда.

— Отговорки! Самооправдания! — боль не отступала. Тьма скорчилась и зашипела, ледяные когти просвистели перед самым лицом ключника, заставив его отступить на шаг. Но Штиллер тут же двинулся вперёд. Клинок рубил неразрешимые вопросы и мучительные сомнения, отделяя то, что можно было исправить, от безнадежно потерянного.

— Мы, люди, то и дело принимаем решения. Порой неверные, — буркнул Штиллер, заметив, как во вторую тень полетели блестящие

лезвия Бретты. — Не ошибается никогда только камень у дороги.
— Ошибки? Или преступления? — поинтересовался вкрадчивый
голос внутри Катера.

— Преступления, наверное, тоже, — согласился элмшец, спуская
тетиву. Стрела выволокла зубастую тварь, порождённую его виной,
выбросила в раскрытое окно. — Я искуплю. Спасибо за урок,
госпожа Фенна.

Хигг почувствовал укус и отпрянул в сторону. Челюсти не
разомкнулись, уродливая плоская голова метнулась следом, не
желая терять ни капли драгоценной жизни. Наёмник сжал горло
чудовища.

— На твоих руках кровь невинных! — крикнул монстр, щёлкая
клыками напротив его лица.

— А ты прям-таки образец милосердия, старая ведьма! — проревел
Хигг. Скользящая шея противника вытекала из пальцев, как
кальмарово щупальце. — Я плечом к плечу с тем стоял, кому и
свою жизнь бы доверил, не сомневайся, — великан стал ломать
хребет твари. — Однажды настанет и мой час. Не стать бы жертвой
ошибки! Но уж как получится, — и великан, наконец, ощутил, как
позвоночник наваждения натуралистично хрустнул под пальцами.

— Вот, уже всё, — сказал он сурово поверженному врагу.

— Люблю оружие, — признался тем временем ящер, перекусив
глотку наступающей тени и дезориентировано облизываясь. — Ни
один меч самолично не начал войны! Но ты права, продаёшь их —
вроде бы товарища в бой посылаешь, а сам не идёшь. Я подумаю.

Он присел, отдуваясь, на собственный свёрнутый хвост.

— Ох... Хитро заверчено — но не настолько, чтоб сам себя освежевать и к обеду подать на блюде!

Штиллер и Бретта одновременно нанесли своим персональным теням смертельный удар. Он — утопив лезвие в груди монстра, почти не встречая сопротивления иллюзорной плоти. Она — превратив тёмную, размытую морду в ежа, потратив с десяток бесценных лезвий.

— Может, было лучшее решение, — решили они. — Или не было его.

И друзья остались стоять среди неподвижных теней. Хигг опомнился первым, высунулся в окно и втащил бледную, испуганно озирающуюся принцессу в комнату. Остальные выглянули и увидели, как вниз по улице, хромая, согнувшись и ведя рукой по стене, ковыляет седая ведьма в дорогом платье, которые носят молодые модницы. Почувствовав пристальные взгляды, она обернулась, погрозила кулаком.

— Ты... не... непобедим! — задыхаясь, крикнула она. — Просто стыд потерял! Есть вещи, которые себе не прощают!

— Чокнутая ведьма, — Хигг вытер пот со лба. — Проиграть надо было, что ли? Проявить смирение и показательно сдохнуть?

Загляни, Катер, в карман, может, там немного совести завалялось, а не только пряники с прошлой недели?

— Посторонним людям есть дело до наших моральных качеств!

Это ли не трогательно? — Штиллер обнял Бретту, опасаясь, что та

свалится на одного из убитых монстров. Глянцевые тела чудовищ медленно превращались в однородную кашу, напоминающую призрак пирога с капустой. И просачивались сквозь трещины в дощатом полу в трактир. «Погонят меня отсюда!» — обречённо подумал ключник. Бретта, всё ещё бледная, покачала головой и отстранилась. Ни в какой обморок наёмница падать не собиралась. — Знатоки, — проникновенно поведал ключник окружающим, — убеждают, что я злодей. Но, насколько помню, ни разу ещё не просыпался поутру с мыслью: «Ох и наделаю сегодня мерзостей, в полдень пообедаю сиротками — и снова за подлости, чтобы времени зря не терять».

Штиллер усмехнулся, остальные слушали рассеянно, отряхиваясь от паутины воспоминаний.

— Суечусь, как ошпаренный шушун, стараюсь, как лучше, — размышлял Рен вслух. — И народ кругом тоже. Я даже среди ночеградцев злодеев не встречал. Искал! Хотел пожать кровавую длань: не из уважения — из интереса. Нет, даже демоны убеждены, что без них мир стал бы хуже. Жрать людей нехорошо, но, перефразируя старомирского мудреца, что-то надо же с ними делать!

— Софистика, — принцесса великосветски улыбнулась, словно только что не висела за окошком, ладно ещё не вниз головой. — В меня, кстати, не попало проклятьем раскаянья.

— Конечно! — прокомментировал Горрин, то ли скалясь ехидно, то ли ностальгически улыбаясь. — Мораль Города Ночь основана на

постулате: «Виноват тот, кто ощущает себя виновным». Потому Фенна тебя попросту оглушила и подвесила, малышка.

Хет высунула язык, столь же впечатляющий, как у ящера, даже длиннее, но не раздвоенный. И предложила:

— К чему церемонии, называй меня попросту «ваше высочество».

Господа, если мы хотим попасть в Лиод до рассвета, стоит выйти в путь прямо сейчас.

— О... о! — донеслось из-под стола невнятно. — Ведьма уже ушла?

Можно вылезать?

Показалась перепуганная физиономия Треан, увенчанная копной пыльных кудряшек. Ей тоже удалось избежать удара. Во время поединка эльфка пряталась под столом.

Принцесса изумлённо вытаращилась на перепуганную наёмницу — и расхохоталась, как водяной буйвол во время брачных игр.

Вырванная страница

Телепатическая каша

— Хайни, почему у тебя такие большие уши?

— Ты ещё лап моих не видела!

— Нет, нет, не высовывайся из-под земли весь. По-моему, так уютнее, когда только ушки, глазки и нос. Если всего увижу-то, я, пожалуй, убегу. Научишь узнавать чужие мысли?

— Зачем тебе?

— Есть один мальчик...

— Ну, конечно.

— Ой, спасибо!

— Не научу.

— Жадина-котятинна. Хайни? Тогда сам послушай, что он про меня думает. Барик Ручной Ёрш. У его папки лодка с длинным носом, как у тенецапли.

— Нету больше твоего Барика, я тебе ещё на прошлую луну рассказывал. Убили его и чучело ходячее сделали.

— А мёртвые не думают? Слушай, а как оно вообще, филипатья эта, понимать в головах у людей?

— Как бы тебе... Представь, бабушка приготовила тебе целый котелок дроздянки...

— Буролесская бабушка?

— Да, не перебивай.

— Я видела, как одна такая бабушка поймала в овраге троллика и давай его сырым жрать. Мне стало очень грустно. Я столкнула на неё сверху змеиное гнездо, она испугалась и выпустила троллика. И он убежал, немного поеденный. Так что пусть не варит кашу. Я не так уж обожаю дроздянку.

— Погоди. Вот сидишь перед целой миской этой самой полезной и питательной... отравы, бабушка тебе от души сверху ещё накидывает: жуй, не то ослабеешь, на рыбалке из лодки вывалишься, станешь водяницей-синявкой на службе у Морской Змеи. А ты: о-ох, сейчас я передам тебе, бабуля, в подробностях, насколько дроздянка мерзко выглядит, тошнотворно пахнет и

осклизлая притом! Сразу пошлѐшь сие месиво вурдалаков морить, а кастрюлю бросишь в воду, Левиафан из неё шлем сделает. И только запустишь всю доступную тебе магию, как замечаешь, что уплетаешь проклятую кашу за обе щѣки!

— Фу-у. Почему?

— Если «понимаешь в головах», то действительно понимаешь. Их. А не они тебя.

Собеседница захихикала и подпѣрла кулачками кудлатую голову, вроде бы раздумывая над словами кота. Тот с суровой нежностью поглядывал на малышку. Вдруг девчонка подскочила на ноги, отряхивая пѣструю юбку от травинок и мелких полевых шушунов:

— Прячься! Мне домой бежать пора, с папкой сети смотреть, я ему сегодня петь обещала, рыбу подманивать.

— Э... Берти, тебе шестьсот семь лет! Ты величайшая ведьма, и я тебя люблю. Но ты самоубийственно увлеклась преображающими эликсирами, они дуру из тебя делают. Забываешь себя... Конечно, то, что замели под ковѣр, следует растоптать. Остаься, я помогу справиться со страхами — не как друг, как кот. Компетентно. И, кстати, твой папа стал трофеем в Гильдии Некромантов ещё в те времена, когда их мастер был жив.

На юном личике напротив усатой разгневанной кошачьей морды попеременно сменились растерянность, злость, испуг и, наконец, обида.

— Злой Хайни! Больше не приду.

Телепат вздохнул, мурлыкнул и потѣрся гигантским ухом о её

загорелое плечо.

— Ну-ну... Беги домой, Берти. А то папка пойдёт рыбачить без тебя.

Глава 4. Нехорошая картина

1.

Семеро собрались у костра: трое мужчин, три женщины и одно разумное животное — хладнокровное, но скорое на расправу.

Такой расклад обязан был быть началом замечательного приключения, о которых полстолетия спустя рассказывают внукам долгими зимними вечерами. Странно, что ни один из друзей не ощущал воодушевления, даже лёгкого азарта. Они медленно залечивали душевные раны, полученные в поединке с пророчицей.

Каждый занимался своим делом. Это, по убеждению целителей Лена Игел, было лучшим средством от мучительных раздумий.

Штиллер стоял на страже, только что сменив Хигга. Ключник переминался с ноги на ногу, напряжённо всматривался в буйную растительность, почти полностью покрывающую древнее пожарище. То, что осталось от Университета, напоминало скелет гигантского монстра, убитого сказочным героем. Кости, обглоданные стервятниками, занесённые песками, вновь исторгнутые на поверхность, поросли травой и цветами буйных осенних расцветок. Но казалось, что древний зверь сейчас встанет, отряхнётся и шустро поскачет вниз, в столицу. Поразмяться,

пожевать и на водопой.

По периметру древних границ Университета протянулась великолепно сохранившаяся стена из чёрного камня. Монолиты возвышались, как свечи, приготовленные для таинственной мессы. И нигде больше в Приводье не встречались. Внутри каменного ожерелья лежали останки четырёх зданий Университета. На лужайке сохранился указатель, обычный для перекрёстков шест с четырьмя стрелками: «Магистраториум», «Жизнь и смерть, целительство и некромантия», «Магия Преображения». Последняя надпись гласила скромно: «Невозможное. Остров». Под ней было криво нацарапано: «Комнаты для студентов. Дёшево!»

К Магистраторию вела найденная тропинка. Следы существ, протоптавших её, не ассоциировались у ключника ни с одним знакомым народом. От самого здания сохранился первый этаж, две стены второго, большая часть крыши и невероятно реалистичная статуя, изображающая хохочущего старика в шляпе, старомирской бесформенной накидке, босого и с книгой под мышкой. Что бы ни разрушило Лиод, по Магистраторию оно прокатилось мимоходом, как морская многоножка-хулиганка по песчаному замку, возведённому рыбацкими дочками.

От дома медиков не осталось и следа. Точнее, при необходимости его можно было поискать в зарослях, если бы от этого зависела чья-то жизнь. По другим причинам соваться в дикое зелёное месиво представлялось неразумным, не имея в распоряжении стада оголодавших травоядных.

Зато дом художников и прочих творцов из материи эмоций — факультет «преображенцев» — сохранился столь странным образом, что именно туда входить казалось наиболее неразумным. Изначально он был забавным маленьким зданием вроде «Слепой рыбы», но гораздо затейливей: с портиком, колоннами и большими вазами, полными мраморных цветов. Теперь старомирское очарование портили обугленная дыра в стене, уничтоженные балкон и крыльцо. Выглядело примерно так, будто по дому выстрелили из пушки небольшим разъярённым драконом. Строение, в котором изучали Остров, не просто отсутствовало: большой овраг располагался на его месте. Над ямой курился едва заметный дымок. Хотелось думать, что там тоже жгли костёр незнакомые, но дружественные путешественники.

«Что меня должно насторожить? — размышлял Штиллер. — В каком случае нужно поднять тревогу?»

Лучник кашеварил.

— Что означает «Катер»? — спросила принцесса, до того примерно полчаса сидевшая на корточках и с детским интересом наблюдавшая за чисткой картошки, за выколупыванием чесночных долек из шелухи и прочими загадочными чародействами. Рен вполуха прислушивался к их беседе. Он знал, что вампиры не готовят свою пищу никогда, и теперь немного сочувствовал им, исключённым из людского гастрономического ритуала.

— А! Катер! — довольно повторил наёмник, отщипывая зелёную

мелочь от вялого пучка травы на обочине. — Это древнее слово. Штиллер хихикнул себе под нос. Он знал: на старомирском оно означало маленькое судно без паруса, приводимое в движение ядом, который предки высасывали из земли. А ещё, по забавному совпадению, ни с чем не сравнимую совокупность ощущений наутро после попойки. Что наводило на мысль: древних наречий существовало более, чем одно.

«Полная ерунда, — возражал отец. — Иначе гоблины, существа незатейливые по природе своей, не понимали бы людских приказов и представляли бы опасность для хозяев».

«Может быть, старомирские гоблины были опасны?» — высказывал следующую крамольную идею сын. Но отец, чтобы положить конец бессмысленной дискуссии, ласковым свистом подзывал табакерку или играющий в углу стола перочинный нож. — Точный перевод, к сожалению, утрачен, — рассказывал тем временем лучник. — Но мне говорили, «Катер» значит «верный и отважный».

— Ух ты! — воскликнула Хет, зачарованно глядя в кипящую воду.

— Когда меня коронуют, я тоже себе подобное имя возьму.

«Верный и отважный»! Надо бы только добавить что-нибудь ночеградское. Например, «с прошлой пятницы».

Штиллер хихикнул в отдалении.

— Можно мне тоже немного поварить деревяшку? — принцесса отобрала у нахмурившегося повара ложку и поболтала ею в похлёбке. — А что ещё туда кладётся?

И не успел Катер отреагировать, как принцесса вытащила из левого рукава и сунула в котелок маленькую упирающуюся мышь.

Наёмник глубоко вздохнул, поднялся на ноги и отошёл, копаясь по карманам в поисках сухаря.

— Неправильно? — опечалилась Хет и ловко выхватила мышь из бульона. Подула, плюнула на поникшую, висящую в пальцах зверушку, и та вновь заверещала, мотаясь на хвосте. Принцесса задумчиво уставилась на неё, подбросила, поймала ртом и проглотила. Бретта, наблюдавшая за ними, дважды хлопнула в ладоши. Треан покачала только что сплетённым веночком из листьев и объявила, что не голодна. Ящер, незаметный в траве, спал или занимался чем-то неотличимым по смыслу.

— Я съем, если больше никто не будет, — стеснительно улыбаясь, объявил Хигг. И точно, слопал содержимое котелка быстрее, чем окончательно рассвело.

Принцесса наблюдала за исчезновением похлёбки напряжённо, как за гонками на механических носорогах во время знаменитых Майских игр в Городе Ночь.

— Ты... фево? — осведомился Хигг невнятно, облизывая ложку. — Вкуснятина. Каши мышкой не испортишь. Мастер Ю говорит: ты есть, что ты ешь!

— Съел мышь — стал мышью? — удивилась Хет.

— В какой-то мере, — сумрачно ответил Катер, потрясённый судьбой похлёбки.

— Тогда муха у тебя на шее только что с тобой породнилась! —

захохотала Хет. — Эй, осторожно! Что ты машешь, прихлопнешь ведь. То есть, так и до самоубийства недалеко!

— Я вот тут стою, — недовольно напомнил Штиллер, — и не знаю, на что смотреть. Может, оно мимо пробежало, а я решил, что так и надо.

— Марион ждём! — значительно произнёс лучник, бросая короткий взгляд на окружающий мирный ландшафт. — Ты её не пропустишь, верь мне.

— Ага, теперь ясно. Марион, мёртвая художница! Лично вынесет нам картину полюбоваться, таков твой план? — саркастически переспросил ключник, но потом посмотрел на сосредоточенного приятеля и заткнулся. Впечатления человека наивного Катер не производил, скорее, наоборот. Значит, Штиллер ещё не знал всех тонкостей охоты на классическую живопись в дебрях заброшенных университетов.

— И ещё высматривай мужика, которого, если ты ищешь, не найдёшь, и, если не ищешь, тоже не найдёшь, — напомнила дотошная Бретта. — Избегай, значит, и того, и другого.

— Это пародонт... Передокс? — заинтересовался сытый Хигг, благопристойно отдуваясь в кулак и отставляя котелок в сторону.

— Нет, не парадокс, скорее, логическая загадка. Лиод стоит на таких. Как Город Ночь — на костях врагов. Уверена, кстати, что Ребекка добыла «спрятку» в этих местах. Тут хватало безумных шляпников как раз для подобных затей.

— Вон же один в кепочке, — лениво показал Хигг на улыбчивую

статую. — Не годится? Что за народ переборчивый пошёл! Нет, не люблю я загадок. У нас на факультете ответ стоил полторы плотвы.

— Какие загадки? — полюбопытствовала Треан, подходя поближе.
— Давай объясню, — обрадовалась Бретта. — Знакома с правилами состязаний демонов-стрелков на Майских Играх?

Треан помотала головой. Хигг скривил страдальческую гримасу и неохотно кивнул. Катер выругался по-элмшски. Даже ящер, приоткрыв глаз, кашлянул дымком.

Штиллер надеялся, что обмена ночеградским опытом не последует. Его ощущения от Майских Игр можно было определить как «легко отделался». И впрямь: всякий зимний, осенний и даже летний гость покидает Город Ночь, полный незабываемых впечатлений и с пустыми карманами. Но убытки его несравнимы с теми, каковые терпит приезжий, делающий ставки в мае. На верфях и в отрядах скованных цепями рабов-ныряльщиков трудилось немало бывших ленаигелских богачей. Штиллер посетил Антистолицу как раз в проклятый сезон Игр и просадил там всё, что накопил на возвращение домой. А потом целое лето латал сети под Лунной Пристанью, чтобы завершить кругосветное путешествие. Наивные продувшиеся в пух и прах гости полагают, что проблема решается просто: вскочил на поезд — и прощай, кредитор. Тролль везёт, ему всё равно. Впрочем, должникам вскоре становится ясно, что плотвы у него больше и не примут, расплатиться беглец теперь

может только кровью. Везунчики успевают вернуться и переписать договор — не в свою пользу. Остальных находят ночеградские псы.

— Представь себе, — попросила Бретта, — что поставила на демона-стрелка по кличке Бесхвост. И вдруг видишь букмекера, которого год назад спасла от буролесского экзорциста. Ночеградцы щепетильны к взаимным обязательствам! Получается, можно верить такому информатору. Но знаешь, что демонам и так друг о друге всё известно. Только игроки, делающие ставки, не знают реального соотношения сил.

— Да, да, я понимаю, — улыбнулась Треан. Хигг азартно кивнул. Остальные подошли поближе. Штиллер не покинул пост, он и так прекрасно слышал.

— Стреляют демоны по очереди, пока стоять не останется один, победитель. Бросили жребий. Счастливчику Бесхвосту выпало стрелять первым, за ним Рогатый, последним — Палач. Букмекер по секрету сообщил, что демон по кличке Рогатый никогда не промахивается, а другой противник в половине случаев бьёт мимо цели. Твой Бесхвост, увы, попадает не чаще, чем примерно в трёх случаях из десяти, но ставки уже не изменить. Какой совет стоит дать Бесхвосту перед боем, чтобы его шансы выжить и победить были выше? То есть, насколько вообще возможно при данном раскладе?

— Стрелять в Рогатого, очевидно же! — заорал Хигг, будто на кону

стояли его кровные. — Хотя нет, Рогатый, зная расклад, будет стрелять в Палача, если не дурак. А когда Палач убит, Рогатый гарантированно убивает нашего бесхвостого... Стоп! Вполне может быть, Бесхвост пристрелит Рогатого, и тогда Палач его уложит почти наверняка.

— Промахнуться! — прошипел ящер. — Именно так! Не рисковать случайным попаданием, а намеренно пустить стрелу «в молоко».

— Вот потому я загадки и не люблю, — помолчав, объявил бывший студент расстроено. — А про такую логику, при которой, чтобы победить, лучше промахнуться, у меня есть только... — и он, приложив раскрытые ладони к макушке, вывалил язык и выдал характерное «бе-бе-э» михинских козлосвинов.

Треан расхохоталась.

— Не «бе-бе-э», — Бретта очень похоже повторила представление Хигга под довольный гогот уже всей команды, — а полторы плотвы на бочку!

— Здесь загадки в виде ключей использовали? — профессионально заинтересовался со своего места Штиллер.

— Никто в Лиоде ничего не запирает, — мрачно ответил наёмник и передал Бретте монетки. — Кое-какие книжки сложно открывались. Нужно было составить фигуру из фрагментов переплёта, чтобы в них заглянуть. Но в Университете от каверзных вопросов просто спасу не было. Бывало, с полдесяток получаешь, не успев позавтракать. А какой от них толк — никого не волновало. Похоже,

здешнему народу просто хотелось знать всё подряд.

— И, конечно, применять свои знания во благо человечества? — предположила Бретта.

— Не-а. Просто знать.

— По-моему, как-то несерьёзно, — Катер подошёл сменить зевающего Штиллера. — Скажем, ты хочешь знать, почему так трудно попасть на Остров. Копаешься в старых инкунабулах, путешествуешь, беседуешь с моряками, сравниваешь их байки, пытаешься распознать заведомую ложь. И — хоп! — понимаешь, что, стоит выкосить в Невере весь рапс, и можно будет хоть трижды за день плавать на Остров и обратно. Не долг ли всякого порядочного учёного заняться выкосом рапса в Невере?

— Ничего себе! — рассердился вдруг ящер. — А как же «рапсовая рапсодия», вершина мастерства неверских певцов? Знаменитые ежегодные представления на рапсовом поле во время цветения? Если отнять их у земледельца, что ему останется? Картофельный шнапс?

— Что, правда? — удивился Штиллер, да и остальные тоже.

— Разумеется, брехня, — раздражённо буркнул Горрин и немного повалялся в пыли, перекатываясь с боку на бок и загребая миниатюрными ушами. — А может, и правда. Рапс не так прост, как кажется. Ладно — рапс, а вы только представьте лодки, да ещё и на Остров, притом по трижды на дню туда-сюда! Гвардия замахаётся новых чернокнижников резать.

— Э... Погоди, — начал Катер неуверенно, — по-твоему, лодка

сложнее, чем...

— Научные споры! Давно их здесь не слыхала, — произнёс неприветливый женский голос. Рен вздрогнул и обернулся, ожидая нового нападения Фенны.

Но у костра стояла незнакомка, замотанная в длинную светлую накидку. Точно так же одевалась мать ключника в далёкой молодости. Даже платок, небрежно сброшенный на плечи, закрывающий лишь основание тронутой сединой длинной косы, она носила, как в старину. Штиллеру стало очень стыдно: он даже не заметил, с какой стороны подошла гостья. Ключник оглянулся, ожидая упрекающих взглядов, но вся команда, даже ящер, внимательно смотрели на существо Лиода.

— Госпожа фан Бремерзе! — поприветствовал Катер любезно и невозмутимо, как уважаемую соседку, а не как призрак женщины, погибшей в пламени много лет назад. Легендарная художница ничуть не походила на привидение: скорее, на горожанку среднего достатка. Сумка с неизбежным кочаном капусты висела у неё на запястье. А совсем не обугленные кисти, не останки холстов. И уж точно не проклятое полотно с начинкой из чёрной магии, которое стоило сжечь сразу, не рассматривая внимательно.

— Наше общее глубочайшее почтение! Позвольте проводить вас в мастерскую, — предложил Катер.

— Точнее, вам нужна моя помощь, чтобы войти, демон не пускает. А взамен? — сварливо поинтересовалась ведьма.

— Если нам с друзьями удастся отыскать вашу последнюю

картину, мы её сразу уничтожим! — предложил Катер. Штиллер вздрогнул, ожидая пощёчины, резких слов, но художница только плечами пожала.

— Сколько раз пробовал? И всё без толку. Что ж, может, вместе одолеете. Ступайте за мной. Хорошо, что навестил меня, Финн, — ласково бросила она через плечо с лёгкой улыбкой. — Понял, что полагаться только на воспоминания врагов — глупо? Идём смотреть на твоё пропавшее королевство. Следить за костром не забывай, — и художница засемила по тропинке вниз, к оврагу. — Насчёт костра она права! — быстро и встревоженно обернувшись к остальным, вполголоса объяснил Катер. Приятели сразу отложили вопросы о демоне и упомянутом королевстве на потом. — Сейчас будет странно, довольно тошнотно. Направления переменятся, дома, камни придут в движение. Только костёр останется на месте. Если разделимся, если станет жарко, возвращайтесь к костру.

— К костру идут, если холодно, — уверенным тоном возразила Треан.

Это было последнее, что компания услышала перед тем, как вошла в Лиод. Штиллеру почудился ещё звук глотка и сдержанной отрыжки. Но ключник не понял, кто из спутников утолял голод на ходу.

2.

Лиод не обманул ожиданий.

Все пять чувств Рена были травмированы одновременно.

Он стоял на сцене.

Из партера смотрели состоятельные горожане, золочёные ложи занимала аристократия. Штиллеру показалось, что он узнал Константа, владельца книжной лавки, а также семью Нойн в полном составе, в сопровождении гномки Виттемун. Рен отогнал назойливую мысль о том, что упустил нечто важное. Тяжкий запах старого холодного дыма, впитавшегося в дерево, в краску, в стены, сдавливал горло, вызывал боль в висках. Невидимый хор тянул заунывную песню из-под сцены, вступал и замолкал в глубине. Во время пауз слышен был незнакомый музыкальный инструмент или печальный рёв животного, слишком огромного, чтобы выбраться на поверхность. Морозный воздух обжигал кожу, заставлял кутаться в непонятно откуда взявшийся рваный бархатный плащ. Но под ногами ощущался жар, стоять смирно было невозможно: казалось, скоро задымятся подошвы. Штиллер оглянулся: неподалёку маячили тёмные фигуры незнакомцев. Другие актёры? Музыка смолкла, взметнулась волна аплодисментов и улеглась, наступила тишина.

«Пора», — подумал Штиллер и, обращаясь к двум теням неподалёку, произнёс:

— Сходи за князем Еремайским, Глостер,

И лордом Града Ночь.

— Да, мой король, — последовал ответ. Одна из фигур с поклоном пропала. Это неуютное чувство дезориентации... Не стоило столько

пить накануне. Или он заболел? Попытки вспомнить только мешали сосредоточиться на пьесе, слова текста ускользали, смысл собственных реплик терялся. А ведь ему, кажется, досталась главная роль! Что ж, придётся импровизировать. Один из актёров пришёл на помощь:

— Пусть свитки принесут, ты запиши нам,
Как естество на части разделил.

Или признайся нам, зачем. Неужто
Ты пребывал в раздоре сам с собой?

— услышал Штиллер. Пьеса ему не нравилась. Совершенно.

— «Зачем» — вопрос научной мысли чуждый, — ответил он. —

Зачем в ночи среди мятежных духов

И стаяк рыб, кошачьих сновидений,

Сквозь сеть тумана шествует луна?

Зачем над шпилем древним Элмша кондор

Быстрее ветра в облаке летит?

Зачем родился в год Речного Вепря

Погонщик псов, безжалостный вампир?

Актер в красном плаще, изображающий врага, пробормотал
обескураженно:

— Так ты явился в четырёх обличьях

Из плена смерти — потому, что смог?

Ну что же... Bravo! Признаюсь, изрядно
Своим ты нас решением поразил.

Штиллер был уверен, что они знакомы. Если бы не головная боль,
он бы обязательно вспомнил. Но теперь хотелось просто поскорей
доиграть до финала. Неужто он и вправду намерен произнести
чудовищную по нелепости следующую реплику?..

— Я слишком был велик, пришлось частями
В сей дивный мир украдкой проникать.
Дверь чернокнижнику была закрыта,
Но червь могильный в скважину пролез.
Как хитрый чёрт, прикинувшись собакой,
От Фауста сбежал.

— Теперь твой план
Объединившись, снова стать собою...

— И снова проиграть? Мне этот путь
Напоминает ваш безумный поиск
Возможности до Острова доплыть:
Вдоль берегов гонять без толку лодку,
Бранить течение, бриз, морской народ,
Раз в месяц на причале голым дико
Змее Морской во славу танцевать,

Пить уксус, крокодилов есть... Однажды

В тумане с курса сбиться, отдохнуть

На мокром и заросшем мхом утёсе.

А после похваляться в кабаке,

Что побывал на Острове! Я в игры

Унылые такие не игрок.

— Тебя совсем не соблазняет Остров?

Не веришь, что могущество твоё

Усилилось бы после — многократно?

— Мне нет нужды скитаться по волнам.

Всегда со мной волшебный тайный Остров,

И где чудесный Остров, там и я.

Однако, не скупясь, готов с друзьями

Сокровища и душу разделить.

Тебе кусок отрезать?

— Нет, спасибо.

Я сыт... —

и актёр в красном удалился со сцены, не завершив фразы.

3.

Бретта сидела на спине Горрина и щурилась, закрываясь ладонью от яркого света.

Что-то было очевидно не в порядке. В голове колыхался тяжёлый удушливый туман, как облако дыма над скотобойней. Желудок не находил себе места. Охотнее всего Бретта положила бы чью-нибудь холодную ладонь себе на лоб. Где враги, где твари, где обещанные юркие цели для великолепных ножей?.. Хорошо, что Горрин согласился возить её на спине, не то девушку пришлось бы куда-нибудь спрятать и закидать ветками, чтоб не мешала.

Даже зрелище Адских Врат не взбодрило наёмницу. Студенты экспериментировали тут с огнём и взломали печати, не подпускаящие демоническую мелочь к людским жилищам. Обычно такие ошибки быстро исправлялись наставниками. Но здешняя аномалия получилась настолько зрелищной, что ректор махнул рукой и разрешил. С тех пор тут горело, взрывалось, рассыпалось многоступенчатыми водопадами искр и мерцало ослепительно-белым и тёмно-фиолетовым. Из пламени время от времени выскакивали небольшие огненные щенки и пропадали в подземельях. Там и гасли сами собой, их никто не преследовал. Бретта бы с удовольствием поохотилась на них, побросала бы в пламя всякую ерунду из карманов, чего не жалко, полюбовалась его ненасытностью. Но теперь только вздохнула и замотала головой. «Ездовой ящер» вместе со всадницей торопливо удалился в тень. — Лекция началась, похоже, — сказал тихо Горрин. — Послушаем-подремлем? Или поищем целителя для тебя, малявочка? Бретта страдальчески отмахнулась, скорчилась, подобрала ноги и приняв позицию джина в очень маленькой бутылке.

— Не уважаешь их? Зря. Я знаю, где снадобья варят. Мне там крылья однажды нарастили из культей посредством втираний. Правда, потом выпали. Вместе с зубами. Я обратно к зельеварам, те новую отраву намешали. Зубы выросли, зато появились сомнения в собственном существовании.

— И ты что? Опять за лекарством? — с огромным усилием спросила Бретта, запуская пальцы в копну волос и пытаясь выцарапать боль из черепа.

— А зачем? Если я есть, оно мне ни к чему. А если нет — и не поможет. И потом, дерут же за каждую склянку! То душу им, то кинжал-допросчик из сокровищницы Амао.

— Добро пожаловать, о великолепный ящер! — воскликнули неожиданно прямо за их спинами. — Если мне позволена будет такая форма обращения. Или существует более корректный вариант? Мне он не знаком... Как я рад, что дожил до сего дня! Со времён Основания добивался равных возможностей обучения для тварей. Главная проблема заключалась в их нежелании сидеть за партами. И вот, наконец, свершилось! Вы — живое воплощение моего замысла... Живое, не так ли? Ни в коем случае не имею предубеждений против разумной нежити...

Словоизвержение исходило от смутно знакомой фигуры: улыбчивого патлатого старика, обладателя необъятного пуза и многоярусного подбородка. Пёстрый бесформенный наряд и широкополую шляпу легко можно было вообразить на балаганном

актёре, играющем безумного философа. Ящеру и всаднице толстый босой лиодец, несомненно, встречался. Но так и не стал настоящим другом или врагом, раз не вспоминался толком. Агрессивная вежливость его настораживала: казалось, пузан яростно, чуть ли не под угрозой самобичевания заставляет себя проявлять дружелюбие. Причём со всей интенсивностью, на которую способен. А на самом деле с удовольствием разорвал бы собеседников на части.

— Фп... спасибо! — выдал после некоторых раздумий Горрин, приветствуя лиодца коротким кивком, не отводя глаз. Упускать его из виду почему-то не хотелось. Даже на мгновение.

— А спинной сегмент вашего тела, — не унимался тот, — снимается?

— Сегмент, — буркнула Бретта, сжимая виски ладонями и со вздохом спрыгнув со спины, — сам по себе...

Но тут у девушки потемнело в глазах, она быстро поднесла ладонь ко рту и вновь плюхнулась на ящера.

— Поразительно! — воодушевлённо изрёк гостеприимный весельчак. — Людям тоже удаётся время от времени отделить от себя небольшой жизнеспособный кусок плоти. Так называемое дитя. Но чтобы вот такого объёма! И формы! — темпераментный собеседник показал ладонями, сложенными чашечками, что он имеет в виду. Бретта простонала, попыталась лягнуть наглеца, но промахнулась. Тот отступил на шаг и, ничуть не сбившись с высокопарного тона, продолжил:

— Я горд находиться с вами в стенах одного учебного заведения!

Надеюсь, вы найдёте здесь достойную компанию. А если кто-нибудь примется обижать, экзорцизмами кидаться или драконьими экскрементами... не представляю, чем сегодня принято кидаться... Так вы сразу ко мне. Я наведу порядок. И будьте, умоляю вас, осторожны на факультете Преображенцев.

— А что там такое? — сквозь отупляющую пульсацию за лобной костью промямлила Бретта.

— Преобразят! — коротко и очень ёмко пообещал толстяк, поднимая шляпу и пятясь. При этом он со странным вниманием близоруко всматривался в страдающее лицо Бретты. В нормальном состоянии наёмница сварливо осведомилась бы, уж не растёт ли у неё нос наизнанку. Но теперь только проводила воспалённым глазом.

Удивительно... Нет, не оскорбительная, спазматическая демонстрация любви к чужакам. То ли манеры, то ли внешность его внушало подозрения и тревогу. Напоминало... О чём? О ком?.. Почему-то о забавных оомечах, дедушке и бабушке Алисии Нойн. — Никогда не понимал существ, не желающих привести себя в удобный формат, — тихо пробормотал под ней ящер. — За исключением Амао: тот, конечно, артист. Его тело — вроде карнавального наряда...

Амао-дракон! Бретта вспомнила о безумных девчонках, влюблённых в рептилию, а потом — морщинистое, тёмное, изуродованное годами лицо бабушки Алисии. Ведьма не отдавала,

подобно большинству женщин, небольшую часть могущества на поддержание приятной внешности. Действию, привычному с младенчества, вроде умывания. Маленькому трюку, после которого победно улыбаешься отражению в зеркале, как лучшей подружке. «Должно быть, у бабушки есть нечто более важное, требующее всю её магию без остатка», — с опаской подумала тогда Бретта, впервые в жизни встретившись с одержимостью. Она догадывалась: пойдя некто против этого Важного, даже случайно, бедняга будет раздавлен моментально, без малейших колебаний. И вот — ещё один экземпляр, избегающий затрат личного могущества на мелочи вроде комфортного тела, чтобы самостоятельно надевать сапоги.

— Хотя, если подумать... — бурчал оружейник, и всадница ощущала лёгкую вибрацию, мерное дыхание ящера. — Масса добавляет солидности, респектабельности, благообразной неспешности. За таким не погонишься, азарту никакого. Рыжая, малышня, я только что понял: избыток плоти заменяет доспех. Бретта, зажмурившись, беззвучно подняла оттопыренный палец. Словно (или в действительности) подслушав нескромные комментарии гостя, толстяк замедлил отступление.

— А правда, — прокричал он издалека, изнемогая от любопытства, — что родственники ящериц, буролесские могильные черви, из-за недоразвития ножек передвигаются на маленьких тележках? Или вот... — лиодец выхватил, как нож, небольшую книжицу, — написано: «Испугаешь червя — он притворится мёртвым». Как

безногая ящерица величиной с ладонь имитирует человеческий труп? Если даже просто представить несоответствие объёма... Бретта и Горрин молчали, уверенные, что над ними издеваются. — Не хочу задерживать вас, — толстяк со вздохом захлопнул свои записи и позволил им пропасть в кармане мятого хитона. — У нас будет время поговорить! Я здешний ректор, профессор Лиод. Вам не избежать дружбы со мной!

И удалился наконец.

Бретта улеглась ничком на спине друга и перестала отвечать на встревоженно-нелепое: «Эй, ты в порядке?»

Ящер досадливо выплюнул облачко пара и метнулся по коридору в направлении кабинета творцов сильнодействующих напитков. На «Кухне» (именно так именовался кабинет, о чём сообщала корявая надпись на двери) оказалось темно и безлюдно. Зельевары работали по только им понятному календарю. Порой — дни и ночи напролёт. Или гасили все огни под котлами, отправлялись искать новые рецепты и с наслаждением дегустировать собственные шедевры.

Горрин быстро огляделся, ожидая нападения. Назойливое впечатление, что его водят за нос, мешало двигаться вперёд. Вроде бывал на Кухне не раз... И вдруг, как укол стилета, уверенность: он видит покрытые копотью и разноцветными пятнами столы и реторты впервые.

Взгляд ящера остановился на одном из узких зарешеченных окон.

Там вдалеке, в тумане метался огонёк костра: похоже, серфиды угощали визитёров из плоти и крови. Кажется, пламя было сигналом. К чему?..

— Здесь прячется «злая машенька», меня предупреждали, — озабоченно сообщил оружейник, надеясь, что его наездница пришла в себя. Человеческие недуги, за исключением колотых и резаных ран, казались ему таинственными и пугающими. Сам ящер никогда не болел. Даже битвы с паразитами, неизбежные после визитов в столичный Подгород, переносил без осложнений.

— Не встречал никаких «машенок», но, судя по всему, ничего хорошего в них...

Ящер копался в ящиках и аккуратно разбирает колбы, расставленные по полкам. От змеевиков и прочего инвентаря он старался держаться подальше, хотя всё и выглядело холодным, пустым, давно заброшенным.

— По инструкции мастера Ю, — бормотал Горрин себе под нос, — следует избегать встреч с существами, к наименованию которых добавляют эпитет «злой». Тем не менее, живительной микстуры я пока не вижу, а потому придётся исследовать шкафы. А то и сундуки.

Наёмник хорошо представлял себе вид искомой жидкости. И вкуса не позабыл. Чудесное средство, убеждали местные повара, оказывало благотворное действие на «внутренних шушунов».

Оружейник сунул руку в выдвижной ящик — и её сразу укусили. Да как! Со знанием дела, душевно, до кости. Горрин взвыл и

сцепился с монстром, напоминающим тарелку на когтистых лапках. Выпуклая сторона «посудины» располагала набором клыков. Всем их великолепием тварь без усилий рвала прочную, как кольчужная рубаха, шкуру ящера. Достать клинок из складки на животе было нечем.

Спине полегчало. Бретта свалилась, так и оставшись лежать без движения на закопчённом полу. Горрин оскалился и стал с размаху лупить врагом по твёрдым поверхностям, изрыгая грязную ночеградскую брань. «Машенька» — хотелось бы думать, что перед ним была именно она, а не её младшая внучка, — в свою очередь да и без очереди лушила противнику жилистое мясо с костей. Когтями почти вынула левый глаз. Несомненно, дотянулась бы до крыльев и порвала на лоскуты, если бы с крыльями не расправились раньше. Почти ничего не видя от крови, заливающей глаза, ящер попытался перевернуть тварь кусачей стороной внутрь, упустил скользкую бестию, замахал лапами, позорно потерял равновесие, влетел боком в большую каменную ступу. Свалился, ещё в падении скрутился в клубок, разбрасывая хвостом мебель и выхватывая нож. И почти сразу, не понимая, почему «машенькины» зубы ещё не грызут ему потроха, но уже чувствуя бодрящий азарт убийцы, Горрин оказался на ногах. Готовый ко всему.

Но не к тому, что предстало его зрачкам между разорванными веками.

— Любовь моя! Ты пришёл! — благоговейно проскрипело чудовище, припав к ногам Бретты.

4.

Как же им повезло с проводником!..

То есть, так поначалу казалось. Катер бодро шагал тёмными коридорами, уверенно сворачивая в боковые ходы, словно бы сам их и проложил. Хигг, Треан и принцесса едва поспевали за ним, стараясь вообще не смотреть по сторонам.

А было нелегко! На пути попадались арки, заполненные живым мерцающим огнём, поглядывающим на визитёров угрожающе и хмуро. Приятели то и дело спотыкались о кучки мусора, которые могли быть предупреждениями незваным гостям. Лежали там неаккуратно обглоданные кости, куски материи, клочки верёвки, разноцветные осколки и камушки, расположенные тщательно продуманными группами и скреплённые между собой. Сработано было с умыслом, которого никто не понимал да и распознать не пытался: перескакивал или с бранью расшвыривал ногой. За стенами слышались голоса и шаги, но никто клацал челюстями из-за угла, не кидался на шею и не кусал за пятки. Хигг боролся с ощущением, что спутников недавно было (*семеро?*) больше. Оно налетало, как лёгкий запах гари — и тотчас пропадало. Но времени на раздумья не было. Занятия уже начинались, а им всё ещё не удалось найти лекционный зал.

Кошмар начался в тот момент, когда Катер, беззаботно насвистывающий вдалеке, вдруг прижал ладони к груди и

повалился на пол, разбив себе лицо. Треан кинулась на помощь, но сразу развернулась на пятках и, рыдая, бросилась в темноту. Хигг и принцесса проводили недоумёнными взглядами маленькую блондинку, развившую совершенно неестественную скорость.

Треан хлопнула одной из дверей, которых в пустой галерее имелось по меньшей мере с десятков, и пропала.

— Да что в неё вселилось? — изумилась ночеградка.

— Треан бежит... — медленно, как во сне, произнёс Хигг. — Треан бежит? Беги следом или обернись и бей.

Он обернулся. Принцесса за его спиной улыбалась. Но её улыбка бледнела, сходила медленно с тонких губ, как змеиная кожа.

Хигг, конечно, бить не стал. Он в два прыжка оказался около лежащего Катера, рухнул на колени и перевернул друга на спину, как снулую рыбину. Тот оказался бледен в синеву, выдувал носом кровавые пузыри.

— Нитё, пйойдёт, — проскрипел сбоку голосок. Принадлежал он существу маленькому, неопасному. Принцесса и Хигг одновременно повернули головы и увидели крупного шушуна. Обычного такого: серая кожа, похожая на старую мешковину, нарисованные глаза, цепкие многопалые ручки-ножки, одежда, умело сшитая из лучших текстильных находок, а именно — из благородного лилово-чёрного шёлка ночеградцев. Чтобы заполучить такой наряд, существо должно было ограбить антистоличного модника. Точнее, обобрать покойника: шушуны не отнимали без спроса. В одном малыш принципиально отличался от

остальных. Он говорил! На простом наречии Приводья, но всё-таки разговаривал. А может, коротышка проглотил гоблина-запонку, и вела беседу именно она.

— Пройдёт?! — гневно проревел Хигг так, что малыш-лиодец отшатнулся. — А ты доктор?! Что с ним такое, а?

— Его вампий задел, нитё, от этого не помияют. Он, мозет, дазе не заметил, кого потйогал.

Хигг сердито обернулся к принцессе:

— Твоя работа?!

— Не дури, я же шла за тобой, а Катер шагов на десять впереди, как бы мне его достать? — обиделась Хет. — Потом, я своих не ем. Так вампиры? — обратилась она ласково к шушуну, прикидывая, как бы схватить его, прежде чем тот удерёт в какую-нибудь щель.

— Они, — с горестным вздохом согласилось существо. — Койоль-Охотник со свитой. Как говоит один здесьний покойник, «вся койолевская конница, вся койолевская ять». А мне нитё, костей мне столько достаётся, на все тюдеса хватает!

— Какие ещё... чудеса? — пропыхтел Хигг, усаживая Катера, потихоньку приходящего в себя.

— А, вы не заметили? — шушун обиделся. — Вот! — и малыш гордо выставил палец, длинный и тонкий, как вязальная спица.

Он указывал на грудку мусора. В ней преобладали желтоватые зубы хищников, тусклые монеты и клочки шерсти. Сердцем конструкции служил голубоватый кристалл, поблёскивающий изнутри туманной серебристой каплей, подобно испуганному взгляду. Принцесса

присела, протянула руку и вынула одну монетку из кучи.

— Йей, йей! Полози на место! — шушун прыгнул ей на загривок, выхватил добычу из пальцев, проворно скатился на пол и уже собирался сунуть монету в кучу. Но замер, в задумчивости обходя мусор, бормоча под нос, тяжело вздыхая и маясь. Потом воткнул кругляш совершенно с другой стороны.

— Вот так. «Если долго смотреть на мусой, мусой посмотрит на тебя», — произнёс он вдохновенно, будто процитировал кого-то. — Меня зовут Смийть, — коротышка ухмыльнулся, показав беззубый рот, мягкий и плоский, как варежка. — Смийть! Не слышали? Ну и зья. Я тут самый главный. По отбйосам!

Никто не хихикнул, слишком уж высок был пафос в голосе малыша.

— А композитию, — продолжал Смирть, — я назову... «Откуп демона».

— Почему — демона? — изумился Хигг.

— А ты здесь, по-твоему, зубы?

— Погодите, Треан не возвращалась ещё? — Хигг, пригнувшись, внимательно оглядел галерею, украшенную «шедеврами» Смиртя. Физиономия гиганта выражала настороженное сомнение. — Треан пропала. Очень плохо. Правило такое. Ясно?

— Правило такое у кого? — удивилась принцесса.

Хигг досадливо почесал затылок, как рыбак, только что упустивший рыбу-всемогучку.

— У кого...у нас. У Преображенцев, у кого же ещё?

— А, ты утеник Майион? — шушун в восторге запрыгал по камням, как жутковатая блоха-переросток. — Последняя кайтина стайюхи — узяс, пъявда? Удусить бы её, ведьму, пьи больсом стетении найода!

— Что произошло? — слабым голосом спросил Катер, ворочаясь и размазывая по лицу кровь из рассечённой брови.

— Тебя вампий потйо... да фу ты, вампир тебя потрогал. Ничего, скоро будешь как новенький, — напряжённым голосом сообщил приятель, — Хуже другое: Треан сбежала и до сих пор не показывается.

— Блохо, — пробормотал Катер неразборчиво, и его стошнило всухую парой капель желчи. Шушун зачарованно приблизился.

— Не кьёвь, — печально отметил он тоном озабоченного целителя.

— Не пйигодится!

— Что за шу... — хрипло выдавил лучник, вытирая рот и щурясь на Смиртя.

Но знакомство не состоялось.

Издалека, из неосвещённой галереи слышался вой и тьявканье адской своры.

— Давно не ездил в Город Ночь, чтобы вот с ними не ком...пронтировать! — раздосадованно признался Хигг. И выставил навстречу огненным пастям два широких коротких лезвия, мрачно приветствуя убийц. Катер поднял дрожащую руку с зажатым в ней амулетом. Хет, вместо того, чтобы когтем и зубом вступить за товарищей, молниеносно подхватила брыкающегося Смиртя и

запрыгнула на карниз, почти невидимый в высоте. Там, на крюке, приготовленном для жестокого допроса или для подвесного фонаря, принцесса замерла вниз головой, как нетопырь, цепляясь ногами. Полубессознательной от ужаса тушкой шушуна она прижимала юбку к бёдрам.

Хигг рубил, отскакивал, расшвыривал бестий ногами. Свора Короля-Охотника представляла собой легендарный отряд издохших тварей, возвращённых к жизни с помощью огня и ненависти. Большинство псов выглядело, как скелеты, в той или иной степени декорированные плотью и наполненные пламенем. Если их разрубить, половинки живо находили друг друга и вновь вступали в бой. Штаны Хигга уже дымились, предплечья покрылись волдырями. Он дрался, защищая Катера, как буролесский медвервольф — свою берлогу. Опомнившийся шушун непрерывно вопил сверху. Хигг никак не мог разобраться, что тому надо. Один из мечей бойца застрял в брюхе гончей. Бестия с воем отскочила и уволокла клинок в темноту. Преследуя другую собаку, Хигг уронил второй меч в провал между камнями. Возможно, они были здесь и раньше, трещины, просто никто их в суете не замечал. Или гнусные пустоты возникали под ногами прямо сейчас, раскрываясь, словно голодные пасти. Внутри тоже пылало, скворчало, поджаривалось и превращалось в пепел. Две гончи, преследующие Хигга, с жалобным визгом сорвались вниз, что доказывало полное равнодушие местного чародейства к итогам

сражения.

На дне одной из ям вдруг полыхнул знакомый костёр. Следовало, невесть почему, немедленно к нему пойти. Соблазн был велик, но пришлось воспротивиться.

Хигг изловчился, схватил двух псов голыми руками, взвыл от боли и треснул тварей с размаху друг о друга. Гончие погасли. Великан, воспользовавшись передышкой, оглянулся. Катер, завалившись на бок и прикрыв глаза, держал амулет, как щит, перед лицом. Твари его совершенно игнорировали, даже одежды не подпалили.

Принцессу и её игрушку с нарисованными глазами было едва видно в высоте. Зато обозначились два ночеградца — фигуры, становящиеся заметными, только когда двигались. «Егеря» внимательно наблюдали, но сами держались особняком. Хигг обиделся.

— Попрятались, людоеды! — заревел он. — Дождаетесь, пока меня поджарят? Выходите, дохляки! Катер, кинь мне нож, руками трогать гниль неохота.

Дымящийся гигант быстро отстегнул пояс, состоящий из разной тяжести и величины фрагментов, заострённых, покрытых зелёной эмалью. Владея неким секретом, позволяющим игнорировать боль, Хигг шумно выдохнул дым через сжатые оскаленные зубы. И раскачивая в руке «пояс», шагнул навстречу призрачным фигурам с такой яростью, что те попятились. Уцелевшие псы сбились в кучу.

— Хватит, хватит, — донеслось сверху. Между сражающимися, хихикая на свой неповторимый манер и хлопая в ладошки,

спрыгнула принцесса. — Замечательно! Следует завести у нас в Городе Ночь что-нибудь подобное.

— Пап, — прошелестел девичий тихий голосок, — свора меня не слушается.

— На котлеты! — грозно произнесла... Хет? Катер и Хигг переводили ошалелые взгляды с принцессы на вампиров и собак. Пылающие бестии, потявкивая виновато, расселись в ряд и языки вывалили.

— Метломорды! — выкрикнул Хигг, и принцесса снова согнулась пополам от хохота.

— Метаморфы... Они же — имитаторы, — выдавила она сквозь слёзы.

— А я тебя съязу узнал, — важно объяснил Смирть, покорно мотаясь в изящной ручке.

— И я тебя, мастерица, — ответил хриплым баритоном метаморф, заглядывая коротышке в нарисованные глаза. — Может, хватит уже в мусоре шариться? У меня при дворе, знаешь, тёмных подземелий хватает. Могла бы там работать без помех.

— Знаю я твои подземелья, — сварливо отозвался... шушун? — Там гнилым мясом воняет, и в казъдом углу по вягу пйикованному. Я тебе там такого наисую... Ах, стайий пёс, тебе того и надо! Нет узъ, бьягодайю.

— Как угодно, — усмехнулся ночеградский монарх и пообещал многозначительно, — я подожду, пока у тебя «мусой» закончится. Вот тут! — и погладил Смиртя ласково по темечку.

Король неторопливо превращался сам в себя: вырос почти вдвое, поседел, сменил красное платишко на походный плащ и отрастил себе ботфорты, грязью заляпанные. У его дочери, напротив, метаморфоза заняла считанные секунды.

Смирть остался шушуном.

Настоящая принцесса тем временем подошла поближе к Погонщику Своры. Оба уставились друг на друга с весёлым интересом, насколько вообще можно было понять выражение лиц нелюдей. При жизни Король-Охотник, вероятно, обладал могучим телосложением, от которого остался костлявый остов. Вытянутое тёмное лицо украшала острая бородка. Плащ-перевёртыш скрывал остальное.

— Старый козлосвин, — с нежностью произнесла дочь. — Неужто жених до сих пор не распознал, что это ты?

— Сразу сообразил, не дурак, — гнусно похохатывая, признался Погонщик Своры, отворачиваясь и приседая, чтобы потрепать того или другого щенка по загривку. Твари, виляя хвостами, запрыгали у ног хозяина. — Мы замечательно провели время, несмотря на нелепую перманентность его величества. Дикая неукрощённая суть. Может, я ещё и женюсь на нём.

Последний ночеградец так и остался в тени. Хигга все они больше не интересовали. Хлопая по тлеющей одежде, великан снова подпоясался своим диковинным поясом и хмуро обернулся к товарищу, который уже нашёл силы, чтобы самостоятельно сесть,

попробовать спрятать амулет в карман, уронить его и подобрать с пола. Хигг некоторое время рассеянно наблюдал за Катером, потом наклонился, сунул разочарованную бородатую физиономию прямо под нос шушуну. Тот как раз намылился к любимым «кутям» и аж скорчился от испуга.

— Госпожа фан Бремерзе, это в самом деле вы? — оглушительно и горестно спросил Хигг. — Кто с вами такое злодейство сотворил? Как вам помочь?

Шушун замер, а вампиры, вполголоса обменивающиеся новостями на «ночеградском коде», смолкли и придвинулись ближе.

— Мне узе помогли, — скромно возразил Смирть, он же бывшая художница, — и хватит.

Шушун бочком отодвинулся от хигговой бороды, засеменял к композиции под названием «Откуп демона». Вынул из неё два зуба и стал сосредоточенно пялиться на кучу через рамку из собственных пальцев, оценивая перемены.

— Невозможно женщине устоять перед дьяволом, — тоненько и мечтательно выдохнула дочь Погонщика Своры. — Ведь только с ним можно быть вполне уверенной, что главный интерес представляет именно твоя душа.

— А кто у нас дьявол? — угрюмо поинтересовался Хигг.

— Некий Биццаро, — сказал Злой Охотник. — Он так давно помер, что вскоре явится вновь. Я сам старый мерзавец... Нет-нет, не спорьте, обидите! Мне, чтобы заслужить такую репутацию, пришлось немало поработать. Совершать поступки, которыми надо

гордиться, чтобы не наложить на себя руки!

Ночеградец ожидал возражений. Их не последовало.

— Так вот, даже мне не по себе, когда вспоминаю Биццаро. После него настоящих злодеев не осталось. Всё мелкие вредители да самовлюблённые паразиты, а порой просто несчастные безумцы с топорами.

— Я Финна уже не застал, значит, с трудом могу представить... — до того не видимый егерь взмахнул рукавами, подыскивая нужное слово, — принципиальное отличие его злодейств от поступков свободных существ вроде нас...

Когда он говорил, остальные приблизились, словно притянутые звуками его голоса.

— Собирался же запретить ницшеанские чтения в Зубастой Башне!

И забыл, — с досадой прервал вампир. — Между ординарным мерзавцем и легендарным злодеем качественное отличие, Гернот.

Так, значит, назывался егерь из свиты.

— В воздухе, которым дышат живые, немало капель воды:

вспомните стены тумана над Зубастой Башней поздней осенью. Но даже в ноябрьскую ночь никто никогда не скажет, что воздух — вода... Многие стали несчастнее просто потому, что повстречались со мной. Или с тобой, дочь. Но знакомство с Финном делало жизнь тяжелее всегда. Без исключений.

Собаки в кругу у ног Злого Охотника, казалось, тоже слушали. Их высунутые тлеющие языки добавляли сцене комизма, будто псы посмеивались над своим повелителем. Смирть вздохнул, зацепился

за сапог Хигга и полез вверх по шнуровке, переставляя длинные паучьи пальцы. Вскоре бывшая художница добралась до кармана куртки и спряталась в нём с головой. Что-то невыносимо жалкое было в этом зрелище. Как если бы великий колдун заставил Луну сойти с неба, и та оказалась старой медной монеткой. Пока шушун лез, все отвели глаза, даже ночеградцы.

— Вот одна история о Биццаро, — продолжил владыка Антистолицы. — Лучше бы вам узнать, с кем придётся иметь дело. Дорогая наша Марион, или Смирть, тоже обладает впечатляющим архивом воспоминаний о нём. Реминисценции жертвы! К счастью, я никогда не испытывал к Биццаро ненависти. Повезло. Да, Марион? — Король отворил дверь за спиной у Катера. Там оказался выход на крышу. Хигг постарался удивления не показывать, а приятель слишком старательно занимал вертикальное положение, чтобы обращать внимание на мелкие пространственные недоразумения.

— Прошу! — и, видя, что смертные медлят, ночеградец добавил: — Спешка ни к чему. Некий талантливый маг только что сказал, мол, где он — там и Остров. По отношению ко мне звучало бы примерно так: «Там, где я, всегда полночь». Но всё же... Ваше недоверие мне оскорбительно, господа. Если вас терзает страх за собственную кровь, то нужно признать, что крыша — идеальное место для беседы с вампиром. Вы в большей степени контролируете ситуацию, чем он. В любой момент можете лишиться

собеседника ужина, просто спрыгнув вниз. Не будем же мы, право, лакать из лужи!

Кажется, он не шутил.

На крыше было ветрено. Огни Лена Игел не горели, только серебро Государевых Ворот тускло поблёскивало под Луной. А в Университете кипела бестолковая ночная жизнь. У преображенцев, как обычно, пылало и дымилось. На крыше Магистратория сидела большая шумная компания и распевала старомирские пивные марши. У бессмертников проходило шествие с факелами. Колонны студентов вышагивали под рёв барабанов, многие — верхом на буролесской фауне, зелёных губителях и земляных рыбах. Король-вампир свистом разогнал призраков и котов, слоняющихся по лепнине на краю крыши, и оседлал каменную рыбу-слона на карнизе. Свита осталась в подземелье. Катер замахал руками в неловких поисках своего лука и тяжело опёрся на него.

Хигг думал о девушке, которая не ела мышь и не хихикала на безумный манер. «Ничего про неё не знаю, — объяснял он себе, как слабоумному. — Померещилось». И всё равно вспоминал улыбку, худенькие плечи, дикие глаза. Он вздрогнул, прогоняя ощущение каши в голове, помешиваемой неким зловредным поваром. Обожжённая кожа ныла и не давала сосредоточиться на голосе ночеградца. Тот как раз что-то рассказывал. Хигг с усилием прислушался.

— ...вечно окружала толпа бесталанных магов, таскающих крошки

чудес с его стола, — вспоминал Злой Охотник и отодвигал ногой рассыпающих искры щенков. — Да примените уже зеркальце, что вы мучаетесь! — оборвав свой рассказ, раздражённо посоветовал он.

Хигг не понял. Зато Катер вынул амулетик, защитивший его от огня, и протянул приятелю.

— Над раной подержать, — нервозно-устало показал владыка Города Ночь протянутой ладонью, как игрок в «камень-меч-пергамент». Хигг поглядел в гладкую, блестящую поверхность амулета. Рана в ней не отражалась. Убрал — и некоторое время обалдело рассматривал чистую, несожжённую кожу.

— Ух ты! «Зейкальце», ага? А бойодавки оно сводит? — спросили из кармана.

Король пожал плечами и, не дожидаясь, пока собеседник долечится, продолжил:

— Финн творил чудовищ. Видимо, просто потому, что хорошо умел. Сам упрекал себя за невоздержанность, мучился. Говорили, у злодея не одна, а несколько душ, взятых обманом. Рассадить бы их по разным персонам и поссорить между собой...

Ночеградец ухмыльнулся своим мыслям.

— Были мы однажды на старомирской музыкальной драме, рок-опере, под названием «Спящие собаки». Речь шла о молодом смертном по имени Ригг. Или Ригг звали автора? Не суть.

Представьте себе: главный герой зарабатывает себе на жизнь, практикуя некромантию по отношению к женщинам. Гримирует,

наряжает в костюмы мёртвых принцесс и прикасается к ним, как влюблённый. Вдруг Ригг встречает портовую ведьму, продающую крохи собственного волшебного дара, и понимает, что они оба, «ничтожества», предназначены друг другу. Он расправляется одним заклинанием с её обидчиками и забирает даму сердца к себе в подземелье. Там, одурманивая себя зельями, ждёт взаимности. Вдруг «рыцаря» навещает брат — и уводит возлюбленную.

Ревнивец уверен: ведьма использует простака, чтобы выбраться из грязи. Ригг заманивает девушку на пустынный берег, привязывает ей камень к ноге и сталкивает в воду. Брат безутешен...

— Попробовал бы послать ей весточку с котом, — хмуро предложил Катер. Он больше не походил на мертвеца, просто казался усталым и больным. — Телепаты чувствуют, что почём.

Отказываются от контактов с покойниками.

— Дело было до котиков, — объяснил вампир. — В те времена из них, кажется, варили суп и ели, чтобы обрести телепатический дар.

— Старомирская история, — пробормотал Катер.

— Ригг переезжает к сопернику, чтобы говорить с ним о женском вероломстве, но вскоре находит брата мёртвым: тот выстрелил себе в лицо. Убийца в отчаянье направляется к замёрзшей могиле любимой. Лёд проламывается под ним, герой опускается в свой персональный мокрый ад. Прежде, чем вода наполняет лёгкие, взгляд его встречается с ненавидящими глазами мёртвой возлюбленной. Счастливый конец!

— В Летней Избушке это давали однажды. Джульеттой звали

главную героиню, — вспомнил Хигг.

Король-Охотник дико захохотал, но не возразил.

— Зачем я этот бред несу? — изумился вдруг он и выдал ещё одну короткую серию воплей спаривающихся морских буйволов, которую следовало вежливо принимать за смех. — Забыл совершенно.

— Пьоклятье всех университетских учителей, — пропищал Смирть из кармана.

— А! Стоп, знаю. Биццаро! По окончании пьесы Финн заявил, что Ригг сотворил бессмертную картину, которая останется навсегда с каждым зрителем в зале. Но не на холсте, а прямо под веками, в центре естества, куда падают, как в колодец, воспоминания, делающие нас тем, что мы есть.

— Сьто за кайтина? — шушун почти полностью высунулся наружу. Его щёки были мокрыми, хотя существо было безглазым и плакать нарисованными, конечно, не могло.

— Под тёмной водой — прекрасная мёртвая женщина. Бледная кожа оплетена водорослями, длинные спутанные волосы парят над нежным лицом, медленные течения сонно раскачивают их, как донный мох. В раскрытых глазах утопленницы — бессмертная ненависть. Она светится, как звезда, в зарослях спутанных ветвей ядовитого речного леса, который не видел никто из живых. На узкой белой лодыжке — цепь с тяжёлым камнем. Утопленница зовёт-поёт из-под льда. А вдалеке столь же вечно и безнадежно скитается юноша с ужасной раной вместо лица.

— Биццаро сказал мне, и я увидел это, — голос Злого Охотника дрогнул. — Финн был убеждён, что Ригг — замечательный человек!

— А убитая женщина? — проворчал Хигг угрюмо.

— А что она сделала?

— «Мы — то, съто способны сотвоить», Обсяя Теоия Демиуйгии Биццао. Он её дазе титал полсеместья. Найод явился, сътоб наутиться мийы ваять, как Вёлль Маленький, — сообщил Смирть, болтая пятками, высунутыми из кармана. — А как поняли, съто Финн Истотьником Силы делиться не будет, пейестали ходить, лентяи.

— Точно, — ночеградец сочувственно посмотрел на бывшую художницу. — Говорили, что когда ты приходила на его лекцию, число слушателей удваивалось. Почему вы расстались? — вампир и не пытался быть любезным.

— Дело во мне, — треугольным дерюжным ртом подтвердил Смирть. — Потейял лицо.

— Как, — изумился Хигг, — теряют лицо?

— О, самыми разнообразными способами! — Погонщик Своры поднялся на ноги, стряхивая с плаща и ботфорт клочки мигающего, шепчущего тумана. — Оставить без присмотра, дать кому-нибудь поносить и постесняться забрать обратно. Некоторые дарят всё, что у них есть. Потом спохватываются: «Тут, вроде, было моё лицо? Не могла же я его тоже отдать вместе с радостью жизни и любимыми

игрушками?»

— Хватит уже, — сообразил Хигг, возвращая шушуна в карман и решительно направляясь к двери в подземелье. — Спасибо за сказку, ваше ночеградское величество. Понимаю, почему нам важно было её услышать.

— Редкостная ясность. Хотел добавить «в стенах Университета», но так даже точнее, — весело заметил собеседник, перешагнув за край крыши и пропал. Катер и Хигг дёрнулись было поглядеть вслед, но одновременно передумали.

5.

— Приветствую тех, кто стремится изучить мир и законы его магии, — провозгласила с кафедры ведьма в старомодной накидке, подчёркивающей недостатки её фигуры и ловко скрывающей достоинства.

Бретта, морщась от уходящей головной боли, сидела на одном из самых высоких мест в университетской аудитории. Горрин расположился тремя рядами ниже и нашёптывал на ушко изящной тёмно-лиловой змейке. Та кивала, посмеивалась, раскачивалась и отталкивала ящера хвостом — благосклонно, из утончённого кокетства. Она называла Горрина «дедушка», чем приводила того в бешенство. Когда змейка поворачивалась в профиль, то показывала сидящим сзади изумрудный немигающий глаз. Лекция её интересовала не слишком. А вот паукообразная машенька, напротив, не пропускала ни слова. Её длинные лапки обхватывали

предплечье Бретты, как экзотический браслет, согревали и гладили кожу. Лабораторное создание уговорило её проглотить крошечного белого шушуна из коробочки. И помогло! Голова уже не ощущалась ареной для битв механических носорогов.

— Значит, ты маска, машенька? — тихонько спросила Бретта.

— Нет, я настоящее лицо.

Наёмница заглянула на внутреннюю сторону креатуры и с трудом подавила рвотный позыв.

— Может, ты вцепишься мне в глотку, но должна признаться, что не чувствую себя никаким Биццаро. И ничего про тебя не помню,

— сварливо и немного виновато объявила она.

— Ничего, — ласково прошептала безумная штуковина, — достаточно, что я помню. Может быть, тебе нужны все остальные «ты»? Неверное, так и было задумано.

— Ага! Кем задумано?

Существо не ответило.

— Так было задумано! — ещё раз с горечью повторила Бретта. —

Встретиться в проклятом Университете через пару-тройку столетий. Один из нас в виде лица без тела, другой — еремайская женщина.

— Ты — беспримерный стратег.

— Чтобы применять научный метод, — продолжала учёная дама, — вам придётся задавать правильные вопросы. Например, «Зачем плыть на Остров?» к таковым не относится, — и услышав

недовольные выкрики, снисходительно пояснила:

— Сначала нам надо выяснить, что такое Остров. Существует ли он перманентно или только по вторникам? А если так, куда девается в среду? Слышу, в первом ряду стихийно возникло мнение, что дело не в самом Острове, а в воде «запретной». Она меня тоже интересует. Мы знаем, что спущенные на воду лодки отлично плавают. И тонут на расстоянии примерно ста сотен староземских метров от берега, иногда чуть ближе или незначительно дальше. У меня в кабинете есть запретноводные карты с рисунками мифических зверей и без. Желающие могут ознакомиться на досуге. Нужно понимать, что картография сродни вызову дьявола: после того, как всё сделано правильно, все значки и линии по местам... бац!

Студенты вздрогнули.

— ...работа закончена, можно расходиться по домам. Ку-уда?

Садитесь, я о бедных картографах-дьяволопоклонниках. Вернёмся к лодкам. Те идут ко дну, свидетелей феномена достаточно.

Почему?

— Топят! Чудовища! — крикнули в зале.

— Предположим. На дне сидит прилежный демон, пробивает лодки. Длинный, с кольцеобразным телом, змей, кусающий себя за хвост...

Многие обернулись к соседке Горрина, и та, улыбнувшись, показала очаровательный язык.

— Или их много, хамских демонов-топильщиков. И все

внимательные! Ни одного упоминания о пропущенном паруснике. С трудом вообразимо, но не исключено. Совершенная система оповещения! Как проверить вашу гипотезу? Наймём армию ныряльщиков для отлова сторожей. Пока не получен мешок мокрых злодеев, я вашу идею не отвергаю. Или, наоборот, пока все пловцы не явились с пустыми карманами. Есть у вас ещё какая-нибудь гипотеза, чтобы первая в одиночестве не околела?

Мгновение было тихо. Затем со всех сторон понеслось:

— Топит Король! Чтоб Островитян меньше было!

— Вода становится топкой... Водоросли плюются ядами, меняющими плотность. Какая плотность?!.. Ты где учился раньше, у дровосеков буролесских?

— Заговор! Заговор лодочников!

— А пловцы?

— И пловцов!

— Эй, мой дед рыбак, он бы не стал собственные лодки топить!

— Рыбаки! Рыбаки среди нас!

— Вроде бы имелся Указ о необучении рыбаков грамоте...

— Не рыбаков, а дураков. Тебя, видать, государственные преступники обучали. Зря старались, кстати.

— Между прочим, Финн Биццаро и его приспешники любили порыбачить. Вам всё ещё хочется выступать за их гнусную компанию?

Но как только в воздухе замелькали краюхи хлеба, солёные огурцы и ручные шушунуны, дама за кафедрой остановила балаган.

— Мы ещё займёмся проверкой ваших предположений, — пообещала она. — Рассмотрим и другие неясности. Почему звёзды зажигаются одновременно, а Солнце и Луна — по очереди? Отчего на всём Побережье день сменяет ночь, а вблизи Зубастой Башни — до сей поры никогда? Куда уходит по весне холод?

Странные вопросы, будто слова проклятья, доносился с кафедры. «Холод!.. Хотелось бы прямо сейчас к костру», — подумала Бретта.

Профессор тем временем заговорила другим тоном, доброжелательно и с лёгкой насмешкой.

— Совет будущим лекарям, звездочётам, некромантам — всем, выбравшим точные науки: обязательно прослушайте курс-другой на факультете Преображения. Большинство из вас думает: «Зачем мне рисование несуществующих зверей? Моё дело — постройка подземных дворцов или составление ядов, от которых умирают, даже просто вспомнив о них». Ну, или сама мысль о рифме вызывает у вас истечение телесных соков из ушей. И всё-таки! Отказавшись, вы принимаете на себя роль глупца, который поклялся никогда в жизни не смотреть направо. А преображенцам я рекомендую ходить на лекции к некромантам или невозможникам, чтобы их не настигло «заблуждение всемогущества». Объясню! Выдумавший обоюдоострый меч будет поднят на смех и побит снулым лещом по шее. Почему? Потому что такое оружие уже есть. А на факультете Преображения такому творцу, особенно, если тот

будет держать свой шедевр не в руке, а подмышкой или за ухом, вручат розы. И ленту на шляпу. Немногие умеют правильно обращаться с такими опасными для учёной мысли предметами! Студенты подавленно молчали, пытаюсь представить угрозу, исходящую от лент и цветов.

— Прошу вас также с ответственностью относиться к собственным креатурам. В моей памяти ещё жива трагедия супругов Эске. Старейшая студенческая пара на факультете медиков: талантливые, добросовестные, подающие надежды. Выяснилось, что оба явились в Лиод, чтобы решить проблему бесплодия и родить долгожданного малыша. Бабушке-еремайке удалось забеременеть. Выносить и выжить — нет. Эта история, — прошептала профессор печально, — послужила одной из причин пожара.

«Пожара?»

Аудитория не отреагировала никак — народ не слушал или уточнять стеснялся. Бретта оглянулась и увидела в руках студента за приоткрытой дверью пузатую реторту с миниатюрным костерком внутри. Ни мгновения не сомневаясь, девушка спрыгнула со скамьи, подхватила машеньку, махнула ящеру и побежала к выходу.

Горрин с сожалением оставил красотку-змею и поспешил следом.

— Где лицо искать будем? — спросил Хигг.

— Везде! Впейё-од! — крикнул Смирть, вскарабкавшись гиганту на загривок и молотя воодушевлённо пятками по ушам.

Катер позади него, судя по звуку, снова споткнулся и присел, задыхаясь, у стены тоннеля. А в гвардейской казарме сейчас, вероятно, ужин. Манतिकору дают. С пивом.

Хигг впервые задумался о неочевидных преимуществах Королевской Службы.

6.

Треан захлопнула дверь у себя за спиной и зарыдала.

В моменты серьёзной угрозы наёмница неконтролируемо сбегала и пряталась в наиболее выгодном месте. Приятели и компаньоны знали о таком благословении (или персональном проклятье) и пользовались им, если успевали. Мастер Ю учил воспитанников: «Если Треан побежала, сразу беги следом. Или обернись к ней спиной — и бей».

По этой причине девушка часто оставалась одна в подвалах, тайных комнатах и пыльных чуланчиках. Там ничто не угрожало, кроме душевных мук.

Когда Треан устала плакать, и нос её неудобно распух, наёмница высморкалась, осмотрелась и увидела безобразно захламлённую кладовую. Огромные тёмные банки с таинственным содержимым. На одной удалось разобрать надпись «Кольца кальмара». Соблазн был велик, но Треан вернула банку на полку. Ей не хотелось по невнимательности обручиться с незнакомым кальмаром. Девушка продолжила осмотр.

Театральные декорации. Холсты. Ключи. Пергаменты, исписанные

и чистые. Мешки. Сундуки. Горы поношенной одежды и обуви. И прочий хлам. Хранился он в полном беспорядке. Взгляд Треан остановился на огромном игрушечном медвервольфе со стеклянными глазами и доброй улыбкой слабоумного.

— Попробуй укуси! — с вызовом крикнула она и ткнула зверюгу в пузо.

Медвервольф свалился на Треан.

Тот, кто вытащил орущую от ужаса гостью из-под плюшевого монстра, носил шляпу, был завёрнут в бесформенную хламиду и ходил босой — словом, представлял собою ожившую статую. Ту, перед Магистраторием. Даже сейчас рот голема был разинут для дружелюбной, чрезмерной улыбки, к которой его вынудил скульптор. Книгу чурбан сжимал спазматически под мышкой. Интересно, способен ли он её положить на стол — или только вместе с ладонью?

— Не ушиблась? — участливо поинтересовался каменный, свободной рукой помогая Треан подняться на ноги. — Ищешь комнату? Здесь есть ещё место для одного, не только у бессмертников. Немного навести порядок, и можно жить.

— О! Я ищу... — наёмница коротко взвесила, разумно ли рассказывать голему о задании, и поняла, что промолчать не сможет. — Ищу невидимого мертвеца по кличке Барч. И последнюю картину госпожи Марион фан Бремерзе. О, теперь ещё моих попутчиков: Бретту, ключника, дядьку Хигга, Катера-стрелка, Горрина-оружейника и принцессу из Города Ночь.

— Угум, — насмешливо буркнул голем, — тебе бы список составить. И гнома нанять с тележкой.

— Тележка может пригодиться, — Треан проигнорировала иронию.

— Большие картины писала фан Бремерзе?

— Марион успела всего шесть картин написать, прежде чем закончилась, — голем развёл руками. — И только одно полотно считается утраченным. Значит, оно тут.

— Точно? Откуда ты знаешь?

— Здесь ловушка пропавших вещей. Профессора Лиода — безобразно-рассеянный народ, студенты тоже прославились прямо-таки легендарным невниманием к личному имуществу. Ректору пришлось сотворить комнату, чтобы утерянное проще было искать. К несчастью, он почти сразу запомнил, куда поместил вход в «ловушку». И вообще, что придумал такую полезную штуку. Теперь комната доступна по принципу «Хочешь найти — не найдёшь, и если не хочешь — не найдёшь». Был в Лиоде мастер Арвид, создавший несколько подобных чудес.

— О! Как же я сюда попала? — изумилась Треан.

— Ты ничего не знала о комнате. Увы, таким способом можно войти только раз. Если хочешь, оставайся тут, пока все твои друзья не потеряют друг друга.

— Лучше помоги мне найти картину.

— Я знаю, где она. Только сама забирай. Скверная вещь, — улыбка не исчезла с лица голема, но теперь казалось, что он сейчас заорёт.

И не замолчит, пока не лопнет. Но лиодец только показал на

стоящий в углу холст в раме, повёрнутый изображением к стене.

Треан сделала шаг к картине, но помедлила, взглянув на собеседника, который начал потихонечку пятиться.

— Насколько всё плохо? — ей совершенно не хотелось снова бежать без оглядки.

— Двадцать пять! — объявил голем.

— Двадцать пять чего? То есть, из скольки?

— Из десяти.

— Настолько мрачно — или ты просто считать не умеешь?

— Всё я умею, — обиделся каменный и снова подошёл поближе, энергично вибрируя подбородком. — Может, *ТЫ* считать не умеешь? Слушай! В комнате-ловушке сотня шушунов, а у меня только два свободных сундука. Как рассадить шушунов по сундукам, чтобы в одном сундуке оказалось ровно вдвое больше шушунов, чем во втором? Резать запрещается!

Наступила тишина. В углу незаметно копошился медвервольф, пытаясь подняться на лапы.

— Ладно, — сдалась Треан, — как?

— Лучше бы тебе сначала найти картину, — со вздохом сарказма посоветовал голем, — не то искать придётся, кроме всего прочего, уверенность в собственном умственном превосходстве, — и он торопливо отступил, шутник в шляпе.

Треан повернула картину к себе.

Она была не зеркалом, чего наёмница втайне опасалась, потому что

была не в восторге от своей мордашки. Кроме того, все знают, что делают некоторые зеркала с молодыми наивными девушками.

И никакого, даже лёгкого желания унести из комнаты, сверкая пятками, не возникло. Хотя, надо признать, картина была не слишком приятная.

На ней изображалось множество людей, животных и демонических тварей с ненавидящими глазами, оскаленными пастьми, когтистыми лапами и прочими смертоносными атрибутами. В таких позах, что того и гляди бросятся или заклинанием поразят.

— Ты ещё здесь? — раздался издалека сдавленный шёпот голема.

— Где же мне быть? — рассеянно ответила наёмница, изучая толпу нарисованных чудищ. Одна из фигур немного напоминала Короля, только постарше и с тёмно-фиолетовой бородицей аж до пояса. Но остальные персонажи оказались совершенно чужими магами. Треан не испытывала желаний познакомиться ни с одним из них: уж очень явной была их готовность убивать. Чудовища, замершие в прыжке, состояли в списках редчайших и смертоносных: высшая нежить, черви-гиганты, матки насекомых и их бесконечное воинство, способное сражаться единой ненавидящей массой. Некоторые твари считались давно истреблёнными или выдуманными.

Застывшие по приказу гениальной кисти, они не потеряли ни капли яда, ни унции чистой, концентрированной злобы.

— О... — только и смогла сказать Треан. — А не выскочат?

— Если бы могли, они уже выскочили бы, уверяю тебя, — по-прежнему тихо ответил голем, опасливо заходя с тыла, чтобы

ненароком не оказаться перед ужасным полотном.

— А который из них Биццаро? — неприязненно поинтересовалась Треан. Она подняла палец, чтобы потрогать краски — и отдёрнула руку. Что-то шевельнулось на холсте, пока она не смотрела.

— Биццаро нет на картине.

— Как нет? Она же называется... погоди... «Смерть...» или нет, «Изгнание Биццаро»? «Явление Бицц...»?

— «Возмездие Биццаро», так следовало бы именовать её, — каменный стал отодвигать сундук, чтобы присесть. Не получилось: видимо, ящик оказался слишком тяжёл. Голем вздохнул, облокотился на невидимую опору и нервозно продолжил. —

Марион не успела дать картине никакого названия. Госпожи фан Бремерзе не стало, когда эта дьявольщина была закончена.

— О! Как же она умерла?

— Я не сказал «умерла». Её не стало! Марион потратила всю себя без остатка. Мы до сих пор потрясены таким неслыханным злодейством.

— Злодейством? — Треан перестала вообще что-нибудь понимать и решила, что язык големов отличается от людского существенно, чем казалось.

— А как ты назовёшь работу над шедевром, после которой от художника остаётся кучка студня, неспособная даже думать о кисточке и красках? Марион потом не удавалось даже причесаться прилично! Мы догадывались, что негодяй Биццаро научил госпожу

фан Бремерзе *буквально* вкладывать свою жизнь в картины. Но и не подозревали, что рано или поздно на какую-нибудь из них будут затрачены слёзы, потом глаза, пальцы... лицо...

Лиодец выглядел возмущённым и испуганным одновременно. Он, шумно и гневно топоча, подошёл к Треан и грубо вцепился ей в предплечья, как бесчувственный чурбан, не имеющий никакого понятия о людской боли.

— Даже если бы мы знали, отговорить Марион было невозможно! Ты спрашиваешь, где тут место Биццаро? Я так думаю, оно перед картиной! — выкрикнул лиодец. — Вот тут! — его взгляд скользнул по зловещему полотну, и голема не стало.

Наёмница вздрогнула, помахала руками на том месте, где только что стоял её собеседник. А через мгновение заметила его широкую нескладную фигуру рядом со свиноголовым овражником, которого до сих пор считала выдумкой собственной бабушки.

— Книги жаль, — произнёс новый голос с кошачьим акцентом. И мягкая урчащая меховая спинка потёрлась о ногу девушки.

Хорошо, что кот сначала заговорил! От всех неожиданностей в горле Треан накопилось столько нерастраченного крика, что освобождение его могло стать опасным для ушей маленьких зверьков.

— А ты что тут делаешь? Потерялся? — взяв себя в руки, ласково спросила Треан. И протянула ладонь, предоставляя полосатому хитрецу выбор, позволить почесать спинку или почтить

собеседницу вкусом. Тот выбрал мир.

— Совсем нет. Никогда не теряюсь. Что не мешает моим людям постоянно меня искать. Вот и заносит сюда то и дело, привык уже, — объяснил телепат, подставляя уши прилежным девичьим пальцам попеременно. — К тому же здесь всегда можно поймать шушуна. Брам тебе загадывал про сто шушунов? Их уже не сотня, а восемьдесят едва наберётся.

— Обжора! — усмехнулась Треан, старательно уделяя внимание каждой полоске на дымчато-серой спинке животного. — Но восемьдесят штук не упрощают загадку.

— Куда уж её ещё упрощать, — высокомерно фыркнул кот. — Посадить шушунов по сундукам поровну, а потом поставить один сундук в другой. Полторы плотвы за решение.

— О! — Треан хлопнула в ладоши и бросила монетки пушистому вымогателю. Тот спрятал их в небольшой мешочек на мохнатом пузе. Наёмница тем временем подошла к нехорошей картине, достала из рукава коротенький ножик (Горрин подарил!), вынула жёсткий холст из рамы, скатала в трубу и сунула безо всякого почтения под мышку.

— Твоё кошачество, а ты не передашь несколько слов человеку в этой комнате? Бывшему человеку, если...

— Ффф, нет! — яростно прошипел кот, отскочил, вздыбил шерсть и вскинул хвост. — Никаких разговоров с покойниками!

— Не сердись, я не знала.

— Серьёзно?! — телепат шипел, фыркал и был готов закипеть. — Я

мог не дослушать и передать. Сама с ним поговори, вон, старик об него спотыкался.

Треан пошуршала по углам, где до того бродил голем, жалея, что не слишком внимательно наблюдала за ним. Наконец коту надоело.

Он подскочил в воздух и остался висеть там, дико завывая и загребая лапами.

«Ты ищи не ищи, а того, кто её носит, не найдёшь». Сделав проклятье адресным, трактирщица исключила котов и прочих компаньонов из области запрета. Так объяснил команде мастер Ю по дороге в гавань, к особняку судовладельца Яна Форо. Шутил, наверное.

Шляпа свалилась с мертвеца.

7.

Семеро бежали по пепелищу. Пятеро людей, один ящер и небольшой полосатый кот. На спине у ящера был привязан труп рипендамского рыбака. Он давно бы уже соскользнул с гладкой шкуры. Но в те моменты, когда покойника резко мотало из стороны в сторону, тот, выполняя приказ, цеплялся за культи крыльев. В кармане одного из людей сидел шушун и пытался договориться с собственным лицом.

Незадолго до того кот-телепат организовал им встречу. Найти друга оказалось не слишком сложно, если учесть, что Университет,

похоже, существовал во всех временах — основания, расцвета и падения — одновременно. Один и тот же человек мог встречаться в Лиоде многократно: в виде студента, профессора, призрака, ходячего памятника профессору, а также в виде живой левой руки профессора, учебного пособия по некромантии. Когда кот, размахивая лапами, смог объяснить собеседнице, насколько сложная штука Лиод, наёмница произнесла вслух несколько наименее хороших слов из её лексикона, за употребление которых не поставили бы в угол даже маленького принца-эльфа.

— А ещё говорили: погуляем по пепелищу, покопаемся в рухляди. Мы попались, не так ли? — маленькая блондинка всхлипнула. — Тут был костёр, к которому следовало идти, когда станет жарко. Не то, чтобы тут было особенно душно, но если бы мне показали, где сидят мои друзья...

Кот тотчас же обратился ко всем приятелям одновременно с просьбой собраться у костра. Когда Треан с телепатом на плече и свёртком под мышкой, моргая и щурясь от яркого света, вышла из Магистратория, то сразу увидела Хигга и Катера на пороге дома Преображенцев. Физиономии у них были настолько огорошенные, будто друзья только что побывали в гостях у Короля-вампира, но расстались с ним без потерь. Оба в высшей степени церемонно поприветствовали кота. Тот предложил называть его Ленарт. Или даже Базиль. Все согласились.

Из густых зарослей дикого винограда и репья выполз, обдираясь, недовольный Горрин. Похоже, у целителей и рационалистов

остались нераскрытые тайны, а то и мечи незнакомой заточки.

Следом за ним показалась Бретта, сияющая, как медовый пряник.

Голова у неё прошла, о чём наёмница радостно сообщила. Народ изумился, но уточнять не стал: та голова, которая сидела на плечах девушки, была ничуть ни хуже предыдущей. И только тогда Треан разрешила Барчу показаться.

Мертвец был высоким, светловолосым, жилистым, крепкого телосложения, обладателей которого именуют «здоровяки». В его случае название было совсем не подходящим. Восковая бледность, жёлтые зрачки в дырах глазниц, чёрные губы и ногти, а также кончик носа, похожий на птичий клюв, ходульные движения, ни с чем не сравнимый «аромат» — всё выдавало в нём продукт некромантского искусства. Непонятно, на что надеялась принцесса, собираясь вернуть беднягу в мир живых.

— А Хет где? — поинтересовался Хигг, страдая от чувства, что ограблен и даже не знает, чего лишился. Великан обернулся, раздумывая, не вернуться ли в подземелье, но Катер схватил его за плечо и покачал головой. У лучника, впрочем, тоже были глаза человека, позабывшего собственный день рождения.

— Принцессу я не достал, — ответствовал кот. — Вампиры — это риск. Могут выпить такого, как я, даже при передаче сообщения. Вернётесь в столицу — к мастеру Хайнриху обратитесь насчёт неё. Он кот отважный.

— С прошлой пятницы, — как во сне, процитировал кого-то Катер.

— А у тебя что?.. или кто? — Катер заметил пауколапый «браслет»

на предплечье Бретты. — То есть, меня больше интересует, оно тебе служит или ты ему? — и в ладони наёмника показалось лезвие. — Оно, оно ей, — успокоил ящер, и кинжал так же быстро пропал. — А мне оно не послужит? — раздался из кармана у одного из приятелей тоненький, чужой голосок. Бретта, неубедительно скрывая отвращение, поманила сидящее на запястье существо. Оно, безропотно повинувшись, пересело в протянутые ладошки шушуна, с которым Хигг обращался нежно, как с собственным ребёнком.

Так Марион фан Бремерзе получила своё лицо. К сожалению, оно оказалось великовато для бывшей художницы. Некоторое время друзья в смущении наблюдали за её попытками примерить находку. Потом Бретта отвернулась, а Хигг бережно поместил лицо и его хозяйку в свой карман.

— Если все в сборе, я бы не отказался прямо сейчас отправиться в «Слепую рыбу», — вкрадчиво предложил Базиль.

— «Слепая рыба»! — крикнула Бретта, сразу вспомнив. —

Штиллер!

— А он ваш? — весело изумился кот. — Тогда стоит поторопиться.

Его скоро съедят.

— Где?!

— Так в яме же.

Друзья переглянулись.

— Если оставить это, — Бретта показала на мертвеца, — здесь, оно... он же не сбежит, а?

Катер испытующе уставился на чудо некромантии.

— Ходячая плоть называется. Уйдёт.

Минуту-другую друзья потратили на привязывание Барча к спине Горрина.

— Фу, дрянь такая, — пожаловался ящер, проверяя, может ли двигаться без помех. — Если оно свалится, я сделаю вид, что не заметил.

— Хм. Эй, Бартоломео, или как тебя там! Держись крепче, — приказал Катер, подождал немного, но ответа не получил. — Ну... посмотрим, кто куда свалится. Треан, что у тебя, — спросил он уже на бегу, указывая на свёрток, — оружие?

— Последняя картина Марион, та самая, которую ты подрядился уничтожить, — легко, вприпрыжку следуя за ним, ответила наёмница. — Ну, что встал? Там нашего Штиллера едят!

Рен знал: ему предстоит умереть.

Две фигуры, два наследника, которым он пожертвовал всё, чем владел, почти без остатка, предали его, так не вспомнив о своём предназначении. Растратили время и волшебство на мелкие страстишки и амбиции. Зато третья, которой он не оставил почти ничего, последняя, нелепая и простодушная, оказалась единственной достойной доверия. Но её убили. Раньше, чем ему удалось вмешаться.

Ах, как глупо! Дети понятия не имеют, что следует говорить родителям, чтобы те были спокойны, горды и счастливы. Малыши

смешно топают ножками и пытаются доказать, что выросли. Самое идиотское в таком случае — принять их всерьёз, обидеться. А уж если сделал следующий неверный шаг — постарел, ослабел, позволил управлять своей жизнью, то лучше всего уйти в поля. Отдаться тоске и переохлаждению. Оставишь за собой право умереть на свой лад. Заодно избавишь детей от необходимости заниматься и этим тоже. Малышам не на пользу убивать родителей. От таких дел у них потом нервозность, изжога и дурные сны. Момент, но Штиллер ведь не на самом деле старомирский король Лир. Он играет в пьесе. И вот — финал. У него мертвец на руках. Мёртвый рыбак по имени Бартоломео. Сын? Брат? В зале тишина, только в первом ряду рыдает чувствительная дама. Сама, наверняка, мать. Последняя сцена, и можно будет отдохнуть. Как там оно? «Волчица ты, тебя я презираю...» Нет, другое. Хотя размер похож.

Действительно убит? Иль наважденье?

Зрачок расширен, пульс неощутим,

И вздох украдкой не колышет грудь...

Пропала жизнь.

Он произнёс свою последнюю реплику, разжал объятая, и актёр, играющий мёртвого наследника, скатился с колен, остался неподвижно, лицом вниз, валяться на сцене, как брошенная кукла. Подивившись такому самоотречению (на вывернутые конечности

статиста было больно смотреть), Штиллер откинулся назад на руки Кенту Еремайскому.

— Рен, очнись, пожалуйста, — услышал он энергичный женский голос. Сильные изящные руки обхватили его шею, сразу несколько дротиков плашмя впечаталось в щёку. Штиллер счастливо ткнулся носом в прохладную кожу Бретты, и ему захотелось отдать ей всё королевство без остатка.

— Студенты обязательно вызывают какого-нибудь дьявола, — болтал кот, короткими прыжками нагоняя наёмников. — Чтобы устроить сердечные дела, научиться одним махом всем наукам или перенестись на Остров. Хотят доказать себе и приятелям, что дьяволы существуют. Но чаще попросту со скуки, натолкнувшись на подходящее руководство в учебнике. Здешние «невозможники» вызвали за всю историю Лиода множество чертей. Некоторые ещё тут. В яме живёт «театральный демон».

— Какой-какой? — уточнил Горрин, взбивая хвостом пылевые столбы и размышляя, что за оружие наносит такого рода бестиям максимальный урон. Его дохлый наездник отстукивал носками сапог по камням бешенное стаккато. Оставалось надеяться, что неумышленно.

— Театральный демон! — охотно повторил кот. — Един во многих лицах, креслах, ложах, музыкантах и продавщицах букетиков у кассы. Питает слабость к Шекспиру, которого помнит плохо. Обожает трагедии. Жертву вынуждает играть главного героя,

умирающего в конце пьесы. По ходу действия приводит актёра в такое моральное состояние, что тот сам прыгает в пасть чудовищу. — Ясно, — в руках у Бретты появились дротики. Девушка первой добежала до края ямы и остановилась над ней. — Ух ты! И всё оно, ты говоришь, — одно существо?

Кот недвусмысленно мурлыкнул. Остальные подошли и тоже увидели.

— А... А что у него в королевской ложе... о, прошу прощения, в крайней слева глотке дымится? — уточнил педантичный Катер.

— Ваш костёр, — любезно объяснил Базиль. — Видите котелок? Сейчас туда бросят живую мышь.

Чёрные зубы-монолиты по периметру Университета сохраняли неподвижность. Не настолько уж и крупной была свежая добыча чудовища, чтоб подавиться, не прожевав. Друзья в молчании старались представить демона целиком, каким он был. Величину. Могущество воображения. Способность заставить пленников переживать чужие воспоминания и сны, как собственные. Бретта первой сошла с неверной дорожки «невозможников». Она взмахнула руками, прыгнула и закружилась в воздухе, осыпая врага лезвиями, надеясь удачно попасть по больному месту. По мягкому бархатному креслу? По любимой строфе?

И остальные зарычали, заорали любимые проклятья и понеслись на подмогу. За исключением Треан и кота — те сидели за камушком. Один из двоих страдал от недовольства собой, но поделаться ничего не мог. Другой был спокоен и вылизывался.

— Демон их, конечно, всех... — пророчески пообещал кот по окончании умывания. И вздохнул.

— Ничего подобного! — прикрикнула шёпотом Треан. И вдруг полюбопытствовала:

— А господин Константин Понедельник, он ведь тоже демон! Он тоже ТАК может?

— Он и не так может, — гордо, словно речь шла о его личных подвигах, ответил кот.

— Константин, знаешь ли, боится нашего Штиллера, который немножечко Биццаро!

— Это меня как раз не удивляет, — вздохнул кот. — Возьми носорожьё бега в Ночеграде. Звери из Депо быстрее, но яда жрут немеренно, каждые полсотни прыжков кормятся. Некророги не едят, не устают, однако на кочках разваливаются, а бинтовать с тмени до копыт кодекс не позволяет. Вот выставляешь подержанного некрота, голову неаккуратными стежками пришиваешь к левому плечу. Мясо предварительно надеваешь на стальной каркас, ядом заливаешь по уши...

Тем временем Хигг защищался от воинственно настроенных театральных зрителей. Их было дьявольски много, и каждый бил креслом, на котором сидел. А если не креслом, то хлёткой цитатой, стараясь к тому же ткнуть биноклем в глаз. Они мешали друг другу, но недостаточно. Вдобавок эти ребяташки срастались, если их порвать, даже безголовые. Хигг с отвращением понял, что

уже сражался с демоном, только в прошлый раз тот напал горящими мёртвыми собаками. Рядом Катер раздирал душившие его декорации. Они вели себя не как приличные разрисованные холсты, а, скорее, как взбесившиеся змеи или одичавшие буролесские пни-трупоеды. Особенно старался занавес: то и дело вспыхивал и обвивался, зловонно дымясь, а Катер плескал в противника из фляжки, соразмерно увеличивая напор воды заклинанием. Занавес быстро сдох, но на помощь ему прискакал реквизит помельче: костюмы, плащи, посеребрённые мечи из картона. Катер получил таким мечом по шее и взвыл: похоже, в картон завернули мотыгу. Стрелять в такой тесноте не представлялось возможным.

Горрин зубами терзал чрезвычайно живучего актера. Тот был утыкан железом, как ёж, но продолжал гневно бухтеть: «Вернёмся в зал и замысел свой чёрный прикроем беззаботностью притворной», «О матушка, мне рано с вами пить!» — и прочую ерунду. Барч свалился в оркестровую яму, но тут же вновь появился на поверхности, поддерживаемый с двух сторон Бреттой и Штиллером. Ключник уже пришёл в себя. Время от времени его, правда, приходилось встряхивать, когда он принимался произвольно рифмовать. Сражаться Рен не пытался, просто стоял, отмахиваясь от летающих контрамарок, вееров и вставных челюстей пожилых матрон, восседающих в ложах. Бретта недоуменно заглянула ему в лицо, но мешать мыслительной работе не стала, а просто вложила в его ладонь ледяную руку мёртвого

риппендамца. Рен вздрогнул, но не выпустил.

А Бретта диким туром поскакала по балкону и галёрке, выкашивая нечисть с дешёвых мест. Твари скромно, без возражений и толкучки отступали: вероятно, у них и билетов-то не было.

Кот за камнем, прыгая на лапах и искрясь меж ушей, демонстрировал Треан системы обжуливания гостей на Майских Играх в Городе Ночь.

И тут в яму из ниоткуда спрыгнул небольшой коренастый бородач с топором. Сперва показалось, что это ещё одна боевая единица театрального монстра. Уж больно похож был новоприбывший на древнейших гномов, какие встречаются в староземских сказках. Золочёная жилетка ослепляла ювелирным избытком. В сапогах, судя по крою и размеру, помимо ног владельца, помещалось по небольшому бегемоту. Остроконечная шапка предполагала наличие пирамидального черепа. Космы и бородачи гнома издевательски заплетены кем-то (вероятно, пока он спал) в изящные косицы, оканчивающиеся колокольчиками.

И новоприбывший преподавал наёмникам урок экзорцизма. К сожалению, сей мастер-класс продлился недолго.

Нападающий, как золотой бур, вонзился в самую сердцевину противника и, не умолкая, задушевно беседовал с демоном о театре. По его чрезвычайно критическому мнению, на сцене была самая дрянная интерпретация «Короля Лира» из возможных. Досталось

как актёрскому таланту, так и режиссёрскому замыслу. То и другое сравнивалось с ремеслом могильщиков и мясников. Гном язвительно предложил в следующий раз выводить на сцену народ со стороны, не из труппы, чтобы не приходилось терпеть уродливых, гнусавых статистов. И порекомендовал в виде лучшей альтернативы грибы из Буролесья. Декорации сравнивались критиком с троллями подштанниками, хотя Штиллер, стесняющийся записывать, усомнился, носят ли тролли нижнее бельё вообще. Музыкантам тем временем предложено было скинуться и купить себе уже пару ушей на всех. Даже публике досталось за безликость и всеядность.

Театр поначалу упрекал в непонимании, снобизме и прогрыз гному исподтишка дыру в сапоге. Но потом быстро скис и, гремя тележками, толкаясь фургончиками, печально пополз за холмы. Яма опустела.

— А ты тоже хорош, Финн! — обернулся бородач к Штиллеру, Бретте и мертвецу. — Не верю! Не верю в твоё осознание да исправление. Детей ангажировал на свою роль, чуть ли на лбу у них написал: «Это я!». Один не спит, другой не дышит, третий не боится, а четвёртый что? В отхожее место не ходит? Нет, не Ионеско ты и не Мрожек, бросай пьесы писать.

— Почему ж ты, Штиллер, не мрожек? — усмехнулась шёпотом Бретта. — Что за зверь такой, кстати?

— И не стыдно тебе в Лиоде появляться — после всего, что ты тут натворил? — сурово спросил гном. Ему ответила Марион.

— Финн Биццао, — заявила художница, — был лутьсим пьяфессойом Лиодского Унивейситета на все вйемена.

Бородач ничего больше не сказал. Вылез из ямы, отряхнулся, создал себе каменного мула из плоского куска щебёнки, оседлал его со словами «Просыпайся, Козловский!» — и был таков.

Над обрывом показался кот.

— Вы знаете, кто он был? Вёлль Маленький! А говорили, он на Острове живёт. Ух ты... Сам Вёлль Маленький! Никто не поверит, бесполезно рассказывать. Даже Хайнрих скажет, что я бальдериания обожрался, и уши оборвёт.

Он потянулся с наслаждением и подвёл итог лекции о носорогах:

— Я к тому, что в хорошей игре финал непредсказуем. Ясно теперь, почему господин Понедельник так осторожен в отношении Биццао?

Наёмники один за другим выбирались из оврага. Катер с Хиггом невозмутимо завершали некий разговор, начатый ещё у Преображенцев.

— Люди превращаются каждый день, — объяснял лучник задумчиво. — В старых, в больных, в здоровых, во влюблённых, во что попало. Одним нравится, других преобразования делают несчастными. Ты как, Хиггище, жалеешь, что познакомился с Бреттой? Испортила она тебе жизнь?

— Пока терпимо, — отвечал ехидно бородач. — Но я — редкий случай.

— В точку! — подвёл итог Катер. — А кто говорит от имени всех без исключений, тот мошенник.

Друзей встретила очень бледная Треан.

— Картину Марион мы уничтожать не будем, Катер, ты уж извини, — одним духом выпалила она.

— Почему? — хмуро спросил тот, заглядывая в пустую фляжку.

Треан аккуратно развернула холст, и друзья столпились, отталкивая друг друга, чтоб полюбоваться на работу великой фан Бремерзе.

— Ничего я не понимаю в живописи, — через некоторое время угрюмо нарушил молчание Хигг. — Совсем!

Остальные качали головами, не вполне убеждённые, что столько жестокости и злобы на одном небольшом холсте преобразуется в бессмертный шедевр. И каждый неохотно замечал, как холодеет кровь, и дыхание останавливается, и проклятая сила колдовства Марион проникает в сердце ржавой сталью разбойничьего кинжала. Сокрушительному могуществу уродства, как и совершенству красоты, не находилось возражений. Получалось только застыть в благоговейном ужасе.

Треан была занята другим. Она суежилась около левого нижнего уголка полотна, где в группе всадников не хватало одной фигуры.

Изображение было варварски выдрано из холста.

— Он мне показался наименее ужасным из всех, — объяснила блондинка, выковыривая кончиком ножа краску из-под ногтей и

вытирая пальцы о подол. — Гномик с топориком. Я подумала: раз старикашка из кладовки провалился внутрь картины (она показала приятелям на изображение рассерженного голема), то можно кое-кого и достать оттуда.

— Так это же Лиод! То есть, ректор, — Горрин осторожно ткнул в знакомого толстяка. Бретта тоже узнала его и кивнула. Треан подняла голову, поискала глазами статую, обнаружила её на месте и слегка устыдилась, что принимала профессора за оживший чурбан.

— Холодно, братцы, — хрипло высказался Штиллер, почему-то голый. Ах, ну да, его бархатный плащ только что дезертировал. Запасливый Хигг сразу протянул ему кое-что из своего гардероба. Как обычно, чтоб закутаться и осознать свои ничтожные габариты.

— Возвращаться пора.

— Точно, — согласилась Бретта, — раз уж полакомиться демонятиной не удалось.

— Стоит только подумать о доме, и ты уже почти вернулся, — пророчески мурлыкнул кот.

— О! Древняя кошачья мудрость? — свернув холст, насмешливо и ласково уточнила Треан, снова наклоняясь и запуская пальцы в полосатую шерсть.

— Мы знаем толк в возвращениях, — важно подтвердил Базиль.

8.

Почтенный судовладелец Ян Форо выпрямился в кресле, осушил

кубок с дымящимся грогом и с высокомерным презрением обратился к мастеру Ю. Остальных визитёров он, казалось, вообще не замечал.

— И это называется «дело сделано»? Если я правильно понимаю, вы намеренно проигнорировали наиболее важную часть заказа. А именно: уничтожить... объект, как только тот будет найден.

— Совершенно верно, — ответил глава наёмников. — Признаюсь, я не сразу угадал, как вы планировали убедиться в том, что шедевр вашей бабушки перестал существовать. Мои люди предлагали просто прийти за наградой, утверждая, что нашли и спалили. Я, разумеется, не позволил: мы организация серьёзная.

Господин Форо немного побледнел, но промолчал.

— В определённый момент, — продолжал мастер Ю, — я понял, что после уничтожения картины вы ожидаете неких... событий. Происшествий, которых, даже не покидая кресла, никак не пропустить. Я встревожился. Представил себе шторм, вырвавшийся на свободу, ураган, который потопит лодки конкурентов, и тому подобную ерунду... — судовладелец сделал некое отрицающее движение, но старик его проигнорировал и с улыбкой обратился к стоящей рядом невысокой худенькой блондинке в белой меховой накидке. — Треан, детка, у тебя с собой?

Та ловким движением ярмарочного фокусника вынула из рукава длинный мешок.

Форо вскочил, опрокинув стул. От его высокомерной холодности не осталось и следа.

— Вы что, принесли её с собой?! — простонал он и выставил вперёд дрожащие руки, — У... у-уберите, я заплачу! Я заплачу, как обещал! Вдвое!.. Сколько вы хотите? Пожалуйста...

— О! Не волнуйтесь, это кошель, — мелодичным голосом произнесла блондинка. — Сюда войдёт больше. Картину мы надёжно спрятали, чтобы с ней ничего не случилось. И с нами тоже. Тот, кто в холст врагов Биццаро поймал, был выдающимся магом! Мы с друзьями так решили: пусть они внутри сидят.

— Разумно...

Судовладелец медленными шагами вернулся к столу и тяжело облокотился на него. Он дрожал, умоляющими глазами пытаюсь встретиться со взглядом мастера Ю, но тот одобрительно и весело смотрел на блондинку.

— Конфиденциальность...

— Конфиденциальность будет соблюдена, разумеется, — отмахнулся глава гильдии. — Ожидаем той же любезности от вас. Лорд Родигер ничего узнать не должен, ясно, надеюсь? Не то вам придётся самостоятельно разбираться с наследством вашей гениальной бабушки. Не думаю, что кому-нибудь на Треугольной Площади или на Маяке захочется хранить такую вещь или вообще приближаться к ней. Не говоря уже о том, чтобы самостоятельно попытаться разрушить.

— Я понял, благодарю, — Форо взял себя в руки и вдруг спросил шёпотом: — А Марион? Хотелось бы знать, что с ней...

К столу молча приблизился огромный рыжий бородач. Внук

художницы задрожал: наверное, ему показалось, что гигант схватит стол одной рукой и огреет заказчика по шее. Но великан просто достал из кармана и аккуратно посадил перед ним шушуна со странным лицом в глубоких трещинах.

— Здравствуй, бабушка, — после долгого молчания сказал Ян Форо. — Если хочешь, оставайся у меня жить.

Вырванная страница

Эльфийский вопрос

Пришёл народ к своему Создателю.

То есть, не весь народ, а два пожилых эльфа, в прежние времена часто добивавшихся успеха в подобных делах. И навестили — не совсем Создателя, а могущественного волшебника, оказавшего однажды кое-какую помощь. Вывел из мрачного враждебного края. Эльфы Внешнего Сухозема страшно гордились и считали чародея, Финна Биццаро, своим богом, а себя — особенными. Может быть, красивее других. А иначе зачем бы ему, всемогущему, возиться? Старики благоговейно выпили чаю, утёрли бороды и скромно замолчали, сложив ладони на коленях и выжидательно глядя в пол.

— Жалуйтесь давайте. Кто вас снова обидел? — не вытерпел бог.

— Ты обещал нам, Великий, что на новом месте врагов у нас не будет.

— Обещал, — в ответе слышалось недовольство, но бежать без

оглядки было бы теперь неприлично. — И зовите меня Финн, как договаривались. Я, конечно, великий, но зачем же стулья ломать? Старики переглянулись в ужасе, говоривший тихонько приподнялся, пощупал скамейку, на которой сидел. Бог хохотнул, но без поддержки вскоре умолк.

— Проклятье, вы всегда понимали мои шутки! — пожаловался он.

— Поэтому и взял вас с собой. Пустыня, думал я. Не с кем ссориться. Одни бродячие скорпилюди. Никакой воды...

— Воду мы научились добывать из колодцев. И собирать росу.

— Проклятье! — повторил бог громче. — Так разучитесь! Я же вам показал, как выжить среди голого песка. Нет собственности — нет врагов...

Торопливо переглянувшиеся визитёры замерли, выпучив честные глаза, как корюшки на столе у столичной поварихи.

— Что?! Завели себе имущество, значит. Ну, показывайте.

Хвастайтесь.

Некоторое время, воспользовавшись Ключом Хоффхарда, он аккуратно извлекал из естества эльфов картинку новой сухоземной роскоши: каналы орошения, насосы, работающие на магии солнца и ветра. Оазисы. Загоны для великолепных ездовых грифонов. И — всеобщая гордость! — тенистая рощица низкорослых акаций, где играли дети... необычно высокие дети. Ростом почти со взрослых.

— М-хм. Моя няма вам больше не по вкусу, — холодно заметил бог, извлекая мистический ключ из души гостя и вытирая лезвие о штаны.

— Няма замечательная! — хором забормотали эльфы. — Женщины научились готовить из неё шестьдесят пять полезных питательных блюд и три вида десерта. Собрать приходится не так долго, как раньше, с тех пор, как мы выставили бочки-ловушки. Скорпилюди меняют её на пряности по курсу десять грамм к...

— Проклятье, — услышали визитёры уже в третий раз. — Покажите мне ваше оружие, — мрачно потребовал бог. Эльфы, вздыхая, предъявили луки со стрелами: лёгкие, изящные, смертоносные. — Так. Крепости строили?

— Строили...

— Рвы копали?

— Копали, как же не копать, — заголосили гости, перебивая друг друга. — У скорпов же зубы и яд. А ещё они врут, что мы бассейны завели и животных держим там, где у них были ритуальные личиночные ямки. Но это не их вонючие ямки, там могилы наших дедов. Теперь из-за придурочных ямок никак не договоримся, кто пришёл в Сухозем первым.

— Идиотством было вообще вступать в спор на такую тему. А на чьей стороне соседи, Замихинская и Неверская общины? Стоп, угадаю: не на вашей. Потому что вы вроде как под моей защитой. Я чужой, страшный, живу, как хочу, а вы зовёте себя моим народом, олухи. Несомненно, в Михине уже рассказывают сказки о том, что эльфы подменяют детей и воруют кур прямо из супа.

— У нас ещё вопрос, — робко, но настойчиво перебил гость. — Почему магия слов и букв на войне не работает?

Финн Биццаро отодвинулся в тень, размышляя. Хорошо бы — не над тем, какую форму придать своему гневу... На такой случай эльфы загодя простились с семьями, уладили хозяйственные дела, отнесли завещания нотариальному демону Буро и теперь были готовы принять на себя ярость всевышнего.

— Как вы колдовали? — спросил бог после долгого молчания.

— Обычным образом, — удивился старый эльф. — Записывали в хроники: «На шестой день от Начала Лета армия врага под командованием генерала А-уга была разбита у Двух Колодцев великим полководцем эльфов, Эрви Победителем». Но генерал скорпов на шестой день вообще не явился к Двум Колодцам, он обошёл Эрви с юга и погнал почти до еремайской границы!

— А до войны всё работало? — вопрос прозвучал подозрительно участливо.

— Да, конечно, — обиделись старики, недовольные такой проверкой лояльности, — всегда! Ты же сам учил нас называть всё своими именами. Так и делалось. Даёшь сыну кличку «Высокий» — вырастает выше среднего роста, а если, к примеру, «Здоровяк», то никакая хворь не возьмёт. Одолжишь соседу три плотвы, а запишешь «пять», тогда и вернуть ему придётся п...

— Я понял, — бог снова сел так, чтобы его было видно. Он выглядел весёлым, совсем не рассерженным. — Не беспокойтесь, волшебство слов и букв работает, но на войне ему требуется больше времени. Лет через шестьсот-семьсот вы удивитесь, обнаружив, кто на самом деле победил у Двух Колодцев.

— Благодарим за урок, Всемогущий, — поклонились старцы. — А какую мудрость передашь ты молодым? Те, увы, нетерпеливы и ожидают советов, приносящих скорые плоды...

— Пусть укоротят себе стрелы.

— Обрезать стрелы? — старики пришли в ужас, будто им предложили ритуально ампутировать носы.

— Ох, да не буквально же! Лечите скорпилюдей, зовите их в гости, дарите им няму, живите скромнее. Как ваши деды. Не мучайтесь объяснять соседям каждый поступок, чтоб не казалось, что вы оправдываетесь. Держитесь с достоинством, и всё наладится. По дороге в Сухозем старики задумались, как бы попонятнее передать божественный наказ. Следует, значить, надеть ограничители на стрелы. Чтобы те не наносили врагу смертельных ран. А потом предлагать исцеление. За умеренную плату? Еда и одежда разрешается только такая, что и у дедов была, остальное — выкинуть в скорповые ямки. Никому не позволять совать нос в наши дела. От недостойных держаться подальше.

И всё наладится.

Глава 5. Разрушение основ

1.

Две стальных клетки раскачивались над бездной на отвесной скале. В одной на ледяном январском ветру покрывался тонким кружевом изморози скелет в бурой бесформенной рванине, находящейся в

столь плачевном состоянии, что ни сословия, ни родины мертвеца было уже не угадать. Во второй сидели Алисия Нойн и Бартоломео, рыбаки.

Чтобы безнадежность ситуации стала понятной в полной мере, стоит добавить, что рыбаки были ходячим покойником. А девушка, запертая с ним в одной клетке, невыносимо боялась, что наверху кто-нибудь перебьет ржавую цепь. Бездна под шатким дном тянула к ним заснеженные пальцы острых скал. Алисии удалось прихватить теплую накидку, так что пытка угрожала затянуться.

Зимы в Приводье и в горах редко бывают суровыми. Они многоснежные и приятно-морозные, как желают рыбаки. По ночам лодки, если не вынести на берег, вмерзают в лёд, и всё же их легко вырубить оттуда и выйти ставить сети. К обеду вёсла мешают бурую кашу из ледяного крошева и воды. А к вечеру морские черти выскакивают по едва схватившейся корочке на пристань и воруют у прачек да штопальщиц сетей краюхи хлеба, а то и пузырь с наливкой, прихваченный для согрева. Горожане кутаются, кто в овечью шерсть, а кто и в медвервольфовый мех, бранят холода, но редко вынуждены тратить личную магию, чтобы не замёрзнуть. Случались и по-настоящему суровые зимы с метелями, непереносимыми морозами и сугробами аж до вывесок над трактирами в Лена Игел. Рано или поздно по просьбе отчаявшихся горожан Король посылал гвардию или отправлялся в поход сам, колотил палкой в узорчатое окно какому-нибудь Белому

Отшельнику. Тот прекращал вакханалию, холода смирялись, отступали.

Случается и хуже, убеждала мать. Гораздо хуже. Но даже злейший мороз сменяет весна. Правда, если госпожа Нойн, известная в столице и по Приводью мастерица-амулетница, узнала бы, что её дочка трясётся в клетке над пропастью, и мокрый ветер сыплет ей острые ледяные крошки в лицо... Тогда, наверное, мама сама бы навестила разгулявшегося чародея. И надрала ему уши!

Алисия подышала на окоченевшие пальцы. Вот и всё к вопросу о её разумности и осмотрительности! А ведь справлялась в лавке матери, когда та заболела. Под присмотром младшей мастерицей оставляли детей соседки. Даже гномки.

— Высвобождай цепь ещё на два пальца, — скомандовала она.

И спросила сама себя:

— Сорвёмся? — потому что привыкла говорить за своего молчаливого спутника.

Затем ответила с уверенностью, которой у неё не было:

— Ничего не сорвёмся. Сейчас что-нибудь увидим. Да. Вроде бы там, под нами, камень другого цвета. Отпускай поти... Ах!

Клетка, опасно накренившись, ухнула на пол-локтя вниз, остановилась, ударившись о соседнюю. Амулетница прикусила язык, не желая ругать подопечного тупым мясом и тухлятиной, как именовали продукты некромантского искусства в столице.

— Потихоньку, я говорю. Вот так! — крикнула Алисия натужно-весело. Невольно глянула вниз и обрадовалась, что не позавтракала.

— Давай-ка соскребём отсюда чуток грифоньего помёта. Вдруг да найдём этот... Камень-Основу.

Барч остался неподвижен, только посмотрел на неё своими пугающими золотыми точками в чёрных провалах глазниц.

— Работать, — устало приказала Алисия. Покойник взялся за палку, привязанную на внешней стороне клетки. — И не вздумай снова колдовать, тебе вредно. Скребком, только скребком.

2.

Примерно с неделю назад Алисия стояла за дверью гостиной, где беседовали мама, папа и Константин Понедельник, старый букинист, хозяин лавки напротив. Многие называли его демоном — непонятно, почему. Ничего особенного в нём не было, разве что рост внушал робкое почтение. Владелец лавки «Книга Судьбы» был значительно выше любого горожанина. Может, привычка кутаться в накидки с длинными рукавами породила слухи о том, что дядя Константин под ними что-то уж совершенно невообразимое прячет? Алисия видела старика почти ежедневно. Тот заходил по вечерам выпить «Бугойника», травяной настойки из оомекских запасов матери. Девушка подозревала, что за чопорными визитами стоит нечто большее, чем давняя дружба. С тех пор, как Марк Нойн вернулся из Оомека, сосед в лавке не появлялся.

Отец чувствовал себя неважно после освобождения из заколдованных трясин. Лучший (и самый дорогой) целитель, известный Гидеон Здоровяк, поколдовал, конечно, но почти без

толку. Марк перешёл с ловли крыс на горячую пищу, говорил иногда — в основном, если чего-то не хватало: воды, хлеба... темноты. Столичные ночи казались ему слишком светлыми. Бывший наёмник не находил покоя, терзая свой единственный глаз так, что тот воспалился и кровоточил. Пришлось заколотить окна в родительской спальне. Мать теперь боялась оставаться с мужем наедине, уходила ночевать в дом своей помощницы, гномки Вески Виттемун. И дочери предлагала.

Но Алисии претила мысль оставить отца совершенно одного. К наёмникам решено было не обращаться, не связываться со зловещим «Финбицаро», что бы оно ни значило. Женщины посоветовались. Веська предложила помощь знакомых некромантов.

Гномы охотно работали с Гильдией Гробовщиков. Те лучше ювелиров справлялись с «сапфировой немочью», лучше целителей избавляли гномов от их известной беды — бесплодия. Да и вообще будто бы заслуживали большего доверия.

В лавку явился серенький, незаметный человечек, похожий на расклеивателя королевских указов или младшего помощника судьи в провинциальной канцелярии. Он установил на дверях каждой комнаты добротные засовы, нанёс на косяки аккуратные надписи, угостил красным вином из погребов «Старого Маяка».

С тех пор отец спал ночами, как мёртвый. Ни единого звука — ни скрипа, ни вздоха не доносилось снизу. Алисия запиралась в

комнатушке на чердаке. Если ей требовалось спуститься, она подолгу стояла перед закрытой дверью, странно убеждённая, что отец ждёт по другую сторону — безмолвно, терпеливо, до самого рассвета. С улицы перестали доноситься голоса прохожих, по крыше не топали коты. Ночами весь мир сжимался до крошечной чердачной каморки, до тёмной постели, где Алисии удавалось задремать только к утру. Днём отец стал помогать матери чинить обереги. Только сидели они теперь не у входа, а в кухне, в самом тёмном углу, не зажигая огня. Гномка хозяйничала в лавке, бесцеремонно посылая Алисию за тем да за другим, требуя бесконечной разборки и сортировки товара. У той часто не оставалось даже минутки, чтобы полюбоваться редкостями. Дела шли, хоть и не лучшим образом. Посетителей стало значительно меньше. «Неудивительно, — вздыхала мать. — Зима!»

Они и дальше держались бы на плаву, а весной отправились бы на ярмарку в Еремае. Неделя беззаботности, долгих прогулок по лесам и удивительная тамошняя магия нежности ко всем подряд принесла бы целительные перемены.

Но тут явился сам Родигер, глава некромантского цеха.

Когда Алисия увидела его у дверей, сразу подумала, что теперь помещение трое суток проветривать придётся. Не обращая внимания на подобострастно суetsyющуюся гномку, Родигер заперся с отцом и с матерью. Подслушать разговор не получилось: дело было к полудню, в лавке — посетители, два молчаливых

пустоземца в поиске птичьих манков. Когда некромант удалился, Алисия тихонечко вошла в гостиную и увидела...

Платье. Белое с серебряной вышивкой, с незнакомыми знаками над сердцем, на вороте, по подолу. Сшито будто специально на неё. Но Алисия не обрадовалась обновке, чувствуя только гнетущую тоску. К тому же вонь от ткани, напоминающей могильный саван, поднималась невероятная. Аж до жжения в глазах. Отец стоял в дальнем углу лицом к стене и не обернулся, когда дочь вошла. Мать осталась сидеть у стола. Её пальцы медленно ласкали серебряную нить.

— Надень, доченька, — совершенно мёртвым голосом, глухим, утробным, страшным, как в самом жутком кошмаре, сказала мать. На сложенных руках с синими набухшими венами сидел жирный чёрный жук-навозник, но мать его не замечала.

«Если попробует меня заставить... Нет, если просто встанет и подойдёт, я заору, убегу и больше не вернусь», — подумала Алисия, не дыша, чувствуя, как намокла от пота рубаха на спине.

— Подарок, — попыталась выговорить Агата Нойн. Получилось что-то вроде: «Поудауроукх». Алисия со сдавленным писком, застрявшем в пересохшем горле, бросилась звать на помощь соседа напротив. А кого бы ещё?

Говорят, если к тебе заходил некромант, к доктору обращаться поздно.

Констант попросил Алисию подождать за дверью. Через минуту-

другую из лавки выскочила, как ошпаренная, Веська Виттемун. Шумно пыхтя, прокатилась мимо вниз по Узкой улице. Больше младшая хозяйка её никогда не видела. Когда Алисия устала ждать и потихонечку впадала в отчаянье, из двери выглянул сосед.

— Ступай наверх, девочка, — приказал он спокойно, но так, что не поспоришь, — собери вещички, ты уезжаешь.

— Куда? — не удивилась Алисия.

— Скажу, когда спустишься вниз, — пообещал букинист. И вернулся в гостиную, оставив девушку стоять на лестнице и бороться с желанием заорать так, чтобы изо всех домов по соседству убежали шушуны.

Как можно бросить родителей в таком состоянии? Как можно остаться здесь, с тем, чем они стали?

Что теперь будет?

Алисия подобралась тише летучей мыши к двери и стала подслушивать.

Отец молчал. Говорили только дядя Констант и мама.

— Место, где мы живём — очень маленький мир, — говорил Понедельник. — Негде спрятаться, — и слышался шорох бумаги.

Картография считалась тёмным искусством вроде заклинания демонов. Облагалась налогом на «чародейства, угрожающие общественному спокойствию», потому почти не практиковалась.

Но Алисии была известна слабость соседа к разнообразным рисункам и схемам. Она была уверена, что тот развернул на столе

какую-нибудь разноцветную картинку с синим пятном, изображающим Воды, с бурыми полосами для Сухозема и чёрными горами. Даже с маленькими зубастыми змееведьмами под расплывчатым пятном, означающим Лес.

— В трущобах Города Ночь можно затеряться, под Лунной Пристанью, — продолжал букинист и постукивал когтем по столу.

— Но там девочку ждёт не самая замечательная судьба. В Буролесье уйма диких мест, где человека невозможно найти. Но Алисия — горожанка, она не выживет там одна. К тому же в окрестностях Оомека твою дочь будут искать прежде всего...

Странная идея была спрятать девочку у Болотника, Прово! Живому ребёнку в трясине делать нечего... В Депо её, что ли? —

послышался очередной стук пальца: видимо, Констант знал, где спрятана родина водителей поездов. — Бессмыслица! Малышка не во вкусе троллей.

Алисия фыркнула. К счастью, в гостиной не заметили.

— Почему преследуют девочку, я не понимаю! — энергично произнесла мать прежним своим приятным грудным голосом безо всяких признаков одержимости.

— Родигер, ты имеешь в виду? Не в некромантах зло. Нет, Агата, этим смешным землероям в массе своей и дела нет до твоей дочери.

Родигер опасается начинки из Биццаро, легендарного злодея прошлого, бла-бла-бла, базарные сплетни, тема начинает мне надоедать. Специалисты интересуются планами Финна. То есть, сперва хотят узнать, как он вернулся. Вдруг самим понадобится?

Коллеги Родигера — нормальные деловые люди, профессионалы, веками работают над решением вопроса о бессмертии тела. Начало положено было ещё в Старом мире. Лекари научились продлевать жизнь, оживлять после остановки сердца, разобрались, что полезно класть в рот, а что предпочтительней помещать в иные отверстия и полости. Но — ты слушай, кто тебе ещё такое расскажет! — народ на том не остановился. Мумифицирование, постройка гигантских гробниц рано или поздно перестаёт удовлетворять даже самые изысканные вкусы. От лекарей требовалось настоящее колдовство отдаления момента окончательной смерти. Как бы неоднозначно оно ни выглядело. И ни пахло! Неважно, в какой стадии распада находилась плоть — или даже разум. Удержать ещё один день. И ещё один. До бесконечности. Я видел столетних стариков, неспособных самостоятельно двигаться. Усталые, замороченные слуги переворачивали их с боку на бок, смазывая омертвевшую плоть притираниями. Ритуал продолжался, даже когда из гниющего мяса показывались кости. Глотать самостоятельно их хозяева уже не могли или не желали. Немёртвых питали бульоном, подаваемым прямо в желудок. Выделения смывались или удалялись по трубкам. Рано или поздно даже дышать за несчастные креатуры приходилось специальным устройствам. Замершее сердце подстёгивал небольшой механический шушун.

Предполагалось, что жертвы некромантии всё ещё могли мыслить. Но жутко представить себе разум, запертый в клетку распадающейся плоти! Чаще всего пойманный в ловушку дух

переставал подавать признаки существования. Всё же, чем дольше умирающего получалось удержать от могилы, тем большее уважение вызывал пользующий его медикус.

— Поменьше сарказма, друг мой, — попросила мать, — Ты ведь бессмертен.

— Бессмертен? — весело удивился Констант. — Скорее, неистребим. Как волосы в носу. Кстати, о терминологической путанице. Определение смерти стало весьма непростым. Мёртв ли тот, кому бешеный вурдалак откусил голову?

— Нет?!

— Если быстро вынуть из ещё тёплого остатка здоровые сердце, почки, кровь, ими можно помочь тем, кому вурдалак голову оставил, но выгрыз названные части и выпил кровь. В результате чародейства оба неудачника — живы. Иначе, чем прежде, но в большей степени, чем куски мяса, закопанные в землю. Именно на данном этапе развития научной мысли многие целители заявили, что не будут помогать удерживать человека в живых любой ценой. Например, не станут реанимировать слабоумного старика, если у того во сне остановилось сердце. А их оппоненты ответили: «Мы готовы продолжать даже в таком случае».

Так возник цех некромантов. Разработка источника личной магии, отделение от Старомира предоставило им, идеалистам, адептам ультимативной ценности жизни, множество новых возможностей. Сегодня возвращают даже то, что давным-давно протухло: коллеги, похоже, решили проблему ренатурации... Забудьте. Что я вас тут

некромантскими сказками пугаю?.. Смысл в том, что последователи лорда Родигера — в большинстве своём фанатики вечной жизни, а не одержимые мучители.

— Не хочешь же ты сказать, что платье сделало бы дочь бессмерт...

— Нет, но и не убило бы. Оно пропитано субстанциями, влияющими на поведение, — Констант шумно приняхался. — Не все компоненты могу распознать, но из Алисии получился бы очень тихий, послушный ребёнок. Правда, её пришлось бы водить в отхожее место за ручку, подтирать слюни, следить, чтоб не надевала нижнее бельё на голову и тому подобное.

— Кстати, я ещё не поблагодарила за противоядие...

— Не противоядие, — из-за двери послышался кашель. Или усмешка. — Снятие гипнотической блокады... М-м, нечто вроде уговора.

— А мужу... Марку ты не поможешь?

Вздых.

— Терпения у тебя нет, Агата, дорогая. Время, вот ваше лекарство. Поговори с рыбаками, пусть возьмут его в плаванье. Прово вырос в порту, там привычная обстановка, свежий воздух, людская речь. Впрочем, мы с тобой позже... — некоторое время из комнаты раздавались звуки, происхождение которых невозможно было определить. Алисия не решалась заглянуть в замочную скважину, самые дикие догадки теснились у неё в голове.

— Так в Элмш? — раздался после паузы голос матери. — Смотри, не дольше, чем до весны! Но как ты собираешься это устроить?

Туда же не попасть в последнее время. Ходят слухи, горцев как-то затайливо прокляли.

— Наверху нет некромантов, что важнее. Я позабочусь о том, чтоб девочку приняли милостиво, а сам попробую разобраться с «проблемой Биццаро». Королевский совет не знает, что с ним делать. В настоящий момент доминирует фракция наблюдателей. Я, признаюсь, ещё не вникал. Думал, глядя на малышку, что Финн вернулся в ущербной форме, редуцированный вчетверо. И не говори, что я вас двадцать лет назад не предупреждал!

— Амао, — слышался вдруг голос отца, — тоже мог бы защитить...

— Разумеется, — сухо подтвердил Констант. — Но я-то думал, тема протектората могущественных нелюдей уже не слишком актуальна в этой семье. Если мы согласны упорно шагать по истоптаным граблям, ладно! Предположим, дракон объявит твою дочь своей собственностью, даже неважно, из каких соображений, он просто делает так иногда. Тогда Алисия была бы потеряна: я не дурак, с драконами не воюю.

Снова слышался звук, будто в комнате находился четвёртый, неведомый. Алисия задрожала и не дыша наклонилась к замочной скважине.

Мгновение — и дверь резко распахнулась, сосед недовольным голосом попросил погибающую от смущения младшую Нойн поторопиться со сборами.

На закате Алисия вышла за порог в дорожном платье, как путешествовали обеспеченные горожанки, в пёстром плаще, на изящных каблучках. Даже перчатки не позабыла. В небольшой дорожной сумке — самые необходимые амулеты и мешочек наличных. Нет смысла брать много нарядов, неясно, что горцы носят. Лучше на месте купить или заказать.

Её подждал сосед: настороже, как кот у шушуньей норы. Окинув соседскую дочь чрезвычайно скептическим взором, он выразительно пожал плечами, но промолчал. Да что у них там за порядки наверху?.. К бабушке, например, можно было приехать в чём угодно, хоть в мешке из-под ручной брюквы.

Она простилась с матерью. С отцом. «Как только пропажа обнаружится, вас сразу оставят в покое», — пообещал им Константин. Алисия облегчённо вздохнула. Слез не было, как обычно, только весёлое злое нетерпение. Виноват, наверное, «биццаро» сидящий внутри. Она ещё придумает, как с ним разделаться.

— Вечерний поезд в Пригорье мы пропустили, придётся прямо отсюда... — озабоченно и непонятно произнёс Понедельник вполголоса. — Готова? Сумку на шею повесь. Можешь глаза закрыть на всякий случай. А рот лучше держать открытым: уши, говорят, закладывает с непривычки.

И, прежде чем она успела переспросить: уши, рот, глаза, э?.. — они были уже в воздухе.

Сосед в прыжке оборотился грифоном. Соседскую дочь он крепко, но аккуратно сжимал в когтях, чтобы та не свернула себе шеи при

резком взлёте и не моталась, как кукла. Алисия парила, ощущая ласковый ветер на щеках, поднималась по ровной дуге к древней крепости в скалах. Грифон летел, не отбрасывая крыльями свежий ночной воздух, а рассекая его, как запретноводную волну. Лена Игел провалилась вниз. Звёзды вспыхивали не над головой, как полагается, а сбоку. Вверху темнели отвесные скалы, но вскоре показалась удобная площадка для приземления. Замок Элмш пропал из виду: похоже, он высился теперь как раз над ними. Полёт показался девушке коротким и бестолковым. Она почти ничего не рассмотрела и не поняла, здорово было или ужасно. Хотелось немедленно повторить! Кроме того, приключение сразу и навсегда убедило, что господин Понедельник — и вправду демон. Одно дело наколдовать картошке вкус вурдалачьей отбивной, уговорить царापину не чесаться и подобные мелкие фокусы. Совсем другое — р-р-раз! — и в грифона. Константин явно мог и нечто более захватывающее. Жаль, ей раньше в голову не приходило попросить.

Но он и мать!.. Невообразимо. Она же... старая, волосы пучком, как двадцать лет назад носили, и пары зубов не хватает, и располнела, и ходит в самосшитом. Разве таких любят демоны?

3.

— Всё, хватит, — устало, замёрзшими губами шепнула Алисия. Барч ещё некоторое время уныло ковырял крюком стену. Только встряхнув, получилось убедить его прекратить безнадежное

занятие.

— Хватит, — повторил мертвец неожиданно приятным баритоном. Алисия критически оглядела своего спутника. Тот носил короткие штаны и рубаху без рукавов — в такой-то мороз, аж смотреть больно! Но, по словам целителя Тодда, холод был полезен для рипендамца. Длинные белые космы Бартоломео слиплись в безумную корону из сосулк, торчащих в разные стороны, будто тролльи рога. Глаза смотрели пристально и бесстрастно. Несомненно, при жизни он был удивительно красив, бедолага. Алисия похлопала его одобрительно по жёсткому, как камень, ледяному предплечью.

— Умница, — похвалила она и улыбнулась жуткому спутнику. — Ничего тут интересного нет, никаких особенных минералов. Нечего убивать, кроме нас с тобой. Берись за цепь, вытягивай наверх!

Крепость Элмш настигло проклятье. Так рассказывали на столичном базаре. Чтобы спасти горцев, требовалось убить Камень-Основу, на котором замок построили. Награда: десять тысяч монет, вся казна баронства. Взавшихся за дело, но не добившихся успеха вроде бы сбрасывали в пропасть.

— Ух ты, какой великан! — услышала не опомнившаяся от полёта Алисия.

Констант, потряхивая крыльями, дурачась, стал скакать по площадке, задирая настоящих грифонов. Тех было четверо:

невзрачно-серых, каждый с сумкой для всадника на шее. У Понедельника получился неправдоподобно яркий, пёстрый, высоченный грифон. Погонщица или хозяйка, лёгонькая женщина в бесформенном наряде из тёплой шерсти и меха, намотанных слоями от щиколоток до кончика носа, выскочила на площадку. Она выхватывала из шали, подвёрнутой на животе, плоды, напоминающие столичные яблоки, и швыряла грифонам. Те воодушевлённо подскакивали, ловили и, по-куриному дёргая шеями, глотали подачи.

— Откуда ты такой пёстрый взялся, дикарь? — с нежностью поинтересовалась элмешка и бросила Константу увесистый плод. Тот артистично поймал его, подпрыгнув в воздух и клацнув клювом так, что эхо разнеслось по ущелью. Женщина рассмеялась — и тут обратила внимание на гостью.

— По добру ли, по здорову ли? — насторожённо произнесла погонщица.

Со столь архаичным приветствием горожанка ещё не сталкивалась, и замешкалась, пытаясь понять, как правильно ответить.

— Бургомистр говорил, что прибудет гостья из столицы, — вспомнила грифонья хозяйка, не дожидаясь ответного вежливого интереса к её намерениям и телесному благополучию.

Приглашающе махнула рукой и зашагала к лестнице, искусно спрятанной за камнями. Алисия обернулась, чтобы проститься с соседом, и с изумлением поняла, что тот в звероптичьем облике всё ещё резвится у загона. Константин весьма натурально подрался с

самым большим серым грифоном, едва достигающим макушкой до золотого грудного оперения Понедельника. И теперь демон нежно курлыкал перед самым маленьким. Вероятно, самкой.

— Пошевеливайся!

Алисия слыхала, что горцы — народ неотёсанный и грубый, а потому не обиделась.

— Он же не настоящий грифон! — смеясь, показала она на Константа, выхватившего у одного из звероптиц еду из клюва. — Это мой сосед, Понедельник. Он меня сюда...

— Не болтай! — выплюнула элмешка с раздражением. На секунду даже показалось, что погонщица хотела ударить гостью, но передумала. — Понедельник, пятница... И всё-то у вас, у приводцев, выдумки! Ясно же: самый обычный грифон. Дикий, необъезженный. Ничего, присмирет теперь. Шагай! — и она, бесцеремонно схватив Алисию за рукав, потащила девушку за собой.

Поднимаясь следом за погонщицей, гостья обратила внимание, как из-под накидок и юбок элмешки показались две когтистые птичьи лапы вместо ног. А волосы на затылке у женщины сплетались, превращаясь в свалявшиеся серые перья и пух на спине.

Крепость Элмш оказалась сказочно красива и невероятно стара. Может быть, она была первой постройкой предков, переселенцев из Старого Мира. Понедельник, несерьёзный дядька, предпочитающий, как выяснилось, перья и простые животные

радости, называл архитектурный стиль замка «ранней готикой».

Такой же была ночеградская Провалившаяся Башня. Ставка Злого Охотника, Зубастая Башня, построенная значительно позже, казалась её неаккуратной копией из хлебного мякиша.

Элмш вырубил прямо в скале. Его колонны, башни и треугольные арки придавали крепости вид подавляющий и величественный. А жили тут одни нелюбопытные домоседы. Несмотря на то, что гости чрезвычайно редко заглядывали в эти края, никто не встречал Алисию на гигантских ступенях, не выглядывал в узкие окошки. Только одинокая фигура метельщика в центре мощёного крупным серым камнем двора убеждала в том, что здешние скалы обитаемы. Шарканье скребка в снегу заглушал вой ветра, усиленный глубокой воронкой двора. Вихри кружились внутри галерей и арок, встречая собственное эхо, множась и отзываясь снова и снова. Наверняка горцы со временем переставали слышать непрерывный тоскливый вой — то ближе, то дальше, то выше, то совсем низко, как будто сквозняки охрипли.

Проводница, угрюмо махнув рукой в сторону замка, оставила гостью и поспешила вниз, к своим грифонам. Алисия с раздражением мысленно пожелала ей споткнуться. И медленно направилась к метельщику попросить, чтобы тот проводил её в замок. Так солиднее. «Будь так любезен...» — начала она, но тут горец обернулся, и Алисия заорала во всё горло.

Потому что этот элмшец был давно и безнадежно мертв.

— Не бойтесь, он не укусит, — из арки ворот к парализованной ужасом гостье уже спешил, нервно посмеиваясь, невысокий мужчина средних лет в очень древних, чуть ли не старомирских одеждах. В зелёном дублете и коротком красном плаще, он словно вышел из книжки с картинками, которые особенно любил сосед... демон, а ныне — глупая курица!

Алисия перестала вопить и с любопытством уставилась на первого живого горца-элмшца.

— Вы, наверное, госпожа Алисия Нойн? Зовите меня лорд Механ, или просто Механ, если угодно. Мы не слишком церемонны.

Этот Механ и вправду отправился в замок, не дожидаясь ответной речи, исполненной изысканнейших формулировок, заученных наизусть из древних манускриптов, и даже не оглядываясь, чтобы убедиться, что гостья следует за ним. Похоже, местные ветра — не единственное, к чему тут придётся привыкнуть! Алисия направилась в крепость, но не удержалась и оглянулась на покойника. А ещё говорили, некромантов в Элмше нет... Мертвец провожал её неподвижным взглядом золотистых зрачков из чёрных отверстий глазниц. Алисия вздрогнула, отвернулась и ускорила шаг.

Потолочные арки терялись в тёмной высоте. Барон Элмш мог принимать здесь парады сотен рыцарей в доспехах или даже верхом: места для всадников и пехоты хватило бы. Но теперь лишь эхо шагов и разлетающаяся пыль наполняли бесконечное

пространство.

Посередине зала располагался длинный пустой каменный стол. К нему притулились три десятка старых деревянных стульев: разной ширины, вышины, а то и со сломанными спинками.

— Ужин был перед закатом. По традиции мы вечером собираемся вместе: беседуем, советуемся, спорим, — объяснил, не поворачиваясь, Механ. Он говорил монотонно, точно выучив свою речь заранее. — Но если вы голодны, госпожа Нойн...

— Б... благодарю, — сквозь комок в горле ответила Алисия.

Ужасной ошибкой было отправиться сюда, к негостеприимным горцам. Вежливые люди таких вопросов не задают! Где горячая медовуха? Где грифонятина на вертеле?! — Я ещё не ужинала, — она, вообще-то, и не обедала тоже.

— Тогда... — пробормотал элмшец, явно сбитый с толку. Похоже, он ожидал, что гостья отправится спать голодной. — Видите свет?

— Алисия посмотрела налево, в боковой коридор, и кивнула. —

Там, на кухне, ужинает другой гость из столицы. Задержался сегодня и не успел к общему столу. Уверен, вы найдёте там всё... необходимое.

Алисия не могла понять причины его нервозности. Видно было, что Механ никак не дожждётся момента, чтобы заняться некими важными делами. На ночь глядя.

— Благодарю, я поищу на кухне. Доброй ночи!

Вдруг она вспомнила.

— Прикажете позаботиться о моём спутнике. Это столичный

букинист, он оборотился грифоном и, боюсь, заигрался с местными зверями там, внизу...

Собеседник замер, широко раскрыв глаза и рот. Казалось, он сейчас лопнет от ужасной невысказанной мысли. Но через мгновение взяв себя в руки, Механ криво улыбнулся и пообещал:

— Я навещу грифонник, — и, откланявшись, пропал в боковой неосвещённой галерее.

Алисия отправилась на кухню и обнаружила там Минца.

4.

— А, вот и ты! — обрадовался наёмник, развалившись на скамье и салютуя хлебной коркой. Шикарный ночеградский плащ-мутант заменила накидка из меха запретноводного льва, мягкая и уютная, как одеяло. А так Минц был прежний: нахальный, самоуверенный, надёжный. Единственный участник их оомекской кампании, ничего общего с «финбицаро» не имеющий. Поэтому с ним получилось остаться в отношениях приятельских, не омрачённых зловещими предсказаниями и чужими тайнами. Кроме того, невозмутимый эгоизм наёмника нравился Алисии. Уверенность, что он считает её дурнушкой, с которой, тем не менее, приятно иметь дело, внушала странное спокойствие. Можно было расслабиться, не строить глазки, не блистать остроумием, а просто сгорбиться в уголке и дрожать, пошмыгивая носом.

— Говорили о тебе. Подслушал и ждал, когда появишься.

Понимаешь, — Минц отправил в рот кусок и продолжил болтать,

как ни в чём ни бывало, — сюда редко кто прилетает. Только торговцы. Но те выгружаются внизу, — буролесец глотнул и добавил. — Проклятья боятся.

— Какого ещё?.. — боязливо, шёпотом спросила девушка. Наёмник подвинул к ней тарелку с холодным мясом и овощами, положил краюху хлеба и большую костяную ложку. Есть было страшно, но нужно. Не в мясе же оно сидит, проклятье горцев. Или всё же?..

Элмшский ужин оказался на вкус как глина со льдом. Тонкие тарелки из фарфора с потёртой золотой каймой пытались сделать трапезу достойной внимания. Но успеха не имели.

— Народ превращается во что попало, — весело поведал Минц. — У них такое и раньше случалось. Элмш — родина причудливых креатур. Драконы и вообще все летающие ящеры происходят отсюда. А также имитаторы, пауки-из-туфель, зверорыбы, черви-мизантропы и другие в таком же роде.

Алисия не представляла, о ком или о чём говорит приятель, но считала неприличным прервать, равно как и признать своё невежество.

— Однако перемены последних времён — мучительные уродства. Потому барон — именно барон, это важно! — обратился за помощью.

— Ох, — Алисия зябко повела плечами, достала из сумки меховую пелеринку, явно недостаточную для здешних сквозняков, и закуталась в неё, как могла. Горцы совершенно не заботились о том, чтобы оставлять печку тёплой до рассвета! — А почему так

важно, что именно барон?

Вместо ответа Минц встал, отворил побуревшие деревянные ставни на крошечном окошке и показал в темноту.

— Вот мой заказчик, — сказал он.

Алисия подошла, поискала глазами и никого не увидела.

— Вот же, — досадливо потыкал пальцем наёмник в острые горные пики, лежащие за чёрным провалом. — Спит! — объяснил он, как будто теперь должно было стать понятным.

И Алисия увидела.

То, что покрывало склоны и утёсы, было не снегом, а гигантской белой тушей — огромной, расслабленно растянувшейся на камнях. Присмотреться — и на обрывах угадывались колени, а вершину, не видимую снизу, из столицы, но очень хорошо просматривающуюся отсюда, венчала голова чудовища.

— Барон Элмш собственной персоной. Вот и требуй с него обещанную награду! — язвительно усмехнулся приятель. — Но, если по правде, я ещё и не приблизился к разгадке. Камней тут не меньше, чем лещей в заливе. Какой именно нужно «убить», чтобы снять проклятье, — неясно.

Он тоскливо, отрешённо уставился в пустоту, кажется, уже готовый сдаться, назвать загадку неразрешимой.

И вдруг по-новому, внимательно взглянул на девушку.

— Ты ведь дочь Агаты Нойн, вы лавку амулетов держите на Узкой... Я дурак! Не понял сразу! Константа идея была, так? — он хлопнул ладонью по колену. В голосе и в выражении длинного

хитрого лица буролесца было заметно восхищение мыслью, которую Алисия ещё не поняла, но уже не одобряла. — Будем искать вместе. Ты в камнях понимаешь. Да и потом, ты женщина! Забудь, — видя её недоумение, замотал головой Минц. — Поймёшь ещё... Да и тебе профит. Элмшцы чужаков игнорируют либо строят им пакости, что само по себе очень тяжело, даже если ты не душа компании по природе своей. Пройдёт года три, пока с тобой начнут здороваться.

— Я тут только до весны.

— Во как! — многозначительно протянул наёмник. — До весны! Расскажешь, что ты вообще тут делаешь?

Но Алисия, к тому моменту немного утолив голод, оставила миску и упрямо сплела руки на груди, давая понять, что беседа окончена.

— Дело твоё, — не обиделся Минц. — Но держаться вместе нам не помешает. Нет? Ну, я мужик необидчивый, могу и через пару дней ещё раз предложить, когда в кого-нибудь из «особенных местных» наступишь.

Он завёл глаза, усмехнулся гнуснейшим образом и встал, собираясь уходить.

— Ах так? Даже не покажешь, где тут спальни?

Минц задержался в дверях и протянул руку в темноту:

— Для сна только такое. Горцы не спят в крепости.

Подойдя с амулетом-свечой, Алисия обнаружила там крошечную каморку со скамьёй, на которую можно было прилечь. Нашлась даже подушка, набитая грифоньими перьями, но никакого одеяла. К

стенам притулились мешки с крупой и пряностями. Уютная, тесная кладовка напоминала чердак на Узкой Улице.

— Располагайся, городская неженка. Кстати, уже придумала, как от проклятья защищаться будешь? Я — да! — и наёмник сделал ещё одну попытку исчезнуть.

— Минц, — нерешительно позвала Алисия.

Он обернулся с широкой усмешкой, видимо, ожидая, что она предложит ему ночевать у неё.

— Метельщик у ворот... Что с ним случилось?

Поутру Алисия согласилась помочь наёмнику в поиске Камня-Основы крепости Элмш. Главным образом, потому, что и вправду любила возиться с чудесными, красивыми и таинственными минералами. А тут представлялась уникальная возможность самостоятельно, без замечаний матери, поколдовать с ними.

Минц оказался прав: никому из горцев не было до неё дела. На приветствия едва отвечали, беседы не поддерживал никто. Если так выглядел «милостивый приём», то обычных гостей тут, вероятно, скармливали грифонам? Наёмник выслушал эту теорию и вполне серьёзно подтвердил: не исключено.

На кухне компаньоны набили карманы орехами и сухарями, проглотили по краюхе хлеба с сыром. Алисия спрашивала про вчерашние аппетитные плоды, но на неё только посмотрели косо: те, видимо, предназначались только для ездовых звероптиц.

Минц показал обледенелый, почти отвесный подъём к смотровой

площадке на скале, не занятой бароном. Высота метров в десять над воротами давала великолепный обзор, каменный карниз защищал от взглядов снизу. Девушка, скверно выпавшаяся, с отвращением осматривала окрестности.

— Сейчас увидишь всё население Элмша, — пообещал буролесец.

— Вон идёт лорд Механ, старый лис, всегда выбегает первым. Ему почти каждый день молоко доставляют из-под Оомека, он из него сыр делает. Самый лучший, между прочим: у него все Островитяне заказывают. Мне объясняли, это связано с воздухом в пещерах и темнотой. Да и потом, там особенные шушуны работают, какие больше нигде не попадаются.

— При чём тут шушуны?

— Так плюют они в него, наверное, или что-нибудь ещё повеселее,

— Минц сложил пальцы колечком и начал показывать, как его снимают и надевают, не пользуясь второй рукой. Алисия едва справилась с рвотным позывом. Она только что ела тот самый сыр. Не получив по шее, Минц в изумлении оглянулся на спутницу.

— Ты чрезвычайно гнусен и отвратителен, — несчастным голосом заявила она.

— Только с тобой, — возразил наёмник. — Так забавно бесишься.

И дерёшься. Это редкая штука, знаешь ли, когда лупят, чтобы доказать моральное превосходство. При этом убить даже не пытаешься. Или всё-таки?.. С замахом твоим надо что-то делать. Буролесец с готовностью подставил шею, но тычка так и не дождался. Лёгкая искра взаимопонимания на мгновение согрела

обоих компаньонов. Улыбаясь, они стали смотреть вниз.

— Вот баронесса...

По ступенькам, тщательно избегая встречи с метельщиком, скребущим мостовую у ворот, спустилась дама, больше всего напоминающая осьминога на суше. Избытки плоти волочились за нею в пыли. Было заметно, сколько усилий требовалось женщине, чтобы не покатиться вниз.

— Чем она занята, где проводит время, мне выяснить пока не удалось, — задумчиво глядя вслед нелепой фигуре, произнёс наёмник. — Но после Механа — наиболее влиятельная личность. Что-то есть в ней людоедское, не находишь? Не поссорься с нею.

— Ни за что! — сунув нос в пелеринку, пробормотала Алисия.

— Длинного зовут Цал Клиер, он грифоновед. Очень напыщенный и жрёт за двоих. То, что у него под подбородком, может оказаться другим горожанином. Но мне было неудобно спрашивать.

Недоразумение, которое за ним спешит на птичьих лапах, — супруга его, тоже грифонов тренирует, но, вроде, больше лаской.

— «Лаской» — не про неё. Мы встречались, — обиженно вспомнила девушка. — Между прочим, надо бы спуститься посмотреть... То есть, я, конечно, не верю, что Константин всё ещё там. Наверняка, уже в лавке сидит. Странно, даже не простился.

— Выбрось из головы. Демоны! Никакого понятия о приличиях.

Смотри, вот этот немного лучше других в смысле шушунов в голове, с ним даже поговорить можно, если о деле. Тодд — он здешний целитель. Пользует всех: людей, нелюдей, животных,

гоблинов...

— Тут и гоблины есть?

— А где их нет?..Эй, смотри!

— Что такое? С виду люди как люди.

— Всадники грифонов. Мужики нездешние, большинство из Буролесья, из Еремайе и даже из Внешнего Сухозема. Я разговорил нескольких: божатся, что под страхом пожизненного заключения в Зубастой башне не останутся здесь больше, чем на одну ночёвку. А ещё разузнал шикарную вещь. Представь, кое-кто из перевозчиков — элмшцы, а особенности, хм, телосложения прячут под тряпками.

— Тряпки... — Алисия поморщилась. — Где они старьё такое отрыли? Глянь, на одном боа из тенецапли, вымершей триста лет назад. Женское, притом. Заказать, что ли, всадникам что-нибудь нормальное из столицы?

Минц скорчил гримасу и горделиво стряхнул воображаемую пыль со своей великолепной накидки. Девушка чуть не посвятила приятеля в тайну, что такие в столице уже не носят, в последние недели гораздо актуальнее медвервольф-альбинос буролесский.

— Рога отрастут, панцирем покроешься — никакой столичный шмот не спасёт! — заметил буролесец и подскочил несколько раз, чтобы согреться. — Вот вся горская компания: маленькая, но забавная, если держаться от неё подальше. — Минц пробежал вниз каменному карнизу ловко, как балаганный канатоходец. Алисия смотрела вслед, но спускаться не спешила.

— То есть, как — все? Это не могут быть все! — испуганно

переспросила она.

— Раньше больше было. Кто от перемен в Приводье подался, кого соседи втихаря порешили «за распространение уродства и извращений». Остальными можешь смело пренебречь. Они сидят по так называемым «гнёздам» — заброшенным грифоньим пещерам. Окаменели, обросли мхом или что там ещё... Снаружи больше не появляются. Я к ним заглядывал, да-да. Мрачно смотрится. Хочется им помочь.

— За вознаграждение.

— А хоть бы и просто по-человечески. По-хорошему.

— Кстати, о хорошем. Половина награды моя!

— Размечталась! Десятой частью обойдёшься. Не «что-о-о?», а заработай сначала хоть на десятую. И, знаешь, спускайся-ка ты вниз потихоньку. Барон... Он немного к тебе передвинулся — или мне показалось? То есть, считается, что его светлость питается солнечным теплом и пьёт из проталин, но... Эй, эй, легче, ноги поломаешь!

До сей поры младшая Нойн считала себя человеком общительным, симпатичным для окружающих и легко заводящим знакомства.

Шли дни. Настойчивые попытки Минца свести Алисию накоротке с жителями крепости позорно провалились. Ей отвечали: «А-а...» и «Вот как?» — не то могло бы показаться, что все местные поголовно онемели. Даже черноносому метельщику доставалось больше внимания, чем гостье из столицы.

Буролесец приуныл и весь день шнырял по окрестностям. Алисия просыпалась, дрожа от холода, на голой скамье в крошечной комнатухе рядом с кухней. Престарелая повариха новую соседку усердно не замечала, даже если перевернуть ей соль или утащить всё печенье. Укутавшись с макушки до полинявших туфель в одеяло, которое раздобыл Минц, девушка слонялась по пустым галереям, всё глубже погружаясь в тоску. В один из ясных морозных дней они с компаньоном навестили стартовую площадку звероптиц и с изумлением увидели Константа — всё ещё в пернатом обличье. Тот без возражений позволил нагрузить себя мешками, по-гвардейски молодежавато поймал сочный плод на лету и пропал в низких облаках.

— Нет, такое поведение совершенно ненормально для Понедельника, — рассеянно согласился Минц. — Но ты прости, у меня сейчас другие заботы. Нужно камень найти и убить, знаешь ли.

Одним особенно ветренным утром потерявшая всякое терпение Алисия заступила дорогу Механу, когда тот инструктировал перевозчиков.

— Я живу в вашем доме, ем ваш хлеб, — отчеканила она. — Хотелось бы вернуть долг. Сделать что-нибудь полезное для Элмша.

Бургомистр, словно бы давно ожидая чего-то подобного, высокопарно высказался в том смысле, что «труд на благо общины

приносит уважение и дружбу!» Так Алисия и оказалась на стене. Минц наотрез отказался сопровождать её в благородной миссии чистки внешнего фундамента от грифоньих экскрементов. Просил образумиться. И не позориться. Алисия вернулась к Механу, но не отказалась от оскорбительного задания, а попросила себе в помощь метельщика.

Выяснилось, что покойника зовут Бартоломео, коротко — Барч. Его доставили сюда по распоряжению мастера Ю, главы цеха наёмников. Без присмотра ходячий мертвец мог только подметать. Но, если давать ему чёткие, недвусмысленные команды и следить за их исполнением, Барч неплохо рубил дрова, таскал тяжести и вот теперь — чистил стены от навоза.

Время от времени, сидя в клетке над пропастью, Алисия смотрела вверх, и, кажется, замечала фигуры на краю, там, где крепились цепь. Становилось страшно, что кто-нибудь из чудовищ Элмша попытается решить проблему присутствия чужаков в крепости одним поворотом блока или ударом молотка по проржавевшей цепи. Но, когда после полудня их выпустили из клетки... всё переменилось.

Алисию церемонно пригласили к ужину и налили вкуснейшего чаю с мёдом из оомекского медового родника. Лорд Механ с таинственным видом поведал о преимуществах созревания сыра в пещерах. Семья Цал Клиер вежливо интересовались её мнением: возможно ли с помощью амулетов усилить выносливость грифонов. Тодд, лекарь, спрашивал, не в столице ли обосновался Буро, демон-

нотариус, его старый приятель, покинувший крепость осенью. Наконец, баронесса, потрясая плотью, свисающей с самых неожиданных мест, заявила: гостье из столицы необязательно дальше чистить стену. Алисия может завтра присоединиться к ней и «деткам». Почему бы юноше из столицы не заняться чисткой наружной стены? Минц на такое предложение только оскорблённо фыркнул и клялся, что незаменим как поставщик свежей дичи. Барч сидел в углу, устало оскалив зубы. Он, кажется, только что съел сырого воронёнка. Птенец разбился о стену замка, заплутав в темноте.

5.

— Ты всё испортишь! — шипела Алисия. Если бы она знала, как накладываются проклятья, в Элмше стало бы на одного проклятого больше. — Тебя не приглашали! Тут какая-то специальная женская работа, понимаешь?

— Работать я как раз и не собирался, — переубедить наёмника казалось невозможным. — И оставлять тебя одну с одичавшими монстрами, слегка напоминающими столичных тётушек, — тоже. «Реветь недостойно. Но, может, если не очень громко, то имеет смысл попробовать?»

— Меня же тогда тоже не возьму-у-ут!

— Ерунда. Я умею становиться невидимым, — сообщил Минц. И стал!

— Этому учат охотников в Буролесье. Чуть ли не на первом уроке.

Попробовала бы ты без маскировки пройти по Злой Пуще хоть до ближайшего куста...

«Ладно. Теперь можно соврать: мол, не знала о том, что парень приставучий потащился следом».

То, что Алисия увидела, сразу заняло первое место среди её лучших приключений. Прежде список возглавлял день, когда её, пятилетнюю, потеряли на ярмарке в Еремае.

Гора внутри оказалась полой. Констант Понедельник съязвил бы, что ни одна гора — не сплошной монолит. Но букинист летел сейчас с сыром в клюве где-то над Городом Ночь. Некому было предупредить младшую Нойн о том, что она увидит.

Бесконечные галереи, тоннели, гигантские подземные залы, невообразимый лабиринт! То погружённый во тьму — там разрешалось привести в действие амулет-свечу. То освещённый солнечным светом, проникающим через узкие колодцы в сводах пещер. В подземельях оказалось гораздо теплее, чем снаружи, пахло дождём и ржавчиной. Алисии приходилось лазить по узким проходам и съезжать глубже и глубже самым неудобным образом, обдираясь и пачкаясь. Баронесса, приказавшая звать её Гунда, добродушно хихикала. У неё те же самые кульбиты получались гораздо грациознее. Алисия решила, что толстуха так ловко справляется, потому что ходит тут ежедневно. Но потом заметила множество особенных телесных приспособлений, которыми та пользовалась, чтобы цепляться, балансировать, карабкаться по отвесным стенам или втекать в щели, куда с трудом удавалось даже

просунуть руку. Когда Алисии стало казаться, что её заманивают в глубину, чтобы оставить там навсегда, девушка заметила множество других созданий, спешащих по стенам, по карнизам, по неосвещённым шахтам. Словно растянутый комок пористого дрожжевого теста, висели они в самых тёмных углах. А почуяв чужих, срывались с мест и шлёпали-катились следом. Алисия приглушила мерцание амулета, чтобы их не тревожить.

Наконец баронесса остановилась в особенно гулком зале, наполненном шёпотами и звуками падающих капель. Замерла и её спутница, не решаясь прикоснуться к амулету и зажечь огонь. Тогда тела некоторых созданий замерцали в темноте. Сначала приглушённо, как глаза хищников в лунном свете. Потом всё ярче. Алисия зажмурилась в ужасе, но потом, побеждённая любопытством, приоткрыла глаза. Охнула от восторга и впервые пожалела, что рядом нет Штиллера. Тот был какой-никакой, но поэт. Он мог бы попробовать описать достойным образом столбы мерцающего горного хрусталя, агатовые колонны, свод из халцедона с жилками ясписа, таинственный, рассыпающийся свет. И везде были существа пещер. Безо всяких усилий гуляли по стенам, не сводя с горожанки сапфировых немигающих глаз, сидели на каменных стеллах, перебирали самоцветы, возникали и прятались.

Гунда мягко взяла гостью за руку и обвела вокруг аметистовой колонны. Там на зелёном агатовом постаменте лежал огромный золотой самородок. Ничего даже отдалённо похожего Алисия

никогда не видела, пусть в лавке ей и приходилось изредка иметь дело с золотом. Камень сиял в холодном полумраке, излучал силу и тепло.

— «Ночное Солнце», наш любимый минерал, — объяснила баронесса нежным шёпотом, прикасаясь к камню одним гибким, лишённым ногтя пальцем за другим. Ещё несколько существ приблизилось из полумрака так, что их стало возможным рассмотреть.

То были женщины Элмша. Дамы не утратили обаяния, даже обретя светящуюся кожу и десятки пальцев на каждой руке.

— Если именно Солнышко надо разбить, чтобы победить проклятье...

Они качали головами и переступали с ноги на ногу, как большие медлительные животные.

— ...тогда уж лучше мы проклятыми останемся, — твёрдо закончила Гунда. — Так молодому разбойнику буролесскому и передай! Поймаем его здесь — отправится грибам на корм.

Баронесса строго посмотрела в пустоту позади Алисии.

— Один приходил за Солнышком уже — то ли выменять, то ли украсть. Амао, старый зубастый трупоед. Вниз мы его не пустили, конечно. Дракон погромел снаружи, поорал на сторожей, побуянил и убрался не солоно хлебавши. Шуму было! — перепачканные лица элмшек неожиданно заулыбались совсем по-людски.

— Для воров у нас есть особенное проклятье, — подвела итог баронесса. — Ясно? Тогда за работу!

И сама первой подхватила подол платья, подобрала нижние наросты и стала посыпать красноватой пылью большую, как дворцовый стенной гобелен, грибницу, покрывающую всю неосвещённую стену. Другие принялись помогать: обирать созревшие «плоды», аккуратно складывать их в мешки. Что-то подёргало Алисию за рукав. Она едва не вскрикнула, но вовремя вспомнила о своём невидимом спутнике.

— Яблоки, — выдохнул Минц едва слышно в ухо. «Какие...?» — изумилась она. Вдруг один из грибов попал в луч света, и у Алисии дыхание остановилось в горле.

Грифонов в Элмше кормили сырыми пещерными грибами.

Наверху младшая Нойн прежде всего потребовала, чтоб наёмник осмотрел её на предмет щупалец и прочих проклятий. Минц немножко попугал девушку, выкрикивая: «О! А тут что? Такие маленькие?», и показывал пальцем на разные места. Алисия, в который раз уже шлёпнув товарища по шее, поспешила к лекарю, подозревая необратимое.

Целитель Тодд жил над крепостью в маленьком домике с балконом. Летом это был, вероятно, прекраснейший уголок, и обзор сверху — намного лучше, чем с площадки Минца. Зимой же добраться туда по занесённым снегом обледенелым ступеням было непростым упражнением для тела и нервов. Оставалось только гадать, как туда попадают больные.

— К счастью, — целитель закончил осмотр и присел напротив,

скроив мрачную мину и щурясь, — проклятье... (горец говорил с короткими раздражающими паузами) щадит нас долго... но рано или поздно... настигает... как Морская Змея — свой хвост.

Алисия постепенно наловчилась заполнять докторовы паузы воображаемыми звуками шарманки с ярмарки.

— Позвольте мне ещё раз взглянуть на вашу тень... Хм. Тень как тень.

Девушка озабоченно привстала, пытаясь рассмотреть свою тень, но остановилась, догадавшись, что господин Годд шутить изволит.

Целитель был тощий, обмотанный с головы до ног в традиционные многослойные меха и старомирскую рванину, лысый, с глубокими морщинами на лбу и набором хитрющих усмешек разнообразной величины на все случаи — от мелкой издевки до изощрённого сарказма. На макушке у горца сидела небольшая белая шапочка-коробочка. Возможно, в ней Годд хранил резервный мозг.

— Разумеется, Элмш обречён, — спокойно продолжил целитель, будто бы болтая о погоде. — Вы наших мамочек видели? Хм, да. Вам дочки ещё не попадались. Считается, что нас проклял Амао из-за ослиного упрямства дам. Те отказались делиться золотом, жадины! А ведь драконам необходимо золото. Оно в их организме выполняет ту же роль, что в нашем — железо. Кое-кто думает, что Амао собрал весь жёлтый металл, сколько его есть, в своей сокровищнице, но моя гипотеза такова: жрёт он золотишко. Давно уже. Именно потому мы больше не платим золотом и не чеканим из него монет. Плотва, то есть, череп рыбы, выделанный

чернокнижниками Города Ночь, а также «кость», сотня плотвы из позвонка, — всякий мусор заменил нам монеты, подумать только! Наши предки сдохли бы от икоты. Но хоть не ракушки! Это было бы унижительно.

— Что же унижительного в ракушках? — тихонько спросила Алисия.

— Дело не в ракушках, уважаемая госпожа Нойн, дело в переоценке ценностей, как говорил старомирский мудрец. Сокровища лежат порой на расстоянии протянутой руки, но мы не в состоянии понять их настоящую цену. И наоборот.

Алисия совершенно не представляла, о чём идёт речь, но покачала головой, как от неё и ожидалось. Лекарю, похоже, нечасто попадались в крепости благодарные слушатели, и он воодушевлённо продолжил.

— Возьмём, к примеру, барона. Стал свободным, могущественным, может, бессмертным существом. И предлагает всё имущество, чтобы получить шанс вернуться в привычную форму со сколиозом, подагрой, потребностью по шесть раз за ночь вставать помочиться. Или бургомистр. Имеет доступ к Основе Основ — и торгует сыром.

6.

Прошло ещё несколько холодных, ветреных дней, и компаньонам довелось собственными глазами полюбоваться на Основу Основ.

Алисии подвернулась «постоянная работа» — не в подземельях, не на стене, а на кухне. Повариха объявила себя больной. Ей всё

тяжелее было крутиться среди кастрюль. Мешал хвост. А её густой мех элмшцы то и дело находили в похлёбке. Алисия умела готовить «холодного пса», «гвардейскую шляпу» и другие традиционные блюда Лена Игел. Но горцы принципиально не закупали даже таких обычных продуктов, как картошка-оружка и оборотневые глазки. Рыбы не ели! До скуки примитивное меню Элмша состояло из мяса, свежего хлеба и зелени, сохраняемой от холода личной магией. Девушке и в голову не приходило учиться кулинарным чародействам: зачем? Гномья пекарня — через пять домов вниз по Узкой Улице. Мясо им с матерью доставлял знакомый резчик, уже полностью подготовленное — знай вари или жарь. А здесь приходилось иметь дело с неошипанной дичью и подозрительными пряностями.

Тогда кухарка показала ей пару горских поварских трюков, рассказала, как делаются пять любимых элмшцами блюд. На шестой день предлагалось повторить, чтобы не приедалось. Названный метод элмешка практиковала годами. Успех заключался и в том, чтобы к ужину время от времени подавать вино: еремайское сладкое, неверскую сливовицу или буролесский эль. Духи в бутылках смиряли терзающихся и бодрили усталых. Алисия последовала советам. Барч неутомимо трудился, таская ей воду из пещерных источников и родников. Мертвец оказался послушен и неутомим. Стоило Алисии крикнуть, например, «Воды!» или «Дров!» — и тот уже спешил к ней «с добычей».

Минц охотился. Изредка дичь заговаривала с новой поварихой

человеческим голосом. Тогда из кухни доносились дикие вопли, стук поварёшки и довольный смех компаньона.

Однажды в бурю население крепости вынуждено было весь день просидеть в Большом Зале. Элмшцы со сдержанным отвращением пощипывали сыр, крошили хлеб, обменивались скучными новостями, а к вечеру, когда ветер стих, засобирались по «гнёздам». Только лорд Механ беспокоился за какой-то скоропортящийся груз, но по сугробам скакать в одиночку боялся. Компаньоны переглянулись и предложили помочь.

Втроём они долго трудились на площадке грифонов, таская мешки со свежим картофелем, с мукой и ещё невесть с чем. Освободили дрожащих усталых звероптиц от постромков, насыпали им свежего пшена с мясом. И бургомистр работал не меньше остальных, чуть не отморозив себе пальцы.

Закончив дела, Алисия и Минц направились к лестнице наверх, но Механ медлил, как будто самое главное оставалось незавершённым. Помаялся в сомнениях и, наконец, пригласительно махнул рукой. Пришлось последовать за бургомистром под землю, в скрытую галерею. По обычаю Элмша её можно было заметить только с одного-единственного, довольно необычного угла.

— Секрет, — неуверенным тихим голосом сообщил Механ, — но всё равно никто не понимает... Большой беды не будет, если вы увидите...

Алисия приготовила светящийся медальон. Однако там, куда они пришли, света оказалось предостаточно.

Странный это был свет: белый, яркий, злой, режущий глаза, будто некий чародей держал здесь духа молнии в рабстве. Сама пещера имела идеально правильный купол: не творение вод и ветра, но пример безответной страсти человека к симметрии. Среди металлических колонн значительно ниже карниза, на котором они остановились втроём, лежал тёмно-зелёный камень величиной с запретноводного кита. Алисия предположила, что перед ней редкий берилл, но отказывалась даже мысленно оценить минерал такой величины. Молчание нарушил бургомистр.

— Благодарю. Вам необязательно идти со мной. Я... сейчас вернусь, — и стал торопливо, вздыхая на крутых ступенях, спускаться. Минц без колебаний последовал за горцем, Алисия присоединилась, не желая оставаться одна. Несколько высоченных ступеней, словно выбитых для тролльих ног, быстро закончились коротким коридором, и они снова увидели зелёный минерал. Снизу.

— Основа Основ, не так ли? — послышался холодный, неприязненный голос наёмника. — Тот самый камень. Не его ли следует разбить, чтобы снять проклятье?

— Вы бы сделали это? — уточнил дрожащий голос голос Механа откуда-то сбоку.

— Почему нет?

Алисия подошла ближе, отодвинула приятеля в сторону, чтобы хорошенько осмотреть реликт.

— Он очень древний, — сообщил Механ с благоговением в голосе.

Алисия наконец увидела, откуда говорил бургомистр: узкий проход вёл в небольшую комнату со множеством непонятных предметов, закреплённых на одном постаменте или алтаре. Были они небольшие и преимущественно круглые, как галька в еремайском Приводье, но более правильной формы. Судя по всему, «камешки» можно было погрузить в алтарь.

Компаньоны поочерёдно заглянули вниз: дно ямы повторяло контуры камня, до него оставалось не меньше трёх метров.

Зелёную «подошву» покрывал хаотичный узор из тёмных линий.

На чём же держался монолит?

Элмшец накинул поверх потёртого костюма нелепую белую накидку, что-то вроде длинной рубахи не по росту, на пуговицах от ворота до подола, с уродливыми карманами на боках. В этом ритуальном старомирском наряде горец колдовал над алтарём. Он передвигал один из металлических шаров в длинном пазе вперёд и сразу возвращал на место. Его движения казались лишёнными смысла: никакие демоны не выскакивали из волшебного камня, даже освещение в комнате не менялось.

— Неужели вы готовы разрушить камень, даже не понимая его предназначения?

— А что он делает? Ну, кроме превращения людей в монстров, — деловито поинтересовался Минц.

— Неизвестно, — признался горец. — А я должен бы знать, конечно. В моей семье секреты управления этой штукой передавались из поколения в поколение, пока мы не перестали

понимать смысл ритуала. Предков с малолетства приучали к определённому образу жизни, к чтению книг мудрости, к упражнениям духа. Завершалось обучение в Лиоде: там мы, Механы, проходили окончательное посвящение. Но Университет разрушен. Если мой дед способен был назвать большую часть здешних устройств по имени, то я уже, вероятно, не смогу восстановить статус кво, если что-нибудь сдвинется с места. К счастью, оно пока работает. Управляет погодой, думают знакомые островитяне. Когда я меняю их расположение, — бургомистр любовно прикоснулся к рельефу на алтаре, — то представляю себе, как вызываю бурю у берегов Города Ночь или засуху в Еремайе. Я для того и суечусь с сыром, курьерами, импортом... Много ли нам самим надо? Запасов в крепости — на пять лет осады. Хотелось ведь узнать, какие перемены происходят!

— То есть, — усмехнулся Минц, — вы передвигали старомирскую мелкую шушунятину и ждали от всадников вестей, что половину Города Ночь смыло в море?

— Вроде того, — сокрушённо согласился Механ.

— Теперь мне ещё больше хочется убить ваш камень, — объявил наёмник. — Или... даже не знаю, глупая история. А если и вправду смоем? У меня там знакомые живут.

— Прекрасно! — обрадовался элмшец, выбегая из-за алтаря. — Я знал, что смогу убедить вас отказаться от миссии. Многие считают гильдию мастера Ю сообществом головорезов. Но вы нам сразу показались юношей разумным. Вы ведь даже меча не захватили с

собой!

— Откуда?.. — Минц схватился за бок, потом полез за пазуху.

Бургомистр со слабой улыбкой наблюдал за ним.

— Если бы взяли, то давно уже потеряли бы. Видите? — он сбросил накидку, оставил ее на вешалке у двери, а сам подвёл гостей к самому краю площадки. Минц и Алисия уставились вверх и убедились: то, что сперва показалось им причудливым рисунком или игрой теней, было на самом деле десятком клинков, прилипших к зелёному гиганту снизу.

— Он притягивает сталь, — объяснил бургомистр и неожиданным толчком спихнул обоих на дно ямы.

Алисия пришла в себя. Всё тело болело, каждая кость. Ободренные локти — в особенности. Ей удалось подняться. Последнее, что она помнила, были замёрзшие грифоны.

— Я себе что-то сломал, — сказали рядом. — Встать не могу.

— Минц? — удивилась она. — Мы тут что?

— Предполагается, что помираем в страхе и ужасных муках. Но мы — нет, мы через некоторое время что-нибудь придумаем, — ответил наёмник и подозрительно хрипло закашлялся.

Она нашла его в зелёном полумраке, к тому времени припомнив исход беседы с бургомистром. Компаньоны осмотрелись и поняли, что монолит, судя по следам на стенах, время от времени опускается. Хорошо бы — не сегодня. Алисия попрыгала, отказалась применить лежащего товарища по несчастью как

подушку, затем — согласилась. Но не помогло. Стены ямы были гладкими и заканчивались гораздо выше того места, куда дотягивалась её рука.

И, когда они оба серьёзно пали духом и стали всхлипывая рассказывать друг другу трогательные истории детства, тогда...

7.

Под утро в дверь Тодда постучали.

Целитель отворил быстро, точно сам давно ждал гостей. И увидел Алисию с кровью в волосах и её немёртвого слугу Бартоломео. У покойника на спине висел Минц. Рипендамец втащил обоих на гору: девушка тоже едва держалась на ногах.

— Кто? — спросил коротко сонный лекарь.

— Бургомистр, — честно ответила Алисия. А что было делать?

— А! Другое дело. Ну тогда... заходите, — почему-то обрадовался Тодд. Это не мешало ему говорить с невыносимыми перерывами, словно лекаря то и дело били по черепу моргенштерном из папье-маше.

В лечебнице оказалось уютно, тепло и в высшей степени нормально.

— Воды? — предложил Тодд и вздыбил брови аж до макушки от удивления: с ним рядом внезапно нарисовался Барч с полным ведром в руке. Неясно, откуда тот добыл воду и даже буролесца не уронил.

— Вот оно как! — значительно произнёс элмшский целитель, сажая

шапочку себе на лысину. — Недооценил я тебя, братец. Обычно таким штукаам, как ты, столько силы не оставляют. Зато ясно, как вы Механа нашего провели.

Тодд перелил воду в чайник, помог уложить буролесца на скамью, усадил девушку в кресло у очага.

Алисия получила огромную чашку чая с мёдом, отхлебнула и сразу поняла, что все слова благодарности такой ситуации недостойны.

— Тодд, вы замечательный человек, потому вас, наверняка, проклятье и не трогает!

— Трогает, — уже не так жизнерадостно возразил тот, — изнутри, незаметно. Но я ведь доктор. Себя, к сожалению, не обманешь.

Наёмник подвергся тщательному осмотру. У него, по словам целителя, оказались сломанными пара рёбер и, может быть, тазовое кольцо. Алисия облегчённо улыбнулась: кольцо, как бы драгоценно ни было, можно купить и новое, пусть даже и не такое тазовое.

Компаньон будет жить, значит, разрешается отпустить вожжи.

Алисия уже уплывала в страну сладких снов прямо в продавленном кресле-качалке, но Тодд был неумолим. Он посветил ей в усталые глаза, поцокал, повздыхал, изрёк непонятно: «конь Тузия». Алисия лошадей не слишком любила, а на горных дорогах и представить себе не могла. Вероятно, коню тоже нездоровилось, но целитель так и не рассказал про животное. Просто велел девушке несколько дней воздерживаться от тяжёлого труда.

А затем занялся Барчем. Тыкал в живот, стучал палочкой по коленкам и вообще демонстрировал не слишком много уважения к

покойникам. Даже в глазах у рипендамца поковырялся. Тот сносил осмотр с видом полнейшего равнодушия. Наконец, целитель пошёл мыть руки, а когда вернулся, напроорочествовал Барчу долгую жизнь.

— Жи-и-изнь? У некромантов оно как-то иначе зовётся, «служение», что ли, — засыпая, поправила Алисия.

— Разница невелика, — убеждённо заявил Тодд. — Но в данном случае я не оговорился. Парень жив, но серьёзно болен, точнее, отравлен неизвестным мне ядом. Без противоядия он либо помрёт... либо поправится.

Минц хихикнул с лежанки. Он уже немного приходил в себя.

— Именно так! Мне встречались подобные эликсиры на людской кухне, а некроманты значительно улучшили рецептуру, — на лице целителя засветилась ностальгическая улыбка. — Выбор у нас невелик: ждать или искать противоядие. Какая стратегия лучше? Проще было бы принять решение, если бы узнать исходное состояние нашего удивительного Барча. Полегчало ему с тех пор или наоборот? Сбор анамнеза в данный момент осложнён, значит, выбираю невмешательство. Как сторона малоинтересованная. Я бы попробовал удалить всю ерунду из глаз: кажется, оно вставлено для устрашающего эффекта. Но не исключено, что яд поражает зрительный нерв: убрать линзы, и парень ослепнет. Воздержусь... Да, воздержусь. Если ничем больше не могу помочь... — лекарь подошёл к двери и распахнул её. В комнату ворвался морозный ветер.

Алисия поднялась, очень расстроенная: она надеялась, что целитель спрячет их на несколько дней.

— Нет, — ответил Тодд в ответ на её невысказанный упрёк. — Лучше бы вам явиться к завтраку как ни в чём не бывало. Механ решит, что вы более могущественные колдуны, чем он полагал, и оставит вас в покое. Старик всем её показывает, зелёную «игрушку» предков, страшно ею гордится. Один из элмшцев даже пробовал управлять монолитом, производил некие манипуляции, но вовремя остановился и теперь тренирует грифонов.

— Кто...

— Господин Цал Клиер. Словом, не думаю, что бургомистр бросится на вас с вилкой, заметив, что его план не удался. Держитесь понаглее, вы же не горцы. От приезжих ожидают непредсказуемых поступков. Но если я ошибаюсь, если унюхаете реальную опасность, то... милости прошу. Моя дверь, теперь вы знаете, открыта днём и ночью!

— Если останется, чем постучать, — меланхолично заметил очень бледный Минц, пытаясь подняться.

Тодд скептически наблюдал за ним.

— Вы же буролесский охотник — или врут? — уточнил он. — Как вам удалось выжить в Холодном Логе, если вы переломы залечивать не умеете? Или вы за Преградные заросли не ходили, а только отнимали дичь у других браконьеров?

— Так здесь не Буролесье, — буркнул наёмник и упал обратно на скамью.

— В чём дело? — целитель раздражённо ткнул пальцем в окно, в пару кривых сосенок, раскачивающихся выше по холму. — Сколько деревьев вам нужно, чтобы назвать их лесом? — элмшец опёрся спиной о дверной косяк и выдал безумную улыбку человека с неприлично хорошей памятью. — Основной принцип старомирского врача был: «Не навреди». Я понимаю его так: «Не помогай тому, кому помощь не нужна».

— Внимательность и осторожность? — предложил компаньон, подсакивая на спине у Барча и морщась от боли. — Больше никаких происшествий?

— Согласна.

Но они ещё не успели спуститься к кухне, как что-то уже случилось.

Мимо, никого не задев, мелькнула тоненькая фигурка цвета метели — и слилась со снежным ковром, устилающим Элмш. Нет, не показалось... «Белых» вдруг стало немало кругом: шустрых невысоких чужаков. За спинами каждого угадывались луки. Многие уже держали стрелы на тетиве.

— Предупредить? — одними губами произнесла Алисия.

— Кого?

— Доктора?!

— Нет необходимости, — раздался невозмутимый голос лекаря. — У меня свои алармы. Но было приятно услышать вас.

Благодарность в наши времена редка, как сигареты.

— Как кто?

— Как василиски. Мы вне опасности, друзья, нападение происходит только на всадников, — сказал Тодд почти без пауз. — Но учитывая обстоятельства... Бартоломео, неси его обратно ко мне.

— Не нужно, — Минц неожиданно спрыгнул со спины метельщика, потянулся, охнул, потопал ногами и криво улыбнулся лекарю. — Ваш совет был хорош. Я думал, охотничья магия только для тех мест годится.

— Я понял, что вы думали, — прервал наёмника Тодд. — Следуйте за мной. Мы идём полюбоваться на представление, — элмшец наклонился к девушке, совершенно сбитой с толку. И чрезвычайно интимно, прямо-таки непристойно шепнул ей на ухо, — из первого ряда!

И подхватил Алисию под руку, повлёк вниз, не позволяя поскользнуться на дьявольских ступенях.

Остальные сразу отстали. Поблуждав немного между сугробов и скал, целитель бесцеремонно втоптал спутницу в очередной подземный тоннель. Злую, кусачую метель как отрезало. Но на душе оставалось всё так же неуютно. Как же хотелось сейчас оказаться у бабушки с дедушкой или просто в «Слепой рыбе»! Тодд снова вещал в своей манере зубчатого колеса.

— Воры грифонов, эльфы Сухозема, их ещё называют «белые стрелки»... Время от времени совершают налёт на Элмш и забирают с собой столько звероптиц, сколько успеют.

— Король знает? Гильдия Наёмников или гвардия вернули бы всех.

— Наоборот, — поправил лекарь, — родина грифонов — Сухозем.

Но если бы мы не ловили и не приручали диких звероптиц, сбивающихся с пути под влиянием магнита внутри скал, то давно бы оказались совершенно отрезанными от остального мира.

Тодд поймал поскользнувшуюся девушку, слегка растянув ей запястье, и шепнул доверительно:

— Изоляция — вот настоящее проклятье Элмша. К собственным монстрам больше доверия, чем к любимым, даже вполне толковым посторонним людям. Думаю, высокомерие и ненависть здешней аристократии по отношению к чужакам вскоре решит проблему. Простым и радикальным способом, без всякого ритуального разбивания камней. Навестите крепость через сотню лет, и ничего похожего на человечество тут не обнаружится.

— А Констант?!

— Ваш грифон? Не понимаю, в чём связь, но... Он, скорее всего, держит курс на Внешний Сухозем, а на шее — пустынный эльф...

— Это не грифон! — зло крикнула Алисия и вырвала локоток из цепкой хватки Тодда, да так, что затрещал рукав. — А господин Понедельник, наш сосед с Узкой улицы.

Лекарь остановился, будто влетев лицом в стену.

— Демон-букинист?

Алисия кивнула. Элмшец с минуту таращился на неё. А затем достал из-за пазухи «устилит». Кажется, так называлось смертоносное металлическое оружие гвардейцев, усилитель

магического удара. Во всём Приводье пользоваться такими штуками разрешалось исключительно королевским стрелкам. Тодд, оказывается, был шпионом ленаигелского монарха. Или государственным преступником.

Позади в тоннеле слышались шаги, Минц и Бартоломео приближались.

— Грибами кормили грифона твоего? — уточнил целитель.

— Да...

Тодд прикрыл глаза, саркастическая ухмылка искривила рот.

Констант с таким выражением лица обычно вещал о несовершенстве мира и человеческого разума. Но элмшский целитель выдохнул только:

— Смешно.

«Эльфы, — писал Цвикерат Михинский, знаменитый путешественник, — народ Внешнего Сухозема, имеющий с людьми общего старомирского предка. Слово «эльф», согласно моей теории, происходит от корня aelth, означающего «старый» (по другим источникам — «белый» или «чужой»). В Сухоземе нет воды, нет растений, а население, в основном, мелкое, восьминое. Потому жизнь эльфов представляется нам полной загадок. Слухи о том, что названные существа пьют песок, не подтвердились, равно, как и моё предположение об их закрытом обмене веществ, без питания и выделения. К. Понедельник из Лена Игел убеждён, что эльфы днём закапываются в раскалённый грунт и впитывают из

него тепло, которое преобразуют в жизненную силу. В раннем возрасте они начинают использовать свои тела как резервуар для собственного восстановления методом своеобразного автопоедания. В результате тело эльфа постоянно и равномерно уменьшается в объёме. Теория Амао о том, что шушуны получаются из очень старых эльфов, не нашла подтверждения главным образом потому, что изучение шушунов — дело недостойное».

Когда четвёрка во главе с целителем приблизилась к площадке грифонов, там вовсю кипело сражение. Цал Клиер, его жена — грифонья леди — и около десятка незнакомых всадников гонялись за белыми фигурками по скалам. А настигнув, резали быстро и недипломатично. Эльфы, числом многократно превосходя элмшцев, осыпали врагов короткими стрелами. Обмотки горцев великолепно защищали от ран — а может, сухоземцы лучниками были никудышными. Но в ближнем бою выглядели ещё беспомощней, чем в стрельбе. Не нападали кучей, не пытались повалить противника, не использовали свой малый рост, чтобы искусно уворачиваться. Складывалось ощущение, что белые явились, чтобы увидеть своих звероптиц и умереть. Элмш потерял одного всадника и его грифона. Пернатый, тяжело раненный, отползал к загону, из шеи торчали обломки стрел. Обычный серый курьер, не пёстрый.

Минц чувствительно ткнул Алисию, застывшую, как в дурном сне.

Наёмник показывал в сторону оставленного без защиты загона. Небольшому отряду сухоземцев удалось прорваться к гнезду и вывести на площадку трёх звероптиц. Остальное, похоже, затевалось для отвлечения. Удивительно, но грифоны стояли смиренно, не пытаясь улететь, и ждали, что их нагрузят сыром. Разочарованные обитатели пустынь в ярости принялись орать на питомцев, хлопать их по загривкам. Один эльф вскочил на шею грифону, надеясь, что тот взлетит. Но пернатый только потоптался лапами по снегу и раскрыл клюв, ожидая подачи.

Вдруг из-за скалы, где скрывался вход в каменные лабиринты элмшских женщин, вылетел огромный пёстрый грифон, разинул клюв и заорал — аж заложило уши. Эхо прогремело в ответ. Алисия только сейчас поняла, что ни разу не слышала, как кричат эти забавные создания. Серые разве что хрипло кашляли, чтобы привлечь внимание. А бывший букинист, естественно, не церемонился — или сильно проголодался. Эльфы кинулись к нему гурьбой. Им навстречу из подземелий выскочило несколько элмшек. Алисия быстро зажмурилась. Не познакомься она с жертвами проклятья в их пещерах, ни за что не поняла бы, что они — люди. Пригнувшись, почти на четвереньках, проклятые двигались невероятно проворно. Их длинные когти с металлическим блеском наводили ужас не меньше кинжалов бандитов из Подмостья. Около крикуна-гиганта закипела кровавая резня.

— Вот Констант, — показала Алисия.

— Я понял, — саркастически ухмыльнулся Тодд. И вдруг посерьёзnel. — Понимаешь, почему дураки не улетают?

— И не улетят, — перед лекарем выросла погонщица грифонов, госпожа Цал Клиер, полная злобного веселья, в каждой руке по окровавленному ножу. — У меня свой подход, вот и звери послушные.

— Bravo, — безо всякого энтузиазма ответил Тодд.

— Вы-то на чьей стороне? — рявкнула элмешка, и тут стрела попала ей в бедро.

Женщина и не поморщилась. Алисия пригляделась и поняла, почему. Стрелы эльфов были короткими, а наконечники имели совершенно непрактичный ограничитель, застревающей в одежде и ни в коем случае не позволяющий нанести хоть сколько-нибудь серьёзную рану. Такой метод ведения боя казался настолько безумным, что белых бойцов хотелось... Нет, не пожалеть, а дать им хорошенького пинка! Оставалась надежда, что игрушки хотя бы отравлены.

— Нам нужен только Константин. Вон тот, здоровяк пернатый, — показал лекарь. — Чтобы не возникло недопонимания, говорю сразу: я его забираю.

Грифоноведка эмоционально предположила, что доктор ведёт свою родословную от плесени, вступившей в брак с крупными насекомыми Буролесья, причём весьма нетрадиционным образом, поскольку способ общепринятый был им из-за редкой глупости неизвестен. Тодд невозмутимо ответил, что описанный акт любви

случился, несомненно, прямо в черепе подозрительно информированной собеседницы. Поэтому то, чем люди думают, у нее в равных пропорциях смешано с жидкостями, выделяемыми при контактах подобного рода. И напомнил о судьбе каких-то близняшек, чья мамуля при живом супруге вторично вышла замуж. Алисия уже приготовилась узнать подробности семейной драмы. Таковую можно было продать на базаре знакомому рассказчику историй. От того даже за анекдот доставалось полплотвы. Чудак перепродавал истории в бродячий театр или рассказывал дальше по Побережью, выдавая за интриги королевского двора.

Но продолжения не последовало. Леди Цал Клиер угрюмо кивнула и протянула руку. Вместо того, чтобы скрепить сделку конвенциональным рукопожатием, как ожидалось, Годд положил на ороговевшую ладонь, схожую с куриной лапой, свой устилит.

Женщина направила оружие на группку врагов. Те как раз пытались столкнуть одного из серых грифонов с площадки, чтобы заставить лететь. Раздался тихий хлопок: если бы на голове у Алисии был капюшон, она бы и не услышала. Но одна из фигурок тут же повалилась лицом в снег. Ещё хлопок — другой эльф покинул компанию. Остальные перестали толкать звероптицу и в ужасе застыли, безошибочно установив направление и обернув бледные личики к стреляющей женщине.

— Хватит с них, — сказал Годд.

Женщина выстрелила в третий раз. Оружие очень экономно

использовало личное могущество, раз она всё ещё стояла на ногах. Алисии пришло в голову, что, возможно, артефакт пьёт силу хозяина, а не стрелка — не важно, в чьей руке. Дочь амулетницы отступила на шаг: лишь бы не оказалось, что применяется могущество того, кто стоит рядом и ничегошеньки не подозревает. Всё равно очень хотелось бы подержать запрещённое оружие. Разобрать, если получится. Поговорить с ним, если у него есть голос. Испытать, что оно делает ещё, помимо убийства. Не может же быть, чтобы такую могущественную вещь сделали только для этого! И наконец, создать подобную штуку самостоятельно.

Эльфы, подхватив раненых, запрыгали с площадки вниз. Широкие пелерины на спине (а может, причудливые складки кожи между лопаток) служили им парусом. Длинные остроносые сапоги — полозьями салазок. Сухоземцы съезжали по глубокому снегу почти вертикального склона зигзагами вниз. Вскоре они слились с туманной рассветной позёмкой. После неудачного штурма белых осталось в живых не больше десятка.

— Теперь мы их долго не увидим! — гордо провозгласила элмешка и после показного колебания вернула оружие целителю. — Пока белая немочь догадается, отчего их ненаглядные зверушки отказываются взлетать...

— Грибы, не так ли? — вежливо уточнил Минц, неторопливо приближаясь. Алисия фыркнула: очевидно же.

— Если бы меня предварительно спросили, — менторским тоном

начал Тодд, спрятав реликт за пазуху, — я бы предупредил об опасностях и побочных эффектах. Выносливость птиц снижается, не так ли? Но летят, даже если их не несут крылья. Скольких вы потеряли над Водами?

— Немногих. Кстати, тебя по-прежнему не спрашивают.

— Разумеется! А с выклёвыванием друг у друга перьев ты не ко мне ходила, когда они лысые по гнёздам сидели, как после линьки? Ладно, я уже понял, что никто тут, кроме твоего мужа, не станет им клювы чистить да хвосты заплетать. Но людям! Людям давать дрянь эту... безответственно! — Тодд махнул рукой вниз, на лжегрифона. — Только не ври, что не сразу поняла, кто перед тобой.

— К счастью, — возразила женщина, — господин Понедельник — не человек.

Они спустились на площадку, где прогуливались грифоны, невозмутимо царапая запятнанный кровью снег в поисках остатков ужина. Огромные, величественные птицы со звериными лапами напоминали сейчас обыкновенных ночеградских кур. Тодд занялся раненым. Грифон был безнадежен: дышал тяжело и быстро, порой с жутким стоном, будто жизнь выжигала себе путь наружу. Алисия не научилась различать серых, хоть и видела их почти каждый день. Но теперь, пока существо умирало, ей открылся секрет. Каждый из них имел своё неповторимое «лицо». Форма и цвет перьев вокруг глаз, продольные царапины на клюве, подобные

человеческим морщинам, посадка головы — всё образовывало неповторимую индивидуальность. Алисия вдруг вспомнила рыбаков Лена Игел. Порой те вынимали из садка знакомого окунька и бросали обратно в Запретные Воды с наказом передавать приветы родне и более не попадаться. Хм... Наверняка, всё-таки шутили.

— Сианна, — с отчётливой угрозой в голосе сказал Тодд, — если среди них есть и другие оборотни-рабы...

— Этого серого, — не дрогнула погонщица грифонов, — я поймала высоко, на Китовом Хребте, он заблудился и не находил пути среди скал. Там бы и помер. И нет, в иной форме бродяга мне не попадался. Давай уже, сил нет смотреть.

«Что?» — испугалась Алисия.

Лекарь присел над косматой головой птицы, закатал рукав и заострённым ногтем царапнул сам себя по внутренней части предплечья. Выступила капля крови. Тодд дал раненому понюхать. Мгновение — и грифон был мёртв.

— Страшный ты, Тодд. Уж извини, — пробормотала женщина, отвернувшись.

— *Omne venenum meum tecum porto*, — непонятно, но грустно ответил элмшец. И перевёл:

— Мой яд всегда при мне. Но и тебя лапы не украшают, если мне позволено быть настолько же откровенным.

Он быстро прикрыл царапину рукавом. Грифоноведка же, наоборот, задрала юбку и кокетливо выставила монструозную ногу.

— Я тебе их завещаю. Можешь сварить и съесть — обе, если со мной произойдёт несчастный случай. Тебе не впервой будет.

На площадку по заляпаным кровью сугробам толпой спускались всадники. Госпожа Цал Клиер молча показала им, куда нести мёртвого грифона. Другие летуны флегматично прогуливались взад-вперёд. Даже Константин не обращал никакого внимания на происходящее, только время от времени испускал обиженный голодный рёв.

— О противоядии ты, надеюсь, позаботилась на всякий случай, скажем, при личной непереносимости... нет?! — в голосе целителя было столько презрения, что хватило бы на десяток карманников и трёх продажных гвардейцев.

Грифоноведка отмахнулась от Тодда и его компании, которые, похоже, больше её не интересовали.

— Мужа спросите. Он, зверолов, был с самого начала против моей затеи. И наблюдал за животными, которым переставали давать грибы. Восстановление не затянется, и мучиться ваш букинист почти не будет. Можете держать его в любом из моих пустых гнёзд. Константин не сразу сможет спать в постели.

— А затея ваша, — голос Алисии дрожала, но она чувствовала, что нельзя откладывать вопроса, — была в том, чтобы заставить грифонов летать на Остров?

Минц присвистнул над её левым ухом.

— Это я должен был догадаться! И как? Получилось?

«Торговаться с населением Элмша будет нелегко. Особенно, если ты чужеземка в столичном наряде, выглядишь на шестнадцать и явилась верхом на фальшивом грифоне. Кроме того, обладаешь подозрительно тривиальной внешностью. Господину Понедельнику стоило позаботиться о том ещё до полёта. Например, помочь тебе вырастить дополнительный нос».

Компаньону, Минцу, требовалось узнать всё об элмшских камнях. Алисии же хотелось получить угол поуютнее и уроки верховой езды. На грифоне, разумеется. Неужто кто-то всерьёз считал возможным запереть дочь Марка Прово в горах аж до весны?..

8.

Перед назначенной встречей с благородными семействами горцев им пришлось миновать Большой Зал, где собрался конклав монстров — все жители, которым проклятье оставило возможность передвигаться. Поводом была, разумеется, тушёная грифонятина. Но ясно было: лишь отвернись, и местные не откажутся разнообразить меню.

Алисия ускорила шаг и старалась не смотреть по сторонам. Но успела испытать потрясение от того, как много народу на самом деле обитало в Элмше. Чтоб накормить каждого хотя бы кусочком, зверя следовало увеличить впятеро, да и то последним сотрапезникам пришлось бы удовлетвориться ароматом. В почти полной темноте сияли многочисленные пары глаз, то там, то сям

оскаливались внушительные пасти. Мохнатые бока высывались в полосу скупого света. Шепотки переполняли огромный зал горной крепости. Эхо, разбиваясь о колонны, блуждая под бесконечными арками, придавало их речам совершенно иной, причудливо изменённый смысл. Даже барон присутствовал — не полностью, конечно. Часть его невообразимой туши втекала в узкое окно. Лунный свет мерцал в её поверхности, как в расплавленном серебре.

Ярко окрашенная рогатая мелочь чуть не сбила Алисию с ног. К счастью, Минц был поблизости, с его легендарными рефлексами буролесца, и заслонил девушку, позволив оттоптать себе ноги. Замыкал шествие Барч: он нёс на каждом плече по небольшой светящейся улитке без панциря. Заметив испуганный взгляд Алисии, рипендамец наклонился и осторожно ссадил малышей. На секунду изнутри гладкой слизистой кожи существ вроде бы проступила человеческая улыбка — и сразу пропала.

— Поднимайтесь сюда! — крикнул, стоя вверху на лестнице с фонарём, лорд Механ. Протискиваясь мимо его фальшивой, как деревянная плотва, улыбки, больше всего хотелось выкинуть бургомистра за перила, прямо на блюдо. Но трое просто обошли элмща на максимальном расстоянии, как мусорную кучу, причём Минц картинно заткнул себе нос. Механ сделал вид, что не заметил.

Совет назначили в огромном «гнезде», принадлежащем одному из

горцев-аристократов.

Алисии предстал другой пример архитектуры Элмша. Его ни в коем случае не назвали бы «готикой». Тоннель, прорезающий скалу, заканчивался большой пещерой с высоким сводом и несколькими световыми шахтами. Пол «гнезда» устлала коврики разнообразной выделки, так что тут можно было сидеть и спать повсюду. Стены и потолок любители роскоши украшали мозаикой из разноцветного отшлифованного кварца, обсидиана и мрамора. Никакой мебели не предусматривалось, зато многие камни стен скрывали за собой полости, иногда — целые тайные комнаты. Вход в них запирали сложный механизм или словесный ключ. Словом, «гнездо» чаще всего представляло собой прихожую, имитацию жилища у ворот спрятанной внутри «настоящей» квартиры. Один коридор вёл ко множеству «гнёзд», конструкция напоминала виноградную кисть. Ничего более чужеродного вообразить было невозможно. Жилище насекомых, вот на что оно было похоже. «Гнездо» элмшской аристократии поражало дикой варварской роскошью. Самоцветные лампы, игра света в мозаиках на стенах заставляли входящего зажмуриться. Ноги сразу утопали в снежно-белых коврах. Алисия пригляделась и почувствовала тошноту: перед ней слоями лежал мех или пушистая кожа ночных стрелков, сухоземских эльфов.

— Я прошу... — девушке пришлось прокашляться, — перенести совет в другое гнездо.

Удивлённые и рассерженные глаза горцев уставились на неё.

— Совет состоится здесь, — ядовито изрекла баронесса, ставшая со дня их путешествия по пещерам ещё шире. Может быть, «гнездо» принадлежало ей.

— Что вам мешает, госпожа Нойн? — невозмутимо поинтересовался незнакомый дядька, Цал Клиер. Вроде бы тот гонял «своих» грифонов, а также серебристых туров, двуногих газелей и прочую невиданную живность гораздо выше в горах. Или, что вероятнее, держал их до весны в загонах там, куда гостей не звали.

«Что мешает?.. Глупо получилось. Но теперь-то уж...»

— Вот, — Алисия указала пальцем в пол, на подстилки, её голос дрожал. — Ясно, они были враги. Но шкуру сдирать с разумных существ?.. Может, вы думаете, что эльфы — такие зверушки? Которые чисто случайно катаются на других зверушках? — горло сжималось, но перестать кричать на горцев она уже не могла. — А мне ходить по останкам мыслящих созданий противно. Похоже на некромантский ритуал.

— Да, — многозначительно произнёс Цал Клиер под негромкое бормотание остальных, — нам известно о ваших разногласиях с гильдией лорда Родигера. Мы освободим для вас угол. Нет необходимости участвовать в ритуалах, смысл которых не понимаешь.

— Ох, сколько патетики! — нервно воскликнула баронесса и защёлкала пальцами. Шкуры так и разлетелись по «гнезду», освобождая голый участок каменного дна пещеры.

«Теперь придётся сидеть, подложив принципы под зад», — уточнила Алисия самой себе. Оказавшись на ледяном полу, она обнаружила к тому же, что вынуждена смотреть на горцев снизу вверх. Ничего, если понадобится, она встанет и снова на них наругается.

— К делу, у меня звери некормленные, — объявила сидящая поодаль грифоноведка, подтыкая разбросанные шкуры себе под бок. — Проблемы Элмша должны решаться жителями Элмша, чужакам здесь делать нечего. Так было всегда. Предлагаю передать всю банду Королю, и демона тоже. Если все согласны, то по домам. А то без нас внизу всё сожрут.

Механ суетливо приподнялся, Цал Клиер остановил его сердитым взглядом. Бургомистр сел, тяжело вздыхая.

— Голодные, — заявил погонщик грифонов, грозно глядя на супругу, — могут прямо сейчас присоединиться к ужинающим, мы им сообщим о нашем решении!

В наступившей тишине никто не возразил и не ушёл.

— Сперва мы, хозяева, выскажем свои претензии. Затем гости объяснятся.

Цал Клиер расположился напротив Алисии. Грифоноведу гораздо больше подошла бы роль бургомистра, и создавалось впечатление, что фактически так оно и было. Именно он определял, чья очередь говорить, соседи его явно уважали и слушались. Носил он, подобно Механу, только старомирскую одежду, но не зелёную, а тёмно-коричневую, местами вылинявшую в серый, с золотой нитью.

Интересно, где сегодня шьют старомирские платья? Обязательно надо попросить мать заказать такие, сколько бы ни пришлось за них отдать! Алисия поймала себя на мысли, что глупейшим образом улыбается элмшцу, и согнала с лица неподобающее веселье. Но вдруг заметила, что грифоновед мимолётно ухмыльнулся в ответ. Вот с кем стоило с самого начала вести дела! Если бы её сразу не отпугнул непонятный шевелящийся мешок под подбородком... В данный момент грудь горца покрывал огромный кружевной воротник, взбитый, как бочонок сливок на торте в честь дня рождения первенца в гномьей семье. Цал Клиер заговорил медленно, с расстановкой:

— Букинист Понедельник из Лена Игел сообщил мне котом, что дочь известной в Приводье амулетницы, госпожи Нойн, оказалась в немилости у некромантов. Девочка получила от лорда Родигера платье, но не надела, как предписывает этикет. Близкие опасаются за её будущее. Разумеется, я сам предложил приютить ребёнка. Что же младшая Нойн делает, когда оказывается здесь? Принимается разнюхивать, берётся за работу, бросает, берётся за другую, на следующий день за третью... В области, в которой её мать не имеет равных, минералогии, — никакого серьёзного интереса. Заключает союз с наёмником, который расследует причины и следствия так называемого «проклятья»...

Цал Клиер делал паузы, как и доктор. Но его молчание не бесило, оно заставляло задуматься о том, что будет сказано дальше. А ещё больше о том, что сказано не будет. Например, слово «платье» он

произнёс настолько значительным тоном, что даже тем, кто с подобной некромантской практикой знаком не был, стало понятно. — Хорошо, думаю я. Пусть! «Две головы лучше, чем одна», — говорят буролесские могильные черви, о которых врут, что они едят задом. А результат? Вместо того, чтобы предложить что-нибудь новенькое, дельное, впечатляющее, команда спускается в логово к Механу, пугает нашего уважаемого бургомистра, чуть не выводит из строя аппарат древности...

— Аппарат чуть нас не вывел из строя, — обиделся Минц.

— Молодые люди, вы, кажется, не совсем понимаете, что делает камень. Госпожа Нойн, вы-то не могли не почувствовать. Или мать вас совершенно ничему...

Младшая Нойн вскочила на ноги, с пылающими щеками: с неё было довольно.

— Нет! Я не знаю, что он делает. И вы тоже! Никто из вас. А причина тому: нет знаний древности, их уничтожил пожар в Университете Лиода! Даже если в лавке у Константа и сохранились необходимые пергаменты, нет людей, способных их применить по назначению. Чтобы понять их, нужен особый вид грамотности, а ему больше не учат.

Знать Элмша слушала молча, вежливо, не прерывая.

— Примерно могу предположить: минерал своим влиянием уравнивает Запретные Воды. Понимая, как им управлять, можно отодвигать границу и плавать на Остров.

— Летать! — поправил Минц воодушевлённо, тоже вставая и

заглядывая в глаза приятельнице, будто бы забыв обо всех остальных. — Соображаешь? Если эта штуковина нестабильна, если она вроде маятника, то лучше на грифоне проскочить, так быстрее. Нет... — буролесец выдохнул и расстроено сел. — Грифоны не полетят через Воды. Никакого зверя с крыльями не принудить к тому, разве что какую-нибудь безумную ящерицу. У драконоидов есть... как его? Внезапный порыв победить ценой жизни. Что ж вы не драконов тренируете? — обратился он серьёзно к элмшцам.

Лорд Цал Клиер покачал головой. Судя по выражению его лица, он не знал, смеяться или браниться.

— Мама, — выкрикнул вдруг звонкий детский голосок, — расскажи сказку про злого волшебника Биццаро. Как он ящеру крылья оторвал!

Все обернулись. Леди Цал Клиер заметно смутилась и, подхватив двух улиточек-близняшек, без спросу прокравшихся на Совет, понесла их наружу. На пороге она пошатнулась, словно лапы не держали её.

— Без драконов обойдёмся, — устало пояснила она.

— Да, конечно, грибы! — поняла Алисия и покривилась от жалости. — Грибоеды летят даже против запрета через Воды. И падают?

Грифонья леди угрюмо кивнула.

— Но довольно далеко, — добавила она. — Дальше, чем...

— Сианна, — вмешался Механ, заметно шокированный, — им,

чужакам, знать совершенно не нужно!

— Ах, оставь, — баронесса улеглась на шкурах поудобнее, вытянув из-под юбок мягкие, изящные щупальца и вибрируя ими поочерёдно. — Или договоримся, или мы их съедим.

— Не мы, а ты.

Когда было произнесено (её) имя Биццаро, Алисия быстро, не раздумывая, схватила сидящего слева Бартоломео за руку. И ей, удивительное дело, сразу стало легче. Страх отошёл, притаился, перестал тревожить, как скулящий под дверью вурдалак. Алисия уже некоторое время с удивлением спрашивала себя, почему ей так приятно общество рипендамца. Влюблена? Нет, совершенно точно. И не похоже. Никаких дрожащих коленок, жара и неотвязных мыслей об особенных прикосновениях. У неё уже было «приключение» с сыном портного из лавки на Треугольной Площади — короткое и разочаровавшее. Кроме того, девушка с детства была влюблена в Короля. Роман с портняжкой закончился, и Алисия с облегчением вернулась к вечерним сказкам, которые рассказывают себе, лёжа в постели.

«Он» отстаёт от отряда гвардейцев, блуждает по скалистому берегу Буролесья, становится добычей стаи медвервольфов. Она обращает зверей в бегство древним амулетом. В финале — любовь в густой траве над обрывом. Или так: «его» преследует безумная старуха Илем, демон одиночества из Пустошей за Рипендамом. Монстр уже почти нагнал, почти прикоснулся. Но тут появляется она, тратит

почти всю личную магию на то, чтобы расправиться с чудищем.

Поражённый таким самопожертвованием, «он» предлагает ей замужество. Далее — любовь в старой рыбацкой лодке на песчаном берегу Рипендама. Король бы точно не стал ржать, как тупой пень-пересмешник, над «детским» телосложением Алисии. Оомечи все тощие и жилистые, и ничего лишнего у них не бывает. Порой даже, увы, необходимое отсутствует.

А Барча просто здорово было иметь рядом. Не позволять окружающим его обижать или принуждать к опасной работе. Разрешать ему участвовать в своих делах, насколько возможно. Назвать беднягу другом? Тоже не то, недостаёт взаимоуважения, очень уж он услужливый. А для «домашнего помощника» вроде шушуна, гоблина-поварёшки или шептухи-подкроватника — слишком... человек.

Может, это семейное — необычные привязанности? Короли, демоны, болотники, мертвецы... И только у женщин в двух последних поколениях. Надо бы бабушку расспросить о дедушке.

— Мы затеяли попытку снять проклятье ради детей, так? — обратилась тем временем леди Цал Клиер к остальным. Горцы закивали. — Тодд обещает ещё более скверные превращения. Потерю человеческой речи, способности мыслить. Мол, настолько другими станут, что мы их от зверья не отличим, от камней и мхов. Надо послать за целителем кого-нибудь, пусть объяснит... Да что он так долго с букинистом возится? Надеюсь, не пытается обзавестись

совместным пернатым потомством?

Куроногая обратилась прямо к Минцу, погружённому в собственные мысли:

— Убивать зелёный магнит вы не будете: страшно.

— Не страшно, а глупо, — поправил наёмник.

— Ого-о! Гильдия Наёмников отка-азывается от выполнения задания, за которое уже взяла-ась? — пропела гнусным ядовитым голосом баронесса и несколько раз хлопнула в пухлые бледно-сиреневые ладоши. — Поздравляю, господа! Мы стали свидетелями — и причиной! — первого позорнейшего провала воспитанников учителя Ю.

— Пока ещё никто никуда не провалился, — невозмутимо уточнил наёмник. — Я сказал бы, что всех камней не убьёшь. А их тут у вас в Элмше немало.

— То есть? — удивился грифоновед, поднимая брови, кустистые, как у его обожаемых звероптиц.

— Зелёный минерал лорда Механа — не тот камень, который надлежит уничтожить, чтобы снять проклятье.

— Интересно, — раздался насмешливый голос элмшского целителя. Тот и не собирался просить прощение за опоздание. — Есть ещё один злобный булыжник?

— И даже не один, может быть, — заверил буролесец. — Чтоб объяснить доступнее, придётся нам заклать чёрта-другого.

Покартографировать! В горах не говорят, что картография сродни вызову демонов? Что же вы так... Барч, воды! Только чуток совсем

наливай.

Рядом с наёмником немедленно вырос рипендамец с ведром. Минц заглянул внутрь и одобрительно хмыкнул.

— Легендарный Старый мир, говорят, был в форме монетки, а этот, думаю, напоминает ведро. Мастеру Ю не понравилась такая схема, даже не поохотал. И всё равно, представьте, мы на внутренней стороне, на краю. Приводье глубже, родина эльфов снаружи, как видите, остаётся всегда сухой, отсюда название. Ваш камень, уважаемый Механ, сидит здесь, — наёмник показал пальцем туда, где к ведру крепилась ручка. Тогда на другой стороне должен быть ещё один такой камень, я бы искал его под Провалившейся Башней Города Ночь. Но тут только мои предположения, может, таких ручек и камней много.

— А Остров где? — сверкнула глазами баронесса. — Тухляк держится за него, что ли?

— Остров на доньшке. И показывается, только когда моё условное ведёрко наклоняется.

— Хитро уж больно, — пожаловалась грифоноведка, раскачивая модель.

— Вот и учитель считает, что непохоже, — пожаловался Минц. — И не важно, есть ли ещё такие магниты и сколько их, суть в том, что они были всегда. Поддерживали стабильность Вод, регулировали смену сезонов. А вашему проклятью от силы год или того меньше. Уверен, что вы знаете, с чего всё началось.

— Я вас предупреждала: он ещё один шпион Амао, — вскрикнула

баронесса с ненавистью. И объявила, жестикулируя самым нечеловеческим образом: — Не отдам! Ночное Солнце — последнее сокровище, тень прежнего величия Элмша, единственное доброе колдовство, не отнятое чужаками и порчей. В его сиянии кристаллы, как цветы, растут. И детки теперь только под землёй выживают. Что же им теперь, в полной тьме по камням шариться? А грибы?! Я находочку в Мокрый Зал положила — и сразу грибы полезли. А раньше, кроме плесени, ничего не приживалось.

— Грибам свет не нужен, сколько раз спорили уже, — досадливо вмешался Тодд. — Они же не зелёные.

— Зелёные, крапчатые, клетчатые! — баронесса становилась всё меньше похожей на человека, её огромное расплывшееся тело совершало пугающие волнообразные движения, надувалось и опадало. — Если ты убийство нашего золотка замышляешь...

— Тогда что? — резко спросил Минц. — Не от вас ли я слышал, что все малыши Элмша — ваши детки? Насколько далеко вы готовы отпустить своё потомство? Успокойтесь, я не за золотом пришёл. И с драконом пока дел не имел. Хотя один момент показался интересным, мы вернёмся позже к нему... — буролесец повысил голос, стараясь перекрыть бранящихся элмшцев. — Разрушение золотого самородка никак на проклятье не повлияет! Должен быть ещё один камень!

Горцы примолкли и обернулись к наёмнику выжидательно.

— Попробуйте-ка кое-что вспомнить, — продолжил тот. —

Рассказывали, что дракон, после того, как ему отказали в

«подарке», лютовал в своей большой форме. Где именно?

Наступила тишина, нарушаемая только шумным дыханием баронессы, выпускающей воздух ртом, а также подмышками и складками на затылке.

— Я покажу, — предложил, наконец, в полной тишине бургомистр.

— Во-он там, видите, грифонья площадка? Слева за скалой — вход в пещеры Гунды. Оттуда Амао выскочил ещё в малой форме, злющий, как водяной ёж. Потом прыгнул сюда, в воздухе принял большую форму. А тут он хлопнулся о землю, ещё немного поломал скалы. Они так и лежат: чтоб поднять, потребовались бы машины троллей. А уж ревел дракон! В столице, наверное, слышали. Нет? Оно и к лучшему. Словесный запас у него богатейший, не для ушей столичных дам, — лорд Механ сконфузился и замолчал.

Широкая площадка, где теперь собралось всё более-менее человеческое население Элмша, располагалась вровень с предпоследним ярусом крепостных башенок, прорезанных узкими окнами. Из них выглянуть толком было невозможно, разве что бросить в чужака едким словом или пустить стрелу. Примерно на той же высоте квартировался барон.

— Скакал, значит, Амао, скалы крушил, камнями швырялся, — повторил Минц.

— Точно так.

— А теперь посмотрите по сторонам, уважаемые хозяева славной крепости Элмш, — наёмник картинно развёл руками. Алисию он раздражал сегодня, как никогда. Она устала, замёрзла, проголодалась и хотела, наконец, узнать, к чему клонит этот болтливый буролесский... пень! Рипендамец глянул непроницаемым золотым глазом — и подвинулся ближе. Сразу полегчало. Девушка стала прилежно оглядываться, но ничего особенного не заметила.

Все элмшцы тоже нервозно закрутили головами, пытаясь понять, что наёмник имеет в виду.

— Снега здесь нет, — сказал Тодд. — А так...

— Именно! — восторженно заорал Минц. — Где тут тайный ход под землю? Знаю же, у вас повсюду их понапрятано!

— Здесь нет пещер, — замотал головой Механ. К нему присоединились качающие головами земляки. Глядя на них, и наёмник стал покачивать головой, с его лица пропала улыбка, а вместо неё возникло выражение, встречающееся только у торговков бубликами, осознавших, что покупатель всё съел, а платить ему нечем.

— Нет? — переспросил он.

Механ хлопотливо завертел ушами, довольный, что идея приезжего не нашла подтверждения.

— Нет! — в показном отчаянии повторил он.

— Есть, — возразил барон.

9.

Лорд Механ получил объяснения, попробовал их не понять, затем воспротивился даже подумать о таком, не то, чтобы попробовать. Барон велел делать, что говорят, не то он сам сейчас встанет... И все побежали выполнять приказ.

Пришлось воспользоваться уже знакомым тоннелем к зелёному магниту, обойти его кругом. Затем отворить тяжеленную дверь из свинца, которую легко можно было представить себе где-нибудь в троллеме Депо: грубую плиту с колесом вместо ключа или запирающего самоцвета. Дальше лежал длинный коридор и многочисленные лестницы из металла, проржавевшие, но вполне проходимые. Алисия освещала дорогу своим амулетом-свечой: баронесса светиться отказалась. Хоть сама аж лопалась от любопытства.

Когда горцы и гости оказались под площадкой, где Амао проклял Элмш, путь им перегородила ещё одна дверь с табличкой.

— Кто-нибудь по-старомирски?.. — начал Минц.

— Дайте посмотреть, — доктор недовольно отодвинул наёмника в сторону и, рукавом очистив табличку от пыли, несколько минут беззвучно шевелил губами, водил пальцами по загадочным буквам, вздыхал и мучился.

— Константа бы! — простонал он, заметив нетерпеливые взгляды спутников. — Но господин Понедельник в его нынешнем состоянии скорее снесёт яйцо, чем даст консультацию по древним наречиям. Вход чрезвычайно опасен. Чем? Хм. Если понимать

буквально, то — ярким светом. Смешно. Глаза берегите, значит. Тому, кто решил войти, рекомендуют принять все меры защиты. В данном случае, думаю, значит: абсолютно всё, на что каждый способен, если жить хочет. Ещё тут приписка, что по завершении миссии следует совершить тщательное омовение. Или, может, помочиться... Выпустить воду? Древние были весьма суеверны, но ведро воды я на себя на всякий случай опрокину, пусть и замёрзну потом наверху. Подготовимся, господа!

Так они и сделали.

Алисия привела в действие два оберега. Первый ненадолго защищал её от любых повреждений, окутывая тело неощутимым коконом. Второй гарантировал сохранение в виде блуждающего духа в случае внезапной смерти, что казалось лучшей альтернативой полного исчезновения. Она оглянулась на Барча. Тот улыбался — мёртво и непонятно. Похоже, всё, что могло, с ним уже случилось. Минц сделался невидимым. Цал Клиер с супругой оказались внутри почти непрозрачной сферы, и мужчина всё ещё произносил уже неслышно защитные заклинания. Или уговаривал супругу не волноваться. Баронесса изменила цвет на интенсивно-чёрный с серыми и желтыми прожилками, кожа её выделяла прозрачную слизь, уже пропитавшую одежду. Тодд нашёл и надел странный жёлтый костюм с капюшоном и маской, закрывающей лицо. Но узнать его было всё равно нетрудно. Бургомистр просто сбежал, его шарканье и бормотание были слышны с той стороны, откуда они пришли.

Целитель с усилием отворил дверь.

За ней оказалась искусственная пещера. Некогда её накрывал сложный купол, обломки которого валялись повсюду. Была заметна зернистая структура материала, изнутри торчали куски стальной крупноячеистой сетки. словно бы ею в Запретных водах поймали гигантскую бесформенную рыбу, та окаменела от дневного света и в таком виде пошла на постройку. Естественный грунтовый свод над обрушившимся куполом не был повреждён. Это показалось Алисии удивительным. Но потом она вспомнила, как отец рассказывал об ударах в живот, разрывающих крупные кровеносные трубки внутри без заметного повреждения наружных покровов. Значит, дракон серией ритмичных, усиливающих вибрацию камня прыжков разбил купол — но не провалился в подземную полость.

В центре пещеры обнаружился неглубокий бассейн, затянутый такой же сетью. На ней, похоже, чрезвычайно прочной, лежали несколько крупных обломков. Проклятые и их «избавители» осторожно приблизились и обнаружили на дне серебристо-белый камень. Он походил на королевский жезл или посох шушуна-отшельника, чуть-чуть светился и распространял тепло.

Алисия отвела глаза от реликта древности — и заметила напряжённые, вопросительные взгляды остальных. С огромной неохотой дочь мастерицы-амулетницы подошла поближе, наклонилась, осторожно просунула кисть сквозь решётку, опустила

руку в неожиданно горячую воду и коснулась камня.

В Забуролесских Пустошах встречались ведьмы, беседующие с вещами-негоблинами. Но их истории доверия не заслуживали. В столице о подобных контактах говорили: «Из ложек получаются хорошие собеседницы: они никогда не перебивают».

Амулетные мастерицы, встречающиеся куда реже, были способны к двустороннему диалогу с косной материей. Иногда приходилось изменить предмет, усложнить его или даже разобрать на части, но порой хватало простого прикосновения. Алисия тосковала в Элмше по волшебным вещицам, хотя среди своенравной мелочи и попадались кусачие, ядовитые да проклятые. С по-настоящему опасными штуками ей ещё работать не доводилось. Хорошо бы мама не узнала!

Ей смутно показалось: не прими она снаружи мер предосторожности, осталась бы без руки. Алисия быстро выдернула ладонь. Горцы отпрянули от мерцающих капель, сорвавшихся с мокрых пальцев.

— Он явился из Старого мира. В древности был источником смертоносной магии, убийцей целых народов. Минерал-губитель? Не слыхала о таком. Может, его однажды уронили на паучье гнездо?.. Говорит, что принёс его сюда один из спутников Вёлля Маленького, чтобы тут воссоздать древнее оружие и подчинить себе Новомир. Постройка не удалась, а может, тут оказалось слишком мало места для такого огромного зла. Тогда хозяин камня

похоронил его по всем правилам. Но теперь крышка гроба разбита, демон частично пробудился и творит зло. Всё время, даже сейчас. Мы не сможем построить новый купол. Значит, единственный шанс избавить Элмш от проклятья — уничтожить камень.

Алисия сморщилась, пытаясь из образов и нечеловеческих воспоминаний сложить понятное объяснение.

— Демон поражает всё, что быстро растёт, — продолжила она. — Всё, что молодо, то и дело меняется. Здоровое, даже если повреждено, сохраняет некую основу, делающую его тем, что оно есть. Э-э... Например, если потеряешь ноготь, у тебя вырастет именно ноготь, а не ещё один глаз, так? Или вот: пришить мне грифоньи крылья, я же не взлечу? Тело знает, где его, а где — чужое. Если внутри что-нибудь портится, то начинает отличаться от остального, невредимого. И личная магия направляется на очистку от неправильного. А демон отнимает у внутренних шушунов знание о признаках своего, родного, здорового. Он разрушает им память о том, ЧТО они есть... Понимаете?

— Да, — произнёс мрачно целитель.

— Нет, — сказал одновременно с ним Цал Клиер. — Но нахожу поучительным, что именно такого рода несчастье случилось с нами, самым негостеприимным народом и яркими противниками перемен. Господин наёмник? Если вы ещё здесь... Возможно ли убить камень?

— Он очень плотный и тяжёлый, — сообщила Алисия вместо компаньона. Она продолжала механически вытирать руку о подол.

— Расколоть мечом не получится. Но даже если разбить, вредоносность его не уменьшится.

Тогда нечто быстрое и смертоносное пронеслось рядом с ней, взлетело на край ложа демона. Минц снова стал видимым: растянулся, как паук, над решёткой, в руках — длинный тяжёлый меч остриём вниз.

— В конце выпустить воду, — процитировал он инструкцию.

И ударил со всего размаху, изо всех сил сквозь решётку в дно, у края проклятого камня.

Дно резервуара проломилось, демон ухнул в глубину. Минц тоже не удержался на ногах и повалился плашмя на сеть, зашипел, когда сталь впилась ему в щеку. Алисия и элмшцы, не раздумывая, кинулись на помощь. И замерли над бесконечной пропастью, над разинутым чёрным зевом пустоты прямо под бледным лицом наёмника. Долгие, долгие минуты прислушивались они, ожидая услышать эхо от падения обломков и камня-демона. Но так ничего не слышали — ни плеска, ни стука. Свечение, слабо озаряющее провал, постепенно тоже померкло.

Минц изогнулся ловко, как танцор, и спрыгнул назад с края разбитого колодца — туда, где стояли остальные. Баронесса махнула своими чёрными руками, крикнула — и обломки купола со скрежетом сползли из углов, обрушились на решётку огромной бесформенной кучей, засыпали опустевший резервуар.

— Спасибо, Гунда, — Алисия выдохнула с ощущением победы. И неожиданно для самой себя обняла скользкую, тёплую баронессу.

На ощупь элмешка напоминала совсем не чудовище, а тесто на дрожжах, из которого пекут душистые пироги в сладкой глазури. — Уф-ф... Взаимно, — выдохнула женщина в полном изнеможении, светлея всем телом. — Что теперь? Если никто не собирается помянуть покойничка, демона, добрым словом, то предлагаю: по гнёздам?..

— Десять процентов?! Хамло ты, наёмник, и в лавку к нам больше не ходи, — объявила торжественно Алисия. Но всерьёз разозлиться на Минца почему-то не получалось.

— Знаешь, в гильдию не меньше трети отдать придётся, — компаньон-вымогатель торговался не хуже ночеградского ювелира. Нет, даже хуже ночеградского ювелира!

— Так ты всерьёз намерен обобрать Элмш? — девушка убедилась, что с достойным заработком домой вернуться не получится, и решила морально победить компаньона. — Горцам теперь лекарства аж из Забуролесья ввозить.

— Теперь верю, что ты Биццаро, — развеселился наёмник. — Подрядилась, небось, снадобья доставлять, награду забрать хочешь... — и вдруг спросил серьёзно: — А ты сама как думаешь? Поможет им? Отвалятся, — Минц показал на себе то, чем он, к счастью, так и не обзавёлся, — хвосты, лапы, уродства?

— Наверное, — задумчиво предположила Алисия, — горцам придётся пересмотреть их мнение о нормальном и об уродстве. Но хуже не будет, я уверена.

— А вдруг будет? — оптимистично возразил наёмник.

На грифоньей площадке прогуливались Цал Клиер и Констант.

Букинист был вновь человекообразен, но не сконфужен от происшедшего, а оживлён, как если бы с утра в обход лекарских запретов закусил грибом.

Грифоновед вручил Минцу небольшой кошель.

— Пересчитывать станете, господин наёмник?

— Стану, — буркнул тот. — Там явно меньше обещанного.

— Сочтёмся, — с достоинством пообещал элмшец. —

Недостающую сумму я распоряджусь вам в гильдию прислать.

Констант тем временем выволок из-за камней под завязку набитую сумку величиной с небольшого грифона.

— Книги, — сообщил он. — У Механа отобрал, он всё равно ни шушуна в них не смыслит. Ох уж эти мне потомственные механики с учётчиками! — демон покосился на Цал Клиера. Тот отошёл распорядиться в грифоний загон и не слышал. — И Тодд пару раритетных справочников одолжил вместе с экспериментальным материалом по распаду нестабильных, хм, шушунов...

Алисия ни о чём таком не слыхала, а потому сунула любопытный нос в сумку букиниста. И вскрикнула с отвращением:

— Тут же грибы! Фу, Констант! По перьям соскучился?

Сосед громогласно расхохотался, рискуя вызвать снежную лавину.

— Мы со здешним отравителем лысым пораскинули мозгами и подобрали антидот к твоему платью. Будем внизу, сварим его в грибном бульоне. И съедим. Вру.

— И скоро?

— Что?

— Вниз.

— Немедленно.

— Ура! Но почему? Мы снова убегаем от кого-то, дядя Константин?

— На сей раз — догоняем, девочка, — демон, и вправду, оглядывался внимательно и азартно, как на охоте. — Зимовье в Элмше отменяется. Тодд рассказал о ваших подвигах, а о чём умолчал, я сам понял. Уверен, Биццаро ожидал, что раньше соображу. Прежде всего нужно навестить мастера Ю.

— В Лена Игел? — удивилась Алисия. — А некромант? Или он увидит меня в варёном платье и сразу отстанет?

— С трудом верится, что лорд Родигер намерен подарить тебе целый гардероб. Кстати, леди Кальку... Цал Клиер, я хотел сказать, несёт тебе пару горских плащей в подарок. Готовь улыбку безграничной благодарности: вон она...

— А почему не в лавку, а к мастеру Ю?

— Чтоб посоветовал нам хорошую рукодельницу. Закрой рот, снег залетит. На объяснения уйдёт целый день, а я проголодался. Так что, детка, зови своего Бартоломео.

— Барч, воды! И вещи мои принесёшь? Вот умница.

— Минц, отдай девушке её половину награды.

— Рассчитаемся. Мне тут ещё с одним поговорить, летите без меня.

— Лорд Механ, — в голосе наёмника была сталь. Да не гномья поделка, а старомирской благородной дамасской закалки. — Я совершенно уверен, что драконью ярость вызвал не самородок-«солнышко», предмет фанатичной привязанности баронессы. Мне знакома сокровищница Амао не понаслышке, так что ваше объяснение кажется неправдоподобным! Вы придумали, что дракон требовал светящийся минерал, не так ли? А он прилетал совсем за другим. Я сообразил, когда баронесса упомянула об «ещё одном» человеке Амао.

Бургомистр, потея, безучастно смотрел в пустоту и молчал. Но собеседник оставался неумолим:

— Сейчас вы мне скажете, — с холодной уверенностью потребовал он, — чей скелет находится во второй клетке над внешней стеной крепости.

Вырванная страница

Морской верблюд

А и Б сидели на трубе.

Однорогий А был старомирским демоном песка и жажды. В Приводье отсутствовало и то, и другое: он остался без работы, растерял большую часть своего имени, нанялся пугалом к Погонщику Своры. Б звали опальную королеву в изгнании, лишённую могущества. Имя ей ампутировали.

— Готовь сачок, — сквозь зубы приказала Б. А пошевелил

пальцами, из мягкого, податливого лунного света сотворил мерцающую сеть.

— Сколько охотников сегодня? — спросил он, ощущая с наслаждением почти забытый азарт.

— Вижу троих.

Женщина вытянулась, наблюдая из тени за убийцами. Длинные седые пряди её стелились по ветру, глаза поблёскивали неукротимо и весело. А прищурился, презирая владыку Города Ночь. Идиотство это — жрать своих.

Из трубы дохнуло холодом, и они насторожились. Пыточные огни в подвалах Зубастой Башни никогда не гасли. Потому из трубы обычно несло гарью, жаром, дурманящим ароматом страха и страдания.

А осторожно заглянул внутрь.

— Берегись, — прошипела ведьма, — чую какой-то трюк. Знаешь, сколько за нас с последнего Пёсьего гона обещают?

Он покачал рогом и поморщился: асимметрия распределения тяжести по черепу после экзекуции провоцировала адские боли в затылке!

— Достаточно, чтобы заинтересовать даже наёмников из Лена Игел... Эй, слышишь?

Он услышал.

— Подсекай, вынимай потихоньку, я его съем, — жадно забормотала женщина, скорчившись над чёрным раструбом. Слюна заливала ей подбородок и капала на криво заштопанную юбку. Он

протянул руку, погладил успокаивающе и нежно ледяную, покрытую шрамами лодыжку возлюбленной.

— Глянь! — вдруг громко изумилась Б. — Кто к нам пожаловал? Такой маленький. И глазки тебе нарисовали. Зря, не нужно на такое смотреть...

Предутреннюю тишину Города Ночь разорвал полный страдания и ужаса женский вопль. Проломив мостовую, с гнусным хрустом рухнуло тело однорогого демона. В искалеченных пальцах блеснула тонкая сеть — и погасла. Тёмная кровь забрызгала плащи троих ожидающих внизу. Те задрали головы. Луна ярко освещала крышу Зубастой Башни. Женский силуэт исчез. И у широкого жерла трубы остался... Кто?

— Метод Биццаро в который раз демонстрирует свою эффективность, — недовольным тоном произнёс высокий с цепью некромантского цеха на шее.

— А я что говорил? — кутаясь в медвервольфовую шубу, проворчал благодушного вида дед. — Финн называл такой способ борьбы с неприятностями «морской верблюд». Смысл его во всесии нелепости.

— Не удивлён, — третий коротко, с видом безмерной признательности, поклонился. — До сих пор не верится, что Биццаро покойник! Господа... Граф Родигер, мастер Ю... Примите благодарность моего народа. И награду.

Доброй Ночи.

Глава 6. Совершенная ловушка

1.

Троль вылупил ехидные маленькие глазки, косящие из-под косматых бровей. Вся его бобовидная физиономия, сплюснутая по направлению к подбородку (будто хозяина в юности надолго подвешивали за челюсти как прищепку для белья), сияла радостью узнавания.

— Ты! — взревел он. — С тебя стих. Оскорбительный. И поучительный. Давай, а то дома останешься.

Штиллер приуныл. Товарищи смотрели на него из вагона. Бретта даже окошечко отворила, не желая упускать ни одного нюанса надвигающегося позорища. Треан округлила рот в неслышном «О!», а малознакомый наёмник Отик поднял кота: тому было плохо видно. Что бы Штиллер сейчас ни продекламировал, глумливого ржания в Гильдии не избежать.

Но пешком идти глуповато. Далекое. Да и холодно.

Ключник уставился мимо тролля на двух гномов-курьеров, без особого труда перетаскивающих тщательно увязанные мешки, каждый вдвое выше обоих. Коротышки нахально пользовались тем, что внимание Машиниста целиком принадлежало Штиллеру, и лезли в вагон бесплатно. Рен вытянул палец в их сторону — и снова опустил. Таких гномов лучше не трогать, убеждал опыт. Курьер сам по себе не представлял серьёзной угрозы, но что потом делать с грузом? В таких огромных, почти незаметно шевелящихся мягких

мешках часто сидело нечто чрезвычайно агрессивное, к концу путешествия умудряющееся перегрызть даже заколдованные верёвки.

В соседний вагон без затей торопливо запрыгивали скромно одетые матери с ребяташками. Бросались в глаза небольшие, но безошибочно узнаваемые узелки на одежде многих малышей. Внезапно жизнь показалась Штиллеру на редкость оскорбительной, но и поучительной тоже. Интересно, удастся ли уложить ощущение в четыре строчки?

— Должника-бедняка в цепких лапах кручин

Пожалей, но, как правильно жить, не учи.

Лишь один неудачника званья достоин:

Ты, кто вечно в тоске без особых причин.

— Хе-е! — тролль задумчиво поковырял языком в ухе. — Уж больно мудрено... В Михине сойдёшь.

— Ценители! — ворчал Штиллер, под негромкое похрюкивание спутников усаживаясь у окна. — Критики... на кого ни присядь!

Он нервно подскочил и выковырял из-под себя сплющенного гоблина-подушечку. Сидушка тоже хихикала, но, похоже, просто потому, что умела. Рен, не глядя, бросил её в дальний угол вагона. Оттуда ответили гномы — без особенного воодушевления. То ли умеренно поблагодарили, то ли беззлобно прокляли.

— Не злись, — Бретта похлопала ключника по колену, и кулаки Штиллера, которые он непроизвольно приготовил для следующего насмешника, немедленно разжались. — Он же для неверского состязания ругателей идеек подыскивал, тролль Машинист. Ты тоже можешь выступить. Но там всегда побеждают ведьмы со станции Нигде. Жаль плотву вносить. Ты ж экономный, а? Тролля оомекскому заплатил бы по-простому, по-хорошему... Ладно, нам в Михин и надо, — наёмница нетерпеливо побарабанила пальцами по столу, будто чего-то ожидая.

— Ну рассказывайте же, не тяните медвервольфа за жабры! — наконец не выдержала она. Нежно и опасно звякнули спрятанные лезвия, когда Бретта взмахнула вышитыми рукавами новой тёплой накидки. — Чего секретничать? Работать всё равно же будем вместе!

— Обязательно? — вежливо уточнил Отик, совсем молодой наёмник, новичок, желающий вступить в гильдию.

Мастер Ю поставил кучу нелепых условий. А парень взял да и выполнил все до одного, включая требование помирить сотни лет враждующие кланы ведьм Буролесья. В доказательство успешности миссии привёз оттуда самый обычный с виду клубок ниток да спицы. Непонятно — значит, волшебное и неопишимо мощно, решили все.

Вместо того, чтобы внести добросовестного парня в списки, глава гильдии потребовал «ещё одного дела» в Михине, без которого, мол, и говорить не о чем.

— Необязательно вместе работать, — ответила наёмница, вглядываясь в по-детски наивную физиономию Отика, не замечая и тени насмешки. — Но почему бы нет? Вот Штиллера возьми: он из Михина родом, полезная штука.

— Благодарствую, — ядовито промолвила «штука».

— Ешь на здоровье! — отмахнулась Бретта и снова обратилась к Отику. — В чужих краях можно из-за того, что сморкаешься не по-правильному, задание завалить. А нам этого никак нельзя.

Наёмники выполняют, за что берутся. Не справятся — тут и Братству конец. Ты ж мечтаешь присоединиться к гильдии, так оно?

Оттик нервно разгладил обеими руками длинные белобрысые рипендамские патлы. «Сама же знаешь!» — говорил напряжённый взгляд новичка, ожидающего подвоха.

— Почему же сразу всему конец, если задание не выполню? — решил уточнить он.

Бретта драматически вздохнула, будто её просили объяснить, отчего у единорога нос спереди, а хвост сзади.

— Закон такой, — авторитетно заявила она. — Один промахнётся — всех неудача настигнет. Потому мы друг другу помогаем.

Встречаются одиночки, кто делиться плотвой не хочет, но даже известные жадины, — девушка искусственно громко кашлянула, но слово «Катер!» удалось разобрать, — порой работают с командой.

Ты послушай, что про наш последний поход в Лиод рассказывают.

— Бретта и её последний поход! — провозгласил кот,

растянувшийся пузом вверх на коленях у Отика. Намекал зверь на непристойнейшую пьесу «Вампир и его последний укус», с треском провалившуюся в столице. С тех пор стало модным насмеяться над гордецами, перечисляющими свои регалии, применяя выражение «Он и его последнее что угодно». Например: «Повар и его последний десерт». Или: «Повитуха и её последний послед». Наёмница шикнула на телепата и погрозила «когтем» — лезвием в постоянной готовности на запястье. Рипендамец строго погладил Базиля, убеждая не отвлекаться от безделья.

Вагон подскакивал и трясся, как рука неопытного взломщика. — Да не из жадности я, — Отик понизил голос. — Просто дело... незаконное.

— Ух ты, незаконное! — громогласно обрадовалась Бретта. Она растянулась на скамье широко, по-королевски, полулёжа спиной к окну, используя Штиллера как спинку трона и мотая сапогом. — Наконец-то! Давненько моих портретов на воротах гвардейских казарм не висело. Гильдия убийц небось уже забыла, сколько у меня веснушек на носу. Вот чего мне для здорового пищеварения не хватало: соучастия чуток!

Наёмница обвела народ испытующим взглядом, но поддержки не получила и вновь стала серьёзней.

— Не трись, Отик! Любое «нельзя» можно перехитрить. На том стоим.

— А, ну тогда всё в порядке, — натужно развеселился рипендамец. Было заметно, что его не убедили. — И секретность у вас тоже на

уровне «как в подушку шепнуть»?

— О... секретность у нас порой такая, что сами не знаем, что делаем, — вдруг с горечью в голосе сообщила Треан, о которой почти забыли.

У девушки был настолько потерянный и беспомощный вид, что даже Базиль двинулся, чтобы перепрыгнуть к ней на колени, но потом остался, где лежал. Чем Отик его привлёк? Вероятно, причудливостью мысли.

— Я ещё никогда не уезжала так далеко на задание, — призналась Треан. — Одна — никогда.

— Мы с тобой, — уточнил педантичный Штиллер, но и ему было ясно: «без мастера Ю». Что тут скажешь? Все стали прилежно смотреть в окно. Приближался Невер.

Летом в Невере было на что посмотреть. Но перед Годовым Поворотом, в самые морозные зимние дни, взгляд скользил, не останавливаясь, по однообразным белым холмам, равнинам и чёрным древесным скелетам. Троллья железная дорога петляла, удаляясь вглубь Приводья, огибая холмы, ныряя в овраги и с усталыми вздохами, медленно возвращалась к берегу, к рыбацкому Михину.

Здесьняя земля принадлежала садовникам и огородникам, заключившим союз с духами земли, воды и ветра. Поля до самого горизонта издавна служили территорией испытаний причудливейших аграрных чар. Говорящие растения, культуры,

способные сами себя окучивать и удобрять, росли неподалёку от злаков, умеющих заманить путника в поле и убедить лечь на межу. Там бродяга засыпал навсегда, насыщая неверскую почву.

Рассказывали о меняющих положение огородах, подкарауливающих одинокую добычу, о делянках, на которые опасались заходить даже самые рискованные садоводы. Разумеется, торговцы зелёных лавок, столичные повара и булочники очень осторожно выбирали достойных доверия поставщиков.

Земледелие в Приводье требовало и таланта, и одержимости.

Тягловые единороги обладали скверным характером и норовили, раз не пригляди, сбежать охотиться в тумане за сновидениями.

Мучительно начарованная тучка проливалась дождём над чужой рощей. Еремайские мыши-оборотни воровали семена из-под земли, порой и хозяев участка прихватывали. Тыквы величиной менее троллей головы считались столичными гурманами неприличными, их в Лена Игел никто не покупал. Приходилось кормить ими шушунов или гнать тыквянку — субстанцию могущественную, но жестокую.

К тому же между соседями велись постоянные пограничные войны.

Единственным очевидным способом не остаться в проигрыше в борьбе с хищной фауной было оттяпать кусок близлежащего поля, где летучая ягода лучше уродилась. Штиллеру в лавке «Книга Судьбы» попадались старые карты подмихинского Приводья, заверенные королевской подписью. Господин Понедельник утверждал, что эти документы имеют такое же отношение к

реальному положению дел, как серп некроманта к сырной корке. Штиллер смотрел в окно и вспоминал садик матери, в котором та выращивала исключительно цветы и ручную брюкву, овощ, вызывающий разнообразные эмоции, но ни в коем случае не аппетит. Бретта инспектировала ножи, периодически желая какому-то Дуну Точильщику лишай в пятку и сову в зубное дупло. Треан делала вид, что спит.

Отик почтительно ссадил Базиля с колен: кот выходил в Невере. «Удачи, коротыш!» — ехидно-ласково и очень громко подумал Штиллер. Кот обернулся, оскалился и дёрнул хвостом — попрощался, что ли. По следам комбинации воспоминаний в головах шести различных персон телепат планировал разыскать в Невере загадочный клад. Гномы тоже сошли здесь, аккуратно стащив мешки на платформу: может быть, тот самый клад. Им стоило поторопиться закопать его.

Следующая станция — Михин.

— Рассказал бы, — попросил Штиллер в опустевшем вагоне, — что за беззакония задумал. Любопытно, клянусь Последним Ключом Тав.

И стал загибать пальцы:

— По-настоящему богатых Островитян в Михине нет. Власть тут чтят умеренно, без фанатизма: королевскому памятнику каждый год местные весельчаки сносят голову и закатывают на плечи кочан капусты, троллий почечный камень или гнездо какучего дваиста. И

бездельники живы, не висят за уши на пристани. Дома обеих гильдий — неприступные крепости. Поскольку ты меня о помощи не просил, делаю вывод, что ни Ключники, ни Рукодельницы целью налёта не являются. Не Храм же ты Морской Змеи обокрасть едешь!

Оттик смотрел по-прежнему весело, непринуждённо, только слегка побледнел.

— Бретта, — осипшим голосом пробормотал Рен, — он грабить в Храме...

Наёмница вскочила на ноги, завертела головой: вагон оставался безлюден, гоблин не в счёт. В окнах мелькали дальние неверские дворы и амбары. Трое наёмников сели поближе друг к другу, сдвинули головы, перешли на шёпот.

— Мастер Ю разрешил покуситься на имущество змеиных баб? — мрачно уточнила Бретта. — Не верится. Шуму будет... когда ловить станут. Ты ничего не перепутал?

— Всё правильно, — процедил недовольный Оттик. — Заказчик — Хуго Келен из Забуролесья. Требуется украсть Йетту Келен из михинского Храма. Видать, родственницу.

— Уф-ф... Хоть не реликвию! — с облегчением выдохнул Штиллер.

— Но дикие они, забуролесцы. Чем плохо, если дочка станет морской монашкой? Почёту больше, чем замуж, им даже детей рожать вера позволяет, только воспитывать — нет. Хотя если присмотреться, как некоторые своих растят, то лучше бы они по-монашески в лодочки складывали — и на волю волн... Погоди,

силком там никого не держат. Представь: сидит себе девчонка в воде по макушку, чувствует себя, как рыба в... — ключник сбился и умолк, а Бретта хихикнула. — И тут ты с огненным мечом освободителя. Вдруг она с тобой не пойдёт?

Оттик пожал плечами.

— Пойдёт, — абсолютно убеждённо ответил он.

Бретта вздёрнула подбородок:

— Ну, не такой уж ты... неотразимый. С чего это?

— Все идут.

Наступило короткое молчание.

— Например, кто?

— Вы.

2.

Михин состоял из пяти улиц и звание города носил по недоразумению.

По Длинной Лестнице приезжий спускался к пристани. Там, на берегу и на сваях над водой, находилось всё, что называли «михинским»: ратуша, резиденции гильдий, Храм и раз в неделю — рыбный базар.

В базарный день на мелководье собирались твари невообразимых видов и форм, чтобы пообщаться с собратьями, которых давно не встречали, обменяться идеями новых конструкций силков и сетей, расставляемых по кустам на жителей Побережья. А также похвалиться находками, удачно продать редкости и сокровища,

которых не сыскать на суше. Взамен запретноводные существа требовали кованое оружие, вино, а ещё — сказки и песни. Их приходилось орать в огромные раковины, установленные на берегу и широкими раструбами уходящие в глубину. Зимой для удобства торговли лёд дробили, прорубали в нём аккуратные окошки и обставляли скамеечками.

Вообще, стремление к удобству и комфорту отличало михинцев и считалось ими чуть ли важнейшей из добродетелей. Так, местные чрезвычайно редко ходили пешком, снисходительно глядя на гуляющих чужаков как на нелепых истаптывателей обуви.

Горожане ездили на разнообразнейших животных: от обычных полевых единорогов, невозмутимых и надёжных, до экзотических двухголовых сухоземских саламандр, управление которыми требовало сноровки и немалого мужества. Михинцы победнее нанимались носильщиками к обеспеченным соседям.

Это успел рассказать спутникам Штиллер во время спуска к гавани. Гости любовались многочисленными процессиями из тёплых палаток, служивших защитой от холода и ветра. Лица носильщики скрывали под меховыми звериными масками, чтобы избежать насмешек. Из неприметных переулков то и дело выскакивали забавные самоходные повозки.

Ближе к гавани спутникам стали попадаться и пешеходы: в основном, рыбаки, а также, как их тут называли, «четвероноги». Были они обычными двуногими михинцами, выбравшими добровольное хождение на четвереньках. По мнению большинства

целителей, людская малоподвижность сокращает жизнь и уменьшает личное могущество. Потому в последнее время среди населения распространилась традиция на рассвете и закате передвигаться, подражая диким животным. «Здоровая» ходьба изрядно веселила приезжих. Они наблюдали, а некоторые даже пытались повторять бег «четвероногов». Что-то чрезвычайно привлекательное было в том, чтобы пожертвовать прямохождением. Смешная разновидность аскетизма. Новая забава распространилась по Приводью молниеносно, как сплетни о нравах королевского двора. Появились фанатичные последователи идеи «четвероногости», утверждавшие, что таким образом стоит передвигаться не только в сумерках, а всегда, иначе эффекта от усилий никакого. Наиболее решительные, «катуны», перешли на перевороты с боку на бок и ползание, как на древнейший, а потому более верный путь к телесному благополучию. Такие составляли меньшинство, объект шуток и анекдотов. Основная часть населения, проскакав положенный час на корточках, отряхивалась, подзывала скучающих носильщиков и, довольная своими спиритуальными успехами, развозилась по домам.

Бретта высказалась об идее четвероножества крайне непочтительно. Скорее Остров навестит сей чокнутый город, объявила наёмница, чем она задерёт зад и босыми руками поскачет по мостовым. Штиллер описал наёмнице «руфли» — элегантные перчатки с каблуками. Бретта хохотала так, что охрипла.

— А ты на чём ездил, когда маленький был? — со стоном полного

изнеможения спросила она. Треан и Отик помалкивали, занятые своими мыслями и, кажется, почти не рассматривая достопримечательностей, но тут тоже прислушались.

— На гоблинах моего отца: вилах, мётлах, ломах, — ответил Рен и быстро сменил тему. — За поворотом Лестницы — пристань. Там мы разойдёмся, пожалуй, Отик, раз искра доверия меж нами не проскочила. Если понадобится связаться с остальными, заходи в «Тот же сон». Последний дом тут, по улице, трактир. Там подают только бублики и сухарики, но напитки прекрасны. А главное, в нём никого нет.

— Как так? — Отика, оказалось, тоже можно удивить.

— В недавнем прошлом там была лавка ключника. Я хотел купить её, поспрашивал соседей и узнал, что дом проклятый, внутри оживает всё: от напильников до гвоздей. Даже плотва — не успевают ею расплатиться. Пока раздумывал, заведение выкупили, трактир открыли. Проклятый, разумеется. Там тоже вещи обращались гоблинами, даже кружки с пивом. Никто туда не ходил: нет желающих покинуть заведение в говорящих штанах. В штанах, комментирующих своё содержимое. В итоге хозяин сбежал от кредиторов в Город Ночь и оставил заведение обитателям.

— Обитателям? — насторожилась Бретта. — Не шушунам ли?

— Гоблинам. Я открою дверь и оставлю незапертой. Уверен, что внутри остались запасы...

— Штиллер, ты не станешь есть живой бублик! — укоризненно поморщилась Треан.

— Хм-м? Стукну кулаком по столу, и он перестанет болтать и кататься. А так — разницы никакой, — Рен пожал плечами. И увидел. — Ох ты ж, лещ-кособок... Куда Храм подевали?!

Тогда и остальные разинули рты. Михинский Храм Морской Змеи из морёного дуба, на каменных сваях возвышающийся над водой, известный всем по картинкам базарных живописцев и по рассказам путешественников, пропал. Только несколько камней, позеленевших и поросших ракушками, валялось на берегу, выглядывало из-под узкой полоски наледи.

— Похоже, Храм уже навестили до нас, — прошептала Бретта. — Как...

— Вы — как хотите, — услышали приятели. — Мои планы не изменились. Удачи!

Они изумлённо обернулись и увидели, как Отик, совершив некие пассы на бегу, прыгнул в ледяную воду и был таков.

— Минус один, — констатировала Бретта, со звучным хлопком прижав ладонь ко лбу. — Я бы сейчас не отказалась от глотка тыквянки. Что, навестим гоблинское логово? Наполним совместные планы утончённым коварством?

Но, вопреки из ожиданиям, «Гот же сон» оказался обитаем.

— Не стой на пороге, как неродной шушун. Заходи! Тут не очень проклято, токо не прибрано чуток.

Голос из-за двери таверны был женским — громким, хрипловатым, но и приятным, как звуки шестиструнной ротты у ночного костра в

летнюю ночь.

— Входи, если не стонец неупокоенный и не кровопивец, трижды зазывать не стану!

Наёмники отворили дверь и осмотрелись. В освещённой уютным пламенем свечей гостиной помещался всего один стол напротив трактирной стойки. На полках позади отсутствующего на рабочем месте трактирщика, по соседству с рядками бутылок и кружек замерли удивительные вещи: вырезанные из дерева сказочные звери, тряпичные куколочки, кружочки, выточенные из мерцающего жёлтого камня, пёстрые самородки и колокольчики разнообразной величины.

За столом сидела буролесская ведьма и угрожающего вида пыточным инструментом вроде крюка терзала невзрачную с виду дерюжку. Нет, кажется, всё-таки вязала её. При мысли о том, что изделие из подобного материала будут носить, а не скормят домашней скотине, хотелось жалостно погладить мастерицу по головушке. И предложить ей в качестве ниток что-нибудь хоть немногим более достойное. Крысиную шёрстку, например, или растительность с тролльих коленок.

— Зачем искали меня, спрашивается? — сварливо поинтересовалась вязальщица. — Плотву за свою работу я вашему ночеградскому величеству вернула — до последней поломанной монетки. Если кто из егерей не прикарманил, конечно. И предлагала ведь: сперва на поварёшках или на поломойках каких прикинем, ноская ли ткань, не царапает, не усаживается ли. Так

женскому полу доверия ж нет! Сами вы королю и поднесли — а он, бедолага, возьми да и нацепи при всём народе. Ну как, обратно в Город Ночь повезёте или прям здесь рассчитаемся?

Ничто в ситуации не предвещало беды. Рен как раз хотел поправить: никакие мы не ночеградские и про ткань знать не знаем.

Но вдруг Треан охнула и бросилась наружу. Штиллер потерял ещё долю мгновения на то, чтобы убедиться: в руках вязальщица держала уже не крючок, а два меча — один короткий, другой примерно с его Сепаратор... который доставать времени уже не было. К его удаче Бретта тратить времени на недоумение не стала.

Полетели лезвия, повалились стулья, стало тесно. Женщины с изощрёнными проклятьями гонялись друг за другом по трактиру.

Незнакомка быстро превзошла наёмницу в словесном поединке.

Она обладала редкой фантазией и, может быть, огромным скверным жизненным опытом. Зато Бретта вскоре загнала противницу в угол. Она пришпилила один из широких вышитых рукавов к стене, выкрикнула: «Дикая, чего на людей бросаешься?!» — и стала выкручивать руки. Обеим, похоже, не очень-то и хотелось убивать друг друга.

Рен принимал участие в совсем другой битве. На него толпой ринулись гоблины. Кухонное полотенце раздавало пощёчины, резной табурет четырьмя копытцами попеременно молотил по коленям, расписные ложки норовили воткнуться в нос, пивные картонки смачно хлопали по ушам, небольшая кружечка интимно присосалась к щеке. Ключнику приходилось уворачиваться от

летающих бутылок и невесть кому принадлежащей коллекции сапог. А отец ещё говорил: гоблины — мирный, дружелюбный народец!.. Когда Штиллера укусили за нос изящные щипцы для печенья, терпение ключника лопнуло, он перестал ласково уговаривать назойливую мелочь и принялся раскидывать гоблинов с яростью берсерка.

— Хватит... — простонала ведьма. — Хватит... Я уже смиренная...

Бретта картинно остановила лезвие, почти касаясь им глаза противницы. Предметы, как по команде, повалились кто куда и перестали хулиганить.

— Как тебе удалось приручить столько гоблинов? — неожиданно поинтересовалась наёмница, переводя дыхание.

— Шушун их знает, — ведьма трубно сморкнулась окровавленным носом, — чего они за меня заступаются. Видать, не такое гнильё, как вы, ночеградцы!

— Ошибка, — Штиллер, кряхтя, вытащил из бока штопор. Тот уже не вращался. — Мы из Лена Игел, наёмники. Мне поручено сопровождать в Амао лучшую мастерицу-вязальщицу, а я тут с посудой не поладил, — ему удалось отлепить чашечку, на месте «поцелуя» остался характерный синяк. — Между прочим, гоблины ни за кого не воюют, играют только. Кому больше всех попадает, того они и выручают.

— Меня тоже не вареньем кормили! — Бретта продемонстрировала свежий, наливающийся кровью фингалище под левым глазом. — Ладно, пусть гоблины, лишь бы не шушунуны. Фуф-ф... Брось мне

фляжку, Штиллер!

— Так вы наёмные... Опилки вам в подштанники! Что ж ваша девка побежала, как от стаи куролисков? Покажись, — попросила незнакомка, осторожно освобождая рукав, — я уже не кусаюсь.

Треан просунула кудлатую макушку в комнату. Она, похоже, опять рыдала под дверью. Ведьма тем временем прихромала к стойке, сняла одну из уцелевших бутылок, выставила кружки, скупно плеснула в них по глотку.

— За приятное знакомство, что ль? — она стукнула своей опустевшей кружкой по стойке, наклонилась, подняла рукоделие со скамьи и аккуратно спрятала в сумку. — Бывает, хорошая драка заканчивается крепкой дружбой. Или наоборот? — вязальщица нахмурилась.

— Никто не в обиде, — ключник затянул сумку покрепче, зная, что это не поможет. Карманы всё же решил не выворачивать, хоть и не представлял, как даже такое настырное существо, как гоблин, могло бы попасть в вывернутый карман. — Я Рен Штиллер, отсюда родом.

— Бретта!

— Треан!

— Эй, руками не маши, я ж сказала — мир. А, это... Ну, здорово.

Зюсска меня зовут... Запасы! — обрадовалась ведьма, заметив, что Штиллер достаёт из сумки картошку, хлеб и прочие знаки внимания заботливой Ребекки, ленаигелской трактирщицы. — Неужто яблочки? Везёт! У нас они не растут, украли.

— Урожай нынешнего го... Да что, деревья у вас, яблони все украли, или как? — не поверил ключник.

— Ага. В столицу увели. Последний раз я их ела... да, точно, сопливкой ещё малой, в Буролесье, если кто на спрятанное дерево набредал.

Наёмники молча, не глядя друг на друга, подвинули ведьме все свои яблочные запасы. Выпили еремайского: крепкого, сладкого вина, напомнившего о лете.

— Если ты здешний, чего дома не ночуешь? — спросила Зюсска, тщательно набив рот перед тем, как спросить. И чудо! — в таком произношении вопрос её показался Штиллеру менее бестактным, чем был.

— Так вышло, — пожал плечами Рен. — А ты почему с другими рукодельницами в Доме Гильдии не живёшь?

Зюсска усмехнулась и почесала нос, вроде бы немного смутившись.

— Так вышло! — ответила она и развела руками. — Не берут меня туда, нехорошо вяжу, не по правилам.

Произнесено было с такой гордостью, будто девушка похвасталась королевской наградой за талант и искусную работу.

— Зюсска... О! — Треан впервые за весь день оживилась и вступила в беседу. — На базаре рассказывали, что Злой Охотник неделю назад на Белом Параде внезапно оказался в одних сапогах. Неужто не брешут?! Только вязальщицу зимнего наряда по-другому называли, Заноза, что ли. Подмастерье твой, может?

— Нет. Тоже я, — отозвалась Зюсска. — В нашем ремесле без этого

пропадёшь, — но без чего — не уточнила. — Вон и у Погонщика Своры такого добра немало. «Имён», — понял Штиллер.

— Я потому и думала, что дядька вампир хорошую шутку оценит,
— Зюсска послюнила палец и собрала крошки со стола. — Я летом всегда на мели... Да и зимой тоже. А в гавани неводы плести — рыбаки недовольны. В мои сети чего только не идёт: сундуки со старыми книгами, скелеты чудовищ, подводные цветы, утопленники, но не рыба. Тут как раз мне котом весточка: к началу декабря нужен новый наряд для Короля-ночеградца. На Парад всегда шьют новый, шушун знает, зачем. Старый, наверное, кровью и смертью пропахивает до отвращения. К вечеру накануне закончила: поздновато, конечно, но у дворни времени хватило бы в нём на пробу побегать. Так нет! — и кто теперь виноват? Заноза, злая ведьма!

— Да что за одежда такая получилась?

— Показывает хозяина таким, каким он хочет выглядеть в глазах народа, — неохотно объяснила Зюсска. — Кто ж мог знать, какие у Охотника интересные представления о величии!

— А что ещё можно связать? — Треан перестала хихикать, разложила на лавке накидку и теперь непрестанно зевала в ладошку, поглядывая в маленькое тёмное окно на прибывающую луну.

— Всё, — убеждённо ответила ведьма. — Что есть — и чего нет, конечно, тоже.

— И троллий поезд? И вампира?

— И их.

— Зачем, я не понимаю, — разворчалась Бретта, устраиваясь на жёсткой скамье. — Вот получил ты шерстяного вампира...

— Лучше, чем никакого, — наставительно заметила Зюсска. У неё уже имелась удобная мягкая лежанка в уголке. Ведьма ещё разок вынула странную поделку и разложила на коленях.

— Сумка будет, — довольно пояснила она. Похоже, только что сама сообразила, что вяжет. — Сумка-ловушка. Нет, лучше охотница. А матушка Розвитха не любит таких фокусов. По ней были бы все носки серые...

— Пару проще найти, — пробормотал Штиллер, засыпая сидя. Бретта задула свечи и неслышно выскользнула из комнаты. Стоило, возможно, беспокоиться, но плед-гоблин ласково придавил и обнял, и проводил в нелепые волшебные края.

3.

Ключник проснулся оттого, что из окна ему заглянули в лицо — холодно и насмешливо. Это оказалась Луна. Зюсска ровно дышала в своём уголке. По стойке полусонно катилась небольшая картофелина: ей удалось во время ужина спрятаться за бочонком прокисшего эля, отвергнутого приятелями. Заметив, что привлёк внимание, гоблин замер, спрыгнул со стола и пропал. Штиллер огляделся и больше никого не увидел. «Минус три!» — с ужасом подумал он.

Но сразу услышал голоса.

Бретта, понятное дело, не спала. Штиллер нашёл её и Треан в тёмной комнате наверху, в окружении мрачной старинной мебели. Ключник получил в бок деревянным углом тумбочки, споткнулся об агрессивный ворсистый коврик, хватающий за ноги, и свалился на нечто широкое, мягкое, где уже сидели обе девушки.

Треан рыдала, окружённая сочувствующей Бреттой практически со всех сторон.

— Да какое там «прошла любовь», он сам не знает, что говорит, пенёк замшелый, — услышал Рен. — Одного у старика не отнять: понимает, когда каждому из нас пора спуститься с тренировочного чердака и делом заняться.

— Я же ничего не могу сама! — тоненьким шёпотом крикнула Треан. Штиллер подвинулся ближе, чтобы возразить: а людская находка? А сделка с Форо? — но получил пинок и недовольно промолчал. — Я убегаю раньше, чем вижу, от чего! А он мне: «Таков твой способ сражаться».

— Ты же знаешь, как говорят, — голос Бретты звучал непривычно мягко. — «Задание не даётся в руки тому, кто с ним не справится». Порой само присутствие наёмника меняет ситуацию, даже если она совсем безнадёжная.

— Я свою страницу Отику отдала!

— Нехорошо, — после недолгого молчания признала Бретта. — А ему зачем?

— Мы поменялись, — Треан роняла короткие фразы, как слёзы. — Испугалась, как увидела про грабёж из Храма. А он: махнёмся?

Думала, задание новичка попроще будет. Ага!.. Вот оно.

Бретта вскочила, подошла к окну, чтобы в лунном свете прочитать вслух с обычной страницы, которые воспитанники мастера Ю варварски выдёргивают из Книги Неотложных Дел: «Уничтожить Гильдию Наёмников. Заказчик: граф Родигер из Лена Игел.

Награда: доставка на Остров и, буде желание таково, обратно».

— Прекрасно! — у Бретты был голос человека, обнаружившего, что пьёт вино из черепа любимой бабушки. — Мне-то казалось, что Отик — идиотик. А он хитрая дрянь! Понимаешь? — Треан потянула носом и, кажется, кивнула в темноте. — А ты, Штиллер? Нет? Той странице сто лет в обед! Она там для смеху торчала: народ дивился и дальше дело искал. Зато Отик готов был расстараться. А удобный случай заметил — и тебе подвиг перепоручил, мурена безголовая... Не реви, мурену беру обратно, безголовую поддержи пока. Ты мастеру Ю рассказала?

— Ага...

— А он? погоди, я угадаю: смеялся, в ладоши бил, удачи пожелал?

— Точно. Ещё посоветовал: «Не жди, что за тебя всю работу сделают».

— Погодите, — напряжённо произнёс Штиллер, у которого от усталости и ощущения, что жизнь пошла наперекосяк, голова разболелась. — Наёмники всегда выполняют дела, за которые взялись, поскольку — поправь, Бретта, если не так! — мастер объявил, что распустит гильдию, если его ученики потерпят неудачу. Вот, скажем, Треан берётся за поручение. Затем бросает.

Старик распускает гильдию. Выходит, Треан задание выполнила, закрывать гильдию не надо.

— Мудрено, — помолчав, вздохнула Бретта. — Надо бы пораскинуть...

— С утра, свежими, — Треан деликатно высморкалась и зевнула.

— Я не сам придумал, отец рассказал, — сознался честный Рен. — В Старом мире жил хитрый крокодил, а может, лев, словом, хищник. Ел тех, кто не мог разгадать его загадки. Схватил однажды бродягу и говорит: «Съем ли я тебя так, как съедаю всякого? Отгадай — останешься жив». А пойманный в ловушку самой загадки ждать не стал — да и отвечает злодею на его вопрос: «Горе мне, ты съешь меня!» Получилось, что если чудовище съест мудреца, значит, тот угадал, а за правильное решение ему жизнь обещали.

— И что с ним стало? — зачарованно спросила Треан. — Отпустил его кроколев?

— Съел, конечно, — ответил Рен, устраиваясь поудобнее.

— О! Но как же?

— Иначе, чем съедал всякого. С головы, может, а не с хвоста... Или наоборот. Доброй ночи!

Наступила тишина. Казалось, наёмники задремали. Тогда раздался шёпот Треан:

— А что у тебя за поручение, Бретта?

Рассвело, но они не торопились в путь. Жаль было будить Треан, она задремала лишь под утро.

— Руки...

Но сказала Бретта это беззлобно, невесело, будто по принуждению. Штиллер помедлил, но потом отпустил.

— Тебе, значит, можно, а мне... Ох, да шучу же! — он помолчал, по привычке проверяя набор ключей и отмычек в сумке, чтобы успокоиться. — То есть, надеяться не на что?

— Не-а, — произнесла она нараспев, погружённая в свои мысли, — я замужем.

— Ах, лещ-косорот! А сказать никак нельзя было? Стой, ты права, «здрасьте, я Бретта, замужем, любимое блюдо — жареная картошка с василисковой травой и с луком» — тоже глуповато звучит, само собой. Он из наёмников, я его знаю?

— Нет, он в Еремайе живёт... Наверное. Я думала, тебе уже рассказывали, раз не расспрашиваешь про сына. А ты, выходит, нелюбопытный.

Про сына! Да просто не хотелось будить спящих собак. После того, как они вместе стали жертвой «обвинительной магии» Фенны, Штиллер предпочёл поскорей забыть открывшиеся ему тайны друзей и был благодарен, что они не заговаривали с ним о родителях. Дурак, значит.

— Умерь силу отчаянья, Штиллер, — злая насмешка получалась у девушки неубедительно, но надо признать, Бретта очень постаралась не обидеть жалостью. — Спроси меня снова, когда все дела переделаем и вернёмся. Кто знает? Может, я к тебе через сотню лет с нежностями приползу, а ты глянешь и убежишь, рыдая

от ужаса?.. Знаешь, отдавай-ка ты мне моё задание назад, я передумала меняться. Поищу величайшую мастерицу, а ты — средство от невидимости Ребекки. Но награду поделим пополам, не грусти.

4.

Дом михинских мастериц был просмолённой деревянной постройкой, похожей на корабль. Украшала его огромная деревянная Морская Змея. Покровительницей Гильдии Рукодельниц и всего Приводья считалось не само чудовище, а лишь её изображение. С трудом верилось, что гигантский монстр глубин способен желать добра и здоровья двуногим обитателям суши. Всё же о Змее ходили легенды, слагались песни, о встрече с ней у каждого рыбака, у каждой прачки имелась собственная история, объясняющая пропажу лодки, плохой улов, разорванные сети или рождение младенцев, непохожих на отца.

Кое-кто хвастался, что знает, как призвать чудовище, выпросить у него некий подарок или исполнение желания. Триста лет назад простой михинской семье довелось вынуть Змею из сетей.

Дискуссия с монстром о размере награды спровоцировали страшнейшую со времён Сотворения бурю. А от чудесного домика на берегу, собственности неговорчивых михинцев, остался в наизидание потомкам лишь обод от бадьи для стирки. Штиллер попробовал рассказать приятелям поэтический вариант легенды, где жена требует от Змеи новых и новых даров, пока чудовище не

поворачивает время вспять. Но Бретте такая сказка не понравилась.

Брехня! Чтоб две ведьмы — да не договорились!

— Вполне, — мрачно отозвалась Зюсска.

Вязальщица при дневном свете представляла собой замечательное зрелище. Она оказалась невысокой, темноволосой, с узким загорелым лицом, выражающим охотнее всего презрение или насмешку. Её платье до пят и широкую, тёплую безо всякого меха накидку с капюшоном покрывали тончайшим образом вывязанные картины — люди, животные, рыбы, растения и демоны. Одежду Зюсски хотелось читать, как книгу. Когда хозяйка разноцветной роскоши двигалась, создавалась иллюзия, что узор оживает.

Например, отряд королевских гвардейцев на плече то и дело норовил свалиться в воду широкого сине-зелёного рукава. Рыцари выглядели мокрыми и угрюмыми.

По пути в гильдию ключник не встретил ни одного старожилы. С сухим традиционным приветствием проносились мимо всадники-незнакомцы. Это бесило, как камешек в сапоге. Родина, подобно ревнивой молодке, дулась из-за измены. А может, народ сторонился пешеходов с карманами, полными гоблинской мелочи, которую то и дело приходилось собирать, гоняясь за нею по мостовой.

Когда Рен пинком отправил в полёт щёточку для мытья узкогорлых бутылок, тянущую к нему свои робкие ворсинки, Зюсска удивительным образом поняла причину его раздражения.

— Друзья детства дома сидят, встречать не выходят?

Ключник махнул рукой, будто воспоминания были гоблинами, и их

можно было обратиться в бегство.

— Какое детство в Михине! — заступилась Бретта. — Тут малышам в колыбели молоток дают, удочку или клубок ниток, как повезёт.

— Мои друзья-одногодки... С ними несчастье случилось, — невыразительно произнёс Рен. — Под воду ушли.

И больше ничего говорить не стал, как ни просили.

В дверь Дома мастериц пришлось долго стучать. Зюсска, сперва нацепившая шляпу-невидимку, подарок Ребекки, теперь стащила её с головы, утверждая, что «не идёт». «Да тебя ведь не видно!» — яростно шептала Бретта. «Безглазому ясно, что она к платью не подходит!» Наконец, в пузе исполинской змеи отворилась дверь.

Гостям навстречу выглянула статная тётушка в предписанном бело-коричневом, пожертвовавшая молодостью в пользу авторитета.

— Зюсска Заноза! — торжественно произнесла мастерица,

внимательно глядя на вязальщицу, пытающуюся скрыться за

спиной Треан. — Вернулась в дом, жильцам которого ты на

прощанье пожелала прирасти задами к лавкам и вязать

исключительно мешки под компост. Приблизительно так,

некоторые слова я, к счастью, позабыла. Хочешь что-нибудь

добавить? Как насчёт осознания простой правды, что одежда

должна согревать в холода и придавать хозяину достойный вид?

— По мне, пусть придаёт, — оцетинилась вязальщица. — А ещё

пугает, сражается вместе с хозяином, убивает, защищает, скрывает

намерения, вводит в заблуждение, зачаровывает... Ну, приятно было увидеть, что вы здоровы да при делах, — Зюсска отступила на шаг.

Тут уж Штиллер не утерпел. Не своим голосом, охрипнув от волнения, он выкрикнул:

— Тётя Агнисса, неужто не узнаете? Арвидов сын, Рен. А они — мои друзья!

И помогло. Матушка Дома мастериц, двоюродная тётка Штиллера, поманила гостей (Зюсску тоже) в зал с панно и гобеленами на стенах, изображающими Морскую Змею — чаще всего, в анфас, со строгим и укоризненным взглядом. На некоторых шедеврах монстр имел человеческое лицо, на других сопровождался свитой из белых уклеек. Такие ковры-картины обладали собственным могуществом: лечили, приносили удачу. Страдающему ночными страхами, например, советовали класть подушечку с вышитой Змеёй под кровать. Бесталанные поварихи ставили на кухню яшмовую змейку. Крикливым младенцам клали «зелёный глазок» в колыбель. Словом, иметь дома изображение морской покровительницы было предпочтительней, чем саму Змею.

Гости пили тёплый ягодный кисель. Штиллер густое пойло в детстве ненавидел, а теперь просил третью чашку и клялся, что ничего вкуснее не пивал, причём не кривил душой. Ключнику пришлось выслушать новости последних лет о родивших, заболевших, умерших, отправившихся в странствия, привезших самых невообразимых невест, разорившихся или разбогатевших. О

себе рассказать не получилось: подруга матери спросила только мимоходом, не ищет ли Рен дверь на Остров. Нет, и даже не думал. — От тебя гоблинами несёт, от всех вас, — подвела неожиданный итог мастерица и обвела гостей внимательным, строгим взглядом. — Нечего с гоблинами водиться. Они хоть и миленькие, но себе на уме. Коварный народец... — женщина отставила чашку. — Так что за поручение у тебя от мастера Ю?

— Мне бы поговорить с лучшей вязальщицей.

— Говори со мной, я весьма неплоха, — матушка, как ей казалось, скромно, а на самом деле чрезвычайно самодовольно расправила юбку с замысловатым узором.

— Тётушка! — решился Рен после паузы, во время которой выражение лица рукодельницы приобрело опасное выражение, означающее: «Сейчас я кому-то что-то свяжу — до смерти не развяжет». — Мне бы самую лучшую, какая есть.

— Ах, её, из этих!.. — матушка со вздохом поднялась на ноги. — Они у Морской Змеи в работницах.

— Вот, — показала Агнисса, отодвинув пушистый ковёр, крышку потайной двери в полу. — Здесь вход в затонувший Храм... А тебя куда несёт? Совершенно неясно, — матушка свирепо ткнула пальцем в воздух перед ловко увернувшейся Зюсской.

— Раз Великая Мастерица — не матушка Розвитха, да и вообще никто из вашей банды, — шельмовски ухмыльнулась ведьма, почёсывая кончик носа, — тогда у меня к ней тоже дело найдётся.

И наёмным помогу, они в вязании не смыслят, крючка от спицы не отличат.

— Скажи уж честно, они запасами делятся, а у тебя живот подвело,
— ехидно возразила матушка. — А мне что? Ступайте. На новолуние девки вас выволокут и у причала по обряду похоронят. Перед памятью матери твоей, Рен, аж... — тётка прижала руки к желудку.

Потом продолжила деловито, как ни в чём не бывало.

— Вода глубже станет — Змею призывайте. Тут её место, волшебное, дышать и ясно видеть научит. Холодно там, много сил отдать придётся. Рыб и нечистую мелюзгу обходите стороной, а неживых и подавно. Мост встретится... — мастерица остановилась. Рен подумал, что та вспоминает дорогу, но приглядевшись, понял: тётка без памяти от страха и молчит, не желая выдать себя стуком зубов. — За ним ждёт Страж. Он вас или... Ну, или дальше проводит, в «тихую заводь». Это уже Храм. Там задерживаться надолго тоже не стоит.

— О! Можно забыть, зачем пришёл, и остаться навсегда? — прошептала Треан.

— Нет. Закончишься, всю себя растратишь. Огрызок уцелеет, «злая машенька», рыбаков под воду тянуть да воспоминаниями мучаться.

— А возвращаются оттуда? — спросила предусмотрительная Бретта.

— Розвитха — «по собственным следам», так она говорит. Других

провожают монахини, кто их не боится. Некоторые пропадали поначалу, но потом наши сообразили, как оттуда, из сырости да среди нежити, обратную дорогу находить. И вы поймёте: чай, не катуны. Я буду Змею просить, чтобы вас помиловала.

Матушка, охая, приволокла и спустила вниз деревянную лестницу.

Если мастерицы пользовались только ею, значит, их вальяжная неповоротливость была наигранной. Зюсска с Бреттой почти одновременно соскочили с края земляного «колодца» в глубину.

Штиллер спустился по ступенькам. Треан осталась наверху.

— Никак? — сочувственно донеслось снизу, из темноты.

Треан замотала головой, разбрызгивая слёзки.

— Ох, горе мне с вами, недогадливыми! — Агнисса покачала головой. — Шляпку-спрятку ей наденьте. Зюсске она точно не идёт, а вот этой девочке...

5.

Путь к затопленному Храму оказался довольно необычной прогулкой.

Изрядно нервировали большие рыбы, дефилирующие над головой, как тучи, и стайки маленьких, нахально прошмыгивающих прямо под носом. Изобилие вещей и существ над головой вызывало беспокойство, но можно было привыкнуть, когда становилось ясно, что те не падают. Чтобы холод не мешал, приходилось поработать, погонять внутренних шушунов. Тишину то и дело разрывали непонятные гулкие звуки разной высоты, будто бы неподалёку

переругивалось два семейства морских слонов. Прохладные и ледяные течения, чередуясь, помогали выбрать нужную высоту и балансировать, продвигаясь вперёд.

Мысль о Змее не требовала полного сосредоточения. Чтобы не захлебнуться, достаточно было время от времени вспоминать михинские гобелены. Штиллер не дышал, а потому разницы не заметил, пока по привычке не попытался «быть человеком». Вода затекла ему даже в уши, и он раздражённо пообещал себе больше человеком не быть.

Двигаться приходилось, аккуратно отталкиваясь от дна, помогая руками, головой и даже бортами куртки. Лучше и быстрее всех фокус освоила Зюсска. Она парила в двух локтях от дна, хлопая краями накидки, как плавниками. Бретта неслась над камнями, словно на невидимой нити, около неё бились небольшие водовороты. Штиллер отставал и старался не перекувырнуться. Местоположение Треан угадывалось по взбаламученному потоку позади. Наёмнице удалось на время нейтрализовать своё проклятье. Значит, оповестить друзей о надвигающейся опасности стало некому. И не стоило забывать о загадочном Отике, творящем поблизости беззаконие.

Констант Понедельник назвал бы такую ситуацию «субоптимальной».

Команда находилась на дне рукотворного канала со стенами из песчанника и дном, выложенным мозаикой, в бахrome светящихся водорослей. Зюсску с оружием в обеих руках не атаковали даже

большие зубастые рыбы-львы и крайне непредсказуемый молодняк морских буйволов. Более крупным чудовищам было бы здесь, очевидно, тесно. Пришлось проплыть между бурными сваями, опорами ратуши, Купеческого дома, рыбацкого причала. Тогда вода темнела, как аметист, погружённый в красное вино. Затем солнце снова роняло в глубину свои искры, но реже и реже. Смеркалось, хотя команда совсем недавно вышла в путь и никто даже не проголодался. Держались вместе и плыли медленно, словно во сне. На пути стали попадаться утопленники.

То были человеческие существа с размытыми лицами, замершие в воде, точно пойманные невидимой сетью. У большинства — голые черепа, волосы давно съедены маленькой корюшкой, именуемой за её избирательную прожорливость «рыба-цирюльник». Самые раздутые утопленники равнодушно парили в высоте, у поверхности, где их могли обнаружить, вынуть и похоронить по обряду. Остальные внимательно наблюдали, приближаясь незаметно. Как в детской игре, в которой запрещено шевелиться, когда на тебя смотрят, а выигрывает тот, кто незаметно подкрадётся и схватит. Мертвецов становилось больше, вскоре отряд окружал целый эскорт. Неясно было, какой вред им способна нанести сталь.

«Эх, руны отвращения же!» — тоскливо подумал Штиллер, и тут же в висках раздался голос Бретты: «Что за руны?»
— Горрин советовал втравить в лезвие меча руны отвращения, —

ключник изумился внезапно прорезавшемуся кошачьему дару, но понял: это ещё один урок Морской Змеи. Интересно, сможет ли он так на суше? Наверняка, нет.

— Фигуры ночеградские, напоминают покойничкам, что они померли, — равнодушно откликнулась Зюсска. — Вроде расписки долговой. А чего не втравил, если плотвы хватало?

«Заточку испортил бы», — хотел ответить Рен, но не решился.

— Не особо и помогло бы, — заметила вязальщица, не дождавшись ответа. — Ты глянь на рожи синие. Какие уж там приличия, какая расплата за долги...

Тут один из трупов разинул чёрный рот и протянул длинную мосластую руку, растопырив пальцы. Рванина плоти, растерзанной рыбами, вяло овевала кость. Из пустой глазницы выглянула любопытная головка маленького живого угря. Мечи вспороли воду, рука мертвеца медленно упала на дно. А сам утопленник отпрянул, скрылся за спинами других, поспешно занявших его место.

— Вода мп.. мбешает, — пробормотала Зюсска вслух и захлебнулась, схватилась за горло, и стая немёртвых хищников вокруг неё снова потянула руки. Бретта швырнула горсть лезвий: большей частью промахнулась, несколько штук застряло в коже утопленников. Но ни капли крови не показалось из ран, ни один не отступил.

Рен схватил полубесчувственную девушку за плечи, повернул к себе, отшвырнул ласкающие её плечо ледяные пальцы и крикнул — нет, подумал: «Морская Змея!» Зюсска заморгала, приходя в себя,

подхватила ускользающий из ладони мечик, оттолкнула Штиллера и — полетели кости!

Товарищи продвигались вперёд быстро, как только могли. Штиллер убедился, что даже прикосновение его Сепаратора заставляет тварей прилечь на дно, и это было по-настоящему прекрасно!

Бретта, заметив, что от её оружия никакого толку, раздавала тычки подвернувшимся под руку длинным ребром неизвестного зверя.

Вдруг у одного из противников оторвалась голова — слетела с плеч, как пробка с бутылки перебродившего сидра. За ней последовала вторая, третья.

— Мбост! — проорала Зюсска, оскалив зубы. И потом снова, уже не глотая воду, — Мост! Огонь!

И правда, за каменным мостом без перил, куда поднималось дно подводной галереи, что-то горело прямо в воде, дым поднимался вьющимся белым столбом.

— Так не бывает, — устало подумал Штиллер. Никто и не возразил, — Мост под водой — пожалуйста, рыбам удобнее ходить друг к другу в гости. Но огонь? Бред! А если пожар? Чем тушить? — и его безумная составляющая, некий Финн Биццаро, оглушительно захохотал в ключниковом черепе.

Странный экземпляр подводной архитектуры приближался.

Штиллеру захотелось посмотреть, что там, под мостом, но тут преследователи удвоили натиск. Над Бреттой кружилось пугающее красноватое облачко, Зюсска плыла, скорчившись, прижав ладонь к

левому боку. Ключнику до сих пор сказочно везло: пара-тройка царапин, больше ничего. Бести несли гораздо более значительные потери. Головы валялись с плеч. Лапы, зубы и кости устилали дно. Наконец, приятели ворвались на мост. Твари отступили.

— Может, и необязательно было их убивать, — спокойно, не задыхаясь, подобно остальным, заметила Треан. И снова вызвала короткое смятение. Не то, чтобы о ней забыли. Скорее, думали, что та сидит под корягой, ждет, что явятся и спасут. Наёмница на мгновение приподняла шляпу-спрятку над белокурой головкой, помахала, сотворив маленький водоворот, и снова скрылась под замечательным подарком Ребекки.

— А что было делать, еремайскую польку с тухляками плясать? — проворчала Зюсска, рассматривая укусы.

— Плясать вряд ли, — усомнилась Треан. — А пожалеть... что ли? Всё-таки люди.

— Были, — поправил Рен наставительно, с уверенностью, которой не испытывал. — Как бы с ними ни поступать, ошибиться уже невозможно. И кусались...

— Сперва вы их погнали железом своим!

— Пошло, как под столом у мамки: кто первый начал! Они меня трогали, — напомнила Зюсска.

— Потому и мне их пришлось. Но противно было головы отрывать! Н-да, ничего лучше я просто придумать не успела.

После небольшой паузы (по воде понимание распространялось, видимо, тоже с задержкой), народ окружил Треан поздравлениями,

выражениями восторга — настолько, насколько эмоции можно выразить мычанием.

— Удавку я вам попозже покажу, — отвечала наёмница всем, кто мучался вопросом «шушун задери, но КАК?..» — Душить Горрин научил. Думала, не пригодится. О! Раньше, когда убегала, хотелось остаться и убивать врагов спиной к спине с товарищами.

— А как дошло до дела, не понравилось, — с легчайшей ноткой ехидства, закончила за невидимку Зюсска.

— Не очень. Хотелось бы гордиться, но не получается.

— Стыдиться тоже не стоит, — ответил им чужой голос.

Наёмники обернулись и увидели на другой стороне моста, на том месте, где горел огонь, телепата, отвечающего им. Издалека незнакомец напоминал заурядного михинского рыбака в простой парке из непромокаемых кож морского буйвола. Лицо Стража оставалось в тени широкого капюшона.

— Если вы шли сюда не только, чтобы сразиться с водяными, то вам придётся перейти мост. На той стороне больше ничего нет, — заверил голос, полный спокойной иронии и непонятной, но ощутимой силы. Друзья двинулись навстречу. Штиллер задержался, чтобы бросить взгляд через перила.

— Не надо, — быстро и очень убедительно попросил рыбак.

Ключник, приготовившийся сделать шаг, сразу передумал. Не произнося ни слова, друзья перешли мост, страдая от ощущения, что совершают непоправимое. Первой сбросила с себя оцепенение

Зюсска.

— Моё почтение! — не слишком уважительным тоном обратилась она. — Здесь Храм? Нам бы со жрицами побеседовать.

— Со всеми сразу? — удивился рыбац. — Провожу.

И неторопливо поплыл прочь от моста вглубь сумрачного подводного грота.

— Что же тут горело? — тихонько спросил Штиллер, стараясь сделать сообщение максимально личным, направленным Бретте.

— Не беспокойтесь, — ответил телепат издалека. — Это я.

Пещера заканчивалась у ворот высокого здания, красота которого очаровывала даже при скудном освещении. Храм погрузился на дно недавно, вода не успела придать его постройке сколько-нибудь существенных перемен. Он казался огромной шкатулкой с сокровищами, выброшенной из терпящего бедствие корабля. От обветшания колонны и ступени, старомирскую древесину, хранило нечто более могущественное, чем смола и глина. Фасад украшали резные рельефы разнообразных змей: крылатых, многоголовых, танцующих, с жертвами в зубах, смешных змей с выпуклыми чревами, в очертаниях которых легко угадывались съеденные звери.

— Согласно легенде, человечество прибыло сюда, спасаясь из гибнущего Старого Мира в чреве стальной Морской Змеи. Людей долго пришлось уговаривать выглянуть наружу, — с легкой улыбкой поведал Страж и остановился напротив двери. — Заперто!

— искусственно удивился он.

Рену трюк показался нелепым. Тем не менее, он вышел вперёд и, почти не прилагая усилий, отворил дверь ключом Рей-Мо — воровским инструментом, уговаривающим дом считать входящего хозяином, а не гостем. Проводник и бровью не повёл. Неясно, зачем задумывалось представление: проще было бы всплыть в окно... Но если тот специально испытывал ключника, какой же он сделал вывод?

— Утопленники-стражи никогда не причиняют больше вреда, чем получили сами, — сказал телепат, стоя в дверном проёме. — Да, прикосновения весьма неприятны, а удержаться им нелегко.

Мастерицы и монахини уворачиваются. Но каждой из них вначале пришлось провести долгие часы на дне в объятиях утопленников. Не могу упрекнуть вас в том, что вы воспользовались более радикальным решением, чтобы очистить путь.

— Как вас называть прикажете, господин? — вздрогнув от отвращения, спросила Бретта.

— Я не господин, а здешний смотритель, — поправил он. И вдруг сообщил ни с того, ни с сего:

— Вёлль Маленький, когда создавал мир, работал над такой масштабной штукой впервые, не на чем было руку набить, вот и получилось это дурное место.

— Есть и похуже, — нетерпеливо заверила Зюсска, не решаясь оттолкнуть разболтавшегося Стража и вступить, наконец, в Храм.

— Согласен. Но поставить бы сторожа сюда с самого начала — не

переполнилось бы, не затонуло бы.

— Чем же... — Штиллеру показалось, что он знает ответ на свой вопрос, но задать его было необходимо. — Чем же полон Храм? Смотритель обернулся, и Рен не вскрикнул только потому, что сразу отказался верить тому, что увидел. Перед ним стоял его отец. Нет. Перед ним стоял некто похожий на отца.

— Старьём, вот чем, — ответил Страж. И пояснил: — Вёлль слишком поздно заметил, что уйти из нашего крошечного мира нельзя. И если тело можно сделать практически бессмертным, то дух, то есть, мыслящая личность, со временем слабеет, коснеет, теряет волю к развитию, к обучению новому, цепляется за привычный ежедневный ритуал, совершает меньше и меньше поступков. Тогда «время течёт слишком быстро», перемены начинают вызывать раздражение и ужас. Мысль, что жизнь прожил, но ничего запоминающегося, уникального не создал, уже не жжёт, как раскалённое железо. Человек охотно пользуется такими оправданиями, как гордость за потомство, благотворительность, воспоминания, аппетит, ненависть к чужакам, и другими иллюзиями. Дух глубже уходит в раковину плоти, стремясь только к покою, к созерцанию и наслаждению примитивными функциями тела. Пищеварением, испражнением. Реальность проносится мимо, как расшитый платок ярмарочной танцовщицы. Наступает час, когда даже дыхание становится слишком утомительным делом. Тогда состарившийся удаляется в Храм Морской Змеи. То же самое, кстати, происходит и со

многими могущественными предметами. Словом, здесь заканчиваются пути.

— Все пути? — с ужасом переспросила невидимая Треан.

— О нет, — ничуть не удивился новому собеседнику смотритель, — конечно, не все. Можно ещё отправиться на Остров! Как ваш потерянный спутник Отик.

Сказать, что наёмников это потрясло, было бы недостаточно.

— Болван был на Острове! — проскрипела Бретта. — Я убью его. Сразу, как найду. Нет, сначала заставлю рассказать. А потом задушу. Во имя справедливости.

— Тогда не хочу вас задерживать, — усмехнулся Страж и отступил в сторону. — Чувствуйте себя, как дома, — он подмигнул смутившемуся ключнику, на мгновение ощутившему себя взломщиком. — Внутри может оказаться многолюдно — или нет. Просто идите дальше. Не нужно там никого убивать. На обратном пути буду ждать вас у моста. Чтобы пройти мимо, вам придётся назвать меня по имени.

6.

Души и духи!

У каждого, как выяснилось, было собственное представление о них. Штиллер, например, путал духов с добротной сработанной нежитью. Бретта в такую чушь не верила вообще: по её мнению, мёртвые становятся плодородной землёй вместе со всеми мыслями, добрыми и злыми. Треан помнила, как мастер Ю говорил в «Слепой

рыбе», что некоторые люди (но не все) в конце пути обзаваются душами. После смерти они целиком превращаются в некую мудрую сущность, «дух», способный давать советы живым. Такие навещают родню в обличье маленького зверька, а не в виде прозрачной тени, какими бабки пугают малышей в долгие зимние ночи.

Шутка! А может, притча. Наставник всё время рассказывает такие. Зюсска, когда ей надоели расспросами, высказалась, что никаких духов не видала, значит, и болтать о них нечего. А любителям поумничать, мол, своих кишок она тоже не видала ни разу — а они есть, был ответ: так и про кишки тоже болтать нечего.

Зал, через который плыли приятели, был удивительным образом полон и пуст одновременно. Они были единственными живыми существами здесь, и другие, чужие твари не крутились под ногами, не шныряли по углам. В то же время присутствие множества людей ощущалось безошибочно, как солнечный свет через закрытые веки. Одна большая группа, кажется, отмечала праздник только для посвящённых. Время от времени в воздухе мелькал платок или кубок, слышались обрывки фраз, песнопений, звон колокола, тихий призрачный смех. Приходилось останавливаться, чтобы не сбить с ног спешащих по делам монашек. Те исчезали прежде, чем их удавалось рассмотреть. Зюсска бранилась сквозь зубы. Штиллер чувствовал себя слишком плотным, живым. Странствия над витыми лестницами, сквозь галереи, уводили дальше в глубину здания,

кажущегося бесконечным.

Девушки спорили, не раскрывая ртов и наловчившись пускать пузыри для обозначения наиболее эмоциональных моментов.

— Если бы у нас были души, если бы мысли и чувства были сами по себе, тогда младенцы сразу умели бы говорить, старики не забывали бы имена внуков, а схлопотавший дубинкой по черепу не рисковал бы стать слабоумным! — горячилась Бретта.

— Все окна затворить — жильцы из дома никуда не денутся, просто их видеть перестанут, понимаешь? — доносилось насмешливо из расходящегося потока воды, где проплывала Треан.

— Другой пример: куда девается умение ходить у рыбака, которому рыба-лев ноги откусила? Или он и не мог никогда?

Пришить ему новые ножки, и он опять побежит по...

— Не знаю, я не некромант, — Штиллер волнообразно помахал руками перед лицом, пытаясь изобразить только что виденных призрачных монашек. — А они — духи?

— Вроде обычные люди, просто по-другому. Ни мы к ним, ни они к нам.

— Блюб-блюб-блюб! — с угрюмой издевкой прокомментировала Зюсска.

Именно после замечания, ошибиться в смысле которого было невозможно, приятели увидели трёх вязальщиц.

В уютных плетёных креслах сидели женщины: высоченные, но тощие, со странными пропорциями: руки — гораздо длиннее, чем

полагалось по росту, и гибкие пальцы в половину длины предплечья. Одеты все три были в рубахи до пят, в таких прачки полощут бельё в Запретных Водах. Но полы оставались неподоткнутыми: спасаться от сырости смысла не имело. Первая вязала широкое полотно со сложным узором, стелющееся по воде, как чудовищный скат Мантия Левиафана. Вторая, сидящая пониже, распускала, разнимала петли, высвобождая нить. Третья сматывала нить в клубок, а когда тот достигал размера среднего кота, подкладывала его в деревянную чашу, из которой тянулась нить первой вязальщицы.

— Здоровья! — Зюсске дамы, судя по всему, с первого взгляда не понравились. — Здоровья, многоуважаемые, и многих лет! Не вы ли те самые волшебные мастерицы будете, что наших матушек вязать учили? Нет? Ну, так я и думала, прощения просим... Пошли дальше.

— Погоди, — невидимая рука подёрнула Занозу за рукав, мысли Треан «звучали» испуганно. — Осторожненько. Сёстры вяжут Полотно Бытия. Возьмут и тебе что-нибудь нехорошее смастерят...

— А распускают зачем? Или так Полотно Небытия делается?

— Проклятье, — медленно и значительно ответила сматывальщица нити.

— Давным-давно... — начала вязальщица. Зюсска застонала, не разжимая губ, повалилась на ступеньку и потянулась, зевая во весь рот.

Три сестры переглянулись странно. Как деревья в бурю.

— Раз не желаете слушать сказку с самого начала, тогда и рассказывать не станем. Почему мы вяжем, распускаем, сматываем? Когда оно закончится? — кто из троих вёл беседу, теперь было неясно, ни одна не пыталась произнести вслух ни слова, не двигалась, не смотрела. По-видимому, это не имело значения. — Ваш путь ведёт в логово Морской Змеи: спросите у неё.

— Надо помогать в беде, надо, — мысль Зюсски прямо-таки шла ко дну под тяжестью сарказма. — Вдруг и меня такая страшная беда настигнет: вяжу себе, вяжу, а кто-то под стулом сидит и распускает втихаря!

И тоном бесконечного участия Зюсска поинтересовалась:

— Вы, девушки, не пробовали средней сестрице другое поручение дать? Пусть чайку заварит али булок напечёт?

— Мы думали о таком решении, да, — отвечали серьёзно проклятые. — Но тогда ведь придётся распускать за сестру, работы прибавится. Да у неё и нить реже рвётся.

У Зюсски появилось такое выражение, будто её из-за поворота хлестнули лещом.

— Ладно, — сдалась она. — Ещё какие-нибудь вопросы к Морской Змее? А то она обидится, что мы за такой ерундой пришли.

— Ответы, — произнесли вязальщицы насмешливо, а может, язвительно. Они были и вправду непонятными древними созданиями, да и проклятыми к тому же. — Когда получаешь их, не всегда понимаешь, что именно узнал. Спроси, как пропало

королевство, оттого что в кузнице не было гвоздя, а от неброского узора на подоле погиб в огне целый город.

— Штиллер? Как — «не понимаешь, что узнаёшь»?

Ключник оглянулся на Бретту. Она выглядела озабоченной. После того, как Зюсска, отчаявшись вникнуть в смысл загадки сестёр-вязальщиц, поплыла прочь, пуская пузыри ярости, приятелям ничего не оставалось, как вежливо проститься. Дамы, увлечённые работой, и голов не подняли, чтобы вслед посмотреть.

— Они — праматушки нашего мастерства?! — Зюсска развернулась и подплыла к Штиллеру с видом «кто-то виноват, значит, им будешь ты». — Вообще, тебе полагается злиться, а не мне. Как собираешься вытащить одну из бабенций наружу? Рен, раздумывающий над вопросом Бретты, в замешательстве сбился с подводного шага.

— Зачем? — изумился он. — Я на ней королевской медали лучшей рукодельницы не замечал.

Зюсска поворачивала бирюзовыми глазами.

— Эй, тётки, может, выдумали вязание. Или даже сами нитки!

Кроме шуток, большинство гобеленов из подводной жизни в Гильдии — их рук дело... А для чего тебе, кстати? У мастера Ю портки зимние прохудились?

— Дорогой заказ, — объяснил Штиллер. — Король женится, молодые наденут наряды от лучшей рукодельницы Приводья. Кружево, платье, фату, что ещё носят?.. Невеста гостит у Амао,

Дракон платит — и мне в том числе.

Вязальщица улыбнулась, попыталась похлопать ключника по плечу. В воде ожидаемого звука не получилось, но Зюсске удалось передать хлопок мыслью не хуже настоящего кота.

— Удачи тебе! — сочувственно произнесла она. — Рада бы помочь.

Вы приличная компания, не разбойники какие. Я уж с кем только в дороге хлеб не делила! Но занять место одной из полоумных баб, пусть даже на время? Бр-р!

Штиллер хотел изумлённо возразить: вроде бы, никто и не просил о таком самопожертвовании. Но прикусил язык. В телепатическом исполнении — наступил себе на собственную мысль. Вот, подумал он, пример того случая, когда все слышат одно и то же, но получают разный урок. И посмотрев на нахмурившуюся Бретту, объяснил:

— Представь себе: идёшь мимо королевского дворца и видишь в окошко, как его величество обратился в жабу. А на следующий день по дороге к булочнику, остановившись в толпе на рынке, слышишь объявление глашатая, что Король — та-дам! — стал...

— Жабой?

— Угадала. Что нового тебе известно *теперь*?

— Про кузницу и гвоздь даже спрашивать не буду, — угрюмо прокомментировала наёмница и, прибавив шагу, оставила ключника позади.

Наёмники обошли весь первый этаж Храма, отыскали множество

замечательных вещей из дальних уголков Приводья: драгоценности, редкости и диковинки, посвящённые Морской Змее. То и дело казалось, что хозяйка поджидает незваных гостей, свернувшись в темноте. Или того хуже: висит, слившись с рисунком купола. Лениво наблюдает, как её сокровища рассматривают, гадают, зачем ей то или другое, строят непристойные предположения, абсурдные с точки зрения змеиной анатомии.

Наконец, узкая лестница привела приятелей на чердак. Там обнаружили странные механизмы из металла. Штиллеру удалось привести в действие один из них. Ключник повернул кристалл в основании массивной серебристой трубы — и тёмно-зелёная вода в окне осветилась потрясающе правдоподобным лунным светом. В волнах показался нежный, дрожащий рогатый месяц.

Затем они нашли в углу полумёртвого Отика.

Тому изрядно досталось. Неясно, с кем потенциальный наёмник сражался в заколдованном месте. Мастер Ю утверждал: был бы нож, а враг найдётся. Запасливая Бретта хмуро намотала Отику заживляющие повязки на самые скверные раны. У неё оставалась ещё пара штук, большая часть потрачена была уже на Зюсскин бок и собственную лодыжку.

— Жаль хорошую вещь, — доверительно пробулькала Бретта в лицо Отику, приоткрывшему страдающий глаз. — Поумнел, когда лбом лёд проломил? Нашёл... Йетту?

— Если и видел, — скривился раненый, — то не узнал. Больше не

помню.

Он приподнялся и сел. Остальные глядели недовольно, но с интересом.

— Я Хуго Келен, — сказал «Оттик». — Заданию уже два года.

Никто из ваших не брался за грабёж Храма, больше ждать я не мог.

— Погоди-ка, погоди, — Бретта зажмурила один глаз, и выставила зуб, будто собралась пообедать собеседником (не вполне конвенциональная практика, но в Городе Ночь, например, нередкая). — Два года назад ты был младенец... Не младенец, так сопливый подмастерье. Бред, тебя в твои одиннадцать разве что подметать бы взяли. Или в двенадцать? Чтоб обратиться в нашу гильдию, нужен солидный залог...

— Мне шестьдесят восемь лет, — сообщил прыщавый, мосластый Келен. — Йетта — моя жена. Я был на Острове и там потерял всё. И он продемонстрировал приятелям настоящие преимущества телепатии. Коты бы ему поаплодировали. Уже в следующее мгновение спутники Келена знали, что...

7.

Коренной еремаец, архивариус-учётчик рыб и монстров Запретных Вод, он проводил дни по колено в воде или в лодке, ночи — над пергаменами. Зарисовывал рыбы плавники, благородные профили угрей, переводил на человеческий изящные лимерики каракатиц. Твари Вод были его страстью до преклонных лет, делом всей жизни. В столице удалось заинтересовать исследованиями многих

коллег-рыбоведов. Написал две книжки о способах приручения морских ежей. И вдруг случилось чудо. Он влюбился. Как малёк безголовый, в совсем юную девочку. Хуго повезло в тот день встретить «пенную лошадь», легендарное полудемоническое создание, которое оппоненты в научных кругах считали выдумкой. Дивное существо выпрыгнуло из воды — сияющее, как свеча, видение. Промчалось галопом мимо, потопив ему лодку. Мокрый и совершенно счастливый, выбрался он, задыхаясь и хохоча, на берег, и увидел Йетту. Она ещё имени не назвала, а уже повисла на шее. Сиротку воспитывали дальние родственники-мельники, родители сгорели вместе с Лиодом. Семейство строгих правил стало запирать племянницу. Постепенно настроило против ухажёра соседей. Тут как раз случилась сапфировая чума, сожравшая сбережения горожан, да и сети приносили лишь утопленников. Беды за которыми неизбежно следовал поиск и наказание «виновных». Архивариуса объявили чернокнижником, не пускали ни в одну таверну, плевали вслед. Йетта сбегала от суровой тётки, чтобы с любимым мечтать о домике с садом в Амао или даже в столице, хотя дальше Невера не бывала. Вскоре известные особенности её самочувствия навели его, старого дурака, на мысль, которая, по хорошему-то, должна была посетить значительно раньше. В полном смятении он отправился в Лена Игел. Ему хотелось сперва напиться — а потом уж идти с повинной в семью мельников, умолять, добровольно вывалиться в смоле и перьях.

В «Слепой рыбе» оказалось слишком людно. Ноги понесли Келена

по ночному городу. Опомнился он в «Маяке». Там около полуночи уже почти не было посетителей. Но хозяин любезно предложил вина и партию в кости. Рыбовед согласился, и ему повезло. Сумасшедшая полоса удачи! Ещё и не рассвело, а у него в карманах оказалось достаточно плотвы, чтобы купить домик на берегу в Забуролесье. Там Йетта могла бы спокойно родить, и никто не задавал бы нехороших вопросов. Например: «Не тяжело ли дедушке держать внука?»

Хуго уже вставал из-за стола. Тогда хозяин, некий Родигер, предложил в качестве ставки отправить удачливого противника на Остров. И обратно.

Кто же отказывается от такого? Келен, как всякий учёный, искал путь на Остров, но не был уверен, что хочет попасть туда. В конце концов, никто из вернувшихся не рассказывал, что там хорошего. В голове у гостя трубили пьяные морские коньки, враги логических выводов. «Может быть, не всем стоит стремиться на Остров, — добродушно произнёс Родигер. — Но... Не пожалееете?»

Соглашусь или нет, пожалеею в любом случае, думал учёный. Но ловушка уже захлопнулась. От возможности узнать не отказываются.

Он отправился на Остров.

От путешествия у Келена не осталось никаких воспоминаний. Чары Острова сделали его ровесником возлюбленной. Точнее, он взял из сокровищницы молодости даже слишком много: Йетта могла

оказаться на год-другой старше. Келен стал лучшим колдуном, чем был. Жителям одного уютного домика за Бурым Лесом стоило только увидеть его у калитки, — и те сразу засобирались прочь. Через некоторое время память стала возвращаться — отрывками, бессмысленными клочками. Он узнал, что прежнее имя его — не Келен. Что в Еремае не знают, куда подевалась Йетта. И даже в доме мельников жили приезжие, неверцы.

Через кота он обратился к жрицам Храма Морской Змеи, принимающим роды и ведущим записи о семьях в Приводье. Нашлась запись о рождении младенца мужского пола, но обязательная пометка, в какой день роженица покинула Храм, отсутствовала. Значит, Йетта так и осталась в Храме. Превратилась в «морскую монашку» без прошлого, без воспоминаний.

Хуго сделал заказ мастеру Ю, стал ждать. Ошибка! Чем больше проходило времени, тем мизернее казался шанс разыскать прежнюю жизнь. Он нашёл свои книги в лавке Константа Понедельника, но ничего в них не понял. Учёт рыб казался ему теперь бессмысленным занятием. Ни силы не было в нём, ни величия. Имя автора на обложке — Фауст — звучало нелепо, по-старомирски. Он решил остаться Келеном. А Йетта...

— Не Йетта. Бретта.

Друзья переглянулись — и вышли, оставив двоих поговорить без помех.

Спускаясь по лестнице, погружённый в невесёлые мысли, Штиллер

позвал:

— Треан? Ты здесь?

— О! Приятно, что ты обо мне подумал, — слышался насмешливый голосок невидимки. На мгновение приподнялась шляпа-спрятка. Ключник успел заметить только весёлые глаза, кудряшки и спокойную улыбку. Рен обрадовался. Ему доводилось видеть девушку испуганной, печальной, рыдающей в приступе самоуничтожения. Или всецело поглощённой обожанием их наставника. Подводная Треан к той, прежней, не имела никакого отношения.

— Невидимость тебе к лицу, — ляпнул ключник, и сам ужаснулся тому, что сказал. Но наёмница лишь расхохоталась. Стайка пёстрых рыбёшек у её лица прыснула в разные стороны.

— Штиллер, злодея кусок, пора бы тебе прикупить галантности на Рыбном Базаре! Невидимая, но вполне осязаемая ладонь обхватила шею ключника — и сразу отпустила, прежде чем он успел вспомнить о таинственной удавке и слегка встревожиться.

— Я хотел сказать... Ты не прячешься... — пояснил он невидимке. И почувствовал себя полнейшим дураком.

— Вот именно, — наёмницу развеселили сомнения ключника. — Жалко, что мы раньше не встретились, я и Шляпа!

— Совет да любовь, — проворковала ехидная Зюсска.

— Девочкам полезна невидимость, — убеждённо заявила Треан, не обращая внимания на иронию.

— Чепуховина, — Зюсска самодовольно оглядела свой

продуманный наряд, подобрала подол и перекинула косички за плечи.

Из пустоты послышался вздох, гроздь пузырей устремилась вверх. — Иногда, время от времени! Наёмниц и так не слишком внимательно рассматривают, конечно: с гильдией не ссорятся даже идиоты. Но, даже если знаешь, что всякие скользкие типы из переулков не потащатся за тобой, всё равно получишь этакий взгляд пониже спины или прилетит вслед известное словечко на гномьем, которого бы лучше и не расслышать...

Девушки немножко поспорили о незаметности.

— Стащить котлетку с вилки у Короля! — предлагала Треан.

— Воровство и мелкие пакости, — отмахивалась вязальщица. —

Незаметно в чужом добре шариться... Уж больно картинка неприглядная, хоть её никто и не видит.

— Хорошо, а свобода? Не тратишь магию на пустяки вроде подцветки глаз, в шкафу всегда есть, что надеть. Но одежке тебя не встречают, а по скорости отлёта злодейских голов. И почесать, скажем, в носу по ходу представления — не проблема. Ребекка-трактирщица, я уверена, своё волшебство ни на что не променяла бы.

— Но сам-то от себя не отвернёшься! Я, знаешь, в лесу выросла, и дядьки-лесорубы совсем не в ночеградском бархате ходили, никто особенно ни к кому не присматривался. Но без штанов ни один не разгуливал, не пакостил, в сапоги червей без повода не совал.

— А ещё удобно, — не сдавалась Треан, — работать под носом у

чудовищ. Те чувят, бесятся, рычат, а поймать не могут.

Зюсска как раз добралась до «зала подношений» и остановилась: место показалось странно незнакомым. А ведь они перед тем, как подняться на чердак, рассмотрели здесь каждый угол.

— А поймать, значит, не могут... — повторила мастерица, явно думая о другом. — Здорово, конечно, но при чём тут именно девочки? Вот, чего я никак не пойму... И ещё одного. Куда мы забрели?

Здесь было совсем другое, нехорошее место. Серая, мутная вода, поросшие песчаником и ракушками стены. Мозаика пола распадалась, утрачивала узор, соскальзывала в глубокую подводную долину под панцирем скалы. А на дне, в полумраке сонно покачивалось в медленном потоке нечто плотное, далёкое, состоящее из множества колеблющихся фрагментов.

— Змея? — прошептал Штиллер.

— Скорее уж, черепаха, — слышалось выше и дальше. Треан поплыла смотреть.

— Или черепашьё семейство...

Вдруг тот же голос наёмницы раздался *из-за спины* Зюсски.

— О! Нет. Не пойдём туда, хорошо?

Поздно. Сильный, невесть откуда взявшийся поток, подобно ладони небрежной хозяйки, что сметает крошки со стола, снёс Штиллера и Зюсску с порога, закружил и повлёк по длинной дуге всё ближе к твари или причудливому подводному растению. Из

карманов посыпались гоблины: пищащие мочёные бублики, солонки, перечницы и глиняные кружечки. Тварюшки поражали своим конспираторскими талантами: безо всяких мистических шляп оставались незамеченными. И чем они издавали свои непереносимые вопли?! Гоблины быстро опередили неповоротливых в воде наёмников. Штиллер оторопело проводил взглядом монетку в полплотвы, которую проглотила шипастая полупрозрачная рыба. В желудке её волнообразно перекатывалась небольшая, но впечатляющая сокровищница: три «кости», кольцо с камнем и частично переваренный шушун.

Поток пронёс приятелей над загадочной массой. То, что казалось издалека гигантским морским монстром, представляло собой кучу оружия, сохранившего даже под водой свой блеск и остроту клинков. Ещё валялись там скелеты рыб, птиц, животных и рыбаков, лодки и сети. Что было спрятано или потеряно в Запретных Водах, нашло свой путь сюда, улеглось на кость и железо, обняло более древние находки, обросло ракушками да травой и уснуло чутким, тревожным сном. В глубокой таинственной дрёме чудовище росло, призывая к себе гоблинов-обитателей суши.

Вещи из трактира воспользовались наёмниками, как блохи, отправляющиеся на попутной крысе навестить родичей в соседнем городе. В гигантском подводном рое водились невообразимо древние гоблины, знакомые ещё с Вёллем Маленьким. Посещение этого места для оживших предметов было, вероятно, как для людей

— паломничество в Храм Морской Змеи. Или визит в «Книгу судьбы». Там тоже в обманчивом покое дремала старина.

Но через мгновение всякое сходство с мирным книжным кладбищем пропало. Десятки пустоглазых призраков тварей, что сдохли во славу Левиафана в последней Запретноводной Войне, поднялись с гигантской мусорной кучи, оскалившись или сжимая в кистях-плавниках короткие копья и ножи. Рен выхватил Сепаратор. Зюсска давно уже держала Слоновью Память — свой меч-полуторник — наизготовку. Рен нырнул под вращающийся клинок и отрубил противнику, меняющему цвет из белёсого в тёмно-коричневый, две из шести змееобразных ног. Шершавый плавник врага содрал ему изрядный кусок кожи под ухом. Соль обожгла свежую рану, заставила держать голову под неудобнейшим углом, а врагу потеря конечностей не доставляла неудобства. Более того, присмотревшись, ключник убедился, что все части у чудовища вновь на своих местах.

Тогда Рен, отчаянно молотя ногами по рогатому клюву монстра, бросил меч, мысленно попросив прощения у Горрина-оружейника. Ящер не ответил, что было совсем неплохо — Штиллер мог себе представить его ответ. Не теряя времени, Рен выудил из сумки нож-ключ Хоффхарда, нашёл поблизости подходящую подводную скалу. Зюсска удачно метнулась поближе: она только что зарубила двоих, но обнаружила, что и её замечательная сталь призрачным аксолотлям не вредит.

— Бесчестное фехтование! — упрекнул ключник ненавидящую морду чудовища, дёрнул Зюсску за рукав, и они провалились в раскрытую Штиллером дверь.

Задумывалось вернуться в зал со змеиными трофеями, но оба оказались в той же мутной, кишасей рыбами-оборотнями воде, только ближе к лестнице, по которой вошли. Твари, следящие за чужаками неподвижными тёмными глазницами, ринулись следом. В кое-каких пастях сидели клыки совершенно неправдоподобные, которые просто не поместились бы внутри, не пробив верхнюю челюсть хозяина. Ключник устало пожелал им сожрать самих себя и снова отворил дверь, втащив упирающуюся вязальщицу следом. «Вот откуда пришёл Отик!» — во внезапном озарении подумал Рен.

И оказался на вершине рукотворного свода. Чудовищный склад немёртвого мяса и злобной стали кишел над ними. Зюсска и Рен покинули Тупик Хоффхарда (несуществующее пространство между входом и выходом, термин из «ключниковой зауми») вниз головой. Зюсска сразу оценила преимущества нападения сверху, но даже в такой позиции твари оставались неуязвимыми для их атак. И тогда Штиллер раскрыл дверь в туше самого толстого ската.

Ключ Хоффхарда задумывался как оператор сути, не плоти. С его помощью умелый мастер мог выяснить намерения, убедиться в искренности, распознать скрытый мотив поступков врага или

компаньона. Штиллер был, наверное, первым, кто в отчаянии применил инструмент таким образом. Теперь нарушителя традиций ожидал специальный ключниковый ад.

Зюсска толкнула товарища в дверь.

И сама прыгнула следом.

8.

Бретта перестала жевать и прислушалась, закусив яблоко. Штиллер осторожно высвободил руку из-под её затылка и натянул одеяло до подбородка. Из приоткрытого окна тянуло сырым ветром с побережья. Над Лена Игел висели тяжёлые тучи, до краёв наполненные мокрым снегом, обещающим неосторожным, легко одетым горожанам затяжную лихорадку. Вдруг девушка подскочила и с яростным воплем метнула огрызок в окно. Послышался крик, шум падения, хохот и топот. Штиллер подскочил к окну, но уже никого не увидел: улица перед «Рыбой» опустела.

— Хамло, — с достоинством произнесла Бретта немного в нос, ныряя под одеяло. — Найду по шишке на лбу — и без какой-нибудь части тела оставлю. Позже решу, без какой. Возьми ещё одно одеяло и иди сюда, спать тебе осталось всего ничего. Я почитаю немного, раз тебе свет не мешает. Ах да! Теперь знаю, что ты имел в виду.

— А что я имел в виду? — Штиллер набросил на неё другое одеяло, точнее, старую шаль, позаимствованную у Ребекки на времена

холодов. И подоткнул со всех сторон, зевая и улыбаясь одновременно. Рен совсем не мёрз. Ему не раз намекали, что так проявляется чудовище в составе его души.

— О превращении короля в лягушку, — напомнила Бретта. — Когда глашатай объявил, а ты в толпе стоял, слушал.

— Ну да. Что же ты нового узнаешь?

— Убеждаешься, что отныне ты — не единственный обладатель секрета! — Бретта сердито потыкала пальцем в окно, где уже не маячила физиономия нахального собрата по гильдии. — И часто наши вонючки лезут к тебе в окно?

— Только если засиделись внизу за полночь, когда двери Дома Наёмников закрыты. Отмычки просят.

— А ты не давай... Да что ж так дует?! Запри окно поплотней. Ключник ты или кто?

Зюсскин скат состоял из плеска, движения и прохлады. В нём можно было отдохнуть. Даже возникла соблазнительная мысль никогда не покидать беззаботное, сытое и весёлое существо.

Особенно хороши были прыжки — не меньше, чем в три локтя над водой. Смертоносный воздух обжигал кожу, облака и лодки в отдалении представлялись искажёнными, размытыми.

Хлопок! — и появился Штиллер, улыбающийся до ушей.

— Порезался! — объявил он, гордый и счастливый, будто его только что короновали. — Представь, ключом Хоффхарда. Вот ещё один удар по самолюбию именитых теоретиков. Расскажу Смо — у

него мозги закипят и вытекут. Через левую ноздрю.

— Радуетя... — неодобрительно протянула сразу переставшая быть скатом Зюсска. — Зубодёра тебе навестить, что ли? Помогает вспомнить, что за поганка жизнь... А в дерево такой хитростью можно войти?

— Другим ключом, — сообщил Рен.

— А в другой ключ?

— Давай-ка выбираться отсюда.

9.

— У нас в Забуролесье, на берегу Длинной Бухты рассказывают сказку о чудовище, называемом «донник». Потерянное под водой отправляется в одно тайное место и там превращается в большую, страшную рыбу-донник. Если такая схватит, спастись можно, только если рассмешить её. Донник захохочет и выпустит добычу. Когда бригада по ярмаркам шаталась, мы с ребятнёй тамошней «в донника» играли. Было весело, пока одну подружку не утащил в воду... донник.

Штиллер испытующе посмотрел на Зюсску. Та серьёзно покивала и выпрыгнула из корзины трёх сестёр-вязальщиц, саботирующих собственную работу.

— Морскую Змею хотел найти, а не Отика, столетнего неудачника, — раздражённо прошептал Штиллер. — Что теперь скажем печальным сестрицам? Они ведь ожидают от нас ответов на все вопросы.

— Не много ли ты на себя взвалил, друг? — Зюсска глянула на ключника жалостно, с лёгким пренебрежением. — Бесплатно за дело взялся против правил наёмниковских. Даже не поторговался: мол, принесу разгадки — изготовите подвенечный наряд для принцессы. А золото драконово, награду-то, — себе в карман. Продешевил, Штиллер! Но ничего, ещё научишься мудрости купеческой, — Зюсска усмехнулась загадочно. — И Змея нам ни к чему, без неё ясно.

— Неужто?

— Ага. Сестричкам никогда не перестать заниматься ерундой. Они ведь лучшие из лучших. Зюсска дождалась, пока ключник кивнул, и продолжила:

— Люди глядят на их работу и думают: «Ух ты! Красотища! Лучше не бывает!» А мастерицы знают: можно ещё затейливей, ещё ярче сделать! И распускают. И вяжут заново. И опять. Тут прибавят, там убавят, узор сменяют и прочее. Возьтятся, а добиться, чтоб им самим нравилось — не могут.

— Что же делать? — неслышно произнёс Штиллер, глядя на монотонную работу проклятых.

Зюсска потянулась к нему обеими руками. В левой крючок, в правой — Слоновья Память:

— Уж не знаю, что этим бабенциям поможет, а я между делом подраться не прочь. Отложить клубок — и поохотиться на тварей обжорливых, буролесских. На рыб, всякое понятие о приличиях потерявших. Говорят, жизнь слишком короткая, чтобы стать

мастером многих ремёсел. Глупость да скарედность! Народ свою суть тратить не желает. Впрок бережёт. А зачем её хранить? В гроб положить, некромантам на забаву? Тебя возьми: ключник-наёмник. Не будешь ведь двести лет без толку перед закрытой дверью стоять, чтоб её открыть похитрее. Войдёшь, как получится, если тебя внутри дело ждёт.

— Но как же? Создавать несовершенные вещи?.. — растерянно возразила одна из сестёр. Три рукодельницы давно прислушивались к разговору. Ключник заметил, а Зюсска — нет. Впрочем, та ничуть не смутилась:

— Заканчивать, отдавать, браться за новое. Что, страшно? Знаю. Могут сказать: великая мастерица, а петлю упустила, узор кривой, нить не в тон. Да и завершать работу непросто. Думаешь, вот нитку выйму, и сразу Костлявая в дверь постучит.

— А не постучит?

Удивительное дело, но вязальщицы Полотна Судьбы боялись смерти.

— И пусть, — твёрдо ответила Зюсска. — Небось, не гномья холера, не страшная бабка Илем, не Фенна Больная Совесть. У всякой сказки бывает конец. А кто слушал, поумнел да и дальше рассказал — молодец.

Старшая мастерица вручила Зюсске крючок для вязания.

Некоторое время длилось очень эмоциональное молчание.

— Свой вам не подарю, — решительно заявила Зюсска, помотав косичками. — У меня сумка-ловушка полуготовая валяется из шёлковой тролльей соломки. Он к ней лучше подходит.

— Жадина! — очарованно воскликнула сестрёнка-сматывальщица пряжи. — Но тебе другие больше не понадобятся. Этот меняет форму, если им ткнуть в новый клубок.

— Не люблю класть всех шушунов в один карман.

Штиллер нерешительно потянул приятельницу за рукав. Та покосилась на ключника насмешливо и с гордостью.

— Матушкой можешь не звать, не обижусь, — милостиво промолвила она. — Сколько, говоришь, платит дракон за платье, за веночки-розочки?

Штиллер сообщил.

— Сколь...?! Хм, неплохо, я согласна, но с одним условием.

Столько же получит и матушка Розвитха, с благодарностями, — Зюсска с ехиднейшей гримасой погрозила в пространство чародейским крючком. — За то, что вырастила у себя в Гильдии Мастерниц такую за-ме-ча-тель-ную рукодельницу! Сможешь устроить?

— Ох ты ж, лещ-косорот, — ключник потёр переносицу. —

Спрошу Константа, у него точно есть книга о способах отъёма денег у драконов.

Хуго Келен приручил донника.

Тварь скакала вокруг бывшего рыбоведа, взбивая водовороты,

делала стойку, изнывала от потребности дать лапу. Увы, лапа никому не требовалась. Поразительно, что такое существо вообще получилось укротить.

Но ещё более Штиллера удивила Бретта.

— Я свободна, — довольным тоном поведала наёмница. — В разводе.

— Как?!

— Несколько обязательств пришлось на себя взять, но можно сказать, я легко отделалась. Душу не заложила: как уже сказано, не верю я в неё, — Бретта наморщила лоб, похоже, ещё раз подсчитывая неведомые прибыли и потери. — А ты решил, что мы с Отиком обменяемся кольцами и на тройке морских слонов укатим в закат?

— Простить не можешь?

— Что прощать? — она равнодушно оглянулась на чародея, играющего с чудовищем. — Дело прошлое. И он совсем не тот, из-за кого я чуть в воду не кинулась. Чужой и дикий какой-то, бешеный. Прав он был, когда в поезде предлагал вместе не работать. Лучше скажи: ты где Зюсску оставил?

Штиллер задумчиво поводил рукой в воздухе, будто протыкая насквозь маленьких шушунов.

— А, у проклятых мастериц! Да, им есть, о чём поболтать.

Надеюсь, она не собирается остаться им помочь?

— С проклятьем разобрались уже. Преодолеют, если захотят. А Зюсска потихоньку к выходу плывёт. Треан не вида... Не знаешь,

где она?

И вдруг он «увидел» Треан.

Огромный донник, гигантский подводный монстр «служил» не Отику, а невидимой хозяйке. Как ночеградский пёс: балансировал на хвосте, кружился, а Келен наблюдал одобрительно. Из пустой воды вылетел сухарик, подобранный в «Том же сне». И чудовище, воодушевлённо клацая клешнями, устремилось следом, накрыло крошечный кусок своей невообразимой массивной тушей, заглотило добычу. По воде разнеслись аплодисменты.

— Йетта, пора, — негромко позвал Отик.

Штиллер вздрогнул и обернулся к любимой. Но ответила чародею — Треан.

— Возьмём зверушку с собой? Она, наверное, и по суше бегать может. Как думаешь?

— Возьмём, конечно, — пообещал островитянин. — Научим.

Он оглянулся на Штиллера с Бреттой.

— Награду я, само собой, перешлю мастеру Ю. Спасибо.

— Да, собственно... — «не за что», хотел сказать Штиллер, но Бретта уколола его одним из лезвий «неотложной помощи», как она их сама называла, и Рен, дёрнувшись, кивнул.

— Ты уверена, Треан? — ужасная тревога заставила ключника задать этот глупый вопрос.

— О, да, — шепнула невидимка, когда он уже решил, что ответа не получит. — Я назовусь Йеттой Келен и уйду с удивительным волшебником, который любого может приручить. Мы, по сути, оба

невидимки. Ничем пока не прославились да и сами пока не понимаем, на что способны. Но погоди, про нас ещё станут рассказывать истории!

Ключник был убеждён, что так оно и будет. Но тягостное ощущение совершаемой ошибки не оставляло его. «Через двадцать лет мы встретимся, — странно подумал Рен, — по разные стороны осаждаемой крепостной стены».

— Может случиться, ключник, — признал островитянин, подзывая чудовище. Лохматому, нескладному Отику новая роль подходила, как упырю балетная пачка.

Он встретил неприязненный взгляд Штиллера и объяснил:

— Не желаю быть героем одного-единственного приключения. У моего отца в подвале хранилось с полсотни старомирских книг, я выучился их читать. Там была сказка про малыша, который отправился в дальний путь, чтобы уничтожить некий зловещий предмет. От успеха его миссии зависела судьба всего мира. На помощь пришли могущественные маги и легендарные воители, герои жертвовали собой, древние силы пробудились. Но в решающий момент, пройдя все испытания, малыш отказался выполнить поручение.

На этом месте я закрыл книгу и больше никогда не заглядывал в неё.

— У сказки имелся, наверняка, какой-нибудь скучный конец. Герой всё-таки уничтожил зло, принуждённый союзниками или под

угрозой смерти, — продолжил Отик. — Но я, ребёнок, не смог бы вынести столь ужасного финала! Никогда больше не позовут малыша вершить судьбы мира. Великие маги не пустят на свои советы. Останется писать мемуары, пить горькую и поучать молодёжь. Скорее всего, доброжелатели устроят ему несчастный случай, а остальным расскажут, дескать, удалился ваш друг в лучшие края. Жестокая штука концы сказок! — островитянин криво усмехнулся. — Потому я так рад видеть вас обоих вместе. Разыщите остальных, докажите, что старые истории не заканчиваются.

— То есть?.. — Штиллер перестал понимать.

— Фи-и-инн! Бицца-а-аро! — напомнила Бретта, завывая, как балаганная актриса и вспенивая воду драматическими жестами.

Донник пришёл в беспокойство, но Отик цыкнул на зверя, и монстр виновато свернул смазанные свежим ядом щупальца и когти.

— Биццаро, конечно, — согласился Рен, — я думал, про это старьё уже не болтают на базаре.

Призрачный смех Треан прозвенел в пустоте.

— То и дело вспоминают снова. Вам бы уже вчетвером выкинуть что-нибудь особенное, а то народ волнуется, что так ничего и не произойдёт. Пора! — и невидимая рука легла на галантно подставленный локоть островитянина.

— Треан, сестричка! — Бретта неопределённо помахала рукой. — Показывайся почаще. Не то позабудешь, как это делается.

10.

Матушка Розвитха властным жестом отодвинула страницу из Книги Полезных Дел. Штиллер и Бретта ждали, но могущественная старуха неторопливо ухватила дольку мелко нарезанного яблока и отправила в рот. Задумчиво пожевала и потянулась за другой.

Оценив, сколько времени потребуется на всё блюдечко, ключник вежливо, но твёрдо поинтересовался:

— Так вы поможете нам, уважаемая мастерица?

Глава гильдии прищурилась.

— Вернуть Ребекке способность быть видимой окружающим? Нет, за подобную глупость я даже браться не стану. Ларс сделал заказ, его почерк? Так и думала.

— Какая разница? — хмуро спросила Бретта, неожиданно цапнув кусочек яблока и явно провоцируя матушку. Стоящая за спиной мастерицы тётя Агнисса тихонько фыркнула.

Розвитха откинулась в кресле, вынула из-под бока клубок ниток, скептически, как на только что снесённое яйцо, поглядела на него.

Затем спрятала обратно.

— Ребекка стала невидимой в Михине, — высокомерно, в нос произнесла она. — Но это не значит, что именно здесь он лежит. Её... вид.

— Тут он или нет? — устало спросил Штиллер, уловив многозначность заявления вязальщицы.

— Молодой человек, не нужно меня за язык хватать, — обиделась старуха. — Не привыкла распространять слухи о тех, кто ко мне за

помощью приходит. Но, — после чудовищно долгого молчания добавила Розвитха, — совсем без совета отпускать вас тоже неудобно. Придётся рассказать вам сказку.

— Не обязательно, — быстро предложил Штиллер, раздумывая, не поискать ли видимый облик Ребекки где-нибудь ещё. Скажем, в Подземном мире или в Скорпилюдских ямках.

— Слушай внимательно, Арвидов сын, — потребовала мастерица. Наёмники притихли, и тогда им рассказали сказку. Точнее, еремайскую притчу под названием «Прабабушка».

Еремайе, как известно, город рыбацкий. Женщины там — ведьмы добрые, нежные, с подрастающим поколением строгие и традиции вековые уважающие. Всякий был бы счастлив жениться на еремайке, если бы не их короткая молодость. В 25 лет они уже перестарки. Если такая забеременеет, родит мёртвого трёхлапого вурдалачка. Заботливые мамы за дочерьми строго присматривают, от себя не отпускают, шестнадцатилеток замуж выдают. В одном семействе — не доглядели. Родила Уна по весне дочку. Семья отступилась, конечно, чтобы сестрам от злых языков не доставалось. Построила Уна на берегу домик из обломков лодок, скрепила нутряным чародейством и стала рыбу ловить. Подвесит дочь в платок на спину и стоит по колено в воде, леца за лецом тащит.

Почуяли дитя синявки-утопленницы: за ноги хватают, вглубь тянут. Не раз выскальзывала девчушка в воду, но мать её у лиходеек

отнимала. Разозлилась нечисть, давай сети да лески рвать! С лодки Уна рыбачит — кровь детскую учуют, дно пробьют, весь улов вынут. Соседи уговаривают дитя в Храм Морской Змеи передать, мол, там ребёнка в столице пристроят в услужение. Уна ревёт, отдавать дочь не хочет.

Вот идёт она однажды голодная и плачет. А навстречу старуха. Я твоя прабабушка, говорит, давай за ребёнком присмотрю. Денег не возьму, рыбки принесёшь — и ладно. Два условия только: засветло дочь забирай и у чужих не засиживайся.

Призадумалась Уна. Бабка древняя, чуть не рассыпается. А ну как уронит малышку? Но отважилась, оставила дочь. И дела на лад пошли. Заводь спокойная, водяной народ не безобразит. С таким уловом возвращалась, что всем на удивленье. Стала Уна позже и позже малышку забирать. Однажды в сумерках домой явилась — ни старухи, ни дочери.

Рыбачка к семейным побежала. Нет у тебя никакой прабабки, говорят. Давно умерла, на кладбище в Белых Холмах лежит. Уна — на кладбище. Видит: сидит кто-то на одной из могил. Большой, чёрный, согнутый, ветром его мотает, и в лунном свете тени у чудища нет. Подошла рыбачка тихонько: точно, прабабушка, только громадная, страшная, а на коленях у неё дитя спит.

— Не ешь правнучку свою, — просит Уна, — меня съешь, я ослушалась. Прости!

— Прощу, — отвечает покойница, — на первый раз. Будь внимательней, и никакой беды не случится.

Поутру явилась прабабушка в дом у воды, как ни в чём не бывало.

Подумала Уна: не голодать же! Стала сети на продажу плести, лодку новую купила. По осени на ярмарке встретила хорошего парня, михинского кузнеца. На закате оттолкнула его рыбачка, вырвалась. Быстро, словно злой наговор, полетела домой, на порог ступила, когда еремайки первые свечки в горницах зажигали.

— Светло! Ещё светло! — кричит, а прабабушка ей:

— Нарушишь слово — знаешь, что будет.

Наступила зима, зашла Уна сестёр проведать. Присела к огню, согрелась, но в окошко поглядывает, не темнеет ли. А родня ей: как мы тебя брали в дом, сиротку, не думали, что из тебя толк выйдет.

Но теперь видим. Молодец. Заходи ещё. Без мелкоты, конечно.

Поднялась Уна с замёрзшим сердцем, вышла из чужого дома, побрела тихонечко к себе. Избушка стоит пустая. Рыбачка в тоске на кладбище, там над холмами злые огоньки вьются, с ветвей вороны глядят. Глядь, вдалеке отворилась земля, кто-то в холодную тёмную могилу спрятался. Кинулась Уна вслед чудовищу, а оно накрылось промёрзлым дёрном, будто одеялом. Вздогнул могильный холм, как вздохнул, и стало тихо. Зарыдала рыбачка, стала землю царапать — не достать, не вернуть!

Вдруг слышит рядом голос прабабушки:

— Беда. То у чужих засидишься, то в сумерках придёшь. Сама обходись теперь, как знаешь.

Уна поднялась, носом шмыгнула, дочку выхватила.

— Спасибо, — говорит, — что зла не совершила и без наказания

отпускаешь.

— Наказания, — отвечает старуха, — тебе не избежать.

И правда. Выросла дочка в чужих людях. Не научилось дитя сберечь тепло материнское. Подросла, стала упрекать за своё детство одинокое. Потом сбежала в Лиод — и не навестит, весточки не пошлёт.

Приходит Уна на Белые Холмы, садится рядом с прабабушкой и молчит.

Знала, что будет.

— Думай, Арвидов сын! — подвела итог старуха, поднимаясь на ноги и протягивая Рену вырванную страницу с цеховым заданием. - Раз из Храма вернуться сумел, то и тут справишься.

Бретта задумчиво доедала яблоко.

— Ребекка, получается, при желании и сама может стать видимой.

И тогда станет заметно, что?.. — глаза у наёмницы стали большими, как у кота, обнаружившего угрожающе подкрадывающуюся мышь.

— Оставьте Ребекку в покое, — подвела итог Розвитха. — А Ларсу передайте: говорить надо с женой. Она хоть и невидимая, но не глухая.

11.

Зюсска, Штиллер и Бретта вышли к мосту, где их ожидал Страж. Огонь горел в его руке, не сжигая.

— Отпустите нас, дяденька-сторож, без всяких угадаек, — просила Зюсска с неотразимой улыбочкой. — Вам оно, имечко, и без того известно, а у нас свои есть!

Сторож ответил серьёзно и значительно.

— Когда я увидел вашу компанию, то сразу решил: никаких превращений в монстров, состязаний со ставками, погонь, доставки того, не знаю, чего. На сей раз всё будет гуманно, обыкновенное разгадывание имени.

Товарищи обменялись скептическими взглядами.

Смотритель указал им на другую сторону моста. Там тоже горел огонь и по воде разбегались тени. Четыре тени. Зюсска, Штиллер и Бретта вышли к мосту, где их ожидал Смотритель с пламенем в ладони.

— Если вам не удастся назвать меня по имени, тогда, — услышал Штиллер, прежде чем паника коснулась его горла ледяным мёртвым пальцем, — сможете посмотреть, что там. Под мостом.

— Догадаться вообще возможно? — спросила со злостью Бретта, взвешивая два лезвия на ладони. — Имён дикое множество.

Хотелось бы хоть какую подсказку получить. Может, оно... ну, скажем, троллье. Или рыбацье?

— Я уже подсказал, — насмешливо прищурился сторож. — Если кто-то и способен угадать моё имя, то вы.

Трое смотрели через мост, на неверный, дрожащий свет. Оттуда, с другой стороны, наблюдали встревоженные глаза.

— Мне приходит в голову ерунда всякая, вроде «Хуберт», — пожаловалась вполголоса Бретта.

— Мне даже Хуберта не приходит, — угрюмо доложила Зюсска, почёсывая мистическим крючком макушку.

«Мы способны угадать... нет, сообразить, как его зовут, — думал Штиллер. — Отец бы сразу понял. Ну, или не сразу, но догадался бы обязательно».

Арвид Штиллер обожал головоломки и вечно был занят неоткрывающимися старомирскими сундуками,кладами, что спрятаны легендарными безумцами, и сборкой игрушек, состоящих из сотен мелких похожих друг на друга фрагментов. У мастера-ключника было множество добровольных помощников — гоблины, шушунны, гномы-ювелиры, разнообразные бродяги, при появлении которых следовало немедленно убежать к себе и не выглядывать, пока гость не уйдёт. Отец никогда не рассказывал о том, что ищет путь на Остров. И вдруг Арвида нашли полумёртвым в собственной спальне: лёгкие полны воды, в карманах — чёрные камешки, не встречающиеся ни в Приводье, ни в Сухоземе. Мать к тому времени умерла, гоблины попрятались, Рен сидел у постели отца и не знал, что делать.

Следующей ночью утопился сосед. Прыгнул с рыбацкого причала в воду, даже с семьёй не простился. Туда же, на дно, ушли знакомые, друзья-одногодки, цеховые приятели отца — один за другим.

Рыбаки оставались по домам, детей не пускали на улицы. Жизнь в Михине замерла в страхе, источник которого всем был известен, но

никто не осмеливался назвать его вслух.

Кошмар кончился, когда Храм Змеи призвал Арвида-ключника. Самоубийства прекратились. Но и потом, многие месяцы спустя, рыбаки, когда ставили сети, встречали утонувших той страшной порой. Шептались о косяках странных человекообразных рыб, идущих прочь от берега. Невеста одного из утопленников пыталась заговорить с женихом, разглядела его под водой на Рыбном Базаре. Когда парень встал и руки протянул, девчонка сбежала, завывая от ужаса.

То был чужой, ужасный, одержимый неведомой злобной волей мертвец, рассказывала потом она.

«Сначала я думал, отец пытается вернуть маму, как делают некроманты («короли червей» называли их в Михине), но на свой лад. А потом испугался, что у него... получится. И, бывало, я, балбес сопливый, огонь в подвале разводил, чтоб весь ужас — говорящих кукол, чучела жуков, булавки в чёрных пятнах, зеркала и прочих гоблинов — пожечь и следа не оставить».

Он вспомнил — только на мгновение, прежде чем шушуны в голове хором заорали: нет-нет, о таком не вспоминать! — как плакал, стоя на коленях, купая в воде обожжённые ладони, которыми тушил им же самим устроенный пожар. И голос отца, ласково уговаривающий сделать ещё шаг-другой в глубину...

— Я думаю, — сказал Штиллер, — теперь ты зовёшь себя Морская

Змея. Хитростью или чародейством тебе удалось превозмочь силу морских монашек и завладеть их святынями. Храм затонул ото всей твоей грязи и безнадёжности. Зато тут, внизу, без помех можно раскрывать секреты здешних глубин и их обитателей. Убедить матушек-мастериц приносить чудесные вещи, приводить одряхлевших героев. Знаю, ты ушёл очень далеко, очень глубоко. Но огонь всё-таки загорается у тебя в ладонях. И нас всю дорогу хранила милость Морской Змеи. Это кажется мне хорошим знаком. Я рад ещё раз тебя увидеть, Арвид-ключник. Папа.

Вырванная страница

Исполнение желаний

Эва открыла глаза, увидела и заорала.

Собственный крик больно ударил в уши, расцарапал горло. Когда воздух в лёгких кончился, никто не пришёл, не спас, не увёл прочь, и проснуться тоже не получилось. Тогда полились слёзы. Эва вскочила на ноги, подбежала к тёмной скользкой стене и принялась ощупывать её, лихорадочно проверяя, возможно ли по ней вскарабкаться вверх.

Тут она заметила кровавые узоры на тыльной стороне ладоней и завывала от ужаса. Быстро ощупала себя, задрала юбку — нет, не ранена! Хорошо, хорошо. Значит, не сдохнет, значит, выберется отсюда. Подавляя панику, женщина огляделась.

Чёрный грубо отёсанный камень стен, уходящих высоко, в

недостижимое небо. Глиняное дно колодца, исцарапанное, в тёмных вонючих пятнах. Десяток шагов, чтобы пересечь яму посередине, бессмысленные знаки на высоте протянутой руки — и больше ничего. Эва прислушалась: наверху мерно стрекотали механические цикады, издали доносилось монотонное пение могильных червей. Значит, она всё ещё в Буролесье! Эва кричала, пока не сорвала голос, но никто не явился, даже чтобы полюбоваться на её безнадёжное положение. Ни один вурдалак не швырнул в яму комок крязи, вездесущий злоглаз не прошуршал по темнеющему воздуху над ловушкой.

Сжав кулаки, собрав своё могущество, ведьма попыталась вышвырнуть себя из колодца, вырубить ступени, сотворить верёвку, призвать помощника, сообщить мужу о своей злосчастной судьбе. Но что-то непонятное, равнодушное, внушающее беспредельный ужас, гасило любое заклинание, стирало слова с губ, глотало силу капля за каплей. Женщина присела на корточки у стены. Усталость и жажда победили. Она больше не кричала, не пыталась чародействовать, даже не плакала. Смутные воспоминания, похожие на выдумки, порождённые отчаяньем, плескались в высыхающих слезах под дрожащими веками.

Старомирский Савин — день, когда добрая тётка-осень становится остервеневшей каргой-стужей? Неужто здесь, в Буром Лесу, какие-то безумцы возродили древнюю традицию Дня Смерти?

Эва снова медленно поднялась, проклиная своё решение поискать в чаще дикие затаившиеся яблони или старые развалины, полные

непонятных вещей. Давным-давно тут жило много народу. Потом явился Лес и съел город. Теперь здесь были странные, чужие края. Только Подмостье оставалось безопасным для людей. Но у воды уже невозможно было обнаружить ничего вкусного, дорогого и занимательного.

Приходилось отваживаться в чащу, вопреки неодобрению родни. В лесу её схватили, разрисовали кровью и бросили в колодец незнакомые дикари, последователи забытого старомирского культа. Значит, некто явится, чтобы пожрать жертву. Почему же он не торопится? Или ей предстоит просто сдохнуть от жажды, предварительно свихнувшись от беспомощности?

Вряд ли. Слишком долгая, скучная смерть, чтобы сохраниться в ритуале через века. Возможно, она пропустила нечто важное.

И точно: после долгого ползанья в грязи, осмотра каждого камня, на закате женщина обнаружила, что почва в центре ямы легко поддается. Видимо, недавно была накинута и тщательно утрамбована. Так, чтобы жертва не заметила или не сразу обратила внимание. Холодея при мысли о том, что действует по плану безумцев, Эва стала копать.

На глубине полутора локтей она заметила, что из-под пальцев струится бледный, холодный свет. Спустя несколько ужасных часов, совершенно без сил, она полностью освободила то, что спрятали в колодце: деревянный ящик длиной примерно с обеденный стол, но довольно узкий. Сидящий во главе такого стола патриарх неизбежно утыкался бы локтями в тарелки жены и

старшего сына. Ожидая увидеть внутри некий проклятый клад, оружие или спящего некроманта, ведьма с мучительным усилием оторвала крышку — и захрипела, больше не в силах кричать. Безумцы положили в ящик кости. Едва заметно светящийся скелет. Зачем?!

— Савин, — прошептал череп, внезапно перевернувшись и упав на скуловую кость, так что пустые глазницы оказались направленными прямо на девушку. Та отодвинулась, нашаривая в темноте камень, чтобы отбиваться, если мёртвый встанет. Ей ещё не доводилось встречать «ходячую плоть», творения Гильдии Гробокопателей. Да и представить себе кости, способные передвигаться без скрепляющих жил и мышц, было трудно. Но вдруг?

— Зачем я здесь? — тихонько спросила она.

— Чтобы испытать страх и получить награду, — донёсся из ящика тот же шелестящий голос.

Ясно теперь, почему её могущество оказалось бессильным. Сама того не желая, Эва питала немёртвого своей жизнью, отчаянно пытаясь сбежать. Колдовать, выходит, нельзя: усилит чудовище, а её ослабит.

— Ладно, — Эва прокашлялась. — Я боюсь. Аж сейчас обмочусь от ужаса, — и это была, увы, совершенная правда. Особенно выматывала мысль о том, что трёхлетний сын Тимуш, возможно, будет расти без мамки. — Где моя награда?

— Исполнение последнего заветнейшего желания, — ответил

мертвец и захихикал сухим, неживым смехом. Звук его быстро затих, но ощущался болезненной вибрацией в кишках и в пересохшем горле у пойманной ведьмы.

— Хочу выбраться отсюда, — быстро произнесла она. Ничего не изменилось.

— Что не так? — спросила Эва. Руки у неё задрожали, а из глаз снова покатались злые слёзы.

— Последнее... заветнейшее... желание... — проскрипел покойник.

— Погоди, рассветёт, — пообещала она, всхлипывая, — меня искать пойдут, вытащат, мы веток в яму покидаем и подожжём! Сторишь к шушунам... — и добавила несколько слов, изумляясь, что способна произнести подобное вслух.

— Не рассветёт, — равнодушно возразили кости.

Она перестала обращать внимания на мертвеца. Изо всех угасающих сил принялась карабкаться по отвесным стенам.

Вытряхнула кости в грязь, влезла на ящик и убедилась: нет, не дотянуться, не выскочить! Вонючие трухлявые доски развалились, женщина упала на кости, разорвав себе кожу на боку. В ярости Эва вырвала из своего живота фалангу пальца с когтем, острым, как игла. И несколько минут тупо пялилась на вытекающую густую жидкость. Её собственную жизнь. Потом стало темно.

Когда она вновь приоткрыла глаза, череп лежал около её лица и глядел спокойно, выжидательно.

— Сына бы... — с третьей попытки получилось заговорить, — увидеть...

— Мама! — звонко крикнул позади знакомый голос, и женщина зажмурилась, заорала беззвучно, понимая, что сделала, что натворила. Потом попыталась обернуться, и сын обхватил её своими родными маленькими ручками.

— Мама... — плакал Тимуш, — мне страшно. Пусть не будет страшно!

И стало так.

Спустя мгновение в колодце больше некому было бояться.

Глава 7. Обещание дракона

1.

Дверь таверны «Старый маяк» отворилась. Стоящих на пороге выхватил из сумрака нездоровый жёлтый свет. В нём струи отвратительного дождя со снегом стали похожи на верёвки, опутывающие гостей, будто кукол-марионеток. Вода покрывала лица визитёров дрожащими масками. И всё же они были немедленно узнаны.

— Хм, это на самом деле ты.

Хозяин дома криво, как паралитик, улыбнулся, не раскрывая рта.

Но тут же вернул своему жуткому лицу выражение строгое, недовольное, какое имеют выпавшие из садка, забытые на пристани леши. И заявил, вещая прямо в сознание ключника:

— Признаюсь, я озадачен. Тебе всегда удавалось сбить меня с толку, Финн. Или слухи об амнезии правдивы? Нет, не куплюсь на

такой бред. Или думаешь, что после всего, что о твоих подвигах рассказывают, я размякну и предложу помощь? Ха! И эльфа зачем-то привёл...

Штиллер показал главе цеха некромантов несколько передних зубов, как делается вежливыми людьми.

— Лорд Родигер! Вы меня тоже удивили: открываете дверь сами. Не можете себе позволить привратника-шушуна? Извините, я совсем не то хотел сказать. Вы меня приглашали в гости: давно уже, в начале осени, помните? Сожалею, что раньше не воспользовался столь любезным предложением.

— Меня зовут Оаль, — сообщил с достоинством эльф.

Некромант помолчал, размышляя. Визитёры скромно мокли.

— Так, значит, поведём дела? — проскрипел, наконец, Родигер, подхватив длинным острым языком ускользящую по щеке мушиную личинку. — Что ж, я готов. Добро пожаловать, Финн...

Штиллер.

Рен вошёл, стряхивая с плаща тяжёлые холодные хлопья, задержался на мгновение, ожидая, что дверь с устрашающим грохотом лязгнет засовами за его спиной. Но ничего подобного не услышал. Лёгкий сквозняк из приоткрытого на ладонь входа ерошил ему волосы на затылке. Ключник кинул недоверчивый взгляд через плечо и сразу проклял своё любопытство.

— Два-один, — усмехнулся хозяин Маяка. — Мне тоже удалось вас удивить, уважаемый ключник. Но больше никаких сюрпризов.

Вы уйдёте отсюда, только если каким-нибудь немыслимым трюком

убедите меня, что не опасны. Иначе придётся задержаться. На сей раз я прослежу, чтобы никакая психованная ночеградка не увела вас в другой трактир.

— Да, ясно, — решительно отказавшись от имитации вдохов, отвечал обонятельно травмированный Рен. Он только что осознал, что некроманты и не пытаются что-то сделать с основной проблемой, своим несравненным «ароматом». Гробокопатели носили его с достоинством, как гвардейцы — королевское знамя.

Легендарный Светлый Дом, где во время войны с тёмным чародеем происходили советы объединённых сил Противостояния Архиврагу Биццаро, много лет назад утратил роль неприступного бастиона. Теперь тут был трактир, правда, не совсем обычный. Посетитель Старого Маяка попадал в просторный зал с выбеленными стенами и низким сводчатым потолком. Разнообразные кости и многочисленные черепа декорировали его. Но в чудовищной избыточности своей не создавали гнетущую атмосферу страха и безнадёжности, а казались подделкой, причудой безумного художника. Непонятно было, как на них смотреть: с отвращением или с интересом. Зловещая мозаика включала также хитиновые надкрылья, выбеленные раковины, позвонки рептилий и останки, обладателей которых вообразить не получалось.

— Элементы человеческих и нелюдских тел столь же распространены, как и камни, дерево и прочие материалы, — прокомментировал хозяин, неспешно следуя к центру круглого

зала, основания Маяка. — Зато кости, кожа и прочая роскошь исполнены смысла, вызывают эмоции по своей натуре. Их не обязательно покрывать узором, шлифовать или раскрашивать. Каждая сама по себе — уникат, легенда, драма, событие. Стать частью архитектурного шедевра — не лучше ли, чем пойти на корм червям? Ещё больше смысла было войти в состав другого живого организма. Но мы, к сожалению, не всегда успеваем помочь... Говорил некромант монотонно, безо всякого интереса к мнению собеседника. Желания спорить с ним не возникало. Нечто подсказывало: в подобной дискуссии живительной правде не родиться.

Тем вечером трактир оказался пуст, и ясно, почему. Погода не располагала к долгим прогулкам, а добраться до Маяка возможно было только, проблуждав по извитым переулкам Верхнего города через два кладбища, древнее и новое, яблоневый сад и окраины, не пользующиеся славой респектабельных и безопасных. К тому же большая часть жителей столицы отправилась в Амао, где накануне Последней Зимней Ночи Король и вампирка назначили свадьбу. Так что в глубоких тёмных нишах по стенам за массивными столами из морёного бука обнаруживались три или четыре неподвижные фигуры. Гости отличались редкой необщительностью: на приветствия не отвечали даже взмахом руки. Напротив каждого стояла пузатая бутылка или массивный кубок, но никто не прикасался к напитку, полностью погружённый в раздумья. Они могли быть и покойниками. Элементами декора.

Статуями из плоти. Штиллер поймал себя на мысли, что не хочет, чтобы один из них обернулся.

— У меня наверху побеседуем, — предложил Родигер, выбрав одну из узких лестниц и широким движением приглашая гостей вверх за собой. Трое неторопливо поднимались мимо закрытых дверей, мимо окон, куда заглядывала то ущербная Луна, то тёмная гавань, то кладбище, освещённое огнями десятков дрожащих на ветру свечей. Лорд Могильщик, опираясь левой рукой на перила, время от времени странно взмахивал ладонью, отгоняя тени. И Рен не видел, но понимал, что свита некроманта следует за ними.

Когда эльф принялся недовольно бормотать под нос о подъёмниках, которые вежливые люди строят для невысоких, пожилых посетителей, граф и гости вышли на узкий балкон, нависающий примерно в метрах двадцати над могилами. От непогоды его защищал деревянный навес. Родигер задвинул ставни, превратив балкон в уютную комнату.

И тут Рен понял, что уже бывал тут. В этой комнате он однажды умер.

— Что-то не так? — осведомился Родигер, заглядывая в лицо. — Воды? Покрепче чего-нибудь?

— Спасибо, я после вашего прошлого гостеприимства и сыт, и пьян, — не совсем понимая сам, что имеет в виду, отказался

Штиллер. И, кажется, ответил правильно.

Некромант сел у приставленного к стене длинного стола, которые в ходу у плотников и гробовщиков. Гости заняли табуретки,

предназначенные, вероятно, для шушунов-подмастерьев.

— Вы помните, — констатировал вслух граф, — значит, способны представить себе меру моего милосердия. Можно было обойтись с рыбаком Бартоломео иначе.

— Почему вы, собственно, граф? — стараясь не выглядеть обеспокоенным, поинтересовался ключник. — Выходцы из Старого Мира были равны по статусу и добровольно присягнули Королю как наиболее талантливому магу. Элмшский барон (я прочитал об этом) фамилию носил похожую, Бар-он, и шутник был изрядный. Дворянства, значит, никакого. Что же тогда за нелепый фольклор?

— И это я слышу от того, кто поселил эльфов в пустыне и позволяет звать себя богом!

— Финном! — возмущённо поправил Оаль, белый лучник.

— А что такое финн?

— Заботливый всемогущий.

— То есть, бог.

— Ну... в общем, да.

Ключник захохотал. Некромант и эльф смотрели внимательно и ждали, пока он не успокоился.

— И всё-таки? Что за граф такой? — в последний раз простонав и промокнув глаза от слёз, спросил Штиллер.

— «Grapho-» — пояснил Родигер. — Я был поначалу...

— ...составителем летописей, коллегой Понедельника?

— Архивариусом. Естественными науками я позже

заинтересовался, когда лекции Биццаро послушал... А Констант

был хронистом, вёл записи о Новом Мире, выкупал у бродяг путевые дневники, читал в Лиоде географию Приводья и троллью механику. Меня же интересовала сохранность старой культуры. Удалось воспроизвести по памяти античных философов, реконструировать шедевры классической литературы: поэзию, драматургию...

— Не ваш ли воспитанник чуть не свёл меня с ума кустарным Шекспиром?

— Театральный демон? Бедный... Йорик. Я приютил его в одной из могил там, внизу. Чудак так трогательно вспоминал о встрече в Лиоде! Знаете, в смысле стихосложения вам стоило бы ограничиться покупкой билетов на тролльи поезда.

Штиллер только рукой махнул, на смех сил пока не было. И заметил, что в ответ на резкое движение некромант показал блестящее остриё кинжала из раструба своего чёрного рукава. Родигер его боялся. Будто змея, ошибочно уверенная, что противник тоже ядовит. Увы, лишь до первого укуса.

— У вас невероятное количество приспешников и доброжелателей. Нехарактерно для злого чародея, — задумчиво продолжил граф. — Кстати, кто вам посоветовал обратиться за информацией именно ко мне?

— Морская Змея, — не солгал ключник.

— Неужто? Ваш отец по-прежнему неутомим в деле уничтожения потомства и близких. Он и сам мог бы рассказать немало. Арвид многое узнал от своих обожаемых гоблинов.

— Гоблины — дезинформаторы по природе своей, — возразил ключник, щелчком сбрасывая со стола вилку, которой там прежде не лежало. — Продувной народец. Одушевлённая удавка, например, преданно станет служить своей хозяйке и последует за ней в огонь...

— ...и в воду, — нарочито невинным тоном продолжил Родигер.

— Но такая дружба требует даров с обеих сторон, вот, что я хочу сказать. Часто неравноценных. Лучше иметь дело с мыслящими существами, им не чуждо понятие совести.

— Биццаро, не произноси в моём присутствии слово «совесть», — потемнев лицом, потребовал некромант, — не то потеряю терпение.

Помни: я умею убивать таких, как ты. В обратном — не уверен.

— Моё имя — Штиллер, — напомнил Рен. — Смотрите, начну называть на «ты», требовать выставить пиво за пари, проигранное

триста лет назад. Ладно! Раз уж мы заговорили о начальной поре

Новомира: почему именно мне досталась роль Злого Чародея?

Человеку деловому, начитанному понятно, что такое занятие обречено на банкротство! Чем мне заплатили за подобных размеров глупость?

— Ты сам предложил, — ехидно сообщил некромант.

— Серьёзно?! Где же были мои приспешники, все доброжелатели с пинками, наставляющими на путь истинный?

— Они не верили в то, что ты способен совершать ошибки.

— А дальше? — ключник вспомнил о присутствии эльфа и решил, что не сменить тему было бы бестактно и жестоко. — Я воздвиг на

самой неплодородной территории крепость из чёрных камней и свежего вороньего помёта, послал войска оккупировать земли соседей, а сам принялся гнусно хохотать, поедая живых шушунят? — Мы уговаривали именно так и делать, — бледно ухмыльнулся Родигер. — Безотказная, зарекомендовавшая себя эстетика. Тогда тебя бы не пришлось так долго и жутко убивать. Хватило бы ссылки на Остров. Мог бы спокойно заниматься любимой наукой и навещать Приводье инкогнито. Наши при необходимости ликвидировали бы «тайных адептов Биццаро» и пугали тобой детишек. А ты то ли заигрался, то ли вошёл во вкус. И стал настоящим злодеем.

2.

«...понятным языком, что такое шушун?»

— Представьте его посредником в контакте с микро- и даже субмикроскопическим миром. Своего рода переводчиком на молекулярный, на биохимический язык. Разве вам на другой день после вечерней неводержанности не хотелось бы извиниться перед собственной печенью?

— А если серьёзно?

— Я почти и не шучу. Шушун — новое поколение биологических роботов, программируемый, постоянно совершенствующийся молекулярный комплекс. Регенерирующий, способный производить функциональных помощников. Ему известны наши варианты нормы, константы гомеостаза человеческого организма,

самые разнообразные аспекты. Изначально шушун восстанавливает статус кво. Но при необходимости... или даже при желании можно отдать шушуну любой приказ. Он будет переведён на язык гормонов и клеточных структур, проверен на безопасность. Если противопоказаний нет, приказ будет выполнен.

— То есть, чисто теоретически...

— Пределов нет. Приходится учитывать требования социума, конечно. Эстетические нормы и прочие очевидные ограничения. Приказать вылечить рак доступно и легитимно. Инициировать превращение в опасное чудовище со здоровым прикусом...

Подобная терапия была бы возможной, но незаконной.

— Очевидно, использование шушунов сопряжено со множеством проблем. Например, если я правильно понимаю, нам придётся глотать шушунов? И жить с паразитами внутри? Не очень приятная перспектива. Придумаете каких-нибудь антишушунов для нейтрализации?

— Зато больше не нужен врач-диагност, не требуется рентген и другие инструментальные исследования. Шушун сообщит о том, что в вашем организме не в порядке. Он выключит рост опухоли, вырастит здоровый зуб, предварительно вежливо потребовав от дырявого покинуть лунку. Подобное верно по отношению к любому другому органу. Даже к тому, которого нет, но мы не отказались бы его иметь. Вам не нужно разбираться в медицине: шушун сам сравнивает обнаруженную патологию с заложенной в нём информацией о норме, делает выводы, вносит коррективы.

Позитивный момент заключается и в том, что он не принимает самостоятельных решений. Это ваш слуга вроде робота-пылесоса, только поменьше, конечно.

— Наши читатели интересуются ещё: возможно ли избавиться от «внутренних шушунов», если уже проглотил? И безопасно ли давать их детям?

— Первую порцию шушунов требуется инъецировать внутривенно: сложные высокомолекулярные системы в желудке не всасываются. Но потом научатся, конечно, и тогда — да, вы будете глотать шушунов. По истечению жизненного срока те распадаются, связываются энзимами печени, выводятся почками: обычный фармакодинамический процесс. Тогда следует принять новую капсулу с шушунами. Как часто? Зависит от того, насколько интенсивно вы расходуете их. Что же касается детей... Вам действительно хочется, чтобы те бесконтрольно изменяли собственные тела? Поставьте макрошушуну-«переводчику» фильтр «18+», и никакой самодеятельности. Не хотите давать их детям — не надо. В организме присутствует множество аналогов составных частей шушунов, протеинов для их постройки. У детей их больше, чем у взрослых из-за преобладания анаболических процессов. Так что прививки шушунов детям не нужны. «Переводчик» сможет манипулировать тем, что есть.

— Чудовищно!

— Почему? Никакой скарлатины, никакой лейкемии.

— Только шушуны! Что за странное, ненаучное слово, кстати?

— А как бы вы назвали персонального домового своего тела?

— Номен эст омен? Слово «шушун» должно, по-видимому, убеждать в безопасности вашего изобретения. А оно в самом деле безопасно?

— Насколько сам человек таков, не более, но и не менее. «Бунт машин» физиологически исключён: весь «мыслительный процесс» шушуна алгоритмизирован, у него отсутствуют структуры, ответственные за принятие решений. Если нам таковые хирургически экстрагировать, мы тоже будем, не сомневаясь, выполнять приказы.

— Страшные вещи вы говорите. Но своих первых шушунов-посредников вы же не таким способом получили, нет?

— Иначе. Не то я был бы злодей. Тогда бы шушунов стоило бы, наверное, даже запретить.

— Странно, что вы иронизируете. Ведь их уже запретили в нашей стране и в большинстве стран Европы. Скоро, несомненно, последует аналогичное решение остальных государств. И неудивительно: людям не нравится, когда в их жизнь напрямую вмещиваются другие мыслящие креатуры, пусть даже послушные. Борис Францевич, планируете ли вы работать дальше над вашим проектом? Стало известно, что вам сделала некое предложение кафедра биохимии в Сеуле...

— Я предпочёл бы продолжить исследования на родине. Теперь мне уже не нужна финансовая поддержка, исключительно добровольцы для тестов. Шушунов отобрать невозможно в

принципе, захотят конфисковать — убедятся. Нет, они не будут рвать глотки агентам спецслужб, как герои второсортного хоррора! — Ничего я такого...

— Но подумали, было у вас такое выражение. Готовые продукты специфичны, как трансплантат, из частей их постороннему не собрать. Я думаю, что шушунам необходимо предоставить больше автономности, расширить программу воспроизведения себе подобных, восстановления вне организма хозяина специфической молекулярной структуры, поиска ресурсов энергии. Источник личной магии — вот вполне исчерпывающее и ничуть не преувеличенное определение того, что я создал. Именно! Полагаю, что вскоре откроются новые возможности использования...».

Текст завершался примечанием: «Отослал по Вашей просьбе Б.Ф., требуется переписать. Масса неточностей, функция шушуна описана таким образом, чтобы вызвать панику и массовую истерию».

— Последнее, — сказал Родигер и аккуратно постучал пальцем в перчатке рядом с куском тонкого жёлтого пергамента, судя по виду, невообразимо старого. — Можешь что-нибудь объяснить? Нет? Признаюсь, я немного понимаю в словах, записанных твоим собеседником. Много лет прошло, Борис Францевич, все мы забываем, не только те, кто пережил собственную смерть. Ясно, что в те времена Финн Биццаро злодеем не был. Он заботился о людях, понимал их заботы и тревоги. Позже, когда мы столкнулись здесь, в

Приводье, тебя такие вещи больше не интересовали.

Некромант протянул руку, и Штиллер, борясь с головокружением и тошнотой, вынул из подмышки и вернул некроманту небольшого плоского шушуна.

— Благодарю, что позволил проверить твою искренность. В ответ я, разумеется, помогу найти то, за чем ты пришёл. Ищешь способ попасть на Остров?

— Нет, — ответил ключник, — другое.

— Вот теперь разговор становится интересным, — некромант и не пытался скрыть замешательство. — А что тогда? Признаюсь, я уже некоторое время пытаюсь тебя... — Родигер поводил пальцем около виска. — Иммунитет к скополамину? И даже к...

— Ключ Фёта, — объяснил Штиллер, — больше ничего.

— У меня есть отличный томографический шлем, — предложил некромант тоскливо и сам не веря в согласие «пациента», — усовершенствованный, никаких затрат личной магии.

— Как-нибудь в другой раз, — твёрдо возразил Штиллер. — Раз уж мы перешли на «ты» и отбросили официальности, так будь добр, старый приятель, расскажи о моих бесчинствах в начальную пору, а также о том, как умер злой волшебник Финн Биццаро.

— «Узнаете правду, и правда вас освободит» — процитировал граф, сминая себе кожу на виске.

— Ух ты! Кто это сказал?

— Прадедушка тёти Хоси из Еремае... Так и быть, расскажу, что могу, — после недолгого раздумья решил Родигер. — Только

убери, будь так любезен, свой ключ Фёта. Мне артикулировать непросто, отвык.

Штиллер отвернулся и взялся за ключ, но в последний момент сдвинул его лишь наполовину. Так информация не будет воспринята как абсолютная истина. Довольно с него кошачьих фокусов, дырявых воспоминаний, заполненных иллюзиями!

Эльф с благоговением наблюдал, как бог читает непосредственно в сердце дьявола. Очень хотелось узнать, что там внутри. И записать, конечно. Уже услышанного хватит на два-три увесистых фолианта, не считая толкований мудрецов различных школ.

Лорд Некромант поведал следующее.

Примерно в те времена, когда оживающие предметы перестали вызывать панику и начали именоваться гоблинами, а мудрецы заспорили, добрые эти штуки или злые, правильно их пробуждать или нет, за Оомеком построили крепость. Точнее, загородный дом в забавном псевдостаромирском стиле, сооружённый под руководством хозяина, не слишком понимающего в викторианской архитектуре. Были там, разумеется, тайные ходы, замаскированные в стенах, вышитые портреты с прозрачными глазами, инкунабулы, указывающие путь в лабиринте коридоров, духи-рассказчики страшных сказок и прочие интересные вещи.

Хозяин дома занимался созданием чудовищ из людей. Со всех концов новорождённого мира являлся к нему народ за волшебными переменами в жизни. Одних делали несчастными их слабости,

других — надвигающаяся старость. Кто-то, как дитя, мечтал летать или дышать под водой. Был безответно влюблён. Стремился к власти.

Проситель получал тот вид могущества, к которому стремился. Взамен чародей требовал камней и раковин со дна Запретных Вод, рассказов о драгоценностях земных недр, о том, как движутся Луна и Солнце, как выглядит Приводье с высоты драконьего полёта. Говорили, волшебник питается знанием или черпает в нём свою несметную силу.

Некий одержимый охотник, не взявший с собой из гибнущего Старомира ничего, кроме сотни собак, получил целое королевство. На его территорию, созданную в спешке и кое-как, никогда не заглядывало Солнце. Сумрачный удел нарекли Город Ночь, а следовало — Город Тень. Жители антистолицы потребовали более пафосного варианта. Состоялось, будто бы, даже голосование, окончившееся безобразной дракой. Творец усмехался в белую маску, которую забывал снимать, даже выходя из лаборатории. И возвращался к работе.

Буролесье наполнилось преображённым зверьём, настолько опасным, что оттуда сбежали даже разбойники. Тени и демоны бродили по полям, подстерегали на перекрёстках.

Путешественники обзавелись серебряными мечами, выучили изгоняющие заклинания, накупили оберегов. Мастер-чародей работал без усталости, умножая число тварей и монстров, словно ожидая неведомой награды.

Преображение требовало огромных затрат личной магии.

Расплачивался ею, разумеется, заказчик. Чем ужасней проявляли себя чудовища, тем быстрее они гибли. Не требовался даже профессиональный охотник, достаточно было просто подождать.

После очередного кровавого пира зубастая тварь ложилась и замирала, задрав когти к небесам. Жизненная сила покидала её. Даже принять человеческий облик уже не получалось.

Одной могущественной ведьме с легендарными причудами в любви после очередной необдуманной метаморфозы пришлось навсегда остаться городом. Сам король поселился в ней. Те, кто был лично знаком с покойницей, находил ситуацию немного забавной, весьма зловещей, но в чём-то закономерной.

Ужасный и внезапный конец могущественных магов не мог остаться незамеченным. У хозяина замка под Оомеком появились враги. Кое-кто умолял забрать назад крылья и клыки, а на возражения и демонстрацию собственной кровавой подписи рычал и бросался на горло. «Надолго ли могущество со мной?» — беспокоился каждый могильный буролесский червь, задумчиво пережёвывая чей-нибудь ночной кошмар. А главное: «Почему сам Финн Биццаро не заканчивается?»

Спрашивали злодея. Как и ожидалось, без толку.

Правитель Города Ночь и мастер Ю, тренер молодых охотников на лесных чудовищ, созвали первый Королевский Совет. Король был не против такого названия, хотя поначалу просто звал в гости, угощал еремайскими сладостями, строил планы набора хорошо

обученной гвардии, чтоб навела порядок в Приводье. Это породило идею заставить Биццаро интенсивнее использовать его личную магию. Для чего же, как не для защиты своего дома?

Войной последующие события не называли никогда. Решено было, что в новом мире никаких безумств прошлого не случится.

Пограничные конфликты, разбой на дорогах — куда ни шло. Но в силу смешных размеров пригодной для жизни территории любая многолюдная стычка неизбежно принимала международное значение!

Войско, почти полностью состоящее из должников чародея, атаковало замок под Оомеком. Убежище Биццаро именовалось как-то забавно, кстати. Нет, не «Дом Ашеров». В честь какого-то старомирского хитреца и мятежника. Но не Робеспьер же?.. Боден? Ленин? Господин Понедельник точно вспомнил бы. Неважно: в считанные минуты здание лежало в руинах.

Родигер участия в инциденте не принимал. Он как раз прикупил участок земли на холме, который служил местом захоронения первопоселенцев. Их останки содержали важную некротайну. Граф сделал всё, чтобы при рассказе скрыть её, а ключнику было не особенно интересно.

Очевидцы рассказали, что Биццаро не стал демонстрировать могущество. Даже не облаял штурмовиков в рупор из бункера. Злой волшебник признал себя побеждённым, раздал библиотеку, амулеты и шушунов, а сам на некоторое время исчез со сцены.

Подоомекскую область превентивно заболотили. Беглые чудовища отступили и затаились в Буролесье.

Годы спустя Биццаро появился в Университете, чтобы читать математику с новомирской физикой и вскоре стал неформальным управителем Лиода. Ректор, звавший себя лучшим другом Финна, первым поднял тревогу, когда его невеста Марион...

Легче поверить в бессмертие плоти, чем в исполнение женских клятв. С тех пор, как Родигер отказался от гнусной ярмарочной торговли взаимными обязательствами и умер, ему стало проще с женщинами.

Получив это сообщение, Штиллер понял, что его не собираются оставлять в живых.

...Лиод сожгли, конечно. Гвардии не пришлось вмешиваться: всё сделали сами студенты, за спиритуальными опытами которых прекратили наблюдать профессора. Учёность стала вызывать подозрение, грамотного могли в сумерках утянуть в Подмостье. Солидные семьи отдавали детей в ремесло, не к учителю. Новомир менялся, нравилось старикам или нет. Народ тратил личное могущество бережно. И на самое важное: здоровье, комфорт, благополучие в семье. Биццаро не преследовали, даже пригласили в Светлый Дом. Там он выболтал несколько тайн преображенцев. Позже, правда, тайны оказались фальшивыми, а ловушки, вроде последней картины Марион, — настоящими.

Финальное сражение произошло в Городе Ночь. Победила злодея Фенна, самая неприметная из ведьм Королевского Совета. Она не возводила дворцов из собственных сновидений, не организовывала призовых боёв вурдалаков с крылатыми ящерами, не творила разумных существ по своему образу и подобию, не превращалась в морскую демоницу, чтобы испытать невообразимые ощущения, доступные волшебному телу. Фенне удавалось время от времени точно предсказывать погоду. Родиной ведьмы был Элмш. Так что рыбаки, покупавшие прогнозы, неверно представляли себе в данной сделке причинно-следственные связи. Тем, кто называл прорицание надувательством, ясновидящая хладнокровно отвечала следующее: «Ожидаемые события происходят чаще неожиданных, не правда ли? Выходит, предполагать значит предопределять».

Особенно дотошным ведьма доказывала научность ясновидения, то есть подсчёта вероятностей, математическими методами. И получала такие устрашающие числа, что большинство сдавалось и развязывало кошельки. Фенна всегда называла себя ученицей Биццаро. И была уверена, что неуязвима.

В самом деле, расправляются с неверными возлюбленными, блудными детьми, со старыми друзьями, совершившими предательство. Но не с учениками. Те по определению не предают, а лишь заблуждаются, совершают ошибки. Убить ученика означало бы расписаться в несостоятельности и бессмысленности собственной жизни.

Злодей сделал пророчице довольно-таки нетривиальное предложение: стать его целительницей. Какого рода недомогание необходимо было излечить, некромант не знал. И даже немного обижался, что Финн обратился не к нему.

По окончании терапии пациент скончался: исход неоптимальный, но исключающий дальнейшие страдания. Пока Фенна принимала снисходительные поздравления коллег, Родигер решил проверить информацию. У некроманта уже тогда имелся доступ к своего рода «архиву мёртвых», содержащему сведения о потерянных комбинациях нуклеиновых кислот.

Тут некромант стал особенно непонятен для ключника.

Родигер узнал, что пророчица солгала.

Биццаро всё ещё присутствовал в виде живой воспроизводящейся материи.

Народ кинулся искать рецепт неограниченного могущества.

Руководства к действию для слуг и приспешников «покойник»

Биццаро не оставил: ничего, кроме пары сонетов и десятка недописанных сказок. На допросе в Светлом Доме Фенна напрооричила, что творец чудовищ вернётся. Инкогнито. Но старым товарищам легко будет распознать его. С их помощью Финн вернёт себе доступ к собственным секретам и в награду научит, наконец, балансу личного могущества.

Светлый Совет оказался перед дилеммой. Саботировать план Биццаро или, наоборот, поддержать, оказавшись в числе «старых друзей»?

День пророчества стал днём последнего Совета на Маяке. Граф Родигер объявил, что ренегатов он у себя дома видеть не желает. Когда были установлены личности всех четверых Биццаро, Король ещё несколько раз звал в гости, угощал, отдавая предпочтение легендарной «французской кухне»: подавали киш и белое еремайское. Помолвка с ночеградской династией вампиров — вот единственное достойное упоминания решение последних времён. Никто так и не взялся за дело Биццаро всерьёз.

Каждый к тому времени уже нашёл собственный способ замедлять растрату личного могущества. Один жрал своих подданных, другой — нерастраченное могущество преждевременно умерших, третий заставлял других колдовать за себя, за четвёртого трудились преданные растения или одушевлённые предметы. Однако ясно было, что приговор лишь отложен, не отменён. Источник могущества рано или поздно иссякнет.

Внезапно. Бесповоротно.

Мудрецы наблюдали за четвёркой и ждали. Чего? Знака, что Биццарро «выздоровел» после смерти и готов раздавать могущество проверенным, надёжным людям? Умным, предусмотрительным. Чтобы взмах крыла преображённой бабочки не уничтожил мир.

— Для меня вопрос таким образом не стоял, — произнёс Родигер вслух.

Задремавший на табуреточке эльф от неожиданности вздрогнул и чуть не пошёл в атаку за обожаемого финна. Но вовремя опомнился, смутился и пылающими ушами стал слушать врага.

— Я многое повидал и верю в чудеса. Если мне под окошко придёт морской верблюд, мы споём дуэтом. Но в превращение могущественных самовлюблённых мерзавцев в скромных законопослушных граждан превышает способности моего воображения. Потому решил сразу избавляться от всех биццаро, которых судьба пошлёт на мой порог. Приступим! Время к полуночи, а нам, старикам, вредно бодрствовать до рассвета.

Тут некромант заметил в руке гостя лезвие стилета. Да и молчаливый эльф скалился в лицо некроманту, направляя туда же небольшой самострел. Родигер выпрямился, довольный, получив недостающее доказательство собственной правоты.

— Всё-таки убить меня пришёл! — воскликнул он.

— Безобразие, — совсем не кровожадно посетовал ключник в ответ. — Нам, негодьям, получается, даже жизнь свою защищать не положено?

Некромант усмехнулся на свой пугающий манер — приоткрыв мёртвый рот, а котором что-то неуловимо шевелилось.

— Как ты с Горрином помирился — вот загадка. Крылья он тебе простил, получается. Мне никогда не прощали...

Родигер пожал плечами и встал, сбрасывая плащ с костлявых плеч.

— Позавидуешь вам, злым волшебникам. От нас, порядочных людей, ожидают исключительно добрых, справедливых поступков на пользу человечеству. А вам можно делать, что угодно... Сразись со мной, Биццаро! Ты всегда находил способ отвертеться, избежать честного поединка, дожидался, пока жертва сама себя освежает и прыгнет в огонь. На сей раз тебе придётся драться. И сдохнуть, наконец.

Некромант уже не был похож на почтенного пожилого учёного, поражённого неведомым недугом. Перед ключником стояло в безукоризненной стойке опытного фехтовальщика существо фанатичное, быстрое и беспощадное.

— Бред какой, — ни на что не надеясь, выговорил Штиллер, неловко парируя, получив царапину на запястье и чуть не выронив нож. — Нормально же сидели, разговаривали, колдовали, как люди.

Было ли лезвие смазано ядом, который заставляет чёрных ночеградских кур-оборотней валиться с Зубастой Башни с выражением печальной иронии, которое сохранялось на их носатых физиономиях даже после жарки на вертеле? Или ключник в самом деле безобразно мало фехтовал в последнее время? Насмешки над земляками-четвероногами вдруг показались гораздо менее справедливыми.

Родигер был несоизмеримо старше — и мёртв к тому же. Но сразу,

отказавшись от разведки, молниеносно оттеснил противника в угол. Эльф утыкал некроманту поясницу арбалетными болтами: смотрелось, вероятно, гротескно и жутко. Штиллер мог себе представить, но не полюбоваться: его внимание полностью занимала защита. Взамен потерянного Сепаратора ящер вооружил Рена стилетом с личной драмой. Оружие выковали изначально как гоблина-убийцу, а потом разрушили ему дух, превратив в бессловесный кусок стали, пьющий кровь до полного бесчувствия. В умелой руке он наверняка был бесподобен. Однако некромант навязал ключнику такую дистанцию, на которой любая ошибка решала ход поединка. Опередить его казалось невозможным. Родигер всё время менял направление, темп, сбивал с толку незавершёнными атаками, создавая у противника ощущение надвигающейся катастрофы. Широким, не слишком прицельным движением Штиллер достал некроманта, глубоко порезав ему щёку. Рана приоткрылась сухой чёрной щелью, как второй рот. Воодушевлённый таким успехом, Рен на секунду открылся, опустив руку с ножом...

— Попробую стать чем-нибудь полезным, — услышал ключник голос эльфа. «Что?» — подумал Штиллер, пытаюсь понять, почему всё погрузилось во мрак.

И обнаружил, что лежит в свежевыкопанной могиле. Смрад ударил под дых. Руки освободить не получалось: очевидно, они были связаны за спиной. Ключник изогнулся на бок, и его вырвало. — Стоило оно того? — флегматично уточнил некромант сверху,

понимая лопату и бросая землю пленнику на грудь. — Имело смысл затевать весь этот фарс? Знание — яд, Биццаро. Но травить так травить! Слушай, что будет дальше. Я решил законсервировать тебя до тех времён, пока у нас не созреет решение твоей проблемы. А то воссоединитесь — и за прежнее... Кстати, дело немыслимое, как специалист тебе говорю! Только ленивый из нас, биохимиков, не пытался слепить химеру, одну тварь из двух разных. А тебя четверо. Сутки даю такой креатуре, не больше. Затем отторжение, септический шок, синдром внутрисосудистого... ах, меня уже ничто не удивляет. Стероидами хоть обколитесь... Чародеи малограмотные.

Выплёвывая презрительно одну непонятную мысль за другой, Родигер споро, привычными движениями засыпал яму землёй. Штиллер не отвечал. Он перестал уворачиваться от комков грязи, летящих в лицо, и замер. Вместо мыслей голову наполнял горячий кисель ярости и отвращения.

Эльф пропал. Хотелось верить, что тот сейчас летит, рыдая от самоуничтожения, на грифоне домой, в Сухозем. А не превратился в один из экспонатов Дома на Маяке.

Штиллер понял, что теперь, даже если освободятся руки, он не сможет выбраться из-под тяжёлого одеяла почвы, грязи и червей, воздвигнутого над ним. Омерзение жгло, пульсируя в каждом миллиметре кожи, как кислота. Рен уже не думал о спасении: сухие чистые доски или уютное полотно савана примирили бы ключника с судьбой. Невнятный голос некроманта, бессмысленные угрозы

доносились некоторое время сквозь чёрную пелену. Наконец, Штиллер перестал их слышать. Шло время. Смерть не наступала.

До рассвета Родигер не мог уснуть. Он поднялся на крышу к разбитому старому фонарю, в древности — путеводной звезде рыбацких лодок в окрестностях Лена Игел. Некромант ходил бессмысленно взад-вперёд, устремив пустой взгляд на тёмные крыши столицы. Ничто не двигалось внизу, разве что редкий кот за возлюбленной, убегающей по лунной дорожке. Или ведьма, подстерегающая ветер для паруса мужа-рыбака. Звёзды стояли, как королевские гвардейцы, неподвижно по своим местам.

Рассвело, и они погасли. Мимоходом Родигер пожалел, что никогда не интересовался тем, как работает небо. Надо бы попросить у Понедельника что-нибудь необременительное по новомирской астрономии.

И всё время хозяина Маяка тревожила мысль: он что-то упустил. Родигер в раздумьях прошаркал в спальню, принял снотворное и подремал до вечера в кресле. Когда он совершенно проснулся, в воздухе стоял ненавистный аромат наступающей весны. В окрестных лесах, где ещё не растаял снег, зацвела белая душистая дрянь. Некромант бросил взгляд в окно и удовлетворённо кивнул: внизу по его приказу устанавливали огромный аляповатый памятник над могилой Биццаро.

Граф никогда не платил своим работникам. Фенна однажды объяснила ему, что лучше всего и с наибольшей самоотдачей

занимаются грязным, тяжёлым, неблагодарным трудом за оскорбительно ничтожную плату или вообще даром. В таком случае людей проще убедить, что они работают во имя Великого Дела, совершают ежедневный скромный подвиг. Родигер с недоверием последовал совету ясновидящей и вскоре убедился, что ведьма совершенно права.

Те, кому удалось получить должность или временную работу в Доме на Маяке, пользовались в столице всё большим уважением и трудились с возрастающим энтузиазмом. Их духовные заслуги сравнивали с таковыми у жриц Морской Змеи. Часто даже не в пользу запретноводных дев. Говорили так: в древней мистерии сопровождения умирающих и ритуале захоронения позволено участвовать лишь Избранным. Достойным. За вопрос о почасовой оплате гнали прочь. Малую толику, выдаваемую на новолуние, принимали с почтением и стыдливой благодарностью.

Некромант не глядя снял с полки книгу. Ему попались сонеты молодого Буро. Поэт безответно любил Илем, демоницу одиночества, разрывающего зубами и когтями всякого прохожего в окрестностях её глиняной хижины на побережье в дне пути от Рипендама.

Граф аккуратно поставил стихи обратно на полку. Что-то было не в порядке. И дело не в сбежавшем эльфе. Тайны Некромантии защищены неким спорным с точки зрения морали, но действенным способом. Тот, кто рассказывал о содержимом могил в окрестностях Светлого Дома, становился големом и

физиологически терял способность говорить прежде, чем утечка информации завершалась. Это, в отличие от множества других слухов о гильдии, было правдой.

«Каким големом?» — спросил Биццаро, когда Родигер рассказал ему. Да любым! Глиняным чурбаном или деревяшкой. Какая разница?..

Ощущение незавершённого дела терзало, как личинка, грызущая изнутри, где не почешешь. Родигер вытерпел до полуночи. Потом сдался, схватил лопату, которую неясно зачем притащил к себе в кабинет, и побежал вниз, нервно усмехаясь и напоминая самому себе голодного пса, зарывшего кость.

В нетерпении применив личную магию, он отбросил уродливый монумент в сторону и стал грести землю, подобно пловцу, идущему ко дну. Взошла Луна. Некромант стоял по шею в яме, где недавно закопал врага, и хохотал, разинув рот так широко, что касался затылком лопаток, а подбородком — груди.

Могила была пуста.

3.

Имело ли смысл после всего, что произошло, бояться смерти?

Нет, не так.

Имеет ли смысл бояться смерти?

Если прямо сейчас в голове погаснет Солнце, невыполненных важных дел не останется. Рен продолжится в памяти друзей. Они время от времени станут повторять его шутки и, может быть,

решать кое-какие проблемы его способом — определяя, где в сложном сплетении фактов и домыслов находится точка приложения ключа.

Бретту жалко оставлять, да. Её хотелось любить постоянно.

Несбывшиеся мечты тоже требовали внимания. Штиллер планировал когда-нибудь обойти всё Буролесье, заглянуть под каждую его корягу, в каждую проклятую избушку и нору, перезнакомиться с обитателями и понять смысл их чужой опасной жизни. Но оно, Буролесье, великолепно обходилось без ключника. Можно представить, что Штиллер уже побывал там. Проложенные им тропинки потом заросли дикими травами и цветами, затянулись туманами, покрылись ледяной корочкой забвения. Ключник смотрел в окно на город Амао в рассветных сумерках ранней весны и не понимал, почему страшно было бы закрыть глаза и больше их не открывать.

— Амао? — произнёс он вполголоса.

— Да? — отозвался дракон рассеянно. Он был занят созерцанием юной принцессы Хет, на лыжах лихо рассекающей сугробы по склону напротив окна. Хигг спешил за ней, как дикий снежный великан. Оба всерьёз рисковали сломать себе шеи. Её высочество в меньшей степени — она жульнически применяла вампирью левитацию. А вот огромный наёмник катился лавиной, будто обладал поворотчиком времени вспять. Судя по оглушительному хохоту обоих, мыслей о внезапном фатальном прекращении веселья ни у одного из них не возникало.

Рен прокашлялся, борясь с неловкостью. Амао приказал гостям называть его по имени и обходиться без титулов, а ключник ещё не привык.

— Ты боишься смерти? — спросил он.

— Чьей? — удивился дракон.

Ключник сдавленно хмыкнул. Он уже получил неплохой ответ. Амао переставил сапфировую фигуру на соседнюю клетку раскрашенной квадратами доски. В малой форме хозяин города слегка напоминал человека. Встав на задние лапы, используя в бою кованое, а не естественное оружие, он мог на короткое время ввести противника в заблуждение. Затем врага насторожили бы огромные глаза на полморды, заканчивающиеся над ушами и обеспечивающие обзор по всему периметру. А когда становились заметными подробности драконьей анатомии, принятые по ошибке за плащ, кирасу, рогатый шлем и комбинацию ножей, неприятель обычно отступал в беспорядке и панике. В малой форме Амао играл в шахматы, перемещался инкогнито и любил своих многочисленных жён.

— Когда меня вдруг посещает мысль, — после паузы доверительно произнёс дракон, — что настанет такое завтра, в котором мне участия уже не принять... Тогда я зол, конечно. И подумываю, чтобы расправиться с идиотами уже сегодня. Но к активным действиям не перехожу: зараз столько не съем. Протухнут, мне же и прибираться, как дураку. А ты как думаешь?

— Примерно так же, — быстро ответил Штиллер и сменил тему. —

Скоро придет Король? Не к самому же бракосочетанию? Зюсска определённо не успеет ничего толкового на него сшить-связать.

— Пойдёт жениться в ночной рубашке моей бабушки, двухголовой ведьмы, — без улыбки пообещал дракон. — Хайнрих передал, Его Величество задерживается во Внутреннем Пустоземе, за Невером. Сидит в засаде на людоедский клан. Там руины первоначальной поры. То и дело проваливаешься в какое-нибудь убогое жилище с шестью-семью поколениями партизан. Дети-внуки живые, от дедов-прадедов кости одни остались, и все вооружены до зубов, даже покойники. Грязными ножами. Аколиты столбняка и газовой гангрены! — Амао ухмылялся довольно, будто лично сотворил кровожадных дикарей. И добавил:

— Но к церемонии прибудет, защитник наш, клянётся всеми шушунами.

Штиллер удивился: в голосе хозяина замка слышалась лёгкая, но заметная ирония. Или зависть? Король был уважаемый дядька, все его любили, гвардия в самом деле следила за порядком в столице и за пределами. А чем занимался дракон — было известно только ему самому. Как жители Амао относились к своему повелителю — гигантской рептилии, Штиллер пока не понял. Гордились и побаивались, что ли? Подобные эмоции испытывали бы, вероятно, те, кто поселился по соседству от огромного, величественного, живописного вулкана.

Извергайся тот изредка кипящей лавой из чистого золота.

Барч, сидящий напротив Амао, переставил янтарную ладью и издал короткое горловое мычание.

— Мат?! — недовольно вскричал дракон, вскочил из-за стола и нервно метнулся к окну. — Жульё столичное, — прорычал он, стоя спиной, и невозможно было понять, шутит Амао, или сейчас игроку придётся попробовать дорого продать свою жизнь. — Один отвлѣк, другой мат поставил. Вам бы на ярмарке выступать вдвоѣм.

— Втроѣм, — сладко улыбнулась Алисия, нащупывая амулет-увеличитель в кармане. Тот припасѣн был как раз на такой случай. Неумышленно приняв большую форму, дракон на некоторое время упѣрся бы носом в собственную задницу, заполнив своей тушей комнату целиком. Гостям предоставился бы шанс выскользнуть наружу. Ухватившись за спасительное серебро, амулетница приободрилась и добавила:

— Я бы продавала билеты. И тыквы.

— Тыквы? — уточнил Амао, обернувшись. Он не сердился. На вытянутой морде блуждал дружелюбный оскал, то растягиваясь до ушей, то уменьшаясь до размеров людской улыбки.

— Метательные, — пояснила девушка.

— Резонно.

Амао отрицательно покачал головой, и шушун, расставляющий фигуры для новой партии, стал аккуратно складывать их в яшмовый с золотом сундучок.

— Почему тогда не вчетвером?

— Четвѣртый пожалел бы времени на подобную чепуху, — Бретта

спускалась по стене, ловко, как опасный, но миролюбиво настроенный паук. — Ага, ты тоже веришь в сказку про восставшего из мёртвых!

Друзья ещё вчера, сразу по прибытии, обнаружили, как легко колдуется в замке Амао. Но сразу договорились не злоупотреблять: кто знает, откуда приходит могущество, и кто пострадает в итоге. Всё же удержаться было нелегко. В Лена Игел посидеть в засаде на такой высоте требовало немало обычной мышечной силы и личного чародейства. А тут наёмница даже не взмокла за полчаса шахматной партии.

— Верить мне ни к чему, — дракон отвёл взгляд от перевернутой Бретты. — Я знаю. Биццаро вернулся, несомненно. Другой вопрос: он ли передо мной? Аргументы «не боится», «не дышит», «не спит», «не плачет» меня не убеждают. Мало ли кто не плачет.

— То, что Финн явился не в виде лысеющих бородатых близнецов, меня как раз не удивляет, — слабо усмехнулся Ю, покашливая и удобнее устраиваясь в кресле. Без поручительства старика четвёрке пришлось бы остановиться в «Совином носе», по словам Рена, приятнейшем местечке Предгорья, а на вкус Алисии — тёмной грязной избушке, по недоразумению называемой постоянным двором.

— Если важно было скрыть возвращение, зачем весь балаган с опознавательными уродс... э-э, с особенностями личной магии? Глава наёмников то ли пожал плечами, то ли поёжился: в замке, вырубленном в скале, было ветрено и сыро.

— Спроси Фенну, она понимала в Биццаро. Но признаки не настолько уж и очевидные. За дыханием никто специально не наблюдает... Спокойно, Рен, мы знаем, что ты это умеешь, а воздух нам здесь ещё пригодится... Что дочь не плачет, нам Прово хвастался ещё до того, как из Гильдии ушёл, но всем быстро надоело слушать про его бесподобную наследницу. А вот как болотник усёк, что она, — старик показал, — не спит?

Дракон приставил два когтистых пальца ко лбу.

— Да брось, антенны-энцефалографы? Насмешил! Хотя нет, напугал.

И главный наёмник с драконом обменялись взглядами, полными древних тайн.

— Поразительно. Никто из людей и внимания бы не обратил, — наблюдательность Владыки Болот не давала дракону покоя.

— Монстры замечают такие вещи. Чудовища вообще начеку. Им кажется, что их постоянно оценивают, — объяснил Ю устало.

Дракон помолчал, размышляя, потом взмахнул лапой, пытаясь таким образом рассеять беспокойство.

— Но обычные люди...

— Это миф, — старик откинулся в кресле и прикрыл глаза. —

Никогда с человеком средним, заурядным не беседовал. И даже не встречал.

— Ну, положим, — неохотно уступил дракон и сразу обернулся к остальным, ожидая, что ему возразят. — Правда, что вы не собираетесь объединяться?

Штиллер не удержался и быстро, жадно улыбнулся Бретте. Алисия слегка покраснела, стоя за спиной у неподвижного Бартоломео.

— Я тоже сперва думал, что решением загадки будет общий внук,

— пробормотал мастер Ю.

Он, похоже, страдал от старческих недомоганий. С каждым днём учитель наёмников настораживающе дряхлел. Тем не менее, напросился в гости на королевское бракосочетание. Хигг всю дорогу к вокзалу и на крутом подъёме ко дворцу Амао нёс старика Ю на спине. Мог бы и в карман сунуть, габариты обоих соответствовали такому способу транспортировки. Но великан постеснялся.

К тому же один карман Хигга был уже занят останками эльфа по имени Оаль — книгой с яркими картинками. Рен сам хотел нести друга, но ключнику поначалу нездоровилось, так что он шёл налегке. Сразу после церемонии Штиллер и Бретта договорились слетать вдвоём во Внешний Сухозем, вернуть мёртвого эльфа на родину.

Фенна, узнай она об этом, от души посмеялась бы над планами молодых наёмников.

Как только белый эльф-лучник сообразил, что делается с его финном, немедленно помчался в Дом Наёмников и поднял тревогу. Его выслушали: Хигг, ночеградец Виктор Отравка и Риха Зандер — гном, в недавнем прошлом рыбак, не признающий другого оружия,

кроме длинного ржавого крюка.

Едва эльф заговорил о событиях на Маяке, ноги его подогнулись, и стрелок принялся стремительно во что-то превращаться. Наёмники, испуганно и громко поминая особенно неортодоксальные способы получить удовольствие от крупной рыбы, помчались будить мастера Ю. Но тот уже прискакал в прихожую босиком и в старушечьей ночнушке. Наколдовали свет и увидели, что ноги эльфа — из папье-маше. Оаль всё-таки продолжил рассказ, и, когда народ узнал, что Штиллер лежит в могиле, эльф состоял из бумаги наполовину. Его одежда приобрела желтоватый пергаментный оттенок, на спине раскрылись жёсткие складки, словно крылья жука. Мастер Ю предложил малышу поразмыслить над тем, стоит ли продолжать. Тот ответил: вылупившегося грифона назад в яйцо не засунешь. И в тот момент, когда собирался сообщить, где искать могилу Штиллера, превратился в бумажного голема.

Не в священный свиток, описывающий странствия и законы занимательного, хотя и сварливого народа белых лучников. Не в сборник стихов во славу грозного и милосердного Финна. В книгу под названием «Ужас в красном. Вампиры Города Ночь». Где искать закопанного Рена, наёмники дочитали на полях и между строк.

— Именно так эльфы представляют себе загробную жизнь праведника, — объяснил старик Штиллеру, когда тот немного оправился от потрясения, вызванного рассказом о судьбе спутника. — Я и сам в конце пути не отказался бы стать каким-нибудь

справочником по домоводству. Пользы от меня стало бы несомненно больше. Ты почитай, о чём он, Оаль. Ему было бы приятно.

В словах наставника ощущалась некая ужасная неправильность. Старик утешал и упрекал одновременно. Надо сказать, ни один глава гильдии не прославился простотой мысли и поступков. Риште, например, «Великий Открывающий Пути», был клептоманом. Навестишь его — обязательно не досчитаешься то носка в сапоге, то костяной плотвы в значке, то приятного воспоминания. Разговор же с мастером Ю сопровождался болью в висках и уверенностью, что тот сам организовал все проблемы мира и теперь пытается сохранять серьёзность, наблюдая, как ученики маются.

— Общий внук не годится, — продолжил глава наёмников, игнорируя смятение четвёрки. — Представьте себе: у каждого из вас по нитке жемчужных бус. Если связать их конец в конец, получится волшебное ожерелье чародея. Но нить разорвали, бросили бусины в кучу, смешали с равным количеством чужого жемчуга, отделили половину и выбросили. Даже если нанизать оставшиеся бусины на нить, уникальное магическое ожерелье не получится. Вывод: обратная метаморфоза должна произойти в вашем поколении, — подвёл итог мастер Ю и обернулся.

Что-то в его изменившемся лице заставило и дракона проследить за взглядом учителя наёмников.

Штиллер обнимал Бретту, Алисия и Барч держались за руки.

— Не-а. Обойдёмся. Не надо, — хором сказали они, да так, что совершенно неясно было, кому принадлежала какая реплика.

Могущественные чародеи покивали значительно. И посоветовали погулять по городу, полюбоваться на окрестности. Дать старикам отдохнуть да языки почесать про былые времена. К тому же аудиенции хозяина замка дожидался ещё один визитёр. Из Элмша.

— Обаятельный, — таков был приговор Бретты.

— Амао? Да, он... Наверное, — не сразу согласился Штиллер. Ему дракон показался, скорее, опасным безумцем в смирительной рубашке из стального самообладания. Рен скорее бы проглотил ключ Хоффхарда, чем согласился бы применить его на гостеприимном владыке Предгорья.

Друзья с некоторым разочарованием покинули внутренние покои замка, золочёное творение гномов. Если верить легенде о аурофагии, златопожирании драконов, получалось, что хозяин города жил в благородной аналогии пряничного домика из старомирской сказки.

Не успел Штиллер вкратце пересказать приятелям сказку о двух сиротках в тёмном лесу, как, словно в виде иллюстрации, появились ведьмы. Две жены Амао предложили довести на санках до Купеческой. Улицы, где начинался старый город, славные творения начальных времён, белые домишки с красными балками. Женщины дракона потрясли воображение гораздо интенсивнее,

чем их супруг. Всю их чрезвычайно короткую жизнь и личную магию они посвящали совершенствованию собственной красоты. Дамы обращались между собой нежно и внимательно, как сёстры. И в то же время казалось, что отвернись одна на мгновение, вторая немедленно ей горло перекусит. Изящные, волнующие формы женщин казались несовместимыми с жизнью: наверное, так оно и было. Обeim можно было дать шестнадцать. Но усталые, ледяные, отстранённые глаза внушали подозрение, что женщины — гораздо старше.

Одна, очень высокая худая темнокожая блондинка в шубе из белых перьев болотных нелетающих птиц, постоянно поддерживала желтое свечение глаз и двигалась с осторожной грацией. Казалось, каждый шаг причинял ей боль. Вторая, буролеска, маленькая, проворная, как муравей, даже на мгновение не прекращала улыбаться, не разжимая зеленоватых губ. Под коротким хитоном из шкурок грызунов-оборотней дама была, несмотря на пробирающий до костей холод ранней весны, совершенно обнажена. Время от времени её кожа покрывалась чешуёй, золотистой шерсткой или резко, одуряюще пахнущей жидкостью. Ничего подобного Штиллер не видел — ни в столице, ни в путешествиях, ни даже в Городе Ночь.

Эффект от присутствия жён Амао был сокрушительный. Бретта примолкла и таращилась во все глаза. Алисия загрустила. Штиллер сосредоточенно производил в уме пересчёт еремайских «глазков» на столичную плотву, но сбивался всякий раз, стоило блондинке

сменить позу.

Слухи о том, что дракон пожирает наскучивших жён, показались вдруг не настолько уж и нелепыми.

4.

«Санками» называлась большая золочёная повозка на полозьях, в неё запрягали снежных лис. Алисия знала, что такими зверями становятся столичные должники, пытающиеся скрыться от кредиторов в Сухоземе, за перевалами Элмша. Расплатившись по счетам, бедняги могли, по слухам, вернуть себе человеческий облик. Но большая часть их быстро забывала прежнюю жизнь, находила покой и удовольствие в бесконечном беге, в охоте. Если с такой упряжкой заблудиться на заснеженных перевалах, лисы, бывало, съедали седока.

В санках нашлось место для всех шестерых. На месте кучера тоже сидел лис — седой, с проплешинами. Своих он погонял кнутом безо всякого стеснения.

— А много ещё жён у Амао? — уточнила прямодушная Бретта.

Красавицы переглянулись и пожали плечами. Похоже, мысль пересчитать друг друга до сих пор не приходила им в головы.

Из-за сугроба на дорогу выскочили на лыжах, опасно подрезав санки, принцесса и Хигг. Лисы метнулись в снег, повозка опрокинулась бы обязательно, скользи она чуть-чуть быстрее.

— Вы вниз, на Мокрую Ярмарку? — прокричала королевская невеста. — Мы с вами! Хиггище, хватайся, а вы подождитесь!

Хватит, хватит места!

Лыжи привязали к задней спинке саней. Лисы застонали, но помчались с прежней скоростью.

— Небось, подарочки покупать новобрачным? — невинно заглядывая каждому в глаза, нахально осведомилась невеста. — Оч-чень правильно! Традиция, освящённая веками. С одной стороны практично, с другой — романтично.

Алисия неуверенно хихикнула. Ей ещё не приходилось дружить с ночеградскими аристократами.

— Щенка подарить? — ехидно поинтересовался Рен. — Рыжего? Принцесса расхохоталась на её несравненный манер. Хигг ужасно обиделся:

— Штиллер, ослеп? Это она, а не папаша.

Ключник вздохнул.

— Самое забавное знаешь, что? Безразлично, какой перед тобой метаморф. Важно только то, что он делает.

— Ты о чём? — наёмник прищурился, пытаясь не стать жертвой логического террора, как в людской загадке с демоном-стрелком.

— Ну посуди сам. Как мы составляем представление о людях?

Знаем ли мы, кто они на самом деле — или судим по внешности, поведению, приписываем вымышленные мотивы?

— То есть... Если девушка выглядит как принцесса, поступает, как принцесса, она и есть настоящая принцесса? Но...

— Хигг, — мягко, без обычной насмешки сказала Бретта. — Всё, что там дальше, после «но», имеет значение только для жениха.

Понял?

И наёмница, чтобы сменить тему, наклонилась, чтобы рассмотреть что-то у себя под ногами.

— Ух ты, вот точно — Зюсска! — Бретта указала на дно саней, удивительно мерно, без подскоков и тряски летящих по склону вниз. — Роскошные штуки!

И, видя непонимание товарищей, присела и потыкала пальцем в сапожки блондинки. Все стали рассматривать. От плотной кожаной подошвы вверх по стройной ножке тянулось изящное, плотное белое плетение, изображающее кокон из множества крылатых ящериц, то ли схватившихся в смертельном бою, то ли предающихся любви. Все твари казались живыми, лишь на мгновение замершими в причудливых позах, в их глазах поблёскивали искусно вправленные самоцветы. Сквозь раскрытые когти и рты просвечивала загорелая почти до черноты кожа хозяйки.

— Да, Занозина работа, — восторженно прощепетала та. — Выпросила! Ах, ваше высочество, какое она вам замечательное пла...

— Ни слова о моём платье! Не желаю знать, пока не увижу, — оборвала принцесса грозно, но невнятно, что-то пережёвывая. Повозка дёрнулась, подскочила на подтаявшем сугробе. Вся компания быстро выпрямились и подозрительно уставилась на Хет.

Та улыбалась окровавленным ртом. Зеленогубая ведьма отсутствовала. Её смятая шубка, брошенная в снег, удалялась от саней с каждым прыжком ездовых лис.

Удивительное дело, но исчез и Хигг. «Если девочке удалось проглотить обоих, — ошалело подумал Рен, — её можно выпускать против армий». И ещё: «Я бы мог в ней спрятаться». Тут ключник смутился, довольный, что среди присутствующих нет котов.

Неловкое молчание нарушила сама ночеградка:

— Да ничего страшного. Международного скандала не будет.

Надеюсь, — она прижала ладонь ко рту, церемонно сдержав отрыжку. Блондинка, оставшись в одиночестве, беспомощно переводила взгляд с одного лица на другое.

— У неё наверняка дети остались там, в замке... — что говорят в ситуации, когда застал знакомого за людоедством, потрясённая Алисия не представляла.

— А, ты тоже проголодалась? — весело предположила принцесса.

— Много детей у Амао? — попробовал несколько разрядить обстановку Штиллер.

— Немного, — тихо ответила блондинка, отодвигаясь в угол саней и поджимая ноги. И после паузы дрожащим голосом пояснила:

— Женщины неспособны выносить драконье дитя, оно в утробе не умеет принимать малую форму, и амулета ему не надеть. Но многие всё равно пытаются забеременеть.

Бретта и Алисия побледнели, видимо, представляя себе последствия таких попыток. Сани завизжали, заскребли по

расчищенной от снега мостовой Купеческой улицы.

— Приехали! — весело крикнула Хет и приказала кучеру: — Можете поохотиться по переулкам, по подвалам. А сани оставь здесь, у того симпатичного трактира. Не уведут, кто ж осмелится?

5.

Мокрая Ярмарка расположилась среди проталин, луж и побуревшего снега. По всему Старому Амао кособочились уютные дощатые времянки, ломились от самого разнообразного хлама. Кое-где продавали съестное или выпивку — от редкостей дальних стран до оомекской колодезной браги. Встречались опасные диковинки. И полная ерунда.

За углом предлагали небольшие плетёные клетки для еремайских мышей. Животные, будучи сытыми и ухоженными, ярко светились в темноте. Их следовало кормить неверским зерном и расчёсывать гребнем на длинной рукоятке (в противном случае владелец недосчитывался пальца). Клетки светились даже после того, как толстую расчёсанную мышь выпускали на волю. Принцесса, четвёрка Биццаро и драконья жена остановились по щиколотку в талой воде как раз напротив ларька с такими клетками. Вместо мышей местные умельцы поместили внутрь засушенные цветы, неотшлифованные самоцветы или зелёные, кислые груши.

Хет протянула старику-торговцу открытую ладонь, медленно вытянув пальцы, как грациозные, осторожные паучьи ножки. Тот быстро поставил на неё мерцающую клетку. Принцесса спрятала

игрушку в рукаве. Но прежде, чем она успела достать плотву, тёмно-коричневая ручка безукоризненной формы с вызолоченными ноготками уронила в ладонь торговца монету-«кость». Жена Амао поцеловала Хет в щёку, мимолётно прикоснувшись губами, отвернулась и скрылась в толпе. Принцесса скептически поглядела вслед и покосилась на спутников. Те делали вид, что всё ещё рассматривают светильники.

— Проклятые блестящие штуковины! — к прилавку, нахально оттолкнув Алисию, прорвался с криком низенький сидящий дядька в неопрятной шубе. — Ко мне, едва купил, соседи незванно шастают. На мышь, говорят, посмотреть, которая убежала. Чаю не пьют, пирогов не едят, всё на клетку пялятся. В холода печь у гномов выменял, да так её и не затопил: сижу, на светильник чудной таращусь. Тётка померла, так даже на кладбище не сходил...

Старик-торговец покрутил у виска пальцем, заклиная шушунов в голове недовольного. Но тот не отставал. Продолжать рассматривать чудеса стало невозможным.

Алисия углядела по соседству избушку с роскошными фолиантами в обложках из панцирей буролесских монстров. Объявление над прилавком обещало: попытайся некто книгу украсть или «зачитать», навестит его дух существа-пожертвователя переплёта. И доходчиво объяснит смысл частной собственности.

Штиллер открыл одну увесистую инкунабулу и убедился, что её страницы пусты. Но недоумение ключника быстро разъяснилось.

Жители Амао охотно вели дневники, записывали рецепты целебных мазей и отваров, советы пожилых родственников, забавные оговорки малышей — словом, всё, что хотелось передать правнукам, не потратив личной магии. Во многих домах хранилось до полусотни таких фолиантов, монументальных и не слишком.

Ведьма с внимательным взглядом и лёгким еремайским выговором выложила на прилавок небольшие книжечки. Сплетённые воедино грифоньим волосом, с тонкими страницами, украшенными сухими колосками из Невера, они ласково и настойчиво уговаривали написать строчку-другую. Лучше бы в рифму. Штиллер задумался о том, не пора ли набросать план путевых заметок, которые он давным-давно обещал Понедельнику.

— Закрой! Не мучай! — из-под локтя Алисии, внимательно изучающей узор на закладке, вывернулся тот же недовольный покупатель клеток-светильников. — Прочь! — вскричал он. — Пока всех шушунов не растеряли. Я недавно купил тут простой свиток для хозяйства. И думаю теперь, что бы туда записать.

Страницы! Смотрят и ждут! Даже во сне передо мной теперь жадные листы, и ни одной мысли, чтобы их насытить, — всё больше распаляясь, крикун подступил к торговке с воплем: — Отвести бы тебя на площадь Резчиков, проклятая ведьма!

— Полегче, э-э-э... уважаемый, — на вкус ключника, крикуну следовало напомнить о приличиях, раз уж он перешёл от жалоб на товар к грубостям по отношению к его хозяйке. — Записная книжка — уж точно не злодей.

— Злодей! — с надрывом возразил недовольный, хлопая себя по карманам и роняя мелкую плотву. И проревел, размахивая руками и тыкая пальцами в расположенные поблизости ларьки. — В каждой покупке таится угроза! Любая несёт роковые перемены!

— Например, вилка, — невинно заметила Бретта, заметив неподалёку лавку столового серебра.

— Вилкой, — патетически подхватил крикун, — естся совершенно по-другому. К ней в пару просится нож. Оружие!

Женщина за прилавком покачала головой и стала прятать товар.

— Колокольчики! — разгневанный ткнул пальцем в лавку напротив. — Как их звуки действуют на наших детей? Малыши становятся нервными и слабыми от звона... Зеркала! В каждом из них отражаешься по-разному. Предательские штуки никогда не показывают нас такими, какие мы есть. Драгоценности! Банты и шляпки! — недовольный раздувался, вокруг него образовалось пустое место, наполненное кислым душком ненависти. —

Покупающий фальшивки, опасную мишуру когда-нибудь окажется погребённым под ней, растеряет личное могущество на заботу о вещах, которые ему не требуются!

По окончании фразы гневливого распёрло уже во всю улицу.

Багровые щёки болтались над прилавком дрессировщика кузнечиков, а зад упирался в «Перец и соль», где уже опрокинулся десяток пахучих шкатулок. Бретта пожала плечами, между её пальцев блеснули лезвия, но наёмница медлила. Что-то нелепо-убедительное было в словах безумца. Останавливала ещё и мысль о

том, что в чужой дом со своим шушуном не ходят. Алисия выглядывала из-за спины Бартоломео. Тот без всякого выражения наблюдал за происходящим. Штиллер тоже не торопился, но знал совершенно точно: если наглец ударит ведьму-книжницу или иначе обидит струхнувших продавцов, придётся сразиться с ним.

Но тут с неба упал дракон.

Чудовище вонзило когти в бока распухшего от гнева горожанина.

Тот завизжал, выпустил облачко газа с запахом тухлых яиц и присмирел.

— Это они! — захныкал он, указывая на онемевшего от возмущения Штиллера и компанию. — Чужаки! Ходят, везде свой нос суют! Провоцируют! На площадь Резчиков их...

Дракон подхватил жертву в когти поудобней и полетел прочь. Над разноцветной башенкой ратуши он быстро снизился, потом снова взмыл в воздух, забил крыльями и скрылся в тумане над Дворцовой скалой.

— Ух ты! — первой опомнилась Бретта и несколько раз громко хлопнула в ладоши. — Амао... неотвратим. Но что тут было за распухшее безобразие?

— Хухел, демон недовольства, — прокашлявшись, объяснила ведьма-книжница. — Лучше и не пытаться его остановить. Ещё немного — и тут бы камня на камне не осталось. Но вы ошибаетесь. Его схватил не Амао, а другой дракон.

Другой дракон! Приятели усмехнулись, но торговка оставалась невозмутимой.

— Странно: о «других драконах» никому не известно, — сухо заметила Алисия, уверенная, что над нею издеваются на местный лад. В столице тоже была, например, традиция убеждать приезжих поорать и попрыгать перед «Слепой рыбой», чтобы привлечь её внимание. А не то, мол, не войдёшь. Доверчивые надрывались по полчаса, горестно убеждаясь в том, что рыба ещё и глухая, пока один из завсегдатаев не открывал дверь толчком.

— Людям трудно отличить одного дракона от другого, — доброжелательно объяснила женщина, подбирая свалившиеся в грязь пергаменты.

Штиллер и Бретта переглянулись в сомнениях.

— Но все драконы служат Амао?

— Можно и так сказать, — последовал уклончивый ответ.

— А-а! Наши собираются! — принцесса ткнула пальцем в пустоту.

Один из прохожих споткнулся на ровном месте, но не упал, а поспешно свернул в переулок, вытирая пот с побледневшего лица.

— Ладно, вы резвитесь тут, а я... — и королевская невеста пропала в толпе.

Вся четвёрка, не сговариваясь, одновременно выдохнула с облегчением. Даже ключник.

— А что с ним теперь будет, с демоном-хулиганом? — вдруг заинтересовался Рен. Он понял, что никогда не видел, как в чужих краях поступают с нарушителями порядка. В Михине их выгоняли из города. Вернуться тайком можно было и не пытаться: дорогу найти не удавалось.

Книжница хмурилась, не глядя на любопытных чужаков. Многие страницы и свитки помялись во время демонического инцидента, их надлежало привести в порядок.

— Отсекут ему на площади Резчиков что-нибудь. И отправят в ад, где демонам и место. Вот и всё. А вы что бы посоветовали?

После полудня наёмники и компания отдали должное здешнему прославленному густому супу из шести сортов мяса (грифонятина, единственный мускул морского слона, кольца буролесского червя, чёрная ночеградская курятина, брюква-людоед и копчёная бродячая нога). Они выложили на стол покупки и стали обсуждать, годится это в подарок невесте или нет.

— Удавка? — ткнув пальцем в замысловатый шнурок цвета оомекского молочного источника, брюзгливо спросила Бретта. — Она, скорее, подарок жениху. К тому же, такие полезные вещи дарить — дурной тон. Ты ещё бы сковородку...

— Тебя демон недовольства проклял? — церемонно возмутилась Алисия. — Мне как раз очень нравятся ярмарки: неплохие вещи идут за бесценок, — и она поиграла крошечной новенькой пряжкой-амулетом непромокаемости на сапоге. — Вовсе не удавка это, а поясок. На платье. Хозяин убеждал меня, что он идеально подойдёт.

— Ярмарка ей понравилась! — Бретта озабоченно поправляла невидимые под одеждой лезвия. — Казнь тебе тоже показалась занимательной?

В Амао казнили преступников. Случалось такое нечасто, поскольку гвардия и наёмники не ставили своей целью поймать нарушителей закона живыми. Обычно злодей терял всю присущую ему личную магию в поединке с королевскими солдатами — либо благоразумно уклонялся от боя, сбегал в Буролесье и сотню лет оттуда носу не казал. Но, уж если враг сдавался на милость победителя, тогда его казнили.

Штиллер рассказал друзьям, что в Старомире казнь обязательно означала необратимую смерть. Ясно, что народ считал такое наказание неприемлемым, но ничего лучшего придумать не мог. Если книги господина Понедельника не лгали, то в виде альтернативы разбойников и вымогателей запирали в башнях, кормили скупо, заставляли выполнять грязную работу, а также играть друг с другом в мяч. И надеялись, что впоследствии страх повторения такого ужасного наказания заставит злодеев чтить закон. Функционировала такая пенитенциарная система? Вероятно. Иначе к чему бы старомирцам строить больше и больше башен? Чародеям требовались мотивы посерьёзней, чтобы не зарываться. Значит, их казнили.

Колдуны-специалисты, воспитанные и обученные лично мастером Ю, первым палачом, отсекали виновным самое разнообразное. Смотря по степени тяжести преступления, образу жизни нарушителя закона, изредка — согласно причуде Короля. Сегодняшнему злодею, гному-ювелиру, умышленно сбывавшему камни с начальными признаками сапфировой немочи, отсекли его

семейное имя. После экзекуции бедняга стал формально и фактически сиротой, что в его бранже гарантировало разорение. Усугубляла тяжесть наказания ещё и таинственная драма гномов — бездетность. Если одной удавалось забеременеть, выносить и родить, тогда возникала совершенно уникальная связь между матерью и младенцем. Тот вырастал — нет, не смешным, заслуживающим сочувствия маменькиным сынком, а вполне самостоятельным харизматичным и продувным типом. Как все мужчины этого рода торговцев и мастеров, способных позолотить усики забуролесским осам-убийцам на лету. Но маму уважал и чтил, как единственное доброе божество.

А впрочем, неясно, какие они вырастали, гномы. Кто их поймёт, высокомерных ребятишек, для пущего чувства превосходства придумавших тайное наречие-код, состоящее из цоканья языком и щелчков пальцами. Любой негном, утверждающий, что понимает фокус с внутриклановым совместным мышлением, просто врёт... или не просто, а с корыстным умыслом.

Так что сейчас в одном из трактиров города Амао сидел терзаемый непривычным одиночеством гном. Зализывал душевную рану и думал о своей потерянной маме. После удара палача он пропал для своего семейства, будто и не был никогда. А вздумай заглянуть в гости, был бы встречен как чужак. Но много лет честного труда — и семейное имя выросло снова.

— Любопытно, — Бретта проглотила остатки эля в кружке и

постучала по столу, требуя добавки, — что отрезали нашему знакомому демону, ну, который восстал из ада не с той ноги...

— Хвост, — безапелляционно прогремел Хигг, усаживаясь рядом и приказывая подать то же, что пили остальные. — Без хвоста его приятели засмеют. И пока новым не обзаведётся, в Амао ни ногой.

Трактирщик с почтением поставил перед гостем огромную кружку — в ней можно было утопить небольшого смиренного волколака.

Хигг, вопреки обыкновению, не пытался казаться меньше, чем был, не извинялся за проседающие под ним стулья и вообще вёл себя как собственный старший брат. Четвёрка ошеломлённо пялилась на товарища. На Хигге была красная мантия палача.

— Плохо, очень плохо, — промолвил Хигг, отхлебнув из кружки.

Трактирщик вздрогнул и набрал побольше воздуха, чтобы извиниться. Но великан, тяжело вздохнув, снова спрятал хмурое лицо в кружке. Очевидно, не качество напитка послужило причиной его дурного настроения. И хозяин заведения с кривоватой ухмылкой побежал распорядиться насчёт ужина.

— Никогда не приходилось казнить двоих за один день, — Хигг тычком отодвинул пустую кружку. — Мастер Ю говорит: более одной казни — уже массовая иксокуция. И где практикуются такие вещи, там вскоре случится много нехорошего. Примерно так! — просветлев, завершил он. И набросился на принесённую похлёбку, как на врага, целиком состоящего из хитроумных загадок.

Остальные подсели поближе.

— Хигг! Я и не знала, что ты палач. И мастер Ю тоже. А секира? У

палачей, рассказывают, всегда с собой орудие справедливого возмездия.

— Тофно, — прилежно работая ложкой, согласился он с Бреттой, — ш шобой. Нет, не покажу. К фему народ пугать?

Девушка, уже приготовившаяся задать следующий вопрос, закрыла рот и разочарованно пожала плечами. Хигг ещё не добрался до дна тарелки, а у Бретты уже созрел новый повод для любопытства:

— Ты куда из саней пропал?

— Почему «пропал»? — Хигг отложил ложку и с усмешкой поглядел на приятелей, — Мы с Деей давно сбежать хотели, но старик ревнив...

— Дракон?!

— Ага. Не поверили же вы всерьёз, что Хет её проглотила? Неужто так и подумали? И к лучшему, — великан, довольно ухмыляясь, выслушал рассказ Бретты. Но когда та добралась до поцелуя подружки-блондинки, снова нахмурился.

— В щёку?

Четвёрка закивала, как один человек. Хигг раздражённо отодвинул недоеденный суп.

— На побережье, где Бурый Лес спускается прямо в воду, принято целовать охотницу, отправляющуюся за добычей в сезон безумных корней, когда мертвецы покидают свои могилы... потому, что та почти неизбежно окажется тоже среди мхов и грибниц. Что вы знаете о поцелуях? — свирепо поинтересовался наёмник.

Четверо недоумённо переглянулись. Алисия размышляла, не

сказать ли друзьям, что пыталась поцелуями вернуть к жизни Барча. Многими, для усиления эффекта. Так, согласно старомирским преданиям, следовало лечить отравленных. И укушенных змеями тоже. Да что там, она и дальше бы пошла, но не добилаась необходимого ответа.

— Я читал, — нарушил молчание Штиллер, — как некий старомирец выдал своего Учителя тем, что поцеловал его в толпе на глазах у преследователей.

Хигг покопался у себя в макушке с усердием золотоискателя. Затем помотал головой. Ускользнувшая мысль прямо-таки осязаемо выплёскивалась у него из горестно опущенных глаз.

— Ладно, шушун с ними, с поцелуями. Что ещё на ярмарке покупали-продавали?

Вспомнить оказалось непросто. Но не потому, что ничего любопытного не встретилось, а оттого, что необычных вещей было слишком много, чтобы не перемешаться в памяти. Подобно тому, как среди многочисленных острот бродячих актёров вспоминается лишь последняя шутка.

Возможно, самым забавным был эльф — торговец темами для размышлений. Его палатка располагалась на шатком мостике над ручьём. Идея, которую он предлагал на продажу, заключалась в том, что существа с большим, чем у эльфа, мозгом неспособны разумно мыслить. Многочисленные спорщики грозились сбросить временку торговца в воду. Тот истошно вопил, что такое варварство будет финальным доказательством его правоты. И

аргументировал: если маленькому эльфу головы на раздумья хватает, значит, у большеголовых в черепушке воздух, мусор и тролли экскременты. Один из другим крикливые ругатели отправлялись по своим делам, а у палатки всё спорили, позабыв заплатить за тему. Вскоре беседа перешла на совсем маленьких существ вроде еремайских боевых мух. А они как? Нормально, отвечал сердитый торговец. Тех шушунов, которые держатся за руки у нас в головах, у мух, конечно, мало, но те сцепляются не только руками, но и ногами, а также прочими частями тел, о которых вы, тупые громадины, увы, никакого понятия не имеете. Потому что примитивны, как хлебные корки. В итоге спорщики выдали крикливому эльфу по полплотвы, по лещу без замаха — и разошлись в задумчивости.

Чем ещё смешным торговали? Сплетнями, например. В городе разузнали о Величайшей мастерице и о заказе Амао. Понятное дело, насторожились. Всем известно, что вампирам платья не нужны, метаморфы могли себе отрастить что угодно — от сорочки до рыцарских лат. По самой высокой цене предлагалась история о том, что замуж выходила не принцесса, а буролесский червь-оборотень или одна из отвергнутых жён дракона. Платье же должно было служить для отвода глаз влюблённого Короля.

Разумеется, такое никто не купил.

— Сплетник, вероятнее всего, уже лежит в лавке целителя, на полочке с пометкой «Странные бесформенные штуки, необъяснимо потерявшие все жизненные соки и напоминающие лягушек,

уснувших на рельсах», — хохотнув так, что у сидящих за соседним столом слетели шляпы, заметил Хигг. Он всё время оглядывался и высматривал кого-то среди гостей. — Эк его дракон прихватил, не отпускает...

— Кого? — не понял Штиллер.

— Друга моего. Нет, пора, не дождусь! Да и вам засиживаться нечего. В переулках, говорят, бешеные лисы носятся.

Поостерегитесь.

6.

Парадный вход в драконье логово было пустым, тёмным и нелепорошкошным, как и всё во дворце Амао.

Хет дожидалась их на ступенях, выбитых для огромных лап. Когда отворилась дверь, она вскочила на ноги, зевая, вероятно, чтобы поразить тех, кто ещё не видел её замечательных клыков.

Бретта досмеивалась с глазами, полными слёз. Да и остальные представляли не лучшее зрелище, стоная и в изнеможении отталкивая локтями друг друга. Даже Барч казался менее индифферентным, чем обычно. Золотые искры в чёрных глазницах живо следили за спутниками, тёмно-серые уголки губ вроде бы слегка передвинулись к ушам.

— Безнадёжны, абсолютно, — протянула принцесса с наигранной обидой. — Мне полагается испытывать необычный душевный подъём накануне собственной свадьбы. А вам — быть в заботах и хлопотах. Беспокоиться о том, чтобы всё прошло без жертв и

разрушений. А они случатся, если шлейф порвётся или перчатки не налезут... Да рассказывайте уже, что вас привело в такое неприличное состояние!

Бретта попыталась, но после первых же слов сдалась: у неё, по собственным словам, от тряски в кишках тошнило всех шушунов.

Объяснила хихикающая Алисия:

— Мы лис отпустили, так? Они отправились охотиться. В городе дичи маловато, вся юркая, грязная и нахальная. Никаких кур. Лисы растерялись, но ненадолго. В отсутствие кур они, конечно, поверить не могли. Вот хулиганы и словили, кхе-хе, нечто вроде.

— Крысу, — зачаровано уточнила королевская невеста, — хромоножку? Парализованную крысу? Крысогнома? Совсем не... Понимаю. Ручную перепёлку с тягой к самоубийству?

Замороженную жабу с ведьминой кухни?

— Девочку. Нет, это смешная, а не трагическая история! В Амао, вы знаете, каждый учится колдовать, как придётся, чародейство не передают от родителей к детям. Здешние избалованные отпрыски сами выбирают, чем им приятнее всего стать. Многие вообще уверены, что не волшебники. А молоко никогда не убегает, потому что куда же ему торопиться? Звери схватили вот такую маленькую девочку. У неё дома остался родственник, юный необученный телепат по прозванию Котик-братик. Вместо того, чтобы просить помощи у взрослых, которые, наверняка, просаживали плотву на волколачьих бегах по лужам, малыш решил, что справится сам. И начал передавать лисам, мол, приехали гномы-купцы из Невера,

привезли кур — и сырых, и жареных, и варёных, и печёных. Всем раздают, только лис прочь гонят. Стая в обиду — и бегом назад, старый лисовин девчонку на спине тащит. Вернулись, глядь: ни гномов, ни гостинцев.

Повернулись — и опять к своей берлоге. Лисы не едят на бегу, они звери основательные: доставят, разделают, как положено. Котик-братик снова за дело: приехали ночеградцы, черноптиц приволокли немерено, по дешёвке отдают и так отпускают — никто не берёт, не понимают, как таких едят. Лисы обрадовались, они в черноптице знают толк. Поскакали назад с высунутыми языками, все переулки обежали: ни вампиров, ни кур.

Потащились, злые и голодные, снова в горы. Уже едва лапы переставляют. Народ в Амао приметил, что лисы ребёнка туда-сюда таскают, но не встревожился. Думают, раз дитя не ревёт, значит, играют. Пусть катается. А братик чует: сестрёнку уносят. И снова за своё. Мол, явились чародеи с далёкого Острова. По ярмарке ходят, всем удивительные подарки раздают. Кому золотом карманы набьют, кому отвары целебные в рот заливают, а кому и птицу невиданную — жирную, сочную, нежную, всемером есть — не доест. Не сразу поверили лисы, но всё-таки поплелись назад. Как раз до Купеческой доползли, а тут и мы вернулись. Не поверишь: седой лисовин нам чуть ли не на шею бросился от радости. Хотя знал, что им ещё сани в гору волочить.

— Любопытно, — принцесса недоверчиво склонила голову, ожидая по-настоящему убийственного продолжения. — А Котик-то что?

— Да, мы сразу попытались его отыскать. Не было никакого котика! — восхищённо простонала Бретта. — Братика девчоночка выдумала, ей нравилось туда-сюда на лисичке ездить. Но ужином становиться не хотелось. В конце концов звери так запутались, что засомневались, возили нас в Амао или нет. Раза три с дороги поворачивали.

Хет усмехнулась и пожала плечами, словно ожидала большего.

— Да ты выйди, на морды их рыжие глянь! — расстроенная непониманием всей прелести приключения, предложила Бретта.

Тут как раз в дверь сунулся лисовин-предводитель. «Когда в город поедем?» — спрашивала его учтивая, изрядно взмыленная физиономия.

— Вольно! — скомандовала принцесса. — Брысь!

Зверь пропал, а Хет решительно обернулась к четвёрке:

— Доставайте подарки. Сегодня-сегодня! Кто знает, может, завтра поутру паду от руки охотника на вампиров ещё до завтрака, и подарки стухнут. И не надо делать вид, что не купили: я не лиса, меня не проведёшь.

— А что, есть цех охотников на вампиров? — удивилась Алисия, покорно развязывая сумку. — Более варварскую профессию трудно себе представить. По-моему, незаконно убивать мыслящих нелюдей. Хотя... Мне недавно встречались такие, кто выделывает коврики из эльфовых шкурок.

— Незаконно только один вид существ убивать. Не слишком

разумный. Королевских налогоплательщиков, — шельмовски ухмыляясь, объяснила Хет. — Про остальных закона нет. А охота на вампиров — благородная традиция и добродетельное занятие, поскольку мы в списке злых креатур устойчиво держимся в первой десятке. Самые известные мастера — клан ван Хелсингов. Они целители старомирской закваски, считают отъём связанного и растворённого в крови личного могущества преступлением. Высоко мотивированные истребители нашего рода. Откупаться от них приходится борзыми щенками из своры отца. Тогда нас какое-то время не трогают.

— Что же они делают с собаками?

— Доктора? Ничего хорошего, вероятно. Я в «Книге Судьбы» находила изображение пса с трубкой в животе, желудочный сок оттуда каплет... Мне с тех пор не особенно хочется узнать подробности судьбы наших зверей.

— Зачем отдаёте? — хмуро спросила Бретта, выковыривая занозу из пальца одним из своих легендарных лезвий. — Представляю себе поединок доктора с вампиром, и сразу хочу поставить десять к одному против доктора.

— Проиграешь. Ван Хелсинги — ходячие алхимические лаборатории. Кровь у них яд, слюна — дезинфектор, а про другие жидкости тела вообще говорить неохота. На тебя никогда не мочился доктор? Повезло! Рассказывают, что в Старомире врачи пребывали в рабстве у ведьм-зельеварок и только путём полной перестройки обмена веществ обрели независимость. Поверь,

лучший способ не погибнуть от их руки — сбежать и больше не попадаться. Так мы и делаем, кстати. Собаки — уже так, на крайний случай. Словом, вампирье бессмертие основано на куче сложных договоров и условий. Нарушаешь — оказываешься в той же мусорной куче, что и остальные. Часто даже глубже.

Произнося эти слова, принцесса стояла боком к собеседникам и обращалась в пустоту над тёмной, уходящей в бесконечность лестницы. Невольно и остальные обернулись туда, но так ничего и не увидели. Ни один светильник не дрогнул, ни одна тень не сорвалась со своего места, не побежала прочь в каменную западню. — Хотя, знаете... Вряд ли ван Хелсинги придут сводить старые счёты именно в день бракосочетания. Никому не хочется Второй Битвы Городов, — к принцессе вернулось характерное мрачное веселье. — Эй, злодеи! Я помню и жду. Сами знаете, чего.

— Кстати, почему Битва Городов называется «Первой»? — сделал последнюю попытку уклониться Рен. — Была же, если не ошибаюсь, только одна...

— Ясно же, что мы не остановимся, — предположила Хет и добавила нетерпеливо: — Когда ночеградцы долго не получают, чего хотят, окружающие страдают от побочных эффектов их дурного характера. Гнойных рваных ран, например. Водобоязни...

— Ладно, — сдался ключник и достал из кармана красочно расписанную книжку в мягком кожаном переплёте. «Ужас в красном. Вампиры Города Ночь». Когда Штиллер увидел, во что именно превратился верный эльф Оаль, то сразу решил, кому даст

почитать его в первую очередь. На обложке brutальный тип терзал юную легко одетую горожанку. Дальше тоже имелись рисунки, на которых преобладали клыки, перепачканные тёмным, и анатомически подробные изображения с комментариями, куда метится злодей. Включая самые труднодоступные области.

— Шутка, — пояснил Штиллер, заметив, что молчание затянулось.

— А-а-ха, — выдохнула вампирка, яростно потроша страницы, словно кухарка — рыбу, чтобы не упустить ни одной аппетитной подробности. — Гробы! Вот откуда эта дивная форма прабабушкиной койки... Что, прямо в сердце? Спору нет, гораздо более аккуратный труп получается, но ван Хелсинги почему-то стремятся попасть не по канону, в глаз. А что такое сеснок?

— Чеснок, — поправила Алисия, — растение с сильным запахом. Тролли им всё приправляют, даже пироги. В Невере полвека назад чеснок пытался захватить все пашни и был оттеснён в Пустозем объединёнными отрядами редисок и бешеного огурца.

— Ух ты!

— У мамы в лавке висит пара штук сушёных. Может, они, кстати, и ненастоящие: простая выкрашенная мандрагора или чёртов корень.

— Чтобы я испугалась запаха чеснока? — принцесса водила коготком по странице. — Верится с трудом. Хотя я и слышала от буролесцев про репелленты. Надо бы проверить... Метаморфность описана странно. Можно превращаться в летучих мышей, но удобнее всего — в стул, если тебя интересует бедренная артерия жертвы. Вообще-то довольно интимная тема — во что

метаморфировать. У матери отлично змея получалась: пресмыкающиеся вызывают доверие, особенно если дают дельные советы.

Никто не возразил, хотя всем очень хотелось.

— Вот прекрасное! — Хет набрала воздуха и продекламировала с выражением: «Кот становится вампиром, если споткнуться, внося его в дом. Свинья превращается в вампира, если упадёт в колодец на полную луну». Хм, сложно уговорить Луну спуститься в колодец и лежать смирно, пока на неё не свалится свинья...

«Выпечка может стать вампиром, когда залежится на подоконнике. Если хлеб запел, нужно не медля столкнуть его наружу на выставленный язык любого голодного зверя: зайца, медвервольфа, лисы...» И тогда? — принцесса перевернула страницу. — Не написано! Вероятно, сожрут друг друга.

Она захлопнула книжку и прижала к груди с абсолютно счастливым лицом:

— Штиллер! Ради такого подарка стоило выходить замуж!

— Дочитаешь — верни, пожалуйста, — попросил Рен.

— Наглец! Как «верни»?

— Почитать — это и был подарок. Не сердись, я сам ещё не...

Но Хет сунула книжку Бретте и занялась пояском, принесённым Алисией.

— Если он и вправду подойдёт к платью, я лично отыщу предателя, торгующего секретами нашего Дома, и сама казню его. Грубо, непрофессионально, ржавой пилочкой для когтей, — пообещала

принцесса, любуясь узором на пояске.

Бретта нерешительно вынула зеркальце в оправе из серебра.

Алисия покачала головой, но ничего не сказала. Они уже пару раз начинали спорить, но так и не пришли к согласию.

— Если не понравится, я ещё что-нибудь придумаю, — пообещала наёмница, почему-то в страшном нетерпении.

— Подарки должны нравиться, даже долговые расписки предков, — ободряюще прокомментировала Хет и схватила зеркало.

Ничего не случилось, Бретта разочарованно вздохнула.

— Предполагалось, что я сгорю синим пламенем, едва возьму в руки игрушку? — невинно, но с лёгкой угрозой в голосе уточнила вампирка. Бретта прилежно покивала головой. Хет сочувственно кивнула, мимолётно заглянув внутрь.

— Ох!.. — подарок полетел на ступеньки, но не разбился, а зазвенел, вращаясь, наполняя зал призрачным эхом. Перед четвёркой внезапно появилась — а затем, к счастью, почти сразу пропала — другая Хет, кровожадная хищница с безумным взглядом, готовая к смертоносному прыжку белёсая размытая фигурка. Тот, кто мигнул, мог и пропустить чудовищную метаморфозу. Сразу взяв себя в руки, принцесса яростно уставилась на Бретту.

— Рассказывай, как к тебе попало изображение моей матери?!

Озадаченная наёмница подняла зеркальце, заглянула в него.

Штиллер глуповато предположил, что она скажет: «Ничего подобного, это же я!» Бретта протянула вампирке подарок и

объяснила:

— Ты, похоже, в зеркале себя никогда не видела. Глянь, с чем людям дело приходится иметь.

Ночеградка бросила осторожный взгляд на всклокоченную рыжую шевелюру, на большой бледно-зелёный глаз.

— Мама, — быстро подтвердила она, — только моложе. Погоди, — Хет почесала пальцем бровь. — Понимаю. Забавная вещь, но бесполезная. Её какой-то демон выдумал. Страшно подумать, как такую штуку может заколдовать ведьма с развитым воображением!

— и принцесса задумчиво спрятала подарок. — Так, а ты, Барч?

Бартоломео, рыбак, наклонился и мёртвыми губами прикоснулся к щеке ночеградки — точно там, где её ранее поцеловала драконья жена. В этот момент каждый ощутил приближение непонятной, но мучительной, неотвратимой судьбы. Все, даже вампирка, сразу осознали свою беспомощность перед угрозой — и застыли в силках ужасного мгновения.

Потом всё закончилось: холод отступил, приговор был отсрочен.

— Все меня целуют сегодня. Ну, сп... спасибо, Барч, — прошептала невеста. — И больше никогда не дари мне ничего.

— Церемония назначена на шесть вечера. Идеальный компромисс между полднем и полночью. Весной темнеет рано, значит, будет приятно-сумрачно, — поднявшись по лестнице, Хет остановила друзей снова. Те уже зевали, не стесняясь (кроме вечно бодрой Бретты), и предлагали новые сюрпризы отложить на завтра. Но

ночеградка оказалась неумолима. — Успеете выспаться до вечера!
— Да, похоже, так и сделаем, — обречённо покивал Штиллер и потащился за её высочеством по неосвещённому замку Амао. Остальные, судя по вялому шарканью шагов за спиной, тоже сообразили, что подчинение без возражений сэкономит им время и силы. — Заблудимся тут... — ключник зевнул, — приляжем в уголке, а на бракосочетание явимся помятыми, с затёкшими шеями.

— Не заблудимся. Я тут выросла. Даже Амао знает не обо всех моих секретных чуланчиках, — бодро отвечала ночное существо Хет, ускоряя шаг. — Кстати, то, что я вам показать хочу, не моя, а драконова тайна. Вот!

Они оказались у массивной двери с засовом, из-под которой тянуло свежим морозным воздухом.

— Что стоишь? — недовольно обернулась Хет к ключнику, и тот покорно положил обе ладони на засов, намереваясь бороться с проржавленным железом.

Сонливость как рукой сняло.

— Обман, — глухо произнёс Штиллер. — Можно всю ночь бороться с засовом, замком и ловушками, но тут войти нельзя. Вот вход, — и он указал на незаметный поворот коридора, за которым темнела потайная ниша. Принцесса немедленно туда нырнула, остальные последовали за нею.

И увидели дракона.

Они оказались на идеально ровной площадке, выложенной бурым камнем, который железнодорожные тролли пекут в гигантских топках для постройки своих платформ и вокзалов. В самом центре лежал, вытянувшись и сложив лапы вдоль огромного тела, гигантский Амао... Нет: «другой дракон». Сей экземпляр оказался значительно ниже в холке, чем владыка крепости в его большой форме. Бретта обошла спящее чудовище и показала рукой на противоположную стену без окон. Та заметно отличалась от остальных и, похоже, могла быть поднята с помощью механизма, превращая логово стартовую площадку. Алисия сразу вспомнила Элмш, а Штиллер — балкон-лабораторию некроманта.

Дракон оставался совершенно неподвижен, не издавал во сне ни звука и, кажется, даже не дышал. Мог быть и гигантским изваянием, статуей, изображающей Амао. Принцесса подошла к передней лапе зверя и, крепко обняв, потянула её на себя. С ужасным грохотом лапа отвалилась.

Вся четвёрка отскочила назад. Хет захихикала в своей непередаваемой манере, а дракон, потерявший конечность, так и не запротестовал, сохраняя равнодушное оцепенение. Помедлив ещё немного, приятели подошли поближе и убедились, что перед ними механизм.

То был настоящий троллий шедевр. Спущенная в виде крутой лестницы лапа позволяла всаднику забраться внутрь зверя.

Принцесса отважно полезла вверх, четвёрка за ней. Вскоре они молча, опасливо озираясь, стояли и осматривали внутренности

гиганта — множество непонятных приспособлений. Штиллер, недоумевая, спрашивал себя, существует ли вообще так называемая «большая драконья форма». Бретте пришло в голову, что имея дюжину (а лучше два десятка) таких у себя на вооружении, можно выгнать всю нечисть из Буролесья или захватить Город Ночь.

Алисия убедилась, что штуковины, образующие манипуляторы зверя, очень напоминают машину Механа, приводящую в движение Камень Погоды в Элмше.

— Мой, — произнёс Барч. Все обернулись, но тот больше ничего не добавил. Рыбак прошёл по странно тёплому полу комнаты, драконьего брюха, — уверенно, словно уже бывал здесь. И сел напротив сооружения, напоминающего алтарь, сразу став похожим на жреца неизвестного бога.

— Я не стал бы трогать все эти вещи, — попросил Штиллер.

— Почему же? — с нажимом возразила Хет. — Дракон точно твой. Его построили для Биццаро, слуги Амао вылетают на нём очень редко. Я отыскала комнату давным-давно и, конечно, захотела механического зверя в подарок. Мне тогда доставалось всё, что пожелаю. Но не на сей раз. Дракона построили тролли, чертежи сделал Бран. Сын Амао.

— Так у него всё-таки есть дети? — поразилась Алисия и невольно в ужасе схватилась за живот, представляя, что беременна драконёнком.

— Был сын. С ним несчастье случилось, — принцесса покачала головой. — Тайна не из числа забавных, и потому — нет, не знаю.

Как-то удалось сунуть нос в письмо, где Амао просил буролесцев прислать ему кости сына. Сам дракон не говорит о таком. Разве что с вами? Финн был его другом до того, как проиграл войну.

Интересно, смог бы Барч поднять в возд...

— Не сегодня, — слышался снаружи голос хозяина замка.

Штиллер и Бретта с опаской выглянули из механического зверя.

Амао в малой форме стоял у дверей и смотрел вверх. Кажется, без гнева, с лёгкой ностальгической усмешкой. — Поздно уже, — сказал он. — Завтра важный день. Любое происшествие может послужить причиной конфликта. Приглашены все выдающиеся волшебники нашего времени. И опасаясь, они даже явятся. Я провожу вас в спальни. Дракона, конечно, можете забрать позже. Если сумеете.

На рассвете Бретта, полностью погружённая в чтение «Ужаса в красном», неожиданно получила от Штиллера подзатыльник.

Точнее, ключник во сне уронил ей руку на шею. Наёмница обрадовалась, что отвыкла сперва бить, а потом смотреть, кому досталось. Рен, очевидно, дурного не замышлял: невнятно извинился, перевернулся на другой бок и пропал в очередном ключниковом сновидении. Было заметно, как он с опасностью для жизни сражается с неподатливым замком. Бретта на мгновение задумалась, не помочь ли ему, но решила не вмешиваться, пока Рен не стал производить вскрытия на собственном теле.

«Уколола себя дева в палец, — читала наёмница, — и пролила

кровь на соломенную куколку. А сама в окошко — и бежать. В полночь идёт старуха-вампирика к дверям, чует кровь королевскую. Выходи, зовёт, граф Дракон тебя замуж возьмёт, а куколка ей изнутри: погоди, чулочки, мол, надеваю...»

Бретта хихикнула.

— Чуло-очки, — пропищала она неслышно. Перевернула страницу и стала читать сказку дальше.

Алисия и Барч не спали, лёжа рядом в темноте и обнимая друг друга. Окно в их комнате было распахнуто настежь, ледяной ветер врывается внутрь. И ледяными были два существа, едва дышащих и думающих о таком, о чём избегают размышлять смертные, потому что это грустные и неотвратимые вещи. Двое присутствовали рядом без ласки и без радости. Зато они нуждались друг в друге и делали всё возможное, чтобы достойно противостоять общей судьбе.

— Мне так повезло с тобой, — думала вслух Алисия. — И тебе со мной тоже. Не забывай, пожалуйста, о том.

— Я убью тебя, — отвечал мертвец.

— «Люблю», так это называется.

7.

День свадьбы Короля и вампирики наступил поздно. Поутру тяжёлые облака то и дело сбрасывали благословения в виде дождя со снегом на спящих под лавками и в протекающих фургонах

торговцев. Дары, что создали известность ярмарке в Амао.

Четвёрка позавтракала без Хозяина замка: тот где-то пропадал вместе с его величеством, приехавшим на рассвете. После того, как слуги подали горячий михинский чай с забуролесским мёдом и булочками, по анфиладе позади завтракающих солдатским маршем, гремя ботфортами, прошагал хмурый Погонщик Своры. Свита невидимок и потягивающие усталые гончие следовали за ним.

Мастер Ю дремал в кресле и старчески всхрапывал во сне.

Казалось, всё его могущество — нет, не оставило главу наёмников, — но занято было иными, более важными делами.

Констант Понедельник беседовал на другой стороне стола с Тоддом, элмшским целителем, официальным посланником барона. Главы гильдий, столичная аристократия-Островитяне, все, кому переполненные гостинные дворы и трактиры Амао показались неудобными, подсаживались к столу. Слуги надрывались под горами ароматных булочек.

Штиллер искал глазами Зюсску: невообразимо, чтобы платье до сих пор было не готово. Но вязальщица не показывалась, и это начинало тревожить. В конце концов, именно благодаря их вмешательству Заноза оказалась здесь в роли Величайшей Мастерницы колдовать свадебный наряд. Алисия, которой передалась тревога друзей, подсела к дружелюбной на вид ведьме в тёплой дорогой накидке, с сединой в пепельных волосах и запоминающимся красивым лицом — большеглазым, улыбчивым. Та интересовалась здоровьем матери и новинками в лавке амулетов.

Но рукодельницу не встречала. А когда Алисия вернулась к остальным, её встревоженно засыпали вопросами: разговорчивая ведьма оказалась Фенной-пророчицей.

Бретта нервно озиралась, поджидая Родигера. Вместо него гильдию официально представляла буролесская некромантка Лои Саама, похожая на тощую облезлую чёрно-пепельную птицу. Её свита — укрощённые тени — обманчиво-покорно расположились у ног хозяйки, лишь изредка оскаливаясь на проходящих мимо. Барч смотрел на них не отрываясь.

Бретте весь театр вскоре наскучил. Она привстала и с изумлением заметила, что все, абсолютно все присутствующие исподтишка наблюдают за нею. Стали подниматься и остальные: насытились, но ещё не решили, что будут делать дальше. От них тоже не ускользнуло общее внимание, которое одни гости скрывали, а другие даже из вежливости не пытались, в открытую обсуждая четвёрку между собой. Бретта потянула Рена за рукав и бесцеремонно потащила прочь. Алисия и Барч угрюмо направились следом.

— Куда ты меня ведёшь? — Штиллер остановился, когда понял, что замок просто не может быть настолько велик.

— Подальше! Или я в самом деле начну объедать незнакомцам уши, не пользуясь столовым прибором... Что там полагается делать легендарным мерзавцам? — выкрикнула Бретта. И, заметив краем глаза движение сбоку, приняла позицию для нападения, в каждой ладони по лезвию. Но фигура, стоящая в центре скупно освещённой

галереи, не сбежала и не попыталась защититься, только безнадежно махнула рукой.

— Похоже, и вам, — произнесла она голосом Зюски, — пора хорошенечко отдохнуть.

Все так обрадовались появлению Зюски, как вор — незапертой шкатулке с фамильными драгоценностями.

— Все узлы повязаны, все дырки заштопаны? — воодушевленно орала хулиганская Бретта, хлопая вязальщицу по плечу. — Надеюсь, не намертво? А то жених будет недоволен!

— Зюска, ты чего от людей прячешься? Голодная? Я для тебя яблоко стащил, — Штиллер совал ей под нос сморщенный прошлогодний плод. Даже Алисия, впервые видящая рукодельницу, улыбалась ей во весь рот. Она оглянулась и заметила, что Барч остался позади и подойти поближе не спешил. — Зюска, у тебя всё в порядке? — спросила Алисия, невольно понизив голос.

Мастерица снова досадливо махнула рукой и наклонила голову, будто прислушиваясь.

— Всё роскошно у меня, — ответила она наконец. А у остальных — увидим.

И впилась зубами в яблоко.

Остаток времени до церемонии они провели вместе на одном из балконов, опоясывающих дворец. Разговорить или хотя бы заставить улыбнуться Зюску не получалось. Похоже, работа над

королевским заказом истощила её природный мрачноватый оптимизм. Остальные успели рассказать ей обо всех событиях последних дней, включая краткое содержание книги про вампиров. И как раз собирались повторить всё сначала, но с добавлением только что выдуманных смешных деталей, как вдруг вязальщица встала и показала вытянутой рукой на далёкую башенку ратуши. Там едва слышно бубнил полуденный колокол. Приближалось время бракосочетания.

Алисия переделалась в свой лучший наряд — в ночеградские парчу и бархат, в меха и прочие швейные гномьи чары, доставленные из антистолицы. Мать обменяла его у ведьм Буролесья на древний оберег в виде клубка и спиц, подаренный мастером Ю. Барч получил длинный плащ с капюшоном, отводящий ненужное внимание. Штиллер достал было из сумы расшитый вамс и типичный для здешних мест короткий красный плащ. Но, выслушав мнение Бретты («Берегись, рискуешь занять место пропавшей жены дракона»), ключник со вздохом остался, в чём был.

Церемония проводилась в Храме Всех Богов и Демонов — каменном сооружении наподобие гигантской арены с алтарём в центре. На территории святилища равно почитались все могущественные сущности. Молодёжь называла их богами, старики — удачливыми друзьями детства. Те и другие имели в виду великих магов, достигших несравнимого с чарами смертных мастерства, чьи чудеса уже невозможно было отличить от

природных катаклизмов и стечения роковых обстоятельств.

Официально утверждалось, что щедрые жертвоприношения могли привлечь их внимание. Тогда жрецы, владеющие старомирским, пытались уговорить божество (или демона) принять древнюю телесную форму, проявить солидарность с людским родом и выполнить просьбу-другую.

Это нередко срабатывало. В остальных случаях дары забирал Амао. Сочетать вампирку и Короля законным браком согласился не кто иной, как Вёлль Маленький. Сотни лет о нём ни слуху ни духу — и вдруг легендарный творец стал часто показываться на Побережье и в горах верхом на своём скакуне — рогатом пони по кличке Козловский. Пришлось жрецам, конечно, погоняться за Создателем, а Королю — заглянуть поглубже в легендарные винные погреба. Народ верил и не верил в явление Вёлля. Но даже закоренелые скептики занимали места поближе к алтарю.

Некромантов по традиции в Храм не пустили. Госпожа Саама убедительно разыграла обиду и напороковала, что королевским отпрыскам, буде такие появятся, обязательно исполнится шестнадцать. И станут малыши в проклятом возрасте столь нахальны и непочтительны, аж родители пожалеют, что в день бракосочетания не перерезали друг другу глотки. По завершении монолога ведьма поаплодировала сама себе и полезла на один из священных дубов, окружающих Храм, чтобы не пропустить ни одной подробности действия. Тени сидели у дамы под юбкой, подталкивая снизу при необходимости.

Гости разместились на жёстких каменных глыбах, долженствующих вызывать смирение посредством сдавливания чувствительных мягких мест. Вёлль Маленький, бородач-гном, появился в первом ряду. Он старался не привлекать интереса к себе, но тщетно. Народ, осмелев от безнаказанности, штурмовал гнома, пожимая его не слишком чистую пятерню с обломанными ногтями, аккуратно хлопая по плечу и стараясь незаметно добыть кисточку от плаща или колокольчик из косицы на сувенир. Об истории создания мира интересующиеся слышали что-то, вроде: «Мир? Какой... Кто вы все?..» или «Пьян был, прощения прошу». И, наконец: «Это разве мир? Вот Костик творит — пальчики оближешь. Костик, иди сюда!» Константин Понедельник, букинист, только отмахивался и отодвигал любопытствующих копытом. Вдруг толпа притихла. Вошёл жених, признанный могущественнейший маг современности. Им оказался невысокий худощавый человек с хищным выразительным лицом. Казалось, он внимательно присматривается к окружающим и в любой момент готов к нападению. Король напоминал хитреца-еремайца: молод, светловолос, безбород. Улыбался одним широким ртом, а светло-голубые глаза его оставались широко раскрытыми, когда его величество отвечал на приветствия.

Он явился в чёрном с золотым, избрав цвета Города Ночь. В толпе сразу предположили, что невеста в ответ будет в гвардейских тонах — белом и синем. И угадали. Над алтарными камнями возникла ослепительная Хет. Рыжие волосы принцессы стояли дыбом в ещё

большем беспорядке, чем обычно. Очевидно, зеркальцем она так и не воспользовалась.

По скрытым ступеням из-под алтаря вышли поющие жрецы. К ним, хромая и почёсывая бок, поднялся Вёлль. Божество неформально оскалилось, махнуло на священников, и те испуганно умолкли.

Гном интимным тоном уточнил, не пришёл ли кто сюда по принуждению. Молодые, посмеиваясь, ответили: нет. «Ух ты!» — недоверчиво изрёк Вёлль и потребовал пива. В ритуальных целях, наверное.

8.

Тут всё и случилось — неожиданно, как большинство трагедий.

Платье на невесте вспыхнуло, рассыпая искры, неукротимым адским огнём. Страдающий крик Хет пронёсся над толпой.

Пылающий живой факел упал на камни. Народ кинулся тушить, но пламя вызвано было неким чудовищным проклятьем. Гости разбегались, разнося искры, которые невозможно было погасить. В считанные минуты Храм и здания ниже по склону пылали.

Ужасный многоголосый крик поднимался к небесам вместе с фонтанами искр. Клубы едкого дыма стелились по улицам, рушились изящные расписные домишки, метались горящие люди. Не пытаясь по-божески вмешаться, устроить дождь, например, Вёлль вскочил на рогатого конька. Под копытами зверя раскрылась трещина, словно чёрная рана. Скакун и всадник мгновенно были таковы, и щель захлопнулась.

Проворный коренастый наёмник бросил лук с ненапрянутой тетивой, чтоб не мешал, и метнулся к алтарю. Без колебаний сунул руки в пламя и достал закопчённое треснувшее зеркальце из дымящихся складок платья Хет. Стал водить им над неподвижным телом, как поступал в Лиоде, сражаясь с огнём. Но на сей раз не помогло.

Катер отступил, сбивая со своей одежды пламя.

Амао сорвал голос, сзывая чернокнижников, знакомцев духов гроз и наводнений. Мастер Ю и другие Островитяне совершали только им понятные ритуалы: спасали то ли горожан, то ли самих себя.

Через несколько ужасных мгновений усилиями немногих сохранивших самообладание волшебников начался-таки милосердный ливень.

— Приведите вязальщицу, — приказал Король.

Все взгляды стали искать Зюсску. Та, дрожа всем телом, пыталась сделаться меньше и незаметнее.

— Никогда не поверю! — грозно выкрикнула Бретта, подскочив и оцетинившись кинжалами.

— Биццаро, — сухо поприветствовал Король. И сразу перешёл к атаке.

Удар был сокрушающе силён. Ни Штиллер, ни Бретта, ни остальные друзья не могли больше пошевелиться или крикнуть. Невидимое, но в полной мере осязаемое нечто схватило всех пятерых, выжимая кровь из жил, сминая рёбра, исторгая слабый стон отчаянья. Штиллеру страстно захотелось на самом деле быть тем мерзавцем, которым его считали — тогда бы кара была

заслуженной! А потом боль поглотила все мысли, кроме одной: поскорей бы всё закончилось. Слепой от слёз, он услышал ещё голос Короля:

— Ю, старик, что ты делаешь?! — но уже не успел узнать, на чьей стороне выступил учитель наёмников, так как желание ключника исполнилось. пытка прекратилась. Крики, запах горящей плоти, брызги дождя, вспышки пламени сменились полумраком, тишиной и прохладой. Четвёрка и скомпрометированная мастерица рухнули на пол драконьего замка где-то вдали от беснующихся врагов.

— Поторопитесь, — слышался сверху встревоженный рык Амао.

— Глаз на панели управления — автопилот. Проще говоря, попадёте по его наводке в Новую Макиа-виллу.

«Никуда я не полечу! — хотел сердито ответить Рен. — Бегство подтвердит нашу вину и нечистую совесть!» — но получилось только «Ни...» и жалкое кряхтение из обожжённого горла.

— Полетишь, если не дурак, — свирепо возразил Амао, помогая товарищам ключника забираться внутрь. — Пусть король, некроманты, михинская фракция, Ю и прочие считают, что случился новый Биццаро-террор. Это какая-то чудовищная провокация, попытка развязать войну между городами. А наш мир, между прочим, совершенно не приспособлен для глобальных сражений. Сожгут, например, Буролесье, и весь климат смешного местечка, в котором мы живём, придёт в невосстановимое состояние. Даже шушуны совместной силой своей не поправят.

Пока предполагаю, что игрок — одиночка, безумец, ненавистник

людского рода. Может, у него есть запасной мир, я не знаю.

Страшная драконья ненависть выглянула из глаз Амао. Лицо выразило хищную неукротимость и охотничью страсть.

— Пусть враг полагает, что он вне подозрений. Я сам займусь расследованием убийства и рассчитываю на помощь одного буролесского охотника. Вы знакомы, не так ли?

Бретта открыла один глаз. Над ней криво ухмылялся Минц.

— Кота возьмите, — он сунул наёмнице под мышку пушистого телепата.

— Базиль? — шёпотом выдохнула Бретта. Зверь был мягкий и удивительно родной. У неё полились слёзы, надежда робко затеплилась под сломанными рёбрами и кровоподтёками.

— Мне очень жаль, Финн, что приходится таким образом тебя использовать. Но уверен, что тебе и твоему людскому «Клубу провокаторов» понравилось бы. Так что не... — дракон оборвал свой ностальгический монолог, изумлённо уставившись на Штиллера. — Не понимаешь, о чём я говорю? Забыл Прово?

— Прово? — хрипло изумилась Алисия, кашляя и сплёвывая кровь.

— Вы о моём отце?

— Свяжись с ним, друг, пока не поздно. И не говори, как встревоженная дочь. Требуй исполнения старых клятв!

Бесчувственную Зюсску пришлось нести на руках, ей досталось больше всех. Лестница поднялась, запечатав вход, наружная стена отворилась, как веер. В полупрозрачном брюхе дракона было видно, как Барч, единственный, кому хватка Короля не причинила

существенного вреда, привел аппарат в движение. Механический зверь подпрыгнул, рванулся в небо, пронёсся над догорающим городом — и исчез в низких тучах.

Дверь разлетелась на куски. Амао невозмутимо обернулся, Минц рефлекторно стал невидимым.

На пороге стоял десяток магов и ведьм, среди них были жених и отец убитой.

— Чем потом жалеть о содеянном, предлагаю сперва подумать, — прорычал Амао. — Мы все недооценили Биццаро. Я пытался его остановить, и видите — не преуспел.

— Всё больше убеждаюсь в том, что Финн что-то искал в доме Родигера, — задумчиво пропела некромантка своим чудным грудным голосом, вызывающим непреодолимое желание пасть к её ногам. — А Эмиль дал себя обдурить и даже поверил, что похоронил четверть злодея. Почему же ко мне никто в гости не ходит?

Присутствующие усмехнулись. Всем было ясно, почему.

— Моя дочь... — напомнил вампир с такой болью, что все усмешки стёрло. — Армия Города Ночь уничтожит Лес, и убежище злодея сгорит вместе с ним... Спокойно, Лои. Я помню, где стоит твой дом. Псы отыщут логово Биццаро, и тогда запалим костры. Никаких мёртвых ведьм, я отвечаю за жизнь и здоровье каждой девочки-осинки, которая покажет нам безопасный путь и не прыгнет моим щенкам на загривок.

— Будь Маккиа-вилла в Буролесье, мои давно уже отыскали бы, — некромантка флегматично покачалась из стороны в сторону. — Нет. И не в Михине. Не в Невере, не в Еремайе, — монотонно перечисляла ведьма. — Может, она в Городе Ночь у тебя под носом.

Охотник помотал седой головой.

— ... или на Острове.

Все переглянулись.

— Не пори чепухи. Все мы были на Острове. Там жить невозможно.

— Биццаро?.. — напомнила ведьма, будто бы это всё объясняло.

— Господа, — церемонно подвёл итог дракон, — будьте моими гостями ещё некоторое время. Привлечь Хайни? Вот и я думаю, что не стоит. Через неделю... Нет, даже через три дня мы будем знать, где убежище врага.

Даю слово.

Вырванная страница

Бросай добро в мешок

— Поедем в Невер! Там медвервольф на вертеле целиком, и фаршированный буролесский червь, и грифонятина в меду. И ещё тролли с «Хромым балаганчиком». Или куда? Снова в Еремайе, к братьям?

Борин поморщился, покачал гладкой макушкой, но не ответил.

Жена подождала, скептически щурясь на широкую спину супруга, пытаясь по её движению угадать направление его мыслей, как некроманты по полёту своих воронов предсказывают недомогания и погоду. Но муж схитрил и никакого знака не подал.

Выбирать он ненавидел с детства. Мать спрашивала: «Отрезать тебе свежей булки или моего вчерашнего пирога?» — «Булки», — отвечал Борин с тревогой, понимая, что дёшево не отделается. «А почему не пирога? Не понравился?» — «Давай пирога», — уступал сын, внутренне содрогаясь и корчась. «Нет, зачем же, бери, бери булку! — горько поджимала губы мать, воплощение беспредельного разочарования. — Ты мужчина, не так ли? Тебе решать!» — «Тогда пирог сейчас, а булку вечером?» — пытаясь спасти остатки душевного равновесия, предлагал Борин. Мать не отвечала, отходила в сторону, тихо вздыхая, едва не всхлипывая. Сын шёл на кухню и, давясь, пожирал булку вместе с пирогом. Плотником стать, как дед, или рыбаком, как дядьки, материны братья? Борин выучился тому и другому ремеслу, ловил задумчивую плотву и ехидных ершей в окрестностях Михина, выходя в Запретноводье на лодке, сделанной своими руками. В правом кармане у него лежали рогалики, испечённые женой, в левом — серая ароматная краюха, просунутая в окошко матерью. Каждое утро, ещё засветло, сын, проходя мимо, стучал в ставень, тот отворялся на ладонь, показывался свежий хлеб в чистом платке. Да что там хлеб! Даже когда пришло время выбирать между рыжей Лиленкой, кругленькой смешливой дочкой соседа, и строгой

высокой Руффой, оборачивающейся голодной демоницей под старым причалом, готовой на что угодно, на как угодно, выдвигая единственное нелепейшее требование: чтобы платье оставалось на ней. Борин женился на одной, а вторую зачаровал-заморочил, уговорил на редкие вечера, шепотки за спиной и чёрный жемчуг. В Михине рыбака уважали: звали к бургомистру на блины — но и к главе Гильдии Ключников, бывшего с городскими властями не в ладах. Оба жили по соседству, и возвращаясь домой, всякий раз приходилось стоять на развилке, мучиться: лезть горой, коротким путём, или брести долгим скучным переулком? Навестить родню по пути или лучше уж на будущей неделе, зато не с пустыми руками? В подарок троюродная кузинка по прозвищу Хвостик получала бусики и ножик в костяных ножнах, потому что Борин не мог решить, чему малышка больше обрадуется. Семья полушутя предполагала, что родич не запомнил, девочка Хвостик или мальчик.

Шло время, и груз сомнений всё тяжелее гнул Борина к земле. Или это была вечно растущая ноша несделанных выборов, заставляющая брать вдвое больше, чем мог унести? Хлам уже не помещался в карманах, хотя то и дело пришивались новые. Лодка Борина хлебала воду и обещала пойти ко дну вместе с уловом. Ехидные рыбы почуяли такую забавную особенность преследователя и теперь являлись неизменно по две сразу. Случалось, что рыбак разрывался на части, пытаясь схватить обеих хитрюг одновременно, и в результате возвращался совсем пустым.

Однажды Борин уже не смог подняться на ноги, когда свалился — может, выходя из кабака, или от женщины, а скорее всего, просто так, по пути с Рыбьего базара с двумя сумками на плечах. Он и сам не понял, как оно получилось. Вот только что нёс добытое в дом... и вдруг заметил, что качается по перволёдю у самого берега, и борта лодки уже почти вмёрзли в белое крошево. Пошевелиться не получалось, сколько Борин ни тужился. Разве что скосить глаз, чтобы убедиться, что превратился в белую статую.

«Старею», — подумал он удручённо, неспособный даже испугаться по-настоящему.

Со стороны залива незаметно подошёл горбатый дядька. Типичный снежный чародей, только почему-то явился он не из Внешнего Пустозема, а прямо по замерзающей воде, скользя к берегу.

«Ты откуда?» — говорить не получалось, но незнакомец понимал, что думают люди в таком безнадёжном положении.

— Оттуда, — махнул пришелец толстым пушистым рукавом на вялый плеск воды. — Рыбье дерево проведать ходил, на котором лещи растут и плотвички. А ты как думал, — сварливо уточнил дед, — откуда новая рыба берётся взамен выловленной? Не будь дерева, всю уже повытаскал бы. Что, не так? Жадные вы, а ты в особенности. Аж подняться не можешь!

«Я не жадный, — подумал Борин. — Я добрый».

— Ах вот оно как! — удивился мужик и присел на корточки, рассматривая замёрзшего собеседника. — Добро, значит, книзу тянет. Что ж, тогда дело поправимое.

Снежный чародей ловко извернулся и снял с спины горб... Нет, не горб, а большой мешок. Покопался, развязал, раскрыл навстречу рыбаку, словно широкую улыбку.

«Зачем? — удивился Борин. — Я туда не влезу».

— Ещё чего не хватало, — нахмурился колдун, но не всерьёз: усмешку в белую бороду спрятал. — Тебя со всеми тяготами и Морская Змея не утащит. Бросай ненужное, говорю.

«Ненужное? Которое тут ненужное?»

— Ты швыряй, швыряй, сам заметишь. Больно станет, если по живому отдирать начнёшь.

А сам уже сумки прибрал. Обе. Только хотел рассердиться рыбак, как чует — ногам легче стало, руки согрелись. Стал по карманам искать... Чего там только нет! Сушёные гоблины, обереги-проводники по болотам и трясинам, которых в Михине отродясь не бывало, рыбачьи приманки, зачарованные лакомства, пряники тётки Хоси. Всё оно споро переселилось в мешок. Борин наблюдал с любопытством, вежливо не вмешиваясь в чужое колдовство.

— Спасибо, — попробовал выговорить он, и получилось на диво искренне и легко.

— Отмёрз? — доброжелательно уточнил колдун. — Здорово!

Перемена человеку нужна, не то примёрзнет навсегда к ненужному и пойдёт ко дну.

— Ты-то как по воде с таким мешком бегаешь?

— Так я же не со своим. Ещё до рассвета всё раздам. Так что, ещё посидим или домой пойдёшь?

— Домой пойду, — выбор не составил труда. — А я тебя узнал, ты Финн Эльфский. В Храме тебя ругали, мол, ты народ обманываешь, жизнь отнимаешь. Мне кажется, врут. Как думаешь?

— Бывает, что и отнимаю чего. Тебя вот ограбил. Нет, что ли?

И оба отправились по своим делам.

Родной Михин поднимался навстречу чистым, искрящимся, новым, как только что выдуманым. Борин побывал ещё по пути у двух женщин, постарше и помоложе. Там его сердце окончательно оттаяло. Хотя обе по окончании беседы выставили рыбака за порог.

— Гуся с яблоками будешь? — спросила любимая, отряхивая ему снег с плечей. — Или, может...

— Буду, — ответил Борин.

Глава 8. Разоблачение врага

1.

На столе у капитана гвардейцев рядом с аккуратной стопкой исписанных пергаментов стоял букет ландышей в пивной кружке. Одурающе пахло романтикой и разрытой мёрзлой землёй.

— Смотри, что нашёл, — добродушно произнёс глава убийц на королевской службе, — для Годда, элмшского целителя.

Минц чудовищным усилием согнал с лица выражение ехидного скепсиса. Слишком уж заявление шло вразрез с солидным, даже высокомерным обликом капитана гвардии. И только приготовился выслушать трогательное признание, убеждающее, что у сурового

бойца имеется чувствительное, нежное сердце, как собеседник добавил:

— Цветы ядовитые. Горец за них платит по кости за пучок. А в столице больше дюжины рыбьих голов не дают.

Капитан побарабанил пальцами по столу, невозмутимо разглядывая наёмника и, похоже, не понимая причины его кривоватой улыбки.

— Мы, гвардия, — продолжил он с нажимом, — довольны, что не нам поручено расследование убийства принцессы. То есть, наши, конечно, всегда занимались таким. Опыт огромный накопился. Но тут как раз ясно, почему дракону предстоит самостоятельно разобраться с делом. А его клятва требует от нас позволить её выполнить. Так что никто не в обиде. Серьёзно. Мы готовы оказать тебе и Амао любую помощь.

Поразительно, но это прозвучало, как: «Гвардейцы сердиты, что их работу поручили дилетанту-наёмнику. И сговорились пакостить по мелочам, втайне разворачивая самостоятельное расследование».

Минц сделал вид, что не понял, и кивнул. Благодарно и с достоинством. Он уже бессознательно копировал впечатляющую манеру гвардейца.

— Меня зовут Вито, — капитан встал и протянул руку для рукопожатия. Жест показался наёмнику нелепо-старомирским, но пришлось и тут подыграть. Минц чувствовал себя неуклюжей мухой в паутине весьма церемонного паука. Всякое движение против ожидаемого от него казалось неубедительным базарным актёрством.

— Минц, — он тряхнул руку гвардейца, надеясь, что делает правильно. — Кстати, остальные буролесские охотники, которых удалось найти, даже самые опытные, категорически отказались вести следствие. Что наводит меня на мысль, что никому на самом деле не хочется знать, кто убийца. Или все уверены, что он им известен.

Капитан Вито усмехнулся, покачал начинающей сесть головой.

— Мы все на твоей стороне. На стороне истины, имеется в виду.

Ты-то сам знаком был с покойницей?

— Не имел удовольствия.

Решив, что достаточно соблюдал протокол, Минц обошел стол и

нахально заглянул в записи гвардейца. — А, особые приметы

четвёрки! Можно посмотреть?

— Забирай, сколько унесёшь, — неожиданно обрадовался Вито. —

Старику Ю отдай, может, у него дополнение важное найдётся.

Константу... Он со мной не разговаривает уже лет триста, чёрт

рогатый. Пусть вкладывает листок в каждую книгу, какую продаёт,

— премию получит. Картами или старомирским хламом, как

пожелает. Жаль, что в Амао нет котов, а то бы сам передал.

В замке дракона и окрестностях почти не водилось телепатов. Ни

Амао, ни сами коты подобное положение объяснить не желали.

Капитан Вито помолчал с таким значительным видом, что наёмник

невольно задумался о том, что не было сказано во время такой

драматической паузы. Он сгрёб со стола пергаменты.

— Я вот что спросить зашёл, — сделал вид, что вспомнил Минц. —

Ваши занимались нелепой секретностью, разведённой вокруг наряда невесты...

— Не такая уж она и нелепая! — Вито показался уязвлённым. — Традиции — мощный источник чародейства. Люди делятся силой добровольно, чтобы получить роль в мистерии. Да что я тебе рассказываю! Ю — величайший теоретик обмена колдовской силой, он, ясное дело, уже надоел вам своими премудростями, не правда ли? Так в чём был твой вопрос?

— Кто видел платье до церемонии? Кто охранял мастерскую? Такую большую рыбу в карман не положишь. Я имею в виду...

— Шила в мешке не утаишь, говорили старомирцы. Шило, уважаемый охотник, штука вроде длинной иглы, как вурдалачий коготь у шушуна-сапожника. Прятать сей неудобный предмет полагалось в самых неожиданных отверстиях тела, но не в мешках. Этот совет тоже мог быть простым речевым оборотом. Многие нюансы старомирского утрачены от неупотребления. Кто утверждает, что говорит на нём, пользуется руцким, языком первопоселенцев. Так его называли, потому что народ Вёлля в основном руками разговаривал, чтоб хоть чуток друг друга понимать... Что ж, я составлю список тех, кто мог иметь доступ к Зюсскиной мастерской. Понимаешь, запах такой «крупной рыбы» не оставляет равнодушным даже самых ленивых ловцов. Из подозреваемых нельзя исключить ни одного гостя Амао. И самого дракона. Четвёрка, например, с первой минуты интенсивно разыскивала рукодельницу... Получишь имена сторожей к

полудню.

2.

— Рен Штиллер: рост средний, волосы тёмные, короткие. Лицо круглое, гладкое, глаза карие с желтизной, нос прямой, рот широкий, на подбородке вертикальная ямка. Одевается помихински в куртку и штаны без вышивки, преимущественно в серое, зелёное и коричневое. Оружие носит на гномий манер за пазухой. Качество крови 180 по шкале Гернота. Всегда с собой сумка со знаком Гильдии Ключников.

— Не всегда. Ещё что-нибудь? — спросил кот голосом Рена в голове у Минца. Ощущение было непривычное, но, скорее, приятное. Как будто у него в голове резвился червяк, пообедавший королём. Под волосами теснились чужие ассоциации и обрывки воспоминаний. — Кстати, что за «шкала Гернота»?

— Дракон говорит, — пояснил Минц после небольшой паузы, — на вампирском жаргоне признак такой. Людьми не определяемый. С его помощью ночеградцы различают теплокровных существ друг от друга в темноте точнее, чем по запаху. Вспомнил: на Играх чемпионов-демонов выбирают именно по Герноту! Если индекс низкий, колдовать стоит экономней, а то закончишься... Кхм, Амао считает: шушунятина всё, суеверие. Самый высокий показатель по Герноту был у Лены Игел за день до её смерти, то есть, превращения в город. Но, если вы в антистолице сидите, поберегитесь в смысле прогулок. И в отношении колдовства тоже.

— Только вампиры находят людей по Герноту?

— Шушуну тоже, говорит Амао. А что, хочешь попробовать?

— Спросил из чистого интереса, мы же не в Городе Ночь, а... —

начал Рен, и связь прервалась. Минц поспорил сам с собой, что разболтавшегося ключника только что остановила Бретта. Не слишком нежно, насколько можно было понять. Наёмник привстал, кивнув дракону и собирался уже заняться другими делами, как вдруг кот вернулся в голову. На сей раз — голосом Алисии.

— Рассказывай дальше, теперь всем интересно, какой у кого индекс по Герноту. И описания наружности тоже. Бретта говорит, внешность — не признак, а процесс. А Зюсска — что только дохлые кротобаки не умеют маскироваться. Только дохлые кротобаки, вылепленные из вурдалачьего... этого я передавать не буду. Много там ещё, в розыскных свитках?

— Алисия Нойн, — улыбаясь, возобновил чтение Минц. — Рост высокий, волосы чёрные заплетает в косу или в крендель по-оомекски, глаза чёрные, кожа бледная с буролесской синевой. Нос мелкий, губы тонкие, покусанные... Не ворчи, что вижу, то и читаю! Пальцы в пятнах и царапинах от пайки и выделки амулетов, носит перчатки. Одевается ярко и дорого по столичной моде, с собой маленькая еремайская торба. Число Гернота 122.

— Правда? Немного. Надо бабушку спросить, где добавку берут. Бретта говорит, её очередь. И спрашивает: неужто там и семейное имя стоит?

— Хуже того. Слушай, кто ты: Бретта Марлис Эске. Что сия

дробедень означает — ведомо только демонам буролесских словесных ям. Ага, тебе никогда не попадались в чаще словесные ямы? И потому я ещё жив, наглый — кто? Хе-хе... Вот соберётесь в одного эпического злодея, навестим Бурый Лес и совместно такую яму наорём — все ведьмы попрячутся от смущения. Внимай, Марлис, и не гунди... 190 по Герноту, больше всех. Невысокая, круглолицая, волосы рыжие до плеч, кожа светло-коричневая в веснушках, глаза рыжие, вру, зелёные, ногти лакированные на еремайский лад, носит многослойные накидки с секретной системой легко извлекаемых метательных лезвий... Бретта! За информацию о том, как твои штуковины функционируют, Король предлагает дополнительное вознаграждение, десять костяных рыб. Вот и я того мнения, что «ого». Ладно, так ты, очевидно, не разбогатеешь. Что ещё? Особая примета: очень много читает, неспособна пройти мимо книжной лавки. Чтобы разоблачить подозрительную персону предлагается упомянуть в разговоре рукопись «Байки и приметы Вёлля и его семейства», якобы случайно найденную на чердаке. Коварно! Переходим к следующему номеру, к Бартоломео бесфамильному. Зюсску — на закуску. Нет, Рен, я не еду на поезде. Правда, перестал веселиться. Погоди.... Ух-ха-ха! Вот теперь — готов продолжать.

Кот в голове у Минца гневно притих. Наёмник взял себя в руки: долгие телепатические диалоги всегда заканчивались для него приступами истерического веселья. Что-то вроде личной непереносимости. Зато никакой крови из ушей и неукротимой

рвоты. Такое случалось, рассказывали.

— Бартоломео, при жизни и на родине прозванный Сом за невозмутимость и мощную нижнюю челюсть... Странно, мне не бросилось в глаза, а вам?.. Очень высокого роста, кожа серая, глаза трансформированы в некромантские протезы, в светлое время суток почти слеп. Волосы светлые в желтизну, длинные, собраны в узел на затылке по-рипендамски. Нос прямой, до середины почерневший, рот тоже чёрный, но, вопреки ритуалу, не сросшийся, значит, способен говорить и принимать пищу. Ногти, кончики пальцев на руках и ногах чёрные, одевается в кожаную куртку и штаны, индекс по Герноту 4.

— Четыре?!

— Что ты нервничаешь, Алисия, мы в вампирских фокусах ни шушуна не смыслим! Может, 4 лучше, чем 100? И не вздумай устраивать какие-нибудь ритуалы с переливанием крови.

Шагающая плоть — вещь непростая. Её стабильность нарушится, и твой Барч развалится. Причём, возможно, жить не перестанет.

Осталось про Зюсску, не прерывайте, мне кот уже всю макушку изнутри расцарапал! Зюсска-Заноза. Волосы тёмно-коричневые, длинные, от середины бесцветные или выгоревшие, причёсывается каждый раз на новый лад. Кожа загорелая, глаза карие, рост средний, телосложение крепкое, как у буролесской ведьмы, одежда уникальная, со множеством мелких деталей, преобладают зелёный и золотая нить. Индекс по Герноту 95.

— Не может быть! Зюсска говорит, ей сам Гернот под Савин

называл 132.

— Передай: то ли её обманули, то ли числа занижены по неизвестным нам причинам. Забудем Гернота и закончим разговор, а то мне уже хочется на крышу, рыбы и кошку. Но как соскучусь, надоем ещё. Базиля с рук не спускайте...

«Слушайте мудрого охотника!» — произнёс телепат голосом Минца. И промурчал, извиняясь за нарушение кодекса:

— Мне лучше работается, когда поспится. А они: Ленарт, беги, говорят, туда-сюда. Спать бегом, что ли?

— Если опять клады рыть не сбежит, станем на руках носить, — вроде бы поклялась Бретта — и умолкла на полуслове, потому что ленивый полосач оборвал связь.

Список сторожей, ровно в полдень полученный от пунктуального Капитана Гвардейцев, содержал только одно имя. Охранника покоев мастерицы звали Норви. Он был пугающе похож на Хигга — ростом, телосложением, даже тщетными попытками выглядеть безобидно. И так же затейливо переплетал длинные светлые волосы и бороду. Все гвардейцы причёсывались примерно одинаково. Нечто подобное стоило бы практиковать лохматым гномам, чтобы избежать славы мелких опасных дикарей. Король не запрещал своим солдатам украшение униформы экзотическими трофеями, потому гвардия расхаживала в кольцах и амулетах с черепами скорпилюдей, драколисков, болотных кукол и прочих смертельно опасных противников. Норви был одет не вполне по форме, но

солидно, без фокусов: в синюю гвардейскую куртку, рыбачьи штаны и сапоги. Без знаков отличия и талисманов солдат казался новобранцем. «Пёстрый наряд Зюски доставлял типу, вероятно, истинное страдание», — посочувствовал Минц, вглядываясь в фанатичные глаза гвардейца.

— Сутки напролёт охранял, говоришь? — с сомнением переспросил он.

— Сменщика не назначили. Так? — нейтральным тоном, в котором чувствовалась старательно скрываемая обида, повторил Норви.

Откинулся назад и спиной врезался в стену за табуретом.

Посыпалась штукатурка. На мгновение показалось, что гвардеец сейчас пробьёт кладку и вылетит затылком в ров. «Так?» было не вопросом — озвученной точкой, завершением монолога.

— Значит, разрешалось спать по ночам?

— Нет.

— Ты что же, две недели глаз не сомкнул?

— Много жизни потратить пришлось, — бородач подёргал себя за косицы. — Я ещё и не ложился. Так? Сначала начальник, господин Вито, допрашивал, потом Сам... — имелся в виду, конечно, Король.

— А теперь и ты. Дракон, наверное, тоже не прочь. Только мне сказать больше нечего. Так? Наряд из комнаты не выносили.

Собеседники помолчали, выжидательно посматривая друг на друга.

«Может, и вру, — недвусмысленно говорил взгляд гвардейца. — И что ты будешь делать?»

— Ладно. И правильно, что не выносили, — отступился Минц. —

Не знал, что гвардейцы способны неделями не спать. То есть, слышал, что про вас на базаре плетут, но не верил.

— Много ерунды рассказывают, — Норви выдохнул и сменил позу на менее напряжённую. Во всяком случае, уже не казалось, что он сейчас превентивно треснет собеседника в ухо. — Про вас, наёмных, тоже. Никому не нравится тратить жизнь на подобную чушь, на охрану юбки. Так? Сиживал я в засаде и подольше — и никто от меня слова недовольства не слышал. В болотах приходилось часов по шесть на одной ноге стоять. Если дело требует. Так? А вы, ученики Ю? Неужто никогда себя не тратите? Правильно, наверное. Но в походе-то? Когда под каждым камнем демон, в каждой луже по шушуну дикому сидит?

— А зачем вы, гвардия, по Приводью нелюдскому гоняете? — вдруг стало интересно Минцу. — Морской народ налогов не платит? Или нечисть из Бурого Леса озорует? Когда мимо казарм столичных ни пройди — пусто, солдаты в походе. Так ведь весь потратишься — не заметишь.

— Награда за службу достойная, — степенно ответил гвардеец, но уточнять не стал. — Как найдём, что ищем, бросим по округе шляться. Так? Куплю себе демона-чемпиона в Городе Ночь, разорю всех местных кровососов. Выучишься, знаешь ли, трюкам, пока Приводье десятков раз на кулак намотаешь...

Так называемые «трюки» не заинтересовали наёмника: ему фатально не везло в ночеградских Играх, вот и не проникся их азартом. Зато Минц заметил, что собеседник от последнего вопроса

уклонился. Пришлось повторить.

— Что же ищет гвардия?

Норви послал допросчику долгий загадочный взгляд.

— Что надо, то и ищем, — буркнул он. — Государственная тайна.

— Тайна?

Мастер Ю, дремлющий в кресле и никак не реагирующий на усилия привлечь его внимание, наконец, приоткрыл глаз.

— Нет, я не знаю, как заставить гвардейца говорить правду. Короля из меня не вышло... Да, я пробовал и проиграл. Признаюсь, я не так уж сильно старался, скорее, провёл формальное испытание, насколько он хорош. Хм, кто бы мог тебе помочь?

Старик выпрямился и вдруг стал похож на прежнего себя, на предводителя братства, доводящего всякое дело, за которое возьмётся, до конца.

— Жаль, Хигг отказался стать гвардейцем. Он всегда утверждал, что дисциплина не для него, но мне не знаком другой такой обязательный человек. Вероятно, нашему приятелю просто не нравились синие куртки, — Ю подмигнул, чтобы стало ясно, что он имеет в виду не одежду, а тех, кто её носит. — Я навязал ему ремесло палача и не горжусь. Знаешь, Хигг из людей, которые, однажды совершив ошибку, даже не по своей вине, не успокаиваются, пока её не исправят. А я его, дурак, в шпионы.

— В палачи, — уточнил педантичный Минц.

Мастер Ю тяжело взглянул на ученика, словно бы размышляя,

почему тратит время зря.

— Нужен был мне информант на королевской службе, раз Прово вышел из игры, — туманно пояснил он. — Наёмник, не знающий, в каких краях поле ржаное в Сухозем убежало, и у кого в колодце чёрт сидит, — голодный наёмник. И лучше бы ему сменить ремесло. Например, стать выворачивателем чулок на левую сторону в подмастерьях у столичных прачек. Гвардейца-шпиона заполучить почти невозможно, Нойн продержался неполный год — значительно дольше, чем я ожидал. И вот пришёл ко мне Хигг... — глава гильдии поводил руками в воздухе, но до предполагаемой высоты гиганта так и не дотянулся.

— «Сделаю-ка я из него палача!» — сразу подумал ты!

— Нет, — усмехнулся Ю, не разжимая губ, совсем как некромант.

— Не сразу. Ему попались какие-то горожане однажды под руку по ошибке... Сперва меня ввели в заблуждение, а я уже — его.

Невесёлая история. Он мучился страшно, именно тогда и решил выучить его ремеслу. Чистое искусство: отсекаешь только то, что полагается по закону, никакой самодеятельности, большинство ран у жертв со временем затягивается. Ремесло непростое, специалистов чрезвычайно мало, потому у них есть куча негласных привилегий. Например, палач в праве отказаться казнить того, кого сам считает невиновным. Работы у Хигга было немного, и всё в провинции. Столичный народ разрешает конфликты полюбовно — или радикально, тихо, внимания властей не привлекая. Хигг выезжал в Амао, в Город Ночь, сообщал мне обо всех казнях и

судах в Приводье, был допущен во дворец на Треугольной Площади. А я в последнее время вдруг совершенно потерял интерес к политике.

— Во времена моей молодости, — пояснил старик, покачиваясь, убаюкивая сам себя монотонными движениями, — архиврагом был Биццаро. Я сражался против его чародейства и разрушительных, аморальных, бесчеловечных идей, как мог. В отсутствие ультимативного злодея «Книга неотложных дел» наполнилась заданиями вроде «найти пропавшего родича», «снять проклятье со старого дома»... «Вылечить впавшего в маразм деда Ю» среди них, к сожалению, не оказалось. Я и проспал последние сто лет. Моё время на исходе. Без меня справитесь.

— Эй... — слова давались Минцу с таким трудом, словно приходилось извлекать их из-под окаменевшего тролля. Что следует говорить обожаемому учителю, который принял решение умереть? — Если я могу помочь...

— Наивный ты, малограмотный! — усмехнулся старик. — Сам не знаешь, что говоришь. Нет, благодарю. Я с вас, ребяташек, все годы собирал достаточно высокий гильдейский налог, чтобы быть вправе требовать ещё.

«Налог?»

Минц был уверен, что ничего, кроме десятка плотвичек в месяц и трофейного оружия до сих пор в Дом не отдавал. Или?..

Болезненный холод невысказанных подозрений на мгновение коснулся его рассудка, и наёмник затряс головой, прогоняя мысль,

что мастер способен был незаметно ограбить ученика.

— Это всё Треан. Из-за неё ты сбесился, уж прости за прямоту, — высказал он то, что остальные ученики не решались.

Но наставник не рассердился, а даже поднял на собеседника прояснившийся заинтересованный взгляд.

— В Михин зачем-то отослал, обидел... Рассказывали так, — заторопился Минц, с отвращением ощущая себя болтливой портовой ведьмой, торговкой несвежими секретами. — Зачем? Про «старик молодку взял» даже не начинай: в Оомеке источников молодильных, хоть водяных, хоть горячих молочных ключей, нырять не хочу. Выскочил бы оттуда бодренький, как конь... Ты ж любишь её, всякому шушуну заметно. И она тебя — аж до мокрых штанишек!

Глава гильдии кивнул, заметно думая о другом. Затем достал из кармана зеленоватый слоистый камень на серебряной подвеске.

— Нет, не могущественный амулет, требующий от всякого говорить только правду, — разочаровал Ю, наблюдая, как нервный восторг на лице ученика сменяется здоровым скепсисом.

— Не то бы и тебе пришлось излишне откровенничать. Все Амулеты Истины давно покоятся в самых глубоких ямах на дне Запретных Вод. Сам понимаешь, почему. Вот тебе полезная, безопасная вещь. Способствует обоюдному желанию почесать языки. Сумеешь правильно повести беседу, внимательно выслушать — останешься в выигрыше. Кот есть у тебя?

Минц помотал головой.

— Треан стоила всем нам слишком дорого, — голос наставника прозвучал значительно и спокойно. Но смысл в речи старика найти было непросто, как рыбака в Пустоземе. Ю продолжил ещё загадочнее:

— Её обязательно нужно было отпустить! Никто не тратит столько личной магии, своей и чужой, как недовольный собой, не видящий никакого смысла в собственных поступках человек. Любовь, думал я, заполняет любую бездну. Но бывает такая голодная пустота, ничем её... — Ю умолк, и Минц решил, что старик задремал. Вдруг тот выпрямился и кивнул, глядя на ученика насмешливо и проницательно. — Удачи тебе, парень. И не предлагай больше мне свою помощь, не то, гляди... приму!

— Учитель, — Минц решился задать наиболее мучительный вопрос. — Говорят, раз охотники умеют распутывать следы, значит, они могут и преступления расследовать. Но я в самом деле не пойму, с какого места...

— Справишься, — заворачиваясь в тёплый плед, украшенный танцующими скорпилюдьми, несомненно, работу Великой Мастерницы, проворчал наставник. И неохотно посоветовал изнутри самодельного кокона:

— Я не зря про Хигга вспомнил. Поговори с ним. Он больше не наёмник, но, как услышит, что случилось, отзовётся. Его подружка — бывшая жена Амао.

— Учитель! У меня нет кота! — сердито повторил Минц.

— Заведи.

3.

Минц поймал шушуна и убедил, что тот — кот. Если бы не уроки элмшского целителя Тодда, доказавшего, что Буролесье сопровождает охотника повсюду, ничего и не получилось бы.

— Ты мне кем передаёшь?! — Хигг звучал устало. Бедняга. Что делает с лучшими из лучших пара суток в Невере! — Забудь, не хочу знать, как. Вышел из гильдии, и ваши штучки меня, простого фермера, пугают до икоты! Жена стоит рядом со сковородкой и готова ударом по черепу милосердно избавить от вмешачьего кошательства. Э-э, кошачьего вмешательства.

Минц коротко, без эмоций описал пожар в Амао и смерть принцессы.

— Рассветным троллем приеду, — сказал Хигг у него в голове совсем другим голосом. — Почему этого никто не знает?!

— Откуда бы вам, фермерам, знать? Нет, ты сиди дома, тебя только тут не хватало, пойдёшь казнить, кого ни попадя. Извини, что-то я такое мету... Хиггище, друг, у меня пара вопросов, а так — оставайся дома, очень тебя прошу.

— Ладно, — помолчав, отозвался тот. — погоди, жена говорит, она винова... Что?! — шушун-кот испуганно умолк. Минц терпеливо ждал, в голове его складывались совершенно невообразимые «узоры».

— Слушай! — шушун вернулся, уже почти профессионально копируя приятный голосок жены «неверского фермера». — Хейзел

могла таким варварским способом отомстить за подругу. Мы, идиоты, разыграли её, как будто принцесса меня съела. Одним глотком. Посмеяться и забыть.

Вмешался Хигг:

— Я-то хотел нормально прийти к дракону, покаяться. У него полтора десятка жён, и все молодыми заканчиваются. В худшем случае порычали бы друг на друга. Но Деа пришла в восторг от людоедской шутки. Жёны Амао — довольно странные девочки, художницы плоти. Они настоящие, не метаморфы. Честные прилежные самоистязательницы. Но даже дело всей жизни может перестать радовать. Тут либо убеждаешь себя, что долг важнее счастья, либо уходишь заниматься чем-то другим. Редко такое случается. Почти никогда. Чем убеждать подруг в том, что оставить Амао — нормально, Деюшке показалось веселее устроить представление, что её сожрала ночеградка. И поверили? Дичают они в Белой Башне... Но тогда понятен поцелуй.

— Что ещё за поцелуй такой? — хмуро поинтересовался Минц. Хигг неспешно, основательно повёл рассказ. Когда бывший наёмник дошёл до буролесских поцелуйных традиций, шушунокот от напряжения потерял сознание, и связь прервалась.

Минц подумывал уже о том, чтобы ещё раз надругаться над несчастным, спросить друга о том, чем наёмники платят главе гильдии. Но не стал. «Ох и дикие вы, буролесские, — наверняка ответил бы Хигг. — Само собой, мастер Ю потихоньку съедал наши души. Тебе жалко для хорошего человека, что ли?»

В окно потянуло едким дымом. Внизу курилось пепелище, в Амао всё ещё тушили, горевали и, возможно, мародёрствовали. Пришлось устроиться подремать в гигантском кресле, поставленном на случай, если хозяину захочется посидеть в большой форме.

Когда Минц выскочил из тревожного сна, в котором допрашивал шахматные фигурки дракона, в Предгорье орали птицы, обещая солнечное утро. По-столичному внимательный к мелочам, буролесец немного потратился на приятный вид и запах. А потом обречённо потащился на женскую половину замка. Ещё вчера дракон с неудовольствием передал ему ключ от «Белой Башенки». «Не думай, — говорил суровый взгляд хозяина замка, — что я назначил расследование, чтобы стать вдовцом!»

Минц оказался в царстве бархата и шёлка, струящихся ручьёв, шепотков и ароматов. Каждой женщине принадлежало столько комнат, сколько ей удавалось зачаровать. Лабиринт с бесконечной сменой декораций вскоре привёл наёмника в невероятное волнение. Сейчас они принадлежали ему, ведьмы, в этот остановившийся момент. Одна построила себе чёрную купальню, полную лилий и яда, кратковременно сводящего с ума. Другая — уютный домик в старомирском стиле, из просмолённого дерева и глины: окна с вышитыми занавесками, столики, уставленные фарфоровыми куколками-гоблинами, сохраняющими опасливую неподвижность в

присутствии чужих. Повсюду царил умиротворяющий аромат свежего пирога. Третья разбила плодовый сад с резными качелями, розами и пушистой живностью.

Если хозяйка была дома, комнаты выглядели живыми и привлекательными, в каждой из них приятно было бы задержаться подольше. Когда же визитёр находил логово колдуньи пустым, хотелось уже с порога бежать прочь.

В тщательной реконструкции оомекского болота, тёплой, полной одуряющих ароматов, обнаружилась Хейзел. Она, кажется, стала ещё темнее и тоньше, напоминая болотную мумию, но не утратив ни толики жутковатой обольстительности.

— Мы будем говорить о мёртвой вампирке?

Хейзел бесстрастно, уверенно смотрела перед собой, словно отвечая невидимому собеседнику, почти не обращая внимания на гостя. Тот замер, пойманный в паутину странной прелести женщины, сидящей в гамаке, сплетённом из ветвей ив, на шкуре огромного бугоя. Безошибочно понимая мысли и ощущения Минца, белокурая ведьма медленно вытянула нечеловечески длинные, изящные, стройные ноги и опустила острый подбородок на соединённые треугольником ладони. Её пальцы напоминали иглы, тёмно-лиловые губы наводили на мысль об опасном недуге... на который согласился бы всякий в обмен на приобщение к тайне женщины.

— У меня тоже немало вопросов, — сказала Хейзел. — Правда, что Фенна напороочила, что старомирский демон Финн разрушит мир?

Почему глава наёмников не женился? Зачем гвардейцы моют руки после того, как постоят на карауле? Кто позволил поднять цены на молодильные груши?

— Понятия не имею, — замороченно признался Минц. Чувство обладания погасло, как свеча, сброшенная со стола, и теперь ему хотелось безо всяких игр перейти к делу.

— Что касается убитой ночеградки... — драконья жена откинулась назад, позволив кружеву соскользнуть с идеально-оформленного плеча с нежной ямочкой в центре. — Все завидуют метаморфам! Им не приходится жертвовать собой, чтобы добиться желаемой внешности. Но никто из сестёр не стал бы из зависти сжигать невесту Короля. Бедняжка не заслужила столь чудовищной смерти. Притом лично у меня была причина быть ей благодарной.

— Какая? — удивился наёмник.

— Деа получала много внимания мужа в последнее время. Её дни были сочтены, но и мне, признаться, недолго осталось. Потому я, конечно, обрадовалась, когда вампирка ею пообедала.

— ...она сказала: «Я жутко обрадовалась, когда принцесса сожрала мою соперницу»!

— И ты купился, — Хигг в исполнении немного отдохнувшего шушуна звучал флегматично и малоинтересованно. — Тогда что, Хейзел не убивала? Шучу. Конечно, это она.

— Вот спасибо так спасибо!

Шушун вынул мизинцы из морщинистых ушей и с горькой

укоризной взглянул на Минца. Сарказм был, похоже, особенно болезненным для передачи.

— Кушай, что приготовил дядя Хигг, — донеслось благодушно с той стороны. — Я ещё кое-что вспомнил на закуску. Накануне свадьбы наши искали подарочки по Мокрой Ярмарке. И в числе сюрпризов был некий поясок, «идеально подходящий к платью». Которое никто не видел. Улавливаешь?

Едва Минц ощутил вежливое покашливание телепата, сразу объявил с восхищением и досадой:

— Представьте себе, почти все женщины дракона уговорили мастерицу похвалиться шедевром!

— Зюсска велит передать, — ответил кот голосом Бретты, — мол, таких королей, какие жёнино платье солдатами сторожат, надо бы самих в юбку наряжать и под конвоем в Оомек возить, к целебной грязи. Головой в неё макать, авось поправятся.

— Мне внушают уже большее подозрение те драконьи супруги, которые и не пытались обойти запрет. Поясок был общей идеей скучающих дам. Они совместно отыскали подходящую вещь и устроили так, чтоб вы её купили. Допросить торговца не удалось, погиб на пожаре, но женщинам он, когда получал вознаграждение, рассказал, что «черноволосая столичная модница» долго раздумывала, прежде чем купила поясок. Даже пришлось убеждать, мол, «точно подойдёт». Гном чуть плотвы не лишился: заговорщицы сообразили, что их быстро раскроют. Алисия! Ты у

нас знаток могущественных побрякушек. Признавайся, что с пояском?

— Да не было на нём никаких убивающих проклятий.

— Прямо-таки ни даже самого маленького, завалящего?

— Что ты вредничаешь, буролесец? Разумеется, на пояске была некая мелочь, иначе неинтересно. Сперва я засомневалась, а потом подумала: Хет и сама по себе быстрая, как рыба-кусака. Слыхали? Юркая запретноводная мелочь двигается так скоро, что её ещё никто никогда не видел. Но любой рыбак в Лена Игел встречался с нею — чаще всего, когда хватался за карман в кабаке, чтоб расплатиться за ужин. А в кармане пусто! Беда, говорят, знать, кусака навестила, дыру прогрызла.

— Алисия! Не виляй.

— Поясок с обычными ускоряющими чарами. Кухарки кладут их в суп, чтобы быстрее закипел. В Невере чародейство придумали, чтобы овощи поживей созревали. Их собирают ещё зелёными, неопытными и рассаживают по ящикам. Чтоб не разбежались, как созреют, на поиски приключений. Гном-зеленщик ускоряет товар в лавке.

— И жених не заметил, что девочка быстрее...

— Прикосновение нужно, чтобы чары действовали. Вот если б на кожу намотать...

— Как можно ускорить платье? Оно не двигается по отношению к хозяину!

— ...едва Король схватился бы за поясок...

Ещё некоторое время кот в голове у Минца бестолково спорил сам с собой, но разными голосами, бросаясь обвинениями то в легкомыслии, то в глупых придирках.

— А в бою ускорение применяют? — пытаюсь перекричать галдёж в черепе, вмешался наёмник.

— Тут дело такое, — донёсся вдумчивый, компетентный ответ Бретты, до той минуты в спор не вступавшей, — теоретически возможно, но почти никто не пользуется. Если первым ударом не повалил и вокруг противника мельтешишь, то и сам прицеливаться не успеваешь. Мажешь, как пьяный тролль по рычагам локомотива. А ещё устаёшь, будто не против одного стоишь, а с целым отрядом сошёлся. И в... хотя разговор не про то.

— Нет, ты продолжай.

— И в постели тоже не применяют, — пояснила Бретта во внезапно наступившем заинтересованном молчании. — Ты знаешь правило: нет такого колдовства, которое ни разу не применяли в спальне.

Ускорение относится к немногим, которые успехом совершенно не пользуются.

— Ничего себе «подарочек к свадьбе»! Алисия?

— Отвяжитесь!.. Допустим, нравился мне Король. В давние-предавние времена. А потом — уже меньше, но обидно по-прежнему. Осталось желание увидеть его...

— Голым?

— Минц, я не дотянусь, так что будь любезен, тресни сам себя по шее. Почему «голым»? Обычным! Неинтересным. Потерпевшим

поражение. Видимо, драконьим жёнам того же захотелось, из совместной вредности. Да, когда заметила, в чём смысл чар на поясочке, хотела предупредить невесту. Но передумала. Глупо, конечно, и по-ребячески, но в тот момент мне понравилось. Уж не знаю, как назвать такую глупость: может быть, «биц-ца-ро», — глумливо выговорила Алисия, но в мыслях её чувствовались и стыд, и раскаянье. — Даже надеялась, Хет вовремя заметит шутку. Примерит, подвядется. Хотя сам обычно не чувствуешь разницу... Да поймите же, ускоряющими чарами полгорода не сожжёшь! Все согласились.

— Тогда это Амао, — заявила вдруг Бретта безапелляционно. — Жёны без разрешения даже в носу не ковыряют. Получается, шпионили с его подачи. Второе: именно дракон устраивал свадьбу, платил гильдии за розыски Зюски, нашёл Вёлля Маленького и всё такое. Тебя вот назначил. Прости, Минцушко, ты охотник серьёзный, но интриган неопытный. А ведь дело к войне идёт! По всему Приводью! Может, дракону того и надо, чтобы убийцу не нашли?

— Сбрендила?! — мысленно заорал наёмник, пугая Базиля. — Зачем бы Амао тогда вообще возиться с расследованием, клятвы раздавать? Мог бы просто отпустить гостей ловить Биццаро! Кстати, тут народ загодя слагает гимны о победе Короля над восставшим из мёртвых злодеем. Если б не дракон, уже полетели бы головы. Так что давайте оставаться на опушке реальности и плясать от пояска-ускорителя. Хоть он мне тоже и не

представляется оружием, уничтожающим города и народы... Раз, говоришь, неверские чары, то попробую побеседовать с лордом Садовником!

И Минц раздражённым движением выбросил кота из головы.

4.

Пепелище на месте красивейшей, старейшей части города Амао вызывало тоску и злость. Невольно вспоминалась судьба Лиода, о которой Минц читал у Константа. Даже рисунки очевидцев рассматривал. И если не остановиться, а продолжать сравнивать inferнальный огонь, поглотивший оба поселения, замечалось некоторое сходство. Может быть, влияние одной и той же непреклонной воли?

Долина, ещё вчера застроенная затейливыми домишками цвета оомекского мороженого, с красными крышами и резными верандами, с порога драконьего замка теперь напоминала плоску гречневой каши. Гречка — солидная, питательная магия, пережившая падение Старого Мира. Но глаз она не радует, и жить в ней невозможно.

Народ вовсю трудился на руинах. Кто с мешками, в которых угадывалось уцелевшее добришко соседей. Кто с телегами, нагруженными только что выкопанными, покрытыми пеплом соседями. Порой в толпе показывался внимательный некромант. Ему кланялись принуждённо, опасливо. Возчики трупов вполголоса задавали ещё какой-то вопрос, по-видимому, один и тот же, потому

что некромант отвечал одинаковым отрицательным покачиванием головы. И шёл дальше.

Минц с жалостливым отвращением бродил по улицам, ожидая что-нибудь увидеть или услышать. А ещё — отыскать Неверца. На каждом углу рассказывали, что тот посылает дрова, запасы и сборные временки для погорельцев, чуть ли не лично участвует в восстановлении города. На бракосочетании предводитель земледельцев показался наёмнику смешным и нелепым. Неверец носил желтые штаны и камзол в мелкую клетку, зелёный плащ и сапоги с золотыми пряжками, был высок, как тролль, усат, как гном, и лыс, как тыква. Вспомнилось, что во время пожара именно он пытался направить поток Запретных вод вверх по улицам в Храм всех Богов. Остальные спасались сами, как умели. Метались в нерешительности: стоит тратить личную магию или само погаснет? А если тратить, то на полплотвы или на целую кость?

Господин Садовник отыскался на бывшей базарной площади, чародействовал там в компании десятка угрюмых гномов-работников. Что-то они выкапывали, втыкали в грязную мостовую. Но и растаскивали камни, конечно. Орала в подвалы, лезли в щербатые окна. Помогали. Ни один гном не положил в карман даже оплавленного золотого дракончика — любимого жителями талисмана-хранителя очага.

— Моё почтение, уважаемый лорд Невер, — аккуратно начал Минц, подходя поближе, переступая через гномов. — Я Минц, наёмник, из Бурого Леса родом. Поговорить бы...

— А с удовольствием, — обрадовался тот, выпрямляясь и вытирая руки о штаны. Теперь он был в коричневом, в простом и недорогом, как одеваются большинство его соотечественников. — Я ждал, что меня отыщут. Для того, чтобы доказать, что убийца — садовник.

— Что?!

— Была такая надёжная старомирская примета.

Они присели на нетронутую огнём колоду с дождевой водой.

Неверец поделился хлебом с луком и куском копчёной грифонятины. Запили кислым столичным элем.

— Зови меня Лев, как сказочного кошачьего короля. Так и мне проще: я сам коренной буролесский. У себя на делянке лорд, конечно. Но ты вроде хуторка в степях наших не завёл? Значит, можно и без церемоний.

Собеседники отсалютовали друг другу копчёным мясом.

— Сам-то я в сомнении. Сперва думал, Зюсска всё подстроила, драконья рукодельница, — сообщил садовник. — Слава у неё ещё та. Послушай, что люди говорят. Сирота из Забуролесского Приводья — там, знаешь ли, самые места... ведовские, проклятые. Оттуда и старуха Илем, и Многорук, и стонцы неуспокоенные, ходячее несчастье. Конечно, не всему верить надо, что приводские болтают. Большинство их чудищ — на самом деле зловредные соседи-шутники. Но про мать и отца Занозы, ночеградскими охотниками убитыми, — чистая правда. Вроде бы даже особенно жестоко, сожрали на глазах у ребёнка. Полагаю, что и дочку не планировалось оставлять в живых, но кто-то спугнул людоедов.

Зюсске, получается, дважды повезло: её вырастили ведьмы или эльфы-ренегаты. Ну, не эльфы, судя по незаурядному запасу выражений на случай, если тебе плугом переехало ногу...

Разбойники какие-нибудь. Буролесское зверьё научило бы малышку безошибочно впиваться в пятку, а не двусмысленностям и плетению кружев.

Неверец вздохнул. Минц с интересом наблюдал за ним. Дядьке могло быть пятьдесят лет или пятьсот. Складывалось впечатление, что собеседник побывал везде и всем, чем вообще возможно. От Островитянина до шушуна.

— Месть, решил я, — с энтузиазмом продолжал садовник. —

Понятное дело! Узнала в ночеградке лицо из своих кошмаров, подготовилась и сожгла... полгорода?

Лев покачал головой.

— А если не мастерица, тогда кто, спрашиваю себя. И отвечаю: может, старик Охотник сам устроил поджог? Или один из банды идейных оппонентов? Ночеградский двор — толпа голодных пауков в одном сапоге. Невидимок оттуда в Амао набежало не меньше, чем заметных гостей. Чтобы проводить подружку под венец — или для совместного нападения на опасную хищницу? И не успел Минц разинуть изумлённо рот до совершенно уже неподобающей ширины, садовник пояснил:

— Экспансия антистолицы по Приводью — это факт. Кое-кто считает, что само побережье и окрестности уменьшаются с каждым годом, но данные моих землемеров это не подтверждают. А между

тем, еремаец, заплутай он ввечеру после попойки, дойдёт до вечерних границ — и пары сапог не сотрёт. Тролли строят третью станцию во владениях Погонщика Своры. Третью!

Минц прикинул, сколько места обычно оставляют между станциями, покачал головой. И встретил проницательный взгляд садовника.

— Понимаешь, как с такой позиции выглядит альянс Ночеграда и столицы в глазах наиболее консервативных старожилов Зубастой Башни? Хм, признаюсь, я — не в полной мере. Вампиры ещё никогда не вырастали у меня на грядках, так что воздержусь от поспешных выводов... Разговорился! — недовольный собою, пожаловался Лев. — Ты, парень, располагаешь к доверию. Хотел бы я верить, что случилось чудо взаимной симпатии, а не злоупотребление дешёвым амулетом с Мокрой Ярмарки. Чем-то ты наставника вашего напоминаешь, старика Ю. Молчишь хорошо, душевно...

— Пытаюсь проглотить, что услышал, — признался Минц.

— Прожуй сперва ушами-то, — посоветовал Неверец, ухмыляясь. Потом задумчиво продолжил:

— Мне пограничные свары знакомы не понаслышке. Можно сказать, только тем и занят. Чужаков в округе шляется стократ больше, чем в старину: бродяг, переселенцев, беглых — поди за всеми усмотри. Да и свои хороши: то колбасную траву сосед перечной прикормкой переманит, то изгородь загуляет на пьяную перекладину, то ревень редис приревнует и в Пустоземье сбежит,

суицидник зелёный. Но справляемся. Надо потому что! Всё Приводье кормим и в Пустозем вывозим немало. А настань в Невере темнота — придётся всем нам, господа, жрать друг друга. Не условно, а ножом и вилкой, — садовник энергично показал, как. Чтоб у собеседника не оставалось сомнений.

— Остров, утверждают некоторые, — решение всех проблем, как природных, так и общественных. Ничего подобного! — тут Лев прервался и махнул рукой гномам, пытающимся сдвинуть огромный камень.

Минц не понял, а те как раз сообразили, что имелось в виду. Кряхтя стали подсовывать палки, чтобы повалить гиганта на бок. Не раздумывая, Минц вскочил и тоже стал толкать, чувствуя, что без личной магии не обойтись. Но валун поддался. Упавший кусок стены съехал в сторону, открылся полузатопленный погреб. Люди, лежащие на его дне, видимо, умерли совсем недавно. Наёмник отвернулся и снова присел рядом с Неверцем.

— Я был на Острове, — сообщил тот. — Нас с женой дерево отнесло. Как? Долго объяснять. Да и не получится у тебя, ты не садовник.

— А мне не особенно интересно, Лев, — понимая, что ему не поверят, сказал Минц. — Неохота мне пока на Остров. У меня тут дел полно.

— Тоже правильно. Так вот, на Острове куча всего, но им надо уметь пользоваться. Туда за конкретной вещью ходить, а не за наставлением на путь истинный. Зря рисковал, выходит: жену

почти что уморил, дочек без присмотра оставил, в долги залез по самую макушку. Как вернулся — пришлось из Лена Игел перебираться, а дом некромантам продать. Очень уж им наш сад приглянулся под кладбище: земля там мягкая, щедрая. Ей всё равно, яблоню растить или человека.

Лев покривился. Стало заметно, что ему-то совсем не всё равно. Мимо пронесли в подпалённом одеяле живого мальчика. Неверец привстал, но на помощь уже спешил Гидеон Здоровяк в сопровождении команды шушунов. Столичный целитель выглядел против обыкновения усталым, измождённым, растратившим немало природного оптимизма. Шушуны с пыхтеньем волокли тележку с перевязками, с мазями от ожогов и прочими чародействами. Лекарь наклонился над спасённым, из одеяла донёсся страдальческий плач.

Садовник потряс головой, припоминая, о чём разговор.

— Уговорил, значит, семью: в Неверовке домов пустых довольно. Забрал только самых близких друзей-яблонь. Но остальные деревца нас с женой-дочками тоже не забывают: едва на какую кот влезет, сразу весточку шлют. У пашни характер непростой, скупой и непоследовательный. Не как у капризных садов или равнодушных лесных опушек. Работы навалилось... С демонами местными разобрался, с коровьим упырём, с моровой капустой, с трирогом, с бродячими колодцами и прочим. С соседями договаривался сам, без Гильдии Наёмников: лужки-огороды поделили, никого не обидел. Королю писал не раз, схему какую-нибудь просил, если не карту

Подмихинской области. Чуть снова по миру не пошёл, казнить пригрозили за ересь — и землемеров моих тоже. А на бракосочетании королевском вижу на платье невестинном, прямо по подолу, выткана карта Невера со всеми холмами и речками! Но не так, как оно сегодня обстоит или, предположим, завтра, когда я несколькими наглецам укажу, до какого овражка чья делянка тянется, а немного по-иному. Вроде дурного предсказания. От всей земли-кормилицы одна полоса, да всё по камням бесплодным, там, где Пустозем к воде тянется от столицы неподалёку.

— Может, никакая там была не карта, — усомнился Минц: рассказ садовника становился всё неправдоподобнее. — Как ты узнал-то, если, говоришь, совсем не похоже? Дорожный указатель нашёл на подоле?

— Что же я, своего дома не узнаю? И детей в окошках? Кстати, поговаривают, что у Погонщика Своры никогда не было дочери. Это он, метаморф, всё он.

— Алисия... Зюсска рядом? Хорошо. Что она делает, кстати? Присмотри за нею... Сам не знаю, что! Зачем она карту вышивала? Королевскую невесту с демонами-землекопами свести удумала? Ты сама куда смотрела, знаток предметной магии? Не заметила? Шпионить надо было, как все приличные люди!

5.

Хозяин Города Ночь, называемый Злым Охотником и ещё десятком

не слишком приятных прозвищ, согласился принять буролесца у себя в подвале. Там владыка антистолицы поселился сразу после приезда в Амао со своей немногочисленной, в основном невидимой свитой. Гостю приготовили великолепные затемнённые покои. Но тот обосновался в винном погребе. И туда же уполз зализывать душевные раны. Минц ещё раз столкнулся с отцом погибшей принцессы после того, как дракон произнёс известную клятву. Убедившись, что прямо сейчас разорвать убийцу не получится, вампир удалился в своё логово, на ходу бросив короткий взгляд на стоящего рядом с Амао охотника.

Нехорошо посмотрел. Заметно было, как ненависть душила ночеградца, не находя жертвы, неумоимо грызла изнутри.

Наёмник помнил ужасный взгляд, а потому идеей Садовника о заговоре вампиров не проникся.

В тёмное время суток ночеградец охотился верхом без свиты, в сопровождении двух демонических псов. Живые егеря обедали с остальными гостями Амао, но держались особняком, ни с кем бесед не вели, обменивались короткими фразами на гномьем «коде».

Когда один из них требовался владыке, егерь нервно подскакивал, словно по звуку рожка, который никто, кроме него, не слышал, и пропадал в направлении подвала. Квартировались слуги

Погонщика Своры тоже наверху, по соседству с неверцами и элмшцами. А сам Охотник сидел, как паук в тёмном углу, и ждал новостей. Иногда дверь в подвал отворялась сама собой, слышались шаги на ступенях, в сыром воздухе блуждали огоньки. Разумеется,

Минц снова и снова обнаруживал себя в окрестностях вампирьего логова или даже заглядывающим через перила на тёмную лестницу. К вечеру буролесец дождался драконьего виночерпия, отважно спускающегося в подвал за имбирной настойкой. Тот вызвал наружу смертного ночеградца из свиты.

— Причину назовите, господин, — попросил смиренно, но настойчиво тот.

— Я ищу убийцу принцессы! — возмутился Минц.

— Внизу нет его.

— Тогда, — нашёлся сбитый с толку таким ответом наёмник, — скажи своему хозяину... Накануне свадьбы один Биццаро подарил невесте зеркальце, в котором отражаются вампиры. Покойница, заглянув в него, сказала, что видит свою мать. О ней хотелось бы спросить...

И Злой Охотник согласился побеседовать о королеве.

Едва стемнело, Минц отправился на аудиенцию. Он чувствовал себя одержимым котолиском, подкрадывающимся к логову медвервольфа, приняв его за нору возлюбленной. Бледный Король произвёл на него впечатление существа рассудочного, ни в коем случае не наносящего случайных, непродуманных ударов. Дело в другом: Минц не мог расстаться с мучительным подозрением, что сам не прочь быть укушенным. В Холодном Логе ему довелось однажды видеть вампира, преследующего добычу. Производило достойное впечатление. Неплохо бы и самому так. Хотя ритуал превращения, если верить слухам, был весьма болезненным.

Буролесец занёс было ногу над верхней ступенькой в подвал, но вдруг на него дохнуло ни с чем не сравнимым ароматом гниющих цветов и подгоревшей карамели. Раскрашенное на манер театральной маски, лицо Лои, некромантской ведьмы, проявилось из темноты, как костяной палец высовывается из могилы чернокнижника.

— Иди за мной, охотник, — вычерненными губами прошептала ведьма, несомненно, прекрасная в далёкой молодости. Но теперь безнадежно дохлая, полная ползучей мелочи, питающей её, позволяющей двигаться и даже мыслить на прежний лад. — Расскажу, кто принцессу убил.

Предложение прозвучало слишком заманчиво, чтобы поверить в его бескорыстие. Минц с омерзением метнулся глазами от фиолетовых пятен на смуглых обнажённых плечах колдуньи к глубокому вырезу её платья, которое было владелице чрезмерно велико и позволяло рассмотреть больше, чем хотелось.

— Сожалею, королевскую аудиенцию не откладывают, — начал он вежливо. А продолжить надеялся так: «Назовите имя убийцы, а я подумаю, нравится оно мне или нет».

Но с удивлением заметил, что не может больше произнести ни слова. Через мгновение уже и не хотел.

Восхитительная лёгкость наполнила его тело пульсирующими пузырьками. Женщина, состоящая из мёда и огня, взяла охотника за руку, поднесла её ко рту и поцеловала раскрытую ладонь. Рой покорных таинственных существ проник через узкую ранку,

раскрывшуюся там, где прикоснулись губы чародейки. Каждый шаг за её светоносным силуэтом доставлял невыносимое удовольствие, оно ощущалось всей кожей, всем естеством. Нежный, вкрадчивый голос дарил истинное знание, абсолютную правду.

— Принцесса сама подожгла платье. Повтори!

— Сама, — говорить удавалось с трудом, под языком ползали небольшие шушуны, давить их было противно, — подожгла... платье.

— Хотела умереть. Чувствовала себя беспомощной куклой в играх могущественных чародеев. Страдала долго и тяжело, не могла терпеть больше.

Очевидно! Минц поразился, как самому не пришло в голову. Он бы и сам угадал, если бы не чудовищная головная боль. Будто что-то непрерывно жалило между глаз изнутри черепа.

Ласковые прохладные руки легли ему на лоб, погладили по мокрым щекам... Он, оказывается, сам того не замечая, плакал.

— Потерпи, уже почти всё, — услышал он непреклонный голос. — Сейчас ты мне ответишь на один вопрос, и хватит. Что за ужасную тайну выдавало платье бедняжки Хет?

Звуки складывались в знакомые слова, но смысла в вопросе он не находил. Госпожа Лои повторила приказ, и Минц снова зарыдал — от разочарования, от боли, от того, что не способен понять.

Продолжалось страдание довольно долго, судя по всему. Он заметил, что держит ладони лодочкой. В них из носа капала кровь, превращаясь в сапфиры и варенье из колокольчиков наперстянки.

Сухие, костлявые пальцы пощёлкали у него перед носом. Комната вращалась и покачивалась. И наёмника стошнило прямо на расписные туфли некромантки.

— Платье... выдавало тайну? — произнёс Минц. То есть, говорить пока не получалось, даже дышалось не слишком убедительно. Но кто-то помог буролесцу, выпустил звуки в искрящуюся тишину комнаты.

— Должно было. Только не разглядела, какую, — бормотала Лои, доставая из кармана то корень, похожий на тощую собаку, то бурый засохший плод, то верёвку с петлёй на конце. Всё было не то, и ведьма поспешно перепрятывала находки. — Никто не рассказывает. Я зачаровала мастерицу связать невесте такой наряд, чтобы на нём явно, недвусмысленно представлена была некая ужасная тайна или... Да что за мусор, где полезные вещи?!

— В твоей вонючей берлоге или повыпадали через дыры в юбке, — весело предположил некто голосом Минца. Некромантка ошеломлённо заглянула в лицо жертве.

— Что ты сказал?

— Не слишком важно, старая ты протухшая буролесская крыса. Давай, буди его, да поживей: парень ведь честно сообщил о своих неотложных делах.

Из ниоткуда вышел высокий тощий светловолосый вампир в сером, в простой рубахе и просторных штанах. Дремал в углу и был разбужен незваными гостями? Лои пригнулась, присела на

четвереньки, оскалилась, хрипло зарычала, как вурдалачка перед прыжком на горло матёрому подземному барсуку. Ночеградец коротко неуловимо пошевелил пальцами — и ведьма вдруг присмирела. Улыбалась двойным рядом железных зубов и всячески демонстрировала готовность к разумной беседе.

— Герно-от! Рада тебя видеть. Не видеть тебя нравится мне гораздо, гораздо меньше. И как тебе удаётся? Я ну совершенно ничегошеньки не заметила. Я и сейчас, — фальшивая улыбка на лице ведьмы на мгновение уступила место дьявольской ярости, — не замечаю, что ты здесь!

— Объясню, а ты отпуская парня потихонечку, — приказал вампир, подворачивая рукава, словно собираясь вымыть руки.

— Я уже почти вернулся, — дурным, пьяным голосом сообщил Минц. Гернот его слова проигнорировал и, прищурясь, рассматривал жилище некромантки. Несмотря на то, что гостеприимный дракон позволил превратить свои апартаменты во что угодно, никаких костей, древнего оружия, пыточного инструментария и прочих атрибутов ремесла ведьма с собой не прихватила. Вместо них точно в центре пустой комнаты в кольце из вьюнка стоял очень грязный деревянный ящик. Оставалось предположить, что именно в нём находился гардероб, постель и любимые покойники буролески. Ведьма присела на ящик, скрестив ноги, и безумно ухмыляясь.

— Ты больна, Лои, — равнодушно констатировал вампир. —

Дракон бы сразу заметил следы такого примитивного гипноза. Хет

— самоубийца!.. Народ скорее поверит, что Король отрёкся в пользу безрогого полубугоя Степаныча, сына осатаневшей от одиночества оомечки. Что же касается невидимости, мне удалось снизить мой индекс до единицы.

— Не верю! — выкрикнула, побледнев, некромантка.

— Там, где я стоял, ты, конечно, заметила нечто маленькое и решила, что у тебя под половицей притаился шушун или два.

Можешь попробовать...

— Нет уж, я сразу закончусь, что ты! — старуха немного успокоилась и помахала в воздухе разноцветными когтями, преимущественно оранжевыми и лиловыми. — Не боишься судьбы такой? Как же ты обедаешь? Через соломинку пьёшь или выташниваешь излишки?

— Не твоё дело. Пора, Лои.

— Ку... куда?

— И хватит, хватит пытаться удрать отсюда в Буролесье. Я тебя не держу. Это *он*.

Ночеградец произнёс последнее слово настолько весомо и уважительно, что стало ясно: речь о владыке антистолицы. И вдруг ужасная ведьма превратилась в грустную, испуганную женщину.

Она поднялась на ноги и оказалась довольно маленького роста, под большими чёрными глазами — лабиринт морщин и опухлостей, придающих смуглому лицу болезненную асимметрию.

— Зачем? — спросила буролеска шёпотом. — Я его дочь не трогала.

— А тебе и не надо было, Сэм, — Гернот отворил дверь, остановился на пороге и поманил некромантку костлявым пальцем.

— Убийц хватает, им дай только повод. Продолжим у меня, господа, а то неясно, что из этого гроба выско...

Тогда Минц потерял сознание и приглашения не услышал.

Буролесец очнулся на удобном диване. На голове его лежал лёд, на плечах — пёстрое одеяло. А в ногах свернулась ведьма Саама Лои, гладила его по щиколотке и потихоньку отпускала из своих колдовских когтей.

— Вот, что я нашёл про Невер у Константа, — Минц услышал чужой голос: хриплый, надменный — наверняка, ночеградского монарха. Наёмник попытался встать, но был грубо, с угрозой вывиха лодыжки, принуждён сохранять неподвижность. И стал слушать.

— «Невер, гномья страна, от Приводья до Внутреннего Пустозема возделана и заселена. Поезд из столицы останавливается тут чаще всего, в каждом маленьком посёлке. В Эльффлете выделывают кожи и чернила, дома выбелены и увиты цветами. В Бруке куют оружие и котлы, строят там из красного кирпича, как в Еремайе, а по вечерам танцуют в кругу, и тени умерших присоединяются к ним. В Лерше картофельная ярмарка, там едят «кудрявое земляное яблоко», овощную стружку, зажаренную в мандрагоровом масле. В Марустере плетут сказки из столичных слухов и буролесских сплетен, можно заказать отличную колыбельную. Дома там не

строят, а растят из травы»... Как можно растить из травы?

Никто не ответил.

— Смотрим дальше: названия вроде Оше, Борхаф и Мяточка. Кто-нибудь слышал о них? А между тем... — послышался шорох, видимо, ночеградец взял в руки другой текст. — «Все гномы бородаты, по бородам их проще всего отличить. Даже от соплеменников они чаще всего получают прозвища вроде Борода Лопатой, или даже Куцекуст»... Нет, погодите, вот оно, значительно новее, последних лет: «Все бородачи охотно рассказывают о кладах, закопанных в лесах между столицей и Михином. Но, судя по нищенской жизни безземельных гномов, вряд ли у них бывало имущество, достойное того, чтобы его выкопать». И где все деревни, не говоря о населении? Куда подевались вместе с имуществом? У меня сидят некоторые в ювелирных лавках, в часовых мастерских и на верфи: состоятельные горожане, ремесленники, мастера. А современный Невер — примерно три сотни людских дворов, всё верные вассалы приятеля нашего, Лорда Садовника. И тому хватает наглости произносить драматические речи о вторжении Ночеграда в Вечернее Приводье! Я не читаю в душах, это работа ключников. Но мне сообщили, что вы около полудня беседовали с садовником. Делаю вывод, что говорю с человеком, убеждённым, что я детоубийца.

Минц почувствовал, что его ногу выпустили, сел и огляделся. Лои

скрючилась, как гриф на насесте, и меланхолично грызла небольшое животное — крысу или крота. Погонщик Своры расположился в большом кресле напротив и гладил демоническую гончую, состоящую из языков пламени.

— Я не убивал Хет, — с видимым усилием произнёс Король-Вампир, не поднимая глаз. — И когда родилась — не решился. Но мать её казнил, конечно. Хет... была очень похожа на королеву, вот девочка и обозналась, увидев себя в зеркале. Она в него больше и не заглядывала, уверен в этом... Я женился, представьте себе, ещё в Старом Мире. Там мы и стали так называемыми «вампирами». Как ещё назвать существ, присваивающих растворённые в плазме крови жертв здоровье и бессмертие? Жена... Я так смешно был влюблён в неё, а теперь не могу даже назвать её по имени.

— Имя ты приказал ампутировать, потому и не получается, — невнятно прокомментировала ведьма, облизывая пальцы.

— Так оно и было.

Злой Охотник отпустил гончую. Та, виляя хвостом и рассыпая искры, сбежала вглубь подвала к чудовищным тёмным бочкам, в каждой из которых мог бы комфортно проживать тролль среднего роста со всем семейством. Минц проводил тварь мутным взглядом: теперь огненная бестия подожжёт дерево и крепкие напитки, и ночеградская знать с гостями взорвётся к шушунам!

Король Города Ночь поднял голову.

— Внимательней, ученик мастера Ю! Представь себе: полтысячи лет живёшь с женщиной, вместе творишь чудовищ, воюешь с

чудовищами, пьёшь с чудовищами на брудершафт. Обоим нравятся одни и те же приключения. Делаете друг другу подарки, которые только вам кажутся забавными, лезете к демону в зад... не говори Константу, что я сказал... Ну, в какую-нибудь унылую дыру, чтобы разведать, нет ли в ней бриллиантов для любимой. И вдруг оказывается, что она всё время, все годы искала способ произвести совместное потомство. Что это вообще, как понять?! Взрослая баба, не девочка, приняла решение — сама, не под пыткой! — в определённом смысле совершить суицид, полностью трансформировать обмен веществ, приняла собственноручно смешанный яд. Стала идеальным метаморфом, вором жизни, грабителем с большой дороги. А потом: «Ой, я передумала, Биццаро помог мне стать матерью, а ты теперь — отец». Роскошно! Леди прекрасно знает, что вампиров может быть только четыре. Вместе всё не раз рассчитывали. Самому было руки на себя наложить — или одного из друзей сожрать? — Почему четыре? — спросил Минц тоном монаха, убедившегося, что его божество — подушечка для булавок. — Верь мне, смертный, — вампир развёл руками. — Внятно объяснить, расчёты показать у меня уже не получится. Я математику и... дьявольщина, как её... статистику позабыл. Частично. Вру, серьёзно так выветрилось из памяти. Примерно до квадратных уравнений помню, дальше — молчание. Сколько раз в сутки допускается налёт на потенциальные жертвы из расчёта объёма поглощаемой жидкости, поголовья смертных в садке,

среднего индекса Гернота. Получалась интересная формула.

Результат — четыре. Можно три, но никак не пять.

Минц уставился на собеседника с неподдельным интересом, жалея, что не свёл знакомства с волшебством чисел.

— А если четырежды в день в одно горло?

— Чтоб я лопнул? — ночеградца поразила такая вроде бы очевидная идея. — Концентрация шушунов на миллилитр...

— Хватит, хватит уже, я щ-щ-щелюсть себе вывихну, зеваючи, — попросила Лои, шумно почёсываясь и всячески демонстрируя презрение к теме беседы.

— Лои, умерь свой... темперамент.

— Э?

— Меньше драматизма. Когда тебе в своё время тоже ребёночка от меня хотелось, математика казалась тебе чрезвычайно занимательной.

— Старое гнилое пиявище.

— Подождала, значит, немного, столетие-другое, после казни королевы — и расправилась с малышкой?

— Стой, стой, ничего подобного! Я даже носков вязать не умею, не то, что самовозгорающиеся платья! Да, «уговорила» Зюсску на особенный узор. Но что конкретно ведьма изобразила — ни малейшего понятия. Гернота спроси, зачем я наёмного зачаровывала, он присутствовал на допросе. Вспомни, девочка появилась на сцене, то есть, у алтаря, — некромантка вскочила и стала показывать не слишком похоже, зато очень эмоционально, —

сначала спиной, потом вот так, боком, по-прежнему ничего толком было не видно. Примеривалась уж на соседнее дерево перескочить. Вдруг — пламя, вой, мы сами бежали, как сбрендившие мухи. Узор и не рассмотрела.

Гернот протянул буролеске бокал чего-то тёмного, распространяющего удушливую серную вонь. Ведьма подозрительно принялась, но пригубила напиток.

— Благодарю, — произнесла она уже спокойнее. Рот некромантки дымился. — Наверное, платье Хет выдавало по-настоящему жуткий секрет. Хоть бы про наши лесные пути. Немало охотников отдали бы правую руку за план буролесского лабиринта, да. Но вещь нужно всё время держать перед носом. Там несколько ходов настолько безумных — я порой сама не верю, что каждое из идиотских телодвижений совершенно необходимо, чтобы выжить. Предположим, убийца запоминает сложнейшие планы с одного взгляда. Но зачем сжигать платье на принцессе? Проще испачкать, прикрыть иллюзией или шалью, оторвать кусок «на счастье», да и сжечь бы! — но после церемонии.

Минц напряжённо переводил взгляд с ведьмы на замерших в раздумье вампиров. Один нюанс те явно упустили, что казалось особенно подозрительным.

— Госпожа Лои, — напомнил он, — ваши аргументы убеждают, что убийца — некий посторонний идиот. Но остаётся неясным, зачем вы вообще устраивали провокацию с платьем?

Злой Охотник угрюмо уставился на гостя.

— Не подремать ли вам до утра? — предложил он. — Способность делать выводы восстановится.

— С какой же целью, по-вашему, она так поступила? — настойчиво осведомился наёмник. — Предположим, чтобы лишить-таки вас дочери, которую вы ей дать отказались. Или для защиты лесных дорог: принцесса там часто охотилась, могла теперь и мужа через ловушки провести. Тогда выходит, госпожа Саама знала о присутствии злоумышленника, нет, хуже того, была с ним в сговоре... Гвардия, кстати, давно шныряет по опушкам, заводит дружбу с местными отшельниками, но далеко в Бурый Лес не проникла. Потери слишком велики. Знаете, что гвардейцы ищут в лесу?

Охотник покачал головой, а Гернот ответил вопросом:

— Что гвардия ищет повсюду?

Тут собеседники обратили внимание на язвительное выражение лица буролесской ведьмы.

— Довольно заурядные предположения, — заявила Лои недовольным тоном. — Не верите, значит. Зря я перед вами откровенничала. Уже подумываю о том, чтобы оскорбиться из-за недооценки коварства моих мотивов. Может, я действовала по поручению графа Родигера? Или старалась расстроить свадьбу, потому что не получила личного приглашения на золотой бумаге и места в первом ряду, и персональной вилочки для почёсывания носа?

— Саама, матушка буролесского червя, что ты хочешь сказать? —

нетерпеливо спросил ночеградец.

Некромантка отряхнула юбку от кусочков меха и косточек.

Сердечно улыбнулась, отчего вдруг помолодела лет на триста.

— Любопытство, ничего больше. Грех было бы вылезти из берлоги и никакого безобразия не сотворить, ни одного секрета не разведать. Но таких ужасных последствий хулиганской вышивки я не желала и предполагать не могла. И лиходей мне не знаком, хотя доводилось сталкиваться с подобной бесчеловечностью. Неужто вам она в новинку? Платье сожгли, девочку убили... А то, что полгорода уничтожено, никого не заинтересовало?

— Дракон, — медленно проговорил Гернот, бледнея и снова проявляясь со всё более зловещим выражением лица, — быстро и радикально расправляется с врагами. С теми, которых своим чудовищным обаянием не превратил в верных союзников. Вам известны живые, активные враги Амао? Мне — нет.

— И мне нет, — медленно проговорил Злой Охотник. Лои тоже задумчиво покачала головой.

— Я знаю одного, — сказал наёмник.

— Мастер Ю, каким способом наша Гильдия получает здоровье и долголетие?

— Нам платят заказчики.

— Плотвой, рыбьими черепами?

— Искренней благодарностью, доверием, восхищением, радостью от перемен к лучшему. Люди стремятся расплатиться за добро, так

им спокойнее. Они охотно отдают частички личной магии, чтобы подарить спасителю тень собственного счастья. Лучше всего такие вещи помещаются в плотве, универсальных конденсаторах витальности. Мы забираем её.

— Я думал, твои ученики — герои, бескорыстно избавляющие народ от особенно жутких неразрешимых проблем.

— Леща тебе в ухо, Минц, мы же наёмники!

6.

Дюжину дней назад охотник пришёл в Дом, чтобы взять новое задание. Его сапоги износились, а душа требовала опасных развлечений и хитрых загадок где-нибудь в окрестностях тёплого Еремайе. Наёмник на удивление быстро растратил баснословную элмшскую награду — всего-то за четыре дня в «Золочёной Улитке», известном столичном доме, где люди и нелюди проводили время, исследуя волшебные способности своих тел к наслаждению. Минц находил «Улитку» приятной, уютной, ни в коем случае не зловещей, как полагали многие, преимущественно семейные приятели. Для них, вероятно, визит в такой дом означал гибель устоявшейся жизни, последний приют неудачника.

Предпочтительнее было в момент ссоры, или если душила обыденность, спуститься в Подмостье. И забыть. Буролесец оставался убеждён, что в «Улитку» стоит входить, как в театр или в Провалившуюся Башню Города Ночь: с воодушевлением и любопытством к собственным ощущениям от происходящего.

Создания внутри ласково, заботливо улыбались, задавали правильные вопросы о неприятностях последних дней и постепенно погружали визитёра в сладкий сон. Короткий, насыщенный могуществом. В нём срывались все тайные печати, падали проклятые оковы вины и забот. Порой болезненно, чаще — с облегчением и восторгом. Механика, некромантия, ведовство, музыка подбирались, как ключ, к тайному естеству взыскующего покоя. В результате гость покидал заведение, став немного богаче, хоть и с пустыми карманами.

По окончании «приключения» наёмник потащился в гильдию, улыбаясь смущённо и гордо.

И получил миссию в Элмше. Снова! Настроение у Минца попыталось испортиться, но не смогло: даже считанные часы в «Улитке» одаряли посетителя непоколебимой уверенностью, что неприятности преходящи, а победы — практически неизбежны.

Механ, повелитель таинственных аппаратов, уже во время прошлого визита не устоял перед настойчивостью буролесца и поведал о необычном способе казни преступников в горной крепости. Профессиональные палачи не отсекали им куски личности, характера или воспоминаний. Нарушителей закона попросту убивали.

Как в Старомире.

Мертвецов оставляли висеть в устрашение и назидание.

Безымянный скелет в клетке на внешней стене замка Элмш

принадлежал шпиону Амао. Дракон предложил щедрую награду за возвращение останков на родину.

Минц думал, что горцы без особенных возражений отдадут ему труп. Но он недооценил твердолобость элмшцев. Жители крепости внимательно слушали убедительные речи о том, как опасно и неразумно дразнить дракона. Они даже выучили и цитировали особенно понравившиеся им выражения. Вроде такого: «До того, как укусит, Амао выглядит не слишком опасным. И после того, как укусит, тоже». Наёмник научил горцев играть в кости и складывать застольные песни. Ему присвоили титул лорда.

Но покойника не отдавали. Говорили, мол, он прекрасно распугивает ворон и гарпий. Никаких гарпий в горах не водилось, и вообще их придумали суеверные гномы. Кости, значит, держали на расстоянии вымышленных существ.

Он пытался убедить элмшцев, что скелет на стене привлекает демонов и неудачу. Наверное, следовало организовать пару-тройку несчастных случаев в шахтах. Согильдеец Виктор Отравка так бы и поступил. Но Минцу подобные фокусы никогда не нравились. Изнемогая от безнадёжности и скуки, наёмник приготовился безлунной ночью украсть кости.

Перед тем он слетал в Амао и побеседовал с хозяином города, драконом. Вернулся в Элмш и больше ни в какие переговоры не вступал. Забрался на скалу, выкрутил блок, втащил клетку со скелетом на площадку. Сбил замок, запаковал останки в мешок, совершенно игнорируя наблюдающих в отдалении горцев.

Наконец, прыгнул в седло, взвалил мертвеца поперёк спины звероптицы, дал шенкеля и в тот же день завершил задание, передав груз дракону.

Покойник в клетке был единственным сыном Амао. Мать звали Лена Игел.

— Теперь я понял, — проревел ночеградец по окончании рассказа Минца о последнем задании, — почему дракон на стороне Биццаро! Надеется восстановить погибшего сына из останков, псих. К Фенне его направить, она ещё лечит подобных неудачников! Такая магия утрачена, леща мне в потроха, потеряна навсегда! Ладно, не моё дело. Так ты полагаешь, что горцы-дикари устроили пожар, а Хет — случайная жертва?!

Не дожидаясь ответа, Злой Охотник свистнул. К нему воодушевлённо бросились сразу с десятков гончих. Нетерпеливые движения, негромкое порывивание бестий выдавали готовность к неустанному преследованию. «Заведу пса. Живого», — пообещал себе Минц, с восхищением рассматривая свору ночеградца.

— Мы в Элмш, а к рассвету — назад, дракон и не заметит, — азартно прорычал владыка антистолицы. — Давненько наверху не бывал. Показать уродцам, с какими побочными эффектами стоит считаться.

Гернот уже некоторое время не давал себе труда быть видимым.

— М-момент... Всё не так просто, — осторожно произнёс наёмник, мысленно стирая Элмш с карты мира. — Не думаю, что кто-нибудь

из горцев способен составить такую самовозгорающуюся смесь. Чтобы сработала точно в момент наибольшего стечения народа и обладала настолько чудовищным эффектом. Распространение пожара только совместными усилиями получилось остановить. А элмшцы — народ одичалый, детей даже грамоте не учат... — Минц замолчал, потому что вспомнил. И признал с досадой:

— Правда, у них есть Тодд-Целитель. Но за ним в Элмш лететь не нужно, он здесь. На церемонию явился посланником. Барон у них, понимаете ли, в горную породу оборотился. Я бы предпочёл сперва побеседовать с Тоддом, а потом уж...

Ночеградец рванул кружевной ворот рубахи, словно тот душил его. И зашагал к выходу из подвала. Свора ровно, по-солдатски, затрусила за ним, вывалив языки и виляя хвостами.

— Дерьмо могильных червей вам в суп, — вздохнул вампир на ходу. — Ладно. Погожу лютовать. Гернот, помощи ему. И ты, Сэм, не мешай хотя бы. А то... знаешь, что. Удачи, господа. Доброй охоты, как говорили звери в хорошей старомирской книжке.

Минц, не размышляя, вытянулся на диване и мгновенно уснул.

— Хей, злодеи! Что? Да ладно, не злись, Штиллер. Отчего из меня дурь прёт? Я лично с Лои познакомился, с Мамой Лои... Нет, Зюсске скажи, не вру, чтоб меня разорвало пополам, начиная — откуда?... Ощущение от встречи, как от оомекской сивухи «Лисий потрох», её в столице даже рыбаки не пьют. Опять же — нет, некромантка рядом не лежит и не обидится, спасибо за

трогательную заботу о моём благополучии... Ох и языки же у вас в Михине! Слушай теперь.

Гвардейцы меня разбудили сегодня по-хамски засветло. Норви, бессменный страж женской одежды, вспомнил, что ещё одна дама заходила к Зюсске посмотреть на шедевр. Убеждён, что она не была женой Амао. Спроси Зюсску, пожалуйста. Как — не может вспомнить? А кто может? Есть такие мастера? Интересно, что ты про Фенну подумал. Потому что дракон, услышав про гостью, которую никто не помнит, сразу приказал взять ясновидящую под стражу. Он, видишь ли, убеждён, что такие штучки — совершенно точно её работа. Так никто другой не умеет. Роджер! Хе-хе... Знаю, что Рен. Констант Понедельник говорит: завершать кошачью связь лучше всего словом «роджер». Старомирское ругательство, означающее: «Проваливай!»

Элмшский целитель выкатил на расчищенную от снега дорожку в драконий замок механического монстра о двух колёсах. Монстр молчал, и если держать его за рога, то стоял смирно, а отпущенный — сразу валился на бок, задрав переднее колесо-копыто, вращая им в пароксизме непонятого удовольствия.

Тодд суетился вокруг своего нескладного детища: натягивал цепь на выпирающие железные органы твари, видимо, чтобы та не убежала, капал маслом зверюге пониже живота — и вообще проявлял к двухколёсному жаркую страсть, смотреть на которую было неловко. Наконец, горцу удалось добиться, чтобы

единственный блестящий глаз меж рогов механической креатуры смотрел вперёд, а плоский зад — в противоположную сторону. Лекарь перекинул ногу через кожаную спину чудовища и сел, с улыбкой держась за рога.

— Штаны он тебе сожрёт, мне кажется, — заметил Минц, подходя поближе.

— Шушун с ними... со штанами, — хихикнул Тодд, и наёмник сразу вспомнил, почему беседа с элмшцем доставляла такое страдание. — Это старомирский... транспорт под названием «ездовое колесо» или... «проволочный осёл». Мне, химику!.. удалось построить его исключительно по памяти! Я гений, слышишь, что говорю... наёмник?

— Слышу, слышу.

Минц обошёл конструкцию дважды, пожал плечами и спросил невежливо:

— Бегаёт хоть? Ослиное колесо?

Тодд нахмурился, выпрямился в седле, поставил обе ноги на выступы по бокам монстра — и свалился в грязь. Наёмник молча, без замечаний, которые просились на язык, помог целителю встать и отряхнуться.

— Поговорить надо, — попросил он, когда заметил, что Тодд снова намерен оседлать зверя.

— Я изготовил самовозгорающийся порошок, — вдруг с видом наигранной беспечности заявил элмшец. — Было ясно, что ты рано или поздно спросишь. Но к платью не приближался и принцессу,

соответственно, не убивал.

Горец попытался, помогая одной ногой, толкнуть второю заднее колесо, выехал на склон, помчался неожиданно быстрыми зигзагами по дороге и налетел на камень, выпорхнул из седла и свалился в сугроб.

— Бегает! — подтвердил Минц, подходя поближе. И стал ждать.

Наконец, посыпался снег, «всадник» принял вертикальное положение. Из царапины на лбу сочилась кровь. Минц на всякий случай отступил на несколько шагов, помня о том, что элмшец ядовит.

Тот сидел в сугробе, проверяя пальцем, все ли зубы на месте.

— Запоминай, — торжественно и чуть-чуть шепеляво приказал

Тодд. Его невыносимые паузы пропали, речь звучала гладко и значительно. — Ты молодой, малограмотный, но способен учиться, надо признать. Нет, не кланяйся, а будь повнимательней. Смесь для фейерверков, посредством которой расправились с принцессой, мне заказала Фенна. А Фенне не отказывают. Это свидетельствует против пророчицы, ясен шушун! Но есть и другой, гораздо более мощный аргумент, и он — в её пользу. Забудь о том, что Фенна — убийца! Абсурд. Ты же не станешь ломать стену, если видишь открытую дверь? Ясновидящая — мастер-манипулятор сознания, каких больше нет. Она могла полностью изменить личность Хет, сделать другим человеком, что в применении к метаморфу было бы особенно забавно. Именно Фенна в своё время убедила Биццаро, что ему необходимо умереть. То есть, её чары преодолевают волю к

жизни, что самыми компетентными котами считается невозможным. Теперь подумай сам: зачем при талантах такого уровня заниматься поджогами?

Минц молчал, и Тодд прошептал с остановившейся улыбкой: — Только что мне пришло в голову: можем ли мы быть уверены, что Амао вообще горел?

7.

— В обмен на информацию я хотел бы тоже кое-что узнать, — доброжелательно, но с ощутимым нажимом произнёс Вито. Минц снова ощутил укол недовольства тем, что давным-давно выбрал не гвардию, а гильдию мастера Ю. Ведь там занимались тем же, что и наёмники, но бескорыстно. Хранили порядок и процветание в королевстве! Хигг, известный противник гвардейского образа жизни, значит, попросту ленился рано вставать и не желал в скорпилюдьи норы лазить. Эх, Хиггище... Этот солдат мог бы быть твоим братом, так похож. Вот и сиди в своей деревне, дурак влюблённый.

— Нас интересует узор на сгоревшем платье невесты.

— На подоле была просто карта части Невера. Или Подмихинской области. Вроде схемы, но с изображением домов и населения. Так что сорвавшийся ритуал вызова земляного демона можно исключить.

Гвардеец озабоченно усмехнулся.

— На твоём месте я бы не стал исключать вообще ничего. Его

величество, например, уверен, что покушение затевалось именно на него. Мастернице заказывали оба свадебных наряда, но жених был в отъезде, пришлось ему идти на церемонию в обычной праздничной одежде. Как подумаешь: невеста стояла близко, Король спасся лишь чудом!

К такому обороту Минц не подготовился, а потому на мгновение потерял контроль над нижней челюстью.

— Не торопись, слишком многое стоит на кону, — подвел итог капитан гвардейцев, расправляя манжеты, изящную работу, но не Зюскину. Внимательно проследил, чтобы каждая деталь его униформы сидела на предназначенном ей месте. — Если убийца не Биццаро, новой Битвы Городов не избежать.

Буролесец поёжился:

— Мы ведь разумные люди, не дикий морской народ. Помирится. А где содержат пророчицу?

— Хочешь с ней побеседовать? Правда? — Вито задрал бровь. — Смотри... Мы сперва запретили навещать её. А потом Король говорит: «Похоже, только в каземате она чувствует себя в безопасности от Биццаро». Идём, провожу.

— Я сперва к дракону...

— Тогда он проводит. Сам не найдёшь.

Минц наблюдал за драконом. Тот, очевидно, ещё не утратил надежды.

Больше всего охотнику сейчас хотелось гнаться, ломая кусты, через

густую чащу вслед за кроликом-оборотнем. А догнав, макнуть нахальной мордой в ругательную ямку. Вот что следует делать, когда суета и разброд, а приятели сидят в засаде и ждут хороших новостей! Дракон тоже выглядел озабоченным, будто завершая партию в шахматы.

Сейчас, глядя на него, сложно поверить было, что перед наёмником сидел легендарный ящер, тварь Старого Мира, способная плевать огнём. А также обладатель «большой формы», которая бы ни в коем случае не поместилась в этой комнате. Минц и сам мог поджечь костёр без огнива (не слишком затратный фокус).

Примерно знал, как стать огромным, крылатым — и сразу закончиться, не успев вновь оборотиться человеком. «А ведь я никогда, — подумал Минц, — не видел Амао в его зверином обличье. Сейчас было бы некстати, конечно, всю мебель переломал бы. Жаль, что я не присутствовал в момент «проклятья Элмша».

Теперь дракон напоминал пожилого безобразного горожанина, по уши увязшего в скверных долгах.

— Фенну пришлось взять под стражу, — пробормотал Амао себе под нос, — не то гвардейцы кинулись бы мне на загривок всем отрядом. Что возвращает нас к первоначальному подозреваемому, Биццаро. Пророчица называется его ученицей. Сколько у нас времени? Сутки, прежде чем мне придётся указать Королю убежище наших приятелей, Четвёрки. Надеюсь, они времени не теряют.

Длинным желтоватым когтем, незаменимым в бою, но, вероятно,

весьма неудобным в быту и для нежностей, Амао медленно скатал и спрятал карту Невера.

— Гвардия гораздо сильнее, чем полагают старомирские гордецы — демоны, бестии, привидения, заклинатели стихий и прочая кунсткамера. Солдаты Короля считаются издавна защитниками населения. Их любят, в отличие от нас.

— И тебя любят, — возразил буролесец, умышленно не удержавшись от едва заметной нотки зависти в голосе. Дракону нравилось, когда ему завидовали.

— Мне благодарны, меня боятся, от меня ждут определённых вещей, да. Но чтобы быть любимым, нужно трудиться, а я ленив.

— Трудиться? — хохотнул Минц, но осёкся, понимая, что дракон имеет в виду нечто большее, чем продолжительные ласки.

— Конечно, — дракон откинулся в кресле, устремив взгляд огромных глаз в темноту высокого стрельчатого потолка, где недавно вниз головой висела Бретта. — Не позволять себе неряшества и слабости. Регулярно совершать поступки, достойные восхищения. Помнить семейные байки, быть готовым снова и снова расспрашивать о подробностях. И прочее. Дьявольски утомительная работа. Дружба, кстати, явление того же порядка. Я несколько раз пытался, но всё время забывал, зачем это делается. А его величество — помнит.

Дракон в упор уставился на собеседника немигающим глазом.

— Вот ты человек...

Минц церемонно склонил голову, усмехаясь и не будучи

уверенным, сделали ему комплимент или оскорбили.

— ...и ничто человеческое тебе не чуждо. Веришь в вину

Четвёрки?

— Горрину, нашему оружейнику, — неожиданно решился рассказать наёмник, — Биццаро сломал крылья. Известная история.

И вдруг ключник с рыжей и дочка Прово оказались тем самым Финном, живодеёром. Одним в трёх лицах. Бывает и хуже. Некий мудрец в Старом мире в виде выпечки являлся раз в неделю тысячи лет подряд... Поверил я, словом, что в одном вагоне с мучителем и злодеем еду. Тошно стало! По дороге в столицу пялился на них. Думал: что ж я никак повода не найду клюв мерзавцу наизнанку вывернуть? Вернулся — и сразу к Горрину. Он мне рассказал правду про крылья.

— Интересно, — оскалился Амао, нетерпеливо клацая когтями по подлокотнику.

— Горрин пришёл к Биццаро, чтобы совершить трансформацию дракона... — Минц подождал изумления, но не заметив и следов того, продолжил. — Сначала всё шло, как положено. Но потом у парня из спины полезли щупальца, гребни, спина покрылась жёсткими многослойными крыльями, как у жука. Оба запаниковали. Один орёт: «Хватит, не хочу, отменяй!» Другой: «Сам не знаешь, что тебе надо! Запустилось уже, не остановить, всё в твоих руках!» Горрин в конце концов отключился, когда его «благодетель» от ужаса и безнадёжности рубанул по живому. По твёрдому щупу наподобие паучьей ноги, что у нашего оружейника

из спины прорастал. Штуковина уже потолок пробила и шушунов двумя этажами выше в лаборатории распугала. Отломал, значит. Кровища фонтаном, но расти перестало. Финн — хрясь по другому! На этом метаморфоза и завершилась, получился этакий... ящер. По стенам ходит, рубит с обеих лап, хвостом с ног валит, боец серьёзный. Но не дракон.

— Понятно. То есть, твой ответ на мой вопрос: «Нет».

Амао поднялся на ноги так быстро, что на мгновение показалось, тот сейчас взлетит.

— Плохо соображаю в последнее время, — пожаловался он. — Трупы проиграл на днях. И посол у меня пропал неверский, снова. То ли предупреждает кто, то ли запугивает, то ли за нос водит. Бран вот — тоже там, в Невере, совершил некую фатальную ошибку... Дракон произнёс имя покойного сына ровно, без горечи. «В Элмше», — хотел поправить Минц, но поглядел на мрачного, погружённого в раздумья собеседника — и уточнил вместо этого: — Так он с железнодорожными троллями работал, твой сын. В Депо. Разве нет?

Амао помолчал немного, расхаживая в задумчивости, потом объяснил.

Бран, наследник драконьего трона, с детства интересовался гномьей механикой и поездами троллей. У парня были лучшие учителя: Марион Форо, Констант Понедельник, Эмиль Родигер, соответственно — искусства, история, биология. Не хватало лишь Биццаро, мастера цифр и фигур, — это знание после суицида

чародея пришло в забвение. По совету мастера Ю дракон обратился к троллям. В конце концов, именно ушастые великаны из Депо выставляли на Игры Города Ночь самых смертоносных механических носорогов.

«Зелёные соседи» отнеслись к затее равнодушно, но без враждебности. Юному принцу полагалось работать наравне с другими великанами, следить за благополучием железных чудищ, присматриваться, задавать вопросы. Через пару лет Бран окончательно «пропал» в Депо, о местонахождении которого не рассказывал даже отцу. Тому пришлось с помощью столичных котов локализовать логово троллей. Мистическое кладбище старых вагонов, плавильный котёл и родильная пещера новых локомотивов располагалась неподалёку от Михина, среди полей Невера.

Пряталось под землёй. Все легендарные штуковины: вращающаяся на чудовищных опорах площадка, на которой помещались многие составы целиком, голем, поднимающий стальной клешнёй вагоны, чтобы сменить колёса, огненные демоны, превращающие несъедобную кукурузу Пустозема в горючую чёрную кровь локомотивов. И прочие чудеса.

Фенну, естественно, интересовала личная жизнь троллей. Бран выразился непочтительно, мол, одинокую бабу-пророчицу можно было бы сосватать за вдовца, недавно потерявшего любимой паровоз. Констант был даже уверен, что все тролли — двуполы. В те времена открытий и споров малыш ещё навещал родителей и старых учителей. Потом всё реже.

То, что началось как забавное увлечение ребёнка, со временем стало смыслом жизни и настоящей страстью драконьего сына. Он вырос почти вровень с некоторыми машинистами, чинил составы, выводил на рельсы невообразимое старьё, в последний раз смазанное первопоселенцами. А ещё сделал в Университете (за неделю до пожара) сенсационный доклад о том, почему невозможно проложить рельсы через Город Ночь и проехать напрямую из заката в восход. После катастрофы в Лиоде Бран надолго пропал в Депо. Хайнрих Ленаигелский клялся, что малыш жив и здоров. И пообещал мурлыкнуть, если ситуация переменится. Однажды Бран вернулся в Амао и стал работать с Фенной над составлением «учебников»: книжек, просто объясняющих всё на свете, был бы интерес. Парень намеревался продавать их в столице и по Приводью тем, кому не посчастливилось отдать отпрысков в обучение достойному ремеслу. За небольшой процент с продаж гномы подрядились рисовать цветные картинки, схемы простых устройств вроде блоков для отжатия белья. Даже карты! Тут бы забеспокоиться, тут бы выкинуть коротышек за порог... А тем временем тролли собрали голема-печатника, совсем без затраты личной магии превращающего одну рукопись в сотню. По столице расползались пергаменты низкого качества, чуть ли не из варёных опилок. Сын аж лопался от гордости первооткрывателя!

В лавке Понедельника появился подмастерье-гном, рисующий карикатуры на гильдейских мастеров и гвардейцев. По базару расходились, как горячие булки, тощие книжонки с

завлекательными названиями: «Ледяная страсть призрака Левиафана», «Мсть рыбацкой дочки» или «Кровавые реки Ночеградских подземелий». В переулках болтали, что жена Ларсатрактирщика, востроносая Ребекка, неспроста таскается за каждой болтливой гномкой и зарёванной домохозяйкой, ахает, охает, старается разговорить строгих гвардейцев. Мол, ищет красотка-михинка сплетни для ежедневного листка с забавными рассказами, немножко смахивающими на правду.

Веселье продолжалось не слишком долго и прошло само, как насморк. В Лена Игел закончились два или три известных мастера: пекарь, резчик и стекольщик. Сгорела лавка с големом-печатником и соседский сарай. На базаре перестали судачить о невидимости Ребекки. А Бран, чтобы рассчитаться с долгами, вызвался погонять на механическом драконе, куда отец пошлёт. В Оомек за редкими напитками, в Ночеград за мясом. Последний раз спрашивал, не слетать ли в Невер. Там что-то копают всем народом. «Глянь», — разрешил Амао. Если «всем народом», подумал он, значит, ничего серьёзного.

И ошибся. Больше он сына живым не видел. Тролли и прочая ушастая компания на вопросы отвечала почтительно, но сухо. Что за клад откопали? Да ничего особенного. Вроде бы нашли золотистый минерал и продали горцам, те знают толк в камнях и кристаллах. Новый лорд Садовник ямы рыть и валуны ворочать запретил, они у него — пограничные столбы.

— Кот Базиль тоже клады ищет, — вспомнил Минц. — Бретта

рассказывала.

— Ерунда, — огрызнулся дракон, прекратив метаться, ухватившись за услышанную нелепицу. — Коты на такое неспособны.

— По обрывкам мыслей заказчиков карту собрать, как мозаику?

— Коты сразу забывают. Искал клады, говоришь? Тогда он не кот.

— А кто?!

— По мне — хоть вошь с бороды мастера Ю. И без него забот хватает, — раздражённо прорычал Амао.

Минц поскрёб шею и заметил, что зарос, как гном.

— С ума сойти, какие сложности. Кто-нибудь вообще выглядит соответственно своей природе? — пожаловался он, думая не только о растительности на щеках.

— Ага, ты начинаешь понимать глубину злодейства Биццаро!

Отказ от человеческого тела разъединяет людей и противен традиционному общественному укладу. Проще говоря, «глазам доверять перестаёшь». И ушам, и прочему. Представляешь, как глупо себя чувствует Вито с его «портретами Четвёрки»? — на мгновение Амао просветлел, но потом снова нахмурился. — Хотя словесные описания коварнее, чем кажутся на первый взгляд.

Подзабыл собственные приметы? Почитай и соответствуй. Древняя практика, между прочим! Листками «Разыскивается...» ещё лет за двести до падения Старомира на бандитов охотились... Хотелось бы, чтобы поджигателем всё-таки оказался не Финн. Город ему нравился. Стоечно-балочные дома, мостовые, фонтаны, шушун их задери! А теперь всё разворочено, как в Буром Лесу, и будет только

хуже, если я понимаю в войне.

— Насчёт «будет хуже» — полностью согласен, — радостно объявил Константин Понедельник, входя в комнату без стука.

Сначала явились рога, шипы и прочие предметы гордости, затем — клыкасто ухмыляющийся демон.

— Фенна сбежала, — объявил он. И прокричал, едва успев отскочить в сторону, не то выбегающие в коридор Амао и Минц сбили бы его с ног:

— Её и не охраняли почти, просто заперли! Невозможно сторожить менталиста.

8.

— Амао, у тебя там катакомбы, что ли? — спросил Константин, заглядывая в провал и просовывая огромную лапу в дыру. Дыра хихикнула и ответила демону рукопожатием. Тот поспешно отодвинулся.

— Гоблины! Дрянь такая. Откуда тут гоблины, ты же их на дух не переносишь?

Дракон принял позу, достойную того, чтоб быть высеченной во мраморе.

— Ведьмины фокусы. Никаких у меня гоблинов, телепатов, говорящих рыб и шушунов. Только ведьмы, куда ни плюнь, — Амао внезапно погрузился. — Хотя они ещё хуже. А где гвардия? — Король и солдаты ищут наверху, сидят в засаде у пещер и по городу. Откуда-нибудь Фенна да появится.

— Опыт показывает, что гвардия обычно правильно делает, — заметил Минц. Оказаться бы в лесу или даже в грязной городской канаве, но под ясными звездами, и чтобы ветер царапал глаза до слёз! Подземельями был он сыт по горло.

— Так займёмся же чем-нибудь неправильным, — произнёс дракон и погрозил кулаком гоблину. Тот вскрикнул и разбежался в разные стороны. Стал заметен древний пыльный ход, небрежно выложенный камнем. Сыростью несло оттуда, тухлятиной. И свежей кровью.

— Гернот, загляни внутрь, сделай одолжение, — негромко попросил Амао, и вампир, вздохнув, полез в подземелье.

— Давно ты меня заметил? — донеслось изнутри.

— Вообще не знал, что ты здесь, — признался дракон. — Просто подумал: вдруг?

— Можете, — донеслось из темноты после небольшой паузы. — Только аккуратно, тут народ лежит, не поскользнитесь.

«Не поскользнитесь», задожор тебя задави!

Гвардейцы, как позволял предположить осмотр в полумраке, порвали друг друга, не применяя личного могущества. Опознать растерзанные трупы не смогли бы даже близкие родственники. Некоторых солдат соратники привели в такое состояние, что невозможно было навскидку установить, сколько бойцов участвовало в сражении. Старательные ребята: уж если брались за дело, то работали не на страх, а на совесть.

— Поторопитесь, — произнёс вампир, выпрямившись и промокнув уголки рта, — чувствую, Фенна недалеко.

Они бежали за ведьмой, не думая о том, что могут сбиться с пути в темноте и никогда не выйти на поверхность.

Амао не помнил, что приказывал рыть катакомбы. Понедельник убеждённо бубнил, мол, не могут они быть нерукотворными. Минц, выдыхая ровно, поймав хороший, правильный темп бега, высказал предположение, что во времена Основания здесь добывали руду.

— Руду извлекают личной магией, каждый раз ровно на один меч, — заметил Гернот, знакомый с гномьим ремеслом и не раз присутствующий при рождении оружия.

— Может, тоннели проели аккуратные черви, и потолки укрепили из любезности?

— В это я скорее поверю! — оживился Констант, переводя дух.

Демон оказался не особенно выносливым: пыхтел, шкрябал роговыми гребнями стены, картинно останавливался, отдуваясь и мотая ушами, рассыпая капли пота, будто выбегающий из воды пёс. Называлось представление: «Старика-букиниста, солидного дядьку, принуждают носиться, как подстреленного гуся».

— Фенна не дура, уже пропустила нас мимо. А сама крадётся следом. Ждёт, что мы выведем её наружу, — Амао выглядел разочарованным, точно бродяга из Подмостья, выброшенный из ювелирной лавки.

— Нет, не думаю. Я бы почуял, — произнесли одновременно буролесец с вампиром и посмотрели друг на друга уважительно.

— Где же она? Далеко?

— Не особенно. Чувство вины выдаёт её.

За поворотом камнепад чуть не сбил Минца с ног. Дракон вовремя оттащил охотника. Точно так же, как тот его — шесть или семь коридоров и две лестницы назад. Там пророчица не пожалела личной магии на неширокую, но достаточно глубокую трещину, чтобы один из преследователей поломал ноги и задержал остальных. Если бы Амао не позаботился о том, чтобы светиться, несчастных случаев было бы гораздо больше.

— Вон она! — придушенным шёпотом крикнул Амао, выдыхая струйку пара, и сразу оглушительно гаркнул:

— Фенна, не дури! Мы без палача! Поговорить!

И в тот же момент преследователи поняли, что двигаются по вертикальной стене. С криками, цепляясь за камни, балансируя и проклиная ведьму, они пытались сохранить равновесие и всё же повалились кто куда. Коридор искажался, скручивался в спираль, неуловимая фигурка на карнизе напротив то приближалась, танцуя, то отодвигалась в бесконечность. Минц изо всех сил боролся с тошнотой: даже через крепко сомкнутые веки ощущалось изматывающее вращение. Он больше не катился вниз, но заметил, что постепенно погружается в камень, как в оомекскую трясиину. Буролесец замер в смятении. Каменные гиганты здесь были, а не подземные тоннели. Земляные демоны. «Неужели так всё закончится? — исторгло сознание судорожную мысль, нелепую, как бег безголовой курицы. — А хотелось ещё на О...»

И заметил, что ползёт. Зигзагами, отталкиваясь головой, странно поджимая руки, то ли обожженные, то ли сломанные. Он сплюнул горечь, наполнив рот, и предоставил телу заниматься его странной работой, будто бы тому лучше известно, что делать. Спутники, вероятно, были уже мертвы или сбежали. Или он охотился один в незнакомом, гнусном месте? Где же оружие, а главное, дичь?

— Ты заблудился, — раздался шёпот, щекотка под левой бровью.

— Устал. Спать. Здесь безопасно. Рассветёт, и тропинка найдётся.

— Может, я болел? — подумал Минц осторожно, подозревая, что думать не стоило бы.

— И сейчас болен, — наставительно подтвердил некто близкий, но неприятный, вроде клеща в волосах. — Пора поспать, не то ослабеешь и умрёшь.

Вместо того, чтобы последовать совету, Минц ещё немножечко прополз вперёд, щурясь в темноту. Там сидела невидимая, но осязаемая, как перемена ветра, тощая седоволосая женщина.

Прижимала ладонь к окровавленному боку, напряжённо глядя поверх головы наёмника, во тьму.

Зрение буролесца на миг расстроилось, перед глазами замельтешили шушуны. Он врезался лбом в камень, взвыл и заморгал, пытаясь понять, куда попал.

— У тебя гвардия, — донеслось из темноты.

«У меня... гвардия?» — изумился про себя наёмник.

— Не отвлекайся, Вито, — устало потребовала невидимая

женщина. Минц попробовал возразить... поднять голову... Но лоб придавили то ли каменные великаны, то ли тяжкие раздумья.

«Ладно, — подумал он. — Пусть. Что дальше?»

— Ты делишь солдат на три армии: Буролесскую, Оомекскую и Центр, последнюю оставляешь в столице. И только одному войску сообщается старомирский секрет, дающий неоценимые преимущества в бою. Пока доступно?

— Продолжай, — выдавил Минц.

— В лес идут вдвое больше народу, чем сидят в казармах в Лена Игел. Затем ты забираешь пятерых гвардейцев из специально обученных старомирскому чародейству и отправляешь их в ссылку во Внешний Пустозем. А половину оставшихся избранных посылаешь для укрепления Оомекской армии. Вопрос таков: солдаты какой армии особенно обучены?

— Центр, — ответил Минц, не раздумывая.

— Почему?

— Шушун знает. Угадал?

Женщина вздохнула.

— В том вся беда, Вито. Зачем напрягаться, если можно потратить личную магию и получить готовое решение? А потом украсть кусок жизни у соседа.

Минц неожиданно легко высвободил голову. Тоннель в скалах опустел. Из темноты долетал шёпот ясновидящей, принимающей его за гвардейца. Наверное, не без повода. Слова звучали знакомо, но смысла в них было не больше, чем настоящих великанов в

казематах.

— Ты и другие солдаты взяли на себя праведную миссию: защиту населения от разбойников. Молодцы! Не то демоны давно уже захапали бы всё могущество, всю соматическую магию до последнего шушуна. Исполнение желаний, любых желаний — такова была их цель, не больше, но и не меньше. Отрастить новые органы чувств, парить на орлиных крыльях, одеться плотью единорога или проспять сотню лет на морском дне! Это ли не стоит, полагали они, нескольких жизней соседских детей, горластых бездельников? А уж для вечного обновления тела можно пожертвовать народцем-другим... Гвардия заставила «богов» и «чудовищ» думать о последствиях, считаться с людским законом, уважать выбор остальных. Беда в том, что работа солдат Короля в последнее время ничем не отличается от преступлений тех, кого они привыкли преследовать. «Синие куртки» больше не выясняют обстоятельства, не пытаются искать виновных, сравнивая рассказы очевидцев, копаясь в пыли и крови. Вы сразу зовёте палача. Чтобы нейтрализовать серьёзного противника, без колебаний забираете жизнь добровольцев. Да что там, просто чтобы сохранить секрет или быстро остановить врага — лупите по площадям, идиоты. Не рискнула, не взялась я заколдовать одежду на некромантский лад, так сразу печень прострелил мне... Погодите, вам ещё понадобится грамотный невропатолог... — женщина шумно втянула воздух после её длинного непонятного монолога. — Забавно, вроде бы только вчера о том же беседовала с Финном. А теперь трачу время

на его бесталанных врагов.

Женщина говорила всё тише, а окончание фразы вообще съел затхлый сумрак.

— Я не Вито, и Биццаро мне не враг, — возразил Минц, массируя шею, всю в синяках от хватки иллюзорных великанов. — Штиллер — толковый парень и своего дела мастер, Алиска — шикарная девчонка, хоть в голове у неё хлама и не меньше, чем в материной лавке. Что же касается Бретты, с ней попробуй не подружись — и ты покойник. Лезвие тебе в глаз, а потом станет разбираться, второй оставить или тоже вынуть на память.

Он ещё хотел добавить, что рипендамца так и не раскусил. Может, тот только прикидывается трупом. Но что-то в поведении собеседницы показалось ему странным. Её присутствие перестало ощущаться. Совсем. Зато слышались шаги спутников, о которых он невероятным образом позабыл. Констант приковылял почему-то без штанов, с безумной улыбкой озираясь по сторонам.

— Фенна! — заорал он, распугав спящих по карнизам нетопырей.

— Шушуну тебя задери! Значит, Понедельник в иллюзию поверит, только если её лично поймёт?!

— Вурдалак облезлый, — прошептали ласково из темноты, — штаны сделай себе.

Демон захохотал, но штаны себе сотворил. Стало светлее:

приблизился дракон в большой форме, с трудом втискиваясь в тоннель, как тролля нога в людской чулок. Минц зачарованно наблюдал за страданиями рептилии, совершенно забыв, зачем они

пришли, пока Константин не произнёс недовольно:

— Фенна, вставай, хватит комедию ломать. Оживай уже.

Старуха, лежащая на боку в нескольких шагах от преследователей, не пошевелилась. И буролесцу не нравилась чёрная лужа под её животом. Женщины, в особенности легендарные героини древности, неохотно лежат в подобных субстанциях. Он подобрался поближе, ожидая от Фенны неожиданного броска, провокационного вопроса, упрёка, взывающего к глубокому не осознанному до той поры чудовищному преступлению, даже ещё не совершённом, но уже несовместимому с дальнейшей жизнью. Если бы пророчица просто исчезла, растворившись в камне, наёмник зааплодировал бы в ярости и восторге. Но ничего не случилось. Фенна лежала, как спящая русалка, выброшенная прибоем на михинский берег.

— По-моему, пора звать некроманта, — сказал Минц, потому что все молчали.

Констант подошёл поближе, теряя хорошее настроение прямо на глазах. Если присмотреться, можно было заметить, как оно слезает с демона, как земля с могильного червя.

— Не вскакивается уже, как в старину? — неубедительно пошутил он. — Лежи-лежи, мы не торопимся, — и демон наклонился к покойнице.

— Рана совсем маленькая, — пробормотал он. — Откуда же столько крови?

— Эр-рмх... — прорычал огромный Амао. — Я вроде выглядел с

утра как-то иначе, не правда ли?

— Не-не, всё как положено, — Константин, по-видимому, даже и не услышал вопроса. Он перевернул женщину на спину и шумно выдохнул: рана оказалась сквозной, отверстие с другой стороны — заметно большим. Примерно как напёрсток по отношению к чайной чашке.

Дракон задумчиво покрутил мордой. Если он и производил движения другими частями тела, рассмотреть их возможности не представлялось: слишком узок был коридор для такой широкой бестии. У зверя в большой форме оказалось острая треугольная голова, напоминающая рыбью, эффектный теменной гребень, бронзовая чешуйчатая кожа, как дорогая еремайская кольчуга, и большой рот с почему-то чёрными зубами. Низко посаженные надбровные дуги придавали диву выражение неукротимой ярости, а кошачьи вертикальные зрачки пугали до икоты. Если он и вправду был продуктом чародейства Преображения, его создал великий мастер. Чешуя Амао мерцала приятным оранжевым светом, предоставляя опечаленному демону неплохой обзор.

— Я уже встречал такие раны, — дракон прынул назад, треснувшись макушкой о потолок и снова обрёл людской размер. Стала заметна тень вампира за его спиной. — Вспомнил.

— И где?

— Что «где»? А... Нет, я про саморедукцию, мог бы и напомнить, рогатый бездельник. Гернот, попробуй, может, она жива ещё.

— Попробуй?! — буркнул себе под нос Минц, отворачиваясь.

«Вампиры, лекаря, некроманты... Гнусные какие работёнки! — с отвращением подумал он. — То ли дело на охоте: кого запёк и съел, тот по определению мёртв».

Гернот метнулся к старухе, окунул палец в лужу и поднёс его ко рту, но вдруг испытание стало излишним. Покойница рассыпалась в прах. В чёрную труху. Преследователи отшатнулись, а буролесец сразу подумал о мёртвой принцессе. Ровно столько от неё и осталось. Гернот быстро поднялся и отряхнул испачканный палец. — И вновь отсутствует корпус деликти, — изрёк бледный демон. — Насколько можно быть уверенным, что тут вообще была Фенна?

— Совершенно не... А эт-то что ещё такое?!

Появился Тодд на механическом осле. Горец въехал в тоннель красиво, словно всадник на арену Ночеграда. Странное животное из спиц и цепей больше не падало на бок, задрав колёса, а резво скакало по камням и, вероятно, уже ело у целителя из рук.

— Я вижу... Фенна вовремя распорядилась... чтобы после смерти не попасть... на стол Гильдии Червей, — сказал Тодд, снимая свою смешную шапочку и склоняя блестящий череп перед тёмной рассыпающейся кучей. Паузы его были особенно чудовищны.

— Слышал имя убийцы, но мотив?.. — помотал своей плоской головой Амао. — Зачем Фенна сбежала, как раз ясно. Казнь превратила бы пророчицу в простую глупую горожанку. Отсекли бы ей способность делать выводы или воспоминания — что бы от неё осталось? Обстучала стены, нашла тайный коридор. Тут явился

Вито и ранил ведьму. Зачем? Ясновидящие пользуются неприкосновенностью безумцев и детей, их никто не воспринимает всерьёз.

— Кому-то понадобилось заманить нас в здешние подземелья, забытые Морской Змеёй, — предположил Гернот. — Я, например, очень плохо нахожу путь в таких местах. Ненавижу ползать, презираю грязь. Если кто-нибудь знает, как выйти, то показывайте, не стесняйтесь.

Дракон дёрнулся, желая сам себе дать леща за глупость, но в последний момент передумал. Понедельник покачал головой. Минц не слишком расстроился. Охота, словно хорошее цирковое представление, доставляло ему удовольствие, даже если приходилось выступать в роли дичи.

— Да, стоило одному остаться наверху. Нас будут ждать на той стороне, да ещё с незнакомым оружием. Жаль, что ты не видел её раны, целитель.

Тодд оживился.

— Вроде бы огненная пиявка присосалась и прогрызла дыру насквозь, увеличиваясь в размерах? Или наоборот: толстый червь проел пророчицу насквозь, стал маленьким и пропал?

— Первое, — тяжко глянув из-под склонённых, как для атаки, рогов, ответил Констант.

— Гвардейское оружие. Малограмотная солдатня называет его устилит, «усилитель чародейства». У меня и самого был такой.

Обменял на детали... — он отвернулся, любовно рассматривая рога

железного зверя. — Резинового дерева в Невере ещё не вырастили, так что вам не понять, какое сокровище это кожаное покрытие на колёсах. А устилитная амуниция дорожает с каждым годом, у редкого тролля толковую найдёшь. Да и попадать в цель так и не научился, скачет же при выстреле, как в зад уколотый единорог!.. Пророчица не ожидала нападения и подпустила Вито довольно близко. Откуда я знаю? Рана выглядела бы иначе, если бы гвардеец стрелял издалека, — горец окончательно спешился и повёл вихляющую железяку за рога. — Если хотите прихватить щепотку Фенны на память, поторопитесь. Пора возвращаться. Кажется, кто-то клялся на исходе третьих суток назвать имя убийцы принцессы. Тодд подмигнул и добавил:

— Уже сегодня! Не хотелось бы пропустить.

9.

— Нервничать не нужно. Выходите по одному. Поговорить надо перед отъездом, — Вито приглашающе помахал серой трубкой, которую держал в правой руке. Минц аккуратно втянул голову обратно в тоннель и вопросительно оглянулся на остальных.

Гвардия караулила и здесь. Сюда Тодд втаскивал свою причуду на колёсах, чтобы, избегая насмешек, погонять по коридорам. Лекарь пожал плечами: мол, примерно того я и ожидал.

— Много их там? — деловито уточнил дракон.

Гвардейцев на горном склоне было десятка два — заметных, тех, кто не целился из-за камней и не сидел в засаде. Но даже в том

невероятном случае, что Вито не позаботился о прикрытии, двадцать гвардейцев, всю свою жизнь посвятивших старомирским и чародейским боевым искусствам, представляли собой серьёзную угрозу. Дракону в броневой чешуе, конечно, ничего не сделалось бы. Да он попросту задавил бы нападающих, принимая большую форму. А может, на крутом склоне взлететь бы не смог. Скатился бы, ободрав бока, а то и сверзился в ущелье. Да уж, к удобнейшему для драки месту вывел их целитель!

Минц подозрительно оглянулся на горца. Тот сосредоточенно поправлял шапочку-коробочку.

— Господин Дракон, — донеслось снаружи, — пожалуйста, не нужно колдовать, превращаться в большого зверя, например. У вас отнимет кучу сил, так и закончиться можно. Да я и не позволю вам совершить полную метаморфозу. Вас порубят и расстреляют в процессе.

Остальные солдаты молчали. Вчерашний знакомец Норви замер в нескольких шагах от капитана и более не старался выглядеть безобидным простаком. Лицо убийцы у него было, сосредоточенное и невозмутимое, говорящее, что враг — подлое наваждение, неубедительно притворяющееся живым, страдающим существом. И давить его — хорошо, почётно, даже приятно.

— Выходите, — повторил Вито. — Король будет с вами говорить. Так и случилось. Через некоторое время Минц, буролесский охотник, и в самом деле беседовал с Королём.

Его величество мог бы показаться преследователям Фенны в любом облике и форме, но предпочёл остаться таким же, каким явился на бракосочетание: среднего роста молодым человеком с вытянутым носом, тонкими губами и мелким подбородком. Синие до прозрачности глаза наводили на мысль о эльфских предках владыки Приводья и Пустозема. Но такого, конечно, быть не могло. Король был человеком по происхождению, по складу мыслей и поступкам. Иначе Островитяне отвергли бы его претензии на трон Лена Игел много лет назад. Минц недоверчиво пялился на тощую фигурку в походной гвардейской форме без особых знаков отличия, на коротко стриженную голову, не увенчанную волшебными символами абсолютной власти. На мгновение наёмника посетила нелепая мысль: вот почему монеты с изображением монарха не в ходу! И сразу пропала, оставив неуютное опасение, что владыка угадает и накажет за глупость.

Следом за буролесцем из-под земли показались дракон, Тодд и вампир, на сей раз во всей ночеградской красе, серый, зубастый и, кажется, снова голодный. Демон замыкал процессию, ухмыляясь и почёсываясь.

— Фенна с вами? — осведомился Король, как будто сразу не понял.

— Ясновидящая принадлежит истории, — сказал Константин Понедельник. — То есть, мне.

— И к лучшему.

Королевская свита молчала, только переминалась с ноги на ногу и

дышала в воротники: к вечеру посвежело, ударил лёгкий весенний морозец.

— Мы в Невер за архивом Биццаро, — объявил монарх, переводя внимательный взгляд с одного собеседника на другого. — Вас, уважаемые, приглашаю тоже. Буду рад любой поддержке.

Предполагаю, что клад легко в руки не пойдёт.

— Сколько раз мы уже неслись по «вернейшей наводке» за легендарным архивом, как жеребцы за единорожицей? — устало спросил Гернот. — А теперь ещё и по вышивке на бабском подоле? Не то, чтобы я против, но хочется сначала понять, зачем было город жечь и невесту. Пусть народ полюбовался бы. Если бы кто и понял, что видит, умельцев взять такое сокровище почти не осталось.

— Мы-то тут причём? — обиженно воскликнул Вито, но тут же замолк и скромно отступил, всем видом обещаая не вмешиваться.

— Серьёзное обвинение, — спокойно заметил его величество, обращаясь не к вампиру, а к Минцу, который до сих пор безмолвствовал. — Вы полагаете, я отдал приказ убить будущую супругу, и Драконовы Земли пожечь? Дело за малым: объяснить, зачем оно мне понадобилось, и привести что-то вроде доказательств.

— Фенну застрелили, наконец, — буркнул Констант. — Странно, что не пятьдесят лет назад. Старушка имела дело с государственной тайной, что редко является залогом долгой жизни. Мы все гадали: за какой секрет она вас ухватила и держит? И на сколько такой

неприкосновенности хватит?

— Ясновидение! — пренебрежительно воскликнул Король. — Убеждение троллей в том, что они самостоятельная раса, а не изменённые для тяжелой работы люди! Душеспасительные беседы с бездетными гномками! Добрые пророчества! Мистическая терапия, ложь во спасение и тому подобная демагогия... Человек спрашивает себя, к примеру, отчего соседи превратились в пятнистых вурдалаков и в лес убежали, бросили младенцев некормленных помирать. А пророчица им: на всё воля судьбы, закон Морской Змеи да власть всемогущего Острова! Сидите тихо каждый на своём месте, не то придёт Король, накормит голодных детишек чрезмерно любознательными соседями!.. По сути, Фенна почти не мешала. Казнил бы её за убийство Хет, не спорю, но без лишней жестокости. Приказал бы отрубить слух, например, или контроль над сфинктерами. А что? Возраст уже такой, пора. Но при попытке побега приказал стрелять, конечно. Тебе удалось поужинать, Гернот?

— Благодарю, — ответил вампир. — Солдаты у тебя на превосходном довольствии.

— Само собой. Возвращаясь к первоначальному вопросу: может быть, поделитесь соображениями, к чему бы мне вдруг убивать ночеградку?

— Хет. Странное нежелание называть покойную невесту по имени, — медленно произнёс дракон. — Но единственная, кто мог бы компетентно проанализировать такой речевой нюанс, приказала

нам долго жить. Значит, к фактам! Известно, что Совет уже неоднократно отказывался от вашего с некромантом требования перейти к активному преследованию Четвёрки. Пришлось уничтожить Фенну, главу сторонников умиротворения и сотрудничества. Организовать провокацию, обвинить в убийстве малышей.

Минц криво ухмыльнулся, представив, как расскажет Бретте о «малышах». Он до сих пор и не подозревал Короля. Точнее, мимолётно подумывал о причастности жениха, но отмёл мысль как бесполезную. Как если бы бедняжку убило молнией.

— Меня пожар тоже на неопределённое время вывел из игры, — продолжал Амао. — Вместо того, чтобы активно выступить в защиту Финна, как в старину, буду занят реставрацией зданий и помощью пострадавшим. И если своим могуществом не восстановлю город за считанные дни, то катастрофически потеряю в репутации «великого и ужасного», части первой. А я дьявольски щепетилен в этом вопросе.

— Девчонки разбегутся, — понимающе прокомментировал Король.

— Именно. И ещё одно: выяснилось, что гвардия уже много лет ищет в Приводье некий клад. Теперь мы понимаем, архив Биццаро. Тот самый легендарный бункер, который обязан был после войны обнаружиться в Оомеке, в Буром Лесу или пограничных районах. Картографирование у нас не в почёте, Констант не даст соврать. Вы ему сей талант три с половиной столетия назад отрубили, так?

Демон и Король промолчали.

— Естественно, вы стали искать могущественного, но наивного художника, который нарисует карту, не понимая, что делает...

— Вот почему Штиллер с Бреттой ходили в Лиод! — сообразил Минц. Гвардия наградила его тяжёлым внимательным взглядом.

— Марион ребяташки нашли, но поздно. Художница себя растратила, создавая последний шедевр, чтобы поймать всех врагов её обожаемого Финна. Вам-то как удалось избежать подобной участи? Ах, глуп я и анахроничен: тогда мы ещё не завели королей, всем управляли механики да учёткики. Искусству Преображения больше не учат, искать безымянные таланты долго и накладно. В Храме Морской Змеи сидят то ли вязальщицы, то ли пряжи, способные сотворить любой узор. Но древние сбрендившие дамы беседуют лишь с теми, кто понимает их мастерство. И только о нём. Ведьмы из Гильдии Рукодельниц вяжут исключительно по заданным образцам: вы им в своё время тоже рубили всякое.

Ленаигелский владыка с недовольной миной выступил вперёд, а гвардейцы чётко, не дожидаясь приказа, заняли позицию, из которой возможны как защита со всех сторон, так и нападение.

— Бред, какой бред! — тихо и грозно сказал Король. — Делаете из меня преследователя творчества и свободной мысли. Если я с чем-то боролся, так это с болезненным декадентством, убийственным для Нового Мира, с бременем древней испорченности. За человечность, за людскую природу, которую мы утрачиваем день за днём. Естественность и простота — вот, что спасёт Новомир, вот

нормальное стремление здорового человека.

— Простота, — пробормотал элмшец, до той поры не проронивший ни слова, — для катунов.

— Чем вам аскеза не угодила? — обиделся Король. — После коронации ожидалось, что я превращу дом на Треугольной Площади в подобие Версаля. У меня ночеградские тролли с гномами-архитекторами под окнами целыми семьями ночевали. Не вижу смысла...

— Конечно, у вас было уже подобное в Оомеке, — заметил демон.

— Потом парки, статуи, колонны и прочий псевдоантичный орнамент были сданы чернокнижникам в аренду, те запрудили Воды и заболотили местность, терроризируя окрестности так, что Биццаро пришлось наложить на треть Оомека проклятье Невхода.

— Королевский, хм, труд сопряжён с ошибками и заблуждениями, которые не умаляют его значимости. Изучая старомирскую историю, я в конце концов убедился, что основная беда монархов — недостаток времени. Короткого людского века до призыва слуг-шушунов хватало только на обжорство, блуд и прочие эксперименты с телом, своим и чужим. Будь у тамошних владык какие-нибудь смешные триста лет, они обязательно занялись бы улучшением духовных качеств подданных.

— Интересно, — поддержал Амао, совершая странные манипуляции с собственной подмышкой. Минц и внимания бы не обратил, если бы не буролесский инстинкт, отмечающий потенциально опасные телодвижения.

— Не правда ли? — увлечённо воскликнул его величество. — Как избранный Советом управляющий Приводья, я вижу свою миссию в том, чтобы вернуть население, практикующее насилие над своей природой, в здоровое русло естественности. Одеться живым огнём и плавать в адских котлах — разнообразит жизнь, но не совершенствует ни дух, ни разум. Трансформироваться в левиафана и вековать во тьме под корягой — недостойно мыслящего существа.

— Теперь уже никто в левиафанов не превращается, — сокрушённо заметил Константин. — Перебили подводный народ и выловили. Там тоже была какая-то гнусная заварушка...

— Знаю, — улыбнулся и закивал Король. Да так гордо, что не осталось никаких сомнений, что он и к этим событиям монаршьёю руку приложил. — Уверен, что обеим сторонам хотелось убедить врага в преимуществах собственного выбора формы и оружия. Моё мнение таково: лучшее оружие не нужно брать в руки, чтобы победить.

— Есть у вас оно? — не удержался Минц.

— Король я или не король? — с самодовольной насмешкой ответил ленаигелский монарх. — Фенна перед смертью говорила про три армии, про гарнизон «Центр» и...?

— Точно, — удивился буролесец. — Думал, она загадку загадывает.

— Сообщение для меня, — пояснил Король. — В Буролесском гарнизоне солдат вдвое больше, чем в столице. Значит, войско

можно при желании поделить пополам, не разрывая ни одного гвардейца на части: боевому духу такое обращение не на пользу. Пятерых по-старомирски обученных я отсылаю прочь, половину оставшихся чемпионов командирую в Оомек. Это значит, что до передислокаций армию с лучшими бойцами невозможно было поделить надвое без членовредительства. Вывод: они не буролесцы! Далее вспоминаем, что половина старомирски тренированных отправляется в Оомек. Заключаем: домашняя база — не Оомек, но и не Буролесье. Столица! Понятно?

Минц энергично кивнул, потому что драконья подмышечная суэта принимала гротескные формы. Не хотелось привлекать к ней внимания.

— Вито сыграл простачка, не разгадал, и Фенна решила, что контролирует его, наша гениальная, самоуверенная покойница. Побежала зачем-то, гвардия на такой случай имеет чёткую, недвусмысленную инструкцию. А что поясок-катализатор ускорит самовоспламенение, и наряд принцессы вспыхнет не после церемонии, когда вампирка избавится от непривычного платья и оденется собственной метаморфной плотью, — а непосредственно во время свадьбы... Этого старушка сама провидеть не сумела. Результат известен.

— Минутку, — заставил себя произнести буролесец, изнемогая от неловкости. Перебивать его величество было крайне неприятно, однако Минц-охотник никак не мог позволить своим спутникам пойти по ложному следу. — Фенна призналась перед смертью, что

не решилась начинить платье воспламеняющимся составом. Как она сказала?.. «Не стала препарировать одежду по-некромантски». Кто-то другой довёл дело до конца. Становится ясным, зачем охранник после вахты отмывал руки, да так старательно, что привлёк внимание жён Амао. Опыт такой обработки ткани у гвардейцев невелик, на собственные штаны попало, сгорели они потом — или по форме послабление вышло? Фенну застрелили не при побеге. Нет! Именно затем, чтобы ясновидящая предприняла такую попытку! Наихудшим наказанием для пророчицы была бы утрата памяти, превращение в покорную, прилежную служанку врагов-могильщиков. Фенна сбежала в катакомбы, чтобы умереть на своих условиях. Далее, уверен, Норви не стал бы действовать без приказа...

— Сумбурно, но по сути верно, — согласился Король, больше не улыбаясь. — Я приказал сжечь платье. Убивать ночеградку не планировал, но поясок заметил. И счёл такое стечение обстоятельств приятным сюрпризом.

10.

С неба на горный склон упал чёрным ураганом отец Хет, Злой Охотник Города Ночь. Дракон облегчённо вздохнул и выпустил kota из подмышки. Но тут и Амао пришлось искать убежища. И люди, и нелюди бежали прочь, заклиная богов уберечь их от обломков и молний. Тодд мчался на безумном железном скакуне впереди всех. Гвардия и её враги, смешавшись в одной толпе,

катились по горному склону. Стены ущелья прорезали трещины, огонь поднимался со всех сторон, ужас кнутом стегал беглецов по спинам. Минц упал на камни совершенно без сил, задыхаясь и кашляя, не видя дальше протянутой руки в смрадном тумане. Неподалёку валялся лицом в каменном крошечке гвардеец Вито. Некоторое время сверху доносился гром и скрежет, взрывы и лютый вой. Потом всё стихло.

Минца ткнули в плечо. Он приоткрыл глаза, коротко вдохнул раскалённый воздух и заметил стоящего рядом дракона. Амао показывал вверх, так что пришлось перевернуться на живот и привстать, чтобы увидеть, как Норви и ещё один незнакомый гвардеец швыряют тело ночеградского монарха в ущелье. Король в немногим лучшем состоянии лежал на носилках, сотворённых личной магией верных слуг.

— В Невер, — приказал он сорванным голосом.

— Прощайте, ваше величество, — подходя ближе, произнёс дракон с горечью. — Вы злодей, которого я искал и нашёл, но совсем этому не рад. Гернот, — Амао огляделся. — Ты теперь новый Погонщик Своры.

— Гернот мёртв, — едва слышно донеслось с носилок. — В Городе Ночь остался только один вампир. Я навещу его позже. И вам... тоже придётся принять решение. Оставаться людьми или сдохнуть чудовищами.

Невдалеке, за скалами, выли псы.

Гвардейцы подняли своего господина и скрылись в дыму, в

рассветном сумраке.

Так началась война.

Вырванная страница

Молоко из Оомека

В серый полумрак Перевёрнутой Башни, о местонахождении которой знали, может быть, двое в столице и не больше десятка во всём Приводье, вошёл гость. Он обогнул несколько крупных реликвий, спрятанных здесь в первоначальные времена. И с тихим стуком выложил на плоский камень в центре мозаичного потолка белый холщовый мешок.

— Это его кости? — без горечи спросила Лена, уже зная ответ.

Слова прозвучали глухо, будто выкрикнутые в подушку. Не разбудили эха в большой пустой гробнице.

Амао в его почти людском облике присел у каменных ног давно умершей жены. Прислонился щекой, глаза закрыл и стал ждать оскорблений и упрёков.

— Говори уже, — раздражённо попросил он, спустя некоторое время. — Ругай. Не уберёг сына. Так большой вырос уже, к ноге не привяжешь!

Аргументы приготовлены были заранее. Но в странной стущённой тишине, глубоко внутри сердца Лены Игел, они утрачивали смысл, превращались в назойливые звуки без смысла.

— Сама же ребёнком никогда не занималась. Это тоже сказать

хотел, — медленно проговорил муж. — Ты его хоть чему-нибудь научила? Говорить? Рисовать? Считать? Пробовала повернуть его судьбу в другую сторону, когда стало ясно, что малыш делает? Нет! И не надо мне тут: «Я к тому времени уже умерла». Порядочная мать не станет использовать подобные примитивные отговорки. В Башне снова стало тихо. До того, что слышно было, как в высоте по подвалам топают коты.

— Что-то я уж... Совсем ни слова не скажешь? — вздохнул Амао. — Одно хотелось бы всё-таки узнать. Ясно, нужно было забрать его останки у горцев из висячей тюрьмы. Но на что тебе кости? Собираешься просить Короля Червей, чтобы он дал Брану посмертное существование? Хочешь отомстить?

Дракону привиделось, как едва заметная тоненькая тень присела на камень рядом с мешком, пугливая, как пламя свечи.

— Хотел бы Бран, чтоб его враги сдохли? — прошептала она.

— Не уверен, — признался Амао. — Убийцы наказаны мною. Хотя вряд ли поняли, за что им такая злая судьба. Проблема возмездия: враг практически всегда уверен, что совершил правильный поступок, в крайнем случае — простительную ошибку. Стал жертвой неодолимых страстей. Например, элмшцы: давно уже свихнулись от одинокого ползанья под камнями, кровосмешений и созерцания жутких машин, построенных предками. Если бы не конфликт с эльфами, обмен пленными, грифонья война, бедняги утратили бы людскую речь. Предполагаю, что некий тролль посоветовал парню покопаться в горских механических игрушках.

Хотел бы Бран, чтобы его мохнатый коллега из Депо умер?.. Сын был человеком прагматичным, пошёл бы сперва разбираться. К вечеру уже пил бы с тупым шутником в «Рыбе».

— Значит, — прошептала женщина, — похоронить и забыть?

— Почему же, — от безнадёжности Амао разозлился и принялся по своей привычке стремительно метаться по перевёрнутому чердаку, огибая каминные шахты и спуски на крышу. — Почему забыть? Помнить! Слушай, если хочешь крови, можно устроить. Куда Ю положил картину Марион? А! Вижу. Вон она, в углу, рядом с первым шедевром Брана — лодкой на колёсах... Кадиллак, так Констант называл тележку. Правильно сделала, что не продала. Я с ума сходил от тебя за штурвалом повозки: твои руки заняты, и можно делать всё, что хочешь. На боку должны были остаться царапины от когтей: помнишь, ты спящего медвежьего царя переехала? Вон он, на картине Марион, сидит позади скорпикора. Давай отколупаем их обоих. Жертвы и разрушения я тебе гарантирую.

Тень медленно покачала головой, на мгновение осветив мозаичный пол над копной её прозрачных кудрей. Амао повторил её движение. Как потом загнать свирепых бойцов назад в холст, он не знал. Дракон вообще плохо представлял себе, в чём секрет чародейства живописи, музыки и прочего Преображения. Где в них шушун зарыт. Шарлатанство, которое порой обладало необъяснимым могуществом, а в других случаях — нет.

— Внуков он нам оставил? — спросила Лена с неуместной для

покойницы надеждой.

— Нет, насколько мне известно. Не знаю. Что ты смотришь так? Думаю, наследники давно объявились бы: у меня королевство небедное. Приведу познакомить, если... убедят. Так что решим? Пусть трава вырастет над ним, как говорится?

— Трава... — тихонько выдохнула тень. — Хорошая мысль. Спасибо, любимый. Сперва мне хотелось святилище из его косточек сотворить. Или дом для большой гномьей семьи. Но теперь передумала. Позову Бурый Лес, тому давно хотелось в Приводье. Да и Брану Злая Пуща всегда нравилась. В неё мы его и похороним. В глубокой уютной ямке.

Дракон уже раскрыл было рот, чтобы возразить. «Бурый Лес коварен и несправедлив, — хотел сказать он. — Если Бран умер, ненавидя, если парню нравились чужой страх и азарт погони, в дебрях оно возьмёт своё. Одичает, примет жуткую форму, выберет путь. Куда он поведёт?» Но не стал — наклонил голову, поднялся, стряхнул вековую пыль с полы плаща.

— Что тебе в следующий раз принести? — неловко спросил он, положив руку на камень. Прощаясь.

Свет Лены заколебался и скользнул мимо. Амао показалось, он почувствовал щекой её тепло. Но это было невозможно, конечно.

— Молока из Оомека принеси.

— Молоко-то тебе зачем? Что ты с ним делать будешь?

— Любоваться. Прощай. Береги себя

1

В Приводье было немало подобных мест, а больше — в Пустоземье: заброшенных поселений, пустырей, неприятных руин и пещер, где имело смысл бродить лишь безумным поэтам, несчастным влюблённым, разбойникам или сбрендившим чародеям. Можно там провалиться в заросший папоротником овраг, тщетно звать на помощь и быть съеденным хищными камнями или собственным отчаяньем. Но только одна из неблагополучных областей на самом деле заслуживала наименования «проклятой».

Полторы сотни гвардейцев остались лежать в равнодушной неверской траве, оплатив всем своим могуществом право остальных приблизиться к каменной конструкции в двух днях пути от Депо. Последний переход оказался особенно трудным. Ноги заплетались, воздух казался густым и мутным, как кисель. У тех, кто вполз на холм, выпали все волосы, глаза кровоточили, кожа трескалась и слезала, обнажая почерневшую воспалённую плоть. Стоять не мог ни один. Капитан Вито свалился на холм, перед тем ещё подпихнув товарища, шевелящегося в пыли совершенно без сил.

Наверху обнаружилась треугольная дверь. Но её, к счастью, штурмовать не пришлось. На занесённую песком пластину вылили содержимое бутылки с легко узнаваемым контуром черепа и костей. Некромантский яд, дымясь и вздуваясь пузырями, выжег

дыру. Туда через некоторое время пролез доброволец. Внутри он быстро сбросил дымящуюся одежду. И после этого отворил люк и впустил товарищей.

Плащ гвардейца всё ещё догорал на полу, когда весь отряд оказался внутри. Тем не менее, капитан выглядел недовольным задержкой. Он схватил солдата за обожжённое плечо и толкнул к Королю. Тот, не в лучшем состоянии, чем солдаты, отходил от пережитого ужаса за спиной Вито. Боец взглянул в глаза монарха и сразу смирился с судьбой. Король погрузил обе ладони глубоко в его кожу и принял жертву. Поредевший отряд замер, признавая необходимость происходящего. Король рывком освободил руки, и опустошённый гвардеец повалился ничком, как падает дерево.

— Ещё одного? — предложил капитан.

— Пока не нужно, — ответил Король, отряхиваясь от локутов старой плоти. Новая выглядела вполне пристойно, постепенно утрачивала младенчески розовый оттенок. Лицо его величества оставалось напряжённым и бледным от пережитого испытания. — Защитная стена чудовищная, ничего подобного не встречал! — сказал он, и гвардия угрюмо закивала, вспоминая восхождение. — Думал, мы все закончимся там, снаружи, один за другим. Давайте посмотрим, что тут есть. Вито, найди мне свет или сделай, ничего не вижу.

Потеряв ещё одного товарища убитым невесть откуда ударившей молнией, гвардейцы поняли, как хозяева освещали своё логово.

Стало видно предметы — страшные, нелюдские. Оставалось надеяться, что штуковины не бросятся, если их не трогать.

— Вход тут, — показал Король туда, где можно было заподозрить шкаф, стенной рельеф, но никак не ворота.

Пошатывающиеся гвардейцы выдвинули вперёд незаметного до сих пор главу Гильдии Ключников. Бледный потный Смо висел в аккуратном захвате солдат, поводя ошалелыми глазами. Понимая, зачем тащили его и берегли, он искал замок, который надлежало открыть. Ключника поставили на ноги. Смо молча посопел носом над поверхностью из застывшего серебра. Передвинулся к колонне, напоминающей гигантский меч. Нерешительно вынул из-за пазухи плоскую чёрную палочку, потыкал ею там и сям.

— Камень-искатель, — пояснил он невесть кому. — Так и думал, обычное суеверие.

Король иронично наблюдал за работой мастера.

— Никак? — он поднял с пола нечто вроде пустой клетки для небольшого зверя, перевернул и уселся сверху. В роли трона вещь тоже выглядела убедительно.

— Замок я нашёл! — ключник засуетился, заставил высунуться из гладкой стены короткий квадратный язык, покрытый ямками и исчерченный линиями. — Но ключ...

Глава гильдии развёл маленькими ручками.

— Не артефакт сложной формы, не слово, не ритуал.

— Даже не ритуал? — недоверчиво переспросил капитан гвардии.

— Я полагаю, это нечто очень простое и в то же время уникальное.

Слышал, что в Старом мире ключом такого рода мог быть отрубленный палец или вынутый глаз. Жаль, что господин букинист не с нами. Он мог бы рассказать несколько ужасных ис... — Старомирские байки меня не интересуют, мастер. Каков твой окончательный ответ? Можешь сделать так, чтобы дверь отворилась?

Взгляд старого ключника вспыхнул. Он улыбнулся облегчённо. — Да, конечно, — заверил Смо. И достал из кармана зелёную оомекскую дудочку.

2

Констант Понедельник повис на краю прозрачного купола, словно борец с гигантской стеклянной черепахой. Одноглазый Прово, не приходя в сознание, полностью скрылся под панцирем. Щелчок — и в полость купола полилась желтоватая пюреобразная масса.

— Он там не задохнётся? — испугано прошептала Алисия, заглядывая демону через плечо.

— Обязательно задохнётся, — с восторгом пообещал тот. — Да ты не волнуйся: хуже, чем есть, не будет.

— Зря ты так, Понедельник, — Бретта успокаивающе обняла дрожащую Алисию. — Людям тяжело видеть отцов в таком состоянии. Тебе не понять.

— Точно, — согласился демон, и сейчас же возразил: — Хотя не уверен, что ты сама представляешь, о чём говоришь. Как существо искусственного происхождения, родительской любви не...

— Затихни, буквожор! — с Бретты моментально слетела маска бесстрастного самообладания. Лезвия замаячили в опасной близости от демонова брюха. Алисию наёмница так быстро отпустила, что та зашаталась, вскрикнув. Но Барч немедленно оказался там, где требовался, и поймал. Штиллер, наблюдающий сверху, из кресла управления, покачал головой и ещё раз проверил состояние контрольных шушунов. Все четыре сообщали зелёным огоньком, что дыхание Прово, работа сердца и насыщение крови личной магией в порядке.

— Не хотел никого обидеть, — заверил демон, вскидывая когтистые руки точно так, как здоровалась Треан. — А то давно обидел бы. Я не в первый раз отправляю людей на Остров. Правда, поначалу крышка захлопывалась самостоятельно. Спокойно! Уже лет триста приходится тянуть и запирать её вручную. Остальное идёт по протоколу. В смысле, по ритуалу. Рен, спускайся! Нет необходимости всё время таращиться на шушунов. Если что-то пойдёт не так, они заорут так, что и покойника подымут.

Четвёрка и демон устроились за чудовищно неудобным столом. Тот, кто его строил, не верил, видимо, что за его причудой будут сидеть. Столешница, рассчитанная на троллий рост, лежала на толстом постаменте. Приставить стул и сесть получилось бы, только отрубив себе колени. Приходилось располагаться боком друг за другом.

— Значит, нет никакого Острова? — разочарованно спросил

Штиллер, поглядывая сквозь прозрачную столешницу на странные копыта демона. Стопа господина Понедельника походила на лапу легендарного старомирского чудовища, сухопутного слона. Но скрывалась под густой шерстью. Зачем Константу понадобилась такая конечность? Ведь форма тел могущественных чудовищ являлась их личным капризом. Или метаморфоза в какой-то момент пошла наперекосяк? Судьба демонов, выходит, ничем принципиально не отличалась от таковой у смертных креатур. Заметив, что Рен пялится, букинист довольно вытянул ноги и подвигал толстыми мохнатыми пятками. Похоже, ими он гордился не меньше, чем плечевыми рогами.

— Остров? Смотря по тому, какой смысл вкладывать в слово, — произнёс демон задумчиво. — У берега поблизости от Города Ночь немало плавучих островов и даже одна песчаная банка, время от времени возникающая из-под воды. Могила Левиафана, — добавил Понедельник, заметив вопросительный взгляд Бартоломео.

— Брось, Констант, ты же знаешь, о чём вопрос! — недовольно косясь на демона, вмешалась Бретта.

— Да, да, легендарный берег всемогущества...

Букинист закатил огромные глаза, показал сизые, налитые кровью, жутковатые белки, которыми он, наверное, тоже гордился самым нелепым образом. И процитировал кого-то по памяти:

— «Островом на жаргоне нанороботехников называют галлюцинации, сопровождающие массивное вливание концентрата «шушунов» внутривенно, в комбинации с иммуносупрессантами,

энзимами и медиаторами. Процедура производится с погружением в искусственную кому. Пациенты описывают свои ощущения как полёт, падение в бездонную кроличью нору или путешествие в иной невообразимый мир, не оставляющий воспоминаний».

Четверо вежливо молчали и ждали нормальных объяснений.

— Сам не понял, что сказал, — признался демон. — Звучит не намного лучше, чем большинство заклинаний буролесских ведьм. Тодд бы нам показал на пальцах, в чём смысл машины, в которой лежит Марк Нойн. К несчастью, элмшский лекарь изъявил желание повоевать на стороне дракона против новых королевских указов. Идиотство! Я бы предложил встретиться где-нибудь в Оомеке, в безлюдном месте, принять большие формы и выяснить отношения по старинке. Как мужики. Мускульной силой, до первых розовых соплей и жалоб на цены у лекарей в Приводье. Но нет! Надо же и числом приспешников померяться!.. — букинист вещал сварливо, но довольно, как гадалка, чьи злые пророчества сбылись против общих ожиданий. — Тролли на стороне его величества.

Неожиданность? Зря, выходит, Бран с ними двести лет в одной песочнице возился. А может, именно потому?.. — и Констант погрузился в размышления.

Бретта тем временем перебрала и проверила амуницию, нетерпеливо поёрзала на одноногом стуле.

— Долго ждать, пока Прово поправится? — наконец спросила она, облизывая царапину на ладони.

Марка удалось вывезти из столицы, несмотря на слезку гвардейцев

и яростное сопротивление бывшего наёмника, убеждённого, что его вновь уносит на болота. Константу помог мастер Ю. Сопровождать Марка в путешествии на Остров — отказался. Мол, хорошего понемножку. Наездился.

— А почему тогда лодки ко дну идут? — не унималась Бретта.

Констант послал наёмнице долгий, дружелюбный взгляд с другого конца стола. Бесшумно приблизился Базиль и запрыгнул демону на колени.

— Лодки-то? По самым разнообразнейшим причинам, — предположил Понедельник. — Пьяные рыбаки, агрессивная морская фауна...

— А народ думает, по одной и той же, — не поверила Алисия, тревожно прислушиваясь к гудению машины, в которой «путешествовал» её отец. — Запрещено потому что.

— Да, он думает, народ, — рассеянно согласился Константин. И вспомнил: — Финна всегда интересовало, почему нельзя пересечь Воды по прямой из Лена Игел в Город Ночь. Сам ходил в Запретноводье и рыбаков посылал. Наблюдать приказывал, а не геройствовать. Много лодок потерял. Когда все измерительные механизмы сгорели, архивы спрятал, как всегда, даже мне заглянуть не позволил. Потому Финна ни разу и не казнили: слишком велик риск безвозвратной потери важнейших знаний. И никакой уверенности, что он вообще хранил их где-то ещё, кроме собственной памяти. Такая уникальная безнаказанность портит жизнь, какой бы привлекательной она ни казалась. А уж после

лиодского пожара появился у него взгляд... — букинист пошевелил пальцами воздух напротив своего мясистого носа. — ...осознания, как трудно *не быть богом*.

Понедельник хохотнул, довольный шуткой, в особенности, тем, что её никто не понял. И распорядился принести пожевать чего-нибудь. «Что-нибудь» по мнению букиниста означало всегда жареное мясо с овощами и михинскую тыквянку. Переложив к себе на тарелку порцию, от которой бы оробел даже тролль, букинист со вздохом предложил остаток четвёрке. Штиллер с удовольствием присоединился. Девушки отказались. Местные повара-шушуны не завоевали их доверия: прихрамывали, заикались, и неуловимо напоминали некроманта Родигера. Бывший владелец лаборатории, очевидно, питал к гробокопателю некие сентиментальные чувства. Барч ел что-то своё.

— Мы говорили о Запрете, — благодушно продолжил демон, рассматривая тарелку и собираясь её облизать. — Если я правильно понимаю, суть в том, что Лена Игел и Город Ночь стоят на разных сторонах мира. Отплывёшь из столицы от берега — скоро понимаешь, что возвращаешься обратно. Хочешь не хочешь, а придумаешь какую-нибудь сказку, чтоб детей не смешить.

— А мосты?

— Ты себе представь мост вверх, наёмница. Рано или поздно он что?

— Надоест?

— Ха-а... Я хотел сказать «рухнет», но так даже лучше.

— На песок похоже. И на пиво. Обязательно погружаться в целиком или можно просто пить? — спросил Штиллер, рассматривая жидкость, в которой «странствовал» Прово.

Они примчались к нему, услышав сигнал шушуна. Раздирающий уши ритмичный вопль невозможно было проигнорировать. Он орал напрямую в совесть, в самую её нежную сердцевину. Константин тычком приказал сторожу заткнуться ровно на две минуты. И тот стал горестно отсчитывать время до момента, когда сможет снова зарыдать. Четвёрка встревоженно глядела под купол, но, оказалось, ничего страшного не произошло. Требовалось согласие на следующую фазу.

Над поверхностью субстанции, покрытой расходящимися кругами волн, появилась бледная физиономия Марка с бессмысленным взглядом и раскрытым ртом. Лица друзей встревоженно обратились к демону, но тот невозмутимо побарабанил пальцами по бугристой голове контрольного шушуна. И тот продолжил свою работу.

— Пить? — пробормотал Константин рассеянно, наконец услышав вопрос Штиллера. — Будь Прово вампиром, тогда да. Ночеградцы развили примитивный способ поглощения крупных частиц жизни непосредственно в желудке. Мы так не умеем, и хорошо. Вампирый обмен веществ — болезнь, непрерывный обман внутренней защиты. Кроме того, Злой Охотник с коллегами произвели расчёты и убедились, что десяток вампиров со здоровым аппетитом

истребили бы всех теплокровных существ примерно за пару месяцев. И любезно наложили на ночеградскую медитацию кучу ограничений. Нынешним добрым чародеям поучиться бы у кровопийц бережному отношению к соседям!.. Хм, нет, пить недостаточно. Приходится вливать в сосуды, вводить через кожу. В то время, как специализированный штамм создаёт каналы в слизистых...

— Брось, Понедельник, людей пугать. Слизистые какие-то! Я раз в Буром Лесу свалилась в нору к слизням-уныльцам...

Бретта пустилась в воспоминания. Слушал только Штиллер, да и тот, казалось, внимает исключительно голосу любимой, ласково улыбаясь невпопад самым страшным эпизодам.

— ... потом пришлось вылизывать друг друга, потому что Минц сказал, мол, иначе не смывается. А сам посвистел ручному бугою: зверюги слизь обожают, дуреют они от неё, как коты от демон-травы Бальдериания. Бугой его облизывал, а Минц ржал над нами так, что чуть не заболел, — подвела итог наёмница и огляделась, будто бы не понимая, почему она не в Буролесье.

Алисия нерешительно достала и поднесла к глазам два своих самых могущественных оберега, подарка бабушки. Один напоминал её телу о том, что такое здоровье. Второй был страшный, и мастерица догадывалась, что даже в минуту смертельной опасности не применит его. С помощью вещицы можно было, умирая от руки врага, перейти в убийцу, стать им.

— Но хоть что-нибудь из того, что нам рассказывают родители,

правда? — спросила она, пытаясь заглянуть в сердцевину амулета.
— Мир создан Вёллем Маленьким? Волшебные вещи помогают от злой судьбы?

Демон хмыкнул, пожал плечами.

— Всё правда, — заверил он. — Но дело в том, как сказки понимать. Вёлль спроектировал конструкцию и руководил шушунами-строителями. Мелочь в амулетах обучена одному трюку: например, сохранять молоко от прокисания или следить, чтобы в карманах не переводились монеты.

— Да что такое шушуны?! — с отвращением спросила Бретта.

— А это, уважаемые, — демон отвернулся и стал делать вид, что следит издалека за метаморфозой Прово, — главная тайна нашего мира. Шушуны — очень маленькие кусочки материи, части частей... В давние времена мы обходились без них, но часто неизлечимо болели и умирали, прожив чудовищно короткую сотню лет, а то и меньше. Зато теперь, когда малыши у нас внутри, можно заставить их выполнять приказы. Проще себе представить себе шушунов как очень маленьких слуг. Искусство повелевать ими — наша магия.

Задумывалось всё, я помню, чтобы лечить, восстанавливать вышедшие из строя органы, омолаживать тело. Поначалу магам требовался шушун-переводчик на биохимический язык. Потом мелочь научились тому, что люди называют «здоровьем и благополучием», нормой, и стала справляться сама.

— Однако?..

— Что ты имеешь в виду, Алисия?

— Дядя Констант, я же знаю: все твои сказки с несчастливым концом!

— Не моя это история, а ваша. Смотри, субстанция вытекает в бак, значит, скоро мы сможем разбудить твоего папу.

Демон потянулся, охая, и вскочил, словно бы стул укусил его.

Собеседники решили, что рассказ закончен. Но Понедельник обернулся, принял менторскую позу. Вознёсся когтистый указательный палец, и Констант назидательно добавил:

— Народ довольно быстро понял, что шушуны вовсе не обязательно восстанавливают норму. Оказалось, те способны сделать с телом что угодно. Им, по сути, всё равно. Жертв таких превращений оказалось больше, чем мертвецов во всех мировых войнах вместе взятых. Шушуны, понимаете ли, не успевали восстанавливаться, и толпы народу заканчивались. Кроме того, пока умники сообразили, что собой представляет «трансформация, несовместимая с жизнью», возникло множество забавных рас и форм. А изобретателям пришлось спасаться в надёжных убежищах.

Новомир — одно из них.

4

Отчаявшийся, но весёлый Амао в своей малой форме лежал поперёк кресла в городской ратуше. Жена перевязывала ему бедро, прокушенное боевым оомекским бугоем. Элмшец Тодд стоял за

спиной у дракона и подсчитывал потери.

Сражение они проиграли, ясно. Тролли каким-то шушуном оказались за Короля. Да что там тролли: некроманты Бурого Леса вместе с их шагающим мясом, мышами, червями, воронами и прочим зверинцем — всё попёрло на противников новых королевских эдиктов. Дракон до последнего надеялся, что ведьмы не продадут!

Судите сами, говорил он союзникам. Король запретил колдовать. Верите вы, что буролесские ведьмы зароят котлы, распрощаются с зубными протезами-гоблинами, топорами прогонят родные осинки и займутся выращиванием картошки-орушки, как примерные жители Приводья? Невообразимо! Далее: Элмш, вероятно, останется предан Короне, это у них в крови — у кого в жилах кровь, а не ушная сера. Зато эльфы выступят против врагов-грифонокрадов. Остаётся только убедить белых лучников снять их idiotские ограничители со стрел.

Но всё с самого начала шло наперекосяк.

Буролесские дамы оказались idiotски верны старому союзу с Родигером.

Невер не просто отказался поддержать чародеев хлебом и многоразовой брюквой: вся территория приводских земледельцев просто-напросто обезлюдела. Тодд на грифоне облетел владения Садовника вдоль и поперёк. На столах ещё дымились миски со свежим супом, в единорожьем стойле стояли корыта с водой, по

полям скитались задумчивые косы. Но сколько всадник ни искал, никто добровольцем не записывался. Злаки и плоды, заметив чужака, прикидывались обычными, неволшебными. От прогулки отказывались, а то и в землю прятались от греха. Тодд попробовал утащить пяток спелых яблок, но почему-то не получилось.

Подробностями эпического сражения с превосходящими яблочными силами угрюмый горец делиться не желал.

Михин объявил себя нейтральным: мол, им и собственных бед хватало. Например, некий монстр напал на рыбачьи лодки. И утаскивал катунов с четвероногами прямо с пристани, отчего число практикующих оздоровительный метод значительно уменьшилось.

Дракон настаивать не стал. Вышивальщиц и ключников чрезвычайно трудно было представить себе приличными ополченцами.

До Еремае слухи о королевских эдиктах, похоже, вообще не дошли. «Как его величество намерен проверять, колдую я или нет?» — недоверчиво бурчал начальник городского управления, давясь ночеградской курицей и подливая пива элмшскому целителю. О драконе еремаец отзывался невежливо, называл бабником чешуйчатым и предлагал залетать в гости, «когда в войнушку наиграется».

Оомек оказался типичным болотом. В первые же часы вооружённого конфликта оомечи быстренько присягнули дракону. И привели в недостроенный после пожара Амао стадо прирученных бугоев, мохнатых болотных монстров, прославленных умением

скрываться в тумане даже при ясной погоде. Позже стало известно, что коварные (а может, просто рассеянные) оомечи предложили противнику другое стадо аналогичного поголовья. Дракон махнул рукой и позволил им сражаться друг с другом. Единственным напоминанием об участии болот в военных действиях были раненые звери на улицах, особенно — в подвалах с дождевой водой, напоминающих монстрам родину. И в сортирах. Стоило там засидеться, как из уютного полумрака отхожего места появлялась скорбная морда бугоя. Случились даже локальные народные возмущения по такому поводу.

Дракон полагал, что Гвардия явится на войну поездом. На вокзале поставили часовых, котов им выдали, проинструктировали соответственно.

Королевские войска, против ожиданий, обошли город со стороны Элмшского перевала прямо по барону и атаковали сверху драконий замок. Их поведение соответствовало, скорее, легендам об ужасах Старого Мира, чем интеллектуальному спору двух могущественных волшебников.

Амао ласково отодвинул руку жены, украшающую перевязку затейливым бантом, и выпрямился в мягком бархатном кресле. Как после пожара и сражения в руинах уцелел такой редкий предмет роскоши? Вероятно, такую удобную форму приняла его другая жена. Амао попытался встретиться взглядом со своим советником, но Тодд увлечённо вычищал ногти от грязи и гнили.

Женщины обратились кто в пламя, кто в куст с железными ядовитыми шипами, кто в вихрь, наполненный осколками и мелким режущим мусором. И погибли в первые же минуты боя. Отряд недодраконов, прошедших начальную инициацию, отбивал нападение гвардии, но был уничтожен ужасной «шагающей плотью». Некромантского воинства прибыло в тот день. И на следующий. Штабеля гробов на повозках, охраняемых мрачными мёртвыми квартирьерами, росли, напоминая склад консервов старомирских времён. Создавалось идиотское ощущение, что каждый павший солдат усиливает королевскую армию!

Тут Хайнрих заговорил у дракона в голове голосом Короля:

— Достаточно, может быть?

— Я озадачен, — честно признался дракон. — Почему все так резво побежали на твою сторону?

— Если я скажу, что мы — Силы Света и Добра, такое объяснение подойдёт?

— Честно признаться, нет.

— Шушуну меня раздери, так я и думал.

— Ты запретил людям колдовать, надутый вурдалачий пузырь!

— Давай-ка разберём каждый случай по отдельности, а когда начнёшь соображать, останови меня, — благодушно предложил

Король. — Ведьмам на пользу, если горожане перестанут сами лечить больные зубы и искать спрятанные покойной тещей

семейные бриллианты. Колдуньи получают немного плотвы, а жизни

потратят значительно меньше, чем неопытные знахари и кустари-амулетники.

— Казне, опять же, доход: сертификат на ведовство, небось, не за осиновую кору выдаваться будет? — саркастически предположил Амао.

— Мелочь по сравнению с долгой одинокой зимой в пустом медвервольфовом логове, когда никто не спешит за чарами роста на тыквы и внуков. Ты пойми, ведьмам предложили статус, дракон! Проживание в столице, скидки и привилегии официальной гильдии. Уважение. Для троллей, кстати, последнее послужило главным аргументом. Никаких редуцирующих чар.

— Да как они в кабак-то пролезут? — расстроился дракон так, будто был собственником питейного заведения. — Через окно напиваться будут?

— Шире двери вырубим.

— Редуцирующие чары — дань уважения. Сам пользуюсь и униженным себя не чувствую.

— «Зелен виноград», дракон. Спроси любого тролля, нравится ли ему тратить жизнь на вежливость. Да и люди охотнее заплатят за колдовство, чем станут долго и тяжело учиться расходовать собственную магию грамотно, делать ошибки, рисковать повторить судьбу Игел или фан Бремерзе. Всё, что обязан сделать добрый монарх: установить разумные расценки. Топить спекулянтов. Кстати, мне удалось разрешить эльфско-элмшский конфликт, — похвастался Король.

— Да брось!

— Клянусь моим троном, копией аахенского стула Карла Великого! Тrolли получили выгодный заказ на механических грифонов для Элмша: с полсотни уже давно стояли готовые в Депо. Если бы дело с самого начала нормально повели, на последний Годовой Поворот были бы песни и шествия к могилам предков, а не бессмысленные жертвы с обеих сторон. Погодный камень я объявил собственностью Короны. Лорд Механ рыдал от счастья, узнав, что ему больше не требуется обслуживать машину, в которой он ни шушуна не смыслит.

— И ты веришь, что эльфы и горцы сразу найдут общий язык? — спросил Амао устало. Он не любил Хайнриха, и кот знал об этом. Потому вредный телепат передавал медленно, сопровождая каждую мысль эхом и гнусной вибрацией в висках.

— Да, я оптимист. Между прочим, Финн был ещё наивнее. Он полагал, что если поселить народ в пустыне, кормить съедобным дождём и развлекать сложными ежедневными ритуалами, в которых запрещено участвовать чужакам, у ребятишек совершенно не будет соперников! И кто только не враг эльфов сегодня? Соседей их, скорпилюдей, корчит от любого слова на букву «э». Есть мнение, что стоит временно исключить контакты между пустоземцами. Старые претензии позабудутся, народ не отличит эльфа от низкорослого михинца... Отвлёкся, извини. Рассказывать дальше?

— Пожалуйста, про другое. К кому должен был обратиться Вёлль

Маленький за разрешением построить Новомир? Правильно Марион писала картины или ей сперва стоило уточнить жанр и форму на Треугольной Площади, в Храме Морской Змеи и в... Гильдии Серьёзных Дел? Ты ещё не учредил ничего такого, но вскоре, несомненно, организуешь из сертифицированных палачей. Как часто Трём Вязальщицам полотна жизни следует сдавать крючки для проверки на безопасность в Гильдию Крючкотворов? — Ахм, — на мгновение Король показался смущённым. — Ты о волшебной силе индивидуальности и о выдающихся личностях, обращающихся драконами?

— Именно.

— А это не твоя забота, гений, — холодно ответил собеседник. — Привык, что все от него кипятком мочатся, тела свои перекраивают без оглядки, как в них дальше жить будут, горожане визжат от восторга, стоит только явиться, рыкнуть да хвостом помахать. Ты попробуй-ка человеком — не драконом, не демоном ушастым, не монстром с вот такенным... клыком! — и всё равно быть интересным.

— Мне померещилось, или в твоей сентенции промелькнула нотка зависти? Если можешь быть драконом, будь им. Или не будь, как хочешь. А не как прикажут. За эту идею мы и сражаемся.

Король на другом конце Хайнриха, кажется, зевнул.

— Амао, ты невыносим. Так что, на рассвете снова стравим наши армии на потеху некромантскому цеху?

— Получается, да. Хотя можешь отвести Гвардию в столицу и

признать поражение.

Голова дракона опустела. Собеседник прервал разговор, но и собственных мыслей больше никаких не осталось.

— Что он там? — после длинной паузы поинтересовался Тодд.

— Говорит: дракон, ты не прав.

5

Прово поморгал обоими глазами, закрыл левый и оскалился правой щекой, потом повторил то же самое другой, рассматривая собственные ладони. И только потом устремил заинтересованный взгляд на четвёрку.

— О! Финн!.. Нет, дети.

Константу это чрезвычайно понравилось. Он захохотал, отъезжая на неудобном стуле всё дальше каждый раз, когда набирал воздуху, и по колену бил, как буролесские черви по корягам, подозревая в них жуков-сквоттеров.

Реакция остальных была не столь однозначной. Алисия, по привычке не отпуская руку Барча, недоверчиво улыбалась здоровому отцу. Бартоломео выглядел довольным, насколько возможно для трупа. Штиллер скептически присматривался к Марку: тот чем-то напоминал ему мастера Ю — до того, как тот решил отойти от дел. Но был, конечно, гораздо выше и моложе. Примерно вдвое. Бретта, понятно, уже повисела на шее у первого учителя и подумывала повторить. Заметно было: ей хотелось потыкать пальцем в восстановлённый глаз, чтобы убедиться, что

тот настоящий.

— Сразу заметил, что дети, да? — уточнил демон, отдуваясь, больше не в состоянии смеяться. Народ, как обычно, так и не понял причину веселья букиниста. — Может, знаешь, как из четверых сделать одного?

— Э, э, помедленней, Понедельник, — Бретта сразу ошетибилась, как ёрш, притворяющийся щукой. — Если делать Биццаро, то не из меня. Я, знаешь ли, довольна тем, что есть. Штиллер тоже.

— Может, позволим ключнику говорить за себя? — вкрадчиво осведомился демон.

Рен вдохнул.

— Нет, не позволим, — возразила Бретта безапелляционно. — Штиллер, то, что ты говоришь, всё время против тебя используют.

— Да кто в вашей паре мужик? — прорычал Понедельник.

Рен выдохнул и превратил открытый для объяснений рот в широкую улыбку.

— Ожидается, что после такой реплики я попробую тебе вломить промеж рогов, а ты увернёшься и рёбра мне потопчешь. Пропустим эту часть и перейдём к следующему пункту нашего плана.

— А у нас был план? Может, начнём с того, что Бартоломео вылечим в регенерационной машине? — предложил Констант.

— Барч? — тихонько спросила Алисия, поглаживая рыбака по ледяному затылку.

— Нет, — глухо, невыразительно произнёс мертвец.

— В переводе на язык живых означает: «Спасибо, но мы останемся,

как были», — любезно пояснила Бретта.

— Бартоломео уже был на Острове, — объяснила младшая Нойн, играя с тяжёлой рукой рипендамца, подкидывая и ловя открытой ладонью. — Он что-то с гвардейцами не поделил, может, рыбу сманил со стола. Его в воду и бросили. Столичные рыбаки вытащили и на Маяк отнесли, потому что Барч про Остров бредил. А некромант закодовал его так хитро, что даже элмшский доктор лечить не брался. Можно и навредить, говорил Тодд... чужими шушунами.

— Шушуны по сути одинаковые, — заверил Констант. — Иначе одним бы они подходили, а другим нет. Я получил их во времена гибели Старомира, вы — в материнской утробе, народ ими постоянно обменивается и не замечает. Только трансфузия, переливание воспринимается как «путешествие». Но ничего экстраординарного в процессе нет, не сложнее, чем рубашку сменить.

Понедельник одёрнул материю на рогатых плечах, и Штиллер внезапно пожалел портного, обшивающего букиниста.

— Шушуны, буэ, мерзкая мелочь... или вы про что? — Бретта имела вид леща, заподозрившего, что в воде сыро.

— Они всё-таки разные бывают, — пояснил Штиллер с апломбом дилетанта. — Вот и путаница. Маленьких сотни в кончике пальца может быть, в яблоке или в травинке, их и не увидишь. А они там сидят и учатся друг у друга. Обмениваются опытом, что ли. Других, покрупнее, для передачи приказов использовали, а теперь мелкие и

так соображают. Остались, выходит, без работы, вот и подались к мастеровым на службу.

— Безглазые, коими ты смешно брезгуешь, — подтвердил демон.

— Правда же глупо! С червями я бы ещё понял, со взрывающимися личинками, гигантскими чёрными мотыльками, но шушунны-посредники специально сделаны похожими на младенцев, чтобы вызывать нежность и доверие...

— Миленькие, — подтвердил ключник.

— Обидел! — насупилась наёмница. — Если тебе нравятся такие вещи, закрадываются невольные сомнения в моём собственном совершенстве.

Штиллер встревожился, но прежде, чем начал приводить глупые контраргументы, заметил, что Бретта шутит. Ключник с девушкой ещё немного поспорили на тот особенный лад, как делается между очень юными влюблёнными в самом начале пути узнавания друг друга. Предмет дискуссии несуществен, зато средства убеждения используются весьма причудливые, не предназначенные для посторонних.

— Забавно наблюдать за вашими играми, — прокомментировал Констант, прикрыв глаза. — Особенно в свете того, что передо мной конфликт одной и той же личности, с ума сойти!

Прово с мрачной иронией задал давно ожидаемый вопрос:

— Чего же вы хотите, Биццаро?

Штиллер ответил:

— Получить наследство нашего предка и попробовать разобраться

с ним.

6

Старик в потрёпанном плаще наблюдал с холма.

Михин покрывала странная серая шевелящаяся масса. Стоящая поодаль женщина в плотном вязаном хитоне подняла предостерегающе палец, но её спутник и не думал вмешиваться в действия сил, которых не понимал.

Существо или чародейство текло по улицам, как тень, подползало к порогам домов, вздыхало под окошками. Михинцы не отвечали, наружу не высовывались. Время от времени к тени нерешительно присоединялась брошенная у крыльца метла, дождевая бочка или целая калитка — новая, недавно выкрашенная зелёным.

— Ты уверена, Розвитха, что всё это — гоблины?

Матушка всех рукодельниц пожала плечами. Означал сей жест не «понятия не имею», а «как можно вообще сомневаться в том, что я тебе говорю, старый бездельник!»

Он сделал шаг навстречу языку твари, медленно ползущей вверх по склону. Женщина метнулась следом, уцепилась за рукав.

— Куда?! Смотри лучше и думай. Оставь своим ребятишкам с монстрами махать. Им удалось уже края чуток подровнять, но дрянь всё время растёт.

Мастер Ю, не обращая внимания на причитания рукодельницы, сделал ещё один шаг и остановился. Существо заметило его.

Оно приблизилось. Можно было различить отдельные фрагменты:

мешки, бороны и ножницы, рыбу, что за компанию забрела на сушу. Из месива выдвинулось нечто вроде пальца. И потекло под ноги стоящим на холме. Женщина отодвинулась. Старик остался стоять. Существо обняло его ноги, покачало и с тихим шорохом отступило на шаг.

— Ю! — взмолилась испуганная Розвитха. — Не играй с ним. Утащит, и мы пропали.

— Ерунда, — усмехнулся глава наёмников. — Я толковых мастеров воспитал: Зандер, Вриш, Мирри Мэйдэй. Справятся, если наградой не обидеть.

И вдруг Ю замер, увидев плывущую по воздуху брошь.

Ничего более жалкого и ужасного и представить себе было невозможно. Обычная ювелирная мелочь из жемчуга на серебряной основе с длинной блестящей иглой. Вещь не украшала знатную Островитянку, не привлекала взгляды на прилавке ночеградской лавки, не валялась на дне воровского кармана. Угрожающе выставив иглу, как единственный ядовитый зуб, брошь неуклонно приближалась, пока не повисла на расстоянии протянутой руки от груди старика. Естественным этот феномен не был, нарушая кучу законов мироздания. И чародейством тоже быть не мог, потому что кто станет тратить свою жизнь и могущество на левитацию дурацкой броши?!

Она была частью, крошечным глупым элементом чего-нибудь большого, способного двигаться, думать и принимать решения только совместно, по отдельности представляя собой

бессмысленные кучи мусора. Или служила проводником чьей-то злобной воли. Ю вспомнил забавный рассказ учеников о творчестве шушуна по имени Смирть. Теперь он вдруг показался совершенно не смешным.

Игла метнулась вперёд и ужалила старика над левой ключицей. Он выдохнул и отступил на шаг, не защищаясь. Гоблин медленно опустился, застыв примерно в локте от земли. Брошь сложилась с приятным звоном и двинулась прочь, нырнула в монструозную массу, спряталась в ней. Чудовище будто ожидало её возвращения и сразу поползло вниз, очищая улицы от своей скрежещущей плоти. И медленно спряталось под воду.

— Наши рыбаки больше в Воды не выходят, — прошептала женщина, снова судорожно ухватившись за рукав главы наёмников.

Потом вздохнула и напомнила уже громче, с упрёком:

— А теперь он попробовал твою кровь!

Мастер Ю вздохнул смущённо и мечтательно.

— Ей давно уже знаком её вкус.

— Ей?..

7

— Амао передаёт: он очистил ущелье от врага, отбросил гвардию к Оомеку, — сказал демон после того, как полчаса терзал кота. — «Как?» — вижу я в ваших глазах вопрос. Мне тоже стало интересно.

Сперва дракону сообщили, что противник намерен в следующем

сражении применить механических носорогов. Тех самых чугунных утюгов из Города Ночь, которые время от времени взрываются и калечат сидящих внутри троллей. Машинам, оказывается, можно ещё и огнёмёт к морде прикрутить. Дорого, в смысле, троллей уходит немерено. Но если брать дохлых, то доступно. Откуда дракон узнал такие интимные подробности? Официальная версия: разведка плюс информаторы в рядах врага. Старые приятели сына, надо понимать. Моё мнение: тролли хотят продать Королю ещё один комплект носорогов. Взамен уничтоженных.

Барч неожиданно хмыкнул. Остальные испуганно обернулись на шедевр некромантии. Но мёртвый рыбак больше ничего не сделал и не сказал. Серый, золотоглазый рипендамец казался в последнее время всё более живым. Алисия, в противоположность ему, говорила и улыбалась всё меньше. И едва отличалась теперь от её пугающего спутника. Констант отвёл тяжёлый взгляд от обоих и продолжал.

— Амао вылетел перед рассветом в большой форме и сжёг весь запас механизмов. Пустых, без всадников. Отчего-то Гвардию потеря так деморализовала, что солдаты Короля, если верить хвастливому ящеру, отступили за перевал, теряя гробы и ядовитые зубы. Моё мнение: в ущелье воевать неудобно. После пожара там что ни дом, то засада, что ни семейка — партизаны. Амао платит за всё и потому любим, как никогда. В жёны к нему просятся девчонки чуть ли не из колыбелек. Гвардейцев утаскивают из лагеря и тихо, споро рвут на шушунов. Вывод: дракона пытаются

выманить за Элмшский перевал в Приводье.

— Но он же не полетит? — к компании тихонько присоединилась Зюсска. Глаза у неё были красные, будто заплаканные.

— Полетит! — возразил букинист. — Деваться-то некуда. Если залечь в ущелье и строиться, его величество навестит летом с более многочисленной компанией и новыми носорогами. К тому времени ещё эскадрилью механических грифонов склепают... Что, устала?

— участливо обратился демон к вязальщице.

— Непростой заказ, — призналась та, — но растёт потихоньку.

— Что вяжешь? — такое восторженное выражение появлялось на лице у Бретты только в двух случаях: при виде новой многообещающей книжки или человека, наделённого талантами, наёмнице не доставшимися.

Зюсска задумчиво устремила взгляд в пространство, подыскивая название для необычного рукоделия.

— Ключ, — объявила она, наконец. — Да. Вот именно. Ключ!

— Шерстяной, что ли? — изумился Рен.

Марк Нойн, колдующий над супом из ночеградской курицы, озабоченно замотал головой.

— Ключ от вашего наследства. Объяснить сложно, погодите — и увидите.

Прово, бывший наёмник, охотник, гвардеец и шушун знает, кто ещё, объявил себя знатоком старомирской кухни. И теперь творил с дорогой антистоличной птицей что-то неожиданное. Народ подумал и решил: пока Прово не полагает себя великим мастером

пытках или тренером танцующих блох, ничего страшного. Пусть варит кур.

— Ладно, посмотрим, — уступил Рен недовольно. Мать его утверждала, что нет ничего мучительнее, чем ждать и догонять. Второе Штиллер ещё не пробовал, так как всегда являлся вовремя. Зато первое ненавидел от всей души. — А что делает Минц? Я с ним то и дело через Базиля поболтать пытаюсь — никак. Но кот всё время пробуёт, значит, жив.

— Я-то? Жив, конечно, — ответил телепат из-под стола. — Но и буролесец ваш тоже в порядке. Мы, коты, покойникам не передаём.

Услышав последнюю фразу, Прово фыркнул прямо в кипящий бульон, но тут же извинился перед собственным шедевром, щедро подсыпав зелени.

— Разве подлинные телепаты не способны обратиться к кому и чему угодно? — тихо уточнила Алисия, устремив загадочный взгляд на тёмный рот любимого. — На базаре рассказывали, Хайнрих может хоть табуретке передать...

— И ты попробуй! — зашипел кот истерически, надуваясь от возмущения. — Рекомендую! От табуретки глупостей не услышишь. Я бесед с вещами и мертвецами избегаю из соображений мысленной гигиены. А кому-то нравится. Мр-р... К тому времени Штиллер уже достал «непризнанного гения» из-под стола и прилежно занялся ушами зверя. Бретте досталась

полосатая шея. Базиль милостиво позволил приятелям проявить уважение, потом подскочил, отряхнулся, куснул Бретту за палец — то ли для порядка, то ли просто любя. И снова пропал под столом. Оттуда донеслось ворчливое:

— Минц-то жив, да не до болтовни ему. Командует полком осинок-оборотней.

Прово сгорбился над кастрюлей и отмахнулся поварёшкой, будто неизвестные никому, кроме него, воспоминания жалили, как осы.

— Дело жуткое, — объяснил он, когда стало ясно, что все этого ждут. — Есть в Буром Лесу и в Оомеке существа, которым нравится выглядеть деревьями. Осинки-оборотни. На самом же деле они совсем другое, гораздо худшее. Фокус в том, чтобы не подавать виду, что понял, с чем имеешь дело. Как только они замечают, что разоблачены, сразу... — Прово остановился, словно у него перехватило горло и вместо продолжения ткнул пальцем себе в шею, в грудь, затем, медленно — в восстановленный глаз.

— Кое-кто из охотников находил с этими существами общий язык, — продолжил Марк после паузы, аккуратно переворачивая мясо в кастрюле. Видимо, проверял, удобно птице или нет. — Сам видел одного, кустом увитого, чем-то вроде чёрной лозы. Через ловушки, мимо нежити его носило, ведьмы подходить боялись. Туда пройти мог, куда даже эхо не добиралось. Я и сам пытался приручить осинку... Не далась. Еле живой ушёл, — Прово решительно свернул голову плоскому шушуну, и тот перестал нагревать котелок. — Буролесскую тварь приручить не фокус, скучно им в

чащобе, однообразное меню: на первое чужих грызёшь, на второе своих, и никакого десерта. А с бродягой целый день играть можно. И ни с кем так весело не охотится, как в компании с опытным преследователем. Но чтобы сотни за собой повести?! И всё время делать вид, что не понимаешь, чем командуешь?

— Лучшая защита от оборотней, — любезно добавил Констант, — не иметь никакого понятия о феномене. Вам такой способ теперь не доступен.

8

Боец, стоящий напротив дракона, невысокий, мосластый, конопатый, был ещё вчера простым неверским пастухом единорогов. Заметно было, как он горд переменами в жизни. Даже традиционную связку рогов разнообразных размеров и форм, будто бы сводящую девчонок с ума, парень оставил дома. Дело для пастуха немыслимое.

— С успехами всё ясно, переходите к проблемам, сотник, — приказал Амао, поправляя эполеты. На днях дракон выдумал униформу армии бунтовщиков, ввёл чины и ранги, а себя назначил генералом. Горожане пришли в восторг. Эполеты изобрёл один из портных-погорельцев. Когда элмшский целитель Тодд увидел роскошную золотую бахрому, его физиономия приобрела опасный пурпурный оттенок. Затем горец, назначенный генеральским советником, непонятно заявил, что прекращает гордиться изобретением велосипеда.

— Говорят, вы видели что-то... особенное?

Сотник вытянулся, задрал подбородок, достигнув почти гвардейского роста. Но впечатление от величавой позы портила неуверенность, против воли проступающая на скуластом лице неверца.

— Трупы в оомекских колодцах. Болотные чудища...

— Не такая уж и редкость. Источники засыпают песком, оомечи вызывают из глубины новые.

— Раньше твари сидели внутри тихо, чтоб не заметили. Ловили выпавшее из карманов, озоровали, вёдра утягивали. А теперь хватают всякого, только в воду засмотришь. Народ поджигает трясины, чтобы оттуда не лезло. Горит уже прямо под Оомеком.

— Я слышал, болота иногда загораются сами...

— Легенды, — донеслось из угла.

Сотник глянул неприязненно: тип в лекарской шапочке, тощий, как скелет, лупоглазый, несомненный элмшец, компетентным источником информации не выглядел. В Невере по такому случаю говорили: макушка выше ушей не выросла. Но сотник ничего подобного, конечно, не сказал.

Генерал со всем вниманием обернулся к горцу.

— Неужто врут про самовозгоранья?

— Старомирские торфяники, бывало, тлели годами, но даже в них, видимо, пускали «красного петуха» — случаем или умыслом. А тут, вроде, никакого торфа быть не может.

— Сухая трава однорожьё на корм тоже тлеет, если сырая долго

лежит под спудом, — степенно возразил сотник.

— Главным образом... если сосед... пожелает, — засыпая после каждого слова, выговорил невыносимый горец. — Я однажды видел подобное...

И стал рассказывать медленно, монотонно, так, что слушатели вскоре потеряли счёт времени и почувствовали себя очевидцами событий древних времён.

— Вначале многие из нас завели жабры и отправились под воду за тайнами глубин. Другие — под землю и в воздух, сообразно своей натуре. Вскоре связь с водяным народом была утеряна. Слишком уж сильно они изменились, отказались от речи в пользу иных способов коммуникации. Рыбаки рассказывали истории, в которые верилось всё меньше. Об огромных дворцах, полных сокровищ, о тёмных гротах-лабиринтах, где пропадали ныряльщики. Об утопленниках, подстерегающих живых пловцов, о противостоянии Левиафана и Морской Змеи. Я однажды нырял посмотреть.

Убедился, что водяным известны секреты субстанций, горящих под водой. Подумал тогда: ох, не для забавы их запалят. И точно.

Однажды Воды опустели. Где, у каких берегов состоялась великая битва — неведомо. Теперь только в окрестностях Михина ещё можно встретить разумных жителей Вод. В других местах — только глупую рыбу, одержимую дикими шушунами. Полагаю, что и нас ожидает та же участь.

— Непохоже, — презрительно объявил сотник — и сам испугался собственного нахальства, вытянулся во фронт и застыл, всем видом

пытаясь убедить, мол, это не он сказал. А если всё-таки он, то без злого умысла.

— По-моему, очень даже похоже, — невесело протянул генерал вместо того, чтобы наказать болтуна, как подобает.

— Война! — подвёл итог элмшец, в который раз бессмысленно поправляя шапочку. — Чародейство могущественное, но идиотское. С одной стороны, обращает мелких мерзавцев в ужасных злодеев, а порядочных соседей в великих героев. А с другой стороны, сжигает и тех, и других на своей ведьминой кухне. Амао, у меня от чернокнижия башка трещит, я на некоторое время сбегу, но до заката вернусь.

И советник, не ожидая разрешения главнокомандующего, вскочил, отшвырнул карты (сотник отвернулся, плюнув через плечо) и шустро выбежал из комнаты. Вскоре он проскрипел за окном, сидя на трех спицах и двух колёсах. Вместо чудовищной боли, связанной с балансированием на подобной конструкции, физиономия советника выражала смешное умиротворение.

Элмшец ехал странными зигзагами. Сотник пригляделся и увидел десятки, может быть, сотни тёмных фигур, закопанных в землю по грудь, некоторые — до подбородка. Рядом с каждым вторым сидел на корточках небольшой пузатый шушун. Лапки малыши держали в носу или во рту у похороненных.

Дракон перехватил брезгливый взгляд неверца и объяснил:

— Мы тут вчера некромантскую лабораторию отбили. Изнутри всё вынесли, а с ними, — Амао показал на головы, — ничего делать не

стали. Опасно, конечно, вдруг да выскочат. Но Тодд говорит, ребятки не совсем мёртвые. Какая-то затея гробокопателей с обновлением-искуплением, слышал на ярмарках, небось? Зовут тебя как?

— Ф-фрид, — отвечал тот, выкатив синие до прозрачности глаза потомственного жителя побережья без единого пустоземского предка. — Фрид Булчик. Нет, не слышал.

— Немного потерял, клянусь Островом. Считаю, что узнал и не поверил.

В дверь постучали, внутрь аккуратно просунулась лохматая голова. — Минц, — изрёк ординарец-гном.

Дракон махнул согласно, и явился буролесец. Стороннему наблюдателю с первого взгляда становилось ясно: охотник.

Неуместно загорелый для ранней весны, бородатый, но не продуманно, как гном, а дико, как древесный гриб. Дополняли картину сапоги-прыгуны и бесформенная накидка всех оттенков грязно-зелёного. Поверх одежды гость с ног до головы был обмотан чем-то вроде тонких чёрных ремней, шевелящихся и дышащих. Издалека могло показаться, что буролесца обвивает растение.

— Нужна помощь, друг? — внимательно следя за движениями пойманного, точнее, за его хищником, спросил Амао.

— Всё в порядке, я тебе цветочков принёс, ягод, — произнёс визитёр напряжённым голосом и несколько раз яростно подмигнул,

— из Бродячего Оврага.

— Рад, — выдохнул дракон. — Присядь. Что скажешь о полях, засеянных мертвецами? Видел урожай?

— На капусту смахивает, — заметил буролесец и остался стоять, хоть существо, обнимающее его, по-видимому, весило немало. — В целом — полный хаос. Непонятно, кто теперь благодетель человечества. Мы режем, чтобы иметь возможность колдовать без ограничений. Они колдуют, чтобы нам было, кого резать. Никто понятия не имеет, что такое война, с тех пор, как закрылась лавка «Книга Судьбы». Раньше там можно было найти всё необходимое, от рецептов взрывчатки до Макиавелли и Сунь Цзы. Кстати, — гостю пришлось поправить ветвь, сжимающую горло всё теснее, — я читал, что, если засеять поле драконьими зубами, вырастет непобедимое войско...

— Моими зубами?!

— Пошутил. Пошутил, говорю! Хотя был такой случай в Старом мире. А вот если, наоборот, непобедимое войско закопать...

— Благодарю, дантист пока не нужен. Проясним: у тебя какой-то план на мои зубы? Со своими экспериментируй!

Неверец, о котором все забыли, с пылающими, как самоцветы, ушами отступил к столу советника и вовсю грешил да чернокнижничал, рассматривая карты. Он даже робко, втянув голову в плечи, придвинул проклятый разрисованный предмет поближе. Нет, молния не испепелила на месте.

— Зубов пожалел, — Минц нагло плюхнулся в генеральское

кресло, но тут же был изгнан акустическим ударом дракона — всё сметающим на своём пути рёвом огромной бестии. Охотник присел в углу, прикрываясь стулом советника и хихикая. А тварь, опутывающая его тело, ошетибилась, вытянув два десятка чёрных блестящих щупалец, острых, как иглы, в сторону Амао. Тот, всё ещё в малой форме, выдохнул облачко пара и отвернулся к окну.

— Зубы — дело наживное, — задумчиво признал он. — Я однажды в Еремайе перепел местных пьяных песен и влетел сдуру в Погодную скалу. Ты такую в Элмше видел. Она нормально лежит, а в Еремайе её на бок поставили. Знатно влетел. Зуб выломал. Пока домой доковылял — новый вырос. Что со старым делать?

Некромантам продать так и не решился. Кто их знает, может, они из одного зуба целого дракона вырастят.

— Два Амао — ровно на два больше, чем нужно, — миролюбиво прокомментировал Минц и, не дожидаясь гнева генерала, продолжил: — А ты веришь, что из зуба можно воссоздать целое существо?

Дракон озабоченно осматривал злое кладбище под окнами и ответил не сразу.

— Из зуба... не всякое. Тролля — да. Те регенерируют практически из всего. Потому они такие разные, некоторые — безголовые, недостающие части у них дорастают со временем. Все тролли — мужики, что им ещё остаётся?

Неверец отвлёкся от запрещённых пергаментов.

— Троллебабы живут на станции Нигде. У них всё на месте, —

сотник показал, чтобы сомнений не осталось. — Точно! — и продемонстрировал ещё раз, округляя руки уже до совершенно невообразимых размеров.

— Хм... Если им так больше нравится, — кивнул дракон и хмыкнул, заметив, как вытянулось неверцева физиономия. — Тролли — смешной народ, точнее, очень оптимистичный. Ушастым нравится их жизнь. Ребятки не просто уверены, что завтра будет лучше. Троллям уже сегодня вполне. Трансформация прошла у них не особенно гладко.

Амао вспомнил, как сын рассказывал ему о своих наставниках именно этими словами. Потом решил, что боец не силён в старомирском и пояснил:

— Превращение, то есть. Каждому хочется стать большим и сильным, непробиваемую кожу, каменные кулаки, клыки, и лохматость, и зимой на снегу спать. Но уж если получил весь арсенал.... Надо с ним жить. Не открутишь панцирь и рога на заднице, чтобы отправиться на бал. Зато имеешь возможность отрубить себе хвост и вырастить из него сына.

Сотник почесал в затылке. Очевидно, последний аргумент свидетельствовал для него не в пользу, а против троллей метаморфозы.

Под окошко вернулся советник на вихляющем механическом уродце.

— Хей, чародеи! — позвал он. — Я разобрался, что тут к чему. Двигайте сюда, не опасно.

Вместо того, чтобы выйти в тёмный коридор, миновать гномью стражу, обойти древний дом под скалой и спуститься, наконец, к могилам, дракон легко выпрыгнул в окно. Буролесец метнулся следом, чёрное существо подняло его в воздух и перенесло в поле. Сотник остался в комнате один, помыкался из угла в угол — и тоже вылез в окно, благо совсем не высоко было. Отряхнулся, поплёлся за главнокомандующим осматривать мертвецов. От растения на охотнике старался он держаться подальше. От блестящих пальцев с полукруглыми заострёнными каплями на концах, отдалённо напоминающих осиновые листья.

Советник терпеливо дожидался на холме. Его плащ хлопал на апрельском ветру, как парус у неопытного моряка. Зато шапочка сидела, как пришитая, на лысой макушке. Её нелепая форма не оставляла сомнений, что изначально головной убор выдуман был, чтобы хранить под ним бутерброды.

— Тут не кладбище. И даже не пыточная. Перед вами лечебница! — с восторгом объяснил элмшец, указывая длинным костлявым пальцем на торчащие из почвы головы. — Практически неистребимая штука, то, что зовётся «шагающая плоть». По сути — исполнение древнейшей мечты человечества!

Дракон брезгливо потыкал сапогом в наполовину скрытое в грязи плечо солдата. Через минуту-другую погребённый заживо слегка отодвинулся.

— Бессмертная плоть — вот ультимативная цель, — настаивал горец. — Не дух. Душа — это скучно, объект торговли в грязных

гешефтах демонов. Или аргумент, призывающий народ поступать по совести. Бесконечная жизнь в собственном обновляющемся теле — вот мечта любого человека с воображением или без! — элмшец замахал руками, будто хотел обнять каждого погребённого на темнеющем поле. — Единственный недостаток метода в том, что смерть бесповоротно пожирает те части мягкого шушунья в голове, что составляют нашу личность как она есть. То, что осталось, покалеченное, можно положить в воду или закопать в землю. Там шушуньи кишмя кишат: порванное заштопают, сломанное срастят, гнилое очистят. Позже тело извлекается во вполне пригодном состоянии. Оно будет двигаться, дышать, работать, заходить в таверну на углу. Родня-соседи никакой разницы и не заметят. Фрид Булчик подошёл ближе и смотрел внимательно, скорбно, как на пропавший урожай многоцветной брюквы и разрывных гранатов. Тодд придвинулся к нему, участливо похлопал по плечу.

— Не грусти, парень. Я просто хочу показать тебе, против чего мы воюем. Нам не нравятся эдикты. Но ещё противнее идеальное королевство, состоящее из Ордена Некромантов — и остальных: вечного, покорного ходячего мяса.

Неверец громко сглотнул и кивнул с выражением наивной растерянности.

— Кстати, потому и не верится, что Биццаро ментально пережил собственную смерть. Понял? — весело уточнил горец и ещё раз основательно хлопнул приезжего между лопаток.

— Ага.

— Ну и молодец. Умница! Кто ты?

— Я сотник армии генерала-дракона, Фрид Булчик, — ещё раз представился вежливый неверец.

Элмешский целитель покивал, сочувственно цокая языком. Его завораживающие движения головы мало-помалу превратились в отрицательное покачивание.

— Парень, я только что свалился и порезался. Кровь у меня ядовитая. И я уже устал поцарапанной ладонью тебя по дырке на рубахе лупить...

Амао и буролесец вместе с его жутким спутником приближались, переступая через головы, неторопливо, но очень целенаправленно.

Охотник — на продуманном расстоянии, чтобы не помешать трансформации генерала в большую форму.

— Поэтому, — закончил Тодд, — спрашиваю ещё раз, мирно: сынок, ты кто такой?

9

Штиллер с профессиональным вниманием разглядывал идеальный, волшебный стальной язык, высунутый из отшлифованной стены.

Именно она отделяла четверых Биццаро от их легендарного наследства.

Кто бы ни был мастер-гном, построивший ворота, — он создал свой величайший шедевр. Штиллер не мог представить себе, сколько жизни и могущества требовалось, чтоб из недр земли извлечь кусок такой правильной формы и придать его поверхности

изумительную, совершенную гладкость. Руке этого творца принадлежали, наверняка, Луна, звёзды и прочие полезные приспособления Новомира. Впрочем, не исключено, что перед ключником был спящий демон, а не мёртвый кусок стали.

На языке виднелось углубление серебристого цвета в виде ложечки и небольшой наклонный желоб, уходящий в нутро, в тёмную глотку твари или машины.

— Нужен ключ, — услышал Рен собственный голос.

— Ясно, — подтвердила Бретта, заглядывая через плечо. — Есть у тебя подходящий?

Штиллер покачал головой, но достал из сумки Ключ Хоффхарда, положил его на стальной язык и подождал. Ответа не было. Значит, не существо, а механизм. Впрочем, в Старом мире, судя по рассказам отца, одно не исключало другого. Рен размышлял. Один за другим появлялись из сумки ключи.

Фёт в виде кольца активировался прикосновением к виску. Если носить его слишком долго, разучишься говорить. Но мысли запирали отлично: любой кот мог бы поклясться, что у обладателя ключа в голове мёртвая тишина. Тав, скрепляющий союзы и обязательства, останавливающий сердце клятвопреступника. Рей-Мо, универсальная отмычка и ловкий обманщик любого колдовского Стража. Он тоже не подошёл. Штиллер почувствовал смущённому своей неудачей ключу: было заметно, чего стоит тому сохранить форму и достоинство.

В сумке лежало ещё с десяток специальных вещей для особенных

случаев, даже два тайных инструмента, которые запрещено было доставать на свет. Все они, очевидно, негодились.

— Никак? — Бретта казалась ужасно разочарованной.

— Э, погоди! Не отпирается в принципе только одна дверь.

— Какая?

— Открытая, — Штиллер ещё раз поковырял в серебряной ложке.

— Здесь так называемый «замок-собственник». Реагирует только на контакт с хозяином. В Старомирье на замок-собственник запирали опасное оружие. Чтобы достать его, нужно было палец приложить или глаз... Да посмотреть в окошечко, ничего ужасного!

— Не вижу я тут никакого окошечка.

Алисия появилась бесшумно, но никого не испугала. Четвёрка давно обратила внимание на загадочную связь между отдельными Биццаро. То, что пережил один, самым удобным образом становилось известным остальным. Не в деталях, скорее, в ощущениях и эмоциях. Тем не менее, гораздо информативнее, чем впечатление от подробного рассказа чужака. Чем дольше четверо были вместе, тем крепче становилось единение. Друзья обсудили феномен, признали его пользу, но решили не злоупотреблять. Потому Алисия, хоть и могла изучить замок глазами ключника, оставаясь с отцом в зале с машиной Путешествий на Остров, подошла поближе, приложила щеку к холодной поверхности металлического языка, заглянула в тёмное устье желоба. Когда осмотр завершился, амулетница выглядела ещё более озабоченной.

— Сюда положить и задвинуть внутрь, — убеждённо заявила она.

— Если оно правильное, дверь откроется.

— Не положить. Налить, — уточнил Штиллер, вода носом по желобу.

— Что — «налить»? — Констант материализовался из всеобщего уныния, самодовольный, каким умел быть только он. Естественно, в мохнатой пятерне он держал наготове кружку холодной тыквянки. Ему объяснили, в чём дело.

— В тех случаях, когда неясно, что делать, я всегда открывал книгу, — компетентно сообщил Понедельник. — И не потому, что в книгах правда: мусора в них тоже хватает. Но именно в нашем случае мне точно известно, где смотреть. Бретта, нам нужен Оаль. «Ужас в красном». Предлагаю почтить память эльфа, ставшего книжным големом из любви к своему финну.

Некоторое время демон читал четвёрке сказки вслух о ведьмах, вводимых в заблуждение запахом крови давно сбежавшей жертвы. Когда дошли до чулочков, Штиллер прервал Константа.

— Значит, ключ — кровь? Кровь Биццаро?

— Учитель говорил, наша кровь не подходит, — Бретта отобрала книжку и тыквянку. Первое спрятала, а второе ополовинила. — На детскую и не рассчитывайте: еремайка я, поздно мне рожать. Марк вот тоже: дети, мол... Я думала, он про Алисию. А мы-то ему какие дети?

— Чем я себя выдал? — существо, что обернулось к элмшцу, никаким человеком не было. Но и на остальных Владык Города

Ночь оно не походило.

Злой Охотник, принцесса и их Гернот представляли собой театр, нападение скорпилюдей и взрыв в алхимической лаборатории — одновременно. Необъяснимое ощущение восторга в их присутствии чревато было, конечно, спонтанным пожертвованием личного могущества. Но его было не жалко. Как на ржавого, со вмятым боком, подпалённого носорога, который, пустившись вскачь, одним прыжком обгонял дорогих механических зверей Гильдии Ювелиров и даже новинки из Депо.

Последний вампир производил впечатление совершенно иное. Он напоминал объёмную треугольную тень с вертикальными глазами. Неуловимые перемещения его тощей фигуры в плаще, растущем из плечей и затылка, вынуждали любого наблюдателя держаться на расстоянии. Имя существа было Вилем. Города Ночь он до сих пор не покидал, являясь своего рода Хранителем земель. Рассказывали, что в облике большой бурой крысы Вилем вечно стережёт корни Зубастой Башни, не позволяя ей сбежать прочь от кровавых бесчинств Владык.

Много чего рассказывали.

— Зря заинтересовался моими картами, — после недолгого молчания объяснил Тодд. Снял шапочку и нервно вытер лысину. Похоже, лекарь ожидал разоблачить кого-то другого. — Если бы сотник запел или разделся, тогда ещё ничего, но прикладная демонология, она же картография...

— Что ж. Всё необходимое я узнал, — ночеградец повернул к

горцу своё нечеловеческое, равнодушное лицо. — И если у ван Хелсинга нет желания попробовать взять мою жизнь...

— Ни малейшего, — быстро, убеждённо заверил Тодд.

— Тогда я прошу генерала разрешения удалиться.

— Вилем, — Амао шагнул ближе, и ночеградец отшатнулся на шаг, стал темнее и словно бы провалился внутрь себя, напоминая смятый кошель. — Хочешь отомстить за сожжённую девочку?

Оставайся. Ты нам нужен, Вилем.

— Генерал, — ответил скрежещущий голос из исчезающей тьмы, — я приду, чтобы выступить на стороне мастера Ю. Мои поклоны Биццаро и Понедельнику.

— У них проблемы, — угрюмо буркнул дракон. — С кровью.

— Вот как? — вампир воплотился вновь. И выглядел довольным, как если бы уже стоял на поле боя по колено в пище. —

Затруднения какого рода?

— Им, судя по всему, нужна кровь именно Финна, а не его потомков.

— А я — ваш последний эксперт? Скажите Понедельнику: вся кровь не нужна, только один вид связанных с нею шушунов. Не красные, те в процессе, хм, взросления теряют информативную часть. Пусть берёт белых. Разумеется, ему придётся сплести им новые ожерелья.

— Что ещё за...

Но вопросы задавать стало некому. На месте, где стоял вампир, был тёмный проём между редкими обгорелыми стволами некогда

великолепного дворцового парка, уничтоженного пожаром.

— И нам пора, — вздыхая, как троллий поезд, медленно вымолвил Амао и приказал ординарцу-гному выяснить подробности судьбы сотника Булчика. Навестить семью неверца, утешить финансово.

— Леща вам в форамен ротундум, я-то думал, это агент Родигера, — пробормотал Тодд, борясь со строптивым головным убором. На морщинистом лице горца читалось выражение недовольства от несовершённого поступка. — Что с посевом делать прикажешь? — спросил он дракона.

— Ты же не намерен?.. — встрепенулся Минц, а его пугающий груз или спутник, а может быть, доспех, дёрнулся, теснее обнимая ветвями.

— За перевал! — приказал генерал, и охотник отступил, прижимая к себе дрожащего чёрного. Стало ясно: Минц охраняет и бережёт существо, а не наоборот. Некоторое время они шли, не разговаривая. Амао отстал. Когда позади полыхнуло и завоняло жжёной тухлятиной, Минц замедлил шаг. Но горец схватил его за рукав и потянул за собой.

— Наши в долине стоят, приказа ожидают, — бормотал он. — Войско немёртвое — тоже. Понимаешь, каков будет приказ? Дым и искры наполнили воздух, дышать стало невозможно.

Зюсска отодвинулась от чёрного раструба аппарата, за которым провела по меньшей мере неделю, и потёрла усталые глаза. На лице мастерицы отпечатались круги, как если бы вязальщица уснула

после весёлой кабацкой вечеринки на двух кружках пива.

— Вроде всё. Глянь, книжник.

Констант смотреть не стал. Поверил сразу.

— Можно обнять тебя, Занозище? Ты невозможное сделала!

— Убери лапы, демон! — но было видно, что вязальщица довольна.

— Что могла, связала, додумать пришлось по мелочам, но там всё устроено так, что не ошибёшься. Один узор строго к подходящему.

А дальше?

— Теперь проверим, удалось тебе оживить Финна или нет.

— Шушуньё крошечное под стеклом ведь не...

— Совершенно не важно, какого он размера, уважаемая мастерица.

То, что ты сплела — самый настоящий Биццаро. Всё о нём. Цвет глаз, форма ушей... — Констант поводил неопределённо пальцами, показывая и подыскивая слова, — вспыльчивость, непереносимость молока — словом, все улитки, ракушки и зелёные лягушки.

— погоди, не части! — оборвала недовольная Зюсска. — Выходит, тут вроде рецепта пирога, его ещё испечь надо. Таков твой план?

Демон хохотнул, поглядывая на рукодельницу одобрительно, с уважением.

— Нет, моего могущества на такую выпечку не хватит. Да и машин нужных нет. Всё, что мне нужно, — обмануть замок на входе в бункер Биццаро. Убедить, что мы — это он.

— А может, сам за дверью сидит, злодей, и ка-ак набросится на незваного гостя? — Зюсска ехидно помахала скрюченными навроде когтистой лапы ладонями, но из глаз её смотрела тревога.

— Я был свидетелем смерти Финна и сам бросил тело в воду, — ответил Констант. — Вряд ли набросится.

— И к лучшему, — солидно подвела итог вязальщица, снова растирая глаза, будто желая натянуть на них щёки. Оглянулась на свой последний шедевр и вздохнула:

— Даже крючок трёх подводных ведьм пригодился. Я о него пару раз укололась, над работой засыпаючи. Помогло! И всё равно сама не верю. Они перепутаны были, как мочало из единорожьего хвоста.

— Кроссинговер, — выругался демон.

— Ничего звучит, забористо! Надо запомнить, — Зюсскина улыбка превратилась в широкий беззвучный зевок. — Устала я. Гляну, как вы в дверь ломитесь, рассчитаемся — и прощаться будем. Слушай, Понедельник, — вдруг спросила мастерица, глядя в пол, — раз четверо дети одного отца, значит, пора им заканчивать с любовью, разве не так? Морская Змея запрещает между роднёй.

— Запрещает, — согласился букинист, вскинув брови, напоминающие старые малярные кисти. — Но не в их случае. У всей четвёрки разные родители. Каждый согласился внести небольшую добавочку, ещё внутриутробно. Как если бы у каждого из них был общий братик-двойняшка, который потом прирос не приметно...

— Дальше не рассказывай, противно, — отвернулась Зюсска. — Совсем стыд потеряли, с малышами такое творить. Поучаствовал, небось? Себе бы на лбу нарастил меж рогов, раз демон.

— Демон, уважаемая мастерица, в те времена могло означать лишь одно: «демонтажник, разрушитель». Тот, кто свистит шушунам, разбирающим постройки на фрагменты. Ликвидатор отработанной материи. Это в последнее время демонами стали называть узких специалистов в своей области. Вот театральные демоны: ему уже и зрители не нужны, он сам себе автор, пьеса и критик вне пространства и времени. Или вот я: букинист. Умею доставать с полки книжки на любую тему, даже если они никогда не были написаны. Бывает, откроешь одну — а она на старояпонском. Что делать? Достаёшь учебник старо...

— Э, ты не вилай, ты винись, рогатый, почему детей обидел! Константин хмыкнул, сгорбился, покачал страшными плечами.

— Нашли бы иначе, — признался он, — и уничтожили. Меня банда Родигера три года «обследовала» на присутствие друга Финна в моём организме. А мастеру Ю пришлось всего лишь поклясться. Не понимаю.

— А я это как раз понимаю, — жестоко усмехнулась Зюсска. — Неси награду, Понедельник. Как договаривались.

10

В комнате у круглого стола, похоже, когда-то собиралось легендарное старомирское рыцарство. Теперь под треснувшей столешницей валялись плоские запалённые штукорины величиной с ладонь. Если протереть их с одной стороны, показывалось нечто вроде треснувшего зеркала. Другая сторона была матовой, гладкой,

со слепым глазком-окошком. Констант называл этот мусор механическими котами, непонятно, почему: сходства никакого. Гнутые стулья, треснувшие бы под рыцарем даже в лёгком доспехе, стояли в углу, забравшись друг на друга.

Разогнав вездесущих пауков-призраков, здесь ужинали картошкой с хлебом, маслом, луком отец и дочь. Остальные нападали, в основном, на банки с непонятными надписями, когда Понедельник сказал, что содержимое съедобно. Семейство Нойн предпочитало михинскую кухню. Мама тоже поела бы картошечки. Но её сейчас угощали болотными деликатесами. Госпожа Нойн уехала в Оомек к родителям. «В эвакуацию», — сказала она.

Отец и дочь много беседовали с тех пор, как к бывшему наёмнику вернулась способность размышлять о прошлом без погружения в трясину с головой. Барч присоединялся, если о нём вспоминали. Понедельник посоветовал бы перенять такую особенность у жертв некромантии. Но демон был слишком занят неким ключом, чтобы шутить.

Прово вернулся с Острова молодым, чуть старше дочери, высоким темноволосым солдатом. Потолки ему были низки, в двери входил он нагибаясь, а мускульный рельеф позволял изучать двигательную механику здорового человека. Марк методично уничтожал продовольственные запасы неверского подземелья и без особенных затруднений, не маясь от безделья, ждал приказа от Понедельника. На пережитые несчастья намекала только привычка хвататься за восстановленный глаз.

Он охотно рассказывал о том, что в конце концов затянуло его в трясины.

— Ю стал сдавать потихоньку, и я заподозрил неладное, — Марк взял вилку с куском луковицы «на караул», сделал выразительную паузу и продолжил. — Старик имел гарантированный приток магии не только с каждого заказа, но и с благодарных зеленоухих сосунков-наёмников, справившихся с первым заданием. Да что там, даже самоуверенные подмастерья, опытный народ вроде Виктора Отравки или Мирри Мэйдэй, легко расставались с сотней плотвы в пользу Учителя. Он просто не мог закончиться, как Лена Игел. И состариться, сдать ложку костлявой поварихе, как ожидали на Маяке, — тоже. Его уже не раз ласково, но строго журили за неуважение к традициям. Ю, конечно: «Помру, помру, не беспокойтесь». Наши, впрочем, и не позволили бы, как он ни клянись.

— И вдруг старый мастер влюбился?

— Так мы думали. Девочка была — сокрушающая милота с чрезвычайно полезным талантом моментально распознавать даже самые искусные засады. Все были ею очарованы, но как Учитель на неё глаз положил — сразу отстали. И зря, понимаешь ли. Чем он больше позволял себя кормить с рук и прочих мест... Извини. Чем он больше становился человеком, тем меньше — чародеем. Перед тем, как я покинул гильдию, Ю был немощный счастливый старый пьяница. Народу метаморфоза казалась естественной, все радовались такому обороту. Я был чуть ли не единственным, кто

маялся в ужасе. Попытался разобраться, как если бы получил такое задание. Даже, — Прово помедлил, улыбаясь ностальгически, — награду себе придумал. Если мастера Ю от проклятья избавлю, куплю в Оомеке двор с колодцем. А может, сам вырою. Докопаюсь до бренди или портвешка самородного. С чего начинают такие дела? Пошёл я в гвардию...

— Пап! Почему в гвардию?

— А куда? В порт, к гадалке? Старик нас сравнивал то и дело с королевскими солдатами. Захотелось понять, в чём разница.

— И?

— Во всём! Наёмников зовут — гвардия является в самый неудобный момент. Наши стараются ни с кем не поссориться и устроить так, чтобы проблема решилась сама собой. Гвардейцы оставляют только руины. Закончив работу, ученики бегут в мастеру Ю советоваться. А королевские всегда правы. И ритуалы приёма у «синих курток», испытания мужества — идиотские, хотел сказать, а зря. Если выбираешь себе дружину исключительно по росту, приходится требовать новобранцев поезд на скаку подковать или связать медвервольфов хвостами. У нас ничего подобного никогда не водилось. Бретта разве что вылезала под «воротными чарами» с какими-то смешными загадками, и всё. Нелегко было в гвардии поначалу. Казалось, над тобою просто издеваются. Привык потом, втянулся. Буролесский охотник везде пройдёт, вот чистая правда. Пустозем истоптал, аж за Злую Пущу заходил, в нелюдские земли. Задания для наших добывал: вот, например, с картиной Марион.

Королевские её тоже искали... И постепенно стал замечать некоторые вещи.

— Злодейства?

— Н-не совсем. Закономерности. Каждый, кто хоть что-то из себя представлял, но не платил цеховой налог Гробокопателям и Королю не служил, вдруг отправлялся искать Остров, оказывался в клетке на скале, становился невидимкой или жертвой болот...

— Это был ты!

Прово согласно хмыкнул:

— Да, Оомек — место цепкое, неотступное. Задержался там — не вырвешься. С первым чудом разобрался — другое замечаешь. А там и третье маячит. Всё рядом, лишь руку протяни. Ещё одному, думаешь, чародейству научусь — и вперёд, Учителя выручать. Потом врастаешь в трясину, успокаиваешься, что ли. Даже сейчас, вспомнив, радуюсь, что ушёл, а нет-нет да и жалко становится, что не всё рассмотрел, до дна не достал.

Алисия смотрела на отца недоверчиво и сердито. И вдруг вспомнила:

— Ох, теперь я понимаю! «Ненастоящие»! Они тоже были люди, никакие не упыри или болотные куклы. А бабушка их метлой в колодец...

— Все люди, — ответил Марк. — Даже упыри. Мы разные, всегда были и останемся, сколько его величество ни лютуй. Но нечто общее всё же имеется, человеческое. Даже Барч...

— Воды?

— Спасибо, парень, попозже.

Папа Нойн вздрогнул. И усмехнулся: неужто его испугал услужливый рипендамец? Марк отставил тарелку в сторону и развернул стул к дочери.

— Мастер Ю видел человека в каждом пне буролесском. Это само по себе нелегко, особенно при нынешнем государе. А если ещё гильдейский налог не взимать, а наоборот, могуществом своим с девчонками влюблёнными да с учениками бесталанными делиться... Кстати, есть ещё один забавный способ пережить смутные времена: впасть в детство. Серьёзно! Для опытного чародея вообще не проблема. Жаль воспоминаний, конечно. Да и страшновато к палачу на поклон идти: может по небрежности срезать криво. Или умышленно больше отхватит, чем полагается.

— Пап, ты опять говоришь непонятно.

— Неужто? Я думал, тебе знакома процедура. Представь: жизнь себе испоганил и хочешь начать сначала. Лет, предположим, с пяти. Отправляешься к палачу — хоп, воспоминания долой. Обалделое от такого поворота шушуньё перестраивает тело под новый возраст. Кое-кто считает, что память прячется, и её можно вызвать снова. Но, по мне, риск несоразмерный. Как продать душу дьяволу и надеяться, что новая отрасли.

— А они бывают?

— Души?

— Дьяволы. Мне уже давно хотелось дядю Константа спросить. Наверное, не бывает. Зачем кому-нибудь покупать чужие души?

— Тогда откуда бы столько бездушных? Фокус только в том, чтобы распознать дьявола, понимаешь ли. Мне всю дорогу казалось, что он — Родигер. Потом присмотрелся... Родигер — этаким злопамятный доктор, ему нравится совершать непостижимые вещи с человеческим телом. Червие, ползучую тварь он любит, маленьких шушунов. Ты думаешь, легко заставить их выглядеть так?

Алисия почувствовала, что на сегодня хватит с неё волшебных разгадок. Неплохо было бы для начала получить к ним подходящие загадки. Она стоит у двери, может быть, в Старый мир, ничуть не разрушенный, живущий по своим непонятным законам. А её больше волнует, понравится ли Барч маме с бабушкой. И что в лавке делается. Дед посоветовал закрыть продажу амулетов до лучших времён, а не связываться с гномами-перекупщиками. Так и поступили, хотя кое-кто из соседей вполголоса предостерегал от мародёров из Подмостья, моментально узнающих об оставленных без присмотра товарах. А отца, по-видимому, больше интересовала война и то, как некромант обращается с персональными шушунами. Марк внимательно поглядел на неё.

— Иди, детка, — сказал он, — поиграй с товарищами.

Алисия усмехнулась, но не стала возражать и вышла из комнаты. Прово собрал последней картофелиной масло со сковороды, отправил в рот — и вдруг заметил, что Бартоломео всё ещё стоит у него за плечом. У охотника волоски на затылке встали дыбом от ужаса, пусть он и не признался бы даже самому себе, что боится

мертвеца. Марк хотел невозмутимо потребовать воды — и не мог произнести ни слова. Нечто большее, чем воплощённое могущество некромантов, непонятнее, чем сама смерть, наблюдало за ним.

— Покупатели душ, — сказал рипендамец. — Что тебе известно о них?

Неожиданный монолог сам по себе вызывал оторопь. Но и голос мертвеца производил впечатление самое тягостное. Звук разделялся, говорили многие, рядом, издалека или даже из глубины, из-под пола. Разным тембром, с небольшим запозданием по отношению друг к другу, заставляя слушателя усомниться в собственном рассудке.

— Н-н... — Прово помотал головой, но ледяные пальцы на его горле не ослабили хватку. — Не встречал таких. Мне и душа в свободном виде не попадалась. Не представляю себе, на что она похожа.

— Жаль, — произнёс после паузы рыбак. И пояснил:

— Душа. Знаешь, о чём я. Мысли, ощущения, воспоминания. По-разному можно хранить их. Поделить на четыре, свернуть и уместить тысячи в одном. Информация, называл это я, когда был только Биццаро.

— Только?.. — тихо уточнил Прово. Пот стекал у него между лопаток, но наёмник знал, что выглядит уверенным, спокойным, обладающим большим знанием и могуществом, чем ужасный собеседник. Ещё одно умение, без которого не выжить ни в чаще, ни в армии. — А теперь? Потому ты и отказался от Путешествия, от

регенерационной машины?

— Нас многовато, — подтвердил Барч, — чтобы вернуться с Острова в одном теле. Вот я и спрашиваю: не знаешь ли, кто и где покупает души оптом?

— Много? — прошептал охотник.

— Левиафан, его армия. И прочий морской народ.

11

Есть между Оомеком и столицей, не доезжая до Провала, широкая равнина. Элмшский барон, глядя с высоты, нашёл бы её похожей на тарелку с отбитым краем. С одной стороны тянулась редкая полоска Бурого леса. Под кронами время от времени случались дискуссии на тему «Отнимем Пригорье у Бескорневых!», и поросль становилась гуще. Бывало, всю равнину покрывали плотоядный кустарник и осинки-ассасинки. Потом ветер менялся, на опушках шуршало: «Подальше от возделанных полей и цветов, пойманных в кадки!» От рощицы оставалось тогда два десятка особенно упорных кривых пней.

На противоположной стороне плескались Воды. Их рассекали рыбачьи лодки, как под парусом, так и под колдовством. Места эти издревле считались богатыми, рыбными. Нигде больше не удавалось выудить столько плотвичьих скелетов, не нуждающихся в ночеградской обработке. Именно здесь из волн порой поднимались удивительные твари, считавшиеся вымершими ещё при старой Маккиа-Вилле. Но и несчастные случаи у рыбаков в

здешних краях происходили чаще, чем даже под стенами Зубастой Башни Города Ночь.

Долину ровной дугой пересекала Железная Дорога. Вдоль неё по тракту, называемому просто Путь, день и ночь тянулась вереница караванов гномов, тащились бродяги-одиночки. В последние времена, впрочем, гномы почти всегда делали длинный опасный крюк через Город Ночь и станцию Нигде, въезжая в столицу со стороны Невера.

Никто не сомневался, что решающая битва армий Дракона и Короля состоится именно здесь.

В тот день Приводье опустело. «Утренний тролль» не пришёл по расписанию. В Водах не мелькал ни один парус, в тихом поле — ни один бегучий подснежник. Беззвучно струились ручьи, темнели проталины. За ночь из земли нетерпеливо, прежде срока, показалась свежие травы — ведьмин локон, след покойника, кровавик и подобная им жадная зелень. Вести о надвигающейся беде разносились под землёй ещё быстрее. В «Слепой рыбе» среди винных бочек Ребекку напугали два буролесских могильных червя. На крики супруги прибежал Ларс и прогнал паразитов за порог. Дракон разместил лучников на холмах, с которых начиналось Элмшское Пригорье. Тут в самых нелепых позах валялись огромные камни, целые скалы, зачем-то спрыгнувшие в долину. Их трещины замечательно подходили для укрытия существу эльфьего размера. Дискуссия об острых стрелах завершилась компромиссом.

Старики официально позволили бойцам смертельное оружие. Амао, с огромным усилием сохраняя серьёзность в обсуждении такого безумного вопроса, поклялся взамен назвать Пустозем Королевством Эльфов. Старейшины хотели предварительно посоветоваться с мастером Ю: рассказывали, что тот знал самого Финна. Понимал Его неисповедимые пути. Но глава наёмников бесследно пропал. Удивительно, но на базаре в Лена Игел о нём не судачили. Настолько упорно молчали, будто бы и не было знаменитой гильдии никогда. Пришлось обойтись без стариковского благословения.

Наёмники из-за отсутствия руководства подались кто куда.

Некоторые даже в гвардию: Король заблаговременно оставил запись о новом задании, многих оно заинтересовало. Горрин затаился в тренировочном зале. Амао несколько раз учтиво обращался к нему котом, но ответа не получил. Впрочем, и без ленаигельского оружейника к дракону явилось на удивление много сторонников.

Твари Буролесья! Болотные чудища! Поражающие воображение, невиданные, даже не упомянутые в легендах! Некоторые прятались под землёй, в траве, в воде или в телах других существ. Дракон с гордостью завершал смотр своих полков: в такой момент любое сомнение в правоте его дела пропадало. У всего, что подходило со стороны перевала, при Эдиктах не было будущего.

Хорошо, что они поняли!

Генерал прошёлся взад-вперёд, разгоняя тревогу: много неясного

было в спонтанном решении доброй половины его бойцов выступить против Короля. Словно незнакомое божество пробудилось и отдало приказ усилить армию Амао.

Вражеское войско от Запретных Вод тоже поднималось немалое. Ополчение добровольцев из столицы и окрестностей вооружили вполне достойно, многих — гвардейским оружием. Часть его, естественно, взорвётся при первом же выстреле от тысячелетнего неприменения. Или ополченцам приказали врага по лбу священным железом лупить? Неприятно выглядели угрюмые, молчаливые старомирские устройства для стрельбы. С ними ни поговорить, ни на брудершафт выпить. Но основную часть войска противника составляли ещё более индифферентные боевые единицы: трупы. В разной степени попорченные смертью, серокожие, с мутно светящимися протезами глаз, запечатляющих и передающих увиденное одному из Владык-Некромантов, мертвецы двигались удивительно плавно и слаженно. Над головами шагающего мяса висели летучие мыши — непонятно, зачем. Может, в качестве одноразового перекуса для армии. Хотелось ещё понять, где окопалась мать всех ведьм, Саама. Но этого, конечно, узнать было нельзя. Оставалось надеяться, что дома сидит, в буролесской ругательной яме. Так поступил, кстати, называющий себя Хозяином Болот.

Амао не осуждал их. Было понятно желание бестий остаться героями собственных сказок. И умереть, как подобает — от руки

вероломной девы или седьмого вдовьего сына, а не сгинуть в куче придавленных единорожьим задом.

Ни мастера Ю, ни Вёлля, ни даже... Хотя... Амао возвёл раскосые глаза к небесам, спрашивая себя, не могла ли быть предстоящая битва очередным шедевром театрального демона. Нет, видимо, нет. К сожалению. Оставалось время на вдохновляющую речь, но говорить не хотелось. Тем, кто пришёл сюда, примерно ясно было, что за работа им предстоит.

Скудное весеннее солнышко стояло почти в зените. По равнине пронёсся узнаваемый до нервного смеха звук рожка. Амао оглянулся на советника. Тот, почесав лысину под смешной лекарской шапочкой, достал из кармана короткий, но смертоносный нож по имени Скальпель и без раздумий, кривясь и морщась, нанёс себе несколько широких порезов на плечах и предплечьях — сперва с одной, потом с другой стороны. Дракон моментально принял большую форму и выплюнул в небо огненный шар. Тот взвился над полем, прогрохотал и рассыпался тысячами сияющих искр. Пехота — облепленные грязью водяные — поднялась из луж и проталин и двинулась вперёд. За ними следовали закованные в железо ночеградские гномы. Голодная земля вибрировала под их ногами.

— Человечество! — произнёс Король со спины косматого матёрого медвервольфа. Все взгляды обратились к всаднику, народ внимал каждому слову. — Будущее человечества! Вот что сегодня стоит на

кону. Мы, люди, пришли в Новомир, чтобы выжить. Продолжиться. Сохранить для наших детей традиции, язык, культуру, наследие нашего вида. С тех пор мы переменились — и всё-таки остались людьми.

Гномы, тролли, горцы, жители столицы и городов Приводья!

Мышление, общий способ приводить мозг в действие — это то, что нас объединяет. Разум, Исток Человечности, побеждает смерть.

Настала пора защитить его.

— Посмотрите, — Король простёр вытянутую руку, и лица солдат послушно обратились в сторону Предгорья. — Наш враг — армия чудовищ, добровольно отказавшихся от прошлого, от людских моральных принципов, от всего, что нас связывает друг с другом, потомков Старого Мира. Они отбросили людской облик, завладели нечистым могуществом посредством обмана, грабежа и насилия. Настало время положить конец террору, обратить чудовищ в бегство и сжечь в их собственных логовах.

Владыка Лена Игел послал своим бойцам вдохновенную улыбку защитника и спасителя.

— Помните, друзья: нет смерти для героя. Борец за Человечность — бессмертен! Кровь прольётся, но неукротимый дух, переживший гибель Старомира, продлится. Доброе домашнее волшебство, передаваемое из поколения в поколение в гильдиях, сохранит тех, кто жертвует собой. Вернёт даже из могил! Мы возведём новые города в Пригорье и на берегу. Тогда дети защитников не будут бояться чудовищ. И, чтобы настали эти благословенные времена

мира, я призываю вас, люди! Смерть! Смерть нелюдям!

— ...Е-э-э! — прокатилось по равнине. Вито по правую руку от его величества протрубил в серебряный рожок.

По распутице покатались оглушительно грохочущие, лязгающие и выпускающие газы механизмы с троллями внутри. За ними неторопливо, солидно шлёпали медвервольфы с гвардейцами на спинах, разделяясь на ходу и заходя с флангов. В центре оказалось злое, вооружённое дрынами и железом самого разнообразного толка ополчение города Лена Игел.

Ларс-трактирщик, коренной житель столицы, не узнал бы ни одного из них. То были люди тупиков и тёмных дворов Нижнего Города, рыбацких кварталов. Население Подмостья, выросшего под останками гниющих конструкций, по которым чародеи с начала времён пытались попасть на Остров. Ополченцы не кричали, не совершали лишних движений, а просто и деловито пёрли в указанном направлении. Ничто в их облике не выдавало, что все они — покойники.

Погрузчики в гавани, плетельщики сетей, девки, воры — нижегорожане и так не имели никаких шансов на долгую жизнь. С одной стороны их караулили жадные хищники Вод. С другой — гвардия, принудившая разбойников отказаться от старого надёжного способа восполнять жизнь и поправлять здоровье за счёт сограждан, припозднившихся по пути домой из таверны. Время от времени Подмостье выталкивало на улицы толпу, громившую лавки и прихватывающую всё, что подвернётся, до последнего

шушуна. Когда гильдия лорда Родигера заинтересовалась портовым населением, всем это понравилось. К солидным горожанам вернулось спокойствие, пропала необходимость сочувствовать неудачникам, подкармливать их, стыдясь собственного достатка. А бездельники, полагали многие, и не заметили перемен. Народ Подмостья занимался самоуничтожением задолго до того, как привлёк внимание некромантов: дегустировал веселящие яды, растрачивал себя на призовых поединках, предавался ритуальному людоедству. На одном из Светлых Советов некая ясновидящая сделала сенсационное утверждение: у нижегородцев нет души. Присутствовавший Биццаро возразил: у этих людей тело — и есть душа. А естественные позывы — её прекрасные порывы. Заносчивое неуважение к такому своеобразию — ошибочно и глупо. Пусть порой и неприглядная картина получается, естество наружу... Опытный ловец душ использует в виде приманки не пищу духовную, а доступную и дешёвую еду да ходовые напитки. Колбасу, пиво, пироги с творогом. Многие приняли к сведению. Теперь Нижний Город и Подмостье составляли ядро королевской пехоты. Утыканные эльфьими стрелами, как ежи, с подпалёнными волосами, мужики ломались вперёд, и остановить их не могло практически ничто. Его величество проводил наступающее войско взглядом, спешил и в сопровождении Вито пропал в штабной палатке, синем шатре, на вид трогательно-беззащитном, на самом деле — абсолютно

неприступном сооружении. У входа выстроились гномы — для солидности, а не потому, что в них так уж нуждались.

Ян, Борик и Маркус, соседи-приятели из подмихинской деревеньки, высунули любопытные носы из оврага и ошалело уставились на вихляющий, плоский, как жук, механизм высотой с небогатую хибарку, ползущий навстречу через ручьи и грязь. У троллей безногой шушунятины имелась подвижная голова без шеи, длинный нос трубой, оглушительный рык и мерзкий, непереносимый запах. Выяснить, что именно воняло, сама конструкция или сидящие в ней тролли, времени уже не было. Дрянь только казалась неуклюжей. Если приглядеться, как лихо она брала пригорки любой крутизны и прытко штурмовала овраги, становилось ясно: догонит и сожрёт. Или задавит, как телега — жабу. Следом подъезжали похожие повозки, несуразные и быстрые. Трое земляков, не сговариваясь, сунули пальцы в ещё не оттаявшую почву и принялись торопливо, сбивчиво заклинять спящие семена и луковицы — всё, для чего ещё не пришла пора. Обещали целый год подарки носить и закапывать. Живая мощь потоком лилась в земляную темноту.

Помогло! Со всех сторон к железному уродцу поползли из почвы цепкие изумрудно-зелёные ростки. Нечто подобное, утверждали некоторые очевидцы, попадалось в чаще Буролесья. Однако сходились в том, что в Злой Пуще ни одному растению не удавалось приобрести столь сочный, весёлый, вызывающий

оттенков, крайне непрактичный в тех местах, где пищей становится абсолютно всё. А им, хлёстким и хватким, было всё равно. Им понравилась несвоевременная побудка. В считанные минуты машины были остановлены. Кашляя и дёргаясь, они пытались вырваться, давили и рвали нахальный зелёный молодняк, но тут же застревали в свежих путях, ползущих всё выше по железу. Из обездвиженных голов чудищ орали взбешённые тролли. Но только один осмелился вылезти через откидную крышку. Его немедленно стащили в грязь, отодрали за уши, надавали пинков под зад и уже собирались отпустить подобру-поздорову. Как вдруг случилось то, что недвусмысленно объяснило воинству Амао, что такое на самом деле война.

Из носа уродца выметнуло чёрный огонь и густой клуб дыма. Всё на пути чудовищного высморка полыхнуло и погибло. Когда вонючее облако рассеялось, поле оказалось прорезанным тёмной бороздой смерти. Бойцы лежали в ней лицом вниз или метались и звали на помощь. Остальные окаменели на мгновение. Затем равнина погрузилась в дикий, неопиcуемый хаос. Каждый оказался сам за себя — и за товарища. Спасался и спасал, как мог. Бегство выбрали немногие. Всё кругом орало и бранилось, любой, кого ни возьми, видел в противнике опасное чудовище, ненавидеть которое — естественно, убивать — трудно, но необходимо. Убегающий тролль успел ещё вскинуть руки, но потом, даже не крикнув, был втянут в землю и поглощён целиком. Больше ни один покинуть механизмы не пытался, зато сидящие в проржавленных чревах

приказали своим тварям плевать огнём. Противник уворачивался, но и горел, конечно. Обездвиженные железяки не приносили серьёзного урона. Ими можно было заняться позже. Сейчас всякий делал всё, чтобы продержаться немного. И ещё чуть-чуть.

Полагать себя непобедимым из-за того, что обладаешь необычным, впечатляющим способом убивать... неразумно.

Прикосновения элмшца останавливали и живых, и мёртвых. Тодд, опьянев от разрушительного всесилія, вихрем ввинтился в толпу ополченцев, гася каждого, кто приближался на расстояние вытянутой руки.

И получил длинным заточенным штырём в спину. Ржавым куском железа, выломанным из остова моста. Даже не гоблином.

Мгновенно осознав ущерб, горец ещё попытался вырваться — свои, оомекские, дрались неподалёку, шагах в десяти. Но мертвецы уже резали, кололи, рвали его плоть. Валились ему, пока стоящему прямо, под ноги, тянули вниз. На загривок лезли другие, не испытывающие боли, не знающие сомнений. «Надо было сказать Минцу, где привязан осёл, пусть бы маслом кормил, гулять выкатывал, — инстинктивно отмечая поражённые органы и представляя внутренние гематомы, разрывы, необратимые повреждения, расстроился элмшец. — А лучше троллям передал бы, на племя». Потом вспомнил, что тролли теперь враги, и затосковал ещё больше, вздыхая от новых смертельных ран. Длинный рыбацкий нож-потрошитель вспорол лекарю живот.

Тогда благословенный шок отнял у лекаря способность сожалеть о принятых решениях. Убийца, обрызганный кровью Тодда, повалился на свою жертву.

— Отойдите от него.

Над изувеченным до неузнаваемости, затоптанным трупом элмшца из дыма и чада возникло мрачное лицо графа Родигера. Некромант прикрывал свой отвратительный рот платком. Бойцы торопливо разошлись и растащили трупы, оставив только останки горца.

— Нет, не возьму, — объявил глава гильдии, поразмыслив коротко.

Он отвернулся и сделал несколько шагов прочь. Потом остановился и приказал:

— Заверните во что-нибудь хорошенько. И тащите на Маяк. Жаль материала отличного.

— Минц, буролесский кролик-шатун!

— Хиггище! Что ты тут делаешь, борода? Топор зачесался? Ты ж хотел...

Великан опустил своё ужасное оружие и опёрся на топорнице, стирая с лица копоть и кровь.

— Хотел, — подтвердил он весело, — но передумал. Преступник должен быть казнён, в том и смысл правосудия. Иначе зачем вообще палачи?

— Убийца принцессы Хет, имеешь в виду?

— Могильщики тоже. Вся вонючая банда с Маяка. «Светлые

лорды», учредители мирового порядка. Что они из человека делают! — Хигг показал на медленно, но верно надвигающихся покойников. — Глянь, зачем палачу топор...

Несколько иссиня-бледных портовых головорезов, одетых в изысканное шитьё, бархат и рванину, окружали двух наёмников.

Вожак с висящим на груди амулетом в виде круга, разделённого по-старомирски на двенадцать, подходил, пряча нож, как в драке в переулке. Свистнул топор, мелькнул широкой неуловимой дугой — и разбойники остановились, бессмысленно глядя перед собой, выронив ножи.

— Прячьтесь, — посоветовал задушевно Хигг, — у вас есть некоторое время, сам не знаю, сколько. Куда бы вам податься? Я бы сказал, разверните зады в сторону столицы и бегите вперёд, не сворачивая.

Мертвецы помедлили, но всё же последовали совету. Минц поднял кулак в буролесском жесте безмерного уважения.

— Нескромный вопрос... — начал он.

— Что отрубил? Удовольствие от того, чтобы калечить и пугать.

Хигг поднял оружие для нового удара: приближалась команда побольше, верхом на зверье. Взмах! — и медвервольфы, сбросив всадников и разметав пехоту обеих сторон, с рёвом помчались в родную чащу. Было ясно, что им срезало: путы и поводья.

— Не могу поверить, что сам дал идиоту топор палача! — процедил сквозь зубы Король, но наёмник его, конечно, не услышал. — Так и

не дошло до него, что можно казнить окончательно, насмерть. Вот ещё один признак чужеродности, бесчеловечности, Вито. Убийство — это же инстинктивный акт! Вроде поиска опоры при падении. Ему не нужно учиться. НЕ убивать гораздо сложнее.

— А ты-то почему в чаще не залёг? — спрашивал Хигг.

Чудовищная потеря жизни ощущалась как усталость после долгого похода. Даже мышцы отзывались ноющей болью. — Неужто от элмшской премии ничего не осталось?

— Премии той было... — презрительно отвечал Минц, позволяя чудовищному растению, обвивающему всё его тело, убивать ходячее мясо точными ударами острых, мощных и быстрых щупалец. Те не пытались схватить жертву, а били прицельно в глаза нападающим, сразу выводя врага из игры. — Задатка, что мне Цал Клиер отвалил, хватило на пару дней — не в «Рыбе», в другом приятном заведении. А как я за остатком явился, обвинили в саботаже, в попытке испортить Погодный Камень, в ереси и преступном сговоре против Короны.

В старом сарайчике за Михином на мягкой куче сена спал его кошачество Хайнрих. Ему приснилась отвратительная кровавая битва. Слеплённые бойцы, бесцельно скитающиеся у берега. Кот закашлял, застонал, забил лапами. И девочка из Амао обняла телепата за огромный бок.

Гладила, пока не притих.

— Спи, Хайни, спи, котик-братик, — всхлипывая, тихонечко повторяла Берти. Позже, к рассвету, у неё выросла ещё одна буква давным-давно ампутированного имени.

Уже значительно позже рассказывали, что не только некроманты и столичные лекари оказывали помощь раненым. Трудно сказать, насколько правдивы были слухи о трёх невыразимо прекрасных дамах, блуждающих по полю там, где только что кипела схватка. Одетые в белое, красавицы казались нарисованными безумным живописцем. Он, вероятно, был убеждён: женщинам идут змеиные шейки, огромные чёрные глаза на пол-лица и талии, помещающиеся в обручальный перстень. То, что они собой представляли, их очевидное телесное самопожертвование внушало сострадание и ужас. Притом к ним невероятно тянуло. Каждую хотелось утешать и ласкать.

Время от времени они наклонялись к павшим бойцам, затем качали головами и шли дальше. Но иногда, заметив жизнь в израненном теле, они вносили умирающих в палатку, следующую за дамами по пятам, и там возвращали здоровье. Единственным известным способом — посредством любви.

Как бы ещё они могли помочь мужу-дракону победить?

Хейзел звали одну из женщин, утверждал спасённый неверец. Ему хотелось похвастаться ощущениями, но он так и не смог подобрать слов. Те, что просились на язык, негодились.

— Сианна, зови детей, пора, — попросил Катер, снова бессмысленно заглядывая за плечо, отказываясь поверить, что стрелы закончились. И уже не собрать было: некромантская орда наступала неожиданно быстро. Впрочем, стрелы оказались почти бесполезны. Даже те, что по звуку сами находили сердце цели, как и те, что взрывались в теле врага или превращались в червей, пожирающих жертву изнутри, и другие мрачные изобретения Гильдии Стрелков Города Ночь.

Леди на цепких куриных ногах громко свистнула. С высоты, где заканчивался отчаянный, неравный бой между тренированной грифоновой эскадрильей Элмша и полудикими, своенравными звероптицами Пустозема, камнем упал темнокрылый, вороной. Схватив лакомый гриб, красавец распушил перья и закурлыкал, как в родном гнезде перед подругой. Грифонья хозяйка поманила детей. Две большие изумрудные улиточки, вдумчиво поедающие внутренности огромного тролля, с неохотой оторвались от трапезы и скользнули одна за другой в протянутые ладони матери.

— Бесполезно всё, — Катер, обсыпанный перьями и грифоньими нечистотами, полез на спину чёрному. — Мастер Ю назвал этот фарс «войной алхимиков». Грибы, некромантские вытяжки, шушун знает что. Побеждает тот, кто сотворил сильнодействующее снадобье, позволяющее бойцу дольше других оставаться на ногах. Лучник выплюнул кровь и осторожно потрогал обломок тролльего зуба, сломавшегося в ране под ключицей, размышляя:

— Амао, конечно, силён, но уж очень не прицельно бьёт.

Предлагаю на перевал. К полуночи одолеем, самое позднее — к утру. Там ещё твой ненаглядный Элмш. Гнездо построим. Я знаю в Городе Ночь одного спеца по проклятьям. Летом с детьми к нему слетаем.

Он с нежностью глянул на дочерей — самых изящных, самые нежных и очаровательных созданий, каких только представить себе возможно. И малышки, ощущая его любовь, пульсировали от удовольствия. Катер хотел поблагодарить жену за то, что они снова вместе, но не знал, как.

— Пора, — приказал он солидно, пытаюсь вложить в голос всю свою любовь.

Небо над головой внезапно потемнело, будто солнце прикрыли ладонью. Вся семья одновременно вскинула головы.

— Ох... мать, прячь... — крикнул Катер и в следующее мгновение был мёртв. Бывшей леди Цал Клиер повезло меньше. Она закрыла детей от огня и даже смогла терпеть, не стонать до самого конца, чтобы не испугать маленьких.

— Ребекка, не уезжай! — Ларс стёр с глаз злые слёзы. — Идиот был, что наёмников просил твою видимость поискать. Прости! Ты мне и худшее прощала.

Она остановилась. Муж почувствовал, он умел безошибочно распознавать её движения. И только затеплилась надежда, как жена стала видимой. На несколько ужасных мгновений. Он застыл, не в силах поверить, что прошлой ночью обнимал это. Перехватило

дыхание, руки задрожали. Хотел сказать: «Ничего! Люблю тебя. Переживём». И не мог, только шевелил пересохшими губами. Потом пытка прекратилась. Хлопнула дверь, и Ларс остался один.

12

Неподалёку от михинского причала в пустых Водах покачивалась лодка. В ней дремал мастер Ю. За борт свесилась удочка, которую старик совершенно игнорировал, даже когда поплавок нырял и подскакивал. Наживка, вероятно, отряхиваясь и бранясь, уже заказывала вторую кружку тыквянки в портовом трактире.

Старик то и дело сонно вскидывал косматую голову и напевал под нос какую-то заунывную мелодию, вроде детской колыбельной.

Песня убаюкивала самого мастера, голова его клонилась ниже и ниже. Ледяной ветер над водой глава наёмников не замечал, даже не ёжился, хоть и совершенно промок. Также старик ни разу не обернулся на тяжёлое тёмное облако дыма, вырастающее вдали над перевалом между Лена Игел и Амао.

— Поможешь мне? — ласково спросил, наконец, знакомый голос.

И он протянул руки, вынул из воды. Лодка едва не перевернулась и плясала, пока Ю не успокоил её маленькой порцией жизни.

— Щедрость, — усмехнулась любимая, — вот твоя основная беда.

Запросто так, не пожалел и отдал меня другому.

— Вернул тебя самой себе, — объяснил мастер.

— О! Хватит, этого я у тебя снова не куплю, — обиженно протянула она. — «Прогнать» такое называется. Или «оставить».

— Так прогнать или оставить? — добродушно усмехнулся Ю.

И, не давая обиде превозмочь любопытство, продолжил:

— Я был всё время рядом. И в Лиоде. Кот Базиль был я. Вот тоже...

Он протянул девушке свой указательный палец, отделённый от тела, но не кровоточащий. На ладони у Треан он вытянулся и превратился в изящный плетёный шнурок. Идеально гладкую удавку.

— А я и то удивлялась, откуда она у меня, — блондинка покачала мокрыми кудряшками, старательно отряхивая капли воды со шляпной тульи. — Забирай обратно, — она бросила шнурок ему на колени. — Чем так смешно по-родительски обо мне заботиться, мог бы нормально спать со мной или жениться на старомирский лад. Треан помолчала и, не дождавшись ответа, рассмеялась издевательски и беспощадно.

— Зачем же пел тогда через Воды? Предложить-то тебе нечего!

— У тебя и так всё есть, — спокойно согласился старик-наёмник.

Это её проняло.

— У меня отличные слуги, — уязвлённо напомнила она. — Верные, послушные, не то, что мы у тебя.

— Вы у меня разные, но уж точно не слуги. А твои... Ты не находишь, что они уж очень простые и преданные? Не как соратники, не как псы и даже не как стрела на тетиве. У них нет лица, им не больно, они безмозглые, словно рыбацкие портки. Хуже того, кое-кто из них и есть рыбацкие портки. Послушай, Виктор Отравка как-то рассказывал, он сумеречней Рипендама

вынул из ловушки гигантского многолапого змеюка. Пожалел, тот немолодой уже оказался, покалеченный. А потом под Савин заплутал в Злой Чаще и в гнездо змеюков провалился. Глядит на него седой патриарх со стальными зубами, глядит... Ближе подползает... Внимательнее смотрит... Вдруг на горло скок! — Виктор еле живой оттуда ушёл, чудом вырвался, едва не закончился.

— О! Старая шутка, слыхала уже. Змеюк был другой...

— Не угадала. Он самый.

— К чему ты клонишь?

— Ты не можешь контролировать донника. Рано или поздно...

— Что?!

— Наскучит — и кинется играть во что-нибудь другое. Тебе кажется, что ты понимаешь, что и зачем он делает. Но по отношению к гоблинам неприменимо ни то, ни другое. Ни «что», ни «зачем». Они что-то вроде эха...

Девушка рассмеялась снова, на сей раз так пронзительно, что сама испугалась собственного нервного хохота и притихла.

— Просто завидуешь! — подвела итог она. — Я с ними всё могу.

— И что ты с ними будешь делать? — спросил Ю. Тогда Треан, прежде чем надеть шляпку-спрятку, поцеловать и пропасть, объяснила:

— Всё.

Амао проигрывал бой.

Он метался над равниной, видел и ничего поделывать не мог. Его замечательный природный огнемёт жёг и своих, и чужих, смешавшихся в невообразимую кашу из орущих, рвущих друг друга на части тел. Терзаясь ужасной мыслью, что лучше было выйти на битву в одиночку, дракон перестал отхаркиваться горячей слюной и выжидал, паря на широко расправленных крыльях. Вздрагивая, вёл счёт потерям. То и дело кидался на всадников грифонов, расшвыривал их безукоризненный строй. Потом подустал, стал задыхаться и спустился на скалу позади остатков его армии, суровых нелюдей-буролесцев. Лучше всего держался отряд Минца. Им удалось занять полосу земли аж до Пути у ворот Лена Игел: захваченная осинками территория лежала в тени, из земли поднимались с пугающей скоростью новые и новые чёрные силуэты чудовищных тел, всё меньше напоминающих деревья. Атакующие мертвецы и гвардейцы держались от них в стороне.

Снова в малой форме из-под полуприкрытых век дракон замороженно смотрел вниз. Вдруг он почувствовал неожиданную боль под лопаткой, скрежет стали по надкостнице, тепло крови, стекающей в штаны. Рефлекторно приняв большую форму, он с воём отпрыгнул в сторону и замер, разглядывая полураздавленного убийцу.

Им оказался ребёнок. Амао с изумлением выдохнул облачко пара и когтем перевернул тельце в длинном перепачканном плаще с низко

надвинутым капюшоном. Нет, не ребёнок. Гном. Совсем молодой, безбородый, коротко стриженный, как и полагалось детишкам, всё ещё живущим у матерей и не открывшим собственного дела.

Невероятно, чтобы гномка послала сына-подростка на опасную, обречённую на неудачу миссию. Дракон ощущал железо, глубоко засевшее в спине пониже левого крыла. До сердца малыш, естественно, не допрыгнул.

Тогда убийца открыл глаза, и Амао взревел от ярости и печали. На него ненавидяще смотрели глаза Бретты. Ошибки быть не могло.

Эта нелепость окончательно убедила дракона в безнадёжности происходящего. Он схватил отбрыкивающегося сына наёмницы, борясь с желанием покрепче сжать когти, оглушительно хлопнул крыльями, разорвав воздух, ринулся в сторону ставки врага.

Амао врезался в отряд вооружённых до зубов гномов и гномок, разметал их, скользнул на бреющем полёте над круглыми шлемами врагов и швырнул добычу разинувшей рот Веське Виттемун. Потом снова прыгнул в воздух. Гномы копошились под ним кучей. С небес до них донёсся громовой рык:

— За сыном своим проследите, мамаша! — и невесёлый смех.

Рана от ножа горела не только в спине, но и внутри драконьего естества, в глубине, где притаились разочарование и тоска. Как, когда всё пошло настолько наперекосяк?..

Тогда из палатки показался сам Король. Амао сразу решил сжечь мерзавца, а потом уже решать, что делать дальше. Он набрал

полный рот пламени, приближаясь по длинной дуге, уклоняясь от летящих стрел и метательных снарядов тролльих машин.

И увидел поднимающегося ему навстречу монстра.

Отплёвываясь гнусно воняющей горючей кровью, хрипя и кашляя, в воздух взлетел уродливый, криво сшитый механический «дракон». Он не махал крыльями, а держал их судорожно растопыренными в стороны, но всё же каким-то немислимым образом скользил над землёй, находясь в непрерывном движении. Создатели не пытались придать существу благородную форму крылатого ящера: больше всего тот походил на рыбу с чрезмерными, уродливыми боковыми плавниками. Амао, сглотив огонь, перекувырнулся в воздухе, в изумлении наблюдая за полётом чудовища. Вместо глаз твари вырезали на морде широкое слюдяное окошко, но никакая мысль, никакое движение не наблюдалось внутри.

Тварь взвыла и ринулась в лобовую атаку. Амао уклонился, на мгновение потеряв равновесие и чуть не рухнув в траву. Его сердце колотилось в рёбра, рану дёргало и жгло, горло горело. Дракон метнул в монстра огромный пылающий шар, но тварь вильнула, снизилась, и огонь пронёсся мимо. Тут Амао окончательно потерял голову от ярости, заревел и погнался за юркой нечистью, на лету изрыгая проклятья и пламя.

Машина поспешила прочь от города в сторону Вод, заваливаясь на левый бок и выпуская из-под правого крыла клубы чёрного дыма. У неё горело плечо, а внутри, вероятно, вопили и поджаривались

тролли. Расстояние между Амао и добычей постепенно сокращалось, но настигнуть дракон никак не мог.

Они отделились от берега так, что, оглядываясь, больше не видели его, только Элмшские пики над облаками. Вскоре пропали и они. Тогда тварь развернулась и атаковала вновь.

В считанные минуты дракон лишился половины левого крыла, чешуи на обоих боках, нескольких кусков мяса на животе и уверенности в скорой победе. Из летающей железяки стреляли жалящим, жгучим чародейством, не снижая ни скорости, ни маневренности. Создание было слишком быстрым и гладким, чтобы схватить его зубами поперёк брюха. С его крыльев соскальзывали когти. Оно било сверху столь же точно, как снизу. Амао уже несколько раз черпнул крылом воду, задыхался, но понимал, что назад до берега элементарно не долетит. Ветер относил обоих всё дальше.

Вдруг случилось непонятное.

Противника, маневрирующего перед новой атакой, вдруг развернуло в воздухе, словно приклеив животом к невидимой вертикальной поверхности. Все звуки стихли, стрельба прекратилась. Механизм замер, а потом заскользил вниз гораздо быстрее падающего камня и пропал в волнах, подняв высоченный фонтан, окативший Амао с кончиков когтей до головного гребня. Дракон хлопал крыльями, пытаясь уловить местоположение невидимой смертоносной границы. Последний удар твари контузил его: в ушах звенело, картинка перед глазами то и дело

раздваивалась. Куда двигаться? Принять малую форму? Глупо, но он так и не научился плавать.

Ни на что не надеясь, тяжело взмахивая крыльями над самой водой, дракон полетел туда, где предполагал Приводье. В любую минуту он ожидал быстрой, необъяснимой гибели.

14

— Я открою дверь, — сказал Штиллер, отбирая у демона пузырьёк с шедевром Зюски. — Это моя работа.

Остальные закивали, и Констант, пожав плечами, передал ключнику зелье, должное изобразить кровь могущественного волшебника прошлого. Штиллер заставил язык устройства вновь выдвинуться из стальной стены и капнул из пузырька в ложечку.

Не алая, а розовато-жёлтая жидкость стекла по желобу внутрь.

Дверь бесшумно отодвинулась в сторону. Перед четвёркой, Прово и демоном лежал неосвещённый коридор.

Король резко обернулся, когда шум за спиной сделался невыносим.

— В чём дело? Вито, гони всех, — приказал он, отвернулся и добавил сквозь зубы: — Уродцы уже почти побежали.

— Ригг, — капитан гвардейцев использовал прозвище, кодовое слово, означающее, что информация воистину важная, — мы нашли бункер в Невере. Очень плохое место, проклятое. Когда всё закончится, я...

Король подскочил и отшвырнул ногой стул. Все отшатнулись.

Михинец, до того массирующий его величеству плечи и затылок, торопливо поклонился и выбежал из палатки.

— Труби отбой, — приказал побеждающий монарх. Очевидно, исход сражения его больше не заботил. — Возьми всех. Никаких караульных не оставлять, запирайте казармы. Мы отправляемся прямо сейчас. Может быть, уже поздно.

Никто не осмелился задать хоть какой-нибудь вопрос. У Вито появилось выражение лица, будто он прямо сейчас лопнет и забрызгает сапоги властителя своими кипящими мозгами.

— Всех, — повторил Король. — И возьмите с собой ключника, который под Треугольной Площадью сидит.

— Риште?

— Смо Риште.

Над равниной протрубил рожок. Армия Короля, до того уверенно теснившая врага, побросала оружие и побежала прочь, в направлении ворот Лена Игел. Воинство дракона недоверчиво глядело вслед без единого вопля торжества. Никто не преследовал.

— Можешь сказать, что это? — спросил смертельно бледный Хигг у едва держащегося на ногах Минца. — Победа?

Коридор был длинным, прохладным, имел удобный лёгкий наклон вниз. Сперва демон, Прово и четвёрка шли молча, потом стали вполголоса строить догадки о том, почему воздух не затхлый, нет пыли и паутины, которым полагалось покрывать все поверхности. Очевидцы вспомнили убитый камень в Элмше, его тайный дом. И

признали, что сходство в стиле постройки имеется. Точнее, Алисия отметила знакомую форму, а Барч не возражал. Марк Нойн шёл шаг в шаг за рипендамцем и тревожно наблюдал за мертвецом. Констант показал на густую поросль мха на стыке потолка и стен и, не понижая голоса, объявил, что специальные шушуны жрут пыль да пауков: «И нами не побрезгуют, если чрезмерно задержимся». Ускорили шаг. И вышли в комнату, полную книг и староземных устройств. Квадратных, серебристых с тёмными лицами и множеством мелких частей, которые можно было на полную вдавить в стальное тело. В ящике стола нашлось множество великолепных изображений улыбающихся людей в нелепых белых плащах с пуговицами, какой был у элмшского бургомистра. Констант ткнул пальцем в одну из фигур: в светловолосого, высокого с квадратной челюстью трактирного вышибалы, но со смешной маской на носу, состоящей из двух круглых стёкол, зачем-то уменьшающих глаза.

— Вот Финн, — сказал демон. — Семейное сходство не слишком заметно. Разве что подбородок Бретты...

Наёмница гордо выпятила названную часть и поворачивала глазами, но старые изображения рассматривать не стала. Судя по разочарованному выражению её лица, Бретта ожидала найти тут легендарное оружие или живых замшелых старомирцев.

Алисия недоверчиво оторвалась от картинки с кривоzubоухмыляющимся пухлым подростком в рубахе без рукавов. И уставилась на рогатого соседа. Только внимательный к незаметным

деталюм взгляд мастерицы-амулетницы позволял уловить подобие.

— Да, это я, — согласился Понедельник. — Пострижен только чуток иначе.

Амулетница прямо-таки лопалась от ехидства, но спросила только:

— А что за кругляши у вас с Финном на носах сидят? Хотели масляной рыбой оборотиться, но передумали?

— Очки. Уже не помню, зачем они. Может, тайный знак какой-то.

Мы все их носили. Давайте-ка посмотрим, что за наследство нам... вам оставил Биццаро.

Они стали копать в старомирской сокровищнице. И через некоторое время вновь сошлись вместе.

— Книги, которые я нашёл, — сказал Рен, — довольно необычные.

Учат, как считать, как землю измерять... как писать стихи разного размера, как готовить суп из овощей. По таким можно учиться даже не имея ни отца, ни матери, ни другого наставника.

— Невозможно!

— А по-моему, не так уж и удивительно, — возразил демон Бретте.

Та всё ещё недоверчиво крутила носом, вспоминая собственные мучительные поиски мастера и восторг после знакомства с Ю. —

Потом такие книжки стали редкими. Нет, не жгли... Изымали из оборота. Магия, потенциально способная разрушить Новомир! На

Рыбном базаре каждая стоила как три единорога. В огонь

отправились только карты: картографы, как известно, заклинают дьявола. Встречал я его, дьявола, лорда Подземного Мира. В

забуролесских вулканических пещерах живёт, в Элмше кальциол

покупает. Издержки житья во тьме! Забавный такой дядька и пафосный до ужаса, но на карты и души ему плевать. Он больше по еде экзотической: за неё и вправду готов поработать. Он мне про карты объяснять пробовал. Говорил, если нарисовать мир на пергаменте и свернуть, изнанка Элмша станет отбрасывать тень на Город Ночь. Всегда. Мол, понимаешь, что будет, если каждый дурак такой фокус уразумеет? А потом называл меня вассалом, шутник, требовал дань...

Прово и Барч рукописи совершенно игнорировали. Рипендамец внимательно осмотрел все помещение сверху, забравшись на стол. А потом, как знаток, стал тянуть и толкать загадочные устройства. И вдруг зал наполнился ярким светом, а из-под пола донеслись тихое мерное гудение. Похоже, этажом ниже проснулась цикада величиной с носорога. Привыкшие к полумраку спутники вскрикнули, Алисия погасила амулет-свечу. Прово похлопал щурящегося демона по плечу, напоминающему шипастый панцирь, и, гримасничая, вытянул руку в направлении стоящего спиной Бартоломео. Понедельник пожал плечами: он, видимо, всё ещё думал о дьяволе.

— Спасибо, Барч, — сказал он, — так гораздо лучше. Базиль с Зюсской ушёл, жаль. Я хотел кое с кем насчёт здешних шушунов посоветоваться. И вообще, отличный кот. Он меня как-то дисциплинировал.

— Он нас всех то самое, что ты сказал. Прямо как мастер Ю, — подтвердила Бретта, рассовывая найденные рукописи по карманам.

Понедельник ошарашенно покосился на наёмницу, открыл рот, но так ничего и не сказал. Только непонятно, со звоном треснул сам себя по лбу.

— Ладно, что уж тут жалеть: пообещали! Телепат и сам бы с Зюсской ушёл. Я, говорит, призовой кот. Хайнрих обзавидуется, мол, когда узнает, — Бретта подошла поближе. — Смотрите, рекомендации по воспитанию детей. Тут целая система, народ. Чему учить в каком возрасте. Только не пойму: всех детей? Зачем рыбацкому сыну Преображение или искусство разгадывания головоломок?

— Вот тоже часть наследия Финна, уважаемая Бретта, — справившись с никому не понятными эмоциями, ответил Констант.

— Так, — он постучал когтем по пергаменту, — люди с молодых ногтей привыкают мыслить. Что имеет положительные, но и отрицательные стороны. Мыслитель то и дело изобретает опасные вещи, изменяет себя и других, ищет способы сделать свою жизнь веселее и проще, а не законопослушнее и вернее традициям. Он уважает только людей подобного ему сорта, а не официальную власть. Не верит в богов, а если и верит, то на свой особенный лад. Пробуждает гоблинов или взрывает шушунов у себя на чердаке. Мыслитель — подозрительный сосед, скучный приятель и неблагонадёжный подданный. Однако, будучи совсем истреблённым, тоже нехорош.

— Почему? — спросил неожиданно Бартоломео, снова заставив остальных вздрогнуть.

— О, парень, ты ещё поправишься! — ничуть не смутился
Констант и продолжил: — Если лишить два-три поколения
грамотных, обученных азам научного метода людей, что нам
останется? Только шушуну, так называемая «личная магия».
Надолго её не хватает, предприимчивые люди начинают жрать
других людей. Менее предприимчивых.

Король, известный гуманист, запрещает колдовство, чтобы навести
порядок. Но чародейство — оно как творчество... Нет, как похоть:
если ты вообще можешь, то не удержишься. Пытаться запретить —
всё равно, что пригрозить казнью за икоту. Конечно, варево
выкипело из котла, так сказать. И сейчас, я уверен, наши друзья
убивают наших других друзей где-нибудь в Оомеке. Или под
Михином. Там много места.

Демон ошибался, но не слишком: сражение к тому времени уже
закончилось. Базиль сообщил бы ему об этом. Но кот сидел на
загровке у Зюсски Занозы, а та — на грифоне, приятеле Константа с
элмшских времён. Рукодельница летела в Забуролесье, туда, где
выросла и стала величайшей мастерицей. Ей давно уже хотелось
домой. И связать что-нибудь интересное: адскую гончую,
например. Или вампира.

Понедельник собирался ещё много интересного рассказать о
старомирском образовании и пожаре в Лиоде: слушатели ему

попались благодарные, внимательные. Но им помешали.

— Что такое? — изумился Штиллер, прислушиваясь. — Бретта, твоя оомекская дудочка.

— Точно, — улыбаясь, наёмница подошла и приложила ухо к дальней, до сих пор не замеченной двери. — Мы ею нечисть из домов ленаигелских повыгоняли осенью. Некромантскую мелочь да шушуньё Родигера. Злодеи мы были, теперь понимаю. Тяжко нечисти зимой без крова. Я думала, ты дудку в гильдию отдал.

— Я и отдал, мастеру нашему, Отворяющему Пути, Смо Риште, — радостно подтвердил Рен. — Давно хотел познакомить тебя с ним. И Штиллер, быстро отодвинув засов, потянул дверь на себя.

— Стой! — запоздало сообразил Марк Нойн. Но не успел помешать.

— Смо, ты настоящий мастер! — услышали они голос Короля. — Приветствую, Финн! Архив я конфискую: надеюсь, букинист не вбил тебе в голову глупую идею о «наследии»? Бесценные материалы Старого Мира не могут принадлежать одному человеку...

— А значит, их судьба — сгнить в казематах под Треугольной Площадью? — уточнил явительно Констант, пытаясь спрятать за пазуху одну из рукописей. — Такое скоро читать станет некому! Дело даже не в старомирском наречии: знаний не хватит понять.

— Именно, — Король остановился перед Штиллером с Бреттой. Те держались за руки и сами того не замечали. — Сожалею, но мне придётся вас убить снова. Другого способа остановить хаос я не

вижу.

То, что произошло затем, словно бы дожидалось приговора. Раздался клёкот, дикий свист и скрежет, в зал ввалилась большая чёрная летучая мышь со свинячей мордочкой. Животное, запутавшись в собственных крыльях, обрушило несколько этажерок с шушунами, приземлилось на пол, а из когтей её выпал старик Ю. Он, кряхтя, поднялся на ноги и посмотрел в дула направленных на него «устилитов».

— Ах, — промолвил наставник наёмников радостно, — все в сборе! Прежде, чем присутствующие перейдут к взаимному оскорблению действием, попрошу выслушать меня. Новости не слишком приятные. Но их несомненное достоинство заключается в том, что, узнав, все сразу отложат выяснение отношений на потом и займутся серьёзными проблемами.

— Вот как? — Король выглядел одновременно раздражённым и заинтересованным. Нетопырь тем временем нашёл себе комфортную сырую тень и притаился в ней.

— Присядем? — предложил хлопотливо Ю. — Рассказ может получиться долгим. Не хотите? Хорошо, стойте за ту же плотву. Перед битвой в Предгорье я немного побродил по Оомеку, завернул в Невер...

— Естественно. Я-то недоумевал, почему на нас прут садовники и капуста!

— ...и никого не нашёл. Растения занимались своими делами, солнце скакало туда-сюда, ничего особенного, и никаких неверцев.

Только один ряд обжитых дворов вблизи столицы.

— Интересно, — вдруг подал голос Штиллер, незаметно взяв Хоффхарда наизготовку на тот случай, если новости мастера не произведут ожидаемого эффекта. — Что будет, если оставить зелень зреть без присмотра? А? Никто не пробовал?

— Не отвлекайся, — строго одёрнул его Ю.

А Константин негромко ответил:

— Получится дикая природа. Трудно себе представить, о да.

— Потом я в Михин... — мастер Ю остановился, поскрёб в затылке и попросил: — Рен, не одолжишь ли нам на время Хоффхарда?

Есть вещи, которые лучше видеть...

Штиллер, раз уж внезапной атаки не вышло, со вздохом протянул учителю ключ. И старик приотворил дверь в собственные воспоминания.

Опустевший Михин. Ни всадников, ни мастериц, ни катунов, ни рыбачьих лодок. Дома с распахнутыми дверьми, постройки, напоминающие скорлупу от змеиных яиц, выеденных голодным лисовином. Ни огонька в окошках. Тёмный одинокий причал, плеск ледяной воды в балки мостов. Тишина.

На берег в пятнах от водорослей упала длинная тень. Из воды поднялась и поползла всё выше странная тварь. Неторопливо подобралась к ратуше, а затем — к внешней границе Михина, приближаясь к Пути и тролльей железке. А хвост всё ещё тянулся, пропадал в воде. Существо многократно превышало размеры

театрального демона и других «больших креатур». Король подошёл поближе, внимательно рассматривая гигантский конгломерат всего на свете: живого и неживого.

Гоблины разнообразных форм: от оживших колоколов Храма Морской Змеи до подвижных, юрких винных кубков и ожерелий. Рыбы, подводные чудища. Останки кораблей и лодок. Утопленники — люди и нелюди. Живые михинцы, тоже часть гиганта,двигающиеся слаженно с предметами. Домашняя утварь. Потерянные вещи, утратившие форму от длительного пребывания в воде. Масса двигалась вместе, подобно гигантскому рою пустоземных скорпилюдей. Если на пути гоблин-монстра попадалось препятствие, существо обтекало его, проникало внутрь, беседовало с помехой на её языке. Затем преграда присоединялась к толпе, становилась частью чудовища.

— Я слышал твою прекрасную речь перед солдатами, — добродушно сообщил Ю. — Мышление, вот что делает нас людьми. Смотри! Эссе хомо! Он совершает поступки, может, даже принимает решения. В последнем не уверен, но доверие штукавина вызывает, в привлекательности ей не отказать, раз все следуют за нею. И неистребима к тому же... Да, я уже разок попытался. Ничего не вышло, хоть и работал на совесть. Существо содержит нескораемые части, резервуары для дышащих воздухом и тому подобное, не стану утомлять подробностями. В настоящий момент креатура непрерывно растёт и подчиняется моей бывшей ученице и её мужу. Если семейство Келен по той или иной причине отойдёт

от дел, тогда вообще не останется партнёра для переговоров.

— Ты не преувеличиваешь? — Константин выглядел встревоженным, но не убеждённым. — Из воды прёт ещё одна безобразная дрянь.

Бывало! Эти края полны чудовищ. Ты — монстр, я — не менее. Не получается уничтожить? Попробуем сосуществовать.

— И даже очень скоро. Когда тварь нас сожрёт... Нет, не так. Когда мы обретём место в её составе, драматические различия между потомками Старомира нивелируются. Из ландшафта и населения останется один предмет, он же — единственный житель. Не думаю, что твари нужны наши мысли, воспоминания и тому подобные вещи, которые некий знакомый мне рыбак назвал бы душой. Я заглядывал в глаза знакомым михинцам внутри донника, говорил с ними. Напоминают казнённых по недоразумению, так и не заметивших, что случилось. Но они не совсем пустые...

Гильдмастер пошевелил пальцами, подыскивая нужное слово, но, кажется, не нашёл.

— Видимо, чтобы понять, много ли общность оставляет от человека, нужно стать её частью. Но лично я попытаюсь избежать такой судьбы. Вот эти ребята, Биццаро, тоже от себя отказываться не желают, и трудно их за это осуждать. А вы, господа гуманисты и демоны? Сколько от Михина до столицы? Пешком — дней десять примерно, если не ложиться. Сам я обычно беру тролля. Тварь из Вод, конечно, гораздо медлительнее. С другой стороны, в глубине её скорость...

— Я понял, — без всякого выражения проговорил Король.

Мастер Ю вернул Хоффхарда Штиллеру. Затем спросил ленаигелского монарха, да так, что невозможно было уйти от вопроса:

— Зачем девочку убил? Следуя традиции, предписывающей метаморфобию и ненависть ко всему ночеградскому? Трудно поверить, знаешь ли. И ты тоже хорош! — обратился вдруг Ю к летучей мыши, скалящейся из своего убежища. — Схватились за типаж, как солдат за прачкины сиськи. Почему, если вампир, то нетопырь? Почему, скажем, не верблюд?

— Ещё козу предложи! — обиделся свинолицый, вывалив язык. Потом наморщил нос и объяснил:

— Формы крыс и пауков используются тоже, но мыши элегантнее. Летают. Принадлежат парадигме.

— А, раз так... — саркастически вздохнул Ю, вскинув маленькие ручки. Потом посмотрел на Короля: тот выглядел так, словно ему подложили тухлую камбалу на тарелку. — Объяснишься или воспользуешься неотъемлемым правом хранить молчание?

— Вампиризм — грязная и подлая практика, — объявил Король, — разбой с большой дороги. Долг защитника бороться с обоими. Я монарх спокойный, терпеливый: будь хоть троллем, хоть рыбным деревом, живи, как хочешь, но без крайностей, без людоедства. Бери чужое, только если добровольно отдают или дарят.

— Хорошо, но тогда зачем вообще было затевать свадьбу?

— По любви, уважаемый мастер Ю, исключительно в силу нежных чувств.

Ю резко дёрнулся, чуть не лопнув от возмущения таким поистине королевским цинизмом. Но сразу сообразил, что собеседник говорит серьёзно.

— Мать всех уклеек!.. — беспомощно простонал он. — Ты в самом деле... А когда понял, что в жёны получишь всё-таки не его, а дочь...

— Собрать их вместе, — с отвращением глядя в вертикальные глаза вампира, ответил Король, — само по себе дело непростое, они хищники-одиночки. Куда их ещё позвать, на Весенний Танец?.. Да что вы убиваетесь? Вот вам вампир, а значит, вскоре их снова станет четверо. Один займётся сворой адских псов, другой казематами, третий — лабораторией, а четвёртый, наверняка, превратится в прекрасную принцессу. А мы даже сделаем вид, что довольны, объявим амнистию военнопленным, устроим фейерверки...

— Лучше без фейерверков, хватит, — заметил Вилем, сохраняя невозмутимость. — Вернусь — Гильдию Пожарных основать прикажу. Договаривай, Ю, — попросил он.

— Да-да, конечно, — встрепенулся глава наёмников, — я почти закончил. Последнее, что осталось...

Прежде, чем кто-нибудь из присутствующих, даже величайший маг своего времени, его гвардия, сторонники и противники что-то успели заметить и предпринять, тускло блеснула секира.

Мастер Ю без лишних слов казнил Короля.

В бункере покойного Биццаро некоторое время было шумно и тесно, пока казнённый не пришёл в себя от шока и не отдал приказ прекратить репрессии.

— Ничего-ничего, — пропыхтел Ю, приподнимаясь со спины Вито и распутывая руки капитана, невообразимым образом завязанные бантиком. — Мне понравилось. Аж передумал гильдию Горрину передавать. Королевская уверенность в правоте — у тебя скоро новая отраслёт. Может, уже в поезде по пути на Треугольную Площадь.

Король ответил:

— Вернёмся по вашим следам. У меня нет никакого желания лезть в ловушки Биццаро снова. По дороге обсудим, как ликвидировать неуязвимую тварь, живую и мёртвую одновременно. Лещ-косорот, я только что уничтожил или прогнал большую часть потенциальных советников. Вито, возьми с собой бумаги, сколько унесёшь. Бицц... Штиллер? Показывайте дорогу.

— А как же ритуальные рукопожатия в знак мира и сотрудничества?

— Обойдёмся без них пока, — ответил Король мастеру Ю, но глядел при этом на Бартоломео и Алисию. — Есть вещи, к которым нужно постепенно привыкать. Потом, может быть.

Они успели на вечерний поезд.

У руля сидел молодой незнакомый тролль. В вагоне на скамье обнаружился жутко израненный, одноглазый, пускающий кровавые

пузыри Машинист. У него в груди торчали обломанные эльфийские стрелы.

— Штиллер! — обрадовался умирающий. — Хорошо, что ты здесь. Думал уже, без билета отправлюсь. Подаришь что-нибудь на прощанье? Криво выйдет — тоже ничего.

Ключник присел рядом, уронил лицо в ладони. Остальные остались стоять поодаль, чтобы не мешать другу колдовать.

— Коль не знаешь, повержен, разбит, одинок,

Доживёшь ли до вечера? Помни одно:

Никому из людей (победителю — тоже),

Доживут ли до вечера, знать не дано.

— Смешно, — невесело отозвался тролль. — Бывай, ключник. А я — в Депо.

— Депо в другую сторону, — сказал Король.

— У меня своё, — ехидно заверил Машинист и замолчал, стал смотреть в окошко.

Штиллер читал манускрипт, прихваченный демоном из неверского логова. Друзья слушали.

«Дорогой я! — писал Биццаро. — Думаю, что ты откажешься от воссоединения и трансформации. Понимаю и не виню. Я бы тоже отказался обменять собственную личность на чужое могущество и дурную славу. Не торопись, подожди, пока тебе не станет

совершенно ясно, что собой представляет моё наследство.

Никакое колдовство не сделает тебя в полной мере мною, мы даже биологически не идентичны, хоть и «одной крови». Разное воспитание и жизненный опыт ежедневно отдаляет нас друг от друга, таков и был изначальный план. Так что ограбленным не останешься.

Всегда был убеждён, что личность — совокупность информации и опыта. Знание, которое я сохранил для тебя, не научит, нравственно или нет — завязывать деткам хитрые узелки на пальтишках, чтобы заставить их следить за собственной безопасностью и в полной мере осознавать свою смертность. Не убедит, что помочь другу стать чудовищем его мечты — злое деяние, но и не заставит поверить в противоположное. Факты о звёздах и обмене веществ не злые и не добрые. Они правдивые. Вот единственное наследство, которое хотелось бы передать дальше. Я ведь всю игру с кровью затеял, чтобы в какой-то мере быть уверенным: раз хватило упорства, чтобы понять, как отворится дверь, значит, хватит его, чтобы учиться дальше.

Свой подарок, знания университетского профессора, не бога, но человека, то и дело совершающего ошибки, я оставляю в этом письме. Носитель, шушун, выглядит, как полированный троллий ноготь, его нужно поместить в устройство на пристани в Рипендаме. Можно запустить программу четырежды, и нас станет четыре полноценных Финна. Естественно, каждый останется сам собой: мне было (и есть) чрезвычайно важно, чтобы моральная

оценка использования знаний производилась новомирцами, исходя из их непредвзятого жизненного опыта.

После четвёртого запуска программа самоуничтожится. Думаю, ты сам понимаешь или вскоре поймёшь, почему. Если не согласен, напиши новую.

Удачи!

Твой ты».

Амао летел, тяжело взмахивая крыльями. Он вздыхал с хрипом, пена капала из пасти в воду, проносящуюся прямо под лапами. В боку колело, будто именно туда нанёс рану гномий сын. Блестящая дорожка к солнцу ослепляла. Вдруг Амао потрясённо, не веря глазам, разглядел вдали зелёный в обрамлении золотом песка...
Остров. А за ним — ещё два, побольше.

«Это случается, когда думаешь, что понял, как работает мир», — подумал дракон. Он ещё снизился, уже совершенно без сил, толкая и расплёскивая воду лапами, принял малую форму и неторопливо вышел, как человек, на горячий песок Острова.

Посвящается Ольге Светловой, знающей толк к таким вещам.